

ЕКАТЕРИНА ГРАФФ

ЖЕНЩИНА,
ЖЕЛАВШАЯ ЛЮБИТЬ.

Книга 1

ПРОБУЖДЕНИЕ

« Женщина может быть слабой или сильной, может делать глупости, совершать неприглядные и ужасные поступки, быть всем или быть ничем, и все же быть ... Леди...»

Томас Трион, «Леди».

Женщина! Какое странное и необычайно многоликое создание!

Рождаясь, она поступает в распоряжение судьбы, заранее приготовившей для нее, как кукол в коробках, людей, которых она встретит на своем жизненном пути, а также, счастливые или полные трагизма события и случайности. Ее жизнь придумана и дожидается ее в виде красочной головоломки. Женщине разрешат немного поиграть со своей жизнью, подбирая нужные квадратики, но как бы она их не раскладывала, общая картина от этого не изменится, жизнь ее, за редким исключением, будет именно такой, как то было predetermined до ее рождения.

Почему так? А вы задумайтесь. И начните свой анализ с того, где именно малышка появляется на свет: на пыльной улице в семье бедняка, на вилле богатых родителей (помните американский блюз? «your father is rich, and your ma is good looking»), или в многоэтажке какого-нибудь мегаполиса. В какой части света находится эта лачуга, вила или многоэтажка тоже важно – в одной из стран живописной и шумной Азии, обеспеченной Европы, технологически развитой Америки, в необъятной России, где на протяжении веков блеск верхов соседствует с нищетой низов или, например, в певучей и веками неприкаянной Украине. Страны, города, родители, корни, традиции, цвет кожи, национальность, вероисповедание... Что еще добавить в головоломку? Положим еще несколько квадратиков с Божьим даром – красотой, но положим не во все головоломки, а только в некоторые из них, и посмотрим, что получится.

Согласитесь, что вариантов много и столько же разноликих женщин, но все же она одна, и та, что без стыда продает свое тело нетерпеливым клиентам, и та, что укрывает нас своими покровами от бед и несчастий, ласково и строго взирая на нас с икон. Может, именно поэтому, у женщины нет имени. Она приходит в этот мир с именем своего отца и, в течение жизни, принимает имена, принадлежащие чужим мужчинам, которые становятся или не становятся ей родными. В конце своего жизненного пути женщина насчитывает в своем багаже два, три или больше имен, ни одно из которых не принадлежит лично ей. Если ей придет в голову прославиться, она неминуемо прославит имя мужчины – своего отца или мужа.

Сегодня, в 21-ом веке, женщина, предназначение которой уникально и величественно, все еще рождается в мир, где властвуют мужчины. Не дай Бог женщины не станет, вместе с ней умрет весь род человеческий! Но кто это понимает?

Послушайте, как Джеймс Мишенер описывает одно из путешествий туземцев с острова Бора-Бора, отправившихся в каноэ по океану открывать Гавайи: «Женщины во время таких путешествий питались плохо. Очевидно, что пища должна была быть оставлена для мужчин, выполняющих тяжелую работу на веслах. Свиней и собак тоже нужно было сохранить живыми, для того, чтобы разводить их на новых землях, и после них для женщин уже почти совсем ничего не оставалось. Поэтому, при каждой возможности они закрепляли веревки с крючками для ловли рыбы и

внимательно за ними следили. Первая рыба, которую им удавалось поймать, предназначалась королю и Тероро, следующая – жрецу Тупуне и его старой жене, следующие четыре – гребцам, седьмая и восьмая – свиньям, девятая – собакам, десятая – курам и крысам. Если удавалось выловить больше, могли поесть женщины».

На протяжении веков мы продолжаем доказывать, что заслуживаем съесть одиннадцатую рыбу и то, если повезет ее выловить. С чего же все началось? Неужели с той драматической библейской истории, когда наша праматерь проявила слабость, согласившись взять у змия яблоко? Нас обвиняют в том, что, предав Бога, мы предпочли мужчину, или, отвергнув божественную любовь, мы обрадовались земной. Но Адам ведь тоже предпочел женщину! Обоих изгнали из Рая, однако Адам очень быстро простил сам себя, а, заодно, и всех своих потомков. Самопрощенные, они не постеснялись назначить себя наместниками Бога в своих церквах, где собирают дань, объявив женщину недостойной чести стоять вровень с ними. Эти лицемеры заклеили женщину падшей, устроив охоту на ведьм, и с тех пор, все ее наследницы обречены оставаться где-то там, внизу, где их продолжают попрекать слабостью, часто трактуя ее как распущенность, ненадежность и даже умственную недоразвитость. Наука нам, тем не менее, говорит о другом. В отличие от мужчин, женщина может выполнять несколько задач одновременно, как то: думать, чувствовать, говорить и, в придачу, еще что-то делать руками. Мы можем многофункционализироваться, а нашим мужественным собратьям это не по плечу. Кроме того, я убеждена в том, что та первая Ева из Рая, была первой по-настоящему независимой женщиной. Даже Бог не смог навязать ей свою волю.

Голова женщины пронизана множеством мыслей одновременно. Мысли эти переплетаются и натягиваются как нити, из которых ткут ковер, их множество и они о чем угодно. И только она завяжет узелок и обрежет одну мысль, начиная думать о другом, как та, первая, уже снова освободилась от узелка, вырвалась и узор опять не ясен. Когда же процесс мышления о чем-либо, наконец, закончен и ковер готов, женщина хочет показать кусочек сотканного ею узора мужчине. Но мужчина пугается красоты, путается в узоре и говорит: «Просто скажи, чего ты хочешь». Право, их простота иногда угнетает. «Поговорить», - отвечает женщина и остается одинокой.

Мужчина и женщина, конечно, разные, но они зависят друг от друга и как-то уживаются: дополняя друг друга, помогая друг другу и предавая друг друга. Они воюют и, принуждая друг друга к браку и верности, что совсем не одно и то же, пытаются заставить любить себя так, как понимают любовь сами. Это невозможно, поскольку мужчины и женщины разные и, следовательно, понимают любовь по-разному. Оправдываясь в своей неверности, мужчины пытаются нас убедить в том, что они, по природе своей, не могут и не должны быть моногамными, что они, повинаясь законам матушки-природы и собственному желанию, просто обязаны засеять своим семенем всю близкую и дальнюю округу. Что ж, женщины хвастаются своей многофункциональностью, мужчины являются яркими приверженцами своей... Вот так и уживаемся.

Женщина прощает и смиряется или бунтует, ломает судьбу и жизнь, пускается в смелые и далекие путешествия, чудом выживает, вступая в сговор с богами (иногда они, все же, снисходят до нее), любит, создает, ошибается, а подчас, воюя с обстоятельствами, все теряет. Немного поплакав, она находит в себе силы все начать с начала.

Бывают события, которые затрагивают судьбу всего народа – войны, революции, землетрясения, эпидемии, голод. Бывают личные несчастья. Так вот, редко среди нас, женщин, можно найти ту, у которой в жизни не было бы своей войны или, хотя бы, битвы. Каждая из нас сражается не на жизнь, а на смерть, в глубине души надеясь, конечно, на победу. Над чем же мы стремимся одержать победу? Над предопределенностью – Змий и его яблоко все еще свежая история, как будто случилась только вчера, над обстоятельствами, и над вселенским страхом. Мы страшно боимся не встретить любовь, а, встретив ее, боимся потерять.

Женщина, страстно желая любить, умоляет судьбу о снисхождении, дабы не пришлось ей предать самое себя, свою природу, свою гордость и свое, женское достоинство. Самое смешное, что слабость женщины состоит не в том, что она когда-то соблазнилась запретным плодом, а в том, что она действительно слаба. И как хорошо ощутить рядом теплую, ласковую, сильную руку мужчины, особенно в минуты страха и беспомощности! Нынче мы стыдимся этого, но почему? Не потому ли, что мужчины становятся все более похожими на нас? Увы, гармония между двумя противоположными полами нарушилась и постепенно превращается в противостояние. Мы стали намного выносливей и независимее, они же, утратив первоначальные функции кормильца и добытчика, понемногу растрачивают свою силу. Но куда, в конечном счете, это приведет? Как же насчет ласковой и сильной мужской руки? Многофункционалируя, мы по привычке остаемся слабыми, по привычке смотрим в их сторону, ожидая любви и защиты.

Да, женщине хочется оставаться как можно дольше, до преклонных лет, до седых волос – хорошенькой, капризной, любимой и любящей. Ей непременно надо рожать детей, печь пироги на Рождество, придумывать сказки, очаровывать и покорять, быть мастерицей на все руки и плести бесконечный ковер из своих мыслей.

И все-таки... Быть женщиной трудно, одиноко и страшно. И так много зависит от мужчины или от мужчин, которых она встретит на дороге своей жизни. Будет ли она им нужна, будут ли они ей нужны, будут ли ее боготворить или использовать, захотят ли понять и принять на равных ее нрав, ее гордость, ее знания, ее падшее в Раю тело и оставшуюся безгрешной душу? Ее зачарованность...

* * *

КНИГА ПЕРВАЯ.

ПРОБУЖДЕНИЕ.

«... и выучила она самый важный урок из всех:
что познаем мы не через счастье, но через страдание».

Томас Трион, «Леди».

Глава 1.

Измаил

В середине прошлого века, в самый разгар лета, Измаил изнывал от жары и недостатка. Этот небольшой украинский городок, уютно устроившийся на левом берегу голубого Дуная, был живописным старым местом, оживленным портом и домом для привольного и размеренного житья разноязычного южного люда. Там, где Дунай, изгибаясь, сужается, на противоположном берегу можно было рассмотреть румынское село с расписными хатами, и румынок, идущих за водой, с переброшенными через плечо коромыслами.

Вот что писал путеводитель по Измаилу, выпущенный в 1953-ем году местным издательством, «... в середине девятнадцатого века предприимчивые промышленники строят в городе первые заводы и фабрики, развивается виноделие и рыбная промышленность, торговля и транспорт. В 1903 г. основано Дунайское пароходство, построено несколько паровых мельниц. Появляются прямые улицы, обсаженные деревьями, правильные квадраты кварталов. Организован Измаильский уезд».

В середине двадцатого века, Измаил оставался важным портовым городом, где по ночам разгружались крупные морские суда из Балтики и Тихого океана, Белого моря и Каспия. От его причалов уходили корабли в порты Черного моря, на Днепр, Буг, а также в Босфор, Египет и Индию. К плавучей пристани швартовались пассажирские суда, следующие или вверх по реке, в Венгрию, Австрию и Германию, или вниз – в Болгарию, Одессу и оттуда в Грецию. По голубым водам Дуная беспрестанно сновали сухогрузы и баржи, груженные лесом и рудой, зерном и нефтью, машинами, железом и строительными материалами. В начале 60-х годов, была торжественно открыта туристическая линия Измаил - Вена.

Кроме порта, главной достопримечательностью Измаила был православный Покровский собор. Как огромный белый аист, он уселся в самом центре города, прямо посреди широкого проспекта. Построен он был столетием раньше, на пожертвования отцов города, и выстоял революционные беспорядки, присоединение и войну. Его высокая колокольня смотрит высоко в небо, а два белых крыла с колоннами, своей внешней стороной очерчивают изгиб и обращены к проспекту, а тыльной – укрывают старинный парк с некошеной травой и разросшимися кустами невесты. Если срезать путь и пройти кирпичными

дорожками парка, через минут десять можно дойти до Универмага, а там рукой подать до роддома, а еще немного дальше – базар. Упомянем среди достопримечательностей памятник Суворову и музей, экспозиция которого посвящена взятию Измаильской крепости в 1791-ом году, офицерский клуб, называвшийся до сороковых годов «Казино», а также великолепное здание гостиницы «Франция» и, пожалуй, на этом наша экскурсию закончим.

Хотя нет, мы забыли про школу. Школ в Измаиле было не мало, но эта отличалась своей необычной архитектурой. Само здание было построено в конце девятнадцатого века греческим купцом, торговавшим пшеницей. Из Одессы вереница его груженных судов регулярно направлялась в Александрию. Разбогатев, он решил поселиться со своей семьей в привольном Дунайском крае, в стране чудес, как называли эти степные дали греки, появившиеся здесь в середине первого тысячелетия до н. э.

Антифила, как тогда назывался Измаил, оформилась в город позже, приблизительно в 5-ом веке до н.э. В 360-ом году, на левый берег Дуная пришли и поселились угличи, это славянское племя называло себя так потому, что по их представлениям, они жили в углу земли, между Дунаем и Прутом. С момента своего основания, Антифила, меняя имена и хозяев, переходила из рук в руки: от греков к римлянам, от них к венецианцам, пока, наконец, не попала, как прекрасная невольница, в долгое рабство к туркам, давшим ей имя Ишмаиль, что означает «Услышь, бог», а весь край назывался тогда Буджак – «угол». Турки владели Буджаком, полностью или частично, даже после взятия Измаила Суворовым, вплоть до 1856-го года. В тот год пал Севастополь и на Парижской конференции воюющих стран был подписан договор, по которому часть Бессарабии отторгалась от России и передавалась королевской Румынии. В июле 1940-го Бессарабия стала частью СССР, а Измаил вошел в состав Украины. Но, вернемся к школе.

Тот грек, что построил дом, прожил в нем недолго. Жена родила ему сына, и, бесконечно радуясь рождению мальчика, на полу в главной зале, отец приказал выложить имя своего наследника золотой мозаикой. Его радость, впрочем, была опечалена одним обстоятельством: его сын родился с недоразвитым торсом и уродливым горбом. Вскоре вся семья должна была в спешке уехать. Дело в том, что глава семейства слыл заядлым картежником и однажды проигрался в пух и прах. В счет карточного долга ему пришлось отдать два дома – один в Одессе, другой в Измаиле. Измаильский дом был красив, его классическая архитектура отличалась легкостью и широтой. От главного входа, украшенного колоннами и портиком, отходили два крыла, в одном находились комнаты для хозяев, в другом для прислуги. Круглая прихожая была окружена мраморными резными перилами, небольшие мраморные лестницы вели из нее в длинные коридоры западного и восточного крыла. Это просторная прихожая с мозаичным полом часто использовалась также как зала, над ней поднимался великолепный куполообразный потолок с лепниной, поэтому по праздникам именно здесь устраивались танцы, а на Рождество устанавливали елку. За домом находился большой двор, мощный булыжником. В его дальнем углу росли тутовые деревья, или шелковицы с белыми ягодами, там же находилась и оранжерея, где на длинных деревянных столах слепо ползали жирные белые черви. Говорят, когда-то эти деревья завезли из Персии, поскольку только листья белой шелковицы годны для выкармливания шелкоочных червей, способных вырабатывать тончайшие шелковые нити. После того, как грек и его семья покинули дом, его новый хозяин продал его вместе с оранжереями уж

неизвестно кому, а позже, в нем устроили гимназию для мальчиков. Вот так и стоял этот дом на одной из красивых, тихих улиц, недалеко от Почтамта, окруженный кирпичными домами зажиточных измайльчан. Не такая уж плохая судьба выпала на его долю, стать гимназией, а потом школой. Его несколько раз ремонтировали, но пол с чьим-то, выложенным мозаикой именем, не тронули. Столько поколений детей бегало по той мозаике, не обращая внимания на имя под ногами. Маленькая Лиза, семи лет отданная в эту школу, тоже ни разу не остановилась, чтобы хорошенько рассмотреть мозаику. Не умея прочесть той византийской вязи, она оставалась в полном неведении о том, что готовит ей судьба. Но мы забежали вперед.

Измаил был небольшим городком, что правда, то правда, однако жизнь в нем была отнюдь не провинциально-скучной, а напротив, деловой и кипучей. Сердце Измаила билось на базаре. Слава измайльского базара гремела далеко за его пределами. Там, за сотнями деревянных прилавков стояли бок о бок украинцы и молдаване, румыны и цыгане, венгры и турки. Их зычные голоса не давали пройти мимо россыпи пряных трав и душистых дынь, мимо наваленной белой горой, овечьей шерсти и красно-спелых бокастых помидор, мимо ковров ручной работы и рядов вязанных из крашенной соломы или долбленных из кожи тапочек-папурцов, мимо бурдюков с вином и пирамид из сухофруктов, мимо всего того, что родила земля и отдала с благодарностью человеку, чтобы он сделал ее дары пригодными для себя и использовал их во благо.

Дунай также щедро делился своими дарами и, в знак почтения, и с благодарностью к нему, как храм своему божеству и кормильцу, горожане воздвигли в центре базара просторный рыбный павильон со стеклянной крышей. Стойки внутри павильона были мраморные и на них, в воде и водорослях, извивалась, ползала и вздыхала всякая речная живность: щуки и сомы, красноперки и лещи, раки и окуньки. Между столами, в мраморные раковины сочилась вода из медных кранов с изумрудным налетом, и всегда очень хотелось выпить этой, почему-то кажущейся сладкой воды.

Измаильский шумный базар был символом процветания и мира. Люди разных национальностей, торгующие плоды своего труда, никогда не ссорились. Невозможно было даже предположить, что фундаментом межнационального мира была какая-то идеология. Да и знали ли те труженики с мозолистыми руками такое слово «идеология»? Их дружбу цементировала не призрачная коммунистическая идея о всеобщей коммуне, а крепкие и верные, проверенные долгими годами жизни в одной местности, узы добрососедства. Эти люди знали, как уберечь друг друга в лихой час беды и как порадоваться вместе, выпить чарку крепкой ракии и станцевать на свадьбе у соседа-болгарина.

Тогда, в середине прошлого века, Измаил еще не был опален коммунизмом. Находясь на южных окраинах украинских земель, и, вдобавок, на большой реке, несшей на своих водах не только товары и разноязычный люд, но и свободомыслие, этот городок постоянно обдувался свежими ветрами из Европы, и ветра эти достигали его городских стен гораздо раньше, чем раскаленные красные шквалы с большой земли. Не только православный собор в центре города был открыт и верующие безбоязненно молились в нем, но и рестораны удивляли прекрасной едой и вышколенным обслуживанием, а летние кинотеатры баловали премьерными самыми последними зарубежными новинками. В Измаиле были открыты клубы, где мужчины могли уединиться от семейных забот, почитать газеты, назначить деловые встречи и

спокойно обсудить дела. По праздникам в клубах устраивали вечеринки, а по выходным там обедали целыми семьями.

Своеобразной шкалой благосостояния и центром респектабельности Измаила был его главный проспект, берущий начало у базара и упирающийся, после плавного спуска, другим своим концом, в здание порта. В районе собора к проспекту стекались тихие, тенистые улочки с особняками, утопавшими в садах. Некоторые из особенно поместительных особняков все же поделили на отдельные квартиры, однако они никоим образом не напоминали коммуналки в больших городах советской империи, где, в небольших комнатухах, ютились семьи с еще живыми стариками и целым выводком детей. В этих домах жили управляющие портом, врачи, учителя, военная и милицейская элита. Ниже по проспекту, ближе к набережной, стояли совсем недавно возведенные кирпичные пятиэтажки, где получали жилье партийные боссы и градоначальники. Через два-три десятилетия все изменится: учителя и врачи переселятся в уже одряхлевшие многоэтажки, а партначальники оккупируют особняки в центре, разрушив там перегородки. Они переберутся поближе к собору, куда, подчиняясь капризам времени, начнут ходить, исправно отстаивая молебны. Коммунизм все-таки опалит Измаил лицемерием, нищетой и враждебностью. Со временем, он станет закрытым городом. Но это случится много позже, а пока Измаил изнывал от жары и недостатка в разгар одного, далекого от нас лета.

На одной из тихих улиц, вымощенной булыжником, стоял дом из красного кирпича. Это был тот дом, что смотрел на улицу своими пятью большими окнами и двумя массивными деревянными воротами. Внутри, за оградой, вокруг дома разросся чудесный сад. Это был тот дом, что стоял напротив дома милицейского начальника. Направо, через дорогу, находились летний кинотеатр и ресторан, откуда по вечерам доносились смех, звуки саксофона и отрывки разговоров из фильмов. Налево от дома, снова через дорогу, за красивой кованой оградой, красовался двухэтажный особняк из серого камня. На первом этаже там был зубокабинет, а наверху жил доктор. За углом была школа и Почтамт. Если смотреть в том же направлении, то через несколько домов был виден конец улицы - это очень успокаивало. Словом, вокруг дома номер 13-ть из красного кирпича, где жили Анна и Александра с мужьями, не было ничего монументального и бескрайнего.

Дом этот принадлежал городским властям: после того, как Измаил вместе с Бессарабией, вошел в состав советской Украины, никто из измаильчан не мог иметь и не имел никакой частной собственности - в СССР это возбранялось. Никите Ярцеву, мужу Анны, этот дом был отдан тоже не в собственность, а в пользование. Однако в соответствии с его высоким положением начальника Дунайского пароходства, особняк этот был отдан Никите полностью. Построен он был для турецкого посланника в те времена, когда Измаил еще был под турками, но почему-то совсем не обветшал, а сад разросся и, облагороженный стараниями Анны, превратился в кусочек рая на земле. Никита никогда не думал о том, что это благодаря ему, его семья живет в этом доме, напротив, он с радостью делился привилегиями, которыми изобиловала его должность, с Анной, своей женой, с ее взрослой дочерью Александрой и ее мужем, Василием. В этой семье Никита был опорой и добытчиком.

Когда родилась Лиза, ее деду исполнилось всего сорок два. Он был высокий и статный, на его голове почти не осталось волос, зато его грудь, спина и плечи были

непроходимо покрыты растительностью. Его небольшие, светло-серые глаза, были глубоко посажены и смотрели строго. Никита смеялся не часто, временами лицо его, потревоженное воспоминаниями, становилось каменным, но даже тогда доброта и какая-то детская беззащитность проглядывали в его чертах. Иногда растерянность. Замечала это только Анна, потому что любила его и знала, как много он страдал и как нелегко достается ему жизнь. А для молодых он был патриархом, отцом, который все может, который уютно и тепло содержит всю семью со всеми ее нуждами, настроениями и капризами. Никита редко говорил о своих родителях или братьях, а только украдкой бросал взгляд на фотографию в рамке, висевшую на стене их с Анной спальни. На старом, зеленовато-коричневом снимке была запечатлена потомственная украинская семья. Отец и мать сидели на стульях с высокими спинками, а вокруг, во весь свой высокий рост, стояли четыре сына и дочь. Какая-то трагедия, ставшая тайной, пряталась в этих стройных молодых фигурах, какое-то предчувствие читалось на замкнутых лицах родителей. Никита запретил кому-либо из домашних рассказывать маленькой Лизе о том, что случилось с его семьей.

Отец Лизы, Василий Тропинин, был морским офицером. Уже, будучи взрослой женщиной и вспоминая своего отца, Лиза часто размышляла о том, смогла бы она полюбить и выйти замуж за такого мужчину, как ее отец. Скорей всего нет, но с тех пор, как судьба разлучила их, она всегда скучала за ним. Он был фокусником, героем оперетты, русским помещиком из «Рассказов охотников», он был ее героем, на которого она никогда не могла положиться. Если Никита был крепостью, оплотом надежности, баловником для маленькой Лизы, первым, кто щедро, но правильно познакомил ее с хорошей жизнью, Василий был неуловим, как дымок от костра, как утренний туман, как ветер. Служба в военно-морских силах была для него обременительной, каждодневной (кроме воскресений), восьмичасовой повинностью. Настоящим его призванием было писать картины, охотиться, рыбачить и делать несчастной Александру. Стены в доме были увешаны прекрасными, зрелыми работами Василия, изображавшими сцены охоты, цветы из сада и натюрморты из фруктов. В своей мастерской, уютившейся в дальнем углу сада под старым раскидистым орехом, он, чтобы порадовать и развлечь свою дочь, мастерил то, к чему в данный момент у него лежала душа – клетку для птиц, похожую на дворец кукол, смешных и грустных, санки для зимы... Он познакомил Лизу с живописностью охоты и рыбалки. С азартом. Со свободой.

Будучи среднего роста с кривоватыми ногами, Василий был превосходным танцором. Паря на волне настроения, он мог своими чувственными длинными пальцами сотворить любое блюдо из продуктов, которыми Никита никогда не забывал снабжать семейные закрома. Родившись в глухой сибирской деревне, он был красив как бог. Вьющиеся волосы цвета вороньего крыла, римский нос с горбинкой, полные губы и глаза ради которых стоило умереть – огромные, сияющие, тепло-серого цвета, с припухшими веками и опущенные черными, длинными, запутанными ресницами. В сибирских деревнях такие красавцы не рождаются, разве что в итальянских, впрочем, всякое бывает. Все измаильские соблазнительницы были в него влюблены, исключение составляла только его собственная жена – Александра.

Василий был необычайно талантлив и поэтому был бунтовщиком. Он был слишком молод, чтобы понимать и сносить все молча, как Никита. Сталин уже умер, и проведя юность в глубинке, Василий не пережил трагедию страны вместе с

большинством ее народа и, вообще, не думал о политике всерьез. И, все же, ему было тесно даже в этом просторном доме с садом, где он писал картины. Не умещаясь в себе, не находя любви у жены, он принялся пить и часто напивался до чертиков. Говорили, он был слаб характером... Иногда он исчезал на несколько дней и, в такие дни, Александра выглядела несчастной, злилась и плакала. Анна, горя, проводила целые дни, копаясь в саду, забывая готовить. Никита молчал, а маленькая Лиза была предоставлена сама себе. Она была брошена, одинока и ждала возвращения отца для того, чтобы в доме все снова наладилось, чтобы Александра нехотя простила его, чтобы Анна принялась стряпать, а Никита нашел в себе силы посмотреть в Лизины глаза, пообещав, что завтра снова все будет хорошо.

Лиза хотела, чтобы Василий побыстрее вернулся, хотела броситься к нему на шею и втянуть носом, как это делают щенки, его запах – такой отталкивающий и манящий одновременно – смесь сладкого табака, терпкого коньяка и соленого пота. Повзрослев, она поняла, что вся эта какофония запахов была только отталкивающей, притягательной же была сильная и чистая нота мускуса, от которой кружилась от счастья голова. Никита никогда ничем не пах и всегда был одет с иголочки, и хотя Лиза обожала своего деда, чувствуя себя за ним как за каменной стеной, отец был ей ближе, оставаясь непредсказуемым, но всегда желанным компаньоном в ее очарованном детстве.

Эти двое мужчин из Лизиного детства, Никита и Василий, навсегда сделали ее несчастной, потому что она так и не смогла найти для себя мужчину, похожего сразу на них обоих. Она искала того, на кого могла бы положиться, кто был бы ей верен при любых обстоятельствах и того, кто увлек бы ее талантом и восторгом непредсказуемости, кто заманил бы ее в сети свободы и, дав надышаться, назавтра не исчез бы без следа. Лиза знала, что не найдет такого никогда, но, если не для себя, то для другой женщины она хотела скроить своего сына Игната таким, каким мог бы быть выдуманный герой из ее детства. Игнат, как только подрос, ее попытки отверг и остался самим собой.

Глава 2.

Рождение Лизы

В тот вторник, когда родилась Лиза, Никита, как всегда, отправился в контору. Он старался осмыслить и в тоже время спрятать, побороть в себе радость от дотоле незнакомого ему чувства отцовства. У него с Анной не было своих детей. Несколько лет назад Анна забеременела, но все закончилось плохо, она потеряла ребенка, чуть не лишившись при этом жизни. Значит, не суждено продолжиться роду Никиты, значит, оставив только его одного в живых, Господь все равно проклял их род. За что? За то, что трудились, не покладая рук? За то, что разбогатели? Но ведь праведным путем, не ограбили никого. Эх, не такой сегодня день, чтобы снова ворошить старую боль. Ему казалось, что сегодня родилась его дочь. Во время совещания со своими подчиненными он не мог сосредоточиться и думал, что Василий еще слишком молод и беспечен, чтобы стать примером и опорой для своей дочери. Никита боялся, что Василий не поймет, не оценит всей красоты и

значимости этого Господнего благословения. «Я, конечно, не вправе забрать ее у родителей, - рассуждал про себя Никита, - да и кто мне отдаст ее? Но я не собираюсь быть в стороне. Я сделаю для нее все, что смогу. Воспитаю ее сильным человеком, чтобы ничего не боялась и ни перед чем не сгибалась. Хватит моих страхов. Она должна вырасти свободной».

Он хмурился, и подчиненные не могли понять, на что гневается их начальник сегодня. Неожиданно его лицо разгладилось, потому что душа, наконец-то отторгнув боль, страхи и ту ненависть, что была связана с этими страхами, наполнилась только любовью, чистой, пронзительной и сильной. Никита удивленно улыбался – так он еще никого не любил, не знал, что можно так безгранично полюбить существо, которое даже не видел, еще не держал на руках. Эта, только что родившаяся привязанность к младенцу, показалась ему очень веской причиной, чтобы жить.

А Анна уже стояла под окном роддома и ждала, когда же ей покажут внучку. Дом она прибрала, он сияет чистотой. На специальном столике в их с Никитой спальне лежат, сложенные в стопку, пеленки с кружевами. Каждую из них она сшила своими руками. Конечно, малышка будет спать с ними. Молодым надо отдыхать, они ведь работают. Никита не будет против, он даже обрадуется, ведь у них нет своих детей. Анна опустила глаза и как-то вся вдруг сжалась – ей стало стыдно и больно за то, что не смогла она подарить счастье отцовства человеку, которого так сильно любила. Вдруг кто-то выкрикнул ее имя, она подняла голову и в проеме распахнутого окна, увидела сверток с красным лицом, который нянечка бережно держала на руках. «Господи, - в отчаянии взмолилась Анна, присмотревшись, - за что ты наказываешь нас? Откуда эта черная дыра вместо маленького и аккуратного ротика? Откуда взялся этот огромный нос? И эти три безобразные шишки на плешивой, покрытой островками черных волос, голове?» В то время Анна как раз читала книгу о Екатерине Великой и ее воображение все последние дни до родов, рисовало ей образ младенца с золотыми кудрями, ангельским личиком и спокойно-величественным выражением на этом личике. Она уже представляла, как будет баловать малышку, как будет придумывать и шить ей платьица, как научит возиться в саду, как заставит учиться музыке, как... Но ведь это чудовище! Анна, зная, как никто другой, что значит быть закоренелым стойком, была захвачена врасплох. Урод в их семье, но хоть глаза большие, успела заметить она в самый последний момент. Нянечка, увидев сильное смущение на лице женщины, стоявшей внизу, закрыла лицо ребенка пеленкой и унесла его. Прижав к груди передачу, так и не отданную Александре, Анна побрела домой, придумывая на ходу, что она скажет мужу и зятю.

Александра, так и не дождавшись передачи, не испытывала ни малейшего интереса по поводу внешности своей новорожденной дочери. Этот ребенок чуть не убил ее! Врачи говорили ей, что будет мальчик: так биться сердце могло только у мальчика, да и вес был приличный. А родилась девочка. Хорошо это или плохо? Будет меня поддерживать, будет моей союзницей, думала Александра, которая не научилась испытывать никаких чувств, кроме страха за себя и свое здоровье. Она зареклась иметь когда-либо в будущем еще детей, а, уж тем более, от Василия. Александра родилась слабой, вытянулась в болезненного подростка и, наконец, оформилась в тоненькую, хрупкую молодую женщину. Болезни научили ее заботиться, прежде всего, о себе, но она не знала, не предполагала, что роды могут стать таким испытанием для ее здоровья. И все из-за чего? Из-за положенной

близости с мужем. Все, больше он не дотронется до нее. А без ребенка она могла бы обойтись. Полуживая от перенесенных мучений, Александра уплывала в полузабытье, по пути, с облегчением вспоминая, что эта июльская ночь, до краев наполненная болью, уже позади. Лежа на жарких простынях, Александра каждые полчаса слушала бой курантов на колокольне собора и впервые молилась Господу, прося о пощаде.

И только Василий, пребывая в приподнятом расположении духа, весело насвистывал мелодию из «Голубого Дуная» Штрауса. Он не пошел на службу по случаю рождения дочери и сбрасывал бороду. Он сидел в гостиной за столом, накрытым белой накрахмаленной скатертью, пил красное вино из бокала и закусывал белыми сладкими черешнями из большого хрустального блюда, собранными с дерева в саду. Он смотрел на себя в зеркало и жалел свою ухоженную стильную бородку, которая делала его еще более привлекательным, почти дьявольски неотразимым для женской половины Измаильского общества, но ... почти недоступным. Думая об Александре, он взгрустнул. А ведь они могли быть счастливы, ведь он был влюблен в нее до умопомрачения! Но не она. Она – нет. Просто пожалела его. Любила ведь другого, а, может, никого не любила. Напрасно он женился на ней. Не смог устоять, проявил слабыхарактерность. «Ах, да ладно, у меня теперь появилась другая женщина, - весело подумал Василий, - целиком моя и я уж никому ее не отдам. Я отравлю ее жизнь приключениями, я научу ее охотиться, рыбачить, управлять моторной лодкой и водить машину. Я закружу эту красавицу в танце, я научу ее писать картины. Эта женщина будет любить меня!» Горькая морщинка залегла между его шелковистыми бровями и он нахмурился. На этот раз, у него все будет нормально с любовью, а для начала нужно закончить с бородой, чтобы не испугать малышку.

Через неделю девочку принесли домой. И дали ей имя прабабушки – Елизавета, или просто Лиза.

День, полный хлопот и радостного возбуждения, подходил к концу. Сад, в котором цвели и благоухали флоксы, медленно засыпал. Золотые рыбки в пруду затаились в тени, а соловей начал петь песнь о любви.

Заснувшую Лизу оставили в спальне одну. Она чудесным образом преобразилась. Головка ее была повязана белой кружевной косыночкой, шишки исчезли, личико было беленькое, губки были маленькие и пухлые, как две жемчужины из одной раковины, а на щечках, похожих на два лепестка розовой азалии, лежали шелковые, темно-серые крылышки ресниц. Ее глаза были закрыты, но когда она их откроет поутру, на мир посмотрят два огромных, бездонных озера, чьи воды, прозрачные, манящие, теплые и спокойные, позовут вас нырнуть и навсегда остаться в них.

Тем вечером, когда Лиза спала одна в своей кроватке, Господь, взглянув на нее и оставшись доволен, загадал ее судьбу.

Глава 3.

Детство.

Толстой сказал, что, задатки человека как будущей, сложившейся личности, полностью формируются до четырех лет. Это правда в том смысле, что детство преследует человека всю его взрослую жизнь, в очень большой степени определяя ее. Маленькой Лизе повезло, судьба дала ей возможность удвоить время, проведенное в классной комнате детства. Целых восемь лет ее жизнь текла гладко и ничто не нарушало покоя познания. Она жила под сенью любви, превращаясь из младенца в ребенка, внимательно наблюдая за всем, что ее окружало, вбирая в себя все, что случалось вокруг нее, и, просеивая ненужное, задерживала в себе те крупные зерна, которые потом разовьются, став чертами ее характера. Поэтому, когда в ее жизнь ворвались трагические перемены, удивляясь и огорчаясь, она выстояла, и характер ее ей в этом помог.

Самое первое воспоминание было связано с испугом и потерей веры. Она не знала, откуда взялось это воспоминание, ведь ей тогда было от силы годика полтора, а то и меньше. Лиза помнила себя, сидящей в коляске. Она смотрела вниз, на убегающий асфальт и ей казалось, что она находится где-то так высоко, что даже дух захватывало. Но она не боялась – рядом была Александра, а Василий толкал коляску. Они гуляли по проспекту. Тротуар постепенно становился пологим, спускаясь к Дунаю. Лиза, сидя спиной к спуску, ну совсем, ну ни капельки не боялась. И вдруг, Василий, толкнув коляску вперед, отпустил ее, и она всполошилась, с ужасом следя за удаляющимися лицами близких ей людей. Василий почему-то смеялся, Александра кричала на него, а маленькая Лиза катилась в пропасть. Ощущение гулкой пустоты где-то внутри и снаружи, когда не за что зацепиться, осталось на всю жизнь. Она не знала, что чувство, обхватившее ее теплое нутро своими холодными лапками, был страх, возникший из-за того, что ее коляску вдруг больше не держат, а отпустили. Слезы выступили на глаза и полились бурным потоком и оттого, что было страшно, и оттого, что она не могла, ничего не могла им сказать! Лиза еще не знала нужных слов, чтобы выкрикнуть им, что так верила им, зачем же они ее пугают?! Все еще смеясь, Василий подбежал и снова ухватился за коляску. Мало-помалу успокоившись, Лиза еще долго смотрела на своих родителей сквозь дебри своих пушистых, мокрых ресниц и думала, как хорошо было верить, но теперь это уже нельзя. Слепая сладкая вера дала первую трещину, которая со временем превратится в непреодолимое глубокое ущелье. *Этот первый, детский страх останется с Лизой на всю жизнь. Он застрянет в ее сознании, заставляя подозревать предательство еще до его свершения. В то же время, невозможность поверить кому-либо до конца, превратит ее жизнь в череду безрассудных ошибок, когда она, наперекор себе и своему опыту, будет верить недостойным и нечестным.*

В семье, где родилась Лиза, до и после ее появления на свет, жили животные. Она любила возиться с ними, никогда не испытывая к ним неприязни или страха.

Когда Александра была беременна Лизой, случилось нечто, что повлияло на них обоих. Уже несколько лет у Александры был любимец, белый австрийский шпиц, по кличке Найс. Наследник безупречной родословной, он был нервным и нахальным. Еще щенком, он был доставлен из-за границы и, с тех пор, постоянно путешествовал с Александрой, в какой бы город она ни поехала учиться. По возвращении в Измаил, Найс постарался утвердить себя полным хозяином не только в большом доме, но и на всей улице. Его любимым развлечением было улизнуть из-под неусыпной опеки Александры, вырваться за ворота, гордо

прошествовать через дорогу, высоко неся свой белый пушистый хвост, и занять позицию перед оградой в доме напротив, где жил милицейский начальник с семьей. Он держал немецкую овчарку, которой разрешалось вольно бегать в саду, охраняя дом, но за высокую ограду ее не выпускали. Сначала Найс выжидал, когда овчарка увидит его, а затем принимался лаять, истошно и вызывающе. Его всегда уносили, все еще истерично лающего, овчарка же провожала его отход на руках Василия или Никиты все более жестким взглядом. И вот настал день, когда она легко перемахнула через ограду и сомкнула зубы на шее у Найса. Несколько милиционеров разжимали ее челюсти ножами. Когда бездыханное тело шпица было предъявлено Александре, она потеряла сознание. Придя в себя, она плакала и убивалась днями напролет, пока Анна, боясь, что случится выкидыш, не ударила свою дочь по лицу, призывая взять себя в руки. Александра плакать перестала, но тосковала еще долго, вспоминая о своем белом шпице, как о своем единственном верном рыцаре. А Лиза, еще до появления на свет, пережила в утробе матери какое-то сложное чувство: не то горе, не то утрату, но что-то трагическое, может быть, преувеличенное, но бесповоротное.

С тех пор, Лиза никогда не могла сполна насладиться счастливым мгновением, потому что каждое счастливое мгновение было для нее заранее отравлено грустным привкусом, а следующая за проблеском счастья минута неотвратимо несла в себе чувство тоскливой обреченности.

У Василия была спаниель, сука, которую он натренировал носить дичь из воды и брал с собой на охоту. Джетта оценилась в тот же день, когда родилась Лиза и, будучи по натуре своей образцовой и сердобольной матерью, приняла человеческого детеныша за щенка и окружила неусыпной заботой.

Никита выкопал небольшой пруд в саду и держал там золотых рыбок. Приходя с работы раздерганным и усталым, он брал стул и садился у своего самодельного пруда. Он часами смотрел на серых и оранжевых рыбок с пушистыми хвостами, лениво плавающими в зеленовато-мутной воде и, думая о своем, постепенно растворял неприятные события прошедшего дня в этой спокойной и неглубокой воде. Когда Никита будет умирать и мучиться нестерпимыми болями, а маленькая Лиза будет маяться рядом с ним, не понимая, почему ей так плохо, он, раздраженный ее бесцельными брожениями по темной комнате и нытьем, посадит ее рядом с собой и неумело нарисует ей рыбу.

Анна подобрала однажды вороненка с перебитым крылом и выходила его. С тех пор, у нее был черный ворон. Он жил на кухне, где Анна готовила, и, таким образом, они могли проводить время вместе. Анна разговаривала с ним, он молча ей отвечал, сверкая на нее круглым глазом. Порой Анна, в красивом темно-голубом платье с шитыми бисером накладными карманами, выходила и садилась на крыльцо дома, что спускалось в сад. Ворон следовал за ней и, хлопая крыльями, опускался ей на плечо. Никто не знал, что их связывало и почему ворон не улетает, но стоило увидеть их вот так, сидящими на крыльце – Анну, сосредоточенно глядевшую вдаль, и ворона, склонившегося к ее уху, возникало ощущение, что все это неспроста, что их союз полон значения и колдовского очарования.

В саду жил кот. Его звали Марсик, он был ничейный и одновременно принадлежал всем. Разделенная ответственность за него означала полную свободу действий и, как Василий, он иногда позволял себе отсутствовать. По возвращении он бывал страшно голоден и, не дожидаясь, когда его покормят, наедался сырой картошки из корзины на кухне. Он никого особенно не выделял и никто не дарил

ему своей особенной привязанности. Живя в саду, он был неотъемлемой его частью, что-то там охраняя, что-то высматривая, что-то вырывая и за чем-то охотясь. Его ненавязчивое присутствие цепляло один день за другой, привнося уют и стабильность в бытие обитателей дома.

Научившись осознавать мир вокруг себя, Лиза не отделяла жизнь людей от жизни животных. Наблюдая за ними, она выучила их повадки и, копируя их, сама становилась почти зверенышем, а они принимали ее за свою, потому что она была маленького роста, от нее пахло молоком и землей из сада. Эта взаимная любовь, а также умение достичь настоящего взаимопонимания с животными, остались с Лизой на всю жизнь. Постепенно, она придумала специальный язык, который никто из людей не понимал. Язык этот не был клекотом или рычанием, или шипением, а казался почти членораздельными словами, но совсем перестроенными, переиначенными, странным, почти волшебным способом воспринимаемыми животными. Скорей всего, они реагировали на интонацию, но как объяснить то, что со временем, они начинали различать слова? Как бы там ни было, Лиза всегда знала, чего хотят ее любимцы и могла поклясться, что те понимали ее.

Любовь к животным воспитала в Лизе чувствительность, сделав ее душу восприимчивой к тому, что ощущает другой человек, к малейшим нюансам его настроений, мыслей и намерений. Животные научили Лизу простой бесхитростной любви, люди же научат ее обратному.

Только к курам Лиза испытывала брезгливость за их обреченность. Они жили в курятнике рядом с сараем, где зимой хранили дрова и уголь, а летом варили варенье. Когда Анна задумывала готовить куриный суп или жаркое, она отрубала им головы и безголовые, они продолжали бегать. Маленькая Лиза не могла постичь этого ужаса, и каждый раз была до смерти напугана, заморожено наблюдая, как безголовое, покрытое перьями существо, мечется вокруг курятника. Именно тогда она заподозрила о существовании смерти и стала бояться неожиданной смерти. Она представляла, как курица или петух, просыпаясь на заре, даже не подозревая, что сегодня им отрубят голову и вечерней зорьки они не увидят – их просто-напросто больше не будет. Да, внезапная смерть, вернее, смерть, о которой не подозреваешь, была чем-то ужасным, как будто тебе забыли сказать о чем-то самом главном. Такая смерть была доказательством того, что человек ничтожен и совсем не защищен от внезапных опасностей и злой воли себе подобных.

Еще одно открытие повергло Лизу в такое же состояние отчаяния, а затем холодного оцепенения, когда мир вокруг нее вдруг распался на куски из-за своего неправильного устройства и предательства. Соседская девчонка сказала ей однажды, что, хочет Лиза того или нет, она должна будет стать матерью, то есть выродить ребеночка из своего собственного живота с ужасными болями и муками. Никому ничего не сказав, потрясенная Лиза попыталась представить себе, сколько же у нее дней осталось до этого кошмарного события. Принявшись считать дни, она каждое утро просыпалась в страхе оттого, что уже пора становится матерью, но потом постепенно успокоилась. Считать она умела только до восьми и провал времени после восьмого дня неминуемо наполнился новыми впечатлениями, вытеснившими ужас предстоящего материнства.

Возвращаясь к курам, уже оципаным и распластанным на деревянной разделочной доске, нужно сказать, что настроения маленькой Лизы менялись: она забывала про внезапную смерть и любопытствовала о внутреннем устройстве кур, силясь понять, как и к чему прикреплено сердце, печень и легкие. Все в семье

думали, что она станет хирургом. К тому же, Никита приносил ей гибкие голубые пластинки из приложения к «Огоньку», и она часами слушала историю про операцию на сердце и, особенно, глухие звуки биения самого сердца: бум-бум, бум-бум. Она не стала хирургом. Считая людей равными себе, одного с собой вида, она не жалела их. Их смерть не приводила ее в ужас и никак не напоминала ей о бренности собственного существования. В отличие от животных, бессловесных и беззащитных, люди могли беспокоиться о себе сами, не говоря уже о том, что именно люди часто бывали беспричинно жестоки к самим себе и к своим братьям меньшим.

Лиза выростала в обыкновенную девочку, немного обласканную судьбой, со способностями, но без выдающихся талантов. Так говорили и она верила. Ох, уж эти неопознанные и неразвитые таланты! Как они мучают потом всю жизнь! Она чувствовала, что что-то в ней проклюнулось, но без правильного ухода никак не может распуститься. Блуждая в дебрях своих дарований, не зная, к чему прильнуть и на что направить свои усилия, она теряла уверенность в себе. В школе она никогда не была самой лучшей. Ее всегда подстерегала нелепая, ничтожная ошибка даже тогда, когда все, и, в первую очередь, она сама, были уверены, что на этот раз она отличится. Оставалась «серебряной» Лизой с волосами цвета гречишного меда, она мечтала хоть один раз в жизни стать «золотой». Полжизни у нее уйдет на то, чтобы раскопать в себе истинный талант и утвердиться в нем. Что же касается личной жизни, то серебра в виде слез в ней будет хоть отбавляй, а вот золота в виде счастья будет всегда не хватать...

Подражая отцу, она могла часами рисовать. Все, что угодно. Очень часто, без всякой специальной подготовки, она могла изобразить какой-нибудь предмет на бумаге быстрее и задорнее, чем сам Василий. Если уроки были сделаны, она рисовала допоздна, учась ровно накладывать штрихи, как ее отец, или фантазируя что-то свое. Василий, конечно, забыл свои обещания учить свою дочь писать картины, но Лиза училась сама, часто наблюдала за ним, за его красивой и точной рукой, за его чувствительными пальцами, привычно державшими карандаш, который, чуть касаясь шероховатой поверхности бумаги, оставлял ровные, одинаковые по нажиму, совершенные штрихи. Она рисовала все, что видела вокруг себя: деревянную вазу, цветы, морды спящих собак. Как все дети, она была нетерпелива и стремилась закончить рисунок быстро, чтобы скорее увидеть результат. Поддаваясь воле своего воображения, она всегда прятала тайну в свои рисунки. Внимательного и заинтересованного человека ее работы могли бы увлечь изобразительностью и игрой оконченного и неоконченного. Ее стиль мог развиваться в нечто необычное, выразительное, очень эмоциональное и, поэтому, незабываемое. К сожалению, Василий, обуреваемый собственной ленью, через несколько лет вынесет свой вердикт.

- Она одарена, но великим художником никогда не станет, - сказал он.

Услышав этот приговор, Анна времени даром не терять не стала. Давно мечтающая учить Лизу музыке, без всякой лени и проволочек, она принялась претворять свои мечты в жизнь. Лизу засадили за пианино. *Уроки музыки, что были сущей мукой, навели маленькую Лизу на мысль о том, что жизнь полна разочарований и, особенно часто и больно, достается от людей любимых и любящих. Это уроки как-то связывались в ее сознании с безголовыми курами, бегающими вокруг курятника. Ее нутро восставало против чужой воли и насилия, но эти детские ощущения не сумели в ее уме оформиться в великую и вечную мысль о насилии над личностью.*

Не имея слуха, Лиза не могла воспроизвести мелодию и все в музыкальной школе смеялись над ее «глухотой». Перед уроками сольфеджио она заболела, пропадала, убегала, но ее находили и гнали в музыкальную школу. Не имея возможности самой получить музыкальное образование, и, вспоминая, как прекрасно музицировала на рояле ее мать, Анна была полна решимости возродить семейную традицию. «Музыка преображает душу и обогащает личность», любила повторять она и, кажется, верила в это. Она мечтала о том, что Лиза выучится музицировать и будет играть Шопена, Шуберта или Баха долгими зимними вечерами, а она сама, уже совсем старенькая, будет сидеть в кресле, закутавшись в плед, и пить чай с сухариками.

Лиза ненавидела занятия музыкой и эта ненависть переместилась на взрослых, которые не только не хотели оградить ее от унижения на уроках сольфеджио, а, наоборот, заставляли ее переживать жгуче-постыдное чувство своей неполноценности снова и снова. Анне доставалось от Лизиной детской ненависти больше всего – ведь это она была инициатором музыкальных пыток и, к тому же, упорствовала. Александра и Василий оставались нейтральными наблюдателями, гадая, выйдет ли из их дочери толк. Никита был единственным, кто понимал, что происходит, но не хотел перечить жене. *Тогда Лиза, оценив сговор взрослых как предательство, разозлившись и поняв, что ее никто не защитит, кроме нее самой, научилась обманывать.*

На шкафу в гостиной, стояли часы с боем и, каждый раз Анна показывала Лизе, где должны быть стрелки часов, когда ее очередной урок музыкой подойдет к концу. После этого она уходила, оставляя Лизу наедине с ненавистным инструментом и еще более ненавистными гаммами Черни. Эти тошнотворные занятия приходились как раз на то время, когда взрослые собирались в саду за столом и пили чай с вареньем или домашнюю наливку, и тихо беседовали. Как страстно Лиза хотела быть с ними! Вместо того чтобы нажимать на эти дурацкие клавиши! Это была какая-то пытка! Поэтому, проиграв для приличия несколько гамм и арпеджио, и выждав полчаса, она переводила стрелки часов на час вперед, после чего злая и виноватая, появлялась в саду. Она смело врала, что полтора часа уже истекло и взрослые, разморенные вишнежкой и усталостью оставшегося позади рабочего дня, не хотели с ней спорить. Они приглашали ее за стол, надеясь, что она сама поймет, что врать не хорошо. И правда, Лиза не любила врать и не любила людей, заставлявших ее делать это. Успешный обман возбуждал ее, а потом опустошал. Намного проще было бы поговорить, все объяснить и понять друг друга. Ведь ради них она готова была на все, даже отдать свою жизнь, зачем же они заставляют ее лгать?

Лиза никогда не была скромницей. Набираясь ума среди взрослых, она рано научилась думать и понимать, быстро и остроумно отвечать на вопросы и быть занимательным, скорым на выдумки, собеседником. Будучи необыкновенно наблюдательной, она, как маленькая обезьянка, перенимала у взрослых то, что было наиболее заметно в них или что ее больше всего привлекало. Ее дед заворожил ее своей значимостью в семье, своей внутренней силой, которая вкупе с его должностью, давала ему власть над людьми. И, поэтому, когда Лиза играла с другими детьми в школу, библиотеку или дочки-матери, она всегда узурпировала власть и непременно была директрисой школы, заведующей библиотекой и, конечно, мамой всех детей. Она заставляла их переписывать «домашнее задание» снова и снова, провоцируя их недовольство и скуку в игре, но никто из детей не

осмеливался ей перечить. Что-то их всегда удерживало от бунта – то ли ее решимость, которую она без колебания им демонстрировала, то ли ее право на власть, которое она единолично узурпировала. За это вся непосредственная и шумная детская ватага ненавидела ее и, когда приходило время ставить спектакль, они с удовольствием мстили ей. Выбирая дом ее деда для представлений, они большинством голосов в главных ролях ей отказывали, предоставляя быть на подхвате. Лиза ненавидела их в ответ, и брала свое на большой сцене. Когда в Доме офицеров устраивали утренники, и огромный зал с плюшевыми креслами был забит до отказа, она тоже была там. После показа мультфильмов давали концерт, во время которого организаторы, рекламируя призы, приглашали детей из зала на сцену рассказать стишок, станцевать или спеть песенку. Каждое такое обращение в зал становилось Лизиним триумфом. Принося очередной приз Александре, она бежала на сцену вновь и вновь под аплодисменты и подбадривающий смех зала, и явную растерянность организаторов, ищущих глазами родителей девочки. Василий, как всегда, обретался в буфете, а Александра, сгорая от стыда, всеми силами пыталась не дать своей дочери превратить утренник в собственный бенефис.

- Лиза, ради Бога, дай другим детям выступить, - уговаривала она, с ужасом думая, что ее дочь может вполне стать комедийной актрисой.

Но Лиза просто не слышала ее слов, пребывая во власти чего-то сверхъестественного и непостижимого, что толкало ее под яркий свет рампы, на середину сцены, для того, чтобы еще один, последний раз, привлечь внимание толпы, усмехающейся, удивленной, но уже влюбленной в нее. Она не думала об актерстве, тем более, комедийном. Александра была не наблюдательна, а заметила бы, что ее маленькая дочь никогда не смеется, когда смотрит фильмы с Чарли Чаплином. То, что было унижительно, больно или обидно, для Лизы никогда не было смешным. Клоуны в цирке также не казались ей смешными, но отвратительными и вызывающими жалость, существами. Почему люди смеются над теми, кто одет в грязные тряпки и говорит глупости? Что смешного в униженности, неуклюжести, пинках и синяках? Нет, она думала о толпе. О том, что ее появление на сцене возбуждает публику, с готовностью дарующей ей свое восхищение. А ведь восхищение окрыляет, моментально делая тебя звездой. *Это было первое и самое сладкое ощущение своей власти над людьми, еще неосознанное, но уже неоспоримое умение завоевывать их внимание, нравиться им и, следовательно, манипулировать ими.*

Очень рано Лиза начала проявлять свой норов и своенравие. Ее единственную подругу звали «маленькая» Люда, потому что она уродилась дробненькой и была гораздо меньше физически развита, чем Лиза. Маленькая Люда была дочерью того начальника милиции, чья овчарка пять лет назад задушила австрийского шпица. Она обладала спокойным и покладистым характером, оставаясь единственным ребенком из соседних дворов, кто мог выносить Лизины диктаторские замашки. Однажды, играя с Лизой, она осмелилась не согласиться с ее указаниями и даже настаивала на своем, что было довольно опрометчиво. Каким-то необъяснимым образом, Лиза уже тогда могла предугадать или попросту знала, что случится и как. И, чтобы люди ни говорили и как бы ни обсуждали то, что должно было случиться, оно все равно случится по-другому. Лиза знала, как все устроится наперед и поэтому все предварительные разговоры страшно раздражали ее, будучи, с ее точки зрения, глупыми и совершенно бесполезными. И эта маленькая Люда, и эти ее такие ненужные слова и уверения, зачем вся эта бестолковость? Чувствуя, что кто-то

толкает ее совершить безрассудство, как будто она должна была исполнить чью-то волю, Лиза схватила садовую железную лопатку и саданула ею свою преданную подругу по голове. Она испытывала ярость и, пытаясь избавиться от нахлынувшего чувства, совершила почти преступление. *Это был очень мужской поступок, который положил начало развитию некоторых чисто мужских черт ее характера.*

Рана не была серьезной, но все же, лилась кровь, родители маленькой Люды негодовали, а родители Лизы были потрясены поведением своей дочери. Почему, ну почему она это сделала? Александра и Никита настаивали, чтобы Лиза непременно извинилась. Анна, правда, молчала. Она знала, что не всегда нором одинокой сильной натуры можно держать в узде и, порой, дикое своеволие, понятное и оправданное только самой этой натурой, вырывается на волю. Лиза не извинилась, с ее точки зрения, извиняться было не за что. Она, не отрываясь, смотрела в глаза своей бабушки, угадывая в ней родственную душу, инстинктивно осознавая предстоящие столкновения. На следующее утро маленькая Люда с перевязанной головой снова была в Лизином доме, прося прощения и предлагая продолжить прерванную накануне игру. Она была зачарована властью и никоим образом не хотела быть исключена из этого волшебного действия, в котором подчиненность и преданность приносили радость.

Александра была раздавлена поступком дочери. Даже после того, как Василию удалось все уладить с отцом маленькой Люды, она не могла успокоиться. Отталкивая от себя страх, готовый навсегда поселиться в ее сердце, она увидела в своей маленькой дочери даже не соперницу, а незнакомого ей человека с независимым и сильным характером, почти что мужчину, которого невозможно растрогать ни слабостью, ни жалобами. Александра никогда не сможет сделать свою дочь виноватой, заставить раболепствовать перед ней, прислушиваясь к малейшим нюансам ее настроений так, как это делали остальные члены семьи.

Но вернемся к Лизе... Ведь прежде, чем попытаться понять, как она прожила последнее десятилетие века и то, что она совершила, нам надо узнать ее как можно лучше.

Одним из самых восхитительных, хотя и рискованных, предприятий, заставляющих кровь в жилах кипеть от адреналина, были вылазки в чужие погреба. В глубине сада, рядом с курятником, у них был собственный погреб: глубокий и темный, с кирпичным сводчатым потолком над широкими каменными ступенями, он явно предназначался для хранения вин. Даже в самые жаркие дни, в погребе было зябко, вода струилась по покрытым плесенью стенам и капала с потолка. За довольно просторной первой комнатой, которую Никита каждую осень заполнял огромными деревянными бочками с солеными помидорами, квашеной капустой, мочеными яблоками и клюквой, были снова ступени, ведущие вниз, в крошечную тьму. Туда, не решаясь преодолеть страх и завесу из паутины, Лиза никогда не заглядывала. Помимо солений и маринадов, в погреб завозились мешки с картошкой, морковкой, луком и чесноком, а Василий никогда не забывал положить на полки пару десятков бутылок отличного молдавского вина. Весь этот провиант помогал пережить зиму, которая никогда в Измаиле не бывала долгой.

Не имея никаких оснований наведываться в чужие погреба, Лиза, по первому морозцу, по опаленной заморозками траве, пробиралась в соседский погреб, безошибочно угадывала бочку с солеными помидорами и негнушима от холода пальцами вылавливала из-под деревянного гнета пузатые красные помидоры, которые тут же отправляла в рот. Иногда она прихватывала с собой маленькую

Люду, щедро наделяя и ее помидорами, но та, испуганная до полусмерти, не могла оценить всей прелести ворованных соленых помидор. Соседи никогда не могли накрыть Лизу. Убегая, она повторяла про себя: «Это не я, меня здесь нет», и становилась невидимой. Эта уловка ей пригодится в будущем, когда все станет в ее жизни опасным и запутанным, а пока, возбужденная от своих невинных краж, она наслаждалась своим безрассудством. *Лиза имела бесстрашное сердце, и, хотя, все-таки, побаивалась некоторых вещей, любила рисковать.*

Время от времени, не ведая, что Лиза внутри темного погребка ворочает гнеты, ее запирали. Оставшись одна, она не плакала и не кричала, а молча ждала, когда ее хватятся. Ей казалось, что кричать и проситься наружу, выдавая, таким образом, свой страх, ниже ее достоинства. Сидя на каменном полу, привалившись спиной к одной из бочек, она думала о самом страшном для нее - о том, как ужасно было бы потерять свободу и по чьей-то воле, ошибочной или намеренной, оказаться запертой. *Ее страшили не одиночество и темнота, а принудительное повиновение чьей-то чужой, несправедливой, поставленной над ней, воле.* Думая об этом, она начинала задыхаться, но все равно молчала, пока дверь в погреб не отпирали и ее не находили.

Не в пример Василию, который рано забыл данные им обещания, Никита не забывал о своей внучке и часто брал ее с собой, представляя своему окружению в конторе и вне ее. Лиза даже несколько раз присутствовала на совещаниях, пожирая глазами деда, который уверенно принимал решения, брал на себя ответственность и командовал подчиненными. Тщетно пытаясь соединить в разумении своих подчиненных коммунизм и коммерцию, он частенько выходил из себя и орал так, что дрожали оконные стекла в его кабинете.

Обычно по воскресеньям, ближе к вечеру, наступало то время, когда Никита и Лиза могли без помех наслаждаться обществом друг друга. Лиза, одетая в новое платьице, сшитое Анной с любовью и фантазией, брала деда за руку и важно следовала с ним, окрыленная откровенным вниманием прохожих, в сад бывшей гостиницы «Франция». Там, на открытой террасе, обращенной к реке, они усаживались за столик и заказывали официанту в белых перчатках мороженное или молочный коктейль для Лизы, и бокал холодного Шардоне для Никиты. Ожидая своего заказа, они неспешно беседовали – дородный, уже не первой молодости мужчина, и его спутница, маленькая девочка-женщина с манерами и достоинством. Краешком глаза Лиза наблюдала за другими, элегантно одетыми женщинами. Они ели, разговаривали, пригубливали вино из бокала, переливчато смеялись. Их лица были оживлены, а глаза сияли возбуждением, сиюминутным наслаждением и предвкушением продолжения воскресного вечера. Решив, что она причастна к этой взрослой игре, Лиза чувствовала себя очень на месте в такой обстановке, а, следовательно, спокойно и расслаблено. Она могла часами вот так сидеть, потягивая свой молочный коктейль, получая удовольствие от несуетности своего спутника, от прекрасного вида, открывающегося на Дунай, от тихого предзакатного воскресного вечера, от предупредительности официантов и от разных мыслей, которые как пчелы, влетали и вылетали из ее головы.

Думая о лете, она знала, что и в этот раз поедет на два месяца на Черное море и будет играть в мелких теплых водах лимана, обмазываясь грязью и пугаясь пиявок, будет строить замки из песка, а по вечерам, в летнем кинотеатре будет смотреть фильмы о любви или скучать, наблюдая за парочками, твистующими на открытой танцплощадке. Один месяц с ней будут Александра и Василий, еще один – Анна и

Никита, а возвращаться домой они будут на своей машине, белой «Победе» с сидениями из красной кожи, которую ее дед и отец собрали из запчастей своими руками. Вернется Лиза домой загорелая и утомленная от зноя и ничегонеделания, и еще долго в ее ушах будет звучать шум прибора и треск южных цикад.

Сразу после отпуска, Александра будет заказывать новые наряды у портнихи и прихватит, конечно, Лизу с собой. Там, в душной примерочной с занавесями из синего бархата, Лиза будет любоваться высокой стройной фигурой своей мамы, укутанной в яркие ткани, будет вдыхать аромат духов, отпущенный разгоряченным, полунагим телом Александры. Аромат этот будет напоминать запах ландышей, следующий раз – запах осенних листьев.

Думая об осени, Лиза знала, что Василий обязательно возьмет ее на рыбалку. Она будет сидеть тихо-тихо в лодке, шуршащей по камышам, со своей маленькой удочкой наготове и предвкушать момент, когда их пригласят в рыбацкую хижину на уху. Когда все усядутся за большой деревянный стол, мужики начнут разливать уху, сваренную на красноперках и карасях, на лещах, а уж потом на щуках. Будет приготовлен специальный жгучий соус – саламур, и после того, как уха будет съедена, рыбу вывалят прямо на стол и маленькая Лиза, захлебываясь от удовольствия и гордости, под громкие шутки рыбаков, что дочь в улове перешеголяла отца, будет, с чисто женским кокетством и благосклонностью принимать самые лучшие куски белой рыбы, из которых заскорузлые от каждодневной физической работы, неповоротливые пальцы рыбаков, уже выберут все косточки, а Василий будет ей со смехом пенять, что она опять охмуряет мужиков.

Мечтая о Новом Годе, который всегда был таким долгожданным, полным неразгаданных тайн, сюрпризов и подарков, от предвкушения которых начинало захватывать дух уже с конца ноября, Лиза знала, что их дом оживет заблаговременно. За неделю начнется веселая суэта: будет беспрестанно дребезжать дверной звонок и на пороге будут топтаться посыльные, держа в охапке промасленные пакеты с еще живыми раками или дичью, огромные круглые коробки с тортами, разукрашенными марципановыми розами и фруктами. Деревенская девушка, нанятая для помощи в доме, будет мыть окна и натирать полы. Анна и Александра отправятся в магазины и на базар. За день до праздника, Анна начнет готовить и ароматы только что испеченных пирогов с мясным фаршем и печенью, пирожков с тушеной капустой и яйцами, свеженатертого хрена и холодца, разлитого по тарелкам, наполнят каждый уголок большого дома.

Тогда Лиза поняла и запомнила на всю жизнь, что преуспевать, обеспечивая семью – это не постыдно, а наоборот, естественно, что во главе стола должен сидеть крепкий мужчина, что в доме должно пахнуть натертыми полами, вкусной едой и достатком.

О чем Лиза не думала, так это о том, что ее детство было счастливым совпадением подходящего места, которое было затеряно во времени, и подходящих людей, которые на целых восемь лет задержались в счастливом безвремении, между прошлыми и будущими испытаниями, и в этой нечаянной передышке щедро дарили свою безграничную любовь маленькой Лизе.

Каждый Новый Год взрослые устраивали для нее нечто необычное. Из командировок в Австрию и Венгрию, Никита заранее привозил подарки, Василий мастерил корзину, которую Анна украшала кружевами и лентами. Это была корзина Деда Мороза. Ее ставили на пороге дома, а Василий на свежавывапавшем снегу оставлял следы, сначала ведущие к дому, а затем от него, теряющиеся где-то среди

деревьев, в темном саду. В дверь стучали и Лиза мчалась на порог, уверенная, что в этот раз она наверняка увидит Деда Мороза, но, как всегда, опаздывала на самую малость. Она не огорчалась, поскольку хоть никогда и не видела этого таинственного посетителя, верила в него и, просыпаясь на следующее утро в своей постели, заваленной подарками, не столько радовалась подаркам, сколько своим грезам о нем.

Однажды на Пасху, Александра и Василий взяли Лизу в собор. Было около полуночи и внутри было не протолкнуться. Повсюду горели мириады свечей, было душно, пахло аналоем и сдобным хлебом. Лиза ничего не видела из-за спин прихожан и Василий, подхватив ее на руки, высоко поднял над людским морем как раз в тот момент, когда куранты на башне собора пробили полночь. И вдруг крышка гроба, установленного посреди собора на постаменте, отодвинулась и из гроба стал подниматься человек с бородой. Все закричали «Христос воскрес!» и теплая волна голосов, продолжавших повторять «Христос воскрес!», запах весенних цветов, хлеба и свечей, и только что увиденное действие, окутали Лизу покровами чудесного. *Она поверила, что все возможно и научилась мечтать.*

Впрочем, однажды жизнь заставила Лизу понять кое-что важное. Был разгар лета, все готовились к ее дню рождения. Все подруги уже были приглашены, и вот Александра вдруг вспомнила об одной девочке из Лизиного класса. Она посоветовала пригласить и ее. Узнав ее адрес, Лиза отправилась пешком, и, миновав хорошо знакомые улицы, оказалась среди небольших приземистых глинобитных домов с покосившимися окнами. Между рамами была проложена побуревшая вата, на которой, видимо еще с прошлого Нового Года, были забыты пыльные блестки. Постучав в калитку нужного ей дома, Лиза осторожно вошла. Во дворе, на проплешине вытоптанной земли, стояли ведра с грязной дождевой водой, а на кольях были натянуты веревки с болтавшимся мокрым бельем. Облупившаяся дверь была открыта и с порога была видна кухня, где за деревянным столом, сидели девочка и ее мать. Они обедали. В тарелках дымился борщ, рядом лежали ломти черного хлеба и стояла солонка, в которой, поверх горки из крупной соли, лежал надгрызанный стручок красного жгучего перца. Увидев Лизу, обе встали из-за стола. Девочка была смущена, ее мать раздосадована. Лиза извинилась, вероятно, они не слышали, как она стучала, и объяснила, зачем пришла. Ей должны были улыбнуться, обрадоваться и обязательно пригласить к обеду. Так поступили бы в ее семье, но, вместо этого, мать, притянув девочку к себе и со словами «нечего ей там делать», спрятала ее за спину. Из глаз неопрятной женщины струилась даже не злость, а ненависть. Лиза повернулась и побежала. Выбежав на улицу, на глиняном низком заборе она увидела котенка. Он был худой и грязный. Встречая каждый день эту девочку в школьной форме, Лиза не догадывалась, что та может жить по-другому, чем она сама. *Лиза не знала, что можно жить по-другому, и, испугавшись не столько нищеты, сколько злобы и ненависти, рожденных нищетой, она загадала никогда, никогда так не жить.*

Вот такая девятилетняя Лиза, с характером властным и свободолюбивым, с трепетной душой, избалованная в непроницаемом коконе любви и достатка, стояла, закутанная в пуховой платок, в крематории Новодевичьего кладбища в Москве. Это было седьмого января, как раз на православное Рождество. Перед ее глазами, полными слез, разверзлись створки печи и с шумом и свистом всосали гроб с телом ее деда, Никиты. А потом, на промозглом холоде, на кладбище, с замершими

слезинками на щеках, она сжималась от страха под грохот оружейных залпов, когда урну с прахом Никиты замуровывали в стенную нишу. Обезумев от горя, она не догадывалась, что эти залпы возвещали не только смерть ее любимого деда, но также конец ее очарованного детства.

Глава 4.

Капитан Белов

В мае 1975 года капитан Белов смотрел сквозь запыленные стекла, наглухо закрытых и еще не мытых с зимы окон, на белые гроздья цветущих каштанов. Он стоял, повернувшись спиной к полупустой комнате, и думал о том, как красив Киев в эту пору года. Каждую весну, пробуждаясь от долгого зимнего сна, украинская земля будит в натурах чувствительных нечто похожее на грезы, заставляет окунуться в старину и почувствовать за своей спиной дорогу, ведущую к предкам.

В пятом веке нашей эры Киев был уже городом, а в девятом превратился в знаменитую столицу Киевской Руси, откуда торговали с полмиром, где бунтовали против новой веры, но, повинувшись своим князьям, строили и расписывали изумительной красоты соборы и дворцы. Капитан Белов был потомственным киевлянином и, в такие предвечерние часы, особенно остро ощущал свою принадлежность к этому древнему и великому городу. Он посмотрел вверх и, на мгновение, ему представилось, что весеннее небо разверзлось и на него устремились взгляды тысяч горожан из того далекого времени. Здесь, в самом центре Киева, в этой комнате на четвертом этаже бывшей гостиницы «Европейская», захватывало дыхание от старины, благообразия и утонченности самой атмосферы. Казалось, что воздух был соткан из истончившейся паутины вековых преданий.

Внизу, совсем близко – Крещатик, за спиной – Золотые ворота, замыкавшие город в одиннадцатом столетии, за ними, в самом сердце старого города – Софийский Собор и тут же огромное серое здание КГБ Украины. Мало кто знал, что в нем находится и уж почти никто не догадывался о том, что Управление занимает не одно здание, а целый квартал, умно прикрытый фасадами жилых зданий. И все утопает в цветущих каштанах и благоухающих акациях! А новый Ботанический сад с бузками сирени и плантациями роз и пионов! Прошлой весной весь Киев был там, очаровательные женщины, одетые в легкие платья и мужчины в цветастых рубашках и пиджаках, небрежно наброшенных на плечи. Играла музыка, особенно часто повторяли «Кіеве мій» и сам Дмитро Гнатюк, в широкой украинской вышиванке, разгуливал среди посетителей сада.

После утренней прогулки, общество обычно обедало на открытых террасах ресторана «Метро», а затем пило кофе с «Киевским тортом» в кафе у входа в «Пассаж». Вечером шли в оперный, где пел молодой Гуляев, или в новый цирк смотреть дрессированных львов супругов Запашных. Жизнь текла отменно, уверенно, перемежаясь с работой и развлечениями, как и должно было быть в старом, красивом, уже почти полностью отстроенном после войны, городе. Полки киевских Гастрономов ломались от паштетов, колбас, шоколадных конфет и

выпечки. Самые лучшие конфеты были в «Ласоцах» на Свердлова; самая вкусная колбаса - в маленьком магазинчике на улице Карла Маркса, напротив бокового входа в консерваторию; самые свежие пирожные – в ларьках на площади Калинина, где заворачивал на конечную остановку троллейбус №4. Сережа Белов любил забежать в магазинчик на Карла Маркса, выстоять очередь, купить двести граммов «Докторской» и съесть ее просто так, без хлеба, в темном зале кинотеатра, где крутили фильмы с Луи де Фюнесом и Роланом Быковым.

Капитан Белов, хоть и был сотрудником КГБ Украины уже почти шесть лет, оставался в душе мальчишкой и романтиком – он любил весну, свой город, милых, скромных и преданных женщин, а в представителях сильного пола ценил честь и достоинство. Все мужчины в его роду были военными, включая прадеда, известного в свое время генерала царской армии. С началом смутных революционных времен, он решил было перебраться с семьей в Европу, но у самой границы остановился и повернул назад. За свою преданность Отчизне, новоявленными пролетарскими вождями генерал Белов был сослан в лагерь. Там он скончался, так и не свидевшись с семьей перед смертью. В письме написал, что не о чем не жалеет, что смерть на родной земле была для него важнее, чем жизнь на чужбине. Просил у всех прощения, особенно у жены за то, что обрек ее на нищету и одиночество. Наказывал воспитать сына в любви к родной земле. Дед Белова прошел всю войну и был награжден орденами и медалями. Освобождал Будапешт, Прагу, брал Берлин. Совсем недавно, 9-го мая, отпраздновали тридцатую годовщину победы в войне над немецко-фашистскими захватчиками. Капитан Белов гордился своей семьей и любил праздники, когда дед и отец – начальник военного училища, приходили с парада, а дома уже был накрыт стол заботливыми руками мамы и бабушки. Ему было уютно в своей семье, его любили, баловали и связывали с ним надежды на будущее – он был продолжателем хорошей, честной и дружной семьи.

Закончил он переводческий факультет Киевского Государственного Университета и когда подошло время распределения, памятуя о славных военных традициях семьи, вместо заграницы он выбрал работу в КГБ. Из отдела контрразведки, где он работал, его тоже могли послать за границу, он прекрасно владел английским и испанским, а, пока, ему поручили курировать «Интуриста», присматриваться к начинающим переводчикам и вербовать их в органы. Переводчицы из «Интуриста» Сережу Белова обожали. Интеллектуально развитые, имеющие по любому вопросу собственное мнение, со вкусом одетые и, в основном, незамужние молодые женщины считали его просто душкой, и были тайно в него влюблены. Белов же был с ними вежливым и ровным, улыбался всем своей детской улыбкой, но надежд никому не давал. Он не спешил с женитьбой – искал женщину единственную, нежную, стойкую, немногословную, похожую на маму.

Сейчас, в своем кабинете, он ждал совсем юную девушку, студентку, которая, отучившись на знаменитых интуристовских курсах, работала в «Интуристе» еще временно, только во время летнего сезона. Сколько ей? Семнадцать? Восемнадцать? Сейчас только середина мая, туристов не много, и бывших курсантов держат в помещении, заставляя снова и снова зубрить медицинскую и сельскохозяйственную терминологию, названия фресок и мозаик. В июне их благословят на первую экскурсию, а там и в бой – целое лето без выходных и в сплошных командировках. Белов улыбнулся, вспомнив, как робели и терялись молодые переводчики, знакомясь со своими первыми туристами, как переставали вдруг понимать немецкий, английский, французский, которым, на самом деле, вполне прилично

владели. Они пугались живых иностранцев, пришельцев оттуда, из неизвестных стран, что лежали по ту сторону Железного Занавеса, хорошо одетых, хорошо пахнущих, эрудированных и доброжелательных. Сначала новичкам доверяют индивидуалов, немного позже – первую группу. Через пару лет молодые переводчики заматереют в дискуссиях с идеологическим противником и им будет в пору сразиться с самим Киссинджером, а пока Киевский ВАО «Интурист» гордился своим новым выпуском, и, особенно, ею, Елизаветой Тропининой. Начальница Первой англо-американской группы, в которую распределили Лизу, рекомендовала Белову с ней познакомиться. Она послала ее с поручением к нему, якобы отнести книги, потому что роль Белова в стенах этого заведения и его работа в целом, должны были оставаться в секрете для новичков, на какое-то время, во всяком случае. Это, конечно, не значит, что завтра Лизу не остановит на лестнице ее коллега и не спросит: «Ты уже видела капитана Белова? Ну и как он тебе? Правда, симпатичный?» А, до тех пор, он для нее никто, мистер Инкогнито.

Сережа Белов поправил воротничок рубашки и повернулся лицом к двери. Он, несомненно, был привлекателен, его обаяние слагалось из его молодости, открытости и мужественности. Его черты были прямыми и четкими, но выражение его часто улыбающегося лица было стеснительно-мягким. Эта самая улыбка, обнажающая ровные белые зубы, и эти голубые, не яркие, цвета незабудки, глаза, моментально пленяли женские сердца. Роста он был среднего, но под одеждой угадывалось натренированное тело, с твердыми, как камень, бицепсами, прессом и икрами. Его рубашка была скроена без модных выкрутасов середины семидесятых, она не обтягивала торс и воротничок не удлинился, как собачьи уши. Серые брюки с высоким поясом сидели, как влитые, и плотно облегли бедра. Пиджак капитана Белова висел на спинке стула.

Он не тяготился своей ролью вербовщика и не чувствовал себя виноватым перед теми, кто с его легкой руки перешел работать в органы. Во-первых, у претендента всегда спрашивали согласия – времена принудительной вербовки давно прошли. Во-вторых, в органы брали самых лучших и назначали этим лучшим очень приличную зарплату с регулярными надбавками за звание, не говоря уже о дополнительных суммах, полагавшимся один раз в три месяца, на пошив формы (женщины, служившие в органах, называли эти деньги «расходами на носочки») а, также, возможность отовариваться по праздникам в закрытом распределителе. Для многих эта работа становилась пределом мечтаний, для некоторых – адом. Почему адом? Да потому, что, попав в органы, офицеры и вольнонаемные должны были постоянно сохранять в тайне то, чем они занимались – ни слова родными или друзьями о своей работе – а иногда так хочется выговориться! Не все это выдерживали, кроме того, пропадала перспектива съездить за границу, туда попадали только специально обученные профессионалы. И, наконец, завербованные в органы, не могли уволиться, а должны были трубить там до самой пенсии или, говоря военным языком, отставки.

Нравилось ли ему самому то, что он делал? Первое и последнее, его не волновало – он был не болтлив и службу свою осознавал, как долг, который надо исполнять, раз уж взялся, до конца – и дед служил и отец служит, никто от этого не умер. Весь вопрос в том, как служить: можно по-хамски, по-разгильдяйски, а можно – красиво, с романтикой. Ведь он и впрямь шпион, образованный и обаятельный! Ах, как, подчас что-то бесится и поет в душе – не то молодость, не то предвкушение приключений, не то предчувствие любви. Что касается среднего, «заграничного»

пункта, то, со дня на день, он ожидал приказа ехать служить за границу. Куда именно? Пока неизвестно. Единственно, что мучило немного Сережу Белова, так это бесконечные собрания и политзанятия. Как и все офицеры КГБ, он был членом партии и, не проходило недели, чтобы не заседали, не цитировали, не докладывали, выучивая наизусть цифры и постулаты из доклада Генерального Секретаря на очередном съезде партии. Ему было скучно и он надеялся, что там, за границей, он от этого избавится. Мысль о заморских странах возбуждала его не только потому, что там было больше свобод, прав и демократии, к которой так стремятся все нормальные люди, а еще и потому, что там другая культура, другие нравы, другой уклад жизни и ему было любопытно все это увидеть, прочувствовать и познать, пожив среди незнакомых людей, блистая своим безупречным английским и испанским с андалусским акцентом. Он никогда не был тряпичником и не рвался за границу за парой джинсов. Мать научила его хорошо одеваться и со вкусом жить здесь, в своей стране.

В дверь постучали. Он отозвался и пошел открывать. В коридоре стояла девушка и держала книги в руках. Она была высокая, почти с него ростом, одета в голубую расклешенную юбку, прикрывающую колени, и белую крепдешинную кофточку. На маленьком воротничке ее кофточки были вышиты фиалки. Капитан Белов растерялся – он не сразу сообразил, что надо посторониться и дать девушке пройти в комнату. Она была лучше, чем киевская весна, она была лучше, чем что-либо, виденное им до сих пор, в жизни.

Наконец, он отступил в сторону и она вошла. Жестом пригласив ее сесть, он только тогда решил прервать молчание.

- Здравствуйте, Лиза. Меня зовут Сергей Сергеевич Белов.

- Здравствуйте. – Лиза не волновалась, она уже понимала, что нравится ему и он не навредит ей. Ей было любопытно. Она прекрасно знала, кто он.

Кроме вполне определенной информации как то: откуда родом родители, чем занимаются, кто родственники, живет ли кто-нибудь из родни за границей и т.д., которую капитану Белову совсем неинтересно было выпытывать, он хотел спросить у нее, замужем ли она, собирается ли, а если нет, есть ли у нее кто-нибудь, с кем она встречается? И потом, ему хотелось узнать о той истории, которую рассказывали в «Интуристе» о ее первом, совершенно провальном собеседовании. Чтобы как-то начать, он спросил:

- Вам нравится в «Интуристе»?

- Нравится, только нас еще не пускают работать с туристами.

- Не спешите, еще наработаетесь. Впереди все лето без выходных. - Белов разыгрывал из себя заботливого отца.

- А мне хочется поскорее начать.

- Дома, небось, радуются, что вы работаете здесь и гордятся, что вы лучшая выпускница курса?

- Да, когда я поступала, мама и бабушка очень переживали за меня.

- Я слышал о вашем необыкновенном собеседовании.

- Так это не тайна? – удивилась Лиза.

Белов подумал, что если он скажет, что директриса курсов разгадала Лизу, ей станет неприятно, но было уже поздно и надо было как-то выкручиваться.

- Не тайна, но нечто очень для вас лестное. Расскажите?

- Было глупо. Это случилось в ноябре, объявили набор и я, перед занятиями в Университете, решила зайти за анкетой. Но анкету без собеседования не давали. Я

была одета не совсем, знаете ли, правильно. Думала, будет толпа, всем будут раздавать анкеты, я тоже возьму и улизну, никто меня не заметит.

- Ну, и как же вы были одеты? – Белов улыбался, будучи уверенным в том, что никакая одежда не может испортить или опозлить этого ангела.

Глава 5.

Бакинская барышня.

Лиза думала, что, вероятно, он принимает ее за кого-то другого и, почему-то, разговаривает с ней, как с ребенком, которым она уже давным-давно не была, по крайней мере, с тех пор, как умер Никита, ее дед. Развод ее родителей, разрушив ее последние иллюзии, не оставил камня на камне от ее прямого желания иметь любящую семью и счастливый дом.

Ей было неполных шестнадцать лет, она как раз оканчивала среднюю школу, сдавала выпускные экзамены, а Александра и Василий затеяли развод с разделом имущества. Ее таскали в суд присутствовать, и, именно тогда начались мигрени, которые длятся до сих пор, не проходят по несколько дней кряду и выматывают душу. Среднюю школу она окончила на Зыхе. Это не красивое и не звучное название принадлежало небольшому военному городку на самом берегу Каспийского моря, в тридцати километрах от Баку, где еще до войны было построено военно-морское училище и пара четырехэтажных домов для семей военнослужащих.

Василия перевели служить в Бакинское военно-морское училище после семилетней службы на Камчатке и Лизе пришлось снова менять школу и друзей. На этот раз она, правда, не возражала. Уже много лет она жила без отца, скучала за ним и поехала со скандалами даже, сопротивляясь Александре, которая намеревалась оставить ее в Киеве с Анной. Василий встал на сторону своей дочери, у них образовался заговор, сплотивший их после долгой разлуки, они пересилили сопротивление Александры и Лизе разрешено было ехать.

В училище преподавали и служили морские офицеры из Москвы и Ленинграда, их женам нечего было делать, кроме, как работать в санчасти или библиотеке, но мест на всех там не хватало и они сидели по домам. Их хорошо воспитанные сыновья дарили цветы и стихи своим девочкам, за которыми ухаживали, приглашая их на вечеринки только с разрешения их родителей.

Единственным развлечением на Зыхе были свирепые и жестокие драки, случавшиеся на его проспекте, предназначенном для променадов и свиданий. Местные жители с ужасом и интересом ожидали этих драк, не столько из-за предвкушения крови, которая всегда проливалась, сколько из-за любопытства, что же случится потом. Восторгается ли справедливость? Им важно было знать, что сын адмирала, который всегда принимал участие в этих драках, будет наказан.

Время от времени, обычно в субботу вечером, на Зыхе появлялась компания молодых азербайджанцев. Они преследовали несколько целей: прошвырнуться с русскими девочками по проспекту, попасть окольными путями в кинотеатр на территории училища, а потом просочиться в клуб на танцы. Стоило увидеть их, выходящими из автобуса, можно было биться об заклад, что произойдет очередная драка. С другого конца проспекта, к ним уже в развалку двигалась группа курсантов,

не терпевших присутствия местных парней на своей территории. Проспект, девчонки, кинозал и клуб с танцплощадкой был их безраздельной собственностью и делиться всем этим с грязными «чурками» они не собирались. У азербайджанцев были ножи, курсанты дрались ремнями, выбивая бляхами оружие из рук непрошенных гостей. После таких боев, позволявшим выпустить пар густого варева межнациональных отношений, случалось, были раненные. Для острастки, самых отчаянных курсантов отправляли на гауптвахту, а местных на несколько дней сажали в тюрьму. Сына адмирала отправляли на гауптвахту чаще других и от этого он зверел еще больше.

Несмотря на поползновения азербайджанцев познакомиться со старшеклассницами, Зыховские барышни находились под надежной защитой своих отцов и кавалеров. Им шили у местных портних вышедшие из моды платья, накручивали волосы на бигуди и выдавали замуж за выпускников училища. В этих барышнях сочетались, странным образом, мещанство и интеллигентность, что лишало их способности бунтовать. Они были обречены стареть рядом со своими мужьями-офицерами, часто пьющих и безрадостно тянущих свою лямку в мышеловках закрытых военных городков, где время всегда запаздывало.

Когда Лиза и Александра, после развода, переехали в Киев и Лиза, поступив в Университет, явилась на занятия, она сразу же поняла, что вся ее одежда, внешность и стиль – это позавчерашний день. Ее сокурсницы носили высокие сапоги, очень короткие расклешенные юбочки, трикотажные кофточки с удлиненными воротничками и очень экстравагантные жилетки. Все это стоило денег, а у них денег после развода не было. Лиза долго не могла попасть «в струю», поэтому первый год в Университете она была несчастной, забитой, с комплексами, не могла найти себя, не могла вернуть себе былую уверенность, училась плохо и все вокруг нее было тоскливым и грустным.

Столица казалась местом бездушным и тщеславным. Она оглушала, заставляла двигаться и учила умению стоять за себя. Киевские девицы, не в пример зыховским барышням, были гораздо более разбитными. Имея перед собой вполне определенные цели, они пытались обольстить только что выпустившихся молодых дипломатов, уже имевших направление за границу, или сынков ответственных партийных работников, у которых была своя жилплощадь в столице. В перерывах между лекциями, они болтали о машинах, париках и шмотках, курили, громко смеялись, и были себе на уме. В этом окружении Лиза казалась глупой и не ко двору. Но, прошел год и она тоже поняла, что к чему. Отвергнув бабушкино убеждение, что она красива и без косметики, Лиза настояла на том, чтобы подводить глаза и красить ресницы черной тушью – ее огромные, серо-зеленые глаза сразу стали выглядеть загадочно и драматично. Волосы она мыла хной, еще из Бакинских запасов, и луковой шелухой до тех пор, пока они не становились цвета этой самой шелухи. Поступив на курсы «Интуриста», она стала получать стипендию, а потом зарплату, на которую покупала модные вещи из комиссионки напротив своего дома. Так появились короткие юбочки, черные, лакированные сапоги-чулки до колен на высоких каблуках и черный парик со стрижкой каре. Вместе с модными вещами, к ней вернулась уверенность – она уже была второкурсницей, поменялись некоторые преподаватели, и те, кто не знал ее с первого курса, хвалили и баловали ее, она расцвела, уже немного забыв боль, причиненную разводом родителей, мигрени стали отступать, давая более длительные передышки.

Хотя, нет, не все было так просто – дело было не только в одежде. Она страдала одиночеством. Лизе казалось, что отец бросил не ее мать, а ее саму. Александра, не желая слышать о примирении, была неумолима. Ей было невыносимо, что Василий пьет, и, спалив еще остававшиеся между ними мосты, она ринулась в развод. Анна, зачем-то, обещала ей новые многочисленные знакомства в большом городе и Александра решила, что семнадцать лет таких страданий, которые она вынесла с Василием, вполне достаточно, чтобы больше не терпеть ни дня. Лиза не хотела терять отца и он, по-видимому, не хотел расставаться с ней. Всю последнюю ночь, перед их отъездом в Киев, он просидел на лавочке перед домом. Лиза рвалась к нему, но Анна и Александра крепко держали ее у самой входной двери, объясняя ей, что Василий опустил до мелодраматизма и сидит там, чтобы разжалобить ее, а, на самом деле, ему плевать, потому что он ни разу не захотел взять себя в руки и избавиться от своего порока ради нее, своей дочери. Потеряв отца и уезжая из города, Лиза оставляла там своих друзей, своего любимого парня и собаку, которая жила с ними последние два с половиной года. Боль от разлуки была такой глубокой, что, поначалу, она ничего не почувствовала. Боль пронзила ее позже и она потерялась в ней и в своем одиночестве... Ей бы затаиться где-нибудь и переждать, но надо было ходить в Университет и как-то жить.

Одиночество породило в ней страх настолько осязаемый, разлагающий, привязчивый и липкий, что она полностью подчинилась ему. Она боялась ходить по улицам, боялась смотреть людям в лицо, боялась преподавателей в Университете. Из-за страха она сделалась суеверной и стала плохо видеть. На каждом шагу, ее преследовали разочарования и она часто думала об одном офицере, который повесился. Это случилось через полтора года после их приезда на Зых. Тогда, на его поминках, Василий впервые, после долгого перерыва, напился. Потом пошло-поехало, он уже не мог остановиться. Это были и их поминки тоже... Говорят, если в доме кто-нибудь повесится, проклятие будет дозвониться над несколькими поколениями. Зых был маленький, все равно, что их общий дом, и, несмотря на то, что Лиза не знала того офицера, проклятие, видно, никак не хотело ее отпустить.

В те, кажущиеся уже далекими, бакинские осенние воскресенья, Александра, Василий и Лиза часто ходили в свой сад. Это была небольшая дача в пяти минутах ходьбы от дома, которую Василий купил у местного пастуха. Посреди участка открытым ртом зияла яма в земле, стенки которой были выложены отесанным серым камнем, - это была печь для выпечки лепешек. Вдоль забора росли кусты шиповника, гранатовые и фиговые деревья. Желтели листья на деревьях, Александра садилась на низкую скамеечку и долго смотрела в никуда, а их собака носилась кругами по саду в безысходной, нескончаемой радости. У Василия были мешки под глазами, он уставал и задыхался после того, как вскапывал одно дерево. У него тряслись руки. Часто лопата попадала в ствол и желтые листья, предавая его, дождем сыпались на землю и на его, так рано поседевшие, волосы. Листопад отражался в карих глазах Александры, и она, как загнанная и уставшая олениха, не двигалась с места, предчувствуя, что все скоро будет кончено – их семья умирала точно так же, как умирало, подбираясь к вечеру, очередное осеннее воскресенье.

И, все же, нехотя, но неминуемо, раны затягивались, одиночество отступало. Лиза ощутила себя в «струе» студенческого люда столичного Университета, то есть перестала отличаться от них своей провинциальностью. За ней ухаживали однокурсники и один преподаватель с кафедры русской филологии.

Превратившись в модную особу, она пришла в тот памятный первый раз в «Интурист» на собеседование в коротком, черном пальто, в блестящих, черных сапогах и черном парике, со стрижкой под каре.

- Ну, и что дальше? Дальше-то что? – Белов смеялся во весь голос, представляя, как директриса курсов среагировала на это черное великолепие на этой длинноногой фигуре. В таком одеянии Лиза была похожа на французских актрис из его любимых фильмов шестидесятых годов, а это было совсем не то, что требовалось для идеологически передового, партийно-кагэбэшного «Интуриста».

- Дальше она усадила меня и стала задавать вопросы, - Лиза вспомнила, что посмотрела тогда в окно и, уже предчувствуя провал, хотя не было произнесено еще ни слова, увидела, что пошел первый снег.

- О чем?

- Обо мне, о компартии в Анголе и, кажется, о Болгарии и ее роли в СЭВе. Я не знала и делала ошибки. Анкету мне не дали и посоветовали попытаться счастья на следующий год.

- И вы не успокоились, конечно? – Белов специально подначивал ее своими подсказками.

- Знаете, я ведь тогда пришла не одна, а со своей сокурсницей. Она выглядела еще глупее, чем я. В общем, моя вызывающая одежда на фоне ее неотесанности...

- Она, что, из деревни? – для Белова этот разговор оказался гораздо интереснее, чем он ожидал.

- Нет, она городская. Но, как бы вам это объяснить, она из другой среды, в ней нет независимости, нет вкуса. Она не свободна, - медленно произнесла Лиза после минутного колебания, - она признает власть и авторитеты.

Белов опешил и ужаснулся. Он боялся продолжать разговор, но Лиза, как ни в чем ни бывало, развивала свою мысль дальше.

- Если человек не образован и не культурен, а, главное, внутренне не свободен, с ним не интересно, он не может стать хорошим пропагандистом. Нельзя отстаивать свою точку зрения, двигаясь только по узкой колее заученного. С нее могут легко спихнуть и что тогда?

Если она так рассуждает, впервые видя его, значит, не так все с ней просто. Слава Богу, что она не выпалила нечто подобное на выпускном экзамене. Почему же она так откровенна с ним? «Она мне верит, и, как будто, играет со мной», - промелькнуло у него в голове. Он искренне надеялся, что специальный отдел в Комитете не разорился на подслушивающие устройства для этой, часто пустующей, комнаты. С другой стороны, он подивился Лизиному снобизму и категоричности, хотя она была, безусловно, права. «Интурист» интересовался только студенческой элитой, молодыми ребятами и девушками с мозгами развитыми и независимыми, которых немного «причесывали», обламывали, направляя в нужное русло, но «изюминку» не закапывали. Эта самая изюминка и делала их звездами.

- И, что, тогда? – наконец осмелился Белов.

- Я совсем не знаю, о чем с ними говорить, - внезапно призналась Лиза.

- Вас же учили на курсах.

- Нас не тому учили. Скажем, минут сорок пять можно рассказывать легенды и истории. А остальные два часа? Ну, хорошо, про войну обязательно нужно, еще минут двадцать. Но я никак не могу запомнить про Коммунистическую партию и Верховный Совет. Все глупости какие-то! Нужно все это забыть, выбросить, даже не начинать, нас с этим легко можно в лужу посадить: один претендент в списках

депутатов в парламент совсем не лучше нескольких, а одна партия - это совсем абракадабра какая-то. Не то воспеваем! Что для нас хорошо, так это социальная сфера. За образование не платим, за медицинское обслуживание не платим, за квартиру платим гроши. Почему не платим? Потому что за все уже вычли из наших зарплат, поэтому они и такие маленькие, но это не важно. Правда, при этом не надо называть цифры. Не надо говорить, что средняя зарплата у нас 120 рублей. Мы должны их убедить, что, включая все выплаты на образование, на медицину и в пенсионный фонд, средняя зарплата у нас составляет 2,5-3 тысячи рублей.

- Но это же вранье! - не выдержал Белов.

- А если вранье, - все больше распялась Лиза, - то скажите мне, на что питается целый месяц и чем платит за квартиру женщина, купившая зимние сапоги за 120 рублей? Даже не за 120, а самые дешевые, за 80? Как растянуть оставшиеся сорок рублей на месяц? А если у нее ребенок?

- Не знаю, - честно признался Сережа.

- Рассказать вам, как люди выкручиваются? - не могла остановиться Лиза. - У кого-то есть знакомая продавщица в Универмаге, или, еще лучше, заводделом. Она вам оформляет рассрочку, как будто, вы покупаете холодильник или телевизор, а, на самом деле, выдает вам наличные на руки. Вы наличные тратите, а потом выплачиваете каждый месяц взносы по рассрочке.

- Я слышал об этих махинациях. Это опасно, Лиза.

- А кто нас так жить заставляет? Нас обманывают, мы выкручиваемся. Все по-честному, Сергей Сергеич! Спросите свою маму, она вам скажет, как концы с концами сводить.

- Спасибо, нам хватает, - холодно заметил Белов. Ему вдруг стало не по себе от мысли, что чем-то подобным могли заниматься у него в семье. Большой зарплаты его отца, приличной пенсии деда и его кагэбэшного оклада вполне на все хватало.

- А нам не хватает! - вконец рассвирепела Лиза.

В комнате воцарилось молчание. Белов думал о том, что если те, кто окончили курсы с отличием, так рассуждают, то, что ожидать от других? «Ничего, от других ничего ожидать не надо, - успокаивал он себя, - они не будут высказываться в подобном духе, да, и Лиза не будет. Это просто так, здесь, передо мной она пар выпустила. Но если бы это был не я, а другой, ей пришлось бы ответить по всем статьям за свою глупость и вольнодумие».

- Так о какой же жизни им рассказывать? - с издевкой спросила Лиза.

- О той, что вас учили, - тихо ответил Белов.

Всесоюзное Акционерное Общество «Интурист», в семидесятых-восемидесятых годах прошлого века, являясь монополистом в сфере приема и обслуживания иностранных туристов, было процветающей и богатой государственной организацией. Туристов было много: одни ехали в Советский Союз, чтобы доказать себе и своим друзьям, что они ничего не боятся - в то время это был, своего рода, экстремальный туризм; другие ехали, чтобы еще раз убедиться, что Советский Союз - отсталая страна и правы их средства массовой информации, расписывающие унылый край, преждевременно состарившихся женщин в шерстяных платках и медведей на улицах; иные ехали, чтобы напакостить, встречались с диссидентами, выискивали агентов КГБ за каждым углом и, выполнив свои миссии, уезжали.

На самом деле, неважно, кто с какими намерениями ехал в СССР, «Интурист» основанный в двадцатых годах, лояльно и бережно относился к своим гостям просто потому, что гости эти привозили с собой валюту. За гостями, конечно, наблюдали,

но никого особенно не трогали. Поневоле, а подчас и искренне гостеприимный, «Интурист» предлагал самые лучшие гостиницы, рестораны и обслуживание. Кто-то выучил людей, работающих в этой организации, уважать и ценить клиента, что совсем не вязалось с социалистической расхлябанностью и пофигизмом; кто-то рассказал, как надо вкусно готовить, чисто убирать и без опозданий организовывать подачу автотранспорта к поездам и самолетам в любом, посещаемом туристами, городе необъятной советской империи. Безусловно, иногда случались и проколы, особенно в разгар летнего сезона, но эти досадные исключения только подтверждали правило безукоризненного сервиса.

«Интуристу» принадлежали не только автобазы, гостиницы, рестораны и мотели по всей стране, но и огромный штат переводчиков. Переводчики владели различными языками и всеохватывающими знаниями в области истории и искусства, они проявляли политическую осведомленность и готовы были реагировать быстро и умно, в разрезе политики, проводимой партией и правительством, на любое международное событие. Некоторые специализировались на переводах в области медицины, сельского хозяйства или атомной энергетики, и становились сами не хуже профессионалов, работающих в этих отраслях. Эти образованные, привлекательные и выносливые женщины никогда не расслаблялись, постоянно читали, думали, анализировали и посещали различные семинары и выставки. Сетуя на свою сложную работу и многочисленные обязанности, они, вторя Дорис Лессинг, называли себя «говорящими попугаями с задатками бонны». Им приходилось нести полную ответственность за своих туристов, которые, бывало, вели себя, как малые дети. Они, постоянно улыбаясь, мастерски скрывая свою усталость или раздражение, усаживали своих гостей в автобусы и за столы, расселяли в гостиницах, выслушивали их многочисленные жалобы и капризы, желали им спокойной ночи и доброго утра, доставая из-под земли то, без чего эти пришельцы из других миров не могли обойтись. Они не могли сплеховать перед чужаками, потому что представляли свою страну и, зачастую, были единственным человеком, или, лучше сказать, проводником по неизведанной территории для приезжего американца, француза или немца.

Правда, был еще «Спутник» - молодежная туристическая организация, обслуживающая в основном, студентов, молодых социалистов и либералов, а также бедную беспартийную молодежь из разных стран. Но «Спутник» ни в какое сравнение с «Интуристом» не шел – «Интурист» набирал студентов из Университета, а «Спутник» - из иняза; гостиницы «Интуриста» находились на главных площадях и улицах городов и пахло там дорогими духами и сигарами, а гостиницы «Спутника» стояли на пыльных магистралях вдали от центра, больше походили на общежития и пахло там клопами и социализмом.

- Ну, так чем же закончилась история с прослушиванием? – Белову хотелось узнать все до конца. Ему казалось, что через эту историю он разгадает Лизин характер.

- Я накупила газет и журналов, - уже без настроения продолжала Лиза, - «New Times» и «Moscow News», купила еще «Morning Star», где совсем ничего не понятно было, и за неделю выучила их наизусть. Потом надела пальто... Но, я вам в деталях хочу описать! – снова оживилась она. – Пальто приталенное, длинное, цвета такого, я даже не знаю, приглушенно-розового, с темно-коричневым воротничком из норки. На голову повязала белый, тонкий пуховой платок, связанный, как кружева, а на ноги обула коричневые замшевые сапожки. Вот так и пошла.

Капитану Белову очень нравилось, что Лиза ему доверяет, так весело и тщательно описывая каждую деталь своего переодевания, но ему показалось, что она опять ошиблась в выборе наряда – на этот раз, она, вероятно, походила на прелестную гимназистку, выпускницу Смольного, что тоже не вязалось с образом советской женщины в социалистическом реализме и представлениями директрисы.

- Она спросила, была ли я раньше у нее. Я сказала, что нет.

«Солгала без запинки», - отметил про себя Белов.

- Директриса не узнала вас?

- Я думала, что не узнала. Мне было не важно, я все равно заставила бы ее прослушать меня. Я хотела, я должна была поступить на курсы именно в том году, а не в следующем.

- К чему такая спешка? Вы еще так молоды, у вас вся жизнь впереди.

Лизе не хотелось отвечать. Про пальто да про сапожки, про кураж у директрисы да, а про то, что она с тринадцати лет боится чего-то не успеть, что-то пропустить, а другими словами, боится умереть рано, она ему не скажет.

- Директриса не стала меня прослушивать, - не ответила на вопрос Лиза, - а отправила в англо-американскую группу к опытной переводчице. Я сдала собеседование на отлично и мне назначили дату большого экзамена.

Белов прекрасно знал, что означает «большой экзамен». Чтобы поступить на интуристовские курсы, требовалось не только пройти предварительное собеседование, но сдать экзамен в присутствии двенадцати человек – членов комиссии, в том числе, Генерального директора «Интуриста», всех его заместителей и руководителей языковых групп, а также, парторга и представителя из органов, или просто кагэбэшника. До этого уже были просмотрены, проверены и изучены все анкеты, в которых кроме традиционных, были графы о социальном происхождении, партийности, привлекался ли заполняющий анкету или его родственники к суду и следствию, были ли за границей, в какой стране, с какого по какое время, был ли кто-либо из родственников в плену и т.д. Руководствуясь негласным распоряжением сверху, евреев не брали. Экзаменовали на русском, сначала спрашивая о семье, где учишься или что окончил, затем переходили к политике и задавали вопросы о международном положении, как именно компартии дружественных стран хвалят курс, проводимый КПСС, как они точно называются и кто их возглавляет. Вопросов было много, не все выдерживали этот второй тур и их отсеивали, оставляя около двадцати самых лучших, тех, у кого была «изюминка».

Благополучно преодолев и этот барьер, Лиза летела домой на крыльях, шла пешком по Крещатику, тоненькая, покрасневшая от мороза, полная гордости за себя. С победой! Зашла в «Орбиту» - любимый книжный магазин – и купила «Великого Гэтсби» на английском. В гастрономе купила торт и прилетела домой. Жизнь прекрасна и впереди ее ждало так много всего! Тогда думалось, что только хорошего.

- Но вы же еще в Университете по вечерам учитесь, как вам удастся совмещать?

- Белов неосознанно радовался за нее, но как мужчине, ему хотелось облегчить ее участь, ведь он знал, какие нагрузки обрушиваются на курсантов с первого дня учебы.

- Днем занималась на курсах, потом шла в Университет, благо все рядом, перекусывала томатным соком и сосисками в Университетской столовой, садилась где-нибудь в сторонке и готовилась к занятиям. Лекции заканчивались около одиннадцати ночи, в двенадцать приезжала домой, ужинала, устраивалась в кровати

и до четырех утра учила фрески и мозаики – шесть-семь печатных листов на следующий день. В семь утра вставала и снова шла на курсы. Иногда так уставала, что плакала.

О своих ночных занятиях Лиза писала в своем дневнике: « ... Самой главной союзницей во время моих ночных бдений остается моя подружка, Луна. От ее красоты перехватывает дыхание. Сливаются воедино ночь, Луна, освещенные ею верхушки деревьев, крыши домов, тишина, комната со столом, заваленным конспектами, книгами, листами бумаги с убористо напечатанным текстом, и тени на стене, многократно увеличенные, и я сама, впитывающая эту ночь, ни на миг не отрывающаяся от писанины или зубрежки – все это представляет замечательную картину труда. Так трудиться можно только ночью, когда ничего не мешает. Такой замечательной гармонии, когда твой мозг, сердце и все предметы вокруг, превратившись в живых существ, бьются в унисон, можно достичь только лунной ночью, отключившись начисто от повседневных забот. Изредка взглядываешь по сторонам и щемящее чувство страха, что не успеешь к утру, щемит душу, но скоро пропадает и, вновь, только одна тишина сопровождает поход за знаниями.

...заходит мама, молодая и красивая, она становится тайной в этой сказке. В халатике, наброшенном на тонкую ночную рубашку, она тихо присаживается на край стола и озабоченно, и нежно, смотрит в мои, раскрытые от удивления, утомленные глаза. Шепотом она говорит: «Хватит, идем спать». Сопротивляться? Я не могу, не хочу нарушить загадки моего чувства, когда труд раскрывает прекрасное вокруг и вызывает к жизни видения, сотканые из Луны и ночи в большом городе. Я встаю, тихо отодвигаю стул и последний раз смотрю на комнату прежде, чем выключить настольную лампу. Я выключаю свет и все исчезает. Мы уходим. Опустился занавес, канула в вечность еще одна прекрасная лунная ночь без людей».

Лизе пришлось работать, как никогда в жизни до или после. Она перевелась на вечерний, потому что понимала, что главное для нее выучить язык, а не прослушать расширенный курс лекций по политэкономии и истории КПСС. Лекции на интуристовских курсах начинались каждый день, включая субботу, в пол девятого утра, заканчивались в четырнадцать тридцать, и продолжались с февраля по май, а потом работа до конца октября. На следующий год, если повезет, можно было повторить все с начала, и так несколько лет подряд. Дирекция курсов предпочитала набирать уже знакомых и проверенных курсантов, с которыми возни несравненно меньше, чем с новичками и, которые, уже обладая основным объемом знаний, могут совершенствоваться, заслуженно получая свою стипендию. Уровень занятий на курсах оставался неизменно высоким – если это были лекции об искусстве, их читали директора музеев или старшие научные сотрудники с кандидатскими и докторскими диссертациями, если о внешней политике, их читали лекторы из Дома Политпросвещения или МИДа, а иногда, приглашали специалистов из Москвы. Языковые занятия – экскурсии на английском и терминологии для переводов на любую тему – вели старшие гиды.

В тот первый год, все для Лизы было трудным и незнакомым: мозаики и фрески, техника строительства соборов и характерные черты той или иной цветовой гаммы на полотнах мастеров. Что же касается терминологии по медицине, сельскому хозяйству или процессу разоружения, то все эти труднопроизносимые слова были поначалу всего лишь мешаниной из букв и звуков. Но выстояла, выдержала, доказала, что может не только пускаться в авантюры, но что, когда надо, настойчива и терпелива.

Белов понимал, что перед ним незаурядная молодая женщина, с характером и силой воли. В КГБ тоже есть собеседования и он не сомневался, что согласись она на его предложение, прошла бы их с блеском. А каким агентом могла бы быть! С переодеваниями, с фантазией, с куражом! Жаль, что женщин к такой работе не допускают, не доверяют им. Используют больше, как приманку. Грязно и унижительно для них. В Управлении открывается новый отдел, ему велели нанять туда сотрудников. Решать, конечно, будут в отделе кадров, после собеседований, экзаменов, тестов на сообразительность, после того, как районный психдиспансер и их собственная медкомиссия дадут добро, после того, как проверят всех родственников до двадцатого колена, друзей и случайных знакомых. Он был уверен, что для Лизы пройти через все эти фильтры не составит труда, но зачем ей туда? Что же он делает? Он вдруг осознал, что у этой женщины нет ни капли смирения, ее гордость и чувство собственного достоинства, такие лишние в стране Советов, не дадут ей привыкнуть к воинской дисциплине и помешают ассимилировать в новом окружении. Там надо быть никем, обладать пустым мешком вместо сознания, чтобы вбирать в этот мешок все то дерьмо, с которым придется столкнуться, а потом легко от него освободиться. Ей не скажут правду о том, в чем будет заключаться ее работа. Скажут, что будет читать иностранную прессу, переводить и анализировать статьи. На самом деле, она будет заниматься совсем другим и дай Бог, чтобы он предложил, а она отказалась. Но, ведь, он может и не предлагать вовсе...

Капитан Белов промолчал, так и не выполнив своего поручения. Они расстались и вскоре он уехал работать в Мадрид, в советское Торгпредство. Уехал один, не женившись, как того требовало негласное предписание органов. Женатых посылают за границу охотнее, тем более, что посылают их, обычно, на долгий срок, а там уж как получится.

Глава 6.

Жених и невеста.

Теплым сентябрьским субботним днем Алексей Галич трясся в кузове грузовика по центральным мостовым Киева. Он прижимал к себе трюмо, которое не было закреплено и каждый раз, когда грузовик тормозил, съезжало к бортику, грозя перевалиться через него и разбиться вдребезги на брусчатке Владимирской. Он помогал своему сокурснику и другу, Андрею Лобову, или просто Лбу, перевозить мебель на новую квартиру – тот собирался жениться. Женился Лоб неплохо: хоть его невеста и была похожа на молодую жабку с выпученными глазами, квартира в самом центре Киева, которую ей уступил отец, скрашивала ее недостатки.

И Галич, и Лобов, через год окончат институт легкой промышленности с дипломами инженеров-технологов. Учились они без усилий и за углубленными знаниями не гнались, потому как будущее их было предрешенным и безоблачным. У Галича отец был управляющим делами Госплана Украины, у Лобова – министром легкой промышленности. И непонятно, чего это Лоб погнался за квартирой, и в квартире ли дело, гулял бы себе, но подошло время, приспичило, что называется, и

захотелось, больше не напрягаясь на все эти знакомства и ухаживания, иметь под боком жену, свою, законную и некапризную.

Не только Лобов, но и остальные друзья Галича успели пережениться, он один не торопился. Он не искал, не выбирал, а ждал чего-то.

Нет, Алексей тоже не прочь был жениться, но не встретила ему еще та «юная, нежная», от которой закружилась бы голова и обомлело все тело. По натуре своей будучи большим романтиком, чем Лоб, он времени даром не терял: охмурял и кадрил сестриных подружек, которые были на три года младше его, впрочем, долго с ними не валандался – было скучно, а те, буквально заходились от него, от его породы и стати.

Алексей Галич был и, правда, красив. Его высокий рост, косая сажень в плечах, прямые ноги, узкие талия и бедра, волосы цвета спелой пшеницы, спадающие до плеч, черные шелковые брови, шириной в палец, небольшой нос с горбинкой, светло-карие раскосые глаза, таящие насмешку, и широкий чувственный рот, еще, по-детски нежный, короче, вся его внешность и стать заставляли воображение тут же рисовать героя былинных сказаний. Светлые волосы и темные брови делали его лицо редким, породистым. Алексей был привлекателен красотой молодого мужчины, жизнь которого была сытой, веселой и беззаботной. Его холеная жизнь демонстрировала себя в его руках, и, особенно, пальцах. Его руки не знали тяжелой, или наоборот, тонкой работы и были нечувствительными. Они никогда не участвовали в разговоре жестами, а лениво лежали как два тюленя, где-нибудь на его теле. Пальцы Алексея были не длинные, одинаковой толщины, с короткими ухоженными ногтями. Его пальцы были бездушны.

Он был баловнем судьбы и своей бабки. Жил он с этой самой бабушкой, родителями и сестрой в просторной квартире в Липках, недалеко от здания Парламента. Никаких обязанностей у него, кроме учебы, кутежей, студенческих пирушек и пьянок не было. Он еще ни дня в своей жизни не работал, не помогал по дому, не бегал за продуктами. Работать было ни к чему – он учился на дневном отделении и был секретарем комсомольской организации курса. Помогать по дому его не приучили, бабушка еще управлялась сама. Мать снабжала его импортными шмотками из ЦУМа, где работала товароведом, а отец продуктами из закромов Госплановского буфета. Он успел съездить за границу, в Польшу, откуда привез прикольные пласты, косметику сестре и кое-какие сувениры для матери. **Алексею** Галичу исполнился двадцать один год и жизнь его была хороша, перспективна и ничем не обременительна!

Грузовик затормозил у светофора напротив Оперного театра, и пока пережидали, Алексей, от нечего делать, разглядывал пешеходов, спешащих перейти дорогу. Его ленивый взгляд приклеился к очень красивой девушке. Ее тяжелые, рыжие волосы змеями вились по спине, длинное приталенное платье подчеркивало стройную фигуру, а изящные ножки были обуты в красные сандалии на толстой подошве.

- А, Андрюха, вот бы с такой познакомиться! Удавились бы вы все от зависти! – Алексей, перегнувшись через бортик грузовика и забыв о трюмо, провожал взглядом рыжую красавицу.

- Эй, следи за трюмо, разобьется! Чего там знакомиться? Это троюродная сестра моя, как они там говорят на вражеском нам языке, моя кузина, – сострил Лобов.

- Брось! Не может быть! – от волнения Алексей, несмотря на предупреждения Лба, бросил трюмо и всем телом развернулся к другу.

- А чего не может быть? Все может быть. Не знается она с нами. Нос дерет. Мать ее и бабка – люди, как люди, а она другая, с придурью.

- Что значит с придурью? Того, что ли? – лицо Алексея померкло от печали.

- Да нет, гордая очень, - Лоб досадливо сплюнул.

- Ну, гордая, это ладно. На гордых воду возят.

- На этой не повозишь.

- Эх, Лоб, мы с тобой и не таких обламывали! – Алексей был уверен в собственной неотразимости.

- Ей было лет девять, - просвещал Лобов своего друга, - когда умер ее дед, перед которым в семье все пресмыкались, мытарилась она по родственникам, пока бабка меняла их особняк на Киев. Жила она и у нас какое-то время. Несчастливая, толстая, вдруг, влюбилась в меня. Я ее на дух не переносил. Во-первых, толстая, а во-вторых, девчонка. Потом уехала она к родителям, на Камчатку, что ли? Через год вернулась – красавица неопишная. Сама цены себе не знала. Тогда моя бабка, они с ее бабкой сестры родные, решила подсуесться и посватать нас, а когда время придет, то и поженить. Так она даже смотреть в мою сторону не стала. Уродом вонючим обозвала. Потом предки ее разбежались, как водится, папаша закладывал, переехали они с матерью в Киев, и она в Университет поступать вознамерилась.

Представляешь, приехала неизвестно откуда и на тебе! Моя мать возьми и брякни: «Не поступит Лизонька ваша в Университет! Туда блат нужен, а вы никого там не знаете. Пусть поступает к нам, в Институт легкой промышленности. Мы поможем, наверняка будет». Она набычилась и говорит: «Не пойду я в ваш семейно-приходской институт». Моего отца чуть удар не хватил – он, министр, помощь предлагает, а ему в морду плюют. Вот такая штучка.

- Ну, в Университет-то поступила?

- Поступила. А теперь еще и в «Интуристе» работает. Не просто тебе так.

- Так познакомь! – взмолился Галич.

- Говорю ж тебе, не знаем мы.

- А ты, ради друга, пригласи ее к себе на гулянку. Вдруг придет?

- Пригласить можно, а толку-то? Разве пусть моя мать с ее матерью переговорит.

Ты давай не расслабляйся, приехали. Выгружаем, а то невеста заждалась.

Во дворе, около входа в парадное, стояла молодая девушка с выпученными глазами, с невымытыми волосами, приклеившимися жирными прядями к ее оттопыренным ушам, в поношенных грязных джинсах и неопрятной футболке. Она бросилась Андрею на шею и Алексей понял, что перед ним невеста его закадычного друга.

Лиза перешла дорогу, на которой пережидал грузовик с мебелью и, спустившись немного по Свердлова вниз, свернула под арку, пересекла внутренний двор бывшей «Европейской», где в ту пору находился «Интурист», и поднялась на второй этаж, в свою Первую англо-американскую группу. В эту субботу она дежурила – вдруг возникнут непредвиденные туристы и нужно будет провести экскурсию – но телефон молчал. Она сделала себе большую чашку кофе с молоком и села за один из столов. Если не будет экскурсий, предстоят восемь часов безделья в полном одиночестве. А день выдался странный – осень стояла чудесная: теплая, светлая и мягкая. Все было как-то нежно и совсем не грустно. Обычно нежно весной, а осенью все сухо, ломко, пыльно и пахнет хризантемами. А тут весной запахло. Лиза была

уверенна, что что-то случится. Может быть, произойдет чудо и она станет нужна кому-то.

Она подошла к балконной двери, окна которой выходили во внутренний двор, где, на заляпанном **маслянными** пятнами асфальте, одиноко стояла черная «Волга» генерального директора – он иногда приезжал по субботам. Чем он там занимается в своем просторном кабинете в выходной день? Вздохнув, Лиза вернулась за стол и, просматривая свежие газеты, отвлеклась, подумав, что хоть она, как курица на навозной куче, и разгребла себе место в этом большом городе, одиночество снова вернулось к ней, неожиданно и властно спеленав ее существо. Перейдя на третий курс и отработав свой первый сезон в «Интуристе», она приобрела уверенность и сноровку в общении с людьми разного ранга и положения, но не приобрела друзей. За ней ухаживали, но сама она ни в кого не влюблялась. В ее душе еще теплилось чувство к своему однокасснику, который остался на Зыхе, поступил в училище и иногда приезжал к ним в гости.

Дома Александра устраивала сцены, тоже погибая от одиночества, постепенно осознавая, что она обречена – поклонники не осаждали дверей, а сама она была слишком пассивной, не уверенной в себе женщиной, чтобы искать встреч и знакомств. Устроившись на работу, сначала в библиотеку, а потом в школу учителем английского языка, она уставала и эту усталость лелеяла больше, чем интерес к собственному будущему. Анна раздражалась на ее инертность, искала ей женихов, но все неудачно. Они часто скандалили из-за пустяков, обвиняя друг друга во всех смертных грехах. Александре было обидно: разведясь с мужем, она не собиралась так вкалывать, как ей приходится делать это сейчас. Ее сразу же должен быть похитить король и начать баловать в своем королевстве. Ведь она еще и молода, и красива! Вон в Баку, на этом растреклятом Зыхе, когда она была замужем за Василием, ей проходу не давали. А тут, подишь ты, все повернулось не так, как мечталось, и она наказывала жестоко и больно за свое одиночество тех, кто жил с ней под одной крышей. Жили Александра, Анна и Лиза в двухкомнатной проходной хрущовке, где не было никакой возможности каждому найти свой угол. Им не хватало денег, чтобы подсластить разочарования и обиды. Александра начала хворать. Лиза хотела вырваться из этого ада как можно скорее.

Чтобы отвлечься, выговориться и понять, что с ней происходит, она вела дневник. В нем она писала про свое одиночество.

«...это и есть тот столб, будем надеяться, один из многих, к которому я дошла по дороге моей жизни. Конца дороги не видно, а начала уже далеко – не вернешься. А так хочется вернуться туда, в земляничные поляны, лето и изобилие. Мне сейчас очень хочется написать одну фразу: жизнь – это невыносимо тяжелая работа. Она как шар с тысячами граней – наведешь порядок на одной из граней и двинешься дальше, а там уже опять раскардаш, беспорядок, скандалы, ссоры, страх, неудовлетворенность. И ничего сделать я не могу, потому что не фокусник в цирке.

Помню, видела в цирке один номер с тарелками – пожилые муж и жена пытались сделать так, чтобы вся дюжина тарелок крутилась на длинных бамбуковых палочках и не падала. Я очень переживала, потому что первая тарелка готова была упасть и, вот, он успевает добежать до нее и снова крутануть, но уже падает другая тарелка и так до бесконечности. Но, это был цирк и от того, упадет ли тарелка или нет, ничего не зависело».

Порой, когда ей было очень плохо, она писала о себе в третьем лице:

«...Когда придешь домой, не удивляйся. Там был грандиозный скандал, сейчас атмосфера после него. С чего все началось? Как всегда, с мнения. Кончилось все потоком громких ужасных слов. Это не в первый и не в последний раз. Не надо говорить, что трудно выносить такую жизнь – мы никуда не денемся. Мы не можем жить так, как хотим, хотя живем только один раз. Ты не помнишь, сколько людей повторили эту фразу и сколько прочувствовали ее, по-настоящему, до конца? Ты не заметила, что наша жизнь изменилась? Нет, не к лучшему, она стала более грубой и жестокой. Я бы предпочла, чтобы она стала больше циничной, чем грубой. Когда люди циничны, они цинично относятся ко всему, что их окружает, они, даже, слегка оптимистичны и мало говорят о себе. Их души надежно заперты на замок и они не собираются демонстрировать их содержимое. А, вот у нас, они – нараспашку. Они оголены, это неприятное зрелище, но туда каждый может заглянуть. Если, конечно, родного человека можно назвать «каждым». Всегда есть чувство стыда, боязни и ужаса из-за того, что можно увидеть там, в наших душах. Мы страдаем от беспардонного выкрикивания слов, от которых больно до дрожи, душа наша сжимается, корежится, но закрыться, защититься себя, увы, не может».

«...я тихо хожу по комнате и мне непереносимо, а вы на меня смотрите и не знаете, как тяжело жить среди вас, думать только о вас, знать только вас, существа. Знать, что жизнь вы запутали, что думаете только о себе. Вы грызетесь, наполняя слезами и болью воздух вокруг себя. Вам не понять – вы обе безнадежно заняты только собой – как мучительно жить рядом с вами. Является призрак в сумраке звездной зимней ночи и говорит мне: «Повернись и уйди!», но я не могу, они, лицемерные гадины, держат в своей драке и меня. Раненные, расползшись по углам, они кровожадно смотрят на меня, требуя утешения, внимания и ласки. Перепахканные кровью, они требуют от меня любви! Их пожирает ревность, они грубы и не щадят людей, они калечат души. Бывают времена, когда они не дерутся и не рвут мясо друг из друга, тогда наступает серость, холод, блискослезье и бездушие. Сколько человеку надо, чтобы превратиться в существо? Чтобы рвать, подобно диким зверям, мясо друг из друга? А перед тем, как напасть, затаенно выслеживать друг друга? Чтобы родные стали чужими? Чтобы гримаса ненависти исказила до неузнаваемости родное лицо? Много ли для этого надо? Просто не любить, не дорожить. Кого не любить? Мать, дочь. Естественно ли это? Нет, поэтому больно до крика. Кто это говорит? Для одних еще ребенок, для других уже взрослый человек. Связана ли я кровными родством с этими существами? Я одна из них, но я между ними, я теряю веру, я слабну. Я не могу превратиться в них и не могу стоять между ними. Они породили меня, это правда, но я не с ними. Они родили своего врага. Они отравляют меня постоянной болью. Умом я понимаю, что я им не судья и должна разделить их сумасшествие и их участь, но душа моя рвется туда, где их нет...».

«...В своем бесконечном, как пустыня, одиночестве я жду писем от любимого человека с Зыха, а они не приходят. Знаете ли вы, что это – горе, когда не приходят письма, которых ждешь? Кажется, что жизнь запнулась и стала.

Каждый день все повторяется до мельчайших подробностей: услышу через стену, отделяющую квартиру от лестничной клетки, как почтальон двумя этажами ниже гремит ключами, подожду, когда он уйдет и тогда сбегая по ступенькам серого, грязного подъезда вниз и заглядываю в почтовый ящик. В этот краткий миг надежды на то, что принесли письмо, отчетливо понимаю, что весь год не жила, а ждала писем, и не замечала, как ела, занималась, читала, спала, смотрела телевизор,

гуляла. «С любимыми не расставайтесь!» Но, если, все-таки, с ними пришлось расстаться, ждите от них писем! Я уверена, что ощутила физически это слово «ждать», слилась с ним, изуродовалась им. Ну, вот, я заглядываю в ящик, а его железное нутро снова голо, не прикрыто белизной конверта. На меня накатывает волна разочарования, оглушая и лишая воли и сил. Стою, прислонившись к испачканной стене, и думаю, что завтра письмо непременно придет. Вспыхивает новая надежда и я медленно поднимаюсь по ступенькам назад, в свою квартиру.

Чувство ожидания – это тягучая, монотонная серость, перемалывающая в мозгах одну и ту же единственную мысль. Это – постоянное пребывание в нервном ознобе, когда горит лицо, или в состоянии невесомости, сходным с сумасшествием, когда не ощущаешь предметов вокруг, когда уже сам не знаешь, чего ждешь, но будешь так же ждать и завтра, и послезавтра...».

«...И какого лешего я тащусь, как побитая собака по жизни, если мне только восемнадцать лет? И почему я так упорно не хочу жить тутешней, шумной и молодой жизнью? «И для меня в лесу нет ни единого места, я не подниму камня на горах; я не найду двери ни в одном городе. Но в городе меня самого, на континенте своей души я найду забытый язык, утраченный мир, дверь, в которую мне будет дано войти и музыку, какой никогда не звучало; я буду преследовать тебя, призрак, по лабиринтам души, пока...» Пока? Томас Вулф о себе и обо мне».

Глава 7.

Непредвиденные обстоятельства.

Вдруг, в тишине пустой комнаты страшно громко зазвонил телефон. Лиза вздрогнула, очнувшись от навязчивых мыслей об одиночестве, и сняла трубку.

- Эй, девчонки, тут группа неожиданно свалилась нам на голову, - кричал в трубку дежурный по «Интуристу» из аэропорта Борисполь, - уж не знаю, кто ее пропустил, но в наших списках она не значится. Я сейчас автобус постараюсь найти, а вы там решайте, кто за ними придет.

- Нам решать нечего, я тут в единственном числе. Только, если я на перекладных добираться буду, пройдет не меньше часа, - упавшим голосом ответила Лиза. Она надеялась уже совсем скоро улизнуть домой, суббота, все-таки, но видно не с ее счастьем.

- Да, забыл сказать, - продолжал дежурный по аэропорту, - они без сопровождения. Так что, собирай чемодан, тут командировкой пахнет.

- Я их встречу и размещу в гостинице. Господи, в какой гостинице? – спохватилась Лиза. – Пока я добираться буду, ты обзвони администраторов. Постарайся найти места в «Руси», это к моему дому ближе.

- Ладно, что-нибудь придумаем. Ты не очень задерживайся, они и так злые, что оказались бесхозными.

Лиза выглянула в окно. Пока она вспоминала свою безрадостную юность, генеральный директор укатил – место, где обычно стояла его машина, пустовало. Ссылаясь на экстренную ситуацию, она могла попросить машину у него, а так, придется ловить такси.

Ей повезло, через полчаса она уже въезжала на площадь перед аэропортом. На круглых, ухоженных клумбах карликовые георгины всех цветов радуги все лето надрывались в немом крике. «Слава КПСС!» - беззвучно орали сотни цветов, воткнутых в землю по трафарету. Миновав роскошную цветочную агитку, такси остановилось перед входом в зал прилета. Нехотя расставшись с собственной десяткой, Лиза пулей помчалась в комнатку дежурного по «Интуристу», но там ни его, ни туристов не было. Вероятно, они проходили паспортный контроль, а он за ними присматривал.

Отдышавшись, она прислонилась к бетонной стене узенького коридора, разделявшего паспортный контроль и зал ожидания. Как раз напротив нее, висел огромный плакат, рекламирующий сигареты «Малборо». Эти сигареты были первыми ласточками из капиталистического мира. Перестройкой еще не пахло, Чернобыль еще не случился, слово «гласность» еще не родилось, Берлинская стена привычно высилась на своем месте. Словом, все было как всегда. Однако за закрытыми дверями, в таинственной и затхлой атмосфере партийных альковов, советская система готова была испустить свой последний вздох. Знали об этом только единицы, разные там посвященные и приближенные, из последних сил бдевшие у смертного одра своей утопической идеи. Они ни за что не признались бы, что именно они сами, своими собственными старческими руками и придушили свою любимую утопию. Кто бы мог подумать, что сигареты, наше уязвимое место, наш порок, наша страсть и наша слабость, первыми пробив брешь в Железном Занавесе, появятся в стране социализма, уравнивая простого смертного со всякими там приближенными. Появились они явно неспроста, кто-то там, наверху, предпочитая «Малборо» отечественным сигаретам, просто устал привозить их из-за границы. Старым большевикам надоело притворяться аскетами, им захотелось немного расслабиться – все равно их коммунистическая мечта уже издыхает на смертном одре.

Присмотревшись внимательно, Лиза заметила, что ее лицо, отраженное на толстом стекле рекламы, находится рядом с лицом голубоглазого американца, гарцующего на красавце жеребце с развивающейся гривой. Ковбой нежно и, одновременно, мужественно смотрел прямо на нее, зовя последовать за собой в заснеженные дали. Решив поиграть с ним в прятки, она немного отошла в сторону. Его призывный взгляд тут же потерял ее, упершись в стену напротив. Лизе стало обидно, получалось точь-в-точь, как в жизни – пока ты рядом, ты нужна, а чуть замешкаешься, так с глаз долой, из сердца вон.

Пока она играла в прятки с ковбоем, туристы стали собираться в зале ожидания. К ней подошел представитель «Интуриста», взмыленный и уставший.

- В Москве какой-то конгресс, - объяснил он, - мест в гостиницах нет, вот их и решили раньше времени сплавить в Киев. Москву посмотрят на обратном пути. Тридцать шесть человек. Семнадцать супружеских пар из Англии, один священник при них и один американец. Все злые и испуганные. Не завидую я тебе!

Он повернулся и убежал, а Лиза стала рассматривать тех, с кем, по-видимому, проведет следующие десять дней. В глаза бросились недовольные лица с длинными носами и острыми подбородками. Для них она – представитель «Интуриста», а, значит, виновата в том, что им переиначили всю программу и причинили неудобства. Без вины виноватая, набрав в грудь побольше воздуха, Лиза направилась к ним уверенным шагом хорошо натренированной модели. В ее походке была, также, некая доля игривости. Все равно они ее ненавидят, так пусть хоть немного

развлекутся. Представившись на прекрасном английском, она попросила их занять места в автобусе.

Пока они рассаживались по местам, Лиза заметила молодого парня. Он был невысокого роста, хорошо сложен, его загорелое лицо было чисто выбрито, светлые волосы были коротко подстрижены, серые, большие глаза были спокойны и сосредоточены. От него пахло свежестью. На нем были джинсы и светло-голубая рубашка, на плече у него болтался выдавший виды рюкзак. Войдя в автобус вслед за туристами, Лиза взяла микрофон и на несколько мгновений застыла между рядами. Она специально держала паузу, пусть хорошенько ее рассмотрят: им теперь предстоит вместе коротать время в замкнутых пространствах гостиниц, автобусов и самолетов.

- Меня зовут Елизавета Тропинина, - наконец произнесла она. - Я буду вашим гидом и переводчиком. Мне очень жаль, что ваше путешествие началось с накладки, но теперь все будет хорошо, я обещаю вам.

Она услышала гул голосов. Ей не верили, что ж, она подождет, даст им время. Представив по имени водителя, она начала рассказывать о том, как себя вести в этой, незнакомой для них стране, стараясь объяснить им, что приземлились они в столице Украины, что украинцы такие же люди, как и они, англичане, разница только в том, что говорят они на другом языке. Пообещав быть рядом с ними, помогать и оберегать, она заметила, что их глаза загорелись более благожелательным светом. «Это еще не зеленый, - отметила про себя Лиза, - но уже не красный».

Сев на откидное сидение, она заговорила об Украине. Она прекрасно знала, что они ничего не слышат, а если слышат, то не понимают. Сейчас было не время занимательных или серьезных бесед, она успеет дать им всю необходимую информацию завтра, а пока, они должны слушать ее голос, неторопливый, тихий и умиротворяющий.

Сама же Лиза думала об американце. Она уже научилась говорить и думать одновременно. Как он попал в эту группу? Ей понравилось его лицо, так не похожее на традиционные английские «носы и подбородки». Она заметила, что он тоже смотрел на нее с любопытством. Ей претила роль заботливой и любящей матери, которую приходилось играть. Если бы ее спросили, она бы, не задумываясь, выбрала роль любимой женщины, пусть даже эта роль была бы без слов и играть бы ее пришлось за кулисами.

«Кто он?» - Лиза была заинтригована. Ей пришли на ум где-то вычитанные слова «нежность воина». Что-то японское. Она говорила, думала и уже начинала чувствовать одновременно. Пока, однако, только любопытство.

Ей повезло, она смогла разместить группу в гостинице «Русь». С одной стороны - Бессарабский рынок и Крещатик, что означает центр города и удобно для туристов, а с другой - ее дом, что очень удобно для нее. Договорившись о девятичасовом завтраке завтра, она собралась уходить, но в дверях ее догнала дежурная администратор.

- Вас к телефону, срочно. Вы знаете, где. В маленькой комнате.

Лиза знала где, кто и зачем.

- Да, Федор Степанович, - она сразу узнала голос кагэбэшника, курировавшего англо-американскую группу. - Да, я встретила группу. Да, разместила их. Пока не было никаких проблем, кроме той, что в Москве для них не нашлось места. Для тех, кто выбрал нашу страну для своего медового месяца, это не самое романтическое

начало. Да, все семнадцать пар молодожены и священник с ними. Зачем? Может быть, он их всех повенчал и его наградили поездкой бесплатно. Я не шучу, я не знаю. Да, я заметила молодого парня. Он – американец. Кто он по профессии? Но, Федор Степанович, я только что встретила их, я не могла сразу начать с расспросов, тем более, они раздражены. Завтра, во время экскурсии, я постараюсь с ним поговорить. И сразу вам позвонить? Но завтра воскресенье. Придете? Будете ждать моего звонка? Хорошо. Обязательно. До свиданья, Федор Степанович.

Разозлившись, Лиза грохнула трубку на рычаг. В комнате никого, кроме нее, не было, поэтому она могла позволить себе необдуманный поступок. Завтра и так будет полно дел: первая экскурсия, подтверждение авиабилетов, заказ питания на последующие дни, а тут, вдобавок, выкраивай время для маленькой комнаты. А на себя, как всегда, ни минуты не останется, ни в туалет сходить, ни нос попудрить. Знает ли Федор Степанович как занята она будет завтра? Куда ему! Он сидит в своем кабинете, как крот в норе, полностью полагаясь на информацию, получаемую от переводчиков. Что он с ней делает, с этой информацией? К тому же, завтра воскресенье. Впрочем, выходные, скорей всего, уже давно потеряли для него всякий смысл – дети выросли, жена состарилась. Он будет рад прийти в свой кабинет, вынуть термос из авоськи, развернуть пакет с бутербродами, приготовленными женой, разложить перед собой газеты, «Правду» и «Известия», и ждать звонков от переводчиц. Преисполненный собственной значимости, он будет командовать боевыми действиями, как адмирал с мостика военного корабля. Но ее звонка Федор Степанович будет дожидаться с особенным нетерпением. «Что же, все-таки, такого в этом американце?» – Лиза почувствовала легкое возбуждение. Кажется, начинается новая игра между нею и ими. Американец тут ни при чем.

Воскресенье выдалось теплым. Стояли странные, обманные дни - в конце сентября вдруг запахло весной. Золотые листья вековых каштанов скрывали лозунги, призывы и портреты вождей. Ввысь, прорезая синеву осеннего неба, устремлялись золотые купола старинных соборов и церквей.

Лиза была свежа, красива и подтянута. Она ласково и весело поздоровалась с каждым в отдельности и пожелала всем хорошего дня. Некоторые женщины стыдливо прятали, под пудрой и шарфиками, приметы бурно проведенной ночи. Накануне, они были немного напуганы и взволнованы, и их молодые мужья, пользуясь случаем, разыграли страстных защитников. Мужчины прекрасно справились, а вот священник выглядел немного смущенным. Молодой американец замыкал шествие группы к автобусу. Его улыбка столкнулась с ее улыбкой, искренней и обворожительной.

Началась и потекла своим ходом экскурсия. Никакой пропаганды, никаких слов типа «коммунизм», никаких шуток, спущенных сверху идеологическим отделом – они никогда не срабатывали. Молодоженам нужна романтика и пусть это будут великие князья, их жены и возлюбленные, истории их увлекательных судеб и история великого града Киева. Все вперемешку.

Лиза вспомнила о том, что Федор Степанович ждет ее звонка. Она должна прервать словесную вязь из историй и легенд, и незаметно, как бы невзначай, подобраться с вопросами к «нежному воину». Она никак не могла сообразить, почему к нему привязалось это выражение. Для нее не составляло труда, посреди любой экскурсии, превратиться в Мату Хари, но сегодня, ей было не то лень, не то не было вдохновения перевоплощаться. Не в первый раз она пренебрегала своими обязанностями и в этом неповиновении заключалось ее сопротивление системе.

Соппротивление неповиновением. К сожалению, большего она позволить себе не могла, система была сильнее ее. Так что же она скажет Федору Степановичу? Что-нибудь придумает по дороге в маленькую комнату. Какую-нибудь историю, которая никого не заденет. Лиза улыбнулась молодому американцу. Он улыбнулся ей в ответ. «Что бы он сделал, если б узнал, о чем я думаю?».

Подошло время обеда. Пока англичане закусывали борщом с пампушками, Лиза, успев напудрить нос, направилась в маленькую комнатку без окон. Навстречу ей вышла переводчица, ее коллега, раскрасневшаяся и несколько смущенная своим рвением. С честью выполнив свой долг перед Родиной, окруженной со всех сторон врагами, она явно была довольна и горда собой. Лиза устроилась в кресле и набрала номер.

- Добрый день, Федор Степанович. Да, я поговорила с ним, но не долго. Наше знакомство только началось. Я не оправдываюсь. Да, кое-что. Он выпускник Гарварда. Что изучал? Э-э, право. Он молодой юрист. Так вот, после окончания учебы его родители решили, что ему не помешает повидать свет и поездка в Советский Союз - часть этой культурной программы. Нет, больше ничего. Ему все нравится и он никуда во время экскурсии не отлучался. Сейчас обедает, но вы это знаете лучше меня. Да, завтра улетаем в Минск. Я понимаю, что это важно и постараюсь поговорить с ним в самолете. Если что-то интересное, докладывать вашим коллегам в Минске? Нет, сама я не буду судить, важно ли это. Да, обо всем. Сделать что? Использовать свое обаяние? Да, я понимаю. До свидания, Федор Степанович.

Лиза сидела в кресле и думала о том, какая советская мораль, все-таки, двойная, а то, даже, и десятерная. На каждом углу орут, что строитель коммунизма – это человек нового типа с чистой душой и помыслами, другими словами, высокоморальный и неподкупный, а на самом деле... «Как только мне намекнут на то, что я должна переспать с кем-нибудь для благого дела, я уволюсь», - твердо пообещала себе Лиза. Она не знала, что таких, как она, берегут. Ее уже заметили и приберегали для будущих серьезных игр, как козырную даму в колоде карт. Она повзрослеет немного, заматерееет в дискуссиях, узнает жизнь и можно будет выпускать ее к сенаторам, министрам, и к тем, кто возглавляет группы, состоящие из борцов за права человека. Однако те, кто берегли ее, не могли даже предположить, что их козырная дама совсем из другой колоды.

Глава 8.

Поцелуй шпиона

В сером, ничем ни примечательном Минске, шел мелкий, колючий, холодный дождь. В этом городе не было золотой роскоши Киевских соборов и монастырей, он не мог похвастаться обветшалым великолепием Ленинградских дворцов и музеев, в нем не было привлекательности Московской пестрой толчеи, в которой человеческие потоки постоянно пересекались, сталкиваясь в метро, в магазинах, на улицах, площадях и в театрах. Но в Минске можно было купить хорошую обувь

местного производства, самый вкусный шоколад и прекрасные льняные ткани. Белорусские фабрики и заводы работали как часы, выполняя заказы со всего Советского Союза. Эта республика всегда была небольшим и беспроblemным телом, размеренно вращавшимся по заданной траектории вокруг главного светила.

Лизу и ее группу расселили в одной из интуристовских гостиниц – эдаком бетонном монстре, типовом образчике архитектуры 70-х, с низким потолком в холодном холле, темными коридорами и маленькими комнатками с небольшими окнами, через которые сочился серый свет. Заглянув в свой номер и приведя себя в порядок, Лиза направилась в ресторан заказывать «первое питание». Когда туристы впервые питались в новом городе по маршруту, это был не завтрак, обед или ужин, а всегда только «первое питание».

Спустившись в лифте в холл, Лиза начала восхождение по лестнице на второй этаж, где по ее представлениям, должен был находиться ресторан. Открыв не ту дверь, она стала попадать в разные коридоры, напоминавшие лабиринт в чреве чудовища. Один коридор заканчивался неким подобием бункера, где играли в карты и пили самогон подносчики багажа, другой упирался в продуктовый склад, где метрдотели и повара обычно воровали продукты, третий был длинным, гулким и совсем темным, с двумя рядами запертых дверей без номеров. Шагая именно по этому коридору, Лиза поняла, что заблудилась. В ее мозгу возникла некая философия не тех дверей, ошибок и новых возможностей. Она подумала, что довольно часто, за свою недолгую жизнь, открывала не те двери и все потому, что не желала ломиться в широко распахнутые двери вместе с толпой. Ей было гораздо интересней открыть небольшую, почти неприметную дверцу в неизведанное... Господь, правда, за излишнее любопытство нередко захлопывал эту дверь прямо у нее перед носом, но она не обижалась.

Вдруг Лиза встала, как вкопанная. Она услышала совсем рядом чье-то дыхание. Присмотревшись, она различила силуэт невысокого мужчины. Мужчина неуверенно приблизился к ней и она увидела пару светлых глаз, взгляд которых был устремлен на нее. Она не завизжала только потому, что узнала молодого американца. Продолжая хранить молчание, она ждала, когда он заговорит. Ей казалось, что в гнетущей тишине темного коридора она слышит, как бьется его сердце. Он продолжал напряженно молчать, рассматривая длинноногую фигуру незнакомки. Прошло время, прежде чем он стал различать в ней черты своей переводчицы.

- Помоги мне, - наконец выдохнул он.

Лиза была возбуждена и испугана одновременно. Она вспомнила, что его зовут Пол Брайан. Зачем ей его имя в такую минуту? Лучше бы она подумала о том, что может произойти, откройся сейчас одна из этих дверей, что выстроились по обе стороны коридора.

- Иди за мной, - одними губами проговорила Лиза.

Она быстро шла по коридору, улавливая аккуратные, почти бесшумные шаги Пола у себя за спиной. Она не оборачивалась, потому что молилась.

«Господи, - бормотала она про себя, - укажи мне путь. Давай договоримся так: если я поступаю правильно, помоги нам найти эту самую дверь, а если нет, тогда уж...».

Но в это мгновение Лиза уже толкала тяжелую металлическую дверь, ведущую на задний двор гостиницы. Под дождем мокли наваленные в кучу пустые картонные коробки, на асфальте растекались всеми цветами радуги жирные пятна мазута. В это время дня двор был пуст. Машины с продуктами для ресторана обычно приезжали

утром, белье из прачечной тоже привозили по утрам, а проститутки еще не собрались. Они начнут подтягиваться сюда ближе к вечеру, ожидая среди мусора кагэбэшников, которые спустятся, чтобы проинструктировать их. Молодых и строптивых они немного попугают, а с теми, кто подчинился судьбе и признал власть гэбистов, пошутят, перебросившись парой скабресных шуток.

- Спасибо, Господи, - прошептала Лиза, и, не оборачиваясь на Пола, которого бросила среди коробок, стала снова подниматься вверх по лестнице, надеясь попасть в тот же коридор, а оттуда, каким-то образом, в холл. Дойдя до того же места, где ей повстречались несколькими минутами раньше невыносимо красивые голубые глаза Пола, она вдруг почувствовала, что на ее плечи опустились две неласковые руки. Она опять не закричала, мгновенно догадавшись, кто умеет так обнимать. Руки, вцепившиеся ей в плечи железной хваткой, развернули ее и Лиза увидела пару серых глаз, вонзившихся в нее холодными, острыми кинжалами.

- Елизавета Тропинина? – неприятно пропел кагэбэшник.

Лиза молча кивнула.

- Пройдемте со мной.

Увидев приоткрытую дверь в одну из маленьких комнат, Лиза поняла, что это конец. «Неужели, они заметили нас?» – пронеслось у нее в голове. – «Ну что ж, еще одна возможность проверить, насколько добросовестно несет службу мой Ангел Хранитель».

Незаметно озираясь по сторонам, Лиза старалась сделать вид, что ничего не произошло. Четырехугольник маленькой грязной комнаты вмещал стол и три стула с порванной обивкой. В одной из стен тускло мерцало маленькое запыленное окошко, выходящее в вентиляционную шахту. В воздухе витали тяжелые и липкие запахи дешевого табака, грязных носков и пота. За столом сидели два сотрудника в штатском, они были старше, чем тот, кто задержал ее в коридоре. Лампа с еле держащимся абажуром, тускло освещала лица присутствующей тройки, делая их еще более уродливыми и зловещими. Лиза незаметно впила ногти в свои ладони. Нет, она не спала. Трое чекистов прекрасно знали, какое впечатление эта комната и их лица могут произвести на неподготовленного человека, но Лиза казалась спокойной, недаром в детстве она молча сидела и терпеливо ждала, когда ее освободят из погреба, куда она лазила воровать помидоры. Это была их игра, они были на сцене, вот пусть и стараются. В голову приходили мысли о концлагерях. Она где-то читала, что, оказывается, не Гиммлер был прародителем концепции концлагерей, а чекист Дзержинский, человек с «холодным умом и горячим сердцем». Дедушка Ленин одобрил концепцию, а «отец всех народов» Иосиф Виссарионович ее растиражировал.

Пока все трое молча изучали ее, Лиза пыталась успокоить себя. На дворе сейчас конец семидесятых, повторяла она про себя, а не жуткие тридцатые, когда вот такие «тройки» обвиняли и приговаривали без суда и следствия. Ее родной дед, Яков, первый муж Анны, спал на доске с гвоздями, готовя себя к пыткам. Больше года он находился под домашним арестом и, только по счастливой случайности, не был расстрелян. Яков погиб в первые месяцы войны. Судьба все равно настигла его.

- Вы переводчица только что прибывшей группы? – сухо спросил самый старший.

- Да, - Лиза услышала свой голос.

- Что-то знаете про него?

- Про кого? – ее вопрос прозвучал искренне и вполне невинно.

- Про американца.
- Он – выпускник Гарварда.
- Немного, - в голосе молодого офицера, того, из коридора, прозвучала ирония.
- Что-нибудь еще? – спросил тот, что до сих пор молчал.
- Боюсь, что нет. Я знакома с группой только два дня и...
- Вы почти два часа находились с ним в самолете, неужели не нашли время поговорить?
  - К сожалению, не нашла. - Лиза начинала сердиться, а этого нельзя было допустить.
  - Где он сейчас? – снова спросил молодой кагэбэшник, внимательно изучая ее лицо.
  - Должно быть, в своей комнате, - быстро проговорила она и ни один мускул не дрогнул на ее лице.
    - «Сейчас они перестанут играть со мной в кошки-мышки и скажут мне, что видели нас. Смогу ли я выкрутиться, все отрицая? Навсегда лишит меня работы – не самое страшное, на что они способны». Лиза вспомнила свою семью – Анну, Александру, покойного Никиту, Василия и Якова, который спал на гвоздях. Она также представила себе свою прабабку, Елизавету, вспомнив ее лицо по фотографии. Они должны ей помочь. Сплотиться и коллективным усилием вытащить ее из этого ужаса. Она же ничего плохого не сделала. Только помогла заплутавшему Полу Брайану.
    - А вы сами куда направлялись? – злорадно спросил самый молодой.
    - «Исполняет свои обязанности с энтузиазмом», - подумала Лиза. Она уже насмотрелась на таких деревенских рвачей. Попав в органы, они были уверены, что звезду с неба достали. Дай быдлу власть... В Комитете были, несомненно, гениальные умы, но эти трое к их числу явно не принадлежали. Однако именно они, преданные, но тупые, и составляли костяк этой организации.
    - В ресторан, - сказала Лиза с вызовом.
    - Ресторан совсем в другой стороне. – Пожилой офицер выглядел уставшим и раздраженным.
    - Я уже поняла это.
    - А вы ничего не заметили в его поведении, что могло бы насторожить вас, как преданного гражданина? – настаивал молодой.
    - «Преданного гражданина? Преданного кому?» – удивилась Лиза. Она давно не слышала таких выражений, разве что в старых фильмах. – «Чего же во мне больше – преданного гражданина или преданной женщины?» – продолжала она раздумывать про себя. Вспомнив голубые глаза Пола, она решила в пользу женщины.
    - Нет, совсем нет, - произнесла она самым невинным голосом. – Он очень обыкновенный, средний американец. Так, ничего особенного. Проблем с ним нет.
    - Лиза пыталась их убедить, что она видела и знала его именно таким. Что там еще, почему так много суеты вокруг него, она не могла понять, и поэтому, была ни при чем. В конце концов, это их дело разбираться в необычном поведении, некоторых, не совсем туристов.
    - Если вдруг заметите что-нибудь подозрительное, сразу же нам сообщите. Он ездит на экскурсии?
      - В Киеве ездил.
      - А в Минске сколько дней пробудете?
      - Два.

- Вот и смотрите в оба.
- Хорошо. В случае чего мне сюда прийти? – наивно предложила Лиза.
- Никуда вам приходиться не надо, а то опять заблудитесь. Вот вам телефон.

Позвоните.

- Я свободна?
- Да, можете идти. Капитан Вуячич вас проводит, - приказал старший.
- Спасибо, но я могу сама...
- Нет, сами вы не можете! – резкий окрик прервал Лизу на полуслове.

Она ненавидела, когда ее контролировали, но вынуждена была подчиниться. Все, что угодно, отконвоируйте меня на Луну, лишь бы подальше отсюда, из этой вонючей комнаты. Впервые в жизни, Лиза испугалась замкнутого пространства.

По-настоящему, она рассмотрела его только через неделю, в Москве, а, рассмотрев, стала предаваться романтическим грезам о нем.

Итак, все вместе, они доехали, наконец, до столицы великой Советской империи. В Москве все начиналось и заканчивалось. Этот город мог приятно удивить под конец путешествия, оставив неизгладимое впечатление своими достопримечательностями - Большим театром и Третьяковкой, Кремлем и Арбатом, Новодевичьим и Оружейкой. Лиза любила Москву за то, что Москва была большим и безразличным городом, где можно было спрятаться, потеряться или просто исчезнуть, растворившись в безликой толпе, что постоянно несла себя по мириаду московских улиц. В Москве каждый мог найти свою нишу и свое место соразмерно своему положению, своим запросам, талантам, пристрастиям и порокам. Этот город можно было бесконечно исследовать, каждый раз открывая что-то новое для себя, меняясь вместе с ним, становясь сегодня одним персонажем, а завтра другим. Но так видели Москву только приезжие, на несколько дней освободившиеся от тоскливого быта своих провинциальных городков. Москвичи же свой город проклинали. Он был перенаселен, перегружен транспортом и непрошенными гостями. Полжизни они вынуждены были проводить в метро и очередях. Их кормила вся страна, что правда, то правда, но потом вся эта страна приезжала в Москву отовариваться. Москвичи раздражались и вспоминали старые добрые послевоенные времена, когда в Москве жизнь текла сравнительно тихо и благообразно. Говорили, что у жителей столицы за последние двадцать лет испортился характер, они стали грубыми и негостеприимными, но это было не совсем так. Коренные москвичи, по-прежнему, оставались приятным людом, разве что самую малость были себе на уме. Столица и самосохранение обязывали...

Наравне с другими московскими достопримечательностями, глаз радовала только что построенная гостиница «Космос». Строили ее французы и сам Джо Дассен приезжал ее открывать. Прошло нескольких месяцев, и «Космос», настроившись на рабочий лад, сохранил очарование дорогого и изысканного места. На столах повсюду стояли прекрасные букеты цветов, в холлах и лифтах звучала музыка, в номерах пахло чистотой и свежестью, в ваннных комнатах все сияло, а в ресторанах подавали великлетную еду на французском фарфоре. Иностранцы чувствовали себя в «Космосе» как дома, а вот советские граждане терялись. Архитектура, роскошь, уют и безупречный сервис этого отеля начисто сметали сознание неподготовленного и малочисленного советского постояльца, привыкшего к удобствам «бездонной российской общаги».

Вышло так, что завтракала Лиза за одним столиком с Полом. Вся группа разместилась за длинным столом возле окна, откуда открывался вид на Останкинскую телебашню и статую Гагарина. Священник присоединился к своей пастве. Когда молодожены не смотрели в окно, они бросали красноречивые взгляды на Лизу и Пола, при этом о чем-то шушукаясь и хихикая. На небольшом круглом столике, за которым сидели эти двое, стоял серебряный кофейник и хрустальный графин с апельсиновым соком. На фарфоровой тарелочке, на прозрачной подушке из кубиков льда, лежали желтые шарики сливочного масла. В вазочках на низких ножках сладко таяли разноцветные джемы. Льняные, белые салфетки были сложены в замысловатые конверты. И только сваренные вкрутую яйца, неровно стоявшие в голубых стаканчиках, напоминали приговоренных к казне аристократов, смиренно ожидавших, когда им снесут голову острым ножом гильотины.

Пол, не притронувшись к завтраку, читал газету. В таких гостиницах, как «Космос», с конца семидесятых, рискнули продавать иностранную прессу, что стало большой уступкой Западу со стороны советских партийных идеологов, считавших даже «Морнинг Стар» - газету Британских коммунистов - достаточно провокационным изданием. Оторвавшись от газеты, Пол поднял глаза и улыбнулся Лизе. Его волосы были мокрыми после утреннего душа.

- Доброе утро, - поздоровался он.

- Привет, - ничего лучше Лизе в голову не пришло.

Расправив безупречной белизны салфетку у себя на коленях, она стала изучать Пола. Его лицо вдруг показалось ей знакомым. Не его ли она ждала, тоскуя в одиночестве, два последних года в Киеве? Не его ли видела во снах и в своих мечтах? Ох, кажется именно его, такого симпатичного, сильного, честного, чистого парня с легко запоминающимся именем Пол Брайан. Было так естественно завтракать с ним за одним столом. Ее ничего не раздражало и не отталкивало в нем, напротив, в этом чужаке все казалось родным, знакомым и уже любимым. Лиза закрыла глаза и представила себе белый дом, бассейн рядом с домом, и его, своего мужа, только что из бассейна, с еще мокрой шевелюрой, завтракающим за круглым столиком, на котором стоят серебряный кофейник и хрустальный графин с апельсиновым соком. Сама Лиза сидит рядом с ним, лаская его влюбленными серо-зелеными глазами, время от времени поглядывая на дом, где спят их малютки, милые ангелочки – мальчик и девочка.

Она увидела эту картинку в своем воображении так ясно, что на мгновение ей показалось, что она действительно вышла за него замуж и прожила с ним годы, полные счастья и радости. Разрешив любви проникнуть в свое сердце, она ни о чем не сожалела. Люди скажут, что она глупая, что им, ей и Полу, не суждено быть вместе и что это было понятно с самого начала, но ведь божеской любви не ведомы придуманные человеком идеологии. Идеологии слишком мизерны перед любовью, ничего для нее не значат, но все-таки побеждают ее. Лиза намазала побольше джема на поджаренный кусочек хлеба. На ее лице отразилось сильное чувство, родившееся в ее сердце.

Лицо молодого американца тоже менялось – очарованность, замешательство и сильное желание затуманивали его сознание, как тучи, вдруг набежавшие в ясную погоду на синее небо. Он, по-видимому, удивлялся тому, что такая сильная симпатия к молодой женщине настигла его именно здесь, за Железным Занавесом. Он проклинал преграды, искусственно возведенные между людьми, а, заодно, и свою профессию, которая многое в его жизни делала невозможным.

- А жаль, ты так прекрасна! – вдруг вырвалось у него.

Лиза молчала, слезы сдавили ей горло и она ничего не могла ответить. Оба они были заложниками своих систем и «измов».

- Ты свободна после обеда? – он не намеревался больше терять времени зря, без нее. Каждый оставшийся час они проведут вместе. – Мне бы хотелось прогуляться на Красную площадь. Пойдешь со мной?

- Да, конечно, пойду, - Лиза уже проглотила слезы, успокоив себя тем, что что-то лучше, чем ничего. – Когда?

- В четыре.

- Встретимся в холле, под «Велосипедом».

Пол понял и рассмеялся. Она научила его называть металлическую конструкцию, свисающую с потолка в холле гостиницы - «Велосипедом». На самом деле, это была Галактика, увиденная именно так неким французским скульптором.

- Я забыл сказать тебе «спасибо».

- За что?

- За Минск. Помнишь, в коридоре? Не спросишь, что я там делал?

- Нет, - ответила Лиза, - не спрошу.

Она хотела рассказать ему, как ее остановили, пригласили в маленькую вонючую комнату и стали расспрашивать о нем, но передумала. Ни к чему строить из себя героиню.

- А ты сообразительная.

- И ужасно везучая, - добавила Лиза.

В четыре они встретились в условленном месте, поймали такси и поехали в центр. В Москве Лизу не таскали в маленькие комнаты. Не в пример другим городам, где ловлей шпионов занимались всерьез, Москва решала глобальные проблемы. Иностранцев в столице было много и уследить за каждым не было никакой возможности.

За Красной площадью, монументальной и роскошной, цветастой и чванливой, за первыми же домами, если идти в сторону гостиницы «Россия», притаились тихие улочки, выложенные брусчаткой. По обеим сторонам этих улочек стояли солидные здания, у дверей которых дежурили люди в штатском. На этих улочках не было деревьев, они просматривались вдоль и поперек. Ходить по ним не возбранялось, но москвичи, сознательно или нет, обходили их стороной, предпочитая толпиться по соседству, на широких бульварах, где находились магазины и станции Метро.

Пол попросил Лизу прогуляться с ним по одной из этих улочек. Она не возражала. Он обнял ее за плечи и они неторопливо пошли по брусчатке, разговаривая и смеясь. Мужчины в серых костюмах, стоявшие у массивных дверей солидных зданий, не обращали внимания за эту парочку иностранцев, явно забредших в их владения по незнанию. Пол рассказывал какую-то смешную историю, иногда бросая быстрый и цепкий взгляд по сторонам. Вдруг его рука незаметно дернулась, дотронувшись до черной чугунной урны, украшенной серпом и молотом – в районе, вокруг Красной площади, даже чугунные урны, предназначенные для мусора, были произведением социалистического реализма. Заметив его жест, Лиза вопросительно посмотрела на него. Он что-то выбросил, или, наоборот, быстро взял? Скорей всего, выбросил. Но что? Совсем недавно они ели мороженное, может быть, обертку от крем-брюле? Она облизала свои сладкие губы. А если нет, если это было что-то другое, записка или послание? Но здесь?

Прямо под носом у кагэбэшников? Лиза решила сделать вид, что ничего не заметила. Хотя, его жест, конечно же, не был случайным.

Как насчет бдительного гражданина страны Советов, честно выполняющего свой долг по пресечению каких бы то ни было враждебных действий, направленных против этой страны? Она вспомнила лица троих мужчин в грязной комнатке в Минске, вспомнила их слова и тон, которым они разговаривали с ней. Не зная ее, видя ее впервые в жизни, они уже воспринимали ее как врага. Главное для них было ее запугать, тактика старая и проверенная. А между тем, у страны не было врагов. Враги были у режима, и этот режим Лиза не любила. Она не могла согласиться с его методами, принесшими столько горя ее семье. Режим был несправедливым и несостоятельным. Стараясь жить отдельно от него, не касаясь его, сопротивляясь духом, она ничего не могла изменить в своей жизни, потому что родилась именно здесь. Появляясь на свет, мы не выбираем ни родителей, ни страну, а потому, наша судьба, во многом, предопределена. Из этой первоначальной данности, думала Лиза, ее может вырвать только любовь.

Они вернулись на Красную площадь, а оттуда пошли к Москве-реке. Пересекая мост, Пол и Лиза остановились и, перегнувшись через перила, стали смотреть на воду. Темно-синие потоки уносили с собой их время, последние часы, когда они могли быть вместе. Скоро они расстанутся навсегда. Лиза подняла глаза, они затуманились дымкой грустных мыслей. Глаза Пола источали боль и желание. Дотронувшись кончиками пальцев до его лица, Лиза чуть не закричала. Несбыточность их любви, их судьба, предreshенная кем-то, но не ими – все это было крайне несправедливо.

Он наклонился и поцеловал ее. Это был долгий, нежный и страстный поцелуй. Он любил ее и прощался с ней. Это был самый лучший поцелуй в ее жизни. Поцелуй мужчины, с которым она могла быть счастлива, который, вероятно, был ее половинкой, узнаваемой и родной. Это был поцелуй шпиона, который ей запомнится на всю жизнь.

Пол крепко прижимал Лизу к себе и они, слившись воедино, на мгновение стали островом посреди людского потока, чьи воды медленно огибали их, едва касаясь их сомкнутых тел, оберегая их единственный и последний поцелуй своим равнодушием.

Этот страстный и долгий поцелуй был первым настоящим поцелуем в ее жизни. Она будет снова любить, ее будут целовать, но никогда из ее души не исчезнет боль и горечь, не зарубцуется чувство утраты. В том сентябре, она случайно встретила и потеряла своего необретенного мужа, мужчину, которого она узнала, с кем ей могло быть хорошо. Зачем Господь наказывает нас? А, может быть, это и не наказание вовсе, а знание, намек на нашу будущую жизнь. Нам дают мельком увидеть того, с кем судьба нас обязательно сведет в другом бытии. Кто знает...

Они провели свою последнюю ночь отдельно, в своих номерах. Пол звонил Лизе каждые полчаса и молчал. Он слушал ее дыхание, не осмеливаясь заговорить с ней – оба знали, что телефоны в гостинице прослушиваются.

На следующее утро «носы и подбородки» улетали. Они были в прекрасном настроении и, прощаясь с Лизой, они искренне благодарили ее за доброту и заботу. Еще долго после того, как они исчезли за перегородкой паспортного контроля, Пол оставался с Лизой, крепко держа ее за руку, не в силах заставить себя перешагнуть последнюю черту.

- Как глупо, что я не могу забрать тебя с собой! – в его голосе чувствовалась растерянность.

Священник стоял рядом с Лизой и Полом. Его присутствие успокаивало и вселяло надежду на то, что кроме систем есть еще Бог, который, тем не менее, не вмешался. Наконец, священник тихонько подтолкнул Пола и в мгновение ока их тела стерла голубая перегородка, за которой начинался другой, чужой мир. Лиза осталась один на один с обломками своей первой нежданной любви. Ее нежный воин уехал навсегда.

Глава 9.

Большие жирные карпы

Александре позвонила ее двоюродная сестра, мать Андрея Лобова. Она, казалось, забыла все недоразумения между ними, ведь Александра находилась сейчас почти что в бедственном положении, а она – жена министра и ей пристало помогать и заботиться о бедных родственниках, а не гневаться на их неблагодарность. Судьба повернулась к ней, наконец-то, лицом – ее неказистый муженек вдруг выбился почти на самый верх. С чувством огромного удовлетворения она жила сегодняшним днем и иногда вспоминала, как они всей семьей гостили у тети Ани в ее особняке в Измаиле. Тогда все было в аккурат наоборот: среди той провинциальной обеспеченности и расслабленности, в том райском саду, посреди картин и запаха красок, рядом с красавцем Василием, она со своим мужем, инженером-технологом, чувствовала себя глубокой провинциалкой, несмотря на то, что вся их семья уже давно жила в Киеве. Тогда она завидовала Александре, завидует ли ей Александра теперь?

- Александра, - сказала она, - ты же знаешь, что Андрей женится?

- Да, Милочка, конечно, мы все знаем и желаем ему только добра и счастья с молодой женой. Как хорошо, что ты позвонила! Как чувствует себя тетя Тося?

- Держится. Так вот, Андрей устраивает вечеринку для молодежи и мы бы хотели, чтобы Лиза тоже была.

- Хорошо, мы с мамой ее привезем.

- Без вас, Александра. Там будет только молодежь. Не волнуйтесь за нее, ничего с ней не случится, она уже взрослая.

- Ты что-то имеешь в виду, Мила? – голос Александры стал металлическим.

- Да, я скажу тебе. Только не говори Лизе, пусть для нее это будет сюрпризом. Там будет один молодой человек, друг Андрея, они учатся вместе. Мальчик что надо, у него блестящее будущее. Его отец - управляющий делами Госплана.

Голос Александры потеплел: она тут же представила свое обеспеченное будущее без каждодневных уроков в ее опостылевшей Подольской школе. Ее пошатнувшееся здоровье требовало неустанной заботы, ей нужны были путевки в санатории, отдых и покой.

- Ну, раз так, Милочка, тебе виднее. Я полагаюсь на тебя. Но если, вдруг, у них все сладится, сумеет ли он отвечать за семью? – Александра имела в виду семью в расширенном виде, включавшую и ее.

- Не беспокойся, мы вам плохого не желаем. Я знаю, что тебе пришлось пережить. Мальчик во всех отношениях положительный и подходящий для вашей

принцессы. – Людмила Лобова как-то странно и нехорошо рассмеялась: Алексей Галич действительно был не плохой партией, но справится ли он со всеми этими женщинами?

Александра уговорила Лизу идти. Они даже вместе выбрали подарок Андрею на свадьбу. В магазинах ничего оригинального не было и после долгих хождений купили, наконец, никому не нужные статуэтки из цветного стекла.

На вечеринке Лиза чувствовала себя одинокой как никогда. Алексей там был, но от нервного своего состояния и от страха, что он ей не понравится и она откажет ему в свидании, он страшно напился. Он уже был крепко в нее влюблен. В конце концов, когда все танцевали, а Лиза собралась уходить, он прижал ее к стене, преградил дорогу рукой и назначил свидание. Она съездила его по морде. На этом первое их знакомство закончилось.

Шагая по вечерним улицам домой, Лиза жалела, что и в этот раз радости не случилось. Ей было обидно, что такая неординарная внешность досталась такой свинье, как Алексей Галич. Все эти три года, что прошли со времени развода ее родителей, ей очень хотелось, чтобы ее полюбили. Сама-то она уже давно была беременна любовью и готова была выплеснуть ее на того, кто будет хоть мало-мальски достоин ее. Вспомнив Пола и его поцелуй, она почувствовала, что ее щеки намокли от слез. Ну почему, почему судьба так жестока?!

Все, включая Александра и Анну, считали ее недотрогой. Александра, правда, молила Бога, чтобы так оно дальше и продолжалось, до самого Лизиного замужества. Она боялась, что ее слишком красивая дочь не устоит перед соблазном, впадет в развязность и обесчестит семью. Анна, наоборот, предполагала, что «это» вполне может и должно произойти, только лучше позже, чем раньше. Она помнила, как волновалась, что «это» могло случиться, когда ее тринадцатилетняя внучка с дворовой ватагой, которой верховодил ее любимый мальчишка, наводила ужас на всю округу. Сама Лиза об «этом» думала мало. Она много читала о близости между мужчиной и женщиной, но так как практических книг об этом в советские времена не было, она читала обыкновенные романы, где интимная близость описывалась романтически и загадочно. Как только дело заходило дальше поцелуя, авторы тут же переключались на описание Луны, природы и трелей соловья. Внутреннее чувство ей подсказывало, что физическая близость между двумя полами – явление неординарное и не банальное, а, напротив, редкое по красоте и глубине пробуждаемых чувств. Интуиция одарила Лизу знанием, что радость от физического соития, может преобразиться в необычайно богатые эмоциональные переживания, а затем, и в духовные. Только человек для этого нужен не случайный, а тот, единственный, кто, уже обогащенный опытом, уверенно и красиво введет ее в необъятное царство земной и греховной любви.

Случилось так, что на приеме по случаю бракосочетания Андрея Лобова, Лиза снова встретила с Алексеем. Хоть он и мучился стыдом после своего первого провального знакомства с ней, сел, все-таки, рядом. Он исхудал, явно нервничал и даже привел с собой сестру для моральной поддержки. Лобов посоветовал ему забыть студенческий жаргон и вспомнить русский язык, потому что в семье Лизы читали книги. Он ничего не пил и, наконец, решился пригласить Лизу на танец. Как его ни корбило, сначала он испросил разрешения у Александры.

Во время танца что-то произошло: внезапно между Лизой и Алексеем возникла та неожиданная близость, которую не ждешь, но которая случается как гром среди ясного неба. Она смотрела, не отрываясь, на его белозубую улыбку и в его глаза,

которые из светло-карих превратились в янтарные и рассыпали вокруг нее золотую пыль.

В конце февраля Алексей и Лиза были помолвлены. Анна открыла бутылку виски, купленную еще Никитой именно для этого случая. Она заплакала, жалея, что муж ее ушел так рано. Она также плакала из-за того, что было ей трудно и одиноко после его смерти. Потеряв такого мужа, как Никита, легко можно было потерять и себя. Не в силах больше смотреть на дом и на сад, где была счастлива с ним, она решила переехать в Киев, поближе к старшей сестре. Анна начала с распродажи мебели, затем продала машину, лодку, некоторые из картин Василия и редкие цветы, которые выращивала в горшках в небольшой оранжерее. С каждой утраченной вещью, она утрачивала себя и свою жизнь – прошлую и будущую. Она знала, что останется одинокой, но никогда не говорила об этом. Она умерла вместе с Никитой и решила отвергнуть, избавиться от всего, что было связано с их совместной жизнью. Ей было все равно где жить, что делать и как коротать долгие годы до своей собственной смерти. Александра, почувствовав настроения своей матери, оставила с ней дочь и маленькая Лиза, сама переживая трагическую и жестокую бессмыслицу всего происходящего, сумела спасти Анну от бездны.

Измаильский дом годами ограждал их от нищеты и социализма, но после смерти Никиты, и то и другое ворвалось в их жизнь внезапно и очень осязаемо. Все, что с такой любовью создавалось и облагораживалось их талантливой семьей, в одночасье было пожрано и изуродовано чернью. В их доме поселилась одинокая мать с целым выводком грязных детей, которые не имели понятия о ни о красоте, ни о домашнем уюте. Они носились по саду, вытаптывая заботливо укутанные саженцы роз, разрисовывали цветными карандашами старинные фаянсовые изразцы, которыми были выложены печи в комнатах. Лиза задыхалась от обиды, ярости и брезгливости. Анна все это видела, но винить было некого. Никита не предал их, он умер. Случилось так, что вместе с ним умерла вся семья. Уже никогда Анна, Александра, Василий и Лиза не смогут быть той семьей, какой их помнил Измаил. Кто-то сказал: «...дух, растянутый на дыбе отчаяния и недоумения». Да, именно так Анна была растянута на дыбе отчаяния, но осталась жива. Трудно им было и сейчас – Александра не пристроена, а Лиза выходит замуж за парня, вроде бы и не плохого, но душа Анны не лежит к нему.

Настало время познакомить Лизу Тропинину с родителями Алексея. В доме жениха готовились долго, жарили, парили и пригласили ее на смотрины одну, без мамы и бабушки. Анна сшила ей к случаю голубой приталенный костюмчик и белую кофточку из гипюра. Шею Лиза обмотала блестящими бусами из розовых стекляшек.

За столом разговор не клеился. Мать и отец Алексея были людьми простыми, не особенно культурными. Жизнь благоволила им, они с удовольствием пользовались ее благами и, не покладая рук, наполняли дом до краев всем, что могли достать, получить или купить в специальных закромах по специальным ценам. Они были завсегдатаями различных спецраспределителей, баз и складов. Лиза ела астраханскую черную икру и думала, что соскучилась по таким яствам. Давно забытые вкусовые ощущения пробудили в ней детские воспоминания и внутри у нее потеплело. Ну и что, что его родители простоваты и грубы? И разве имеет какое-то значение, что его сестра, похожая на Марфушку, злая и завистливая? Все это не важно. Жить ей не с ними, а вдвоем с ее нареченным. И совсем не плохо, что они не растерялись, а удачно устроились на самые доходные должности в Киеве

– в Госплан и в ЦУМ. Намного лучше жить вот так, обеспеченной жизнью, огражденной блатом и привилегиями от унижений и невзгод, ни в чем не зная ущемления своих желаний, чем трубить в школе, как Александра, бесплодно мечтая о хорошей жизни. Отец Алексея тоже не дурак выпить, а мать держится за него и в мыслях нет разводиться с ним. Но, как назло, Лиза не знала, о чем с ними разговаривать.

Она была совсем другим образчиком человеческой породы – как будто золотая рыбка попала в пруд с карпами – большими, серыми и упитанными.

В то же время, в этом доме был достаток. Достаток, который создает уют. То, что она потеряла, когда умер Никита. Апельсины в хрустальных вазах, красивые сочные яблоки, зажаренное мясо с корочкой, натертый хрен со сметаной, белая булка с рассыпчатыми бусинками икры на ней, диковинные коробки с шоколадными конфетами. Конечно, это были только внешние признаки ее измайловской жизни, но и этого было достаточно, чтобы растопить Лизино сердце. Она уже давно была голодной. Самое вкусное, что она ела – был жареный кроль. Кролей Анна подпольно разводила на заднем дворе в оранжерее, где работала садоводом. Сама их убивала и освеживала шкурки. А иначе, мяса им было не видать – на все про все денег не хватало.

За столом все говорили банальности, изъясняясь короткими предложениями, не требующих продолжения. И только вдруг, посреди ужина, Алексеева бабка взялась дотошно расспрашивать Лизу обо всем, что и так уже было известно – о ее родителях, о разводе, о том, где сейчас работает Александра и сколько получает. Лиза отвечала односложно: ей было стыдно и больно. Уста ее наслаждались вкусной едой, а душа увядала. Чтобы прекратить такой унижительный для нее допрос, она сказала, что есть больше не хочет и всех благодарит. Никто намека ее не понял и из-за стола не встал. Все продолжали что-то жевать, а бабка тут же нашлась:

- А ты, деточка, мяты выпей, у меня отвар готов, сытость как рукой снимет.
- Я не люблю мяты, - призналась Лиза, - меня тошнит от нее.
- Раз тошнит, значит, у тебя глисты, - громко поставила диагноз бабка.
- Нету у меня никаких глистов! – со злостью огрызнулась взбешенная Лиза.

Лицо ее покраснело и глаза стали блестеть.

Мать Алексея, испугавшись, что их будущая невестка сейчас расплчется, прикрикнула на бабку, чтобы та оставила девочку в покое.

- А ты помалкивай, - ополчилась на нее бабка. - И тебе, и сестре твоей не раз глистов гоняла и ей надо! Все-таки в семью принимаем.

Лиза встала из-за стола, с грохотом отодвинув стул. Она выразительно посмотрела на Алексея, но тот продолжал уминать отбивную. Его сестра хихикала.

- Я бы хотела пройти в соседнюю комнату, кушать я больше не хочу.

Тона ее голоса, напряженного и четкого, нельзя было ослушаться. Алексей встал. Бабка удовлетворенно поджала губы, а мать засуетилась, предлагая посмотреть фотографии, послушать пластинки, которые ее дорогой сынок привез из Польши, и потанцевать, пока накроют чай. Чай накрывала и грязные тарелки на кухню уносила, которые потом мыла, приходящая родственница из отцовской деревни. Молодая некрасивая женщина, сумевшая выучиться на зубного врача. Отец Алексея устроил ее на работу в Госплановский зубоветеринарный кабинет, помог с кооперативом и, с тех пор, она мыла у них посуду. Ее всегда приглашали как будто на ужин, но подразумевалось, что Валя уберет тарелки со стола, переменит блюда и

накроет чай, а потом, когда гости разойдутся, останется и все подчистит и перемоеет. Лизе это было неприятно.

Алексей пригласил ее в комнату, где его отец держал попугайчиков в клетке. Рассматривая птичек в наставленных друг на друга клетках, Лиза вдруг вскрикнула. В круглой клетке, стоявшей поверх остальных, сидела пара сравнительно больших попугаев. Один из них был абсолютно голым.

- Ты не пугайся, - со смехом объяснил Алексей. - Голая – это самка. У нее были блохи и отец ее помыл белым вином, вот она и облезла. Кто-то посоветовал ему. Но хохма не в этом. Сейчас я выпущу ее, посмотришь.

Он открыл дверцу у клетки и стал ждать. Скоро самка зацепилась лапками за край дверцы, а оттуда перепрыгнула на портьеру, свисавшую с оконного карниза и стала карабкаться вверх. Добравшись почти до самого карниза, с душераздирающим, пронзительным криком, она бросилась вниз, на пол. Тут же, поднявшись с пола и востепенувшись от удара, она снова стала карабкаться вверх по портьеру. И снова с высоты ринулась вниз. Ее вопль был полон такого отчаяния и боли, что Лиза расплакалась. Зная животных и умея с ними обходиться, она догадалась, что эта самка, потеряв перья, хочет умереть. Перестав быть похожей на других птиц своего вида, она стала изгоем, ненужным, непривлекательным существом, которое полностью игнорировал ее партнер по клетке. Потеряв любовь самца, она потеряла всякую надежду вывести птенцов, соорудив для этого гнездо из собственных перьев. Она скоро умрет, подумала Лиза. Слезы ее высохли от злости на этих нечувствительных людей – Алексея и его отца. А женщины! В доме же есть женщины, как же они не понимают?

Повернувшись к своему жениху, она сказала:

- Это совсем не смешно. Это ужасно. Хочу тебе объяснить, не знаю, поймешь ли ты, что и животные, и птицы чувствуют так же, как и мы, люди. Часто среди нас встречаются гораздо более примитивные особи, чем они. Поэтому, можно предположить, что некоторые из них сложнее нас, и, следовательно, могут чувствовать сильнее, чем мы. Они просто не в состоянии объяснить нам своих чувств потому, что не говорят на нашем языке. Но это не их проблема, а наша. Создав атомную бомбу, мы до сих пор не научились понимать наших братьев меньших.

Алексей опешил. Не совсем поняв, что она ему сказала, он расстроился. Лиза должна была бы рассмеяться, ведь его сестра и мать смеялись. Она же расплакалась, а потом разозлилась. С его точки зрения, ей не хватало простоты и приземленности. Хотя, именно поэтому, его и тянуло к ней. Ему неожиданно показалось, что ему повезло: его будущая жена напоминала жар-птицу с огненным оперением из сказки, или золотую рыбку. Он ухватит ее за хвост и проживет жизнь яркую и счастливую. Даже его домашние ему завидовали.

Скоро Лиза распрощалась. Ей насовали полные карманы апельсинов и конфет. Она не отказывалась, знала, что мама любит сладкое. Алексей пошел ее провожать и по дороге лез целоваться. Лиза отстранялась, он прижимал ее к себе, больно давили в карманах апельсины и она спешила, почти бежала домой, где ее ждали с расспросами.

Она ничего не стала рассказывать, так только, в общих чертах. Молча вынула конфеты и апельсины из карманов. Александра поставила чай. Все втроем сидели за столом: Александра с удовольствием ела сладости, Анна размачивала сухари в чае, а Лиза молча на них смотрела. Не анализируя своих отношений с Алексеем, стараясь

не думать, любит ли она его, она смотрела, как ее мама ест конфеты, и ей хотелось, чтобы этих конфет всегда было в их доме навалом, любой ценой. И еще ей хотелось перемен, и чтобы случился праздник, где она будет главным действующим лицом. В Измаиле, во время праздничных ужинов, она всегда была в центре внимания, потому что так хотел Никита. После его смерти жизнь не давала ей главных ролей. И ей захотелось стать невестой, захотелось участвовать в подготовке этого события, выбирать фасон подвенечного платья, смотреть, как все суетятся, составляют списки гостей и придумывают меню. Ей хотелось засиять хоть на день, хоть на час и неважно, кому она, за этот час или день, продаст свою душу.

Когда Алексей вернулся в тот вечер домой, все уже спали. Только бабка его жгла свет в гостиной, поджидая своего внука. Алексей ее побаивался. Маленькая, чуть ему не по пояс, она была верткая, языкатая и отчаянная. В конце двадцатых годов, она сподобилась стать начальником пожарной охраны Киева и командовала дюжими мужиками, которые перед нею робели и не смели ей перечить. Было в ней что-то настоящее, не загаженное коммунистическими партийными привилегиями и обустроенным бытом. Она томилась в этой шикарной душной квартире – райском мещанском саду, так заботливо возделанным руками ее старшей дочери. Она рвалась переехать к младшенькой своей, Лёле, родившейся от еврея, которого она любила до беспамьтства, в ее однокомнатную квартиру, к ее уже четвертому по счету мужу, тоже еврею. Умереть она хотела там, на раскладной кровати в кухне, а не здесь среди диванов, жира и тараканов.

- Пришел? Проводил свою кралю?

- Бабушка, ну зачем ты такие слова подбираешь? Краля... Проводил.

Алексей зевал во весь рот и собирался спать.

- Я тебе вот что скажу, - остановила его бабка. - Раз собрался жениться, женись. Но не по зубам она тебе, голубь мой. Слаб ты для нее будешь характером.

День свадьбы был назначен на середину июля. В ночь перед свадьбой случилось происшествие – странное и ужасное. Тот парень, живший в той же хрущовке, что и Лиза, предводитель дворовой ватаги, что был влюблен в свою тринадцатилетнюю искательницу приключений, так и не сумел перебороть свое чувство к ней. Ей же показалось, что она переросла его, а он задержался где-то там, в отрочестве, забыв повзрослеть и умственно развиться. Надеясь, что в будущем ей встретятся настоящие романтические рыцари, трубадуры, готовые посвятить ей свою жизнь, Лиза написала в своем дневнике, что постепенно его любовь стала обузой для нее и что вспоминать ей время их страстной влюбленности неприятно. Врала она. Он был всем для нее в то время – и ее Николая, и Фан-Фан Тюльпаном, и д'Артаньяном. Однажды вскружив ей голову, он без устали кружил ее каждый день. Это он обдирал все клумбы в округе, чтобы подарить ей не просто букет, а завалить всю квартиру цветами; это он спасал ее из подворотен и снимал с крыш, окруженную разъяренной толпой других влюбленных мальчишек; это он дрался за нее; это он уступил ей место главаря в собственной дворовой ватаге и заставил своих сорвиголов уважать ее. Это он целовал ее страстно, до иступления, умоляя отдаться ему. Лиза была влюблена, целовала его в ответ, но больше играла, поджидая свою взрослую пору и новые любовные победы. Тогда казалось, что будет их много и будут они легкими. Но особенных побед не было, влюбленностей тоже, а выпало ей раннее замужество. Валерка, узнав о предстоящей свадьбе, всю ночь выл под ее окнами, как утративший свою подругу волк. Он что-то кричал и снова принимался выть, наводя ужас на соседей. Друзья пытались оттащить его от ее окон, увести домой, но он не слушался

и дрался. Лиза стояла, прижавшись к стене у окна, и в суматохе мыслей чувствовала, что вся это – плохое предзнаменование. Ей было отвратительно от этой необузданности чувств, но совсем скоро, только таких чувств она и станет требовать от своих мужчин.

Свадьбу отыграли, однако покрасоваться Лизе на своем собственном празднике не удалось. Платье ей сшила Анна из белого крепдешина, а поутру, в день свадьбы, привезла белые розы из оранжереи и обмотала их шелковыми лентами. Никто особенно не суетился. Гости собрались в квартире у родителей Алексея. Анна постелила на стол перед молодыми старинную скатерть и поставила два бокала, сохранившиеся еще с измайльских времен. Все остальное выглядело жалким – как на неудавшемся дне рождения. Не те люди этот праздник делали.

Напрасно Лиза сторговала свою душу за несколько часов неудавшейся потехи. Тоска и неудовлетворенность с годами превратят ее в стойка. Без усталости она будет доказывать всему миру, что не ошиблась в своем выборе, что может не только создать, но и сохранить семью. Ее тщеславие и поспешность толкнули ее на этот шаг, а впереди была расплата – тринадцать лет замужества за Алексеем Галичем.

Глава 10.

В ожидании таинства любви

В своем первом браке, со своим мужем Алексеем, Лиза испытала всю гамму чувств – от удивленного разочарования до глубочайшего одиночества.

Поняла она свою ошибку рано, через несколько дней после свадьбы. Алексей не умел любить, а для Лизы было важно быть любимой. Она знала, как подарить свою любовь и хотела получить равное по силе чувство взамен. Но любовь ведь бывает разной. Что она знала о чувственной любви? Александра не говорила с ней об этом, боясь растревожить эротические фантазии своей красавицы-дочери, да и сказать ей было особенно нечего. Собственные мечты она похоронила в своей нелюбви к Василию, а потом они утонули в его пьянстве. Лиза действовала самостоятельно и с самого раннего детства влюблялась, неосознанно пытаясь пробиться к тайне, но время ее все не наступало и тайна ей никак не открывалась. Она не жалела об этом, потому что не знала, что именно должно произойти с ней в момент соприкосновения с тайной, но чувства ее были донельзя обострены ожиданием, интуицией и знаками, которые подавала ей жизнь на пути созревания. Лиза замечала эти знаки, но не всегда их понимала. Бесспорно было одно: она родилась с уже заложенной в ней женственностью и чувственностью, ей не надо было учиться этому. Любовь в любых ее проявлениях и ипостасях была для нее не просто одной из составляющих, но самой жизнью. И вот сейчас, будучи уже несколько часов замужем, она готовилась стать женщиной.

Сразу после свадьбы Алексей и Лиза улетели в Крым. Отец Алексея достал им путевки в дом отдыха. В самолете Лиза рассматривала увесистое золотое кольцо, сиявшее у нее на пальце, а Алексей утомленно спал. Ей бы хотелось, чтобы он не спал, а целовал ее нетерпеливо и жадно, не имея сил дождаться уединения. Но он

непробудно спал и она стала думать о другом – о том, что месяц назад судьба подала ей знак, намекнув в самый последний момент на другую возможность.

За две недели до свадьбы ей поручили сопровождать двух туристов-индивидуалов во время их прогулки по Днепру. Кто-то из переводчиков уже с ними работал, но потом что-то случилось и ехать надо было ей. Индивидуалами оказались два симпатичных парня-американца. Оба прекрасно говорили по-русски. Именно по-русски, по-книжному, даже как-то по-дворянски – чисто, нежно и бережно обращаясь со словами. Так любила говорить и Лиза, и поэтому ее часто принимали за иностранку. Погода была отменная: нежаркий, июльский ранний вечер. На катере разместились на открытой палубе и смотрели на берега. Сначала молчали, но потом один из парней заговорил о Петербурге, о том, что там сохранился дворец, в котором когда-то родился его дед, и что он непременно хочет его увидеть. Его мать приехать не захотела, она обижена на советскую власть за то, что пострадала ее семья, лишившаяся по вине большевиков крова и Родины. Такое не прощают. Тот, что рассказывал, оказался князем, тот, что молчал его другом. Лиза невнимательно слушала, повернувшись к князю профилем, остановив свой взгляд на правом берегу Днепра, где среди вековых деревьев прятались золотые купола. Эта старинная красота навевала воспоминания о тех временах, в которых ни князь, ни Лиза никогда не жили. Он родился в Сан-Франциско, она – в Измаиле. Для князя советская власть была напастью, принесшей страдания его семье, но знал он об этом понаслышке, от родных людей, сам не страдал. Лиза жила при советской власти, но режим обходил ее стороной, позволяя ей не соприкасаться с ним, и душа ее не была опалена ни его суровостью, ни его несправедливостью. Она тоже знала только из разговоров с Анной, что семью Никиты расстреляли во время раскулачивания, что Якова, во время сталинских репрессий, посадили под домашний арест, что Анна боялась за него и даже собиралась ехать к Берия просить за своего мужа. Оба, и князь, и Лиза, вдруг почувствовали боль и она сказала то, что ее мучило все годы, особенно с тех пор, как Измаильский дом, в котором она родилась и выросла, пришлось отдать случайным и чужим людям, не имевшим ни нужного воспитания, ни желания оценить то, что им досталось.

- Я знаю, что это очень больно, когда приходится отдавать свой дом. Особенно, если он попадает к чужим и никчемным людям.

Князь вздрогнул. Девушка сказала это тихо, но в ее голосе сквозила неподдельная грусть, сквозь которую пробивалась горькая нотка боли. Что она видела, что успела пережить за свою короткую жизнь? Князю привиделись толпы злых необученных людей, разгоряченных речами своих вождей – образованных лицемеров, рвущихся к власти, и семьи, подобные его, которые были не в силах защитить от этого страшного вала ни своих детей, ни свои родные гнезда. И вдруг все, что рассказывала ему бабушка, стало для него невыносимо близким: и оставленный, разграбленный дотла дом, и прадед, застреленный во дворе пьяной сворой мужиков с ружьями, и Родина, на которой он никогда прежде не бывал.

Он посмотрел на девушку, не притворяется ли? Она молчала, не желая касаться своей незаживающей раны.

- Моя мама, если бы увидела вас, полюбила бы, - сказал он вдруг, озаренный неким вполне вероятным предположением. Так откровенны и внезапны могут быть только натуры тонкие и свободные духом, привыкшие не стыдиться своих чувств и поступков.

Лиза повернулась к нему и улыбнулась. Князь увидел в ее глазах старую, чувствительную душу, а в ее тонких чертах – породу. Эта была женщина, которую его мать искала для него на чужбине и не находила. Князь начинал влюбляться быстро и страстно.

- Выходите за меня замуж, - слова слетели с его губ так естественно, что никого не удивили.

Его друг спокойно смотрел на девушку.

- Я выхожу замуж через неделю, - Лиза снова улыбнулась, пряча свое нетерпеливое ожидание и предвкушение счастья в эту улыбку.

Князь промолчал, хотя ее улыбка заставила его представить другое: ее рядом с ним, дающую согласие уже там, в свободной стране, в их доме, пред счастливыми лицами его мамы и бабушки. Он опоздал. Она не приняла знака судьбы. Слишком неожиданно, слишком быстро для нее, она даже не стала думать, что такое возможно, не пожалев об утраченной возможности в следующую минуту. Помимо этого, Лиза не могла представить, что возможно расстроить свадьбу, предав Алексея и его любовь.

После катера она встретила Анну, Александру и Алексея в условленном месте на Крещатике. Все вместе должны были идти к родителям Алексея чистить селедку для свадебного стола. Александра была недовольна – она не хотела чистить селедку, это фамильярность со стороны будущих родственников раздражала ее. Анна молчала, привыкнув за свою трудную жизнь к разной работе. Селедка для нее была не столь важна, важно было то, что она не любила Алексея, угадывая в нем бездуховность, а в его родителях – чванливость. «А мне только что князь предложение сделал», - хотелось сказать Лизе, чтобы все посмеялись, но она промолчала. Это останется ее секретом, о котором она потом часто будет думать, размышляя о том, что судьба ее могла сложиться по-другому, если бы она не была тогда помолвлена, не дала слово другому, совершенно ненужному ей, Алексею Галичу.

Ее муж пошевелился. Они подлетали к Симферополю. До Николаевки надо было ехать больше часа на автобусе, но их ждала машина, черная «Волга», отец Алексея позаботился. Это был приятно – Лиза начинала чувствовать себя важной персоной – молодой красавицей-женой единственного сына партийного функционера. Она уже мечтала оказаться в доме отдыха, в уютном номере, с фруктами и цветами в хрустальных вазах на журнальном столике.

В машине Алексей, почувствовав всю значимость своего сыновнего положения, разместился на переднем сидении, копируя отца, а Лиза в темноте и одиночестве на заднем сидении, стала думать все том же: что через несколько часов она станет женщиной. Она была уверена, что все обойдется хорошо, но все же волновалась так сильно, что захватывало дыхание, а желудок заворачивался в тугий узел. Ее прерывистое дыхание могло выдать ее и она приказала себе успокоиться. Чтобы отвлечься, она стала вспоминать свою первую влюбленность.

Она влюбилась, когда ей было пять лет. Его родители и ее родители отдыхали вместе в курортном городке на Черном море. Две семьи вместе снимали дом, стоявший на самом краю обрыва над морем. По вечерам, отправив детей спать, молодые родители ужинали на лужайке перед домом, играли в карты, смеялись.

А дети не спали. Они накрывались простыней и без усталости изучали друг друга. Он с удивлением трогал ее тело там, где не было того, что было у него, а она брала в руки его маленький член, похожий на нераспустившийся бутон, и, не зная еще, что делает, ласкала его. Лиза не была испугана или ошеломлена этим различием, хоть и

видела его впервые. Она была маленькой женщиной – любопытной, но уже любящей, готовой быть нежной и понимающей. Она не причиняла ему боли, как сделали бы другие дети, не бежала к маме, в испуге и ужасе крича о своем неожиданном открытии. С инстинктивным сознанием своего женского предназначения, она отдавалась этим невинным ласкам и устав, засыпала в объятиях этого мальчика, который был на два года старше ее. Сашенька. Позже он перебирался на свою раскладушку и родители ни о чем не догадывались.

На следующий день эти дети вели себя как пара, что-то интимное было между ними, их секрет. Он играл только с ней и оберегал ее от внимания других мальчишек. Она угощала его фруктами из родительской авоськи и, если это был абрикос, она не брала два, для себя и для него, а брала только один и одну половинку давала ему, а другую съедала сама. Кроме этого лета, их родители уже никогда не отдыхали вместе. Саша и Лиза расстались и встретились через несколько лет в школе. Узнав друг друга, они не заговорили. Он стал толстым и неуклюжим. Лиза тоже изменилась не в лучшую сторону, превратившись из красивого ребенка в настоящего гадкого утенка с отвратительными залежами жира за щеками и на теле. Не осознавая в полной мере собственную непривлекательность, в нем она разочаровалась и больше никогда о нем не думала.

То далекое лето было чудесной порой, полной открытий и дотоле незнакомых, но таких будоражащих душу, еще непонятных взрослых чувств. Желая еще больше обогатить свои познания, Лиза подсматривала через щели в летнем душе их измаильского сада, где по вечерам, после знойного дня, освежались Никита или Василий. Она не знала, что точно хотела увидеть и все равно ничего не видела, потому что доски были прибиты внахлест, но пыхла, упрямо пытаюсь найти хоть какую-то щель. Однажды Анна, застав ее за этим занятием, прогнала со смехом и строгостью в голосе.

В течение последующих двух-трех лет, что было бесконечно долго, ее никто не любил. Она была неповоротливой, бесцветной и носила косички. В ее жизни происходили перемены. Василия перевели служить на Камчатку и Александра последовала за ним за тридевять земель, как верная жена морского офицера. Никита начал болеть, тогда еще никто не знал чем он болен. Иногда Лиза стояла у его кровати и видела как ее дед, ее бог, ее покровитель, мучается от нестерпимых болей и слезы катятся по его щекам. Вскоре, он лег в клинику в Москве, где с запозданием ему поставили диагноз – рак поджелудочной железы, подразумевающий стопроцентный фатальный исход. Никите морфия не давали, потому что в советской стране облегчать муки было не принято. Анна уехала с ним в Москву и находилась рядом до последнего его вздоха. Лиза мыкалась по родственникам, недоумевая, почему вдруг все ее бросили. Она была постоянно голодной и ей все время недоставало любви, потому что в тех семьях, где она жила, так не любили. Там вообще не любили. Свое горе она выплакивала по ночам в вышитый носовой платочек, который ей дала Анна перед отъездом в Москву – это было все, что связывало ее с прежней жизнью, с ее детством.

После смерти Никиты, Анна поменяла их особняк на двухкомнатную проходную хрущовку, они взяли чемоданы, посадили белую болонку в сумку и на поезде, в трескучие январские морозы, отправились в Киев.

А через полгода, Лизу забрали на Камчатку. Ехали почти целую неделю на поезде. Съестные припасы, которыми Анна снабдила Александру и Лизу, где-то посредине пути закончились, пару дней они голодали, станции были совсем пустые,

и только ближе к Владивостоку бабки стали выходить к поездам с вареной картошкой и солеными огурцами. Во Владивосток добрались еле живыми и надо было сразу же брать билеты на самолет до Петропавловска-Камчатского. За билетами дрались, но Александре все-таки билеты достались – с детьми давали вне очереди. Выбравшись из свалки перед кассой, она повела Лизу в ресторан в аэропорту, заказала холодную курицу и шампанское. Наевшись впервые за несколько дней, они завалились спать в гостинице. В комнате было еще двенадцать человек, но им было все равно. На следующее утро они сели на самолет и через два часа Лиза ступила на диковинную землю, где она изменится в первый раз почти до неузнаваемости, где с нее облетит пух гадкого утенка и, откуда год спустя, она вернется в белом оперении молодой лебедки, не осознавая метаморфозы, происшедшей с ней, и не подозревая, какая притягательная сила появилась в ее лице и фигуре.

На Камчатке она, после долгой разлуки, снова была влюблена в отца, а также, в необыкновенную тамошнюю природу.

Василий обнимал и целовал Лизу горячо и долго. Она не ожидала, что этот мужчина с колючей щетиной после двухдневного ожидания в аэропорту, проявит столько любви. Живя по родственникам, она привыкла к сухости и стыдливости чувств. Василий уехал четыре года назад, когда Лизе было семь лет. С тех пор он ни разу не приезжал, только Александра ненадолго вырвалась в Москву, на похороны Никиты. Войсковая часть, где служил Василий, пряталась в сопках, за Авачинской Губой, в маленьком военном городке. Он посадил Лизу и Александру на катер, который ждал у причала, потом на военный газик уже на другой стороне залива, и они помчались по ухабам бездорожья, через сопки, домой.

Была середина июля – разгар короткого лета на Камчатке. Лиза крепко держалась за поручни открытого газика. Душа ее замирала от тряски, но еще больше оттого, что она видела вокруг себя. Если не считать перелета в Москву на похороны Никиты, это было ее первое большое путешествие, странствие на другой конец земли. На этой земле все было другим – огромным, одухотворенным, живым. Цветы почти достигали человеческого роста, пни были усыпаны грибами, лианы обвивали стволы деревьев. Среди высокой, сочной травы, из-под камней и поваленных деревьев, со звоном и смехом бежали наперегонки ручейки, а рядом, со свистом и шипением, из таинственных земных недр вырывались горячие источники. Лес громко галдел птицами и был похож на джунгли, где вырос и возмужал Маугли. Лиза удивлялась и радовалась этому неожиданному буйству, этой неподвластной человеку мощи. Она не испугалась неведомому, и с затаенным дыханием уже погружалась в эту природу отчаянно и весело, как бы шепча ей: «Мы с тобой одной крови!».

Василий, соскучившись по дочери, стал ее проводником в этот диковинный мир – он устраивал для Лизы пикники, учил искать грибы, водил ее на берег океана во время отливов, где на гальке ярким разноцветьем горели разбросанные то тут, то там морские звезды и медленно передвигались черные колючие комочки морских ежей.

Специальным, сделанным на заказ ножом, он срезал цветы, которые за короткое лето вырастали ростом с Лизу, и нес их домой на плече, как вязанку дров. Учил стрелять из охотничьего ружья и ловить на блесну маленьких серых камбал с пристани. Он придумал и сшил ей маскарадный костюм на новогодний школьный вечер и привез из Петропавловска елочные игрушки, чтобы нарядить для нее елку.

Зима на Камчатке в тот год была особенно снежной. Матросы раскапывали двери подъездов, делая узкие проходы там, где раньше были улицы, и чистили каток перед домом. В Петропавловск Василий уехал еще накануне. Лиза сидела на подоконнике и ждала его. Она зябла, за окном завывал ветер, но продолжала сидеть и смотреть на дорогу, поднимающуюся к дому. Василий был первым мужчиной, которого она ждала, сидя вот так, на подоконнике. И, наконец, она его увидела. Одной рукой он придерживал фуражку, другой прижимал к себе большую картонную коробку. Вдруг сильный порыв ветра сорвал крышку с коробки и разметал по снегу легкие стеклянные украшения. Продолжая придерживать фуражку, прижав коробку плотнее к груди, Василий гонялся за невесомыми шариками, проклиная ветер и снег. Лиза смотрела на него из окна и плакала, потому что любила сама и видела, как сильно любят ее.

После школы она часами пропадала в сопках. Иногда одна, но чаще с мальчишками. Зимой они прыгали с крыш сараев в снег и кубарем катились вниз, к подножью сопки. Снег набивался за шиворот, попадал под одежду, но это было даже приятно – холодные комки снега на разгоряченном теле добавляли остроты ощущений. По вечерам, под окнами оживал каток и Лиза, быстро научившись кататься на хоккейных коньках с острыми носами (других было не достать), соревновалась с матросами, перепрыгивая через деревянные ящики, поставленные один на другой. С наступлением весны, она с ватагой мальчишек уходила довольно далеко от дома строить шалаши.

Весь год Лиза прислушивалась к природе, впитывая ее и преклоняясь перед ее бурной и щедрой натурой. Огромная луна высвечивала млечный путь на заливе и тогда не спалось. Все кругом было окутано тайной, нарастающей тягой к неизведанному и предчувствиями.

Пережив зиму, Лиза вдруг ощутила разлитую в воздухе любовь. Она похудела и превратилась в красивую девушку-подростка, став поджарой, быстрой и ловкой. В нее были влюблены мальчишки всех возрастов, включая старшеклассников. Но любовь, которую она вдыхала, исходила не от них, она не имела ничего общего ни с определенным мальчиком или юношей, ни с тем фактом, что вокруг было много молодых мужчин, которые служили, выполняя свой долг, пекли хлеб, варили обеды на всю матросскую братию, охотились, рыбачили огромного розового лосося, любили и опекали своих женщин. Любовь, как оголенный нерв, билась в природе, среди деревьев, в которых бродили проснувшиеся соки, среди цветов, плачущих над ручьями талого снега, среди неба и земли. Вдыхая тот весенний воздух, Лиза заражалась чувственной любовью. Ее первым настоящим любовником стала природа – двуединый бог с женским и мужским началом. С одной стороны, природа демонстрировала юной девушке, только что выпроставшейся из детства, свою мощь, величие, необузданность и непредсказуемость, а, с другой заволаживала ее своей красотой, нежностью и щедростью. Природа баловала Лизу и играла с ней, раскрывая ей свои тайны, но, в то же время, постоянно напоминая ей о своей силе и коварстве, превращаясь в любовника, которого невозможно забыть.

Ночами Лиза читала книги из школьной библиотеки. Ей попалась «Тысяча и одна ночь» в сжатом варианте с одним очень поэтическим описанием любовной сцены. Лиза поняла ее душой, потому что еще не представляла точно, как мужчина и женщина любят друг друга физически. Она часто спускалась в подвал дома, где ощенлась сука, она даже видела, как перед этим ее оседлал кобель, но никак это собачье соитие на людей не перенесла и физиологию не анализировала. Впрочем,

эта сцена из книги произвела на нее такое сильное впечатление, что она вдруг вообразила, что забеременела и мучилась этим несколько недель. Если бы она кому-то рассказала о своих страхах и этот кто-то спросил ее, от кого же она беременна, она не нашлась бы, что ответить. В ее голове царил сумбур, но она готова была поклясться, что ее девственность пострадала оттого, что она прочла в книге, и от мужских гормонов, разлитых в воздухе, и от буйства природы. Тот листочек, с изящно завуалированной эротической сценой, она из книги вырвала и спрятала в карман. Среди ее поклонников был сын командира части. Не красивый, но славный парень, серьезный, застенчивый и очень положительный. Ему, и только ему, Лиза посчитала возможным довериться и дала прочитать эту страничку. Он, конечно, прочел ее, но обсуждать с Лизой не стал, а вместо этого пригласил в кино - в клубе тогда крутили «Журналиста».

Наступившим летом Лизу отправили обратно в Киев. Александра считала, что в столице ее дочь может получить более серьезное образование, чем в соседнем рыбацьем поселке, где школа размещалась в бывшей конюшне, а местные мальчишки ругались матом каждый раз, когда не могли решить арифметической задачки. Но дело было в другом. Она не хотела, чтобы Лиза видела Василия пьяным, не хотела заражать ее тоской и нервозностью ожидания. А Лиза не хотела уезжать. Она любила Василия, даже когда он приходил выпивший. Часто по вечерам она была дома одна - Александра преподавала матросам английский в вечерней школе - и однажды Василий появился позже обычного, чуть держась на ногах. В каждой руке зажимая по дохлому ошипанному цыпленку, он пел модную песенку и пытался танцевать, не выпуская при этом шеи дохлых цыплят. Лиза сделала строгое лицо, в его балаганном веселье участия не приняла, напоила его чаем и уложила спать на своей кровати, настезь распахнув, несмотря на лютый мороз, форточку. Перед тем, как лечь, Василий обнял ее за плечи, подошел с ней к окну, посмотрел на залив и сказал: «Ах, если бы Александра меня так любила!».

Уехав, Лиза сразу потеряла все, что стало частью ее самой, что изменило ее, что превратило ее в девушку - еще только один раз она сможет вдохнуть ту странную, разлитую в воздухе любовь, наполнившую ее сладостным и щемящим страхом, и, одновременно, так сильно возбуждавшую ее, и случится это в далеком знойном Египте, где суждено ей будет пережить еще одно превращение, на этот раз, в женщину.

В Киеве все было прозаичней. Анна предоставила повзрослевшей и похорошевшей Лизе полную свободу. Она стала королевой дворовых мальчишек, носила бриджи и конский хвост, слушала «Битлз» и танцевала шейк. Стены ее комнаты были увешаны фотографиями Софи Лорен и Бриджит Бордо, вырезанными из польских журналов. Ее волновали приключения Анжелики и она была похожа на нее - рыжую, зеленоглазую красавицу, искательницу приключений и любовных утех. Киев дарил ей предвкушения светских развлечений и чувственной любви. Ее парень, тот безумно влюбленный Валерка, когда целовал ее, прижимался к ее животу чем-то твердым, но Лиза уворачивалась и, по-прежнему, оставалась ничей.

Прошло всего пять лет и она превратилась из отважной красотки, сводившей с ума всех мальчишек в округе, в одинокую испуганную птицу, ищущую где бы свить свое гнездо.

Глава 11.

Медовый месяц.

- Ты не заснула там? – Алексей впервые за всю дорогу повернулся к ней.
- Нет, я думала, - тихо ответила Лиза, устав от воспоминаний.
- Уже почти приехали. – Алексей снова уставился на дорогу.

Через некоторое время машина остановилась у входной двери прямоугольной бетонной коробки с окнами. Дверь была заперта – дежурная спала в своей коморке на первом этаже. Водитель постучал, их пустили. Неопрятная женщина спросонья долго рассматривала их путевки, после чего скомандовала идти в номер, на втором этаже по коридору направо, а через пятнадцать минут спуститься за постельным бельем. Поднимаясь по голой бетонной лестнице, Лиза мучилась предчувствиями, что все вокруг никак не сопрягается с ее представлениями о романтическом медовом месяце. По обе стороны полутемного коридора, располагались двери в номера или, просто, комнаты, потому что ни душа, ни туалетов в них не было. Туалеты определяли себя нестерпимой вонью в конце коридора, налево – мужской, направо – женский. Их комната была рядом с женским туалетом. Заезд закончился пару дней назад, все лучшее расхватали и им досталась то, что отвергли другие.

Лиза все смотрела на Алексея и думала, что он сейчас скажет, что произошла какая-то ошибка, что они попали в другой корпус, что их ждут совсем в другом месте. Но Алексей молчал, деловито открывая ключом номер и вталкивая туда чемоданы. Войдя следом, Лиза увидела две кровати у противоположных стен, две тумбочки, шкаф с полуоторванными дверцами, умывальник с ржавыми подтеками и кусок войлочного коврика посередине комнаты. На каждой кровати лежал полосатый матрас и один из них был с огромным мокрым пятном посередине. В комнате воняло мочой и перегаром.

Лизу никогда не отправляли в пионерлагеря, она не участвовала в стройотрядах, не жила в коммуналках и общежитиях, не снимала койко-место в гостиницах для командировочных или в Домах колхозников. Воспитавшись индивидуалистом с обостренным чувством прекрасного, она не выносила есть и спать в коммуне, и не находила это романтичным. С молоком матери она впитала непоколебимое убеждение, что ей принадлежит определенная территория под солнцем и свято охраняла эту территорию. В советские времена эта территория не могла быть наделом земли или недвижимостью, но даже в двухкомнатной смежной хрущовке, Лиза сохранила это ощущение пространства вокруг себя, которое жило внутри нее и называлось достоинством. Она трепетно оберегала себя от «привилегий» совка, таким образом, избегая унижений. Она искренне не понимала, как можно, приехав на съезд партии и проведя день во Дворце Съездов, где все сияло позолотой и дышало высокими чувствами, ехать ночевать в Дом колхозника, по сравнению с которым любая империалистическая ночлежка была пятизвездочным отелем. Нет, против бедности она ничего не имела. По сути, после смерти Никиты, а, тем более после развода, она, мать и бабушка жили в бедности или, как принято говорить, в стесненных материальных обстоятельствах. Лиза восставала против унижения лишениями и нищетой, запрограммированными для

советского человека его вождями. Грязная, вонючая, тоскливая, непрекращающаяся разруха была навязанным сверху стилем жизни. Самое страшное, что делегаты, угощавшиеся белужьей икрой в буфетах Дворца Съезда, сами против Дома колхозника не возражали и от нечеловеческих условий не страдали, потому что их постоянные жилища были не лучше. Их отцов и дедов, пообещав им равенство и братство, на некоторое время вырвали из их привычного нищенского бытия. Однако после того, как они построили светлое настоящее для своих новых хозяев, туда же, в нищету, их и вернули. Там же, без обещанного светлого будущего, оказались и их потомки. Другого, цивилизованного быта, простой советский народ не знал, за его торжество не воевал и лучшую жизнь постоянно строил для других. Пониманию советских вождей не была доступна простая истина, крамольная, но важная. Истина эта не была растиражирована в лозунгах и плакатах. Будучи сами быдлом с небольшими вариациями на филологическую тему, большевистские вожди, так и не уразумев, что эстетика во многом определяет нравственность, потерпели полное фиаско с воспитанием «человека новой формации», того андроида, кто вступит в Рай Человека на Земле.

Работая в «Интуристе» и сопровождая иностранцев в другие города и республики, Лиза успела привыкнуть к уважению и комфорту. В свои девятнадцать лет, она была очень эстетическим существом: хороший вкус, привитый ей с детства и развитый ее теперешней работой, стоял высокой преградой на пути навязываемого в ее стране образа жизни. Это, в свою очередь, делало ее свободной и раскрепощенной в своих суждениях, пристрастиях и выборе.

Если у ста человек спросить, как они понимают слова Достоевского о том, что красота спасет мир, сколько из них ответят нечто вразумительное? Пять-шесть? Почему красота спасет мир, а не противоракетная оборона? Научившись понимать и ценить красоту, человек освободится от гнета примитивизма, разовьет вкус, свою собственную индивидуальность, раз и навсегда разграничив в своем эстетическом восприятии, что есть добро, а что есть зло. Он поймет, что красивой может быть мысль, поступок, сама жизнь, в конце концов! Он поймет, что природа, окружающая его, безупречна красива во всех своих проявлениях и что он, человек, должен ей соответствовать. Увы, это случится не скоро и не произойдет само собой. Придет час и мы будем крепко наказаны своей же дуростью, а потом те, кто останется в живых, начнут понимать красоту в той мере, в какой о ней писал Достоевский. Укрепившись, таким образом, человек привыкнет отстаивать свои убеждения и перестанет быть частью толпы, легко управляемой и манипулируемой из-за ее инертности, лености и необразованности. Человека, постигшего красоту в том смысле, в каком ее понимал Достоевский, невозможно поработить. Другими словами, каждым из нас должен быть пройден долгий путь. В самом начале такого пути – желание увидеть и понять красоту, в конце пути – оформившееся независимое мышление. В Советской империи эти рассуждения всегда казались, с одной стороны, идеалистическими, а с другой – преступными. Для отдельно взятого человека понять, а тем более, воплотить в жизнь завет Достоевского, трудно, а для власти такие люди всегда были в тягость.

Впервые отправившись как простой советский человек в свое свадебное путешествие, и, сейчас, в растерянности оглядывая грязную вонючую комнату в пансионате, Лиза поняла, что ее предали. Напрасно она доверилась партийному функционеру – своему новоиспеченному свекру. И он, и даже его сын, который видел лучшую жизнь, считали эти условия вполне приемлемыми для первой

брачной ночи. Не все ли равно, где девку лишить невинности? Не так Лиза мечтала о своей первой ночи с мужчиной. Совсем не так. Ей захотелось повернуться и уйти. В ночь. В никуда. Без вещей. Ей очень захотелось раствориться в ночном пространстве и перестать существовать.

- Пойди, поменяй матрас, - спокойно сказала она Алексею. - И принеси чистое белье.

- Дорогая, в чем дело, неужели ты не понимаешь, что никто мне матрас среди ночи не поменяет? - Алексей не принял всерьез ее внезапной отчужденности, считая ее поведение капризом уставшей, разволновавшейся молодой жены.

- Если не поменяют, я буду спать в холле.

Она повернулась и зашагала по длинному коридору к лестнице. Спустившись на первый этаж, она уселась в кожаное кресло с продранной обивкой. Алексей спустился за ней. Дежурная нового матраса не дала, сказав, что не баре, могут и на таком поспать, видать кто-то праздновал отбытие из пансионата и не удержался, до туалета не добежал, но не беда, авось, к утру все высохнет.

Лиза так и не вернулась в комнату до утра. Алексей спал один на не застеленной кровати, а утром принялся звонить отцу, убеждая его хлопотать о матрасе. Отец снизошел и позвонил в Обком, а те какому-то заведующему курортным хозяйством области, а тот в профсоюз шахтеров, потому что пансионат принадлежал им, а оттуда позвонили директору пансионата, который со своей женой отдыхал в Гаграх. Он хотел послать всех к растакой-то матери, но передумал, никогда не знаешь, чем что может обернуться в этом блажном, социалистическом мире и, дозвонившись до своего хозяйства, приказал выдать новый матрас со склада.

Наведя порядок в комнате, Лиза выбросила кусок войлока, предназначением которого было украшать и облагораживать незатейливый интерьер этого номера для отдыхающих, застелила кровати, накрыла тумбочки своими яркими косынками, распаковала чемоданы и побрызгала все французскими духами. Алексею вся эта возня была скучна, он злился на свою жену из-за того, что ночь ему пришлось провести в одиночестве, к тому же он сгорал от нетерпения пойти на пляж и окунуться в море. Закончив с интерьером, Лиза надела свой желтый купальник и молодожены, наконец, спустились к морю – начался их медовый месяц.

Лежа на твердой, серой гальке, она снова рассматривала свое увесистое обручальное кольцо, думая, ну почему же она такая стерва? Не все ли равно где? Ведь любили же и в землянках, и в полуразрушенных домах после войны, и в пустых холодных квартирах во время Ленинградской блокады. Но та неприютность была вынужденной, одухотворена героизмом, чистотой душ, каждодневным предчувствием смерти, верой в победу. Убожество же пансионатов в конце семидесятых, было другого рода, оно было осквернено социалистической блажной моралью и ненавистью к хорошей жизни.

Алексей зашевелился, повернулся к Лизе и посмотрел на нее вопросительно – хочет ли она купаться? Она уже успела понять, что ее муж был немногословен, диалога с ним не получалось, потому как за словами в другое полушарие своего мозга он путешествовал неохотно и нечасто. С моря накатывали волны, с шумом разбиваясь о прибрежную полосу пляжа. Неподалеку работал экскаватор, засыпая песком рытвины, образовавшиеся после дождя. Находясь в оболочке этого шума, Лиза не хотела двигаться – он угнетал ее желания и волю. Она приподнялась и села. Некоторое время наблюдая за волнами, она вдруг решила, что купаться непременно пойдет.

Двух вещей она боялась больше всего на свете: высокого прибоя и общего наркоза, убедив себя в том, что с первым не справится, а второе не переживет. Но стоит ли бояться теперь? Ведь она со своим мужем, сильным и молодым, он возьмет ее на руки и перенесет через этот беснующийся прибой. А за ним уже ничего не страшно. В лазурных спокойных водах он отпустит ее и они поплывут как два дельфина, играя и резвясь на свободе. Но, видно, голова у девятнадцатилетней Лизы была забита романтическими бреднями, потому что, когда они подошли к морю, Алексей разбежался и, поднырнув под волны через несколько минут выплыл на безмятежной глади. Она стояла в одиночестве на берегу и вместо того, чтобы кричать и махать руками, мол, помоги мне, молчала. Острая боль обиды и стыда вдруг пронзила ее грудь и застряла в том месте, где находилась душа. Лизе снова захотелось исчезнуть из этих жизненных обстоятельств и оказаться рядом с большими деревьями, бесследно растворившись в одном из них. Наперекор своему желанию, все еще чувствуя боль и уже предчувствуя, что сейчас произойдет, она двинулась в воду. Устояв на ногах, когда откатывалась первая волна, она не устояла перед второй, свежей и яростной, захлестнувшей ее и опрокинувшей. Сначала волна с силой выбросила ее на берег, а затем поволокла за собой на глубину. Лиза открыла глаза, пытаясь определить, где дно, но увидела вокруг себя бурлящее месиво из зеленой воды и мелких осколков ракушек, которые больно резали глаза. Она зажмурилась и, снова оказавшись в темноте, попыталась ногами нащупать дно, но ноги ни во что не упирались и в это мгновение следующий поток снова бросил ее вперед, на гальку, и ободрал кожу на плече. Боль принесла облегчение – Лиза поняла, что барахтается на берегу, в пене и прибрежном мусоре. Но воздуха уже не хватало, силы иссякали и мысли путались, лишь злость и стыд по-прежнему не исчезали, отчетливо и противно, как фальшивая нота, звеня и вибрируя во всем ее существе. Стыд из-за того, что она такая слабая и неуклюжая, а злость из-за того, что ее муж до такой степени не дорожит ею. В эту минуту кто-то схватил ее за волосы и вытащил из воды. Это был Алексей. Держа ее за волосы, он пытался поставить Лизу на ноги, но ноги ее подкашивались и не держали. Отдыхающие на пляже смеялись. Лиза добралась до подстилки и заплакала – болело оцарапанное плечо и глаза. Алексей весело посмотрел на нее и снова бросился в воду.

Вечером пошли в соседний пансионат смотреть «Ромео и Джульетту». Надо было идти по вспаханному полю и по обочинам Лиза собрала бессмертники – она постоянно думала, как еще украсить их комнату – ведь сегодня ночью в ней произойдет таинство. Ничего нового с точки зрения цивилизации, этим люди занимались и вчера, и четыре тысячи лет тому назад, но для нее это было важно и очень волнительно. Она еле досидела до конца фильма. По дороге обратно в пансионат ее трясло, саднило плечо и слезились глаза, от волнения зуб на зуб не попадал. В руке она зажимала букетик бессмертников и, утопая по щиколотку в мягкой земле, думала, что она сама как это распаханное поле – влажная, теплая, готовая принять в себя семя будущей жизни. Но как, как все это произойдет? Она поглядывала сбоку на Алексея и душа ее теплела оттого, что рядом с ней красивый, молодой мужчина, который превратит эту ночь в незабываемый праздник, и будут они вспоминать свою первую близость даже тогда, когда их головы посеребрят прожитые вместе годы. Ей хотелось, чтобы он обнял ее и прижал к себе, согрел и успокоил. Может быть, он не умеет, не знает, как приголубить женщину? Ничего, она его научит.

В номере они разделись и легли на одну кровать. Вдвоем поместиться на ней было сложно и Алексей тут же взобрался на Лизу. Он уже был возбужден и, целуя ее и пыхтя, тыкался в нее, пытаясь пробиться внутрь. У него ничего не получалось, потому что тыкался он не туда и после бесплотных попыток, он отвалился в сторону. Лиза была ошеломлена причиненной болью, нечуткостью и грубостью своего мужа.

- У нас ничего не получается. Давай подождем до Киева и сходим к врачу, - Алексей был в растерянности.

- Ты что, этого никогда не делал? – Лиза вспомнила, что где-то читала у Тургенева: «она нетронутая – и я нетронутый».

- Нет.

- А я-то думала, ты знаешь, что к чему.

- Я себя для тебя берег. Тебе что, не нравится? – Его ирония прозвучала обвинением в ее адрес.

- Нет.

- Ты что ж ты хотела, чтобы я по девкам бегал?

- Я хотела стать женщиной.

- Станешь еще, не волнуйся.

- Неужели ты не понимаешь, это должно было произойти сегодня, сейчас?!

Лиза не понимала зачем, почему с ней все происходит не так, как она себе представляла, не так, как надо, а как в дурном фильме или в анекдоте, который мужики рассказывают друг другу в туалете, а потом смеются над неумелостью главного персонажа – недотепы и полудурка. Нет, с ней такого не будет. Она повернулась к Алексею.

- Ни к какому врачу мы не пойдем. С нами все в порядке. Давай попробуем еще раз.

Он снова взгромоздился на нее и на этот раз куда-то протиснулся. Лиза вскрикнула и на этом все закончилось. На простынях атели пятна крови, она прижалась к стене, а Алексей пересел на свою кровать.

- Что мы скажем дежурной за эти пятна? – он волновался, думая, как соблюсти приличия перед дежурной грязного вонючего пансионата.

- Ничего, я стираю, - зло ответила Лиза.

- Ну, тогда спокойной ночи, жена. Если что, буди.

Алексей тут же заснул, а на Лизу накиннулись дотоле ей неведомые демоны. Она уткнулась носом в край простыни и, преодолевая боль, не могла найти объяснения тому, что ее бедра и низ живота кажутся такими тяжелыми, почему по ее телу пробегают электрические волны и ей, несмотря на боль, чего-то вновь хочется? Она поднялась и пошла в туалет в конце коридора. Присев в открытой кабинке над черным смрадным отверстием, она поняла, что сегодня ее искалечили. Ее плоть, не успев вкусить наслаждения, словно разлагалась вместе с дерьмом на дне ямы. Впервые в жизни ее обуяла ярость. Лиза сделалась слепой, все вокруг исчезло и вместо предметов перед глазами заколыхался яркий красный занавес. Внутри нее разлилось тепло и дрожь постепенно охватила все тело. Ей захотелось кричать от гнева и бессилия, хотелось обрушить на кого-нибудь смертельно обидные слова, которые вонзились бы в другое тело и другой мозг, как кинжалы. Ей хотелось убить за причиненный ее душе и плоти ущерб.

На следующее утро, позавтракав манной кашей и сладким чаем, Лиза упросила Алексея вместо пляжа, пойти с ней в соседний пансионат, где были междугородние телефоны-автоматы и позвонить домой. Ей хотелось услышать голос Александры.

Не то, чтобы она доверяла ей или хотела все рассказать и услышать утешения в ответ. Нет. Лиза ничего не собиралась рассказывать. Ей просто необходимо было услышать голос матери, пусть даже говорящий о погоде или о собственных болячках. Трубку сняла Анна, она была рада, что Лиза позвонила. Поговорили о том, как долетели, как кормят, теплое ли море. Прощаясь с бабушкой, Лиза попросила позвать к телефону маму.

- Она уехала, - ответила Анна.

- Как уехала? Куда? - Лиза не верила своим ушам. Александра не собиралась никуда уезжать, да и денег на поездку не было - последние четыреста рублей из Бакинских сбережений она сняла с книжки на Лизину свадьбу.

- Она скоро вернется, Лизонька, не кричи.

- Но куда она могла уехать, ведь это неправда! Почему она не хочет разговаривать со мной? Что я сделала?

- Лиза, ты тут ни при чем. Она поехала на пару дней к родственникам. - Анна продолжала зачем-то врать.

- Она там, рядом с тобой, дай ей трубку!

- Нет, Лиза. Поговорите, когда вернешься. Отдыхай и не о чем не думай.

Повесив трубку, Лиза посмотрела на Алексея. Он покрутил пальцем у виска и стал звонить своим. Его родители оказались на месте. Они смеялись, недвусмысленно намекая на то, что их сын, наконец, стал настоящим мужчиной.

Покончив со звонками, отправились на пляж. Лиза плелась позади Алексея и размышляла о том, почему ее наказывают за то, что она вышла замуж? Почему ее мать отказывается с ней разговаривать и в чем ее вина? Ей не хватало опыта и мудрости понять, что Александра, спустя три года после развода, так и не смогла смириться с тем, что с ней происходит, и мучила этим свою мать и дочь. Происходило же с ней очевидное - она не могла переварить горечь своего поражения, осознавая в глубине души, что уже никогда ничего в ее жизни не произойдет, и, что в силу ее характера, будущее означает для нее череду одиноких и монотонных лет.

Существует философия развода, насчитывающая бесконечное множество вариантов. Кто-то сказал, что мир это - летаргия, миазма, и только война может привести человека к наибольшему возбуждению его жизни. После Отечественной войны уцелевшие бойцы возвращались с фронта, за четыре года научившись жить на пределе возможного с адреналином в крови, одерживая победы над врагом и над собственным страхом перед смертью. Радуясь, поначалу, тому, что выжили, встрече с близкими, нежась в безопасности каждого нового дня, они так и не смогли привыкнуть к мирной жизни, потому что мирная жизнь для них оказалась тем же рабством, что и до войны. Там, на войне, они были свободны, играя в прятки со смертью, побеждая врага, любя случайных женщин, как последний раз в жизни, встречаясь с людьми, говорившими на разных языках, делясь с ними нехитрым солдатским пайком, разговорами и отношениями. Солдаты страны Советов тогда не помышляли о том, что освобожденная ими Венгрия или Чехия станут социалистическими, ведь не для этого они отдавали жизни свои. Умирили они не за сталинскую коммуну, а умирали за свободу и за своих любимых. Слишком многое было сжато для них в тех четырех годах, слишком обострены были их чувства - и любовь и ненависть там, на фронте, казались больше, чем сама жизнь. А главное, там, на войне каждый солдат думал, что воюет за лучшую жизнь. Возвратившись домой, они обнаружили ту же повседневность мирного бытия - жизнь к лучшему не

изменилась. Они ждали этих мирных дней, они мечтали о них, они воевали за них, но... они забыли, какие они, эти мирные дни. К нашим героям-победителям, прошагавшим пол-Европы, в чьих душах распахнулись другие, новые чувства, неведомые им до войны, в чьих головах созрели другие мысли, вернулись страх, подозрительность и обреченность. Ничего не изменилось, мирная жизнь не оправдала высоких надежд, родившихся между жизнью и смертью. Будничность постепенно обтесала героев, стерла их мечты, они начали пить, прячась в отравленном забвении от безысходности, с ужасом думая: «Все, так и умру. Ждать больше нечего».

Развод – это та же война и мир после войны. Супруги проходят через стадию раздоров и ссор, они дотошно собирают улики друг против друга, мысленно оправдывая свое зреющее решение. Постепенно слово «развод» перестает пугать, его уже можно произнести вслух и наступает облегчение. В какой-то момент возникает чувство как будто проваливаешься в бездну: «Я разрушаю семью. Что скажет ребенок?», но тут же: «Я ему объясню. Он поймет. Я больше так не могу». Потом начинается сам развод. Суды и скандалы из-за детей и нажитого имущества. Начинается открытая война с единственной большой битвой за расставание. Кто одержит победу? «Я буду свободна» или «я буду свободен»? Как ни странно, горькую победу одерживают обе стороны. Можно также сказать, что обе стороны, проиграв, поскольку не смогли сохранить семейный очаг, подписывают капитуляцию. Каждый из супругов готовит умные партии защиты и наступления, проговаривая каждую фразу внутри себя по несколько раз, шлифуя ее, надеясь произвести впечатление на судьбу. С окончанием развода, заканчивается война и начинается переход к мирной жизни. Решение вынесено, супруги разъезжаются – пакует вещи, планируют переезд на другую улицу, в другой город или страну. Они ощущают себя занятыми, но полными новых надежд, потому что впереди их ждет новая, неизвестная и, конечно, свободная жизнь, без его или ее привычек, без его носков и молчания, без ее головных болей и раздражения, без каждодневной знакомой и опостылевшей рутины. Все это снова придает сил и возбуждает. Однако новая жизнь не обязательно становится лучшей жизнью, но воевали-то за лучшую! Новая жизнь оказывается мирной, тихой и никакой. Ничего не случается ни сегодня, ни завтра, ни через неделю, ни через месяц. Дни заполняются новыми обязанностями, заботами о хлебе насущном, привыканием к новой обстановке и новым людям. Очень часто эта обстановка и люди навсегда остаются чужими. И тогда он или она замыкаются в одиночестве. Новый претендент на партнерство не появляется, дни летят однообразно и быстро, и все та же мысль высвечивается в мозгу: «Все, моя жизнь кончена. Уже больше ничего никогда не случится».

Так думала Александра. Думала и задыхалась. Она родилась без талантов и в ее характере не было того, что было у Анны и Лизы – воображения и бесстрашия. Она гордилась своим высшим образованием и своей одухотворенностью. Анна и Лиза были более приземленными натурами. Она была другой даже внешне – у нее не было серо-зеленых глаз и пепельно-рыжих волос, и нос ее не был курносый. Александра была темноволосой, с карими, немного раскосыми глазами, тонким, прямым носиком и ровными, белыми, как две нитки жемчуга, зубами. Она была, безусловно, тоже красивой женщиной, но другой – не бриллиантом, но опалом. Ее надо было разглядеть. С раннего детства Александра не отличалась крепким здоровьем и почему-то решила, что люди вокруг нее должны о ней заботиться, потому что она слабее. Ей везло, она переходила из одних хороших рук в другие, в то

время как жизнь вокруг нее кипела – люди страдали и любили, ошибались и упорствовали, отчаивались и добивались своего звездного часа. Будучи прикрыта чужой заботой и лаской, она не научилась испытывать сильных чувств, совершать поступки или делать ошибки. После развода, вырвавшись из заботливых рук своего талантливого, но пьющего мужа, и не попав сию же минуту в другие заботливые руки, она растерялась. Александра, конечно, страдала, но принимала свои страдания как должное, не сопротивляясь им и не желая от них избавиться. Всегда в таких случаях хочется спросить: «Кто виноват больше, сам человек или его судьба?» Как ни обвиняй Александру в пассивности, в жизни каждой женщины наступает такой момент, когда одиночество вдруг выпрыгивает из ниоткуда и преграждает ей путь. Дальше или одна, или никак. Одиночество на втором отрезке пути означает обреченность, навязчивые мысли о том, что твоя жизнь не сложилась, что стареть не с кем, и поэтому в оборот идут родители и дети. Не те люди. Анна не могла сделать ее жизнь такой, как при Никите – комфортной и уютной, Лиза еще не могла поддержать ее материально. Анна старела, а Лиза только становилась на ноги. Александра приносила с работы банки с солеными помидорами, которые ей выдавали на паек, скудную зарплату и каждый день в ее глазах был немой вопрос и укор: «Почему меня все бросили? Почему никто не протягивает, готовые защитить меня от этой жизни, руки?». Она задыхалась от отчаяния и сдираала занавески с окон.

Теперь же, когда Лиза, выйдя замуж, ушла, она почувствовала себя еще более одинокой: ей очень не хватало любви дочери, которая часто говорила, что отдала бы свою красоту за ее счастье. Она не была уверена, что, став самостоятельной, Лиза будет заботиться о ней, особенно сейчас, когда ее новая семья имеет определенные возможности. Александра боялась оказаться в роли бедной родственницы, тем более, что она отдала последние деньги на свадьбу. Ее поедал страх перед будущим и, не доверяя дочери и ревнуя ее, она отказалась с ней разговаривать в то утро, когда была ей так нужна.

Глава 12.

В ожидании родов

«В моей жизни многое изменилось, - писала Лиза в своем дневнике. - За целый год я не написала ни строчки, а так часто меня тянуло поговорить с собой, ведь больше не с кем! Почему-то сдерживала себя. А теперь писать не получается, да и что я могу написать *сейчас*?

Я жду ребенка. Он должен родиться не сегодня-завтра. Я жду, бесконечно, томительно жду, и как мне кажется, перестала походить на полноценного человека. Глаза настороженные, разговаривать не хочется, двигаться тоже, чтобы не пропустить толчок, тот момент, когда все начнется. Сегодня я оправдывалась. Я говорила, что меня уже невозможно любить и тем более, не за что уважать. Я ничего не делаю, только жду, это – мое главное занятие. Даже когда я действительно занята, я все равно ничего не делаю, но жду, отрицая себя и жизнь вокруг себя, жду. Мне ничего не остается, как простить себя за это состояние и смириться с этим

вынужденным ничегонеделанием, но если бы я не ждала ребенка, я бы так не смогла прожить ни дня, ни часа! Я помню себя, уставшую, радостную, красивую. Меня почти никогда ничего не раздражало. Теперь – часто. Я плачу. Я больше не могу.

Мы купили собаку. Мой муж увлечен ею, а не мной. Мне все равно. Ах, нет, не все равно! Мне хочется, чтобы он сидел и разговаривал только со мной и обо мне. Но он упорствует и говорить обо мне не хочет – ему скучно, потому что я ему надоела.

После обеда мы спали и мне приснился сон. Море, волны, белая пена. Мы с Алексеем купаемся в море, меня все время куда-то уносит, я не могу найти дна, но мне не страшно, а покойно и легко. Вода теплая, как молоко. Он выносит меня на руках из воды. Я красивая и, как раньше, легкая и тоненькая. Я проснулась и разбудила его. Мне нужно было рассказать ему сон.

- Алексей, - сказала я, - мне приснилось море.
- Да? И что же?
- Мы купались. Ты меня любишь? Ты меня еще любишь?
- Не говори глупостей.
- И мы поедem на море? – не унималась я.
- Поедем, - он стал снова засыпать.
- И ты будешь выносить меня из воды на руках?
- Угу.
- И будешь любить?
- Угу.
- И мы будем оба загорелые?

Он не ответил.

Я совсем проснулась, злясь на себя за свое малодушие - зачем мне нужно было знать, любит ли он меня? Он не умеет любить и не в состоянии понять, как мне нужны его любовь и жалость сейчас, когда я не красивая, уставшая и вконец вымотанная своим состоянием.

Было жарко, я вытянула ногу из-под одеяла и лежала так, совсем раскрытая, с одеялом только на животе. Мне было противно, что моя фигура так изменилась, что ею нельзя восхищаться, как прежде. Во всяком случае, Алексей ею не восхищается. Я повернулась и обняла его. Он дремал, не хотел двигаться и разговаривать, а мне непременно надо было знать, поедem ли мы на море и буду ли я снова красивая.

- Буду, - ответила я сама себе. – И буду всем говорить: «А вы знаете, у меня сын есть».

Почему сын? Я знаю наверняка, что будет сын. Я буду очень любить его, пусть только волосы у него будут рыжие и лохматые, а сам он будет веселый.

Мне хотелось, чтобы Алексей повернулся ко мне и приласкал меня. Хотелось убедиться, что ему не противно дотрагиваться до меня, бледной и неповоротливой. Я – как большая рыбина, выброшенная на берег.

- Ты боишься? Не хочешь? Тогда вставай! Ну, вставай! Выкатывайся отсюда!

Он встал, но потом снова упал на кровать, прижался лицом к моей груди, поцеловал меня. Полежал так и вышел. Усилия, усилия. Зачем нам все это? Уж расстаться бы, да и делу конец... Если бы я могла легко и свободно, как змейка, зарыться в одеяло, свернуться калачиком и тихо рассмеяться! Но я не могу. Мне больно и смеяться не хочется.

Алексей ушел гулять с собакой. Когда придет, будет рассказывать какая она ловкая и сильная. Потом будет дурачиться с ней. Как мне все надоело!

Я сейчас не замечаю, как живут другие. Интересно, как они живут? Алексей, например, как раньше или, как я – в однообразном ожидании? Может быть, он тоже ждет рождения нашего сына? Почему же он охотнее разговаривает с собакой, а не со мной? Он с ней побегает, вымотает ее и себя, она встанет для него в какую-нибудь потрясающую стойку и он счастлив. А что я могу сейчас? Во всяком случае, об экстерьере моем речи нет...

Но что странно, что сейчас перед самыми родами, мне хочется простить его за весь прошедший год, мне вдруг захотелось породниться с ним и самой превратиться в ребенка, беззащитного, жаждущего ласки, любви, поддержки, заботы. Ребечество. Я просто боюсь рожать».

Лизе, когда она это писала, было всего девятнадцать лет. Она была очень молодой женщиной, по сути, еще девушкой, у которой отрочество и юность выдались несладкими, а первый год замужества – уж совсем безрадостным. Через две недели после свадьбы Лиза хотела развестись с Алексеем и надо было это сделать, но, подумав, она решила, что таким образом спасует перед жизнью, объявив себя во всеулышание слабачкой. Родители ее развелись, значит, она не разведется. Вместо развода, она решила родить ребенка. Делала она это отнюдь не для укрепления семьи, а для себя. Она хотела забеременеть быстро, сразу же после замужества, чтобы не ждать, не размышлять о том, могут ли они позволить себе иметь ребенка сейчас или лучше подождать. Если рассуждать именно так, здраво, то с Алексеем она не смогла бы позволить себе иметь ребенка никогда – он оказался слабым и ненадежным партнером. По их приезде из свадебного путешествия, отец Алексея объявил, что его сын – отрезанный ломоть. Раз женился, значит, уже мужчина. Ни материально, ни как иначе помогать он не будет. Ему самому никто в жизни не помогал и протекций не составлял, вот пусть и его сын сам шагает по жизни. Родительская эта философия была сама по себе здоровая, но Алексей-то надеялся совсем на другое: на теплое местечко в Госплане Украины, на заморские продукты из Госплановского буфета уже не в отцовском, а в своем холодильнике, на быстрое разрешение квартирного вопроса. Ничего этого не случилось и Алексей дулся как воздушный шарик, проколотый острой иглой разочарования.

Лиза отнеслась к этому спокойно. На свекрины блага она не рассчитывала, ей и впрямь хотелось, чтобы ее муж всего добивался сам. Но Алексей, устроившись технологом на оборонный завод, стал слабеть и болеть, пока, наконец, не попал в больницу. С деньгами тоже было туго. Тетка отдала им свою однокомнатную кооперативную квартиру с условием, что, вместо платы за аренду, они будут выплачивать ежемесячный кооперативный взнос в размере сорока рублей с хвостиком. От зарплаты Алексея, как молодого специалиста, оставалось на все про все пятьдесят рублей.

Забегая после работы к родителям, Алексей подкармливался – его сердобольная бабка готовила и на его долю. А Лиза продолжала учиться в Университете и голодала. На интуристовские курсы она в тот год документов не подала, потому что ждала ребенка, и, находясь до вечера одна дома, перебивалась картошкой и селедкой, а когда появлялась пара лишних рублей, детскими сырками. Иногда приходила Анна, замешивала тесто и целый день пекла пирожки с капустой, вареными яйцами и мясом. Это было настоящее пиршество, которое длилось целую неделю. Жуя пирожки, Лиза по ночам писала курсовые, смотрела, с высоты их двенадцатого этажа, на спящий город и на спящего мужа. Он все спал последнее время, пытаясь во сне спрятаться от навалившейся на него серой и монотонной

реальности, включавшей в себя работу от звонка до звонка на заводе и ответственность, ненужную и обременительную, за новую семью. Лиза догадывалась, что он жалеет, что женился. Она тоже жалела. Правда, не трудности были этому причиной, а то, что она вышла замуж именно за Алексея. Ошиблась и теперь надо скрепиться и сохранить семью. Чтобы выстоять, ей нужен был союзник и родная душа. Ей нужен был ее ребенок, часть ее самой. Зная, что Алексей, будучи человеком инертным и поверхностным, не сможет быть хорошим отцом, она все же очень хотела родить ребенка, которому должна была отдать всю ту любовь, которую хранила в своей душе с Измаильских времен, и которую за ненадобностью, не сумела отдать своему мужу.

После нескольких месяцев их самостоятельной жизни, приехала тетя Лёля из Ленинграда – шикарная женщина с бесшабашным характером, подвизавшаяся на вторых ролях в БДТ у Товстоногого. Ее неумность, раскрепощенность и выразительное, подвижное лицо сразу выделяли ее из толпы ничем не примечательных женщин. Она виртуозно играла в карты, в ней было полно сексуальной удали, но с артистической карьерой было покончено. Она собиралась в пятый раз замуж, на этот раз всего лишь за советского инженера. Став, таким образом, обыкновенной, она планировала начать зарабатывать на жизнь праведным и приземленным трудом - вязать свитера на продажу. Ее кооператив пришлось освободить, переехав к родителям Алексея, где им выделили комнату у входной двери. Алексеева бабка, пользуясь случаем, распрощалась с каторжной работой и затхлой атмосферой благополучного мещанства, и перебралась к своей любимой дочери Лёле, на кухню.

Лиза больше не голодала, но ее обязали, вместо бабки, готовить на всю семью. И она, хоть времени на это уходила уйма, стряпала, как могла и, в то же время, готовилась к своей последней сессии перед родами. Часто, когда все были на работе, приходила Анна помогать своей внучке стряпать. Для Лизы это была единственная отдушина во мраке ее тогдашнего существования.

Вот и сейчас, Анна и Лиза сидели за большим деревянным столом и лепили вареники с вишней. Была середина июня, во дворе цвела липа и на ее сладких цветах, громко жужжа, роились пчелы. Под монотонный гул их жужжания было хорошо неторопливо разговаривать, делая руками однообразную работу. Когда надо было помочь, Анна никогда не раздумывала. Приходила она с утра, когда все уже были на работе, и без промедления, хотя дорога была не близкая, начинала помогать Лизе приводить квартиру в порядок. Она не чувствовала себя униженной, ей было наплевать, что думают Алексеевы родственники – ни его, ни их она не любила. Она достойно прожила свою жизнь и если все вспомнить, то хватило бы заполнить, как чаши заполняют рисом, несколько жизней. В два года оставшись сиротой, она мыкалась по разным людям, пока старшая сестра не приютила ее в своем доме. Аннушка имела только четыре класса образования - надо было работать, но недостатка в знаниях никогда не испытывала, восполняя его чтением книг и собственной сообразительностью. Она рано вышла замуж, в семнадцать лет уже родила дочь, потеряла мужа в первые же месяцы войны, спасла себя и ребенка от неминуемой гибели во время оккупации, снова вышла замуж, возделала сад, воспитала внучку, похоронила и второго мужа, пережила горькое одиночество и вот сейчас ждет правнука...

- Почему мама уехала? – вдруг спросила Лиза.

- Она уехала подлечиться. Ты же знаешь, впереди длинный учебный год, ей надо набраться сил. – Анна всегда защищала свою дочь.

- Впереди целое лето, могла бы поехать позже.

- Отец Алексея достал ей путевку, она не могла отказаться.

- А вдруг я умру во время родов? Она не будет чувствовать себя виноватой, что не была рядом с дочерью в такую минуту?

- Господи, Лиза, что ты говоришь! Типун тебе на язык! Не смей думать даже о таких вещах! – Анна стала складывать вареники на большую деревянную доску. – Надо воду поставить. Твоя мама, когда уезжала, сказала, что все равно ничем здесь помочь не может, что она полностью доверяет мне. Как самой себе. И правда, Лиза, зачем она была бы здесь, пусть лучше подлечится.

Лиза была согласна с тем, что практического толку от Александры никакого. Когда ей было лет пять, у нее в горле застряла рыбья кость. В то время как Лиза задыхалась и синела, все стояли, окаменев от ужаса. Даже если бы кто-нибудь очнулся и вызвал «Скорую помощь», все равно было бы поздно. Александра, тихо подвывая, начала медленно оседать на пол. Анна, очнувшись от плача собственной дочери, подошла к Лизе, открыла ей рот, и, просунув ей в горло палец, зацепила им и вытащила кость. «Ой, мамочка, ты спасла Лизе жизнь», – сумела выговорить Александра и потеряла сознание. Так что Лиза бы и сама не доверила себя в руки своей матери.

Александра, однако, умела утешить. Она существовала на уровне высокой литературы. Диккенс, Голсуорси, Бернард Шоу, Фолкнер, Хемингуэй, Скотт Фицджеральд и другие классики английской и американской литературы были прочитаны ею в подлинниках. Почти все испанские и французские авторы были прочитаны ею в хороших переводах, прочувствованы и поняты. Окружавшая ее серая действительность и несчастливое замужество сделали ее ненасытным читателем, потребляющим из книг впечатления, эмоции и поверхностные знания. Будучи от природы человеком не деятельным, она с удовольствием предпочла чтение реальным столкновениям с жизнью. Как только появилась «Иностранная литература», Александра стала преданной подписчицей и выписывала этот журнал годами, читая его от корки до корки, включая путевые заметки и юмористические рассказы в самом конце каждого номера. Таким образом, у нее сформировался хороший вкус и умение обращаться со словами. Эта она утешала Лизу после того, как история с рыбьей костью была позади, и ее утешения были даже лучше, чем самоотверженность Анны. Александра умела любить словами и Лизе сейчас, как никогда, нужны были ее слова, эта Александрова вязь, которая не подразумевает никаких действий, но странным образом успокаивает и приободряет.

- Она меня снова предала, – продолжила Лиза прерванный разговор, вытирая муку со стола. Анна была занята на кухне.

- Она не предавала тебя. Если она не подлечится, она не сможет работать. А ей надо деньги зарабатывать.

- Ну почему ты ее всегда защищаешь? Я буду рожать своего первенца без матери, а ты ее защищаешь?!

- У тебя есть муж, – отрезала Анна. Она не любила, когда ее дочь обвиняли, даже если эти обвинения были обоснованы.

- Почему она у тебя всегда права? Почему ты даже в мыслях не допускаешь, что она – плохая мать?

- Она твоя мать. Не сердись на нее, она несчастный человек.

- Чем же она так несчастна? Крыша над головой есть, работа есть, за тобой еще ухаживать не надо, наоборот, ты для нее все делаешь – по магазинам бегаешь, и стряпаешь, и убираешь. Дочь, слава богу, не потаскушка и не наркоманка, и на ее шее уже давно не сидит. В чем же ее несчастье?

- Одинокая она и здоровье у нее слабое.

- Да кто тебе сказал, что у нее здоровье слабое? Поверь, у тебя оно гораздо слабее. Ей просто удобно быть слабой и прихварывающей – спроса меньше. А чтобы не одинокой быть, пахать надо, как мы с тобой пашем, и ни за кого не прячемся.

- Ты права, конечно, - Анна, наконец-то сдалась, - нелегкий у Александры характер, за него и расплачивается.

- Но, мы-то, почему мы должны расплачиваться за ее характер? Почему у других девчонок матери как матери: и деньги у них есть, и шмотки для своих дочерей знают, где достать, и женихов им находят, и защитить могут, в случае чего, и посоветовать, и оградить от глупостей всяких. Почему, рожая ребенка, я должна чувствовать себя, как сирота?

- Не завидуй другим. Господь дал тебе такую мать, а мне дочь. Думаешь, мне она крови не испортила? – Анна, кажется, окончательно сдалась. Ей порой до чертиков хотелось пожаловаться и выговориться кому-нибудь, даже если предметом ее жалоб было святое, ее Александра. - Когда второй раз я замуж вышла после войны за Никиту, сколько раз она из дома убежала, не разговаривала с нами неделями. Не знаю, как он выдержал. Она все не могла забыть отца своего родного. Помню, когда похоронку принесли, а потом вещи его прислали, она нашла среди вещей серебряную чайную ложечку и хранила ее всю войну.

- Влюблена она была в своего отца, а тебя ненавидела за красоту твою и ревновала к нему, - Лиза позволяла себе говорить какие угодно гадости про тех, кого любила. - А когда ты снова вышла замуж, сделала тебя виноватой на всю жизнь. Она не могла простить тебе, что ты предала память ее родного отца, полюбив другого. Вот ты и не можешь скинуть бремя этой вины перед ней и раболепствуешь. А сказала бы ей пару крепких слов, и здоровье бы нашлось и тяга к жизни появилась бы.

Лиза была уверена, что если Александру припугнуть хорошенько, она могла бы измениться.

- Ну и что? Жить, постоянно ссорясь и скандаля? Ты помнишь эти скандалы, в первый год после ее развода? Если она думает только о себе, это не такой еще великий грех. Знаешь пословицу: «Худой мир...»?

- Знаю я пословицу. А то, что воспитала меня ты, а не она? У других детей были родители, а я всю жизнь прожила с бабушкой.

- Что же в этом плохого? Она же ограждала тебя от пьянства твоего отца. Хотела тебе дать хорошее образование.

- Мне всегда казалось, что ты - моя мать, а она - вздорная старшая сестра.

- Вот и успокойся, - улыбнулась Анна. - Когда будешь рожать, думай, что твоя мама с тобой и все будет хорошо.

Но для Лизы ничего хорошего не было. Ей было страшно, потому что она абсолютно не представляла, какой ценой ей достанется ребенок. Жила ли в ней та Библейская скорбь, что предшествует родам и которую – осознанно или нет – чувствует каждая женщина, готовая разродиться от бремени? Скорбь по поводу предстоящих мук. Радость будет потом, а пока предстояло пройти через испытания. Лиза чувствовала себя обделенной и ей вдруг захотелось разрыдаться, жалуюсь

между истерическими всхлипами всему миру, что в такой ответственный момент ее родные люди не стоят вокруг плотной стеной, не уговаривают ее и не поддерживают. Что такое девятнадцать лет? Возраст, когда еще не совсем пересохла пуповина, связывающая с детством. От той живой, сплоченной семьи, что произвела ее на свет и дарила ей свою любовь, остались три женщины. Никита, стержень всей семьи, так безвременно покинул их; где был ее отец она не знала – после развода Василий пропал. Она бы хотела опереться на мать и на мужа, но ее мать пьет воду в санатории, а муж тренирует собаку на площадке. Ей было одиноко в этой гулкой пустоте и страшно. Оставалась только одна Анна, преданная и безотказная, которая девятнадцать лет тому назад, стояла под окнами роддома в Измаиле, ожидая первой увидеть свою внучку.

Она вспомнила, что в детстве, кто-то, совсем посторонний человек, научил ее называть свою бабушку ласково и необычно – «буся».

- Бусичка моя, расскажи, как ты рожала, – расплакавшись, Лиза подошла и обняла Анну. Ее душа потеплела от сознания, что она, уж как не прибудняйся и не жалея себя, все же не одна – есть у нее буся и тот, кого она носит под сердцем и кто, родившись не сегодня-завтра, положит новое начало их непутевой семье.

- Ты знаешь, рожала я в Умани, – Анна раскладывала дымящиеся вареники на широком блюде. – Была середина мая, цвели фруктовые деревья. Больница была маленькая, всего на несколько коек, до революции, наверное, был чей-то дом, окруженный фруктовым садом. Я лежала одна в палате. Когда начались схватки, я попросила нянечку вынести меня в сад. Там и родилась твоя мама. Первое, что она увидела, были розовые лепестки цветущей яблони, опадавшие на ее маленькое, мокрое личико.

- Было больно? – спросила Лиза, зная ответ заранее, но, надеясь услышать что-то другое.

- Да, было, конечно, больно, но терпеть эту боль можно, потому что она естественна. Все женщины рожают и все терпят эту боль. Без этого нельзя. Она разливается по твоему телу, как волна, которая, кажется, вот-вот захлестнет тебя, но как только ты перестанешь отпихиваться от этой боли, а примешь ее и растворишься в ней, она станет вполне терпимой. Эта боль, как бы тебе объяснить? – горячая, созидаящая. Она – твоя помощница. Потому что есть боль совсем другая. Мне Никита рассказывал, когда умирал. Холодная боль. Человек сразу ее распознает. Терпеть ее невыносимо, потому что твое тело беспомощно против такой боли и душа ее не приемлет. Эта боль подавляет все. Ты знаешь, что она тебя убивает, но ничего сделать не можешь. Просто умираешь.

Теперь расплакалась Анна. Но в двери заскрежетал замок и свекор первым появился в столовой. Лиза подумала, что родители Алексея и его сестра, которые начали собираться к обеду – все высокие, здоровые и дебелые – похожи на стадо буйволов, сжирающих все на своем пути. Вот и сейчас, они все съедят и ничего не останется на ужин. Поэтому часа в четыре надо все начинать сначала.

Глава 13.

Рождение сына.

После обеда все разошлись, Анна, собираясь домой, уговаривала Лизу прилечь. Лиза ложиться не хотела, ей было трудно лежать, ее мучила изжога и последнее время она спала сидя, в кресле. Она без конца крутилась вокруг Анны, не желая ее отпустить, боясь оставаться наедине со своим ожиданием в этом чужом доме. Ей хотелось разговаривать, слушать истории про свое детство, держать свою бусю за руку. И вдруг она резко выпрямилась, вытянувшись в струнку. Анна с испугом посмотрела на нее.

- Что? – быстро спросила она.

Лиза не знала, что. Настоящей боли она не чувствовала, но что-то ей очень внятно подсказало, что ее время пришло.

- Кажется, началось, - от испуга ее онемевшие губы не шевелились. Голос исходил откуда-то из утробы.

- Не бойся. – Анна бросилась звонить свекру, чтобы тот прислал машину.

А Лиза вдруг бояться перестала. По ее телу разлилась теплая волна возбуждения, как будто ей вкололи наркотик. Болей или каких-либо предчувствий больше не было – она была готова смеяться и болтать без умолку. Водитель и свекор поднялись за ней и почти насильно увезли в роддом, где все было договорено заранее и Лизу ждали. Несколько месяцев назад, Алексеева мать, выбрав по рекомендации одну из врачей, достала ей по блату пару турецких ковров. Теперь, как все думали, должный уход и внимание со стороны «подкормленной» врачихи был обеспечен. Ей позвонили и сообщили, что Лизу привезли. Свекор сдал невестку на руки медсестре в приемном покое и уехал.

Долго заполняли документы, потом Лизу переодели в короткую застиранную ночную рубашку и цветастый халат. Уже начало смеркаться. Болей по-прежнему не было, но страшно хотелось пить. Вокруг ничего похожего на графин с водой не было, а попросить Лиза стеснялась. У нее отобрали все ее вещи – одежду, косметичку и книгу – сказали, что с собой, в палату, нельзя, там, якобы, все стерильно. Возбуждение прошло, вместо него стала вновь просачиваться внутрь змейка одиночества и страха. В советских роддомах умели создать обстановку, приближенную к концлагерной – попадая внутрь, ты ощущал, что напрочь отрезан от всего мира, помощи ждать неоткуда и выживешь ли ты и твой ребенок, зависит только от Господа Бога, от матери природы и от тебя самой.

Лизе сказали, что документы оформлены и она готова для процедур. Каких процедур, уточнять не стали, сама же Лиза даже не догадывалась, что за процедуры могут ее ожидать. Она думала, может быть, взвесят, обследуют и дадут, наконец, попить. Ее направили в соседнюю комнату. Она вошла и вскрикнула: точно такую же она видела в музее Великой Отечественной войны, только там она называлась камерой пыток. Таким образом, советским людям всегда напоминали о страданиях... Бывших и будущих. Рожая, Лиза снова прикоснулась к советской системе с хорошо укорененным и развитым злом.

Голая квадратная комната, облицованная белым грязным кафелем, была оборудована четырьмя турецкими туалетами без дверей у одной стены, у другой - стоял непокрытый деревянный лежак. Под потолком болталась на проводе подслеповатая синяя лампа, погружая всю незамысловатую декорацию в злобещий холодный свет. У пустой стены, Лизе вдруг привиделась печь, створки которой должны вот-вот распахнуться, чтобы принять ее с младенцем в утробе. Тишину и Лизины галлюцинации прервала нянька, старая и грязная, как все в этой комнате.

- Чего стоишь, раздевайся! – скомандовала она. Ее голос был звонкий и злой.

- И что? – спросила Лиза, ужасаясь еще больше оттого, что жива и даже разговаривает.

- И что, что, ложись, бриться будем.

Лиза подумала, что, наверное, это хорошо, что ее мозг отключился и не понимает, что происходит. Само ее естество спасает ее от безумия или безжалостно опрометчивого поступка.

- Так и будешь стоять? – старуха подошла и толкнула Лизу к лежаку. В скрюченных пальцах она держала бритву. Ее ногти были бурого цвета.

Лиза легла. Ее душа, не вынеся унижений, выскользнула из ее тела и метнулась куда-то под потолок. Лиза увидела себя со стороны – свое обнаженное юное тело с непомерно раздутым животом на голом деревянном лежаке и ведьму, колдующую над ней с угрюмым удовлетворением. Ее самое чувствительное место, которое через несколько часов вытолкнет из себя новую жизнь, ощущало грубые скребущие прикосновения тупого лезвия. Когда эта процедура была закончена, бабка приволокла грелку, наполненную чуть теплой водой, и сделала ей клизму. Душа все никак не возвращалась, лишая Лизу сил доплестись до дырки в одном из туалетов.

- Смотри, не запачкай мне тут все. Иди и приседай куда надо, чтоб мимо не сделала! Неженка проклятая! Допрыгалась? А теперь помучаешься. Любила кататься, люби и саночки возить!

Лиза молчала. Она не знала, как противостоять такой необузданной ненависти. Ей казалось важным защитить не столько себя, сколько свой плод и она сказала себе, что от унижения еще никто не умирал, во всяком случае, в стране Советов. Сейчас главное – сохранить присутствие духа. Душа вернулась, Лиза обмылась холодной водой и ее отправили в предродильное отделение.

В палате было тепло и сравнительно чисто. Пять коек пустовали, на шестой - металась в судорожных болях женщина. Медсестра объяснила, что схватки у нее длятся уже третий день и когда начнутся роды неизвестно. Она произнесла это так, как, наверное, сказала бы о сумасшедшей: «Не обращай внимания, она мучается здесь уже третий день, но она не опасная, не бойся ее».

Лиза легла на указанную ей кровать. Накрывшись чистой простыней, она повернулась к стенке и стала разговаривать со своим ребенком, извиняясь за унижения, которые им вместе пришлось пережить. В этот момент в ней открылось чувство, которого прежде не было – она поняла, что ради того, кто находится в ней, она готова на все. Смыслом ее жизни становились жертвенность и ярость.

Она лежала тихо, ошеломленная остротой новых чувств, не замечая обильных слез, стекавших на подушку. Подошла медсестра и сказала, что она должна идти на осмотр к доктору. Лиза была уставшей, но поднялась и, шатаясь от стенки к стенке, побрела в родильный зал. Врачиха, приобретшая благодаря ее свекрови два турецких ковра, так и не появилась. Молодой врач помог Лизе усесться в кресло и начал осмотр. Было больно, но Лиза понимала, что он старается не причинять ей лишних страданий. Он что-то проколол острым инструментом и из нее вылилась жидкость зеленого цвета. Лицо врача нахмурилось, он стал через стетоскоп выслушивать сердце ребенка. Немного успокоившись, спросил, начались ли схватки и, получив отрицательный ответ, отправил Лизу назад, в палату.

Через некоторое время пришла, наконец, врачиха. Мило улыбнувшись, она присела на кровать.

- Сегодня, я думаю, мы дадим тебе отдохнуть, а рожать будем завтра.

Снова мило улыбнувшись, она ушла. На минутку она задержалась у дверей и что-то шепнула на ухо медсестре.

Лиза хотела спать. Несмотря на пронзительные стоны роженицы, мучавшейся на другой кровати, она уплыла в беспокойную дрему, постоянно ощущая свое одиночество и опасность, притаившуюся рядом. Вскоре ее разбудили. Медсестра сказала, что нужно все немножко ускорить и укол поможет спровоцировать роды. «Хорошо бы спровоцировать роды у этой бедной женщины, - подумала Лиза, - а мне дали бы поспать». Она умирала от усталости. Ее накрывала и окутывала сонливость, противостоять которой было невозможно. Через полчаса ее разбудил первый толчок дикой боли, разламывающий поясницу и бедра. Она вскрикнула и поднялась с постели.

- Если будет уж очень припекать, - посоветовала медсестра, - ходи или лежи на боку, а на спину не ложись, так больнее всего.

Лиза посмотрела на ненавистную кровать и сказала себе, что будет ходить, больше не ляжет. Она подошла к распахнутому настежь окну и заглянула в ночь. Часов у нее не было, их отобрали в приемном покое вместе с остальными пожитками.

- Который час? - спросила она у ключицы носом медсестры.

- Два часа, - огрызнулась та недовольно.

Лиза снова подошла к окну. За деревьями виднелись дома, светило несколько окон. Она попыталась представить, что чувствует Алексей теперь, зная, что она рождает? Подсказывает ли что-то интуиция ее матери там, в Карпатских горах, где она теперь отдыхает? И спит ли Анна? Она была уверена, что не спит и от этого ей стало легче. Но боль снова прорезала ее сознание и разбросала мысли как мячики. Лиза застонала и отвернулась от окна. В эту самую минуту раздался душераздирающий крик из угла, где лежала запаздывающая роженица.

- Рожая, я рожая, - вопила она. - Ведите меня! Скорее ведите меня!

Встрепенувшись, медсестра побежала за доктором, и вместе, схватив пострадавшую под руки, как раненую товарку во время боя, они поволокли бедолагу в родзал.

- Быстрее, ой быстрее, - причитала она. - Головка уже болтается, выходит он, сейчас упадет, быстрее-е-е!

У Лизы от ужаса потемнело в глазах. Ведь действительно, если младенец выпадет по дороге в родзал, в коридоре, он ведь разобьется. Почему в роддоме нет каталки? Почему бесплатная медицина такая жестокая? Почему медперсонал так старается сделать роды самым кошмарным днем в жизни роженицы, доведя ее страдания до абсурда? Она хотела выйти в коридор, посмотреть, чем все кончится, не из любопытства, а из сострадания к несчастной женщине, но побоялась увидеть убиенного младенца.

Оставшись одна в палате, Лиза отдалась во власть физическим мукам. Она помнила, что ей говорила Анна, нужно принять их, слиться с ними. Но боли не хотели сливаться с ней, терзая каждый сантиметр ее плоти, пока, наконец, очередной жестокий приступ не повалил ее на кровать и в ту же минуту горячий поток влаги хлынул ей на ноги, насквозь пропитывая простыни и ее рубашу. На мгновение, боли, захлебнувшись в отошедших водах, отступили, но сразу же судорога свела все тело, помогая ему вытолкнуть из себя плод. Лиза начала кричать, ее крики не были слышны в родильном зале - там орала та, что боялась потерять

ребенка в коридоре. Наконец, пришла женщина из послеродовой палаты, заспанная, в таком же цветастом халате, как выдали Лизе, с растрепанными волосами.

- Господи, что у вас тут происходит сегодня? - спросила она. - Чего вы все орете? Рожать, что ли, не умеете?

Она подошла к Лизе, увидела, что та лежит в луже отошедших вод. В глазах у Лизы отчетливо светился страх и бессилие.

- Не волнуйся, - быстро проговорила женщина, - так должно быть. Сейчас я позову дежурного врача.

Пришла высокая ширококостная блондинка с маленькими глазками. Небрежно перевернув Лизу ближе к себе, она стала выслушивать сердце ребенка. Через несколько минут она как-то скорбно посмотрела на Лизу и произнесла: «Сердца я не слышу». И уже потом подоспевшей медсестре: «Давай ее в родзал».

Лизу подняли, она уже теряла сознание и точно так же, как до этого другую роженицу, под руки повели рожать. «Почему она сказала, что не слышит его сердце? Этого не может быть, - думала она сквозь туман ускользающего сознания, - но ведь теперь мне уже все равно. Мы все равно будем вместе. Мы обязательно встретимся». Лиза упала, не дойдя до родзала нескольких шагов.

Очнулась она уже в родильном кресле – ей вкалывали что-то в вены на обеих руках, заставляли дышать из кислородной маски и орали на нее, чтобы не смела больше терять сознания. Дебелая врачиха снова принялась слушать сердце, причитая, что ничего не слышит. Медсестра тихо сказала, что Лизино сердце тоже сдает – пульс замедляется, она теряет сознание.

- Давай, пыжься, если не хочешь ребенка потерять! – бесновалась врачиха. - Только о себе думаешь! Давай! Давай, говорят тебе!

Лиза с трудом вернула себя к жизни. Она боролась за своего ребенка. Она только не понимала, с кем она борется, с каким злом? Чтобы победить его, собравшись с последними силами, надо понять, какое оно. Но, видно, понять ей было не суждено. Спокойно и благодарно, она поняла, что умирает. И не надо будет больше мучиться самой и так сильно бояться за ребенка. Еще совсем немного и они увидят, узнают друг друга и уже никогда не расстанутся. Но кто-то другой в последнюю минуту Лизиной жизни понял, что есть зло и что надобно делать. Старая акушерка, ассистировавшая бездарной врачихе, отодвинула ее в сторону, взяла скальпель, подошла к обмякшему телу Лизы и с силой рассекла ей промежность. От боли Лиза снова очнулась, почувствовав, что теплое слизкое маленькое тельце быстро выдавливается из ее утробы. Она смотрела перед собой и видела прекрасное лицо пожилой еврейки, принимающей ее сына. Врачиха пыталась пробиться к креслу и короновать акт спасения своей персоной, но акушерка тихо сказала ей:

- Не подходи.

Лизе снова надели маску с кислородом, однако, освободившись от страха потерять ребенка, она быстро возвращалась к жизни сама. Акушерка, приняв младенца, перевернула его вверх ногами и он закричал. Лиза поняла, что они оба спасены. Она посмотрела на круглые часы на стене – было четыре часа утра. Кому-то они были нужны на этой земле, кто-то даровал им жизни.

- Сын у тебя, - ласково выговорила пожилая еврейка. – Поздравляю.

- Я знаю. Спасибо вам.

Акушерка поняла и взглядом приняла благодарность. Пока она обмывала и пеленала младенца, докторша, чувствуя унижение из-за собственной неумелости,

злясь на свою старую ассистентку, на весь персонал, а больше всего на эту капризную, слабую, неумелую молодую женщину, подскочила к ней и стала со всей силы давить кулаком на живот. Лиза снова захлебнулась от боли. Что-то выпало из нее и чвакнуло в подставленный таз. Это, видимо, врачу не удовлетворило, и она продолжала месить Лизин живот кулаками. Лиза схватила ее руку и отвела от своего тела. В ее взгляде пылали ярость и презрение, настолько красноречивые, что даже в маленькой головке докторши они произвели переполох и, побоявшись, что за этим взглядом последуют слова, она, отойдя от Лизы, вышла из зала.

Медсестра плюхнула грелку со льдом Лизе на живот.

- Мы пойдем, чайку попьем. А ты лежи тут пока.

Лиза осталась в родильном зале одна. Первые лучи раннего июньского солнца проникли внутрь сквозь широкие окна, обшарили зал, легли теплыми пятнами на стены, вспыхнули на хромированных инструментах и, наконец, нащупали, нашли ее. Дотронулись. Обняли. Согрели. Она сбросила грелку со льдом на пол и лежа с зияющей раной в своем чреве, отдала себя солнцу. Ей привиделось, что кто-то разговаривает с ней. Нет, слов она не слышала, они не были произнесены. Но кто-то так явно утешал ее и ликовал вместе с ней. Ее не крестили, но она догадывалась, кто будил эти чувства в ней. В ответ все ее естество наполнилось благодарностью. Кто-то был там, и этот кто-то был с ней с самого раннего детства. Тот, кто столько раз ее спасал, возвращая ей жизнь, когда она упала в трюм корабля, скатившись по металлическим ступенькам, когда рассекла голову об острые камни, когда, заболев воспалением легких, шесть дней лежала без сознания. Вот и сейчас, вот и сейчас...

Прошли два часа. Лизе были видны часы на стене. Ее тело, пережив болевой шок, стало содрогаться в ознобе. Дрожь, сначала накатывая небольшими волнами, становилась все безжалостней и вскоре Лизино тело подпрыгивало на холодном металлическом столе. Она старалась удержать его, схватившись руками за края стола, но все было тщетно. Она теряла кровь и силы стали вновь покидать ее.

Пришла врач, утирая рот салфеткой, за ней следовала медсестра, держа дымящуюся кружку в руке.

- Приготовь иглу и нитки. Будем шить. - Врачиха уселась перед Лизой на высокий стул.

Медсестра протянула ей иглу и та принялась зашивать промежность. Про анестезию никто не вспомнил – в самой гуманной стране мира обезболивающие средства предназначались только для избранных. Простые люди настолько привыкли к страданиям, что они сделались частью их жизни и приносили, если удавалось их пережить, даже некое удовлетворение. Осознание чужих страданий не делали граждан этой страны лучше или добрее, но помогали ощутить свое существование более законченным, полным смысла и логики – страдаю не я один, страдают все. Поскольку Лиза сильно дрожала, зашивание проходило медленно, нитки рвались и врачиха начинала все сызнова. Пережив эту процедуру, Лиза поняла, что рожать ее заставили дважды. Наконец, все было кончено. Ее подняли на ноги и повели в послеоперационное отделение. По ее ногам струилась кровь. Доведя ее до кровати, что стояла у окна в коридоре, нянечка обтерла ей ноги и помогла лечь. «Все, - подумала Лиза, глядя в окно на голубое безоблачное небо, - больше меня трогать не будут».

Ей не верилось, что все уже позади, что где-то там, в специальной комнате для новорожденных, в маленькой кроватке, лежит ее сын - нежный и гордый. Постепенно ей становилось неважно, какие люди ее окружали, кого она любила и

кто любил ее. Все уходило в прошлое, все было незначительно. Совсем неожиданно начался сильный ливень. Потоки воды струились вниз по стеклу и Лиза начала плакать. Она наполнялась любовью, новой, дающей силы, она ощущала, как эта любовь струится по ее венам, вознося ее душу ввысь, омывая ее слезами от всех предыдущих обид и скверны. Ее душа обновлялась для ее сына. Она уже знала, что родился тот, кому она сможет отдать всю свою любовь, нерастраченную и так бережно хранимую. Та измаильская любовь нашла, наконец, выход и ей казалось, что сын ее поймет, примет и вернет ей эту любовь сторицей. Она любит и уже любима! Радость захлестывала Лизу вместе со слезами. Она начала бессвязно шептать цветаевские строки, вдруг всплывшие в ее сознании:

«О путях твоих пытаться не буду,
Милая! – Ведь все сбылось»

- Сбылось. Да, да, сбылось..., - шептала Лиза.

«Я был бос, а ты меня обула
Ливнями волос -
И - слез».

- Я заверну моего маленького в волосы свои и огражу от всех бед. Спасибо!
Спасибо...

«Не спрошу тебя какой ценою
Эти куплены масла».

Выговорив эту строчку, Лиза вспомнила снова все, через что ей пришлось пройти. Душа ее скорчилась от ужаса, но она продолжала причитать, глотая слезы:

- И снова, ради тебя снова через все... пройти...

«Я был наг, а ты меня волною
Тела, как стеною
Обнесла».

- Я сумею, сумею обнести...

В коридоре зашевелились, стали ходить. Кто-то подошел к Лизе, произнес слово «истерика», заставил что-то выпить. Она стала успокаиваться, слезы высохли, она засыпала. Больше стихов она не помнила.

Анна проснулась среди ночи – ей показалось, что ее кто-то толкнул. Ей привиделся сон: мягкий и пушистый щенок терся о ее ноги. Боясь пошевелиться, она припомнила, что отчетливо ощутила его сладко-томящий запах. Она встала, оделась и решила идти к Алексею. Она должна была первой сообщить им новость. Выйдя из дому, Анна поняла, что еще очень рано и троллейбусы не ходят. Она пошла пешком, через полгорода, шагая по пустынным улицам и площадям. Начался ливень. Зонтика не было, но, не беда, ливень был теплый и ей, почему-то, хотелось плакать. Добравшись до дома Алексеевых родителей, она поднялась на третий этаж и позвонила в дверь. Долго не открывали, Анна продолжала звонить, с нее ручьями стекала вода. Она вытирала лицо носовым платочком и пыталась поправить волосы.

Наконец, дверь открыли. В темном проеме появился заспанный свекор, его живот туго обтягивала майка с пятнами от вчерашнего ужина, так и не приготовленного Лизой.

- У вас внук родился, - просто сказала Анна, стоя на пороге.

Глава 14.

Проклятие

После возвращения Лизы из роддома, недели того лета пролетали незаметно, в заботах о маленьком сыне, в раздумьях о нем, в любовании им. Она по-прежнему готовила на всю семью, но находила время для уединенных прогулок с ним – это было важно. Уходя на несколько часов в парк, Лиза выбирала безлюдные места, садилась на скамейку, ставила перед собой коляску и долго разговаривала с сыном, объясняя ему себя, его самого и природу вокруг. Назвала она его Игнатом. Назвала сама, никого не спрашивая. Свекор не разговаривал с ней почти две недели – он дулся, считая имя Игнат не то деревенским, не то еврейским. Или он не мог примириться с тем, что внука назвали чужим именем, а не в его честь, как предполагалось. Но Лиза ничего менять не собиралась. Это был ее сын и будет он продолжением ее семьи, а не мужчиной. Так она решила. Игнатом звали отца Никиты, главу сплоченной и трудолюбивой семьи, зверски истребленной в период раскулачивания. Ей хотелось, чтобы ее Игнат вырос таким же гордым и свободным, чтобы положил начало большой и дружной семье, чтобы имел наследников и чтобы никто не смог помешать ему построить дом, где росли бы его дети.

Приехала Александра и сразу же пришла к дочери. Она выглядела отдохнувшей, посвежевшей и оживленной. Как всегда, она была затянута в корсет, ее прекрасную фигуру облегалo легкое шелковое платье. Она посмотрела на Игната и рассмеялась.

- В кого же он мордатый такой?

Лиза обиделась. Желая видеть во всем совершенство, скроенное по ее литературным меркам, ее мать иногда казалась слишком поверхностной. Игнат был большим, его вес был причиной трудных родов, но он готовился вырасти в мужчину, рослого и крепкого. Александре не понравилось, как Лиза выглядела, она тут же заговорила о том, что нужно худеть и заказать у портнихи корсет, что нужно следить за собой и избавляться от синяков под глазами.

- А то кому ты будешь такая нужна?

Алексей, по-прежнему, уделял много времени собаке. Игната он боялся, а по ночам раздражался из-за того, что тот не спал.

Лето подходило к концу. Однажды зашла в гости Александра и вызвалась пойти гулять с Лизой и Игнатом в парк. Разговор не клеился и, уже подходя к дому, Александра вдруг спросила:

- Как ты думаешь, если я перекушу что-нибудь у вас, это будет удобно?

- Да, конечно, - опешила Лиза. - Но почему?

- Отпускные я потратила на поездку. Анна еще не скоро получит пенсию, а у нас все запасы кончились.

Затаскивая коляску по лестнице на третий этаж, Лиза приняла решение – они переезжают. Если Алексей не захочет, может катиться ко всем чертям. Подальше от этого затхлого дома с попугайчиками! Пусть в двухкомнатную смежную хрущовку, но со своими, родными людьми – в тесноте да не в обиде! Игнат будет с Анной, а не с этими «карпами». Да и зарплата Алексея, влившись в общий бюджет, будет гораздо нужнее там, чем здесь.

В тот же вечер с Алексеем состоялся короткий разговор. Лиза аргументировала свое решение тем, что через две недели у нее начинаются занятия в Университете, академотпуск она брать не собиралась, и за Игнатом кто-то должен присматривать. Алексею было все равно, он только посетовал, что на работу придется далеко ездить.

- Ничего, привыкнешь, - отрезала Лиза.

Его родители тоже их удерживать не стали. Больше всего их решению обрадовалась свекровь.

- Ну и правильно, - подытожила она. – Девочке учиться надо, а мы здесь помочь ничем не можем, все работаем. Я уж и так из сил выбилась, похудела на три килограмма. А там вам лучше будет, и бабка за правнуком присмотрит и мать рядом. И собаку свою забирайте, а то погрызла здесь все. Навещать вас будем, не соскучитесь.

Незаметно пролетели два года.

Игнат рос, каждый день принимая в себя тысячи осколков реальности, прорезающих его еще не просветленное сознание. Он отказывался спать, желая вобрать в себя как можно больше бытия, разворачивавшегося перед его взором. Иногда, по ночам, он силился разговаривать, настойчиво и монотонно извергая из себя громкие, несвязные звуки. Тогда Анна вставала и, стараясь никого не разбудить, брала его на руки и подносила к окну.

- Посмотри вокруг, - говорила она Игнату, - на дворе ночь. Зима. Холодно. Луна светит. Все спят.

Он смотрел на луну, на золотисто-синий снег, его лицо искажалось мучительной гримасой и он начинал вырываться из бабулиных рук. Не в силах совладать с ним, она ставила его на подоконник, он прижимался лбом к холодному стеклу и, немного успокоившись, снова начинал издавать звуки. Он никак не мог уразуметь, почему у него не получается повторить то, что так легко и просто получается у нее: «Ночь. Зима. Луна». Где застревает и преломляется то, что должно выходить из его горла плавно и гармонично? Все его незаурядное естество требовало выразительного изъяснения – а он не мог ни говорить, ни читать, ни рисовать. Он был лишен общения с людьми, его окружающими. Он не мог им ответить, а они болтали, рассказывая, что с их точки зрения, было интересно ему, по большей части глупости, конечно. Иногда они разговаривали не с ним, а между собой. Редко смеялись, чаще обсуждали что-то серьезными и монотонными голосами, а бывало, кричали. Тогда Игнат тоже начинал кричать, стремясь внести свою лепту в этот самоутверждающем оре. Он не принимал ничьей стороны, беспокоясь только о своем участии.

Игнат никогда не уставал. Его неспособность к общению, повергала его не в уныние, а в ярость. Он не любил долго возиться с игрушками, машинки и танки его не вдохновляли. Он хотел знать, как управляться со словами, написанными под картинками и, и не находя разгадки, часами рассматривал кубики.

Подчас на него обрушивалось отчаяние: он боялся, что его состояние немоты не пройдет никогда, что его сознанию никогда не вырваться из пут, спеленавших его где-то по пути в этот мир.

Он был нетерпелив, поэтому в неполных девять месяцев заставил себя сделать первые шаги. Стремясь избавиться себя от дополнительных унижений, он рано выучился проситься на горшок. Будучи не в ладах с координацией движений, он уже давно садился, яростно изгибаясь спиной. Ползать он не любил.

Когда Анна была занята на кухне, его сажали в специальный загончик с деревянной решеткой. Это было плохо и обидно – его запирали, ограждали, насильно лишая общения. Он вставал на ноги и, наваливаясь всем своим весом на решетку, опрокидывал загончик. Вырвавшись на свободу, Игнат не твердой, но победоносной походкой направлялся туда, куда его толкала воля к общению – на кухню, к Анне, или на балкон, к народу. Второе было опасно и Анна стала сажать его в высокий стульчик и готовила обеды и ужины, без умолку разговаривая со своим правнуком. Игнат был благодарен. Оставаясь на целый день с Анной, он ценил то обстоятельство, что она души в нем не чаяла и платил ей пылкой привязанностью.

Заговорил он в два года, сказав слово «дом». Его страданиям пришел конец, а радостям его не было предела, когда он понял, что Анна решила учить его читать. Занималась она с ним недолго, каждый день по полчаса. Уже совсем скоро Игнат научился читать, а на праздник, по случаю своего третьего дня рождения, удивил собравшихся тем, что продекламировал наизусть несколько басен Крылова.

Когда ее сыну исполнилось четыре года, Лиза окончила Университет. Защитив диплом с отличием, она получила предложение остаться на кафедре романо-германской филологии преподавать. После нескольких сезонов в «Интуристе», ее английский был действительно разговорным, а не теоретически разговорным, как у ее сокурсников. От предложения она не отказалась, но размышляла и сомневалась. Ей не хотелось расставаться со свободой. И дело было не только в том, что в «Интуристе» не надо было высидивать от звонка до звонка – переводчики работали много, часто без выходных, и, зная обо всех их переработках, начальство не осмеливалось вводить строгий режим присутствия на работе. Лизе нравилось встречаться с новыми людьми, отличавшимся от ее соотечественников особенностями мышления и поведения. Ей нравилось путешествовать и привозить Игнату игрушки из других республик его необъятной Родины. Ей также не хотелось расставаться со свободомыслием. Но «преподаватель Университета» звучало более солидно, чем «переводчик «Интуриста». Александра, будучи учительницей, склоняла дочь к тому, что пора остепениться, перестав «мотаться по всему Союзу, задрать хвост». И Лиза решила попробовать.

Ее пригласили на лекцию в группу, в которой, предположительно, она станет преподавать. Узнав, что занятия проходят не в старом здании Университета, в центре, а в новом Университетском городке, рядом с ВДНХ, Лиза расстроилась. Каждый день мотаться в такую даль! Но, все же, пошла. Троллейбусную остановку и учебные корпуса разделял пустырь – строительство было недавно закончено и территорию еще не успели облагородить. В желтой глинистой почве росли чахлые кусты и невысокие тополя. Их листья были покрыты толстым слоем пыли, которую носил по пустырю настырный сентябрьский ветер. Выйдя из троллейбуса, Лиза повязала косынку на голову и, не зная точно, куда идти, неуверенно двинулась к скоплению серых бетонных зданий вдалеке.

Вдруг дорогу ей преградила цыганка. На руках она держала худого и замызганного ребенка.

- Давай погадаю, красавица! – эта дежурная фраза и фамильярное грубое прикосновение к ее руке заставили Лизу ускорить шаг.

- Давай на любовников твоих и на мужа погадаю, не убегай, неужели не хочешь знать, что ждет тебя?

Нужно было бы промолчать и бежать дальше, но Лиза замедлила шаг, не желая показать свое замешательство и страх. Вокруг никого не было, троллейбусная остановка была уже далеко, кричать было бесполезно. В поведении цыганки угадывалась агрессивность – совсем не гадание было у нее на уме, а что-то злое, гадкое рождалось в ее мозгу в этот подслеповатый серо-желтый сентябрьский день. Глядя на Лизу, она раздумывала, отпускать ее или нет. Но, видно, в тот день решать суждено было не ей. Уже спешила на подмогу целая ватага цыганчат, а за кустами мелькали черные кудрявые головы мужчин. С перепоею, со злости решили устроить представление. Все лето они на этом пустыре стояли табором, а теперь их отсюда гонят. Приходили менты, сказали, чтобы завтра духу их здесь не было. Надо было откупиться, но денег, как назло, не водилось уже давно. Ни денег, ни колечек, ни серебра. Известное дело, менты снова придут, чем-то надо будет их души продажные задобрить. Вот и добыча сама в сети попалась.

Они окружили Лизу плотным кольцом и молча, кружась, словно в хороводе вокруг нее, внимательно наблюдали за ней. Время от времени, чтобы отвлечь ее внимание, они выкрикивали что-нибудь злое и обидное в ее адрес. Она стояла, переступая с ноги на ногу, стараясь следовать их ритму, одной рукой придерживая сумку на плече, другую опустив вдоль тела. Вдруг один цыганчонок изловчился, подскочил к ней и сорвал с ее пальца кольцо с жемчужиной. Отскочив назад, в круг, он бросил его подошедшему кудлатому цыгану.

- Отдайте! – как можно спокойней выговорила Лиза.

- Потанцуй с нами, красавица, тогда и отдадим! – крикнул цыган.

Вокруг нее собрался уже целый табор. Злые, испытые, наглые лица насмехались над ней.

- Отдайте, это подарок. Муж убьет меня, если узнает о пропаже.

- А ты не говори мужу, а коль боишься, оставайся с нами, мы такую красавицу всем табором любить будем, - не унимался цыган.

Кольцо вокруг нее сжималось. Вместо того, чтобы вырваться и убежать, Лиза продолжала просить. Это кольцо ей действительно подарил Алексей. Оно ей не нравилось – жемчуг она не любила, но Алексей за три года их совместной жизни так и не удосужился узнать ни ее вкусов, ни ее тайных желаний. К защите диплома он, на свою премию, купил ей это дорогое по тем временам кольцо. Ей было жалко кольца, его всегда можно было хорошо продать. Как и все женщины в ее стране, Лиза не думала о ювелирных изделиях, как о дорогих вещицах, назначением которых было украшать, а думала только об их стоимости, рассматривая их покупку, как вложение денег, тем более, что с эстетической точки зрения, их ценность равнялась нулю. Однако, не кольцо было причиной того, что Лиза продолжала настаивать – ей не хотелось обнаруживать свой страх. Не желая пасовать перед этой враждебной толпой, она пригрозила, что обратиться в милицию. Это слово привело толпу в яростное движение: кто-то подскочил к ней, протягивая руки к ее лицу, шипя и кривляясь, пританцовывая перед ней, все только для того, чтобы вылить на нее лавину ругательств, грязных и срамных.

Цыганка пробилась к Лизе.

- Уходи. Уходи быстро, пока мы отпускаем тебя. А будешь угрожать, найдешь своего ребенка разбитым параличом. Запомнила?

- Нету у меня никакого ребенка, - моментально отреагировала Лиза, стараясь прикрыть Игната ложью от сглаза.

- Есть. Сама знаешь, что есть. Иди отсюда и забудь про нас.

Лиза, чей мозг почернел от ужаса, вырвалась из толпы и побежала к дороге. Она схватила такси и, согнувшись в три погибели на заднем сидении, что-то шептала, ограждая своего ребенка от пророческих слов цыганки, готовой ради золотой побрякушки с жемчужиной проклясть ребенка, которого она никогда не видела и которого не выносила под своим сердцем. Она также думала о том, сколько красивых и романтических преданий было сложено про цыган, в которых они, гордые и свободные, оберегали свою честь больше, чем берегли свои жизни. Если бы Лиза была в более спокойном состоянии духа, она бы смогла отделить фольклор от реальности, и понять, что, отняв у нее кольцо, цыганка заплатит выкуп за спокойствие своего дитя. И кто знает, может быть, завтра их не прогонят с пустыря и не придется им скитаться, невесть где, на зиму глядя. Ведь их, как стадо животных, во время празднеств и визитов партийных вождей, гоняют с места на место, из больших и малых городов, избавляясь на время как от заразы, которой нет и не может быть в стране всеобщего благоденствия. Мыкаясь в государстве коррумпированном и великодержавном, в вечном страхе перед властью предержащими, они озлобились до такой степени, что прокляли невинного ребенка на болезни.

Дома она рассказала обо всем Алексею, он ходил в милицию, там спросили, есть ли свидетели случившемуся. Когда узнали, что никто ничего не видел, вздохнули с облегчением – ищи теперь ветра в поле! От работы в Университете она отказалась, посчитав случившееся плохим знаком, и вернулась в свой «Интурист».

Еще долго, почти всю осень, она не могла избавиться от видений. Перед ее взором появлялась фигура цыганки, проклинаящей Игната, а Лиза подходила к ней и всаживала нож в ее утробу по самую рукоять. В своем воображении она убивала цыганку снова и снова, тысячи раз, в надежде избавиться от нее совсем, чтобы не осталось от нее и следа, чтобы вместе с ней исчезло и ее проклятие.

Игнат рос крепким и сильным ребенком. Зимой его выносили на несколько часов спать на балкон и он не знал, что означает тратить свои недюжинные силенки на преодоление различных хворей. Он тратил их на созидание своего ума, воображения и характера. Но, начиная с той памятной осени, он стал непрерывно болеть.

Глава 15.

Белов возвращается с предложением.

В конце декабря 1979-го года, советские войска вторглись в Афганистан. Лиза сидела за своим столом в англо-американской группе. Время близилось к шести вечера, но переводчицы не расходились – ждали новогодних пайков, которые обещали

привезти в столовую после окончания рабочего дня. Чтобы скоротать время они тихо разговаривали, в полголоса обсуждая услышанное по радио заявление правительства. Верхний свет был погашен, только на некоторых столах горели настольные лампы. Время от времени, отрывистые реплики раздавались из темных углов большой комнаты. Лиц не было видно, но голоса были спокойными, чуть насмешливыми. Натренированные мозги переводчиц моментально дали оценку произошедшему – летнюю Олимпиаду Запад будет бойкотировать.

- Все, девочки, можно не примерять больше наши представительские костюмы. Не думаю, что они нам пригодятся, - со знанием дела подытожила одна из бывалых переводчиц.

- Что, ты думаешь, не приедут? – отозвалась другая из темноты.

- Конечно, не приедут. Бойкотировать будут. Это же чистой воды интервенция.

Пролетим мы, даже «социалисты» не выручат.

- Наши настаивают, что их законное правительство попросило о помощи.

- Для кого законное? Для нас или для них? И почему вдруг нас они попросили о помощи? Почему не кого-нибудь, кто поближе?

- Господи, что мы забыли в этом Афганистане?

- А что американцы когда-то забыли во Вьетнаме? Свои интересы.

- Опять наших мальчиков убивать будут.

До этого Лиза думала, где бы достать яйца. Анна сказала, что если не будет яиц, она не сможет испечь кулебяку на Новый год. А так хотелось кулебяки! С душистым сочным мясом внутри, с нежным белым тестом вокруг и с золотистой корочкой!

- Как хорошо, что Игнат еще маленький, - вырвалось у нее.

- А ты не волнуйся, когда твой Игнат вырастит, наше правительство найдет и для него работенку по защите интересов державы. Не эта война, так другая будет, мать твою. Не дают ни спокойно жить, ни спокойно работать.

Лиза съезжилась. Война? Она не могла допустить даже мысли о том, что ее сын когда-нибудь будет принесен в жертву интересам системы. Впрочем мысль о том, что до призывного возраста еще далеко, очень далеко, заставила ее быстро успокоиться. Когда время придет, она что-нибудь придумает, она обязательно уберезет своего сына. Ее сердце ныло за боль и страх других матерей.

Переводчицам все-таки сшили представительские костюмы по случаю предстоящих Олимпийских Игр. Костюмы были из серо-голубой синтетической ткани с эмблемой «Интуриста» на нагрудном кармане. К ним выдали красные кофточки и желтые босоножки. Многие переводчицы тут же отпороли интуристовскую эмблему и продали свои костюмы. Они и, правда, не пригодились: в то лето в Киев, где должны были проходить отборочные футбольные матчи, почти никто из гостей и спортсменов не приехал. Торжественное открытие Олимпийских игр проходило на полупустом стадионе – все киевляне успели побывать на генеральной репетиции, а гостей так и не дождались. Лиза, как и все ее коллеги, таскала домой целлофановые кульки, полные маленьких пакетиков финских соков. Их закупили для завтраков чемпионов, но за отсутствием таковых, продавали по дешевке переводчицам, а те носили эти сладко-кислые синтетические напитки, в красивых упаковках с приклеенной сбоку соломинкой, своим детям.

Всю весну приезжали лекторы из Москвы, из Института Международных отношений, из МИДа, из домов Политпросвещения и объясняли, как надо отвечать на провокационные заявления и вопросы туристов об Афганистане. Их пропагандистские придумки были слабыми и неубедительными. Их логика

двигалась в рамках закосневшей догмы о том, что 136 народов и народностей, объединенных в советскую империю, образцово счастливы и об отделении не помышляют. Империя не намеревалась никого отпускать, она намеревалась расширяться! Попытки колонизировать малоразвитые страны по всему земному шару предпринимались не раз. Проходила эта колонизация с большим или меньшим успехом. Туземцы на коммунизм реагировали хуже, чем на христианство, но деньги брали с удовольствием. На этот раз настала очередь Афганистана, который оказался крепким орешком. Как видно, дело там было не в деньгах или огненной воде, и даже не в стремлении к независимости, а в выпестованном местными традициями, менталитетом и верой, упрямстве. На протяжении веков Афганистан не покорился ни одному захватчику и сейчас не покорится. Слава Богу, полемизировать по этому вопросу было не с кем, в тот год туристы избегали приезжать в Советский Союз.

Изнывая от безделья, высиживая до конца рабочего дня бесполезные и бесконечные часы, Лиза думала о том, что простые люди, путешествующие по свету, подчас даже не замечая этого, являются придатками своих систем. Рты сотен и сотен туристов, высказывающие мнения и убеждения, становились рупорами своих политических систем. Эти мнения и убеждения наталкивались на подготовленные тезисы переводчиков. И в этом месиве слов, эмоций и хорошо заученных фраз просматривалось только одно: каждая система боролась за то, чтобы обратить в свою веру как можно больше стран и народов, даже если эти страны, по преимуществу недоразвитые, находились на другом конце света. За это и воевали и тратили баснословные деньги супердержавы. В то время было модным выражение – «гонка вооружений». Это была соревновательная гонка систем, чьи нравственные установки позволяли не только выбрасывать уйму денег на техническое оснащение различных войн, но и распоряжаться человеческими жизнями. Самые лучшие представители своих систем испытывали стыд за содеянное их правительствами и калялись от их имени, выкрикивая имена погибших в заморских войнах на демонстрациях и несанкционированных митингах, но системы это не затрагивало. Они, обнимая молчаливое большинство, продолжали печатать деньги, ковать мечи и убивать солдат – своих и чужих.

Лиза уже давно поняла, что принадлежать системе идеологически – глупо. Системы видоизменяются и рушатся. Они непостоянны и несостоятельны. Она выбрала свою семью, ставшую для нее абсолютom. И свою жизнь. Свою семью она должна уберечь от бед. Свою жизнь она должна прожить.

Зимой того же года, из дальних стран вернулся капитан Белов. После нескольких лет, проведенных в загранке, его карьера не взметнулась вверх. Видимо, подвигов ему совершить не пришлось. Начальство, посчитав, что, сама по себе, такая длительная командировка в Испанию была достаточным благом и развлечением, вернуло его в «Интурист», где когда-то в него были влюблены все переводчицы. Справившись о Лизе, он тотчас вызвал ее к себе.

Он снова ждал ее, повернувшись спиной к двери. Он смотрел в окно, на ссохшуюся и пордевшую листву каштанов на улице Ленина, на мокрую брусчатку, по которой машины карабкались вверх к Оперному театру и замирали перед светофором, на небо, где хмурились вечерние тучи. Белов изменился: его молодое, по-мальчишески задорное лицо, стало тоньше, в глазах появилась грусть. Он с

неохотой признавался себе, что за граница его изменила. Вкусив изысканного старого вина, настоящего на вековых традициях европейских культур, он навсегда захмелел. Живя и работая в Мадриде, он путешествовал. Не часто, как только выдавалась возможность. Домой, в Союз, ему, до окончания срока службы, дорога была заказана. Он скучал по семье, отвлекаясь от одиночества и тоски впечатлениями. Ему удалось увидеть много: Швейцарию, Австрию, Францию, Италию. Он путешествовал на своем темно-синем «Ситроене», который скрашивал его одиночество. Иногда во время долгих переездов, он разговаривал вслух, обращаясь к своему автомобилю как будто тот был одушевленным. Ему хотелось, чтобы рядом сидела Лиза, которую он никак не мог забыть, но место рядом с ним всегда пустовало.

Вернувшись в Киев и, пережив первые радости от встречи с родными, Белов затосковал. В этом старом городе, где так много древней истории, ему не хватало цивилизации – свободы, прав и современной культуры. Он часто вспоминал, как, медленно прогуливаясь по узким улочкам Венеции, где пахло сыростью и водорослями, он думал о том, что для того, чтобы вобрать в себя культуру, совсем не обязательно посещать все музеи, не нужно наперечет знать все известные фамилии или без конца ходить в театры. Сам воздух в Западной Европе полнился волшебной смесью национальных культур и традиций, и просто вдыхая его, глубоко и жадно, он приобщался к цивилизованному обществу нормальных людей. В ранних сумерках тепло мерцали витрины магазинов и кафе, очерчивались охрой купола соборов на фоне серо-лилового неба и нигде, нигде не было видно ни портретов, ни лозунгов. Такое же чувство причастности к цивилизации и грусти он испытал и в Париже, и в Вене. Хотя в Вене все было веселее, а в Париже - утонченнее.

Здесь же, в его родном Киеве, фасады всех старых домов были заляпаны кроваво-красными пятнами лозунгов, призывов и обещаний. С дома напротив на Белова смотрел огромный Брежнев, с вытянутой верхней губой и мохнатыми бровями. На его груди золотились звезды. Этот нарисованный монстр пугал, принижая прохожих своими размерами, напоминая о том, что простой смертный в этой стране никто и навек останется никем. Пока система жива, гражданин должен эту систему славить, позабыв о своих корнях и своей принадлежности к общечеловеческой цивилизации. Все эти нарисованные вожди и доярки должны были стать его суррогатной культурой, начисто лишив его индивидуальности. Поселив простого советского человека в коммуналки и хрущовки, его лишили чувства пространства и достоинства. Остальное было легко.

Белов вернулся в своих мыслях к той женщине, вернее девочке, которую увидел почти четыре года назад, и которую полюбил.

В разлуке его любовь выглядела иначе – преломленная в грусти, одиночестве и другом культурном измерении – она казалась более значимой и красивой. Вернувшись, он боялся ее опозлить, прикоснувшись ею к здешним кагэбэшным и интуристовским нравам. Он жаждал и боялся увидеть ту, которую, без малого четыре года, любил в самых прекрасных городах мира.

В дверь постучали. Он подошел и приоткрыл ее в плохо освещенный коридор. В темном проеме он увидел силуэт женщины.

- Входите, - холодно произнес Белов.

Лиза вошла, дивясь тому, зачем она ему понадобилась и резкому, холодному тону его голоса. Он, по-прежнему, стоял у двери, теперь совсем рядом с вошедшей Лизой. Сережа Белов молча смотрел на нее, а потом вдруг обнял.

Она не отстранилась, просто стояла, опустив руки. Ждала. Он резко отпрянул.

- Извини.

- Но почему?

- Я безумно скучал.

- За мной?

- Да, да, за тобой. Ты изменилась. Замужем. Постой. Ребенок?

- Да, у меня сын.

- Сколько ему?

- Три года и несколько месяцев.

- Такой большой?

- Да. Большой.

Белову хотелось задать тысячу других вопросов. Все о ней, конечно. Но сначала он должен хорошенько рассмотреть ее. Не трудно было догадаться про ребенка – ее лицо изменилось, и фигура тоже, но особенно лицо. Одета она совсем не так, как была одета в его мечтах и воспоминаниях. Этот серый свитер и шерстяная коричневая юбка, зачем все это? Зачем она так одевается? Ведь она – это весна, в той белой кофточке с вышитыми по воротничку фиалками. Зачем она так постарела? Или нет. Не постарела. Фигура ее стала выразительней, груди и бедра округлились. Талия стала тоньше. Длинные ноги, спрятанные в сапоги и прикрытые юбкой, ее тонкая кость, эта отчужденная стать... нет, это не фигура, ее фигура манит и завораживает его как прежде. Она просто неправильно одета, без кокетства, без желания нравиться. Почему? Изменилось ее лицо – оно стало непроницаемо-строгим. Особенно глаза, в них поселилась настороженность, грусть и, одновременно, гордость. Гордость за сына, конечно, подумал Белов. Глаза как у Мадонны на самых лучших иконах. Радость, что родила, гордость, что имеет, и страх, извечный страх, что потеряет. Или может потерять. Каждую минуту думы о нем. Но замужем? Она сказала, что замужем. А где же та расслабленность и оживленность, с какой молодые женщины, уверенные в себе и испытывавшие радость плотской любви, кокетничают с мужчинами? Где свобода? Во взгляде, в движениях, в намерениях? Любовь делает женщину свободной и уверенной. Она... не любит. И не любила? Зачем же тогда? Что зачем же? Меня не дождалась? Какая глупость!

- Я вернулся. Кажется, навсегда.

- Я очень рада. Как вам там работалось? – Лиза решила продолжать разговор. Ее переразвитое душевное чутье подсказывало ей, что каждое ее слово для него важно.

- По-всякому. Я старался путешествовать, когда мог. Посмотрел другие страны.

- Здорово. Я завидую.

- А здесь? Как тебе работается? Ты уже в штате?

- Нет, - Лиза рассмеялась, - все еще на беременной ставке. Туристов мало, знаете, Афганистан...

- Да, я знаю. Знаю. А хочешь к нам? Работать у нас?

- К вам?!

- Да, что тут странного? В одном из Управлений новый отдел через два месяца открывают, я слышал, что еще есть вакансии.

Белов не просто слышал, ему было приказано присмотреть и завербовать несколько стоящих молодых переводчиц с хорошим знанием языка, на которых можно было положиться. Отдел открывали в спешке, в связи с острой назревшей необходимостью. Предполагалось всем зачисленным тут же присвоить офицерские звания. Чем будут заниматься молодые офицеры, Белов, конечно, знал, но получил

инструкции особенно не распространяться, а пригласить кандидатов на собеседование в органы, там им сами все объяснят только в том случае, если увидят, что человек им подходит. Лучше, это освобождало Белова от вранья. Но зачем он ей предложил? Вырвалось как-то произвольно. Что она выиграет, работая в органах? Деньги, но потеряет свободу. Но вдруг ей на свободу наплевать? Особенно теперь, когда у нее родился сын? Или он хочет, чтобы она была рядом, работала бок о бок с ним в том же здании? Белов отвернулся от Лизы. Он не хотел, чтобы она видела его сомнения. Не в том, что он ей предложил, а в смысле его собственной жизни. Он боялся себе признаться, что не хочет и не может здесь, в Советском Союзе, больше жить, что не хочет больше служить в КГБ. Он хочет все бросить и уехать туда, откуда вернулся, в Европу. Поселиться на тихой улочке в большом городе, в Париже, например, работать, конечно, и вдыхать, вдыхать свободу и культуру, наслаждаясь каждую минуту тем, что видишь вокруг. Он хотел забрать с собой Лизу туда, в свои мечты, а не вербовать ее на работу в КГБ.

- Ладно, не слушай, что я говорю. Глупости.

- Почему же глупости? – Лиза уже давно тяготилась тем, что ее положение в «Интуристе» все не определялось. – Что за работа?

- Тебе интересно?

- Да, интересно.

- Я не могу тебе рассказать. Пойдешь на собеседование, узнаешь сама и тогда решишь.

Пойдешь?

- Пойду.

Было поздно ее отговаривать. В ее жизни образовался вакуум. Она давно не испытывала приливов удовлетворения или счастья. Как будто она что-то искала и не находила. Работа перестала приносить радость, вернее, ее просто не было. Влюбленности тоже не было. Был Игнат. Была любовь к нему. Он был частью ее самой. Но он переставал быть несмышленьшем и Лиза хотела, чтобы в один прекрасный день он вдруг понял, что его мать чего-то добила и достойна его уважения. Лиза мечтала о том, чтобы Игнат гордился ею так же, как она гордится им. После четырех лет замужества за Алексеем в ней не умерли ни ее амбициозность, ни ее жажда к приключениям. Наоборот, она сдерживала себя все эти годы, живя как в плену, ожидая наступления своего часа.

- Если пойдешь и потом останешься служить, сможем ли мы быть вместе, Лиза?

- Не знаю. Я готова изменить свою жизнь. Но мужу? Не знаю.

- Я люблю тебя. Любил все эти годы. Подумай.

- Подумать оставить Алексея?

- Его зовут Алексей? Ты ведь все равно его не любишь.

- А тебя? – Лиза подошла к нему совсем близко и стала рассматривать его лицо.

Мужчина, которого она не знала. Октябрьские сумерки заострили его черты, сделав его лицо суровым и изможденным. Она угадала в тоске, глубоко запрятанной в его глазах, что что-то гложет его, не только любовь к ней. – Тебя я люблю?

- Сейчас нет, но настанет время...

- Если такое время настанет, я оставлю мужа, Сережа.

Она направилась к двери. Он догнал ее, снова обнял. Прошептал на ухо:

- Не ходи. Туда не ходи.

Лиза выскользнула из его объятий и ушла.

Наступил новый год. Весь январь она сдавала экзамены, тесты, проходила медкомиссии и собеседования. В середине февраля ее оформили на работу в органы.

Сфотографировали на военный билет и пропуск в форме, зацепив сзади прищепкой воротничок рубашки, которая оказалась на несколько размеров больше. Через неделю Лиза должна была приступить к своим обязанностям. Александра и Алексей радовались ее неожиданному выбору и ее новому назначению.

- Я рада, что ты решилась работать там, будешь как за каменной стеной. Прекрасная зарплата, надбавки за звание... – Александра снова думала об обеспеченной жизни и искренне желала дочери добра.

- И на что я эти деньги буду тратить? – спросила Лиза.

«На меня», - хотела ответить Александра, но сдержалась. Последнее время она и сама неплохо стала зарабатывать, но здоровье требовало больших затрат, да и мебель обновить давно пора было. Лиза и Алексей жили в их квартире почти четыре года, могли бы и поучаствовать.

- У тебя сын растет, ему много нужно, - слукавила Александра.

- А ты что скажешь, Алексей? – Лизе было интересно, как он будет чувствовать себя в роли мужа лейтенанта КГБ.

- Что тут говорить? Все нормально, деньги есть деньги.

- Но ведь я никогда не смогу поехать за границу, посмотреть страны, о которых так мечтала. У меня, Алексей, в обмен на деньги забирают свободу.

- А ты не думай об этом. На что тебе эта заграница сдалась? Вон и у нас есть что посмотреть. – Алексей не понимал слова «свобода», не страдал клаустрофобией и душа его не протестовала от невозможности сесть на самолет и полететь на выходные в Париж. Он приспособился к одному и тому же маршруту – завод-дом-завод, похоронил все свои юношеские мечты в тот момент, когда отец отказал ему в помощи, превратившись в ленивого обывателя, обреченно тянущего свою лямку и раньше времени состарившегося.

И все же, когда он советовал ей не думать о дальних странах, Лиза заметила, что в его безразличных глазах вдруг вспыхнула зависть.

Глава 16.

Утроба лязгающей машины

Морозным ярким утром, когда с неба мелкими колючими снежинками падает не снег, а изморозь, Лиза шагала по улице Владимирской к одному из многочисленных зданий КГБ, где размещалось ее подразделение. Построенный в начале семидесятых, во время модного тогда панельного бума, этот обычный жилой дом архитектурными красотами не отличался. Дополнительное уродство ему сообщали замазанные белой краской окна и «глухие» балконные двери, заколоченные изнутри. Этот и пару других таких же «слепых» домов, собранных в компактный квартал, прикрывало грандиозное монументальное сооружение из серого гранита, в котором размещалось Главное Управление КГБ УССР. Оно, как бульдог, ощерилось на проезжую часть, защищая свой выводок, спрятавшийся за его спиной. Этот гранитный монстр находился в нескольких шагах от Софийского собора с одной стороны, и Золотых ворот, с другой. Его втиснули в самый центр древнего Киева еще до второй мировой войны. Тогда в нем помещались Главное Управление

Государственной Безопасности. Во время оккупации в нем разместились гестаповцы. Итак, ГУГБ сменило гестапо, гестапо сменило КГБ. Такие невидимые глазу архитектурные излишества, как полутораметровой ширины стены и глубокие подземные казематы, позволяли вышеперечисленным организациям чувствовать себя там комфортно. «Сколько же пришлось этим стенам повидать на своем веку!» - проходя мимо, подумала Лиза.

Она свернула за угол и направилась к подъезду. Страшные призраки ее не пугали: она никогда не отождествляла себя с системой и не силилась верить в справедливость ее деяний; бороться же против нее было глупо – силы были неравные, и если на каком-то этапе удалось бы стать героиней, с помощью Запада даже неприкасаемой, толку от этого было бы ровным счетом никакого. Система от ее героизма не пострадала бы, а ей не простила и, рано или поздно, припомнила бы. Что же касается славы, то ради нее стараться не стоит - народ своих героев быстро забывает. Лиза шла работать в органы ради денег и ради перемен в своей застоявшейся жизни. Уже давно, ох, как давно, в ее жизни совсем ничего не случилось...

У подъезда она позвонила, так как кода еще не знала. Внутри, в квадратном холле с чахлыми цветами в кадках, ее встретил дежурный офицер, спросил к кому она и по какому делу. Позвонив по телефону, он пропустил ее и проводил по ступенькам наверх, к лифту, набрав для нее нужный код. Поднявшись на свой, четвертый этаж, Лиза снова уперлась в дверь с кодом и снова позвонила. За этой дверью оказалось целое хозяйство с несколькими комнатами, от пола до потолка забитыми аппаратурой, а в начале коридора находилось просторное помещение для отдыха и чаепития. Там Лизе приказали ждать. Постояв немного в нерешительности, она осмотрелась: вдоль одной стены стояли небольшие столы со стульями, другая – была сплошь покрыта встроенными шкафчиками, посередине комнаты бесконечно тянулся узкий, длинный стол, заваленный газетами и журналами – за него Лиза и села. Она была совершенно одна, где-то в глубине коридора звучали голоса, но в комнате никто не появлялся. Она ждала приема у полковника, который должен был с ней познакомиться и ввести в курс дела.

Проходили минуты, потом часы, но ее никто не вызывал. Пару раз в дверь заглядывали молодые женщины. Они с любопытством рассматривали Лизу, но никто с ней не заговорил. Наступило время обеда, в комнату стали собираться служащие. Первой вошла женщина, лет около сорока, невысокая, с прекрасной фигурой, с живым, умным лицом и великолепными, огромными, цвета фиалок, глазами. Иметь такие глаза было просто роскошью, а прятать в них ум – бесценным даром. Позже Лиза узнает, что женщину с фиалковыми глазами, звали Маргаритой, а фамилия ее была Булгакова. Лиза сразу уловила совпадение, но никаких шуточек или поддразниваний никогда в адрес Марго не слышала и сама на них не отваживалась. Став близкой подругой Марго, она лишь спрашивала себя, отважилась бы эта, невыдуманная и живая Маргарита, посетить бал у Сатаны? Впрочем, разве нас всех не держат заложниками на этом балу вот уже полвека?

За Марго вошли две другие женщины помоложе. Понималось, что они работали вместе, но признавая в ней старшую, они подчинялись авторитету Марго. Она, как будто, от них этого и не требовала, не придавая значения своему капитанскому чину, мягко беседуя с ними на совершенно отвлеченные темы, а они все же старались по-хорошему угодить ей, угощая наперебой тем, что принесли из дома. Она тоже делилась своим обедом и так, в разговорах о еде, проходили

положенные полчаса перерыва. Лиза перелистывала очередной журнал из кипы на столе, и молчала.

Вдруг дверь с грохотом распахнулась и в комнату влетела еще одна женщина – чернявая, худая и вертлявая. Ее скукоженное лицо было щедро размалевано дешевой косметикой, фигура ее была тощая и невыразительная, а движения – размашистыми и не скоординированными, как у поломанной куклы. Она вся была какая-то затасканная, в ней было много стыда и, одновременно, отчаяния, которые она пыталась спрятать под разухабистой веселостью.

- Слыхали? – визгливо вскрикнула она.

- Что слышали? – спросила Марго. Она улыбнулась, сейчас опять какую-нибудь глупость Верка насчет своего очередного ухажера преподнесет.

- Лешка угорел в машине! Со своей подружкой. Так вдвоем и угорели.

Марго встала из-за стола.

- Не трепи языком, Вера, мы тут не одни, - сказала она вполголоса, подойдя вплотную к вертлявой женщине.

Та начала прихорашиваться, пытаясь поймать свое отражение в маленьком зеркальце, которое выудила из сумочки. Специально не замечая тона Марго, она всем своим видом показывала, что та ей не начальница. Верка, хоть и была вольнонаемной, котирировалась на вес золота в подразделении, обслуживая местных и командировочных из области мужиков. Так что уволить ее, за болтовню или за что другое, было не так просто и она это знала. Мужчины, занимающие ключевые посты в органах, ценили ее услуги.

- Так что покойничек теперь наш Леха, - продолжала она. - И папашу его по головке не поглядят. Генерал, а не усмотрел. Машину зачем-то своему парню дал, там они после этого самого, ну сами понимаете, заснули и угорели.

- Несчастный случай, да? – случайно вырвалось у одной из молодых сотрудниц, пришедших вместе с Марго.

- Да если б! Записочку нашли: так мол и так, не разрешили вы нам пожениться, вот мы и решили...

- Прекрати сейчас же! – не выдержала Марго. – Это - горе, а ты выпендриваешься тут, да еще при незнакомых людях!

- А чего она незнакомая? Возьми да познакомься! Если тут сидит, значит, уже любому будет работать у нас. Небось, Игоря Афанасьевича дожидается. Да, его? – Верка повернулась к Лизе.

- Его, - ответила Лиза сдержанно.

- Вот и хорошо. Долго ждать тебе его придется сегодня. На ЧП он. Самоубийство своего сотрудника разбирает.

- Ладно, девочки, пошли. Работать пора. Пусть эта бесстыжая тут языком молотит. – Собрав остатки еды и достав пачку сигарет, Марго вышла из комнаты. Две женщины последовали за ней.

- Вот посмотри ты на эту генеральскую дочку! Папаша в Москве заправляет, так думает, ей все можно! Ан вот папаша не станет, что будет делать? Чем будет авторитет зарабатывать?

Тут вдруг дверь приоткрылась и в нее просунулась голова молодой женщины, с которой Марго обедала. Она прищурилась и сказала:

- А ты чем свой авторитет зарабатываешь, Верка? А? Давай, расскажи новенькой. Верка серьезно посмотрела на Лизу.

- Тебя как зовут-то?

- Елизавета Галич, Лиза.

- Так вот, Елизавета Галич, не слушай ты тут всяких прихлебателей у генеральских дочерей. Я тебе вот что скажу: мужиков здесь много, они тут и цари, и короли. И от этого никуда не деться.

Верка повернулась и юркнула в дверь, оставив Лизу размышлять над тем, что она услышала и является ли самоубийство плохим знаком. Следует бежать отсюда, сломя голову, или все-таки остаться? Но уже было поздно. Ее вызвали к полковнику.

Игорь Афанасьевич Песневский сидел за письменным столом. Он был худощав и белобрыс. Лицо его ничего не значило и ничего не выражало - такие лица, слава Богу, не запоминаются. Если бы они приходили во снах, то кошмар напоминал бы чудовищный мир Оруэлла, в котором безликие солдаты будущего уничтожают настоящее.

- Садитесь, - выговорил его рот.

Лиза мгновенно поняла, что не нравится ему. Он ей тоже стал сразу невыносим. Обоюднo отталкиваясь, они молча смотрели друг на друга.

- Вам понадобится блокнот, - сказал полковник. - Пойдите и купите, если нет.

Видно было, что он начинает раздражаться. Лиза не была с ним знакома раньше. Перед тем, как зачислить ее в отдел, ее экзаменовали молодые ребята, профессионалы в области головоломок, тестов и прослушивания голосов, которые специально глушили. Затем было много врачей и медкомиссий в поликлинике КГБ на улице Розы Люксембург. По всей видимости, рапорт о ее зачислении тоже подписывал не он. Он не сыграл до этого никакой роли в ее судьбе - ему ее дали, вручили, обследованную и проверенную, для работы в его новом отделе. А он ее не хочет. Она слишком красива, слишком умна, слишком интеллигентна. «С такими хлопот не оберешься, - стал думать Игорь Афанасьевич. - Что она тут будет делать? О чем они думали, когда ее брали? Шутки, говнюки, со мной шутить вздумали? Опять, небось, сказали, что иностранные газетки читать и анализировать будет. А правду кто скажет? Снова я? А у меня сегодня сотрудник в машине угорел и письмо, сопляк, подбросил, чтобы на несчастный случай спихнуть нельзя было. Как теперь отмоюсь перед начальством? Скажут, опять не доработал, распустил свои кадры. Уже дали бы ему жениться на его еврейке, раз так приспичило. Еще бы и выгоду поимели, завербовали бы ее, как миленькая таскала бы нам информацию на своих толстожопых родственничков. Так нет, не может сотрудник КГБ жениться на неблагонадежной гражданке! Переженились бы все на идеологических врагах и диссидентах, легче работать было бы. Брали бы, мать их, прямо тепленькими, из их вонючих домов... Вот и с этой тоже, чует мое сердце, дерьма не оберешься».

- Некогда мне с тобой разговаривать. Купи блокнот. Завтра первая смена начинается в восемь. Придешь в отдел, Маргарита Ивановна все объяснит. Запомнила? Сейчас свободна. Поработаешь, тогда познакомимся.

Лиза ушла. Снова спустившись на лифте, пройдя через бесконечные двери с кодовыми замками, она наконец-то вырвалась на улицу. Вдохнула полной грудью вечерний холодный воздух. Чтобы прийти в себя, задержала его в груди и, потом, закашлявшись, побрела вниз, по скользкому бульвару Свердлова к Крещатику. Надо было зайти в ЦУМ за блокнотом. В душе ничего не пело как в тот раз, когда она сдала экзамен на курсы в «Интурист». Тогда тоже была зима, тоже было полно снега и она шла, нет, летела по Крещатику к троллейбусной остановке, чтобы быстрее ехать с хорошими новостями домой. А сейчас? Сейчас все по-другому. Холодный, ранний, январский вечер кусал и откусанные куски выплевывал на грязный снег.

Лиза, против своей воли, заворачивалась вовнутрь себя, ее становилось все меньше и меньше. Она попала во чрево лязгающей машины, где сохранить свою жизнь можно было только подстроившись под ее ритм, выучив наизусть все ее шестеренки и коленчатые валы. И изогнуться самой по их форме и подобию. Даже дома, после работы, машина не будет выпускать ее из своего чрева, потому что она должна будет молчать. Никогда, ни о чем нельзя будет рассказать родным за обеденным столом и посмеяться с ними, как бывало, они смеялись над ее рассказами про незадачливых туристов. «Господи, Господи, что же я сделала? Хотела изменить свою жизнь, а получилось, еще глубже зарыла себя куда-то в подземелье. Неужели мне не хватало безысходности в моем браке с Алексеем, так нужно было еще и это зазеркалье? Ну почему так ничего не прет у меня в жизни? Почему нет праздников, любви, свободы и легкости?»

Она уже почти стенала вслух на свою судьбу, стоя в очереди в отдел канцелярских принадлежностей. Не проработав еще ни дня в органах, не проработав еще ни одного часа в своем отделе, она уже во что бы то ни стало, решила оттуда вырваться.

Прошло несколько месяцев. Лиза сидела, сгорбившись, по восемь часов каждый день, три дня в первую смену, три дня – во вторую, до двенадцати ночи, выслушивая треск и обрывки записанных разговоров, доносящиеся в наушники. После каждого рабочего дня, проведенного вот так, подслушивая и копаясь в чужом грязном белье, ее мутило. Иногда на пленках попадались записи любовных сцен и тогда, в ее ушах не переставали звенеть стоны и вопли незнакомых людей. Чужая, подслушанная жизнь постоянно звучала в ее мозгу. Она не могла спать, плохо ела и начала курить. Идя на работу, она покупала в газетном киоске пачку ментолового «Салема» - иногда за смену выкуривая всю пачку сама, чаще деля ее с Марго.

Марго была бунтаркой. Она не подчинялась негласным правилам, установленным в подразделении. Она не доносила на своих сослуживцев и не участвовала в их гонениях и принижениях, пребывая в полной уверенности, что ей ничего за это не сделают. Все прекрасно знали, кем был ее отец, ровно как знали и то, что она здесь, в Киеве, а не у него под боком, в Москве, только потому, что так захотела сама. Несмотря на то, что в Киеве были свои генералы, свои профсоюзные лидеры и первые секретари ЦК Компартии, Украина, как и все остальные республики, беспрекословно подчинялась главенству России и, поэтому, московское начальство всегда было на голову выше своего, киевского. Это положение дел спасало Марго на протяжении многих лет, давая ей возможность не грешить против совести и продолжать получать очередные звания. Она часто ездила в Москву проведать семью, а, заодно, отовариться в закрытом кагэбэшном распределителе. Девчонки из отдела делали ей заказы, давали деньги и она привозила им все, что могла – золото, шмотки, парфюмерию, немецкое мыло.

Она была доброй душой, за это ее и любили. Все также знали, что она живет с дочерью, которая оканчивает школу, а со своим вторым мужем, хоть и не в разводе, уже давно в разъезде. Родилась она 9 Мая, и каждый год праздновала свой день рождения как в последний раз – с гостями, цветами, столом, ломящимся от закусок, с шампанским и огромным тортом. После ужина гости и хозяева бегали смотреть салют, а потом снова возвращались в ее уютную квартирку на Печерске и доедали то, что еще оставалось.

Марго взяла Лизу под свою опеку. Ко всем она относилась по-приятельски, а Лизу полюбила. Понимая, что сама не отважится противостоять порядкам больше, чем делает это сейчас, она догадывалась о том, что Лиза с ее бунтарским характером пойдет до конца. Марго была как одинокая волчица, осторожно ступающая во время охоты. Она постоянно помнила, что перешагнуть за красный флажок дозволенного ей нельзя, иначе она подвергнет ненужному риску карьеру отца, который, к тому же, верил в то, что вершил справедливость. А с другой стороны, ей надо было одной выкормить и воспитать детеныша, который требовал все больше затрат и внимания. Ошибочно думая, что Лиза может положиться на Алексея и если что, то не пропадет, Марго давала ей возможность не подчиняться правилам, просто не вводя ее в курс некоторых местных традиций. Но неприкосновенность Марго на Лизу не распространялась и однажды Песневский, уставший ждать, пригласил Лизу к себе.

- Что же, это вы, милочка, так редко заглядываете ко мне? – его рот открывался и закрывался, в то время, как лицо оставалось совсем неподвижным.

- Нет необходимости, товарищ полковник, – ответила Лиза. Этот официальный тон в их подразделении был не принят, но она решила с его помощью отстраниться как можно дальше от своего неприятного собеседника.

- У вас необходимости нет, зато у меня она есть. Что-то я ни разу не слышал, чтобы вы постучали в мой кабинет и так доверительно мне сказали: «Игорь Афанасьевич, вот то-то и то-то делается у нас в подразделении, тот-то и тот-то говорит вот об этом, а еще кто-то о том».

Лиза с трудом поняла эту словесную неразбериху.

- Настаиваете, чтобы я доносила? – спросила она.

- Мы это так не называем, Галич. Мы это называем по-другому: оперативно информировать о происходящем в подразделении. Мы находимся на самом переднем фланге, сами знаете, какое значение придают нашему отделу, так что никакая информация не будет лишней. Ну, так о чем говорят?

- Ни о чем не говорят. Я не знаю, потому что ни с кем особенно не общаюсь, работаю.

- Ну, не правда это, Елизавета Васильевна! Вас только и видят с Марго, извините, с Маргаритой Ивановной.

- Мы разговариваем о личном.

- А что может быть личного во время работы? Вот давайте, выкладывайте.

- Мне нечего выкладывать. – Лиза начала погружаться в состояние неконтролируемой ярости. Все внутри у нее потеплело и красный занавес готов был опуститься перед ее глазами.

- Послушай, милочка, - вкрадчиво начал Песневский. – Ты, что же, думаешь, я не понимаю, что ты за штучка мне на голову навязалась? Так вот, я все про тебя знаю. И ты должна все знать: здесь ты до конца положенного срока. Выйдешь отсюда старухой, в отставку по выслуге лет. Никому нужна не будешь. Так что коротай свой срок приятно для себя и других. Будь умницей и тебе хорошо будет. А будешь возражать, для таких, как ты, Афганистан есть. Вот пошлю тебя под каким-нибудь предлогом туда, сделают тебя, распрекрасную, шлюхой ротной, а потом еще, не дай Бог, в плен угодишь, вот тогда посмотрим, куда ты свою гордость засунешь. И сын ведь у тебя маленький, что, совсем не жалко его без матери оставить?

Встав из-за стола во время своей тирады, Игорь Афанасьевич вплотную приблизился к Лизе. Его лицо виделось ей через красную пелену, она вся дрожала.

- А вы только скажите, когда собираться, товарищ полковник, - сквозь дрожь и ярость еле слышно выговорила она, развернулась и вышла из кабинета, грохнув дверью.

Полковник Песневский ошеломленно застыл перед захлопнувшейся дверью. Он не ожидал, что она его переблефует. Ни в какой Афганистан он ее послать не мог – руки коротки, такие вопросы лежат за пределами его компетенции. Но откуда она знала, что он просто пугает ее? Он ни на минуту не мог предположить, что ее ответ был непосредственной реакцией на его слова: если бы дело дошло до Афганистана, она и вправду поехала бы. Вот теперь, если она начнет трепать языком, что Песневский пугает своих сотрудников Афганистаном, ему и впрямь не здобровать. Он решил, что с этого момента постарается чаще держать лейтенанта Галич в поле зрения, а там видно будет, что-нибудь обязательно да подвернется, на чем ее можно будет прищучить.

Глава 17.

Происшествие в подвале КГБ.

Все эти месяцы Лиза ни разу не видела Сережу Белова. Не то его снова послали в длительную командировку, не то он избегал ее. Она решила разыскать его, чтобы разругаться с ним или пожаловаться, как придется. Его телефона она не знала, решила наобум заглянуть в ту комнату на последнем этаже «Интуриста», куда он несколько раз приглашал ее и где завербовал в органы. Вторая смена в ее подразделении еще не началась, было около четырех пополудни. Весеннее солнце топило зимние сугробы и она таяли, как масло на сковородке. Грязные ручки несли свои талые воды в Интуристовский двор, где огромные лужи не просыхали до самого лета. Лиза перебралась через снежное месиво и привычным движением открыла тяжелую дверь в подъезде бывшей «Европейской». По лестнице сновали переводчицы, все знакомые лица, Лиза улыбалась, здоровалась, но в ответ звучали односложные приветствия и гримасничали натянутые улыбки. Никто не стал расспрашивать ее, как ей на новом месте работает, ведь такие переходы в почти родственные ведомства никогда и ни для кого не были секретом. Ее сторонились. Одно дело сотрудничать с органами в своих стенах и другое любезничать с человеком оттуда. Кто знает, что у их бывшей коллеги на уме и чего она вдруг заявила сюда? Переводчицы прекрасно знали, как, после непринужденных бесед, пишутся полные смысла и клеветы отчеты.

Лиза все поняла. Ей захотелось поскорее уйти. Своих коллег она обвинять не могла, они правы, ограждая себя от ненужного соприкосновения. Но каково ей? Как же она запятнала себя этой работой! А Белов ведь обо всем этом молчал. Только и шепнул: «Не ходи». И то только потом, как бы одумавшись, спохватившись. Она шла по темному коридору. Уходящий ввысь потолок, разошедшиеся, скрипящие половицы, плотно закрытые, высокие, белые двери всегда вселяли в нее неосознанное беспокойство. Это был всего лишь коридор в старом здании, но у нее, как всегда на чердаках и в подвалах, среди хлама и рухляди, захватывало дыхание от предчувствия, что что-то случится, таинственное и угрожающее для нее. Ей вспомнился темный коридор в минской интуристовской гостинице, голубые глаза

Пола Брайана и цепкое объятие кагэбэшника – ее коллеги теперь. Подойдя к двери, она постучала. Услышав его голос, вошла. Белов вскочил со стула, явно растерявшись, но и обрадовавшись.

- Ты?! Вот так неожиданность! – он кинулся ей навстречу, неопределенно расставив руки для объятий.

Увернувшись, Лиза прошла мимо него и села в кресло.

- Хочешь чаю? – спросил Белов.

- Нет, хочу тебе врезать, как следует.

Белов повернулся к ней и молча стоял несколько мгновений, как будто действительно ожидая, что она ударит его по лицу. Потом сел в другое кресло напротив нее. Наклонился, взял ее руки в свои. Он последнее время совсем и не жил. День проходил кое-как, он с трудом дотягивал до ночи, когда без помех мог отдаться своим грезам о Европе и о ней. Он рисовал в своем воображении маленькую квартирку где-нибудь в старом доме на тихой улочке, вид из окна на весь город, будь то Париж или Мадрид, или Вена. Они вдвоем ужинают на балконе, потом пьют вино, разговаривают и занимаются любовью. Каждый раз он мечтал об одном и том же, так что давно осознал себя ее любовником. А наяву предложить ей было нечего, поэтому встреч с ней он не искал. Он окинул свою возлюбленную взглядом. Она была прекрасно одета – деньги сделали свое дело. В ней появилось что-то очень женское и злое. Она уже не была ни девочкой, ни просто матерью, как в прошлый раз, а превратилась в молодую хищницу, которой надо постоянно оглядываться, оберегая свою спину. Ее зеленые глаза сверкали бесстрашием и решимостью. Во всяком случае, запугать им ее не удалось.

- Ты должен был мне обо всем рассказать. Ты же знал, – прервала молчание Лиза.

- О чем именно?

- О тамошних порядках, о нравах.

- Ты чего-то боишься?

- Я не хочу делать то, что мне приказывают.

- И не делай. Кто у тебя начальник? Песневский? Я тебе расскажу. Год назад его с женой еле вывезли из Нью-Йорка, он там работал под прикрытием ООН. Такого он там нахмутил, что подумать страшно. За несколько дней до своего возвращения обратно, на последнем задании засветился. ФБР гналось за ним по всему городу. Укрылся в посольстве. Жену его не тронули, она ребенка ждала. Его и еще нескольких человек в придачу выдворили под белые руки. Он здесь теперь сидеть должен тихо и быть благодарным за должность, а он анекдоты в курилках рассказывает, как одноразовые носки покупал и носил их несколько недель. – Белов невесело рассмеялся.

- А мне он другое рассказывал. Про Афганистан, например.

- Не был он ни в каком Афганистане.

- Да нет, капитан, это он меня грозился туда отправить.

- Вот подонок! – Белов подался назад. - Не может он тебя туда отправить. Пугает, чтобы подчинить себе. А ты не обращай внимания. Ты им нужна больше, чем они тебе. Отдел уже укомплектован, тебя они уволить не могут, из органов не увольняют, вот и стараются тебя причесать в соответствии со своими порядками. Тебя еще в партию не приняли?

- Нет. Я не буду вступать в партию.

- К сожалению, Лиза, тебя спрашивать не будут. Все офицеры в органах – члены партии.

- Чтобы понукать было легче?

- Что ты хочешь, чтобы я ответил? У этих стен тоже есть уши.

- Я хочу уйти оттуда. Помоги мне.

Белов долго молчал. Он знал, что она это произнесет. Его мучило совесть от того, что он был ответственен за ее теперешнее положение. Вытащить же ее, как и любого другого, было невозможно.

- Ты же сама знаешь, что это – навсегда, - ему было неловко говорить об этом. – Иначе может быть, если только смертельно заболеешь, и то сами лечить будут. Второй вариант – сойти с ума и третий, не приведи Господи, помереть. Четвертый и последний вариант – по несоответствию. Это - похоронить себя заживо. С такой записью в военном билете тебя даже в дворники не возьмут. Быть уволенным по несоответствию из органов все равно, что режим предать. То, о чем ты просишь, невозможно, Лиза.

Она знала, что он ничем не поможет. Тоска в его глазах говорила ей о том, что если бы знал как, сам бы уже давно вырвался.

- Ладно, я пойду, - сказала она, поднимаясь.

- Я прошу тебя, не наддай глупостей, - он положил ей ладони на плечи.

- Раньше просить надо было. Сейчас Сережа, меня поздно о чем-либо просить.

Лиза спускалась по той же лестнице, быстро сбега по ступенькам, ни на кого не обращая внимания. Ее лицо было непроницаемым, она обдумывала свое положение. Незаметно для себя, из лучших побуждений, она стала изгоем. На работе ей невыносимо, в «Интуристе» ее избегают, а дома она вынуждена молчать. Больше ей искать отдушины для себя негде. Разве что в разговорах с Марго. Но она ведь тоже только успокаивала, но не спасала. Может и правда, сойти с ума?

В сентябре, после летних отпусков, всем сотрудникам было велено сдать зачет по стрельбе из табельного оружия. Весь их отдел успешно отстрелялся в учебном павильоне в глубоком подвале Главного Управления, а Лиза зачет вовремя не сдала, потому что две недели провалялась с гриппом. Она всегда заболела, когда была несчастна. И сейчас, в полном одиночестве, направляясь по каменной лестнице вниз, в подвал, она содрогалась от жуткой тишины и от звука собственных шагов. Поделенный на сегменты, каждый из которых заканчивался кованой дверью, коридор тускло освещался от потолочных ламп, спрятанных в железные сетки, и был мрачным, внушающим суеверный страх, местом. По окрашенным в зеленую масляную краску стенам, извиваясь в металлических кольцах, тянулись десятки толстых кабелей. Лиза подумала, покрываясь холодным потом, что если, вдруг, погаснет свет или нечаянно запрут одну из дверей, ей конец. Одно дело умереть медленной и мучительной голодной смертью, и совсем другое – сначала сойти с ума из-за боязни замкнутых пространств. Лифты, подвалы и комнаты с закрытыми окнами наводили на нее неопишуемый ужас, загоняя ее сознание в тупик. Ей было невыносимо жить в своей собственной стране без перспективы хоть время от времени выезжать за ее пределы. Она также боялась тупиковых ситуаций и неизбежностей.

Ей часто снился один и тот же сон: она попадала в плен, не то к монголам, не то к китайцам, не то к корейцам, тем, что на севере. Пленных было много, поутру их выводили из барачков, где они проводили ночь, выстраивали в шеренгу и начинали

указывать на тех, кого сейчас расстреляют. С кем бы она ни менялась местами и куда бы ни пряталась, на нее все равно указывал палец палача. Лиза просыпалась со сведенными судорогой мышцами горла, не в состоянии ни крикнуть, ни продохнуть. Алексея в подобных случаях она никогда не будила, а лежала, вся дрожа, гадая, почему она так панически боится смерти? Догадка о том, что она еще не все испытала в жизни, не все прочувствовала и, посему, умирать, не готова, служила слабым утешением. Не имея возможности заглянуть в будущее, она не представляла, что же еще может и должно произойти с ней, и как сильны и таинственны могут быть еще не испытанные ею чувства.

Стреляла Лиза не плохо. Еще на Камчатке отец подарил ей маленькое, сделанное специально для нее на заказ, охотничье ружье. Вдвоем они уходили в сопки «стрелять ворон». Ворон, конечно, они не стреляли, а выставляли банки на пологую ветку карликовой березы и разносили их в клочья. Но это было давно – воспоминание приятно и больно кольнуло душу. Где он, ее отец? Ведь это он обязан защищать ее от несчастий, неприятностей и глупостей. Если бы он не исчез из ее жизни, она бы сейчас не вышагивала в одиночестве по этому подземному переходу неизвестно куда.

Постепенно Лизу обуял страх. Паника толкала ее назад, к выходу из этого подземелья, но она попыталась взять себя в руки. Ничего с ней случится не может, она лейтенант КГБ и идет сдавать зачет по стрельбе к инструктору, такому же офицеру, как она сама. Немного успокоившись, она толкнула бронированную дверь и вошла в огромный зал со столами, перегородками из пластиглаза, с нарисованными на толстой бумаге фигурами в конце дорожек. Откуда-то сверху, из разных точек, падал красный, неяркий свет. Как будто если стрельба, так все должно быть окрашено в цвет крови. Или этот цвет провоцирует азарт у стреляющих? У стены был стеллаж с ячейками – в каждой из них лежал пистолет с бирочкой. Лиза оглянулась, никого не было видно. Вдруг раздался голос:

- Пришла наконец-то?

«Почему на «ты»?», - подумала Лиза.

Перед ней нарисовался грузный майор. Его обрюзгшая лысеющая физиономия была красной, его огромные руки были красными, а его маленькие глазки были не просто красными, а прямо-таки фиолетовыми.

- Говори номер оружия.

Лиза произнесла заученный наизусть номер. Майор нашел в одной из ячеек ее пистолет, записал в журнал номер, время и протянул ей холодный металлический предмет.

- Стрелять умеешь? – спросил он с ехидством.

- Немного.

- Ну, тогда давай, валяй, я посмотрю.

Он выдал Лизе наушники, сам нахлобучил изношенную пару себе на лысину и последовал за ней на позицию.

Чему учил ее отец? Чтобы рука держала ружье крепко, но не душила его, главное – избегать зажатости. Все тело должно быть расслаблено и в то же время собрано, чтобы в момент толчка отозваться и спружинить толчок. Рука должна быть продолжением оружия, тогда все получится. Лиза сконцентрировалась и сама перестала существовать, отдавшись на волю предмету, который держала в руке, прицелилась и выстрелила. Один, второй, третий раз, пока не израсходовала всю обойму. Майор взял бинокль и присвистнул – все отверстия легли вокруг десятки.

- Ты здорово стреляешь для дамочки твоей наружности. Училась где?
- Отец учил.
- Вот и выучил. Хочешь еще?
- А это обязательно? – Лиза хотела, как можно быстрее, вырваться из этой красной комнаты.
- А что, компания моя не нравится? – майор тошнотворно улыбался.
- Я пойду, - Лиза направилась к выходу.
- А ты не торопись. Тебе часы надо отстрелять, а не пули. Кто знает, что ты асс в этом деле? Вот и обожди, может и я тебя кое-чему обучить смогу.

Он двинулся на ошеломленную Лизу, сграбастал ее и прижал к стеллажам. На минуту мелькнуло недоумение, что он собирается делать, ведь за спиной у нее были ячейки вместо стены, и припереть ее по-настоящему не к чему. Но, видно, майору было не привыкать. Приподняв, он придавил Лизу к деревянным перегородкам между ячейками и начал расстегивать пояс на брюках. Боль в спине была безумная, дышать было нечем, он держал ее на весу своим телом, руки его были заняты. Освободив себя, он занялся Лизой. Он рвал на ней все – блузку, юбку, колготки. Ему хотелось всего – обнажить ее грудь, тело, ноги. Она в его представлении должна была быть определено нагой, потому, что она была самой красивой сучкой, которую он когда-либо в жизни видел. Рвалось все плохо, она упиралась и майор разозлился. Схватив ее за волосы, он ударил ее головой о стеллажи. Затихла бы. Но Лиза не затихала. Напротив, она начинала видеть себя со стороны. Как всегда в критических ситуациях, ее сознание вырвалось наружу, покинув тело на произвол судьбы – в плену у обидчика или обстоятельств. Таким образом, сознание, самостоятельно и без помех, оценивало ситуацию и принимало решение. Думалось гораздо спокойнее, страх за собственную жизнь отсутствовал и было время даже пофилософствовать.

У Лизы пронеслась в мозгу глупость, которую она однажды вычитала в американском журнале: «Если вас насилуют и вы ничего не можете сделать, расслабьтесь и получайте удовольствие». Этот совет был явно не для нее. Она еще не насмотрелась фильмов с эротическими сценами, с изысканной свободой общения двух полов, когда секс расчищает дорогу к первым словам, к знакомству, к дальнейшим отношениям. Ни с чем не сравнимое возбуждение от первого прикосновения к незнакомому, к неизведанному еще телу, остается в памяти на всю жизнь и заставляет бросаться в омут именно этого первого случайного соития. Если бы майор был молод и хорош собой, если бы от него пахло мускусом и терпким истинно мужским одеколоном с Вандомской площади, эта сцена могла бы взволновать и возбудить не только участников, но и зрителей. Представим себе: молодые и красивые мужчина и женщина, оба в военной форме офицеров КГБ, занимаются любовью страстно, потеряв себя, забыв все на свете, в подвале Главного Управления, в комнате, зловеще освещенной красным светом, среди падающих с полок пистолетов.

Увы, реальность была иной. Этот чертов ублюдок, этот боров, неизвестно откуда взявшийся, от которого воняет потом и луком, не получит ее тела, решила она. Сначала пусть прикончит ее, мерзкое рыло! Она не кричала, памятуя о том, что дверь была бронированная, а коридор – пустынный. Ей снова вспомнился отец: как часто она думает о нем сегодня! Если бы он был, она бы не попала в такую переделку, а если бы попала, ее отец убил бы обидчика. Так ведь поступают настоящие отцы. Убил? Вот и она убьет. Лиза вдруг успокоилась. Ее сознание

вернулось в тело, сразу же заставив ее ощутить, что спину сводит от напряжения, ушиб на затылке невыносимо болит, а ноги покалывает от судорог. Дольше терпеть было невозможно. Прежде, чем привести в исполнение свои похотливые желания, этот здоровенный детина мог разmozжить ее о деревянные перегородки. Нашарив за своей спиной в одной из ячеек пистолет, она приставила его майору к виску.

- Брось, идиотка, я почти уже добрался до тебя. А ты – то, что надо, классная девочка. Не было у меня таких, как ты. Брось, говорю тебе! Заряжен он.

Он оторвал и снова с силой ударил Лизу о перегородку в надежде, что она выронит пистолет. Пистолет она не выронила, а выстрелила в воздух. Майор отскочил, Лиза упала на пол, не выпуская из дрожащих рук оружия. Вдруг дверь открылась и в проеме появился полковник Песневский, который дал себе зарок следить по мере возможности за лейтенантом Галич. Сейчас такая возможность ему представилась. И не напрасно он пошел за ней, совсем не напрасно. Картина живописнейшая - майор с расстегнутой ширинкой и расхрыстанная Галич на полу. Он увидел все: и пистолет в Лизиной дрожащей руке, и кровь на ее растрепанных волосах, и затравленный, полный ненависти, как у дикого зверя, взгляд. Но он ничего этого не припомнит, если его спросят. Да и кто спросит? Теперь она у него в руках. Он объяснит ей, что рапорт о случившемся писать не стоит, потому что поверят ему, а не ей. От очередного ЧП с удовольствием открестятся, имея такого свидетеля как он. Женщины в органах – товар не ценный. Разжалуют за разврат, да и в область, а там покатытся по наклонной дорожке. Поэтому Галич теперь у него в руках и будет делать то, что он ей прикажет.

- Не волнуйся, майор, - сказал Песневский, - все в порядке.

- Вставай, потаскушка, и приведи себя в божеский вид, - обратился он к Лизе. – Чтобы вышла отсюда, никто ничего не заметил. Отлежишься, выйдешь на работу, тогда поговорим. Если кому-нибудь хоть слово пикнешь, про Киев забудь. Я теперь с тебя глаз не спущу.

«Что эта сволочь все пугает меня? – подумала Лиза, она еще держала пистолет в руке. – Застрелить бы обоих, но не хочется жизнь свою на этих гадов разменивать. Хочется одного – выбраться отсюда».

Она пыталась застегнуть блузку и пригладить волосы. Служащим ее отдела разрешалось не носить военную форму и даже в здание Главного Управления они ходили в своей гражданской одежде. В этот злосчастный день Лиза была одета в длинную узкую юбку и широкую блузу с накладными карманами и погонами, схваченную на талии широким кожаным поясом. Этот костюм песочного цвета назывался «сафари» и был сшит чуть ли не из брезента. Когда Анна строчила его на машинке, она постоянно ругалась, с трудом пропихивая толстую ткань под лапку. Этот-то костюм, сшитый Анной с таким трудом, и спас Лизу, не поддавшись усилиям мясника-майора.

Песневский о чем-то тихо разговаривал с майором. Большого позора и унижения Лиза еще не переживала. Ее унизили мужчины, ее соотечественники, офицеры, чекисты. Все напрасно: жизнь ее дедов, отданная, чтобы освободить Родину для таких вот подонков; напрасно сама она родила сына. Система его изуродует и искалечит точно так же, как калечит ее. А она, глупая, так гордилась тем, что живет, не задевая системы. Вот и хлебнула сполна! Как теперь жить с таким остервенением в душе, как улыбаться Игнату, думая все о том же – как отомстить? И как она сможет отомстить? Одна против этого мужского хамского братства?

Как-то не складывалось у нее с мужчинами. С тех пор, как умер Никита, они все, как сговорившись, наносили ей обиды, соревнуясь, кто сделает больнее. Отец, бесследно исчезнувший из ее жизни, муж, причинивший ей столько физической боли и унижений в их первую ночь и продолжавший жить, как во сне, и вот, теперь, начальники и сослуживцы. Несмотря на красоту, ее никто не любил, не ценил, не хотел приголубить и защитить. В лучшем случае, ее использовали, в худшем от нее старались избавиться, уничтожив как чуждый экземпляр, нарушающий целостность системы. Умница, тонко чувствующий человек, редкой красоты женщина, она не находила себе места в этой стране, среди своих соплеменников. Она хотела любви, мужчины любить ее боялись и за свой страх мстили ей. Правильно Верка сказала: «Мужики здесь и цари, и короли». Ладно, она зализжет раны, а потом придумает что-нибудь.

Лиза поднялась и, кое-как приведя себя в порядок, направилась к двери. С трудом толкая тяжелую, бронированную дверь, она услышала безудержный, наглый, захлестывающий их прокуренные легкие, гогот советских офицеров.

Глава 18.

Женщины решают как им быть.

Дома Лиза правду не сказала. Придумала, что был субботник в их отделении, она мыла окна, залезла на стремянку, чтобы достать дальний угол окна, не дотянулась, потеряла равновесие и упала. Анна не поверила.

- Тебя всегда куда-то угораздит. Помнишь, как в школе, во время уборки в саду, ты в шахту со шлангами провалилась?

Лиза помнила. Тогда ее затравили мальчишки. Ситуация повторила себя до абсурда. Переехав после Камчатки в Киев, она, безмерно похорошевшая, пришла в новую школу. Шестой класс, то самое время, когда кровь начинает бурлить в жилах у подростков. Мальчишки походили с ума, девчонки ее возненавидели. Классная руководительница пригласила Анну на беседу. «Ваша внучка «разбудила» всех мальчиков в классе», - удивленно пропела она. Однако, эти мальчики с проснувшимися чувствами, вместо любви дарили ей пинки и награждали синяками. Им нравилось загнать ее куда-нибудь в угол, в гардероб, например, и, повалив на кучу пальто, колотить по чему придется, лишь бы до нее дотронуться. А еще они любили поджидать ее у школы, а, увидев, что она появилась, наконец, на пороге, гнали ее, улюлюкая, до самого дома. В таких ситуациях единственным спасением был Валерка, который иногда приходил ее встречать. К сожалению, учился он в другой школе и случалось ему защитить свою королеву от малолетних вырожденцев не часто. Тот раз, они окружили Лизу в школьном саду и стали оттеснять ее в сарай, где был открыт люк в двухметровую шахту - там обычно хранили длиннющие шланги, которыми поливали сад. Не заметив отверстия за спиной, Лиза шагнула в него и исчезла. Упала она на свившиеся в кольца, черные резиновые шланги, похожие на мокрых холодных змей. Секунды ее падения были недолгими, но она не забудет их никогда. Ужас был в том, что она не знала, куда падала, для нее это было падением в неизвестность. Ничего, к счастью, не сломав, она отделалась синяками и ушибами.

Мальчишки здорово струхнули, а Валерка изловил всех по очереди и украсил каждого живописным бланжем под глазом. Лиза была счастлива, что уезжает в Баку, и ей не придется больше учиться в этой школе.

Правда, в ту зиму, перед самым ее отъездом, мальчишки устроили ей трогательное прощание. Не представляя, как встретят новый день без нее, без своей ошалелой любви, они, в кусчие январские морозы, несколько вечеров подряд висели на деревьях под ее окнами, а один самый заядлый, тот, что прекрасно играл на пианино, даже упал и сломал ногу. По прошествии нескольких лет, будучи уже студенткой Университета, Лиза возвращалась поздно вечером с лекций. Была она одна, без провожатых. Вдруг кто-то окликнул ее. Это был тот самый мальчишка, что когда-то свалился с дерева. Он втайне всегда чуть-чуть нравился ей. Если Валерка был ее де Пейраком, то этот был ее Никола, молодым и задиристым, с прекрасными карими глазами и мягкими темными волосами. Она всегда украдкой разглядывала его пальцы, переломанные в уличных боях, и удивлялась, как он умудряется так ловко играть на пианино.

- Только у тебя может быть такая походка. Невозможно ее забыть! – он подбежал к Лизе, запыхавшийся и счастливый, что вот так неожиданно-негаданно, через много лет снова встретил ее.

Увидев его, Лиза непроизвольно сжалась. Она понимала, что ничего произойти не может, но прошлые воспоминания, как собаку Павлова, заставили ее пойти на поводу у самосохранительных инстинктов. Урок повторяли слишком часто и преподносили его слишком жестоко.

- Ты что, испугалась?

- Нет. Конечно, нет. Но если вспомнить, как вы травили меня...

- Господи, мы же все были без памяти влюблены в тебя!

Вот так, никогда не знаешь, что у мужчины на уме. Вот и майор, конечно, не хотел обидеть ее. Потеряв голову от ее красоты, он позволил себе именно так выразить свое восхищение...

Анна заподозрила что-то неладное, поэтому и напонила про этот давнишний школьный случай. Лиза посмотрела на Алексея, пытаясь представить себе его реакцию, возьми и расскажи она ему правду. Хотя, представлять было страшно: она боялась, что он разочарует ее еще больше. Но что-то надо было предпринимать, оставаться в органах становилось для нее невозможным.

- Алексей, я хочу уйти со службы, - начала она совершенно бесполезный разговор.

- Уходи, кто тебе мешает? – в его голосе послышалось некое подобие возбуждения, он был даже рад, что у нее не получилось.

- Весь фокус в том, что оттуда просто так не отпускают.

- Что же делать?

- Не знаю. Ума не приложу. Знаю только, что больше там не могу.

Лиза вдруг разрыдалась. Она разговаривала с мужем, которому ничего не могла сказать, который не мог ни посоветовать ей, как быть, ни защитить ее. В их стране семейные отношения были бессильны противостоять системе. Выход, как всегда, был только один.

- Роды второго ребенка, пойдешь в декрет, пройдет время, сейчас полтора года дают, а там, глядишь, может, комиссуют по здоровью.

Перестав плакать, Лиза, опешив от его наглости, стала изучать такое красивое и такое невыразительное лицо своего мужа. То, что он сказал, в ее глазах, выглядело

кошунственно. Рожать от него второго ребенка?! Да кто он такой? Несколько лет назад, она хотела с ним развестись через две недели после их свадьбы, но потом передумала, решив все взвалить на свои плечи. Разрешив ему просто присутствовать в их браке, она родила от него ребенка, потому что создавала свою семью, в которой стала отцом, матерью, мужем, женой и добытчиком. И теперь, он предлагает вот так просто родить второго ребенка, пережить заново этот роддомовский ужас и запереть себя в четырех стенах с двумя детьми и идиотом-мужем, ожидая, когда ее тело начнут разрушать болячки, из-за которых ее могли бы комиссовать?! Рожать ребенка от нелюбимого мужа, чтобы решить свои проблемы? Да чем он виноват, этот ребенок?!

Лиза тут же припомнила своего сослуживца, худого, смуглого очкарика, который рожал со своей женой уже четвертого ребенка в надежде получить квартиру. Но квартиру все не давали и Лиза видела, как он силился любить своих детей, рожденных для жилплощади.

- У нас с тобой никогда не будет второго ребенка! - с остервенением прокричала она.

Вечером она гладила белье на кухне. Ныл затылок, который майор пытался разможжить о ячейки с пистолетами. Она дотрагивалась до рубашечек и маечек Игната и боль, обида и унижение, пережитые ею накануне, становились терпимее. Пришла Анна и поставила чай. Было поздно, ей хотелось поговорить со своей внучкой наедине, если удастся, выведать правду. Лиза молчала.

- Не молчи, - попросила Анна, - кому еще рассказать, как не родным людям?

- И что? Им от этого станет легче?

- Тебе легче станет.

- Меня пытались изнасиловать, - тихо сказала Лиза.

- Как?! Где? - эти два слова вырвались у Анны из горла с хрипом и яростью.

- Там, где я сейчас работаю.

- Этого не может быть! Ах, прохвосты! Они же приходили сюда перед тем, как тебя оформить, разговаривали с нами, такие холеные, культурные. Я им сказала, вы уж не обижайте ее, она такая доверчивая, чистая девочка у нас! Они пообещали, говорили, что будешь у них работать, как мышка в теплом кармане жить.

- Мышка в капкане, - горько усмехнулась Лиза.

- Боже мой, что же теперь делать? Был бы дедушка, все было бы по-другому.

- Что было бы по-другому? - На кухню пришла Александра. Она куталась в теплый халат, ее волосы были накручены на бигуди. Завтра на работу и прическа должна быть, как всегда, безупречной. Она налила себе свежесваренного чаю в хрустальный толстый стакан, которым пользовалась только она, взяла серебряную ложечку и начала слизывать с нее, как ухоженная кошечка, маленькие порции варенья, цепляя его из вазочки, услужливо пододвинутой Анной.

- Надо уходить Лизе из органов, - Анна была настолько подавлена случившимся, что не могла контролировать свой голос. В нем слышалась злость и решимость - она уже безоговорочно была на стороне своей внучки.

Александра насторожилась, она внимательно посмотрела на мать и дочь. Зарплата в четыреста рублей с хвостиком на дороге не валяется. Это будет ощутимая прореха в их бюджете.

- И куда же она пойдет?

- Не это сейчас важно, Александра, - раздражилась Анна. - Надо подумать, как ей уйти оттуда.

- Чего ты молчишь? - Александра посмотрела на Лизу. Та продолжала гладить. - Уж если решила уходить, расскажи нам, почему?

- Я не могу там больше работать, мама.

- Ты думаешь, я могу в этой школе, каждый день по шесть часов среди крика и гама? Но что же делать? Вы меня не спрашивали, когда настаивали, чтобы я с отцом развелась.

Лиза подумала, что именно так в их доме начинаются скандалы. Достаточно ей сейчас ответить и отношения будут выясняться до утра.

- Можно найти другую работу, я знаю, Лиза не пропадет, - примирительно вмешалась Анна.

Александра тоже об этом знала.

- Ну, а как уйти оттуда? Ты знаешь? Ведь просто так не выпустят?

- Нет.

- Рожать второго ребенка? - Александра иногда бывала поразительно созвучна Алексею. - Но я знаю, что ты не хочешь второго ребенка. И потом, они же могут сделать что-нибудь с тобой, если ты попробуешь вырваться из их лап.

- Я что-нибудь придумаю, - неопределенно ответила Лиза.

- Знаешь что? Я тебе про Камчатку расскажу, как матросы пытались вырваться домой, - начала свою прекрасную словесную вязь Александра. - У нас там со всего Союза служили. С Украины, из Казахстана, из Молдавии. Забирали их мальчишками, по восемнадцать лет. А что такое в этом возрасте парня из семьи забрать? Привозили их к нам, на другой конец земли, совсем детьми. Весенний призыв - еще так сляк, лето впереди, было время немного приспособиться, привыкнуть. А вот из осеннего призыва трудно ребятам приходилось. В конце сентября уже ложился снег, ты помнишь. Ни посылок, ни писем из родных мест до весны не приходило. Они часто жаловались мне на уроках, что скучают. Хотели, бедолаги, не английские слова учить, а о доме поговорить. Рассказывали о своих мамах, о девушках, о домах своих в селах, о том, как вишни по весне цветут или как дыни зреют на бахче. В Средней Азии, спроси вон у бабушки, лето рано начинается, она родилась там, знает. А на Камчатке завалит все снегом и так до середины мая. Хоть волком вой. Муштровали их с утра до позднего вечера, и в мороз и в дождь, и в ночь поднимали, из подлодок месяцами не вылезали. А пожалеть некому. Вот затоскуется такому парнишке в ночь, когда луна огромная и низкая, - помню, ты говорила «луна ворожит» - и видно все как днем, встанет он со своей койки, оденется кое-как и начинает шагать по снегу туда, где, как ему кажется, его родная сторонка лежит. Через сутки-двое их всегда находили, замерзших под карликовой березой с коричневой берестой. Что такому парнишке снилось, когда он засыпал в последний раз там, на снегу? Лицо матери или дом, где она его родила? Стройные березки или плакучие ивы рядом с домом? Представляешь, горе какое для матери? Когда отец твой приходил и рассказывал, что в очередной раз матрос замерз, я, бывало, подойду к окну, посмотрю на эти сопки бескрайние, сожмется у меня сердце и подумаю: «Будь она проклята, эта служба!».

Александра аккуратно промокнула белой льняной салфеткой набежавшие слезы, Анна молчала, а Лиза восхищенно подумала, какая тонкая и романтическая душа у этой женщины! Она капризничает и прячет ее потому, что никому ее душа не нужна. Не найдя сильного партнера в жизни, Александра забаррикадировалась несвойственной ей практичностью, ошибочно принимая за партнеров то свою мать, то дочь. «Ей бы книги писать, а не шторы с окон рвать», - заметила про себя Лиза, но

предложить не осмелилась, потому что знала ответ заранее. Александра скажет, что у нее ни на что уже не осталось сил, имея в виду, что у нее нет желания что-то предпринимать в стране, где нет стоящих людей. Еще одна трагедия женщины, не справившейся с системой. Ее муж начал пить, заведя хозяйственной частью военно-морской базы в Измаиле. Все стройматериалы, провиант и обмундирование доставалось через бутылку: кто лучше угостит, тот и получит. Перемена мест не смогла спасти Василия, и на Камчатке, и в Баку продолжалось то же самое, потому что скотская эта служба оставалась все той же. Она боролась за него семнадцать лет, пусть не любя, пусть делая это не умеючи, пусть боясь потерять обеспеченную жизнь – она имела право на все эти отступления, потому что была слабой женщиной. Преданной, тем не менее. С достоинством.

Никто из командиров, которые за ней увивались на глазах у своих жен, не предложил ей помощь. И, даже, когда она в отчаянной, последней своей попытке охранить себя и дочь от выходов пьяного мужа, засадила Василия на гауптвахту, никто не озаботился проявить интерес к этой семье. А ведь она ходила на прием к адмиралу и просила перевести ее мужа на другую должность. Ничего не помогло. Военный городок захлебывался сплетнями, а Василий и Александра, каждый по-своему, были обречены на позор и страдания.

- Я знаю, что надо делать, - вдруг сказала Анна. - Игнат тебя спасет. Нет в твоих органах такой статьи, по которой нельзя увольнять из-за болезни ребенка. Я найду врачу, она будет давать тебе справки, что Игнат болеет, а ты должна находиться дома по уходу за ребенком. Найдем профессора, который заключение даст, что Игнат не детсадовский и нуждается в домашнем уходе. Мир не без добрых людей. Помогут. А твои кагэбэшники долго не выдержат.

- Они заставят меня обследовать Игната в их ведомственной поликлинике, а там церберы, а не врачи. И потом, что ты говоришь? Нельзя болезнями ребенка спекулировать. Он и так часто болеет.

- Вот и начни выяснять, почему. Может, ему материнская забота нужна. Я-то хоть и души в нем не чаю, а мать ему заменить не могу.

- Я в школе поговорю с одной моей ученицей, - вставила Александра, - у нее мать педиатр. Авось, не откажет помочь.

Впервые за долгое время три женщины держали совет поздно вечером на кухне. Они составляли заговор против КГБ.

Глава 19.

Неожиданное задание.

Отправившись через пару дней на службу, Лиза готова была писать рапорт о длительном отпуске по уходу за ребенком. Она хотела подать его не Песневскому, а кому-нибудь выше рангом, попросив Марго составить ей протекцию. Но не успела она появиться на пороге, как Песневский тут же вызвал ее к себе.

- Ну что, очухалась немного? – многозначительно спросил он.

- Не надо со мной так разговаривать, Игорь Афанасьевич, - Лизе становилось все более и более безразлична ее дальнейшая судьба в стенах этого заведения.

- А как с тобой разговаривать прикажешь? Ведь ты у нас теперь штатная потаскушка. Ведь так?

- Вы ведь знаете, как все было. Сами видели.

- Ничего я, Галич, кроме твоего позора не видел. И я думаю, ты должна себя обелить. Я знаю, тебя тут в кандидаты собирались принимать, так вот, чтобы оправдать доверие товарищей, которые еще ни о чем ни сном, ни духом не знают, у меня для тебя есть сюрприз.

Глаза у Песневского были злыми и веселыми, он получал удовольствие от того, что унижал женщину гораздо более умную, чем он, но беспомощную перед ним, потому что она не только была младше его по званию, но и волею судеб выполняет роль обслуживающего персонала у этой лязгающей машины, которая признавала только мужчин.

- Молчишь? – продолжал Песневский. – Так вот, молчи и слушай. Вместо того, чтобы сидеть в тепле и ничего не делать, пойдешь, поработаешь. Тут один клиент приезжает. Он у нас на контроле. Будем слушать его гостиничный номер. Но, чтобы что-то услышать, надо чтобы кто-то его раскрутил. Этим человеком будешь ты, Галич.

- Но ведь для подобных случаев есть другие женщины, - произнесла Лиза сдавленным голосом. От ярости она не могла дышать.

- А ты чем не такая женщина? Не профессионалка что ли? Так я видел тебя, ты все классно делаешь. У мужиков от тебя крыша едет. Если что получаться не будет, не тушуйся, твоя красота и без тебя справится, ты только расслабься и будь убедительной. Выпить можешь перед этим, только голову не теряй, вопросы тебе запомнить надо будет.

- Да как вы смеете мне такое предлагать?! Вы же меня как переводчика на работу брали. Я и так тут черт его знает чем занимаюсь!

- А кто тебе сказал, что надо будет на русском трахаться? Вот и проверишь в деле свой иностранный.

- Я не пойду. Что вы со мной сделаете? В область сошлете? В Афганистан? Куда еще? Руки у вас коротки, Игорь Афанасьевич. Сами провалили в Нью-Йорке все, что могли, и теперь тут беснуетесь от того, что позор свой пережить не можете.

Песневский стал покрываться красными пятнами.

- Кто тебе рассказал? – заорал он.

- Да об этом все знают и про то, как вы одноразовые носки месяц носили, - Лиза была благодарна Белову за информацию. Она бы не упомянула об этом, но приходилось себя защищать теми же грязными методами, какие использовал нападающий.

- Носки?! Ах ты, дрянь! Ну, подожди. Ты расскажешь еще про носки, если жива останешься.

Он снял трубку и набрал внутренний четырехзначный номер.

- Петр Иванович, вы просили меня подобрать кого-нибудь для вас? Да, она спускается.

Обернувшись к Лизе, он сказал:

- Вас ждут на втором этаже, лейтенант Галич. Даст Бог, больше не свидимся!

Спускаясь в лифте, она гадала, что ее ждет – продолжение кошмара с гостиничным номером или что-то другое? Что бы это ни было, деваться ей было некуда. Убежать из здания невозможно, ее все равно найдут, а прятаться по коридорам и туалетам было глупо.

Петр Иванович оказался молодым человеком, тридцати двух-тридцати трех лет. Он был высокий, плотный, тело его было натренированным, его лицо светилось доброжелательностью и умом. Немного старомодные очки в роговой оправе делали его похожим на молодого профессора. В большой комнате, которая, скорее всего, использовалась для совещаний, он был один. Быстро подойдя к Лизе, он протянул ей руку.

- Давайте познакомимся. – Представившись, он невольно задержался восхищенным взглядом на ее лице, но потом продолжал. - Вам что-нибудь известно о том, зачем вы нам понадобились?

Лиза решила ничего про клиента, который ждет в гостинице, не упоминать. Этот молодой мужчина не был похож на оперсводника.

- Нет, я ничего не знаю. Товарищ полковник не поставил меня в известность.

- Вот и хорошо, лучше будет, если я сам вас проинформирую. Наш сотрудник в последнюю минуту выбыл из строя.

Лиза недоуменно посмотрела на говорящего. Тот сразу же спохватился.

- Заболел, скажем так. Все остальные на заданиях, а ехать надо. В Ивано-Франковскую область, в одно небольшое селение. Туда приезжает один гость из-за границы, якобы к родственникам, но у нас – другие сведения. Он поживет у своих «родственников» пару дней, попьет самогону, погуляет по полям-по лесам, но в один из дней к нему человек должен прийти и должна состояться у них важная беседа.

Переваривая эту начальную информацию, Лиза никак не могла угадать, в чем будет состоять ее роль. Не похоже было, чтобы ей так глупо предложили подставиться - выдать себя за деревенскую соблазнительницу, неизвестно откуда взявшуюся в тех дремучих карпатских лесах. Она слушала дальше.

- «Украина превыше всего!», знаете, откуда это? Это лозунг украинских националистов. Организация Украинских Националистов, ОУН сокращенно, была создана в конце первой мировой войны украинцами, оказавшимися на Польской территории. Во многом их доктрина опирается на философию некоего Дмитрия Донцова. Он умер совсем недавно, в 1973-ем году в Канаде. Его первая книга «Национализм», между прочим, имеет много общего с «Майн Камф» и напечатаны они были в одно и тоже время. После первой мировой войны Донцов настаивал на том, что для Украины наилучшим союзником могла бы быть не Россия, а Австро-Венгрия и Германия, потому что эти страны проповедовали социал-национализм. В то время он был близок к гетману Скоропадскому и Петлюре, всячески склоняя их к антирусской и прозападной политике. Справедливости ради нужно отметить, что Петлюра на эти уговоры не поддавался. В 1940-ом ОУН раскололась и Донцов присоединился к ее экстремистской части, возглавляемой Степаном Бандерой.

Лиза слушала с большим интересом. Она была далека от системы, но история всегда интересовала ее, тем более, что она совсем не была знакома с движением украинских националистов. Правда, имя Бандеры сразу же пробудило в ней плохие воспоминания – в учебниках по истории о нем был написан всего один абзац, но каждая строчка в этом абзаце дышала такой ненавистью, что Лиза запомнила не столько Степана Бандеру, сколько эту ненависть и то, что он, безусловно, был объявлен врагом народа. В учебнике не анализировали ни его деяний, ни его убеждений. Учителя молчали, предав имя Бандеры анафеме. Уже гораздо позже Лиза где-то слышала, что во время оккупации Украины фашистами, Бандера сражался против Красной Армии. Она неуверенно кивнула.

- Конечно, вы знаете немного из истории про дивизию СС-Галичина, в которой украинские националисты сражались на стороне Гитлера, и про Степана Бандеру, который основал эту дивизию. Интересны его отношения с фашистами: сначала они засадили его на несколько лет в концлагерь, потому что его доктрина «самостийной Украины» никак не вязалась с их представлениями о том, что все народы славянской расы являются низшей расой и должны быть превращены в рабов. Однако потом, когда Гитлер стал терпеть одно поражение за другим, услугами Бандеры воспользовались. И даже спасли ему жизнь, вывезя его из страны. За операцию по его спасению отвечал «человек со шрамом», некий Отто Скорцени, любимец Гитлера. Но в 1959-ом году в Мюнхене наш агент убил его. Правосудие все же свершилось.

Было приятно видеть, что Петр Иванович не брызгал слюной говоря о правосудии. В его голосе не было ни ненависти, ни оголтелости, так свойственной многим сотрудникам Комитета. Шла непрекращающаяся война, даже когда не рвались снаряды, и этот молодой оперработник допускал, что разные люди могут иметь разные вероисповедания, убеждения и принципы и, отстаивая их, могут совершать ошибки длинной в целую жизнь, идти на смерть или убивать своих врагов. Он был спокоен и рассудителен, и Лиза начала доверять ему.

- Но, вернемся к Донцов, - продолжал Петр Иванович. - Во время войны он жил в Берлине, Бухаресте и Праге, именно в этих городах ему было позволено печатать статьи в фашистской прессе. Позже, в 1947-ом, он переехал в Канаду, где постепенно перешел от политики к мистицизму. Но это нас уже не интересует. Что нам интересно, так это то, что Донцов был ярким противником демократии, считая именно демократию причиной падения послевоенной Европы. Он был уверен, что только Украина, преодолев своего основного врага Россию, может сыграть решающую роль в реорганизации Европы.

- Но ведь это касалось послевоенных времен. Украина, как мне кажется, упустила свой шанс, - немного иронично заметила Лиза.

- Да, в той политической обстановке упустила, - согласился Петр Иванович. - Но идея жива. Сейчас цель украинских националистов вывести Украину из состава Советского Союза и прорваться со своими идеями реорганизации в Европу. Не преувеличивая их значимости, могу сказать, что это опасно. В Европе осталось полно фашиствующих элементов, которые считают себя элитным меньшинством и бредят о чистокровных расах. Как этого добиться? Через «творческое насилие», убрав так называемых «свиных голов», то есть демократическую интеллигенцию, коммунистов и евреев, конечно.

Тут у Лизы чуть не вырвалось замечание, что та часть, где про Европу, демократов и евреев очень схожа с политикой их собственной державы, но она промолчала, не будучи уверена, как далеко можно зайти с этим, казалось бы, просвещенным оперативником.

- Пойдем дальше, - объяснял Петр Иванович. - То, что я сейчас скажу, уверен, окажется для вас полной неожиданностью. Костяком Нордической расы-хозяина, прирожденной элитой, которая возродит иерархическое авторитарное общество, Донцов считал, кого бы вы думали?

- Наверное, западных украинцев, - неуверенно ответила Лиза. - Именно там постоянно происходят волнения.

- Вы ошиблись! *Донских казаков* Донцов считал расой-хозяином. Но казачество сейчас не доставляет нам хлопот в этом плане. Оно хоть и существует, но

разрозненно и молчит. И потом, как мне кажется, там об этом не думают. Да, именно в Западной Украине, где осталось много боевых товарищей Бандеры, воевавших бок о бок с ним во время войны, эти идеи усиленно муссируются. Совсем недавно мы изъяли целую партию самиздата – все работы Донцова. Написаны они, должен вам сказать, хорошо: в них много динамизма, энергии и культуры. Это заводит, особенно молодежь.

Опять Лиза не выдержала, мысленно полемизируя с Петром Ивановичем. Вот он говорит про динамизм статей Донцов, а что, если статьи эти сравнить с работами Брежнева, например? Ей подумалось, что если кому-то захочется поверить во что-то иное, нежели коммунизм, Леонид Ильич Брежнев – глава партии и лицо Советской империи – совсем не тот теоретик, кто смог бы вернуть заблудших в лоно красной идеологии. Для Донцова, как видно, его работы являлись полем боя той единственной битвы, в которой он видел только один исход для себя – победу; для Брежнева его работы были еще одним поводом для прославления собственной никчемной персоны. Они были ложью и, по сути, и по содержанию, да и авторство принадлежало не ему.

- Это, в основном все. Важно то, что приедет человек из Канады и попытается всколыхнуть то, что и так не дремлет. Для нас это плохо. Мы не хотим, чтобы украинское националистическое движение на территории Западной Украины набирало силу, а, тем более, отпочковывалось в виде молодежных организаций. Есть вероятность, что этот человек привезет деньги. Литературу. План действий. Я не знаю, что еще.

- Но ведь все это можно отобрать на границе, - сглупила Лиза.

- У вас явно отсутствуют навыки оперработника. Вы – филолог, переводчик, насколько я знаю. Не обижайтесь, пожалуйста. В этом нет ничего плохого, у вас просто другая работа. Вы не варитесь во всех этих явках, слежках, внедрениях так, как нам приходится. И не надо вам. Вы нам только поможете. А на границе мы у него ничего отбирать не будем потому, чтобы он все-таки доехал до места и встретился со своими людьми. Иначе он поймет, что о нем знают и никуда не поедет. Понятно, лейтенант?

- Понятно, но в чем моя задача?

- В обслуживании аппаратуры. Она без вас не справится.

Лиза знала, что КГБ страшно чем угодно, только не своей технической оснащенностью. Она сама работала на допотопных устройствах. Конечно, были умельцы, которые, когда припекало, «подковывали блох», но в основном, все строилось на беспрекословном подчинении и негласном сотрудничестве различных ведомств и учреждений с Комитетом. Откажись они и неизвестно, на каких бы деревьях и столбах пришлось бы висеть оперработникам с их маломощными антеннами.

- За сутки до приезда этого человека из Канады вас разместят на чердаке хаты, где он остановится. Хозяин знает, что вы будете там. Ему объяснили, что будет лучше, если он будет нам помогать. Его жена и дети уедут на это время погостить к родственникам во Львов. В нескольких местах в хате мы установим «жучки». Знаете, что это такое?

- Да, это я знаю. - Лиза печально подумала, что эти «жучки» являются не только частью ее работы, но и частью жизни многих советских людей.

- Вы будете находиться около аппаратуры наверху и очень тихо менять бобины. Чтобы контролировать запись, вам придется время от времени надевать наушники,

звук наверху будет отключен. Ничего особенно с собой не берите. Ваша одежда – джинсы и свитер, в тех местах уже прохладно в это время. Если у вас нет тонкого армейского одеяла, я могу одолжить свое. Возьмите что-нибудь от комаров, но этот препарат не должен иметь сильного запаха. Еда – только бутерброды с твердокопченой колбасой и сыром, и, конечно, вода. Но много постарайтесь не пить. Вам надо будет продержаться немногим больше двух суток. В туалет будете ходить в банку, я не знаю, придумайте что-нибудь сами, чтобы не было запаха. Мы в подобных ситуациях закрываем эти банки полиэтиленовыми крышками. Вам все ясно?

- Да, все.

- Тогда это все. Может быть, мы попробуем привезти вас туда не накануне вечером, а рано утром, чтобы не мучить вас лишнюю ночь. После того, как человек из Канады уедет, мы вас сразу же заберем. Может, все-таки есть вопросы?

Лиза молчала. Она одурела от того, что услышала, но отказаться было нельзя. Во всяком случае, ее не спрашивали. Боясь показаться трусихой, она хотела спросить, опасно ли это, но язык у нее не поворачивался. Свои принципы тоже отстаивать было неуместно. Ее посылали выполнить определенное задание на службе у системы. Если бы она начала отказываться, ее бы спросили, а как она вообще оказалась в органах? Не могла же она ответить, что из-за денег и из-за того, что в ее жизни перестало что-то случаться. Истолковав ее молчание как раздумье, Петр Иванович быстро сказал:

- Боюсь, что отказаться вы не можете. Слишком поздно, вы уже владеете информацией. Но я хочу, чтобы вы знали, что это не опасно, если вы будете вести себя осмотрительно. наших сотрудников в этом селении не будет, там люди друг друга наперечет знают и друзьями нашими их никак не назовешь. Завербовать же их всех не представляется возможным. Хозяин будет себя вести, я надеюсь, с пониманием, его семья официально у родственников, на самом деле – у нас. Все, больше вам ничего знать не надо. Мы заедем за вами завтра, ближе к вечеру, ехать будем почти всю ночь. Рано утром, пока все спят, мы установим аппаратуру и устроим вас на месте. Дома скажите, что уезжаете в командировку, больше, естественно, ничего не говорите. Дайте мне ваш адрес и скажите, как лучше подъехать к вашему дому. Да, завтра на работу можете не выходить. Отсыпайтесь целый день.

Объявив дома, что едет в командировку на два дня, Лиза ничего объяснить не стала. Анна тут же воспротивилась, она никак не могла взять в толк, зачем нужна эта командировка, если все уже решено. Лизе надо было только написать рапорт об отпуске по уходу за ребенком и оставаться домой. Она всматривалась в глаза своей внучки, стараясь найти ответ на свой вопрос «зачем она едет?» и насколько это опасно. Лиза же молчала, обдумывая предстоящую поездку. Она была уверена, что должна поехать. Не предчувствуя ничего плохого, она даже хотела ехать. С другой стороны, ей казалось, что эта командировка разрубит узел, приблизив конец ее избавлению.

Глава 20.

Поездка в неизвестное.

В тот день, Лиза, конечно, не спала. Ей было тяжело оттого, что Анна молчаливо, но так настойчиво, своими красноречивыми взглядами и вздохами, просила ее не ехать. Лиза избегала ее, стараясь провести как можно больше времени с Игнатом. Алексей и Александра были на работе. Когда Игнат заснул, она стала делать бутерброды, налила воду в бутылку, приготовила свой целлофановый пакет.

- Господи, - не выдержала Анна, - как на войну собираешься! Не пуцу! Сказала, не пуцу и все!

Лиза подошла и нежно обняла свою бусю.

- Ну, подумай, - тихо сказала она, - мне доверили определенную информацию. Если я сейчас откажусь, начнут разбираться. И долго ведь разбираться не будут. Обвинят меня в невыполнении служебных обязанностей. А знаешь, что за это бывает? По нашим временам, не расстреляют, но посадят, точно. Поэтому ты потерпи эти два дня. Со мной ничего не случится. А как только я вернусь, я обещаю, напишу рапорт и будем мы с тобой вдвоем хозяйством заправлять и Игната растить.

Потом Лиза, вдруг, добавила:

- Ты молись за меня и все будет в порядке.

- Да я и молитвы-то все забыла. В детстве нас учили дома, я много знала, а после революции уж не до молитв было, живыми бы остаться.

- А в такие минуты, когда ты сама или мама, когда маленькой была, или мужа твои могли погибнуть, о чем ты думала?

- Не помню. Молилась, наверное.

- Вот и сейчас молись, - решила Лиза. - Только про себя. Алексею ничего не говори. Он дурак, не поймет.

Подъехала и просигналила машина. Лиза выглянула в окно – под подъездом стоял старый разбитый «Жигуленок». Она оделась и стала спускаться по лестнице. Ей вдруг вспомнилось, каким чистым был их подъезд, когда они только въехали в эту хрущовку. А сейчас в подвале стоит вода, а на ступеньках воняет мочой и тоской.

Кроме Петра Ивановича в машине находился водитель. Лиза села на обшарпанное заднее сидение и приготовилась к мучительно медленной и тряской езде, но как только «Жигуленок» тронулся с места, она поняла, что мотор в нем был на удивление мощный. После нескольких ничего не значащих фраз о том, как долго ехать и не пошел бы еще сильнее дождь, Лиза поудобнее устроилась, прислонившись головой к краю запотевшего окна, и закрыла глаза. Она начала путешествие в своих мыслях – их было много и они никогда не кончались. Некоторые из них были приятные и приносили ей радость, некоторые тревожили ее. Путешествуя в этом лабиринте, она думала, что ей нужно купить или сшить из одежды, что бы ей хотелось приготовить, ведь совсем скоро она будет целыми днями дома, как разрешить те или иные проблемы, что сказать тому-то и тому-то, как украсить дом к Новому году, который наступит только через три месяца. Со стороны казалось, что она спит.

«Сегодня первое октября, - подумала она. – И день оказался дождливым, осенним. Бабуля убрала с балкона горшки с цветами, в квартире снова постелили ковры, не сохнет белье...».

Каждый год имел для Лизы свой ритм, который отмечался, как ударами, месяцами, имевшими, в свою очередь, свое значение, свое настроение и свою продолжительность, никак не относящуюся к количеству дней.

Каждый новый год всегда открывался для нее сентябрем. Это ощущение осталось со школьных и, возможно, с тех далеких времен, когда, собрав урожай, люди могли осознать предстоящий год, как некую реальность, дающую им возможность прокормиться и, следовательно, прожить еще один год. В сентябре начиналась новая жизнь, следующий класс в школе, новая форма, непривычное чувство занятости после летнего ничегонеделания. Оставался еще привкус лета вместе с арбузами, с буйно цветущими осенними цветами, но, все же, уже была осень, ошибиться было невозможно. Ранние вечера, но еще теплые дни. Вкусные обеды из красных перцев, фаршированных овощами, и голубцов со сметаной. Орехи, сбитые палками и собранные в мешки, опавшие червивые яблоки в саду и запах пыли на пожелтевших листьях. Все это – из детства, а из взрослых, советских времен – расписание никому не нужных политзанятий, которые будут отнимать лишний час после работы. Сентябрь, возбужденный новыми впечатлениями, пролетал незаметно.

Потом – октябрь и ноябрь. Два долгих, никаких месяца. Уже холодно, грустно, часто тоскливо и хочется, чтобы они быстрее прошли. В октябре все постепенно и тихо умирает, а в ноябре день становится совсем коротким и хочется вырваться из темени наружу. Такое впечатление, что тебя вернули в утробу матери и сидеть тебе там до самой весны. У школьников в ноябре каникуля, а все взрослое население празднует день Революции. Люди мерзнут на военном параде, дарят друг другу красные гвоздики, а потом, придя с холода домой, садятся за столы, наедаются и напиваются. Праздники проходят, а ноябрь все тянется и тянется, постепенно превращаясь в сплошную ночь.

Именно поэтому, начало декабря приносит немного радости и возбуждения. Темень зимних улиц, расцвеченная новогодними огоньками на фонарных столбах, немного рассеивается. Магазины начинают украшать чахлыми елками и мишурой. С подарками надо бы поторопиться, но сделать это никогда не удастся, так как зарплату выдают перед самым Новым Годом. Каждый год Лиза покупает какое-нибудь новое украшение для елки. Ей не нужно – огромная корзина с игрушками сохранилась еще с детства, но каждый раз она обязательно добавляет в нее что-нибудь новенькое и это ей в удовольствие. Важно также достать красивую пахучую елку и обязательно, чтобы до потолка! С рождением Игната украшение елки опять стало целым событием. В начале декабря обычно идет первый снег и Лиза с замиранием сердца подходит к окну, смотрит на падающие снежинки и поет две строчки из песенки, запомнившейся ей с детства:

«А снег идет, а снег идет
И скоро снова Новый Год...».

Этот своеобразный ритуал повторяется из года в год. Почему-то каждый раз на глазах у нее наворачиваются слезы и замирает сердце. Ей кажется, что именно в этот Новый год, с ней непременно случится что-то необыкновенно хорошее. Она любит встречать Новый год с холодным шампанским и салатом Оливье, который потом доедает еще целую неделю. Однако в последние годы становится все трудней достать шампанское к празднику и зеленый горошек для салата. За зеленым горошком Лиза отправляется в поход по Интуристовским ресторанам – в их складских закромах всегда все есть и по знакомству можно вполне разжиться несколькими баночками горошка и майонеза. Новогодние праздники первым

января нового года не заканчиваются. Верующий люди исподтишка наведываются в открытые церкви и празднуют Рождество по старому календарю, а весь остальной советский народ еще раз садится за стол 13 января, чтобы отпраздновать старый Новый год. Так что праздники длятся до середины января. Потом все возвращается в сою колею, во дворах полно выброшенных елок и сосен. Кое-где на голом остовете запутался кусок серпантина или забыта елочная игрушка. Теперь только холод ласкает эти грустные остатки ярких праздников. Две оставшиеся недели обычно января самые холодные и снежные, и опять ничего не значат.

Февраль приносит первое робкое дыхание весны. Бывают, что солнышко так сильно пригреет, что январских сугробов как не бывало. Можно пройтись без шапки и вернуться домой с запахом свежего ветра в волосах. Потом вдруг снова завьюжит и вернется зима. А, иногда, февраль выдается бесснежным и тогда холодный ветер гонит по тротуарам превратившийся в пыль песок. Ждешь солнечных дней, чтобы погреться в теплых лучах на кухне, впервые за зиму скинув теплый халат. В конце месяца поздравляют мужчин и дарят им всякие ненужные вещи. 23 февраля празднуют День Красной армии, но поздравляют всех мужчин и даже мальчишек в школе. Им дарят всякую ненужную чепуху, которая валяется на полках до очередной генеральной уборки. В конце февраля в овощных магазинах начинают продавать свежие укроп и петрушку, а иногда даже листья салата. Этот месяц короткий и является прелюдией к длинному месяцу марту.

Бывает, в один из мартовских дней, когда не надо никуда спешить, встаешь поздно и, застилая кровать, подойдешь к окну, чтобы положить подушки на подоконник, а за окном снова идет снег. Большие и тяжелые снежные хлопья падают медленно, а на земле сразу тают. Это – весенний снег, а значит, на дворе март. На трюмо стоит маленькая вазочка с подснежниками, втридорога купленными у торговки на перекрестке. Месяц дробит суета по поводу 8-го Марта: мужчины отдают последние деньги за мертвые цветы, срезанные задолго до праздника, за бутылку шампанского и за флакон рижских или московских духов. Женщины готовят, чтобы накормить поздравивших их мужчин и оправдать свой выходной. После праздника еще несколько дней пытаешься оживить дохлые цветы в вазе и думаешь, как поступить с вонючими духами. Впереди еще двадцать мартовских дней, все уже очень устали от зимы, а снег по обочинам все не тает.

Наконец, настает апрель. В апреле чистят улицы, появляется первая травка, набухают почки. Можно принести целую охапку вербы и поставить ее в вазу на журнальный столик. Почки на ветках набухнут, превратившись в пушистых серых котиков, роняющих желтую пыльцу на коричневую полированную поверхность. В конце месяца цветут фруктовые деревья и почти всегда в это время случаются последние морозы. Но, если погода стоит теплая, на тополях уже шелестят первые клейкие листочки, вылупливаются из яиц и падают на асфальт совсем крошечные птенцы, по ночам истошно орут коты и лают бездомные собаки. Просыпаются, выжившие после длинной темной зимы, комнатные растения и тянутся к солнечным горячим квадратам на подоконнике. В конце апреля появляется первое предчувствие лета.

Светлая Пасха означает начало долгих праздников, которые заканчиваются только в середине мая. Устраивают первые пикники на природе, от людей пахнет дымом, а на скатертях, расстеленных на первой высокой траве, разложены крашеные яйца, куски куличей и запеченная на костре картошка с кусочками сала. В высоких бутылках, заткнутых пробками из кусков белой льняной ткани – мутный

самогон, в зеленых заводских бутылках – прозрачная, как слеза, водка. После обеда невозможно работать, хочется спать и накатывает не то слабость, не то истома. Возникает желание послать все к черту и завалиться где-нибудь на свежем воздухе, исчезнув в нескончаемо долгом сне. А то, ближе к вечеру, хорошо наблюдать за небом и предчувствовать вместе с ласточками грозу, а после грозы, накинув плащ, пойти обдирать сиреневые кусты, потом поставить ветки в огромную вазу и всю ночь, не смыкая глаз, любоваться этим букетом и мечтать. В мае моют окна и красят облупившиеся за зиму рамы. Май полон смысла и обновления, это – весенний перевертыш сентября.

В июне продолжают грозы и воздух, еще не успев отяжелеть от летнего зноя, чист и прозрачен. Но в двадцатых числах июня лето достигает своего апогея. После летнего солнцестояния, день незаметно начинает убывать и впереди – опять осень. Июнь радостен днем рождения Игната, изобилием ранних фруктов и цветов. Варят клубничное варенье, оставляя слегка уваренные ягоды в большом медном тазу для пропитки сиропом. На кухне собираются полчища ос, в ноздрях застревает сладкий запах и, кажется, что ты вырвалась из темной утробы на свободу. Можно набросить легкий сарафан, всунуть ноги в растоптанные сандалии, и отправиться с бидоном за квасом.

В июле все готовятся к отпускам, работая, в основном, кое-как. Стоит изнуряющая жара и пахнет флоксами и абрикосами. По ночам все окна распахнуты настежь, нет ни ветерка и снится море. Вдруг просыпаешься среди ночи, наяву ощущая, что кожу пощипывает от соленой воды. Душа мается и томится, особенно, когда тишину звездных ночей в большом городе нарушает негромкая и томная песня сверчка. Немедля хочется собрать чемодан и уехать туда, где пахнет горькой полынью, кипарисами и морем. Часто, тем не менее, мечта эта неосуществима. Все дело в том, что работающие советские граждане ходят в летние отпуска по очереди, а, значит, отдыхают летом только один раз в три-четыре года.

Те, кому повезло, в августе возвращаются загорелые и безденежные. Привозят самодельное вино с юга, курортные романы и пачки фотографий. В ванну вываливают целый чемодан грязных летних вещей, пахнувших знойными вечерами, шашлыками и потными танцами. Не успевают вещи просохнуть, как спадает жара, откуда ни возьмись, срывается ветер и проходит сильный дождь. Иногда он идет всю ночь, а на следующий день, к обеду, вдруг замечаешь, что у неба изменился цвет – вместо выгоревшего голубого оно стало пронзительно синим и по нему уже бегут белые кучевые облака. Это явный признак того, что наступила осень. Открываются школьные базары, пахнет бумагой, отточенными карандашами и новой обувью. Впереди – сентябрь и круговерть целого нового года.

Глава 21.

Лиза восстает против системы.

Машина затормозила и замерла. Последнее негромкое урчание мотора растворилось в сырости темного осеннего утра. Маленький «Жигуленок»

притулился под кронами вековых деревьев, обступивших его как великаны, в любую минуту готовые смять его своею мощью.

- Приехали, - шепотом сказал Петр Иванович. – Откройте тихонько дверь, Лиза, и посмотрите на дом, примерьтесь, сколько вам надо, чтобы до него добежать пригнувшись. Слава Богу, здесь кустов полно. Постарайтесь не наступить на ветку и не споткнуться.

Лиза открыла дверцу и посмотрела в том направлении, куда показывал Петр Иванович. Дом она увидела не сразу. Холодный воздух был иссиня-черным, громадные фиолетовые стволы деревьев заслоняли горизонт, а между ними причудливо свивались клубы предрассветного тумана. Дождь шел тихий и спокойный. Она долго всматривалась вдаль, глазами ощупывая пространство между деревьями, пока, наконец, не увидела одинокий дом – его остроконечная крыша выделялась среди листвы своими геометрическими очертаниями. Прикинуть, все же, она ничего не могла, потому что дороги к дому видно не было; побуревшая от ранних заморозков, некошенная с лета трава, укрывала собой тропинку к крыльцу.

- По моему приказу побежим, быстро и тихо. Не забудьте кулек и возьмите сверток с бобинами, я возьму все остальное.

Петр Иванович вышел, пригнувшись, из машины, бесшумно открыл багажник и взял оттуда записывающее устройство и кулек с проводами. Бобины и свое армейское одеяло он протянул Лизе. Постояв немного неподвижно, прислушиваясь к тишине, они вдруг рысью ринулись к дому. Добежав, они снова подождали, прислушиваясь, прежде чем толкнуть незапертую дверь. Лиза подумала, что в такое мерзлое, туманное, дождливое утро все равно ничего невозможно услышать – уши как ватой заложены. Она с сожалением посмотрела на свои вымокшие до колен джинсы, - когда теперь высохнут? - а ничего на смену она не взяла.

Пройдя в низкую дверь, они оказались в кромешной тьме. Пахло сушеными травами, яблоками и скисшим молоком. Присутствие хозяина Лиза распознала только по голосу.

- Света на чердаке нет, а здесь, внизу, зажигайте. Это нормально будет, потому как я всегда в это время иду корову доить. Так что располагайтесь, как вам надо, а я в хлев пойду. – В его голосе слышалась враждебность. Он говорил по-русски, хотя мог бы говорить по-украински. Хозяин не удостоил гэбэшного начальника и его б..дь чести вести разговор на родном для него языке. Он считал их врагами, москалями.

Когда хозяин вышел, Петр Иванович включил свет и, осмотревшись, стал быстрыми движениями крепить и прятать маленькие «жучки» в труднодоступных местах, засовывая тонкие провода в расщелинах между дранкой, которой были облицованы бревенчатые стены дома. Прошло около часа, небо посерело. На втором этаже была хозяйская спальня и детская, там тоже были посажены «жучки». Поднялись на чердак, когда уже совсем рассвело.

- Уезжать мне надо, а то машину кто-нибудь увидит, - Петр Иванович быстро заканчивал свою работу на чердаке.

Лиза рассматривала свое жилище на последующие два дня. Сквозь тусклый серый свет, затаившийся дымкой по углам комнаты, она увидела на полу стеклянную трехлитровую банку с сухарями.

- А сухари зачем? – спросила она.

- Не знаю, наверное, хозяин для вас приготовил. Все, я закончил. Бобины будут крутиться постоянно, следите, чтобы вовремя их менять.

Петр Иванович еще раз огляделся.

- Жаль, что пришлось вас подключить, но ничего, справитесь. Ни пуха вам, ни пера!

Оставшись одна, Лиза поежилась, на чердаке было холодно. Мокрые джинсы противно липли к ногам. Ей стало невыносимо тоскливо, ведь света на чердаке не было. Ни фонариком пользоваться, ни жечь свечей ей не разрешалось, а это означало, что с пяти вечера и до утра она будет находиться в кромешной тьме. Поэтому, надо было выучить наизусть расположение вещей на чердаке, чтобы случайно не задеть их и научиться на ощупь менять пленки. А как она поймет, что бобина заканчивается? Тоже на ощупь. Идиотизм какой-то! Она подошла к окошку, взглянула на тяжелые кроны деревьев и подумала, что это ее последнее испытание, в которое она вляпалась, не подумавши, в погоне за разнообразием в ее, как ей тогда казалось, застоявшейся жизни. От чего ей вдруг стало тогда так скучно? От чистых автобусов, комфортабельных гостиниц, вышколенной obsługi? От путешествий по классу люкс? От того, что ей все завидовали? От иностранцев, которые, рассказывая вроде бы о пустяках, открывали для нее огромный, новый, интересный мир? От того, что от них разило не потом и безысходностью, а пахло сигарами и дорогими духами? Да, правду говорят, от добра добра не ищут. Надо было испробовать то, что выпало на ее долю за последний год, чтобы оценить свою прежнюю жизнь.

У Лизы озябли ноги. Она сняла мокрые джинсы и колготки и, оставшись в одном свитере, завернулась в теплое армейское одеяло. На полу был брошен матрас без простыней и подушек. Сев на него, она и снова посмотрела на банку с сухарями. Забота о ней? Хозяин даже ни разу не поднялся к ней на чердак. Время близилось к полудню. Она знала, что не должна была спать, но после бессонной ночи, проведенной в машине, ее клонило ко сну. А, собственно, почему она не должна спать? Чтобы ее не застали врасплох? Она не будет шуметь. Во сне она не храпит. Вот она сейчас уютно свернется на матрасе, как мышка, и тихонько поспит. Включив записывающее устройство, она отвернулась к стене.

Ее разбудил шорох бобин. Она не заметила, как приехал гость, как начался разговор. Было около пяти часов вечера, на чердаке смеркалось, скоро станет совсем темно. Лиза была уверена, что в темноте обязательно завозятся мыши - лишь бы не начали бегать по ней и не шуршали целлофановым пакетом, где были спрятаны ее бутерброды.

Быстро опустилась ранняя октябрьская ночь. Лиза растревожилась. Темень, пролезая во все щели, делала ее слепой и глухой. Когда она плохо видела, она начинала плохо слышать. Она постаралась успокоиться и заставить себя привыкнуть к темноте, молясь о том, чтобы, наподобие того, как открывается у людей второе дыхание, пусть у нее откроется второе зрение. Она лежала на матрасе, уставившись в то место, где должен был находиться потолок, уходящий ввысь своим острым углом, и ничего, кроме кромешной тьмы, не видела.

Прошло немного времени, и она начала различать небольшой квадрат окна - кусочек не черного, но белесо-синего неба с желтыми крапинками далеких звезд. Снова переведя взгляд на потолок, она неясно увидела струганные доски, приколотенные внахлест, а затем ее внимание привлекла банка с сухарями, мерцающая в слабом свете, проникающим из небольшого оконца наверху. Лиза стала дышать ровнее, так пройдет одна ночь, потом - вторая и ничего с ней не случится. Ее заберут, отвезут домой и она будет вспоминать эти две ночи как дурной сон. Ее мысли вернулись в родной дом, к семье, ей было интересно, что делают сейчас Анна и Александр, хотелось прижаться к Игнату, вдохнув запах его

пшеничных кудрей, захотелось уткнуться лицом в свою собственную, сладко пахнущую подушку.

Шуршание бобин не прекращалось, время медленно исчезало в темноте, неслышно отмеряя минуты и часы. С небольшими интервалами Лиза ощупывала бобины, словно слепой, который время от времени проверяет, на месте ли еще его сокровище.

Надо было чем-то занять себя. Двигаться она не могла, значит думами и воспоминаниями. Ей не давала покоя банка с сухарями, она не была голодна, но почему-то эта банка стала колом в ее мозгу. Завтра состоится встреча гостя с человеком из ОУН. Когда? Утром? Днем? Вечером? Лиза не имела ни малейшего представления. Можно было бы надеть наушники и погрузиться в их разговоры, узнав на который час назначена встреча, но ей не хотелось – не все ли равно, утром или вечером? Еще одна ночь здесь, на темном чердаке, ей, так или иначе, обеспечена. Борьба, которая никак не касалась ее, была ей не интересна. Впрочем, любая борьба против системы ей была не интересна, поскольку была заранее обречена на провал. Если люди не могут оставаться равнодушными, предпочитают рисковать своими жизнями, это было их дело, но неужели они не понимают, насколько тщетны все их попытки?!

Она стала вспоминать войну. Ей легко было вспоминать и думать о прошлом: каким-то образом, в ее мозгу хранились воспоминания людей, чья кровь текла в ее жилах. Когда раскулачивали семью Никиты, насильовали его сестру и убивали его братьев, она лежала где-то там, под обозом, и все видела.

Точно также, она помнила войну. Она никогда никому об этом не говорила, ее бы приняли за умалишенную. Себя Лиза не видела в своих воспоминаниях, ее тогда еще не было на свете в ее теперешнем облике, но были ее глаза или ее сознание, или ее душа, которая была, наверное, все-таки бессмертной. В августе 41-го, они ехали на поезде, мимо тянулись безбрежные поля неубранной пшеницы. Вдруг налетел немецкий бомбардировщик, все повыпрыгивали из вагонов и бросились в поле, надеясь укрыться в высоких колосьях созревшей пшеницы. Анна, добежав до края поля, упала на землю, накрыв своим телом маленькую Александру. Лизины глаза застыли над ними и все видели, и видели не только их, а все пшеничное поле и сотни смертей, расплескавшим алую кровь по золотым колосьям, и стенания, и слезы, и крики. Потом горел поезд. Ее глаза взвились в небо, источившись слезами. Пламя перекинулось на поле. Редкие, крупные, не то ее слезы, не то капли дождя, не могли совладать с яростным, ревущим, метущимся как бешеный зверь, огнем.

А потом, они шли куда-то, через поле, Анна в одном летнем платье, Александра – босиком. Все, наспех собранные пожитки, сгорели в поезде. Страх перед немцами гнал их вперед: казалось увидеть одного живого белобрысого солдата с автоматом – самое страшное. Александра так боялась, что придумала себе смерть только оттого, что увидит живого немца. Ей было всего семь лет и она, еще не видя и не пережив настоящих ужасов войны, создала их в своем воображении. Ее страх был рожден лишениями первых дней оккупации, когда пришлось бросить дом и все ей привычное и родное, и куда-то ехать, идти, убежать. Она сбивала ноги в кровь, у нее опухли лодыжки, она не могла идти дальше, но, подгоняемая страхом, кое-как ковыляла, крепко держа Анну за руку. К вечеру стало прохладней. Перед ними открылась река. Лизины глаза окунулись в прохладную воду, она помнила – не то там был мост, не то брод – но они оказались на другом берегу. Под деревом,

лежал, кем-то брошенный, мешок с мукой. Мука тяжелая, много не унесешь. Анна набрала, сколько смогла, в подол своего платья – зачем? – и они двинулись дальше.

Поздно ночью наткнулись на наших солдат на привале. Они угостили страшно голодных и оборванных Анну и маленькую Александру вареной кониной. После ужина их подобрал последний грузовик, увозивший солдат на новые позиции, и они уехали в никуда, в незнакомые земли, к незнакомым людям, к новым испытаниям, но лишь бы подальше от них, чужеродных убийц и насильников. Лизины глаза плыли в ночном небе над ними, охраняя их сон. Ее глазам было спокойно и прохладно в вышине, среди облаков и звезд.

Это только один из дней долгой войны. Она будет с ними всегда и везде – и в Краснодаре, и в Баку, и в богом забытой Чердани, куда присылали пленных немцев. Все вместе они выживут. Вот только Якова ей не удалось уберечь. Не усмотрела...

Лиза больше не вспоминала. Слезы, ручьями стекая на матрас, заволокли пеленой ее сознание. Было что-то несправедливое в том, что она была здесь. Она не могла понять, что именно. Сил пошевелиться не было. Не в состоянии осознать свое настроение, но, уже сопротивляясь предназначенной ей роли, Лиза отдалась на волю своего разума. Ему требовался отдых и ее затягивало в сон, как в воронку. Последнее, что она слышала, был тихий монотонный шелест незакрепленного конца пленки на давно закончившейся бобине.

Утро выдалось пасмурным и дождливым. Серый холодный свет с трудом пробивался в маленькое окошко. Лиза повернула голову к своему металлическому сокровищу – весь вечер она еще на ощупь меняла бобины, но потом бросила. Все спали и дом был погружен в тишину, живую и чуткую. Слышались капли дождя, изредка попадающие на оконное стекло, и больше ничего. Ее мозг заработал, предлагая ей единственное решение, настойчиво толкая ее сделать то, что еще вчера казалось невозможным – раскрыть себя. Лиза вдруг отчетливо поняла, что несправедливость всего происходящего заключена в ней. Она не должна была позволить превратить себя в орудие системы против этих людей внизу. Скорей всего, они не святые, их политические доктрины ошибочны с точки зрения системы и, возможно, опасны, опять-таки, для системы. В общепринятом смысле слова они – враги. Что там говорил Петр Иванович? Они против демократической Европы. Они могут быть против, конечно, но демократия – это тоже система, которая может за себя постоять. Дело не в демократии. Дело в том, что Западную Украину и Западную Белоруссию присоединили к советской империи в 1939 году против воли народов, там проживавших. Эти земли аннексировали, после того, как на Польшу напала Германия. Спустя десять дней, польское государство перестало существовать и Сталин воспользовался моментом, посчитав, что польско-советские договоры утратили силу. Эта захватническая операция называлась «освободительным походом». Несогласных истребили или выселили. Речь шла о миллионе жителей. Поэтому лидеры тех, кто не хотел в сталинскую коммуну, решили примкнуть к гитлеровцам, когда те оккупировали Западную Украину. Вот это-то и легло несмываемым пятном на этих людей. С помощью одного большого зла нельзя бороться с другим большим злом.

В действительности, эти люди с их убеждениями, хозяин и гость, зеркальное отображение тех, кто их оккупировал. Москва ведь точно также мечтает о чистоте расы, подминая все под свое, великорусское. Украинский национализм и великодержавный советский империализм – два непримиримых врага, которым в пору, как змеям, сплестись в один тугой клубок.

Что же она тут делает? Лиза снова посмотрела на банку с сухарями. Не зря хозяин оставил ее здесь. Он умолял ее не делать из него предателя. Вот только как он догадался, что она поймет?

Собравшись с силами, она изо всех сил пнула банку ногой. Мертвая тишина дома, накрытого пеленой дождя, взорвалась звуками. Сначала банка, с хрустящим звоном разлетевшаяся вдребезги о стену, затем звуки внизу, разбросанный топот босых ног, потом топот по лестнице и, с грохотом отлетевшая в сторону, дверь на чердаке. Лиза сидела на матрасе и смотрела на двух мужчин: хозяина она знала, он в замешательстве прятал глаза, а второй мужчина - невысокий, выхоленный, с небольшой бородкой и недобрыми глазами, уставился на Лизу с недоуменной яростью. В руке он держал обрез. Он не мог поверить, что такое возможно, что такое случилось, что все теперь пошло к черту – его поездка, его усилия, его конспирация. Люди, пославшие его, потраченные ими деньги, их надежды. Правда, в таких делах, часто приходится рассчитывать на провал. Для него лучше, что так все произошло, он успеет уйти и где-нибудь отсидеться, в противном случае, его просто взяли бы при выезде из страны. Эта девчонка обнаружила себя не случайно. Зачем? В какую игру она играет? Но это все потом. Прежде всего, надо проверить, есть ли оперы в округе. Он схватил Лизу за волосы и поволок вниз по лестнице. Хозяин наблюдал за всем безучастно – если уж решилась на такой рискованный шаг, значит, догадывалась, что ее ожидает. Лиза и гость оказались во дворе.

- Сука! Коммунистическое отродье! – держа ее за волосы, орал приезжий. По его расчету, если опера сейчас появятся, он уйдет вместе с ней, прикрываясь ею. Чтобы взять его, они не посмеют ее убить. Хотя, кто она для них? Наверяд ли их сердца дрогнут. Если же их нет, он уйдет один, прикончив ее и хозяина, прихватив пленки с собой. Дом он подожжет, вот и весь визит на Западную Украину.

Лиза смотрела на былинки пожухлой осенней травы, увеличенные ее внутренним зрением в десятки раз. Они, как пики, торчали из черной земли и капли холодного дождя стекали по ним, растворяясь в рыхлой почве. Эта увеличенная трава завораживала, лишала воли. Не хотелось ни вырываться, ни бежать. Нечто неизбежное, что должно было наверняка случиться, сковывало разум. Инстинкты тоже не работали – страшно не было, а было хорошо и покойно. Кто-то решал ее судьбу и не надо было больше ни суетиться, ни выбирать, ни бороться. Что это – рок, судьба или неслышная поступь смерти? Неизбежность смерти, покорность ее неизбежности...

Куда-то делся хозяин, он уже не стоял у крыльца как раньше, потупясь, и часто мигая. Но Лиза-то, Лиза! Зачем ей все это понадобилось?! Зачем она придумала все это с банкой с сухарями, как предлог, как немое послание от хозяина? Теперь она умрет и стоило ли это все городить? Не из-за принципов и политических убеждений же она это сделала! Неужели она вмешалась в ход событий лишь потому, что ей надо было, чтобы что-то случилось? Чтобы ситуация вздулась как нарыв, а потом лопнула, обнажив под собой рану, но уже без гноя, рану, которую можно залечить. Воспаленной раной было для Лизы ее положение в КГБ, которое никогда не решилось бы, не случись этот кошмар. Сознательно она довела риск своего положения до трагизма, а трагизм - до абсурда. Но, видимо, перестаралась: вот сейчас ее убьют и весь абсурд развеется в воздухе, как дымок после выстрела.

Вдруг прогремел выстрел. Хозяин стоял с дымящейся двустволкой, а бородач медленно оседал рядом с Лизой на колени, его пальцы судорожно сжимали прядь ее волос и тянули к земле. Ее лицо и свитер были забрызганы кровью, она опускалась

вместе с ним, пытаюсь высвободить свои волосы из его сведенных предсмертной судорой пальцев.

- Беги, девка! – тихо проговорил хозяин. – Скоро твои появятся. Я все на себя возьму. Мне семью вызволять надо.

- Зачем же мне бежать? Наоборот, я останусь и все им объясню. Вы же мне жизнь спасли.

- Я и себе жизнь спас. Вот только надолго ли? Если не ваши, так наши меня все одно порешат. А ты убирайся отсюда, чтобы наши, деревенские, тебя не увидели.

- Не на чем мне убираться.

- Пешком иди, дура! Они ж растерзают тебя!

Неожиданно взвизгнули тормоза. Лиза обернулась. Неужто, Петр Иванович почти на сутки раньше? Но к ней бежал капитан Белов. В руках у него был пистолет, он держал на прицеле хозяина.

- Господи, Сережа... – Лиза отползла от мертвого мужчины с аккуратной бородкой, и опустилась на колени в мокрую траву. Белов обнял ее и, не таясь, не сдерживая своей любви, стал покрывать поцелуями запачканное кровью лицо своей любимой женщины. Он успел, все-таки успел. – Что же теперь будет?

- Ничего, ничего не бойся, – Белов быстро шептал ей на ухо. – Мы сейчас же уедем. Я заберу аппаратуру и бобины. Завтра все объясним. Придумаем, что сказать.

- А он? Надо как-то и его объяснить, он мне жизнь спас, – Лиза кивнула в сторону хозяина, который стоял у дома, опираясь на двустволку, наклонив голову вниз, изредка с интересом поглядывая на неожиданно приехавшего спасителя.

Но Белов не слушал, он уже бежал к дому, через минуту снова появился с металлическим ящиком и бобинами в кульке. Он затолкал Лизу в машину и что было сил, нажал на газ.

Глава 22.

Освобождение от невыносимых обязанностей.

Молча проехали километров сорок. За одним из поворотов Белов резко свернул в лес и заглушил мотор. Окна в машине запотели. Лиза протерла стекло со своей стороны подолом свитера, но вода не впиталась, а стала струйками стекать на обивку двери. Вокруг машины плотной стеной стоял мокрый осенний лес. Тишина была бескрайняя, бесконечная. Лес и тишина укрыли их на время, на несколько часов, сделав невидимыми и несуществующими для всего остального мира. Это был тот редкостный миг в жизни людей, когда ничто и никто, кроме них самих, не жил, не являлся и не существовал. Сережа Белов и Лиза были изъяты из бытия, исключены из событий и бега времени. Они принадлежали только себе, потому что какое-то время их никто не сможет найти – они были затеряны в лесу и в неразберихе трагических обстоятельств.

Белов повернулся и посмотрел на Лизу. Она была необыкновенно красива. Переживания предыдущего дня и ночи утончили ее лицо, начертав синие круги под глазами, ее рыжеватопепельные пряди отяжелели от влаги и завитками спадали ей на плечи. Она была хрупка и испугана. В этом, пожалуй, всегда состояла прелесть

женщины, вовремя спасенной мужчиной. Ее широко распахнутые глаза, как два огромных горных озера, манили его своей прозрачной глубиной, а взгляд, устремленный на него, тревожил и возбуждал. Белов понимал, что эти минуты никогда не повторятся. Она больше никогда не будет рядом с ним, укрытая лесом, дождем и преступлением.

- Как ты нашел меня? – приблизив губы к его щеке, прошептала Лиза.

- Я искал тебя, хотел видеть, поговорить, но не нашел в отделе. Никто не знал, где ты. Пошел к твоему начальнику. Он очень зол на тебя. Все мне рассказал. Я поехал, знал, что что-то случится.

Белов говорил отрывисто, ему не хватало воздуха, его сердце билось где-то в горле и не давало дышать. Он взял лицо Лизы в свои ладони, ощутив шелк ее волос, растрепавшихся по щекам, и поцеловал ее губы. Поцеловал так, как целовал сотни раз в своих мечтах и снах. Она не отпрянула и не оттолкнула его. Она закрыла глаза и стала ласкать пальцами его затылок. Находясь между прошлым и будущим, страшись даже подумать о том, что ей предстоит, она хотела раствориться в любви. В чувственной, дикой, необузданной любви. Кто знает, может она из нее и не выберется живой?

Сереза стянул с нее свитер и, замирая от желания, стал покрывать поцелуями ее шею, плечи и ложбинку между двумя полными тяжелыми овалами груди. Он почувствовал, что она заставляет его выпрямиться, улыбается ему и расстегивает пуговицы на его рубашке. Не в силах перестать ласкать ее тело хоть на мгновение, он перебрался на ее сидение и опустил кресла, превратив салон своей «Волги» в подобие кровати. Обнаженные, они лежали на ворохе одежды и не торопились окунуться в омут страсти, зная, что это – единственный раз, когда они могут насладиться друг другом. Его пальцы ласкали ее мягкую матовую кожу, повторяя изгибы ее стройного длинного тела. Лиза лежала на боку и совершенная крутизна ее плеча, потом бедра и колени делала ее похожей на прекрасную статую из белого мрамора. Она по-прежнему улыбалась, обнимая его своим теплым взглядом. В ней не было нетерпения, ровно как и не было застенчивости. Ее кожа была прохладной, она сама – спокойной. Он мог начать исполнять свою партию в любой момент и она покорится ему, мягко и откровенно, сводя его с ума его же властью над ней. Лиза была настоящей женщиной, каких мало, чья женственность полностью раскрывается только в объятиях мужчины, который доказал, что стоит ее, который ждал и хотел ее столько лет, храня в своем сердце ее диковинную красоту и ее зачарованную душу.

Он притянул ее к себе и прижался своей возбужденной мужской плотью к ее бедрам. Она застонала и нашла его губы. Устав терзаться и оглядываться, устав быть терпеливой, верной и послушной, Лиза до чертиков, до головокружения хотела погрузиться в чувственные наслаждения. Сергей вдруг понял, что не он, а она целует его, растворяясь в радости оттого, что он разрешает ей этот каприз. Отвечая трепетно и страстно, он продлевал ее порыв. Для него это было неожиданно, но безмерно приятно – ее поцелуи возбуждали больше, чем любые другие ласки. Она закинула ногу ему за спину и больше он сдерживаться не мог. Он повернул ее на спину и вошел в нее, погрузившись в горячий и влажный пульсирующий кратер. Вскрикнув, она снова улыбнулась, благодаря его за удовольствие. Окрыленный, он стал любить ее. Приподняв бедра, она двигалась вместе с ним, усиливая чувства, приближая развязку. Вот где сказалось ее нетерпение – она хотела впервые в жизни ощутить, понять, что это такое – оргазм, ведь ей еще ни разу не удалось испытать

его. Приближаясь к чему-то, что захватывало дыхание, сводило тело судорогой и вырывало стон из груди, она изогнулась в дугу и он изверг в нее поток своей любви, своей силы, часть самого себя, своего внутреннего, самого потаенного естества. Как будто, некое ядро, существовавшее в его теле, расплавилось и перелилось в нее. А ее воды, напротив, вырвавшись из берегов, расплескались вокруг их сомкнутых тел.

Несколько мгновений они лежали в безмолвии и без движения. Говорить не хотелось, хотелось опять любить и испытывать наслаждение. Ведь она испытала радость от соития с мужчиной впервые в жизни, а он столько лет сдерживал себя, мечтая о ней. Они как будто родились вновь одновременно. Но время их подгоняло, надо было придумать и обсудить будущий план спасения. Голова не работала, тело еще не насытилось чувственными утехами. Он посмотрел на нее и устремился вниз по ее телу, к самому его центру. Покрывая поцелуями и горячим дыханием ее теплый живот, потом бедра и ягодицы, его язык нашел трепетный, готовый лопнуть в цветок, бутон и стал ласкать его, как бы отделяя от него один лепесток за другим. Она вздрогнула, взяла его голову ладонями, притянула к себе, поцеловала его, потом перевернула на спину и оседлала его твердую и нетерпеливую плоть. Теперь была его очередь извиваться под ней от неистребимого, нарастающего, оглушающего наслаждения. Не вынеся сладостного мучения, он взорвался, а она замерла над ним, тихо смеясь ему в ухо.

С этой женщиной, подумал Белов, можно смело обречь себя на рабство супружества – она изобретательна и щедра, не кокетничает и не скрывает своей радости. Лиза же удивлялась, откуда она все это знает и как, на самом деле, хорошо любить мужчину, который любит ее. Вдруг Белов рассмеялся. Он смеялся долго и горько. Лиза поняла, не спросила почему. Так смеются те, кто проклинает свою судьбу. Он обнял и крепко прижал ее к себе. Не отдаст, никому не отдаст. Даже времени, даже ее собственной жизни не отдаст, пока не отдаст.

Он распахнул дверцу «Волги», выпрыгнул сам и вытащил Лизу под дождь. Доверившись ему, она, совершенно нагая, очутилась под мелким дождем, который был уже и не дождь, а мягкий, плотный туман из серебряных капелек. Облака тумана окутали их разгоряченные тела и, поддавшись соблазну, они опустились на ковер из влажной хвои. И там, среди кражистых, похожих на растопыренные пальцы, корней вековых деревьев, он овладел ею в последний раз. Он прощался с ней, его отчаянию не было предела. Лизе передалась его боль и чтобы уберечь себя, она уставилась на красную обгрызанную сыроежку, торчавшую среди корней. Она не любила Белова, но была ему безмерно благодарна за его любовь. Его любовь спасла ей жизнь и подарила ей наслаждение, и хорошо, что ее не дано продлить, а затем, неминуемо, потерять. Они расстанутся.

Уже снова сидя в машине, они решили, наконец, поговорить.

- Любимая моя, мы, конечно, расстанемся, – сказал Белов, на мгновение сомкнув веки.

Лиза молчала.

- Завтра, – продолжал он, преодолевая голосом боль, – ты пойдешь в Комитет, как ни в чем не бывало и..., ты была в отпуске?

- Нет, – ответила Лиза.

- Так вот, напишешь рапорт об отпуске.

- У меня все Игнат болеет, Сережа, я хотела и так рапорт писать о длительном отпуске по уходу за ребенком.

- Так и сделай. Но Песневскому не давай. Иди прямо к начальнику Управления. Дома напиши все, как случилось. Этот рапорт тоже ему отдашь. – Голос Белова постепенно стал набирать уверенность и силу. – Обнаружил тебя приезжий. Просто открыл дверь, потому что, перед встречей с местным человеком, решил проверить весь дом, вплоть до чердака, и увидел тебя. Подонки, даже оружия тебе не дали! Скажи, что ты не думаешь, что это хозяин навел его, он сам. Да хозяин и так сделал все правильно. Тебе надо будет подтвердить письменно, что он застрелил своего гостя, когда тот тебе угрожал. Если ты это подтвердишь, ему отдадут семью. А там его судьба уже будет в его руках. Ему надо будет бояться людей из его округа больше, чем наших сотрудников. Все, будем надеяться, они тебя оставят в покое. Конечно, попадет твоему начальнику, но так ему, скоту, и надо. Подставил тебя. Петр Иванович тоже страдает, но ничего, у них проколы бывают. Я верну ему аппаратуру и пленки. Он – нормальный мужик, на тебя зла держать не будет. Может, еще и поможет выпутаться. Не первый и не последний эмиссар на его веку. Еще сделает карьеру.

- А ты, Сережа? Что с тобой будет? Ведь ты был там, где тебя не должно было быть.

- Я, любимая, наверное, распрощаюсь со своей работой в столице. Сошлют меня в область. И знаешь, не из-за того, что я оказался там, где меня не должно было быть, а из-за наших неуставных отношений. По идиотским негласным предписаниям официально любить друг друга нам с тобой в органах нельзя, а теперь мои чувства к тебе уже не спрячешь. Но ты не огорчайся за меня. Я уже давно не в ладах со своей работой. Мог бы, ушел, но ты знаешь, что уйти просто так мы не можем. Мама расстроится, но я ей скажу правду – пострадал я не из-за того, что предал кого-то или честь семьи запятнал, а из-за того, что женщину полюбил... Которая меня не любит, ведь так Лиза?

- Сережа, ты не имеешь права спрашивать меня об этом. Поверь, ты – первый мужчина, который подарил мне радость. Незабываемую радость, Сережа. С тобой я испытала то, что еще ни разу до тебя не испытывала. Я не знаю, люблю ли я тебя. Я не знаю, что такое любовь. Но за твою любовь я низко кланяюсь тебе. Не грусти, кто знает, как жизнь сложится, может еще и свидимся.

- Да нет, Лиза, вряд ли. – Белов вдруг потух. Он устало опустил руки на руль и включил зажигание, уставившись на дорогу безжизненным взглядом.

Она подумала, что надо было наврать ему про любовь. Их судьба все равно предрешена, а ему было бы легче.

До самого Киева они больше не проронили ни слова. А в Лизе, вопреки ее ожиданиям и предстоящим неприятным разборкам, вдруг стала крепнуть уверенность, что все обернется для нее хорошо. Эта неожиданная уверенность в себе и решимость не дать себя в обиду утвердились в ее разуме и сердце, наполняя ее всю небывалой силой. Ей вдруг показалось, что она может влиять на события, вмешиваться в них, заставляя людей делать так, как ей надо, как ей кажется правильным. Пережив ужас прошлой ночи и сегодняшнего утра, а затем сладость чувственной любви, она почувствовала свою власть над обстоятельствами и людьми. Власть и безнаказанность. Кому бы еще в голову пришло сделать то, что сделала она, а вот, поди ж ты, ей даровали жизнь и, кажется, свободу. Лиза вновь убедилась, что она не одна в этом мире, что ее кто-то защищает, кто-то ведет ее по жизни и не расстанется с ней. Не Белов, нет, он был только орудием в руках этого кого-то.

На следующее утро, в восемь утра, за Лизой заехал лейтенант на машине с водителем. На такие щекотливые задания никогда не посылали одного человека. Анна не пустила их в квартиру, сказала, пусть ждут в машине. Она была обижена на всех кагэбэшников за их вранье. Лиза не испытывала ни страха, ни волнения – она была готова ко всему. Ее привели к начальнику Управления – генерал-полковнику Легуту, именно ему Белов советовал Лизе отдать свой рапорт. Немного поодаль, за длинным столом, сидел Петр Иванович. Больше никого в кабинете не было – не хотели выносить сор из избы.

Как ни странно, ее ни в чем не упрекали, не угрожали и ничем не шантажировали. Ей дали высказаться. Она рассказала обо всем – о своей работе, об угрозах Песневского послать ее в Афганистан, если она не начнет доносить, как это делают все у него в отделе, про случай во время сдачи зачета по стрельбе и про то, как Песневский хотел послать ее в гостиницу к клиенту на контроле, и как сосватал на это задание, пожелав не вернуться с него. Рассказала, как все произошло с гостем из Канады, дав выход чувствам, только когда речь зашла о хозяине, о том, как он спас ее, выстрелив в приезжего. На вопрос кто ей капитан Белов и какие у них отношения, она ответила, что знает его по «Интуристу», он предложил ей работу в органах и больше ничего. Как он оказался в селении? Об этом надо спросить у него, она не ожидала его там увидеть.

Генерал смотрел на нее, слушал и верил каждому ее слову. Не потому что был заипнотизирован ее красотой или ее рассказом, продуманным и выдержанным, а потому что она была чужаком. Эта рыжеволосая женщина если и была из этого мира, то не из его страны и уж, конечно, не из его ведомства, где сложились определенные уставные и неуставные отношения, и свои правила игры. Иметь штатную проститутку, как Верка, например, – одно дело, а с этой ни один мужчина не сможет ни сработаться, ни ужиться. Или влюбится до безумия или возненавидит до гробовой доски. А ему этого совсем не нужно, не нужно пробуждать в его офицерах эмоции и африканские страсти – им надо работать и служить Родине. Она никогда не сможет находиться в гармонии с его ведомством, потому что она другая, она похожа на диковинного зверя, которого невозможно одомашнить, она представляет опасность. Он, конечно, мог бы устроить показательный процесс, дабы другим неповадно было. Но она не покорится, он это видел в ее глазах. Да и в чем она провинилась? Все с самого начала сплелось вокруг нее неправильно, не в ее пользу. Она даже не член партии. Зачем грех на душу брать? Забудем про нее, просто забудем.

Генерал принял от Лизы два рапорта и подписал тот, в котором она просила о длительном отпуске. Другой, где было описано случившееся в селении, он отложил в сторону, он подлежит дальнейшей проверке и осмыслению. Лиза ушла домой и с тех пор приходила в комитет только за деньгами, которые ей начислялись по больничному. Ей никто не звонил и не спрашивал о здоровье ее сына или о ее планах касательно работы. Немного погодя, она написала рапорт об увольнении, на который никто никак не среагировал. О ней просто забыли. Это было освобождением от невыносимых обязанностей, но не было свободой. Когда-нибудь о ней обязательно вспомнят.

Окончательный исход.

А пока время шло, Лиза с удовольствием и трепетной заботой стала ухаживать за Игнатом, который буквально таял на глазах – плохо ел и перестал быть похожим на себя. Он утратил всю свою напористость и ярость, сделавшись вдруг испуганным, худеньким четырехлетним мальчиком. Ощувив свою маму рядом, он немного успокоился и постепенно дела пошли на поправку.

Приближался Новый Год и отец Алексея выхлопотал для них квартиру, записав ее, конечно, на свое имя. Но, все равно, радовались, несказанно радовались самостоятельности. Лиза, наконец, обрела свой дом, где собиралась стать хозяйкой. Избавились от непредсказуемых настроений Александры, от сурового графика и ранних побудок Анны. За несколько дней до Рождества переехали, нарядили высоченную елку в пустой комнате, устроили Игнату кровать, расставили столики с его игрушками и Лиза купила мольберт. Она установила его в углу Игнатовой спальни. Когда прошли первые хлопоты по обустройству, она начала рисовать и понемногу учить сына. Так же быстро, как он воспринял азбуку и без труда научился читать в три года, так же легко он стал рисовать, быстро схватывая науку о светотенях и перспективе. Рисовал он гуашью на больших листах плотной бумаги. Гуашь – краска мертвая, она не дышит и не имеет глубины, но Лиза считала, что для начала вполне сгодится. Они часто слушали пластинки, особенно полюбившихся им Ширли Бесси и Джо Дассена. Игнат подпевал им и водил кисточкой по бумаге, создавая совсем неплохие для четырехлетнего ребенка композиции. Он уже не был маленьким толстеньким мужичком, который яростно самоутверждался в двухкомнатной хрущовке, требуя беспрестанного внимания, общения и знаний, каждый день своей энергией поработав Анну. Игнат превратился в красивого мальчика с пушистыми, черными ресницами, с широкими темными бровями и светлыми густыми кудрями. Все это было от Алексея, а от Лизы он унаследовал тонкие и вдохновенные черты лица. Его душа также истончилась и теперь он дарил свою любовь гордо, нежно и трепетно.

Пока Игнат с вдохновением трудился, стоя на скамеечке перед мольбертом, Лиза отодвинула его кровать и на стене, от пола до потолка, написала для него картину. Внизу стены начинался и мощно уходил вверх, под самый потолок, стебель зеленого боба со стручками и листьями. На каждом листе стоял храбрый солдатик со шпагой, одетый в такую же форму, какая была у Щелкунчика и его воинства. У каждого солдатика были длиннющие усы, которые крутились как зеленые усики боба, а у одного была даже пушка и сложенные в горку ядра-горошины, уместившиеся тут же, на листе. Теперь по ночам Игнат больше не был одинок – его охраняли, стоя на страже над его кроватью, храбрые солдатики. Лиза надеялась, что это поможет, потому что ее маленького сына мучили страхи и ночные кошмары.

К тому времени Игнат прочитал десятки книг. Среди них были сложные сказки Гофмана и Ганса Христиана Андерсена. Гофман особенно был щедр на детали, сочно и красочно описывая внешность, жизнь и приключения своих героев. Прочитав пару первых абзацев, в его сказках начинаешь жить. Он воздействует на разум непосредственно и очень сильно, вовлекая психику читающего в описываемые им приключения. Игнат погружался с головой в этот таинственный, часто пугающий и нереальный мир, выходя оттуда целым и невредимым. Рядом с Гофманом его собственной фантазии места просто не оставалось. Крошка Цахес был уродом, но так хорошо выписанным, что уже ничего ни убавить, ни прибавить. Другими

словами страшное у Гофмана не пугало, а захватывало, и захватывало целиком. Иначе обстояло дело с такой простой сказкой как «Аленький цветочек». Когда повествование дошло до заколдованного чудища, Игнат не на шутку испугался. Еще хуже стало, когда Игнат одним глазом увидел это чудище в советском мультике – он с криком выбежал из комнаты. Лиза старалась объяснить ему, что в мультфильме чудище скопировали с животного – на самом деле это лемур, который обитает в дельте Амазонки, страшно медлительный, славный и безобидный. Она просила его нарисовать свое чудище, но он наотрез отказался. Его фантазия оживила слово «чудище» по-своему, снабдив его, бог знает, какими свойствами и чертами. Вторая сказка, которая вывела Игната из равновесия, была революционная агитка о Мальчише-Кибальчише. Ее повторяющаяся присказка: «Летят самолеты, привет Мальчишу!» подействовала гипнотически и Игнату по ночам виделись огромные самолеты, ревушие в небе прямо над его головой и накрывающие его своей тенью. Он перестал спать, а если засыпал, то просыпался с криками от очередного приснившегося кошмара.

Врач-невропатолог, не разбиравшаяся в тонкой психике ребенка, посоветовала отобрать у него все книги. Слова «психика» и «психоанализ» были в те времена в стране Советов словами ругательными, равно, как немногим раньше, «кибернетика» и «генетика». У советского человека не было психики: он был всегда уравновешенным, оптимистичным и счастливым строителем светлого будущего под названием «коммунизм». Он не страдал неврозами, так как ему были неведомы такие состояния, как тоска или страх, он был неискушенным, а, главное, высоко моральным индивидуумом, уверенно смотрящим в будущее. В авангарде у этого неутомимого и несомневающегося строителя, нерушимой стеной стояла Коммунистическая партия, денно и ночно бдящая о его благе. Ведь это только сложные натуры что-то чувствуют, придумывают, страдают, комплексуют и рефлексируют. Никто не осмеливался совместить тот факт, что вся страна пьет с тем, что у всей страны нарушена психика. Тяжело было жить в стране, где действительность не совпадала с идеалами, в которые советский народ заставляли верить, и где приходилось жить по двойному стандарту, медленно сходя с ума. Это все равно, что смотреться в зеркало и видеть чужое отражение вместо своего собственного.

Так вот, Игнат, лишенный книг, лучше спать не стал, а лежал, уперев взгляд в потолок, тихо разговаривая с солдатыками на зеленых листьях. Его фантазия без усталости работала, выстраивая жуткие чудеса на пустом, незаполненном месте, там, где могли бы разместиться главы из новой книги. Лиза вернула ему книги, но стала их тщательно отбирать. Она заметила, что чем сложнее события и красочней описание, тем спокойнее Игнат соприкасается с авторской фантазией. Совсем скоро она переменяла тему сказок на фантастику космических путешествий и Игнат стал рисовать комиксы. Он расчерчивал лист на прямоугольники, быстро рисуя в каждом из них сюжет и делая надписи внизу рисунка, разворачивая свое повествование с захватывающей решимостью. Лиза искренне восхищалась им – она бы так не смогла. Сколько фантазии и сколько непонятно откуда взявшейся техники быстрого рисования! Игнату ее похвалы были приятны. Ему было удивительно и приятно то, что его мама не сюсюкала с ним, не разговаривала дурацким языком, не лезла с ласками и поцелуями, считала его ребенком ниже себя по развитию.

Он был частью ее жизни, она делилась с ним своими переживаниями, думами, радостями и печалью, находя в нем благодарного слушателя, родную душу и опору.

В отличие от его отца, Игнату было интересно, что происходит с ней и, поэтому, он не только слушал, но и сопереживал. Лиза и Игнат ходили по магазинам, покупая, что попадалось съестного, тащили вместе тяжелые сумки домой – Игнат помогал, держа за ручки тяжелых кошелок, готовили обеды, читали, рассматривали фотографии и Лиза рассказывала Игнату про путешествия в дальние страны, про хорошую жизнь и про его будущее. Им было очень хорошо вдвоем, они понимали друг друга с полуслова, деля, как кусок хлеба, одинаковые мысли, желания и чувства. Временами Лиза скорее была не матерью, а его товарищем, с удовольствием принимавшим участие в его детских играх и забавах. Но, конечно, прежде всего, она была матерью, молодой прекрасной матерью, с бесконечно развитым чувством ответственности, жертвенности и оберега. Каждую минуту, даже во сне, она оберегала свое дитя от бед, от болезней, от грусти. Ее душа билась и рыдала, замирая от ужаса, стоило ей на мгновение представить, что Игнату плохо. И она молилась, не зная молитв и не представляя, кому ее немые мольбы предназначены. Лиза помнила, как Никита, ее дед, еще в детстве, старался сделать из нее настоящую маленькую леди. Чтобы взрастить в ней уверенность и достоинство, он никогда не отсылал ее, когда приходили гости, а с нарочитым уважением представлял ее окружающим, относясь к ней с подчеркнутым уважением. Он не забывал о подарках, которые радуют душу любого ребенка. В его любви не было ничего притворного. Памятуя о нем, Лиза часто размышляла над тем, как вырастить из Игната настоящего мужчину. В конце концов, решила она, надо дать ему возможность заботиться о ней, почувствовав себя сильным и ответственным. В то же время, она постоянно обучала его искусству сопереживать женской душе.

Алексей не разделял их жизни. Жил вместе с ними под одной крышей, ел вместе с ними, разговаривал, но участия в их совместной, сложной жизни не принимал. Ему было недосуг и скучно. Он давно уже пристрастился к своему хобби, которому отдавал каждую свободную минуту. Мечтая собрать музыкальный центр, он выносил с завода, где был уже замначальника цеха, запчасти, из которых паял платы, каждый день закрываясь в кладовке. Время шло, но шедевр высокой техники из-под Алексеевых рук не выходил. Ему, скорей всего, был не так важен результат, как сам процесс, во время которого можно было бесконечно долго оправдывать свои неудачи и тешить себя надеждой, что рано или поздно, после очередной перепаянной платы, что-нибудь да получится. Ему нравился отход в себя, отделение от них – жены и сына, которые были заняты чем-то своим, разговорами, ему не доступными, потому что когда-то он пропустил их начало. Игната и Лизу связывали понимание, лежавшее в основе их единения, которое Алексей не потрудился завоевать в силу своей пассивности и отсутствия какого-либо усердия.

Прошло два года. Настал 1983-й. Опасения Лизы насчет того, что рано или поздно, ее попытаются вернуть на работу в КГБ, не оправдались. О ней вспомнили, неожиданно и быстро решив ее судьбу. Спустя несколько недель после смерти Брежнева в ноябре 1982-го, ей вдруг позвонили и сказали, что она уволена из органов. Она должна получить соответствующие документы, сдать табельное оружие и явиться в военкомат для того, чтобы была произведена определенная запись в ее военном билете. Много позже, Лиза узнала от Марго всю правду о том, почему вдруг ее уволили так быстро и бесповоротно, стоило «великому и горячелюбимому» уйти из жизни. Андропов, заменив Брежнева на посту

Генерального секретаря, готовил масштабную реформу, так называемый «Андроповский десант» в МВД и КГБ на всех уровнях и во всех республиках. Коррупция в те годы достигла небывалых размеров и Андроповские реформы должны были, если не окончательно искоренить зло, то, во всяком случае, ощутимо уменьшить его. КГБ Украины не было исключением. Ожидая комиссию из Москвы, многие офицеры написали рапорты об увольнении, многих вынудили уйти, выкинув их на улицу. Под общий шум подмахнули и Лизин рапорт, который пролежал в отделе кадров без малого год.

Когда она явилась в военкомат, пожилой полковник долго мял в руках Лизин военный билет, не желая ей выдавать его без нотации. Лиза была удивлена его враждебностью и только потом поняла, что комитетский аппарат остался верен себе – ее уволили «по несоответствию». Смерть Брежнева ничего не изменила, крысы побежали, но законы на тонущем корабле остались прежними.

- Что же вы натворили такого, что вас по несоответствию уволили? – строго спросил полковник.

- Я была одним из лучших переводчиков. Это то, что касается моей работы. Стыдиться мне нечего. Заболел мой ребенок, и я должна была находиться с ним дома. Вы знаете, что на гражданке мать в таком случае может уволиться по собственному желанию, но в органах это невозможно, вот меня и уволили, как смогли.

- Хотел бы я поверить вам, - полковник все еще крутил в руках ее военный билет. – С такой записью, дорогая вы моя, вся ваша жизнь перечеркнута.

- У меня есть справка из поликлиники КГБ, подтверждающая болезнь моего сына, - спокойно ответила Лиза.

Она и вправду прошла с Игнатом обследования и взяла такую справку, зная, что когда-нибудь она ей пригодится. Все равно никто не мог определить, что за болезнь была у Игната и заведующий детским отделением подписал справку, вызвав также старшего педиатра для того, чтобы и она поставила свою подпись. Нехотя подписав документ, она, дождавшись Лизу в коридоре, прошипела ей на ухо, как змея: «У всех бы дети так болели!». Лиза тогда подумала, непонятно, врач она или садистка, и что же, она желает Игнату серьезных и страшных болезней? Странные люди, эти чекисты: неважно, мужчины или женщины, офицеры или вольнонаемные, они, раз и навсегда подчинившись правилам гэбэшной жизни, а, главное, возлюбив то, что делали, превращались в шестеренки лязгающей машины, в существ без сердца и сострадания. Недаром, даже Ленин с опаской смотрел на Дзержинского.

- Ну что ж, такому документу не доверять у меня нет основания. – Полковник смотрел на Лизу и медлил отдать ей военный билет. Он как будто чего-то ждал.

«Он хочет, чтобы я его стала просить, чтобы унижалась, умоляя изменить запись. Я знаю, что это в его силах, но просить я не буду».

- Ладно, видно не дожидаться мне от вас приличествующей данной ситуации фразы.

Он взял ручку и дописал в скобках после слов «Уволена по несоответствию» (По болезни ребенка).

- Это все, что я могу для вас сделать.

Лиза поблагодарила и ушла. Она не собиралась продолжать карьеру военного человека и показывать свой военный билет ей будет некому. Она так и останется лейтенантом в запасе, пока не грянет перестройка и ей не захочется уехать за границу. На этом ее кагэбэшная эпопея закончилась. Лиза ощутила свободу и вместе

с ней вернулось желание снова участвовать в жизни. Настало время подыскать работу, потому что зарплаты Алексея ни на что не хватало. За два года Лиза продала почти все из своей одежды, а также свои нехитрые драгоценности, купленные на офицерский оклад. Последнее кольцо она заложила, когда покупали Игнату форму и туфли для школы. Он пошел в первый класс раньше своих сверстников на год, а Лиза стала подумывать об «Интуристе». Она хотела вернуться туда, но почему же тогда она ушла оттуда?

Первое настоящее соприкосновение с незнакомыми людьми, прибывшими с той стороны Железного Занавеса, приходило к ней через незнакомые ей дотоле ощущения и запахи. Она помнила, как впервые попробовала джин с тоником и, не ощутив опьянения, встала, но идти не смогла, споткнулась, потому что ноги под ней прямо таки подкисли. Она помнила запах своих первых французских духов – «Диорелла» Кристиана Диора. Это был не ее запах, но тогда она была им околдована. Ее первая дорогая бижутерия, ее первая дорогая косметика, ее первый американский «Космополитен», датированный маем 1976-го года, который она хранила до сих пор.

Она еще не побывала за границей, но путешествовала в пределах досягаемости, наслаждаясь городами, как редкими книгами и хорошими знакомствами. Вильнюс, Таллин, Ереван, Тбилиси, Ташкент, Бухара, Ленинград, Загорск, Кострома, Рига, Одесса, Львов, Чернигов, Суздаль, Новгород – все не перечислишь! Чем меньше и древней был город, тем более одушевленным он казался, более разговорчивым и располагающим. Города могли удивлять и очаровывать. С ней навсегда осталось чувство первого знакомства с городом, которое невозможно ни забыть, ни утратить во времени. Это как первое интимное знакомство с женщиной. Ощущение нового города, страны, всегда как первое прикосновение к телу того, чью душу уже любишь, как радостное и удивленное познание того, с кем хорошо вдвоем.

Города, выстроенные с хорошим расчетом или провидением, как говорили в старину, практически бессмертны и, на протяжении веков, копят в себе тайны – свои собственные и наши, людские. Взять хотя бы Самарканд. Как можно забыть выложенные мозаикой купола его минаретов, древние усыпальницы великих героев, узенькие улочки, вкус хлебных лепешек прямо из печи, устроенной в земляной яме, и сладкого винограда без косточек? Этот город, такой невзаправдашний из-за своей дивной красоты, возникший из старинной сказки, и кажется, могущий исчезнуть в любой момент, как мираж, как нечто незаслуженное, недооцененное нами, улетев со всеми своими минаретами и обитателями в заоблачную даль на обветшалом от времени ковче-самолете. В семидесятых Самарканд, так же, как Измаил в пятидесятых, еще не был кастрирован системой. Истинный город существовал в своей первозданной нетронутости, храня историю и традиции, не потеряв своего целомудрия и провинциальности.

А как был хорош Ленинград в июне! Белые ночи не давали спать, тянуло пойти гулять в Летний сад. Дни стояли прохладные, воды Невы и небеса над Ленинградом были одного цвета – глубокого, насыщенного синего, и плыли, отражаясь в них, покинутые их обитателями дворцы. Каждый год в июне месяце, в Ленинграде проводили фестиваль искусств «Белые ночи». Лиза помнила себя сидящей в Кировском, на самых лучших местах в ложе, уставшую от красоты и гениального мастерства исполнителей. Давали единственный спектакль, составленный из балетных номеров в исполнении самых лучших танцоров страны. Сценические декорации ошеломляли роскошью, мастерство исполнителей вызывало

бесконечные овации. Лиза тогда боялась, что не сможет выдержать очередного балетного танца, поскольку ее восхищение уже достигло той черты, где кончается радость и начинается отторжение. Она хотела встать и уйти. Нельзя восхищаться и наслаждаться бесконечно. И то, и другое надо всегда прерывать, прежде, чем из них исчезнет волшебство.

Предрождественская Рига, окутанная таинством наступающего праздника, также осталась в памяти. С Рождеством Лиза в ту пору не была знакома, в советские времена этот праздник был запрещен, так как считался церковным. Разве что бабушки в деревнях отмечали Рождество, да и то, по-церковному, старому календарю, седьмого января. А тут, в советской Риге, Лиза впервые заметила чудесность этого праздника, к нему готовились, его не стеснялись и собирались отмечать в церквях, соборах и костелах двадцать пятого декабря, как и полагается католикам. Гуляя по вечерним улицам, она забрела в небольшой католический собор. У порога стояли срубленные елки, завтра их занесут внутрь и украсят. Мелкий чистый снежок припорошил их верхушки и ступеньки, ведущие к растворенным дверям. Немного поколебавшись, Лиза вошла внутрь, оказавшись в пустом приходе. Никого из верующих не было, только священник средних лет был занят, расставляя свечи на столике у алтаря. Обернувшись, он увидел Лизу, молча подошел к ней и, не задав ни одного вопроса, повел по собору, с увлечением рассказывая о старинных гербах, закрепленных на деревянных стенах и балконах. Лиза слушала вполуха, священник плохо говорил по-русски, ее трогала его доброта, но смотрела она не на него, а внимательно всматривалась в распятого Христа. Здесь, в чужом городе, она могла делать это без боязни, ее никто не знал и ее приход в церковь останется незамеченным. В Киеве, как идеологическим работникам, им запрещали ходить в действующие соборы, а накануне некоторых специальных дат, предупреждали, чтобы не появлялись даже на прилегающих к соборам улицах. Казалось, распятый Христос согрел ее сердце, пообещав удивительные перемены в скором будущем. С тех пор, у себя дома, она стала незаметно праздновать католическое рождество. В то время она не была крещена в православии и ей было все равно. Рождество перед Новым годом кажется более уместным, чем после, да и Христос один и праздник у него один.

Своей тогдашней жизнью, сейчас бы сказали, стилем жизни, Лиза, несомненно, отличалась от большинства своих сограждан. Она пользовалась качественными, дорогими вещами, она читала другие журналы и книги, она имела доступ к красоте и культуре, она имела возможность путешествовать. Все это продолжало образовывать ее ум, определяя и шлифуя ее отношение к жизни. Сидя тогда в Кировском, она прекрасно понимала, что стоит ей завернуть за угол театра, она наткнется за забулдыг, которые, привалившись к тыльной стороне памятника, перерабатывали ядовитые пары от выпитого одеколона. Этот контраст был очевидным результатом показушной и двуличной системы. Ее же стиль жизни был полностью ее заслугой. Она заплатила за него шестью годами учебы, бессонными ночами и каторжным трудом. Отчего же она тогда заскучала? Отчего захотела изменить свою жизнь, отказавшись от своего стиля и уровня? Она неизменно вызывала восхищение у пришельцев из-за Железного Занавеса своей красотой, умением говорить и держать себя. Однажды, один американец пытался убедить ее в том, что в Америке она наверняка стала бы звездой.

Каждый день приносил что-то необычайное, новое. Бывало, они обслуживали чартеры. На один воскресный день разноязычные туристы, отдыхающие на

побережье в Констанце, прилетали в Киев. Рейс прибывал рано, в восемь тридцать утра, но туристов уже ждали одетые с иголки гиды, их рассаживали по автобусам и до обеда показывали город – самые красивые места – золотые купола, зеленые парки, голубые воды Днепра. После этого следовал обед с икрой и шампанским, борщом с пампушками и котлетой по-Киевски в самой лучшей гостинице в центре Киева. После обеда – прогулка на катере, посещение сувенирных магазинов и обратно, в аэропорт. День заканчивался поздно вечером. Лиза вспомнила, как однажды, в сувенирном магазине несколько американских супружеских пар решили развлечься: жены поворачивались спиной к прилавку с золотыми украшениями и наугад тыкали пальцем в какое-нибудь украшение, которое тотчас же покупалось для них их мужьями. Наблюдая за ними, Лиза улыбалась. Ей бы хотелось оказаться на месте жены такого мужа, ведь ей было так одиноко и тоскливо в собственном аскетическом браке – с Алексеем она была лишена не только чувственных наслаждений, но и материального достатка.

И Лиза вдруг поняла, что ушла из «Интуриста» потому, что не могла больше сопротивляться соблазнам. Не могла смотреть на хорошо одетых женщин, воображая себя на их месте, как это делают маленькие девочки, примеряя перед зеркалом мамины туфли; на мужчин, в которых влюблялась с первого взгляда, никогда не подавая вида и не признаваясь в этом даже себе. Она не могла больше слушать рассказы про дальние страны, не могла больше служить этой сладкоголосой птице, которая была на воле, а она сама – в клетке. Все это слишком сильно ранило ее душу и бередило ее ум, в ней нарастали желания, которые пугали ее, к которым она не была готова. Она ушла. Ушла в комитет, как в монастырь, решив соприкоснуться с системой, став на время обыкновенным советским человеком. Она не нашла в этом ничего занимательного или утешительного.

Глава 24.

Возвращение в «Интурист».

Восьмидесятые годы! Ни с чем не сравнимое десятилетие обозначило конец эры большевизма-коммунизма-социализма, разделивших жизнь народов, силой объединенных в советскую империю, на «до» и «после».

А начиналось все довольно просто, с дозволения потреблять. Советские лидеры спохватились, но слишком поздно. Решив переделав «строителя коммунизма», раз с коммунизмом все равно не получилось, в потребителя, они хотели спасти систему. В магазинах появились вдруг импортные товары – все покупали индийское постельное белье, которое линяло после первой же стирки, никому не нужные вазочки из латуни, бусы из опала, китайские лаковые коробочки и наборы шахмат, инкрустированные перламутром, чешский хрусталь, египетские сумки и кошельки, венгерские костюмы, финские платья и плащи из синтетики, португальские и испанские туфли на высоких каблуках и французские духи. Видно кто-то из идеологов решил, что пора, наконец, разрешить советскому народу вкусить от

самого краешка заграничного ширпотреба – в СССР это называлось «хорошей жизнью».

Что-то стало просачиваться извне – кто-то привез японский видеоманитофон, кто-то купил иномарку. В отечественных Домах Моды, из плохой и дешевой ткани, копировали наряды из «Династии». Джинсовые костюмы стали называться «варёнки», а широкие брюки, сужающиеся книзу – «бананами». Женщины оделись в «сафари», подложив для стройности подплечники и открыли для себя югославские дезодоранты. Они стояли в очередях за душистым немецким мылом и английской зубной пастой. Впервые вымыв волосы финским шампунем, а не «Детским мылом», они с недоумением заметили, что волосы стали мягкими, блестящими и совсем непригодными для укладок дурацкой «ракушкой». Народ умиротворился и затих, направив всю свою энергию на потребление.

Исправно функционировали партийный, профсоюзный и комсомольский аппараты, армия, КГБ и милиция. Военно-промышленный комплекс, тужась не остаток в гонке вооружений с Западом, продолжал опустошать союзный бюджет и штамповать ракеты с ядерными боеголовками. С другой стороны, эта гонка обеспечивала хлебом насущным, в виде вполне приличных зарплат и прогрессивок, миллионы ученых, конструкторов и рабочих. Остальная трудящая многонациональная масса продолжала исправно работать на предприятиях легкой промышленности, в сельском хозяйстве, медицине и научно-исследовательских институтах.

На этом срезе официально занятых граждан пышным цветом расцвел полуофициальный малый и средний бизнес. Он касался, в основном, сферы услуг – именно там советская империя всегда отставала. Обслуживающий персонал – косметички, дантисты, парикмахеры, массажисты, репетиторы, работники автосервиса, слесари, портные и целители получали щедрые вознаграждения от тех, кто перечислен параграфом выше. Эти первые советские предприниматели свою выручку от государства скрывали. Так появилась теневая экономика. Первые перестроечные миллионеры вышли именно оттуда – из сферы услуг и серого бизнеса, где крутился неучтенный нал. Написала «перестроечные», хотя, на самом деле, перестройки еще не было. Этот термин и сам Горбачов появятся в середине 80-х. Этот последний генеральный секретарь КПСС и первый и последний президент СССР захочет сохранить советскую империю, бескровно ее преобразовав. Ему это не удастся – проект строительства великой утопии, зашедшей в тупик, при нем будет закончен.

В восьмидесятых появились такие слова как «аренда», «кооператив» и «бартер». Открылись первые кафе, где стали продавать курицу-гриль, коктейли и взбитые сливки с черносливом. Цены, конечно, кусались, но людям было интересно попробовать. Иногда они собирались в таких кафе целыми компаниями, обсуждая свои деловые перспективы – если кто-то смог открыть кооператив, почему я не могу? Эти застолья с неумело приготовленными коктейлями и вкуснейшей курицей были, несомненно, прообразом тусовок девяностых. Правда, эти застолья были гораздо более демократичными, простыми и искренними, их участники еще не держали в руках много денег, они еще не делили и не приватизировали государственные активы, они еще не убивали... Все это будет происходить десять лет спустя, когда развалится империя. В восьмидесятых шиком были кроссовки и «варёнки», в девяностых – обязательным атрибутом тусовок уже станут бриллианты,

смокинги и вечерние платья. На стоянках будут стоять дорогие авто, а у подъездов будут дежурить лысые телохранители.

Начало восьмидесятых трудно назвать интеллектуальными годами. Думать было некогда, люди потрещали, но зато лихо и возбуждающе потянуло запретной дотопе чувственной свободой. Все знали имена супермоделей с прекрасными и женственными фигурами – Синди Кроуфорд и Паулины Поризковой, которых любили знаменитые музыканты, богатые техасцы или молодые летчики. В доживающий свой век советской империи героями были бармены, автослесари и парикмахерши в коротких юбочках и обтягивающих батничках, откровенно расстегнутых на груди. Вместе с японскими видео проигрывателями, в стране появились первые порнофильмы, которые обычно собирались смотреть у обладателя видика. Доступная и растиражированная эротика породила небывалую волну сексуальности среди тех же накаченных барменов и субтильных, понимающих толк в диетах, косметичек.

Так бы и шло, но грянул Чернобыль, не дав вдоволь насладиться кукольным благосостоянием первых лет десятилетия, открыв шлюзы для трагедий и покаяний второй половины восьмидесятых. Да, после Чернобыля можно было только каяться...

Во второй половине восьмидесятых неофициально, исподволь, началась перестройка. Те, кто решили сделать страну более открытой, не подозревали, что запретные воды, накапливавшиеся семьдесят лет, не только прорвут плотину, но и снесут неприступную крепость вместе с ее Железным Занавесом. Началось все с того, что миллионы людей заговорили и уже ничего нельзя было с этим поделать. Заглушить этот говорящий, смакующий небывалую и такую долгожданную свободу слова, советский народ было невозможно. Появился «Огонек» с Коротичем, «Взгляд» с Листьевым и Любимовым, телемосты с Познером и «До и после полуночи» с Молчановым. Разорвав себе в клочья разум и душу чтением публицистики, было приятно переключиться на Молчанова, посмотреть на хорошую жизнь, послушать образованных людей с титулами, побаловаться хорошими стихами и хорошей музыкой. Благодаря ему, те, кто могли понять, уразумели, что такое хороший вкус. Программа Молчанова называлась «После полуночи» и выходила каждую пятницу. После водоворота газетных сплетен, журнальных откровений и телевизионных дебатов, где подчас орали до иступления, хотелось забыть о политике, перестать разрушать устои и упрекать себя прошлым. Хотелось помечтать и заглянуть в будущее, увидев себя красивой и обеспеченной. Одним словом, Молчанов давал возможность выбраться на пару часов из дерьма и почувствовать себя человеком.

На советском телевидении появились первые мексиканские и бразильские сериалы. «Богатые тоже плачут» и «Рабыня Изаура» - разве можно было выбрать для страны Советов сериалы с более удачным названием? Исстрадавшийся, но все еще щедрый душой советский народ, притянул к экранам, плача и радуясь вместе с некрасивой бразильской актрисой. В очередной раз отстрадавши, приняв близко к сердцу непростые судьбы героев, мы с удовольствием пополнили свой лексикон иностранными словами. Теперь дача стала называться «фазендой», а название сериала с плачущими богатеями превратилось в поговорку.

И, все же, в то время главным было не разрушение или созидание, а покаяние. Большинству хотелось покаяться в том, что было не ими содеяно. Особенно совестливые винули себя и за революцию, и за неудавшееся строительство

коммунизма, и за бесчеловечность вождей и за миллионные жертвы. Эта волна покаяния была спровоцирована «шестидесятниками», которые взяли, наконец, реванш за неудавшуюся хрущевскую оттепель. Их отцы, к сожалению, молчали, по-прежнему преданные Сталину и системе. А факты сыпались один за другим, как хлесткие горячие удары по лицу. Начиная с Октября 1917 года, читали мы в «Огоньке», в стране было насильственно оборвано, вследствие террора, голода и войн, около 90 млн. жизней. Солженицын говорил о советских крестьянах, которые, по сути, были крепостными, Василь Быков - о драматическом крушении многолетней лжи.

Странно было то, что никто особенно ничему не удивлялся. Упиваясь свободой, впервые появившейся возможностью открыто говорить правду о своей жизни, люди просто выговаривались, ведь они всегда знали эту правду, не так ли? Но в этой многомиллионной говорильне рождалось начало конца. Тогда никто еще не спрашивал «Что же делать дальше?», наивно полагая, что свободы слова вполне достаточно и что все как-то уразумеется, уляжется, развитый социализм видоизменится и выстоит. Это заблуждение рассеют драматические девяностые, которые начнутся с заговора тех, кто захочет сохранить советскую империю в ее первоначальном виде.

Конец восьмидесятых стал переломным этапом и для Европы. В Польше и Венгрии, после ожесточенной борьбы, на смену просоветским режимам пришли демократические правительства. В Румынии 25 декабря 1989 года казнили коммунистического диктатора Николае Чаушеску и его жену. Михаил Горбачев, первый и последний президент советской империи, не вмешивался в происходящее. Он не послал советские войска подавить сопротивление, как это сделал Хрущев в 1956 году. В том году венгры восстали против сталинистов. Причин было несколько. Обложенная репарациями, поскольку воевала на стороне нацистской Германии, Венгрия должна была не только возмещать Советскому Союзу потери, понесенные во время Второй мировой, но и кормить советские оккупационные силы. Недовольство также подогрел факт смерти Сталина и речь Хрущева на XX Съезде КПСС, в которой он развенчал культ личности кровавого вождя. Советские войска, расквартированные в самой Венгрии, рабочие встретили огнем из автоматов и коктейлями Молотова. Тогда Хрущев, с одобрения Мао Цзэдуна, решил задействовать войска из Сибири. Солдат, не говоривших по-русски, обманули, сказав им, что они отправляются в Берлин, чтобы подавить фашистское восстание. Столкновения на улицах Будапешта начались 3 ноября. После недели ожесточенных боев восстание было подавлено, 25 тысяч венгров и 7 тысяч советских солдат были убиты.

9 ноября 1989 года Горбачев посетил Восточную Германию, после чего Эгон Кренц, последний глава ГДР, сделал шокирующее заявление о том, что «восточным немцам» будет разрешено выезжать в Западную Германию. На следующий день канцлер Гельмут Коль объявил перед двадцатитысячной толпой: «Мы одна нация!» После этого, только за одни сутки, границу с востока на запад пересекли сто тысяч человек. Стена, разделяющая Берлин, пала год спустя, 3 октября 1990 года. Германия, в назидание за содеянное, разделенная победителями сорок пять лет тому назад, снова объединилась.

Курьез, однако, заключался в том, что далеко не все граждане ГДР хотели воссоединения со своими западными соседями. Эгон Кренц считал, что Горбачев «кинул» их. Он надеялся, что во время встречи с Бушем-старшим, Горбачев объявит

о продолжении «холодной войны» и воссоединение обеих Германий не состоится. Горбачев и, правда, заикнулся о холодной войне, но Буш тут же нашелся и закончил его фразу так: «да, холодная война, но мы ее уже выиграли». Больше этот вопрос не обсуждался. Михаил Горбачев, во избежание кровопролития, решил в дела немцев не вмешиваться. Хотя мог... В ГДР было полно советских военных баз, а личный состав насчитывал 500 тысяч солдат и офицеров. Чтобы вывести войска и вооружение из ГДР, этого форпоста СССР в Восточной Европе, понадобилось четыре года. Когда народ взял штурмом министерство Государственной Безопасности в Дрездене или, как его еще называли, Штази, майор Владимир Путин находился в здании неподалеку. В нем находилась штаб-квартира КГБ. Путин понял, что надо просить о помощи и позвонил командиру танковой роты. Тот ответил, что должен испросить дозволения в Москве. Когда Путин позвонил еще раз, он услышал следующий ответ: «Москва молчит». Видно, Горбачев кинул не только немцев, но и своих.

Впрочем, мы забежали вперед...

Зимой восемьдесят четвертого, Лиза вернулась в «Интурист». Помогла ей туда устроиться через свои связи в КГБ Марго. С тех пор, как Лиза оставалась дома, ухаживая за Игнатом, Марго часто забегала к ней, а еще чаще звонила. Она жаловалась на то, что Нинка, ее дочь, недовольна их положением, что она настаивает, чтобы Марго вновь сошлась со своим вторым мужем, освободив для нее квартиру. Она тревожилась о здоровье своего отца, который стал часто болеть. В ее жизни началась полоса застоя и невезения. Столько лет работая в мужском царстве-государстве, она так и не встретила того, кого могла бы полюбить, потому что однажды уже любила, сильно, но впустую. И теперь относилась к мужчинам осторожно, презирая их за трусость и нерешительность. Она не знала, что делать с собою и со своею почти сорокалетней жизнью, и была на распутье. Пути, которые она видела перед собой, никуда не вели. Все они поворачивали назад, в прошлое, от которого она старалась навсегда отказаться. Ей хотелось пожертвовать собою ради настойчивых капризов дочери, но она не решалась сгубить себя совсем. Бывают такие периоды в жизни, когда просто не знаешь, что делать.

Несмотря на свою душевную неустроенность и тоску, она взялась с удовольствием помогать Лизе. Вскоре ее энергичные хлопоты увенчались успехом, ей по-прежнему не могли отказать. У двух женщин не было секретов друг от друга. Марго знала все, что произошло с Лизой в органах, знала, что Лиза просто терпит своего мужа, что ей уже давно до чертиков хотелось в кого-нибудь влюбиться. Они смеялись, зло обсуждая кагэбэшных мужиков, вспоминая, как однажды, получали пайки ко Дню Чекиста. Огромная толпа работающих в органах, загодя собралась у дверей офицерской столовой. Среди сотен мужчин было всего несколько женщин – офицеры, как Лиза и Марго, или вольнонаемные, им тоже полагался паек. И вот когда открыли двери, эта мужская толпа дружно ринулась к прилавку, сметая все на своем пути, в том числе и женщин, своей недюжинной силой и смрадом потовых выделений. В результате, женщины очутились в самом конце очереди, сумев получить паек из того, что осталось, только к часу ночи.

Оказавшись снова в «Интуристе», Лиза нашла отношение своих бывших коллег к себе нейтрально-враждебным. Когда она подходила к ним, они замолкали, в ее

присутствии в комнате откровенных разговоров не заводили. Лиза не обижалась, понимала, что они осторожничают. Кто знает, почему она ушла из органов и с чем опять вернулась в «Интурист»? Такого еще не случалось - те, кого вербовали на работу в КГБ, никогда не возвращались обратно. А вот эта вернулась и надо держать с ней ухо остро. Лиза не обращала на них внимания, с головой уйдя в работу, только теперь ее уже интересовали не города, которые были все теми же городами, а люди. Среди них она хотела найти того, кто изменил бы ее жизнь.

В марте 1988-го, года Лизу впервые послали за границу. Пришла разрядка – несколько переводчиков из Киева могли поехать в заграничные командировки и, наконец, кто-то вписал в этот список ее имя. Предстояла поездка в Египет и аж на целых два срока! Лиза стала готовиться загодя – записывать в толстую тетрадь древнюю историю Египта, имена фараонов, названия политических партий, состояние советско-египетских отношений и все, что нужно знать переводчику, который сопровождает группу туристов в АРЕ. Выезжать в Москву надо было за целую неделю для того, чтобы пройти собеседование в методическом кабинете Главного Управления по Иностранному туризму, получить визы на всю группу и банковские чеки.

В марте в Москве обычно слякотно и холодно. После ночи, проведенной в поезде, Лиза, не выспавшаяся и озябшая, взяла такси и поехала искать свою гостиницу, находившуюся в отдаленной новостройке. Расстояния в Москве огромные, не то, что в Киеве, и когда водитель остановил машину у двух высоченных башен гостиницы «Севастополь», ей пришлось расстаться с кругленькой суммой денег. Это когда она сопровождала группы англичан или американцев, их расселяли в самых фешенебельных гостиницах в самом центре, а когда ты сам по себе, приходилось жить у черта на куличках и делить один санузел с абсолютно незнакомыми людьми, которых тебе подсадили в номер. Тут же у гостиницы, Лиза купила в лотке два килограмма яблок, у нее были с собой пирожки, испеченные Анной на дорогу, и этот нехитрый провиант надо будет растянуть на целую неделю до самого отъезда. Оставив чемодан в номере, она поспешила в «Интурист», представиться и узнать, что делать дальше. Каждый день ей нужно было являться или в методический кабинет для занятий и собеседований, или к референту для получения практических или, скорее, прикладных знаний о стране и туристах. С методистами все обстояло просто: пользуясь советом своих коллег, не раз побывавших в загранках, Лиза захватила с собой «Киевский торт» к чаю и эти милые женщины, вечно уставшие москвички, которым надоело слушать одно и то же, решили не мучить ее бессмысленными вопросами. Референтом оказался молодой парень, эдакий продвинутый, всезнающий москвич с московским говорком, расслабленный и в, то же время, с юмором.

- Вы впервые выезжаете? – весело спросил он, приятно растягивая гласные в словах. – Ну, так вот, самое главное. Ваши туристы будут торговать сигаретами, утюгами и фотоаппаратами. Не препятствуйте им. Конечно, не надо допускать, чтобы эта торговля принимала назойливый характер и была в ущерб экскурсионной программе, но в принципе мы не против, пусть заработают пару дополнительных копеек, купят себе магнитофон.

Расположив Лизу к себе без видимых усилий, он изменил ее настроение, сделав его веселым и легким. Все-таки Москва не Киев, тут все гораздо проще, больше свободы, демократичности в отношениях, где открыто говорят о таких вещах, о которых в Киеве даже не заикнулись бы.

- Они также будут вольно себя вести, особенно на отдыхе. Развратничать, так сказать. Это может вас шокировать. Но не обращайтесь внимания. Вы должны понять их. С мужьями и женами выезжать им не разрешается, чтобы не остались. А когда знойными ночами рядом море плещется, а огромная луна спать не дает, кровь, как это часто бывает, бурлит. Закрывайте глаза, но сами ни-ни. Вы – наш представитель, высокоморальный и все такое... – он засмеялся.

Группа Лизе попала из из Костромы, в основном доярки и механизаторы. За два дня до отъезда она познакомилась с руководителем группы – толстым и недалеким работником обкома – Павлом Михайловичем Кучером. Он возглавлял руководство группы, которое обычно формировалось из трех человек: руководителя группы, совершенно постороннего человека, незнакомого с людьми, кагэбэшным соглядатаем, эдаким серым кардиналом, тоже человеком со стороны, и профсоюзного лидера, которым была, как правило, женщина. Профсоюзная дама работала на том же предприятии и, хотя бы внешне, знала большинство туристов. Это троица следила за порядком в группе, разговорами, настроениями и за тем, чтобы, не дай бог, кто-то не пожелал остаться. Они считали чужие деньги и не спускали глаз с переводчицы, которая могла есть, спать, переводить и делать покупки только под их бдительным и недремлющим оком. Иногда профсоюзная дама в тройке отсутствовала, но Лизе достался весь комплект.

В самолете Павел Михайлович со своим огромным животом и более приземистый, но такой же плотный Николай Андреевич Филь из КГБ, заняли кресла по обеим сторонам от Лизы. Рейс был ночной, полет длился около четырех часов, но ей никак не удавалось удобно устроиться и подремать. Кое-как проглотив свой ужин, она вынуждена была сидеть прямо, как манекен, потому что подлокотники были заняты ручищами рядом сидевших, в кресло нельзя было откинуть из-за того, что позади пировали. С ее правой стороны возвышалась громада Павла Михайловича, с левой – Николая Андреевича. Оба часто и шумно дышали, решив не отлучаться ни на минуту, даже в туалет. По прошествии одного часа и нескольких приложений к бутылке водки, которая ходила по кругу среди туристов, Павел Михайлович решил поведать Лизе свою историю.

- Я только вернулся из Афганистана, - горячо дыша перегаром Лизе в лицо, заговорщицки зашептал он. – Ты не думай, я ведь не просто так, партийная шестерка. Отслужил свое, повидал всякого. А теперь вот назначили в обкоме работать. Жена у меня. Теперь за границу послали.

Лиза молчала, она ничего не хотела знать про его жизнь и не собиралась ничего рассказывать ему про свою. Она хотела спать, хотела избавиться от этих двух малохольных остолопов, которые даже не подозревали, что старались предложить ей игру, которую она знала наизусть. Что бы с ними было, признайся она, что имеет чин лейтенанта КГБ в запасе? Но ни в чем признаваться она не собиралась. Ей очень хотелось закрыть глаза и помечтать о незнакомой земле, столь желанной после московской мартовской слякоти. Силясь представить жару, пирамиды, верблюдов и минареты, она чуть-чуть волновалась, ни на секунду не подозревая о том, что готовит для нее эта древняя, оваянная сказками, страна.

- А ты, видно неплохая девочка, - не унимался Павел Михайлович, - вот подружимся с тобой, наладим отношения, так сказать, и кто знает, может, и на будущее друзьями останемся. Я ведь часто в Киев езжу, туда от Костромы, всего ничего, рукой подать.

Уже понимая, к чему он клонит, Лиза продолжала упорно молчать. Она заметила, что толстая и шумная профсоюзная дама бросает, со своего сидения, томные взгляды в сторону руководителя группы. Предложить ей поменяться местами?

- Я не просто так, ты не думай, - все больше распалялся Павел Михайлович, - я ведь кое-что вывез из Афганистана. - Он икнул и покосился на Николая Андреевича. - Полный целлофановый пакет бирюзы, да такой бирюзы, что тебе и не снилась. Отличного качества! Да-с.

Война, справедливая или нет, но там, на чужбине, погибали наши парни, взрываясь на дорогах, горя в вертолетах и умирая от ран и инфекций в походных госпиталях. А этот жирный, потный боров, что он делал на этой войне? Бирюзу у местных жителей скупал? Жаль, что какой-нибудь моджахед не подстрелил ему задницу, уж наверняка не промахнулся бы.

- Я не люблю бирюзы, Павел Михайлович, - с издевкой сказала Лиза, - мой камень бриллиант.

Кучер посмотрел на свою переводчицу удивленно, потом прищурил глаза и покачал головой – видно до него дошло. Николай Андреевич Филь со своего места противно хихикнул.

Глава 25.

Женщина, желавшая любить.

Самолет, наконец, совершил посадку. В Каире было раннее утро. Пограничники долго проверяли их групповой паспорт и таможенные декларации. Потом представители арабской туристической фирмы проводили их в автобус и повезли в гостиницу. Лиза чувствовала себя немного одуревшей после бессонной ночи и на дорогу особенно не обращала внимания. Разместив всех, она поднялась в свой номер. Это был пошарпанный люкс, состоявший из двух комнат – в первой помещалась небольшая гостиная, во второй – ее спальня. Посередине спальни возвышалась кровать с балдахином, а из окна был виден минарет. Через минуту ей позвонили и сказали, что внизу ждет машина, пора ехать в банк. Спускаясь по скользким мраморным ступенькам, Лиза поскользнулась и упала, набив огромный синяк на коленке. В машине были другие переводчицы, их собрали со всех гостиниц, где жили советские туристы, всем предстояло обналичить чеки Внешторгбанка, выданные им в Москве.

Сидя на скамеечке в банке, она очень волновалась. Была середина дня, объявили, что банк вот-вот закроется. Лиза держала в подрагивающей руке чеки и думала о том, что она, как назло, последняя в очереди и, если не удастся обменять чеки до закрытия, надо будет приезжать завтра. В этом не было ничего страшного, но ее туристы ей этого не простят. Они и так подозревают, что она впервые за границей, а за такой прокол и вовсе разорвут ее на части. Привыкнув четко работать с иностранцами у себя на родине, Лиза хотела, чтобы у нее и ее подопечных и здесь все было без сучка и задоринки. Изредка, напряженно следя за тем, как движется

очередь, она натягивала юбку на расшибленное колено, стараясь прикрыть яркo-лиловый синяк.

Он наблюдал за ней, стоя за стеклянной перегородкой, разделяющей зал и рабочие места банковских служащих. Потом он наклонился и тихо заговорил с одной из операционисток. Она согласно кивнула головой. Он вышел из-за стойки и подошел к Лизе.

- Я вижу, вы волнуетесь, - на прекрасном английском сказал он. - Пойдемте со мной, я договорился, вам помогут обменять чеки.

Лиза подняла глаза и увидела молодого мужчину среднего роста, смотревшего на нее и обращавшегося к ней. Темные, мягкие, прямые волосы падали на его высокий лоб, большие карие глаза мягко и доброжелательно смотрели из-под очков, короткий нос, усики, красиво очерченный полный рот. Он был похож на Омара Шарифа, в роли доктора Живаго, но его красота была менее броской. Он был чуть-чуть полноват, что совсем не портило его; его полнота была восточной, округлой, мягкой. Все в нем располагало, ему хотелось верить. Он протянул ей свою визитную карточку: его звали Фахри аль Фахми, он был заведующим отделом в банке. Лиза поднялась и последовала за ним через весь зал.

«4.09.1988.

Я дала себе обещание до двадцать пятого сентября ничего не писать. Но не удержалась. Не думаю, чтобы это было плохой приметой. Стала верить в приметы. Кто-то сказал, что только несчастливые и неуверенные люди верят в приметы. Несчастлива ли я? Душа моя рыдает и мечется, но я продолжаю надеяться. На что, Господи? А душа есть. Помню, вскоре после возвращения, я подумала: «Я должна забыть его», и вдруг неожиданно и сильно моя душа завопила: «Нет!». Я даже испугалась. Она есть, живет внутри меня, как зверек, и страдает вместе со мной. Бедная!

Дни проходят уныло. Тоска сменяется робкими проблесками надежды. Я готовлюсь к ожиданию. Не хочу каркать зря, но может закончиться и этот Дневник, и еще один, прежде, чем мы будем вместе.

Нет обещанного письма, я уже и не жду. Двадцать пятого сентября он обещал позвонить. Этот звонок так важен потому, что, возможно, определит наше будущее. Фахри (теперь он будет просто Ф.), должен был поговорить с родителями, после чего именно 25-го, в день своего рождения, он обещал позвонить и сообщить мне дату нашей помолвки. Можно ли так изводить себя ожиданием? С тех пор, как я вернулась, я ждала его писем, потом его самого, а теперь вот жду этого судьбоносного телефонного звонка. Пытка ожиданием длится уже несколько месяцев. Это немного? Но ведь месяцы слагаются из дней и часов. Кроме того, ожидание почти всегда бессмысленно, потому что таит в себе неизвестность. Ждать заставляют другие люди и обстоятельства.

Наступила осень. В доме чисто, тепло и тихо. Делаются обычные домашние дела. Но все мимо, все только руками. Так я живу уже довольно давно, ни в чем не участвуя, ничего не воспринимаю. Так я работаю, говорю, смеюсь, все время всматриваясь в лица прохожих, разыскивая в толпе его лицо.

Идет дождь. Нет нужды вынимать и перечитывать всего два письма и две открытки от Ф. Я знаю их наизусть. Но все равно, когда я читаю первые строки его самого первого письма: «Душа моя, жизнь моя, свет моих очей...», мне хочется

плакать, снова читать их, снова плакать и жалеть, что проходят дни, недели и месяцы, а мы вынуждены быть в разлуке. Почему, кто так решил, кто распорядился нашими судьбами? Мы и так поздно встретились. Ах, я слишком нетерпелива!

И, тем не менее, я решила подождать до зимы. Почему не начать действовать прямо сейчас? Потому что слишком мало причин для решительных шагов. Моя сумасшедшая влюбленность – не повод для того, чтобы все разрушить, а потом начать строить. Разрушить можно, а вот сторить пока не из чего.

Сколько раз в моей голове рисовалась картина нашего совместного счастья. Ведь я никому и рассказать-то о нем не могу! Сотни, нет, тысячи раз я представляла зиму, он снова будет ждать меня у входа в Ботанический сад, совсем рядом с моим домом. Завьюжит, наметет много снега, я выйду из трамвая и побегу ему навстречу, кутаясь в меха, совсем как Лара из «Доктора Живаго». Уже никого не стесняюсь, не таясь, обниму и поцелую его. Потом заснеженный перрон Киевского вокзала, поезд и мы уезжаем. Потом Москва, самолет и неужели уже все позади? Я кладу ему голову на плечо и засыпаю. Только прошу разбудить, когда стюардесса начнет разносить напитки – хочу выпить чуть-чуть коньяка за окончание нашей битвы. Мы победили, теперь мы вместе. Я люблю его.

А пока, надо чем-то заняться. Английским с Игнатом, например. Но только после двадцать пятого. Что-то тревожно у меня на душе. Как прошло третье число? Он разговаривал с тата. Доучить, наконец, греческий. Зачем он мне нужен? А ведь скоро отпуск кончится. Работа... Работу свою я разлюбила. Раньше она была моей, она была мной. Люди, разговоры, деятельность, движение, восхищение, удовлетворение, разнообразие. Я не люблю делать работу однообразную. Мне, например, иногда надоедает готовить, прямо тошнит от одной мысли о бульонах. Но кухню свою я люблю. Она была выдумана и создана мною. Мне в ней уютно. И, тем не менее, я собираюсь ее бросить. Бросить все, что создано мной. Мне будет жалко, будет щемить душу, ведь всему, что меня сейчас окружает, отдано двенадцать лет моей жизни. Что ж, буду создавать все сизнова.

Мне было спокойно последние годы. Быт был налажен. Работа. Муж. Ребенок. Уже готово было наступить советское благополучие с вазочками на серванте. Я любила каждое утро входить в свою теплую и уютную кухню, разогревать для мужа и сына завтрак, для собаки молоко, наливать себе чашку кофе, включать телевизор и завтракать. Потом собираться на работу. У меня не очень разнообразный гардероб, всегда не хватало денег на покупку одежды, да и достать что-то приличное было негде, но я продумывала с вечера, что одену на следующее утро, поэтому на работу я никогда не опаздывала. Только один раз, когда порвались обе туфли одновременно, пришлось возвращаться домой босиком. Так проходила моя жизнь: в думках об очередной стряпне, об одежде для себя и для своих мужчин, о том, что надо было бы купить в дом и как многого еще не хватает. Летом я варила варенье в медном тазу, осенью солила капусту. Я думала о работе, меня захватывали политические дискуссии, в уме я искала удачные ответы на каверзные вопросы туристов. Часто, в обход нашего идеологического отдела, находила их. Много читала. Спорила с друзьями, реже с мужем. Это все было для меня серьезно и важно, это была моя жизнь.

И вдруг все оборвалось. Меня изъяли из привычной жизни и вытолкали на сцену – огни рампы слепят глаза, я едва различаю тех, кто сидит в зрительном зале. Я живу-играю на сцене одна и ожидаю конца этого ненастоящего действия. Кончится оно не скоро, я только вышла из-за кулис. Когда же, наконец, погаснут огни и я

снова смогу сойти вниз, к людям, чтобы, как и прежде, стать одной из них, смеяться, разговаривать, жить, есть, любить, заботиться, рожать, болеть, не унывать, путешествовать, работать, уставать, развлекаться, и, в конечном итоге, умереть?

Зачем мне Алексей принес книгу о Париже? Надо сказать, пусть отнесет.

Все еще идет дождь. Не знаю, как смогу прожить осень и зиму, до января...».

«7.09.88.

Сегодня в ванной я увидела паучка с длинными лапками, это из тех, что приносят письма. Еще в Измаиле, помню, бабуля говорила: «Вот паучок, не трогай его, будет письмо».

Я знаю, что письма не будет в ближайшие дни».

8.09.88.

«Я вся чешусь и покрываюсь прыщами. Можно было бы слукавить, написав, что это на нервной почве, но я объелась помидорами. Вот уж поистине, даже в самые драматические моменты нашей жизни, мы продолжаем есть, пить, существовать, как ни в чем не бывало. У меня сегодня ироническое настроение. Сгорать от любви, доходить до полного отчаяния и душевного изнеможения из-за того, что нет письма и объесться помидорами. Браво!

Выгладила целую стопку белья, стало легче. В конце концов, жизнь не кончается. Правда, когда я гладила очередную наволочку, мне казалось, что я одену ее на его подушку, но...

Утро началось как всегда, с чашки кофе. Потом все было отвратительно. На душе было тяжело и скреблось много кошек. Дома никого, кроме Алексея, не было. Пришлось сказать ему.

- Алексей, мне очень тяжело.

- Чем я могу тебе помочь? – он играет в благородство.

- Поговори со мной.

- Я слушаю.

Ну что ж, я пожаловалась ему, что больше не могу ждать, теряться в догадках, находиться в неопределенном положении, что все это угнетает меня. Еще немного и я выпалила бы фразу: «Я люблю его». Слава Богу, сдержалась.

- Я нахожусь в парадоксальной ситуации, - наконец-то сказал Алексей то, чего я так долго от него ждала, - не знаю, подходит ли сюда это слово, но черт с ним.

Решай свои дела сама!

Да, он прав. Ситуация странная. Повторяя это трудное для него слово, можно сказать, парадоксальная. Тут замешан мужчина, иностранец (у моего мужа врожденная боязнь всего иностранного – и слов, и людей), а я ищу понимания и облегчения у своего супруга. Пришлось сказать:

- Ты умница. Я сама не знаю, зачем влезла во все это.

Настроение у нас улучшилось.

Я порисую немного.

Придумала, как отомстить Ф. Сегодня ночью займусь любовью со своим мужем – по-настоящему, страстно, без слез. В конце концов, мне это нужно. Следующий раз будет вовремя присылать письма. После этого хочется задать себе вопрос: «Все ли женщины шлюхи?» Думаю, не все, но большинство. Даже самые порядочные. Такие,

как я. Утешимся тем, что сказал Бальзак: «Самые добродетельные женщины никогда не бывают вполне целомудренными».

Только что нарисовала на стене разъяренного леопарда, ошалело разгребаящего гору желтых опавших листьев, потому что под ними спряталась черепаха. Она совершенно спокойна».

«9.09.88.

Да, я отомстила, правда не знаю, кому. Скорей всего, себе. Все получилось на редкость чудесно. Бутылка шампанского сделала свое дело. А если закрыть глаза, то представить можно вообще кого угодно, главное, не произносить никаких имен.

Я не люблю обманывать, но, увы, иногда приходится. Хочу оправдать свой поступок: я не знаю, что ждет меня в будущем, материализуется ли моя любовь, и со свойственным мне практицизмом, я приноравливаюсь к жизни, которая существует вокруг меня ежечасно и ежедневно.

Вот и сегодня. Утро было солнечным и ветреным. Завтракали мы поздно, в одиннадцать. У Алексея последний день отпуска, через две недели закончится и мой. Он очень любит одну песню слепого негра, « I never thought you leave me in summer», и каждое утро ставит пластинку с этой песней. Когда я с недопитой чашкой кофе прихожу уже который день **в гостинную**, звучит одна и та же мелодия. Прощальная, протяжная. Интересно, почему Алексею нравится эта песня? Ведь слов он все равно не понимает. Что он чувствует, слушая Уандера? Спрашивать я не решаюсь.

После возвращения из Египта, я больше месяца тяжело болела. Во время болезни я, бывало, часто звала Алексея посидеть со мной. Мама мне тогда сказала: «Ты и тут, и там успеваешь». Да, я веду себя с Алексеем почти как прежде, ведь почти ничего не изменилось. Я просто сильно влюблена в другого. Но это не означает, что я каждый день должна биться в истерику при виде своего мужа. К тому же, приходится сознаться, что я все еще люблю Алексея. Или это двенадцатилетняя привязанность, которую уже нельзя отличить от любви? Он сидел сегодня за столом, я смотрела на него и думала, можно ли любить двоих мужчин одновременно? Такие случаи бывали. Но, все-таки, это не мой случай. Иногда мне хорошо и спокойно с Алексеем, но разве можно забыть, как тоскливо прошли все годы нашего супружества, как однообразно тянулись дни, как равнодушен он был к Игнату! А что может отвратить женщину от мужа больше, чем его невнимание к их общему ребенку? У него никогда не появлялось потребности поговорить с Игнатом. Мне нравится слово «пообщаться». Сесть рядом и установить общение, некое взаимопонимание, которое может быть даже молчаливым, но взаимным. Таких моментов было со дня рождения Игната всего два или три. Они врезались мне в память на всю жизнь. Однажды мы были на юге, в Николаевке и, сидя поздно вечером на балконе, все втроем пили чай. Алексей рассказывал Игнату о созвездиях. Это было так хорошо! Я до сих пор помню эти вечера ощущениями. Другой раз Игнат тяжело болел гриппом с высокой температурой и, во время облегчений, когда он мог слушать, Алексей рассказывал ему о динозаврах. Вот и все. Третьего случая я не помню.

Алексей безразличен и к дальнейшей судьбе нашего сына. Это уже не обвинение, я говорю об этом спокойно. Этот факт больше не вызывает ни раздражения, ни обиды. Мне не хочется просить его в двадцатый раз заняться с

сыном спортом, помочь сделать задание по математике или вымыть ему спину. Все это у моего мужа вызывает неприязнь, граничащую с брезгливостью. Зато он любит покупать Игнату подарки. Это у него хорошо получается. Подарки всегда неожиданные и нравятся всем.

Но это тоже не его заслуга. Хотя, если речь зашла о подарках...

На первое 8-е Марта, которое мы праздновали вместе, он подарил мне дешевые вонючие духи их соседнего Универмага. Я была разочарована. Сказала ему, что мне не нравится его подарок. Стоило промолчать? Но я решила учить Алексея выбирать подарки, цветы, делать сюрпризы. Это – неблагодарный труд, он обернулся против меня. Теперь, когда он приносит букеты из карликовых роз, настурций или турецких гвоздик, всякие изящные вещички, мне не интересно. Ведь за этим стоит двенадцать лет обучения. От него пахнет одеколоном «Beverly Hills» и я знаю, что это – я, а не он; он носит прическу, которую выдумала и уложила феном я; он носит свитер и джинсы, а когда-то ему посоветовала это я. Свитер на голое тело. Ему очень идет. Он читает один раз в год, в свой отпуск. Романы, которые рекомендую ему я.

Изо дня в день передо мной живет, двигается и отправляет свои нужды продукт моего труда и воспитания. Кушать он предпочитает только то, что готовлю я. У других все не то, все не так. Есть у него свои собственные мысли и привычки? Он молчит. Он очень надежен, по-прежнему прекрасно выглядит. Породист. Но без тайн, без неожиданностей, взлетов и падений, без приглашений к приключениям. Без фантазии и воображения.

И вот пришло время и, созданный мною продукт, мне надоел.

Как часто я мечтаю о том, чтобы проговорить с кем-нибудь часов, эдак, пять к ряду. И самое захватывающее в этом разговоре будет то, что я не буду знать заранее фразу, слово или междометие, которое мой собеседник произнесет в следующую минуту. Он будет удивлять меня своими мыслями. Мне очень нужен человек неожиданный, способный разбудить во мне интерес к себе, ко мне, к жизни.

Каков же результат? Душа моя была пуста и я влюбилась в Ф. Далеко от родины, под сенью пирамид, где на черном бархатном небе висит перевернутый месяц, а по вечерам французский оркестр играет песни Джо Дассена в гостинице «Iтар». Я не виню себя за эту любовь. Может быть, пройдут годы, я буду сидеть подле Ф. и нам нечего будет сказать друг другу. Но я буду уже стара и мне будет все равно. Тем более, что подойдет время писать мемуары.

Красные гладиолусы и георгины, которые Ф. подарил мне на второй день после своего приезда в Киев, мне очень не понравились. Не люблю красный цвет. Не люблю гладиолусов и георгин. Однако на этот раз я промолчала. Не хочется преподавать те же уроки дважды.

Мне хочется думать, что Ф. может многому научить меня: он объездил почти весь свет, а я – нет, он прекрасно говорит по-французски, а я – нет, он богат – а я нет. Часто я буду выглядеть ученицей рядом с ним, так что цветы – это мелочи. Но для меня мелочи являются основой для моих настроений, а настроения – это ощущение жизни. Я люблю детали. Жизнь для меня – мозаика. Я создаю картины моей жизни из кусочков неодинаковой величины. Порой эти кусочки так малы, что другим могут показаться едва различимыми. Одно слово, жест, взгляд могут меня отвратить. Из-за этого я часто расставалась с теми, кого любила... Я бросила парня, в которого была влюблена в выпускном классе Зыховской школы. После переезда в Киев, я ждала от него писем, потом его самого. И вот, проучившись в Бакинском военно-морском училище полгода, в разгар слякотной зимы, он вырвался на пару

дней ко мне в Киев. Я любила его, но когда увидела его в короткой нелепой шинели, почувствовала к нему жалость. Жалость, вызванная этой мелочью, убила мою любовь».

«10.09.88.

Я все удивляюсь, почему Ф. мне никогда не снится? Всегда в критические моменты моей жизни мне снятся Сны. Мне всегда снятся цветные сны, поэтому я люблю спать. Во сне я проживаю ту жизнь, которой мне недостает наяву. Сны меня никогда не разочаровывают, в них достаточно приключений, любви, неизведанных красивых мест, которые вряд ли даже существуют на Земле. Порой мне снятся плохие сны. Я расскажу эти два сна, чтобы они не сбылись.

Итак, мне приснились два безнадежных Сна.

Один я видела в Египте. Я уже знала, что люблю Ф. Мне приснилась комната. Черно-белая, плохо обставленная. Все время под ноги попадались какие-то тазы и ведра. В комнате был Алексей. На кровати лежал Игнат – он был болен. Я должна была уезжать, чемодан был собран и стоял в углу. В открытую дверь комнаты врывалась цветная картинка – веселые люди звали меня, торопили ехать. Я стояла в нерешительности, разрываясь между больным сыном в серой комнате и веселыми людьми. Между долгом и желанием. Я не думаю, чтобы Игнат в этом сне был болен всерьез, просто, таким образом, сон решил меня удержать. Я, конечно, осталась, никуда не поехала. Осталась в серой комнате. Странно, потому что, уезжая, я бы непременно забрала Игната с собой. Может быть, среди этих веселых людей был и Ф., который звал меня?

Всегда себе говорю: «Не надо спать так долго. Сны обычно снятся под утро. Вот если бы ты встала на полчаса раньше, все это тебе не приснилось бы».

Второй сон длился совсем недолго. Я надела белое подвенечное платье, а на голову – розовую шляпку-канотье, которая все время падала с моих пышных рыжих волос. Взяла цветы, белые и розовые гладиолусы, и пошла ко входу в Ботанический сад. Не знаю, зачем. Знала, что Ф. не придет, он не может прийти. Но все-таки пошла, на всякий случай. Села на скамейку и стала ждать. Просидев так несколько часов, я поняла, что пора уходить. Оставила цветы на скамейке, спрятала под мышку розовую шляпку-канотье и побрела домой. Люди останавливались и в недоумении смотрели на мое подвенечное платье. Мне было очень стыдно. И вдруг я вспомнила, что забыла ключ от дома. Теперь в таком нелепом виде мне придется сидеть во дворе, дожидаясь, когда придет с работы Алексей. Конечно, уходя из дома в подвенечном платье, кто думает возвращаться назад? Но в следующий момент я оказалась дома. Рядом был Алексей, он улыбался и делал вид, что ничего не замечает. Я все еще была в белом платье. Подошла к балконной двери. Выглянула. На балконе россыпью лежали арбузы...

Я ненавижу дни, которые одинаково начинаются и, точно так же, одинаково заканчиваются. Вчера у меня снова разболелся желудок. Вспомнила, что все болячки, даже рак – от стрессов и депрессий. И, таким образом, я, заботясь о своем здоровье, уже готова была послать все к черту. А сегодня в моей голове стучится только одна фраза: «Я сдохну, если не увижу его». И я действительно сдохну.

Сегодня вечером я рисовала Алексея. Он сидел в кресле и притворялся, что читает книгу. Игнат внимательно наблюдал за мной. У меня не получилась нижняя часть лица, пришлось пририсовать усы. Вышел какой-то чужой мужчина. Я нарисовала рисунок: «Мужчина, читающий книгу». Игнат сразу встрепнулся.

- Какой мужчина?
- Не знаю, какой-нибудь.
- А что, уже есть?
- Пока нет.
- Будет?
- У нас с тобой один мужчина, который читает книгу.
- Что же ты говоришь «пока»?
- Дурацкий вопрос, дурацкий ответ.

Весь этот диалог Игнат провел отнюдь не безразлично. Неужели он догадывается, что в моей душе поселился другой мужчина? Я очень люблю своего сына и безумно страдаю оттого, что не могу рассказать ему о своем чувстве. Мне бы так хотелось, чтобы он знал все. Мне кажется, он среагировал бы как-то очень по-своему. Страдал бы, но понял меня. Мы бы остались друзьями, а узы, соединяющие нас, стали еще крепче. Скванная своей тайной, я часто молчу. Вот и с Игнатом тоже я стала мало разговаривать. Я не могу чувствовать себя естественно, когда мне есть что скрывать. Моя замкнутость может также проистекать из длительной болезни и долгого бездействия. Мне действительно не о чем рассказать! Уже второй месяц я оторвана от внешнего мира.

Ф., милый, дорогой, почему же ты молчишь?! Как ты можешь?! Где твои обещанные письма? Ведь ты называл Игната нашим сыном. Твоими последними словами, когда мы прощались, были: «Поцелуй нашего сына!». Ты так любишь детей, я знаю, сама видела и верю, что эта любовь искренняя. Могут ли люди, любящие детей, обманывать?!

Я совсем сошла с ума. Последний пассаж граничит с унижением».

«11.09.88.

Тогда, в Каире, мы оба сразу прониклись симпатией друг к другу и не могли оторваться друг от друга, не могли наговориться. А раньше, всего день, неделю, месяц назад, мы даже не подозревали о существовании друг друга. С самого первого момента, я почувствовала себя женщиной рядом с ним. Он еще ничего не сказал, ничего не сделал, а я поняла, что принадлежу ему и только ему.

Я не могу вспомнить деталей, экскурсий, ссор с туристами. Я помню его, Ф., как он приезжал на вокзалы с охапками роз для меня, как забирал меня по вечерам из гостиницы и увозил на своей машине в самые потаенные места Каира, как водил по маленьким базарам, по узким улочкам, по мастерским, где рисовальщики трудились над папирусами, по заброшенным гробницам, по лавкам, где торговали серебром и бирюзой. Следуя за мной и моими туристами в другие города, он увозил меня на фаэтоне восхищаться ночным Луксором, а днем катал на фелюге по Нилу. Мы ужинали в самых лучших ресторанах и пили розовое вино, он нарушал запреты Рамадана, стыдился осуждающих взглядов тех, кто нас окпужал, но не каялся, потому что был все равно уже пьян от своей ошалелой влюбленности.

Я помню нашу близость урывками. Но сначала я вышла на тот балкон в Асуане. После долгого дня в автобусе, проехав по пустыне почти полстраны, вечером в

гостинице, я привела себя в порядок: приняла душ и вымыла волосы. Надела сарафан с красными розами по черному полю, на плечи набросила маленькую кофточку, а в уши вдела красные серьги в форме веера. Я помню этот балкон с оградой из кованого железа, он нависал над дорогой, по которой гуляла шумная, многоголосая толпа туристов, а в нескольких метрах, по другую сторону дороги, плескался Нил и скрипели уключинами привязанные на ночь к невысоким колышкам, фелюги. Небо было глубоким, бескрайним, сотканным из лилового бархата, забранным золотым шитьем из звезд, на котором выделялись перевернутый месяц и одинокая звезда под ним. Я села в кресло и не думала, не вспоминала, а просто чувствовала, раскрываясь навстречу жизни как цветок лотоса. В вырезе сарафана я ощущала трепет своих грудей. Тепло того вечера проникало под кожу, просачиваясь в самую глубь моего естества, разливаясь где-то внутри, в душе, пробуждая там незнакомую мне доселе женщину. Эта другая женщина была томно расслаблена, улыбочива и, в то же время, плаксива. Перехватывало дыхание, с губ готов был сорваться не то всхлип, не то крик, похожий на вой – протяжный и освобождающий. Во мне поднимались неведомые ощущения. Я схватилась руками за кованую ограду, только чтобы совладать с собой, и это прикосновение к теплomu железу запомнилось на всю жизнь. Вдруг мне захотелось идти куда-то, бежать, смешаться с толпой, мне нужно было, чтобы меня видели, любовались моим внезапным преображением, чтобы вдыхали мой запах – волнующий и терпкий. Точно так же, как в дни моего отрочества, благотворная мощь Камчатской природы и разлитые в воздухе гормоны любви превратили девочку в девушку, так здесь, в древнем Египте, мужчина, который еще не дотронулся до меня, и некое отравляющее волшебство, сочащееся из древних усыпальниц царей, волнующая гладь Нила и южное небо, усыпанное звездами, пробудили во мне женщину, уверенную в том, что она вольна, наконец, любить так сильно и так страстно, как только ей захочется. Любовь – это единственная подлинная радость. Я знала это всегда, с самого рождения, но забыла об этом.

На том балконе меня обуял восторг также и оттого, что я воочию удостоверилась в существовании другого мира. Я освободилась от понятия вечной усталости и приниженности, поняв, что любовь требует праздности, достатка, красоты, расслабленной лени. Нельзя любить, постоянно готовя супы и стоя в очереди в овощных магазинах за гнилой картошкой. Нельзя любить, радуясь, что, наконец-то, приобрела люстру с пластмассовыми висюльками в гостиную. Нельзя любить, закладывая последнее кольцо, чтобы купить обувь сыну. Бедность. Все это называется бедность. Конечно, можно приходить в умильный восторг от коротеньких рассказов О'Генри, где он повествует о том, как она отрезала свои волосы, чтобы купить ему кисет, а он продал свою трубку, чтобы подарить ей гребень для волос. Я тоже так делала. Целых двенадцать лет, но больше мне не хочется. Мне очень понравилась обеспеченная жизнь, розовое вино, сладкие и сочные фрукты круглый год, идея о том, что будет работать мой муж и приносить достаточно денег, чтобы я его любила, беременела от него, рожала и воспитывала его детей. Ведь есть что-то потрясающе счастливое в том, чтобы забеременеть от любимого мужчины. Моя проснувшаяся чувственность соединилась с социальным исходом туда, назад, в дореволюционные времена, когда женщина еще не была насильственно эмансипирована, но обеспечена, красива и свободна. Я, вкусившая недоразвитого социализма, простодушно потянулась к роскоши и была готова без сопротивления отдать себя в рабство любви и богатства!

В Луксоре Ф. впервые пришел ко мне в номер. Он усадил меня на кровать, а потом мягко уложил на подушки. Лег рядом, стал целовать, его руки скользнули под мою блузку. Я благодарю Бога, что он вылепил мои груди именно такими, сделав их округлыми, тяжелыми и упругими. Моя молодая кожа удерживала их без помощи каких-либо предметов дамского туалета. Вот и тогда, было жарко и я надела блузку на голое тело. Его смуглые пальцы впервые, легко и трепетно, коснулись белой шелковистой кожи моей груди. Мои груди вздыбились, так долго, так тщетно они ждали такого прикосновения и, наконец, кто-то понял, как это приятно, как трогательно для женщины мужская заинтересованность в том, что ей по вкусу наедине с ним. Ф. улыбался, ласкал мои груди, целовал меня нежно и в то же время настойчиво, доставляя мне неизъяснимое удовольствие, и больше ничего. Я изнемогала от желания, но не хотела большего. Мы разговаривали, ведь слушать вязь его английских слов с мягким арабским акцентом, было не менее приятно, чем ощущать прикосновения его ласковых пальцев. Мне тогда казалось, что от этого двойного наслаждения – чувственного и словесного – вполне можно было умереть.

В дверь постучали, Ф. пришлось спрятаться. Одна из туристок перегрелась на солнце и вдруг решила, что ей надо измерить температуру. На самом деле, они следили за каждым моим шагом, делали это из ревности, зависти и неудовлетворенности. В группе было двадцать пять женщин и пять мужчин, включая руководителя группы и кагэбэшника. Остальные трое были молодые парни – механизаторы, которые оказались не в состоянии удовлетворить проснувшуюся на юге похотливость двадцати пяти дюрок. Заметив рядом со мной Ф. эти непокрытые скотницы метались в горячке по ночам, представляя себя на моем месте, а, представив, как это должно быть хорошо, бесились от тщетных попыток прервать наш роман. Я, конечно, предвидела развязку: приголубленный профсоюзной дамой, но обиженный мною Павел Михайлович, непременно упомянет о моем романе в своем отчете и меня, скорей всего, по возвращении домой, выгонят с работы.

В тот город, куда следовала моя группа, Ф. всегда приезжал первым, поэтому в моем номере меня всегда ждали небольшие изящные вещицы и букеты роз. Однажды мы прибыли на Асуанский вокзал рано утром. И вдруг, среди встречающих, я увидела его. Совсем не ожидая увидеть его, я переполнилась радостью и хотела выбежать из вагона и обнять его, шепнув ему на ухо, как я рада этой неожиданной встрече. Но, находясь под бдительным наблюдением своих туристов, я не посмела. Задушив в себе этот естественный и счастливый порыв, я смотрела на его дорогие черты сквозь толстое вагонное стекло и тихо плакала. А, выйдя из вагона, прошла мимо него, как будто мы никогда раньше не встречались и его чуткие, щепетильные, чувственные пальцы не ласкали мою грудь.

В тот вечер в Асуане, он пробрался ко мне в номер и уже не ушел. Мы любили друг друга всю ночь. Он был бесконечно нежен, ласково обвивая свое смуглое тело вокруг моего, словно оно было струйкой дыма, курящегося из волшебной лампы Алладина. Он был также невесом, почти нереален, а чувства, пробуждаемые им, слишком сильны для земных ощущений. За одну ту ночь я прожила тысячу ночей, но мне все равно не хватило еще одной. Я дремала на его груди, а он, не отрываясь, смотрел на меня. Мне тоже хотелось смотреть на него, не уступая сну ни одной секунды, но что-то убаюкивало меня против воли, я снова закрывала глаза, блаженно ощущая его беглые поцелуи на своих длинных ресницах. Я хотела спрятаться, обмануть наше неминуемое расставание. Предчувствуя его, я была безутешна в своем наслаждении. Расставание, как яд, отравляло самые приятные

минуты нашей близости, безвозвратно делая их частицей прошлого и только прошлого. Та ночь, увы, была такой же ночью, как миллион других – ее сменил рассвет. Я принимала душ в ванной, залитой солнечным светом (почему в советских домах делают ванны без окон?). Ф. выскользнул из номера и вернулся с подносом, уставленным тарелочками с маслом, джемами и горячими булочками. Впервые мы завтракали вместе. Мы жадно глотали наш завтрак, запивая его большими глотками кофе, беспричинно и счастливо смеясь. У меня были опухшие веки и губы. Я была безмерно счастлива и красива. Я любовалась сама собой в зеркалах и витринах, жалея о том, что в то утро мной не мог любоваться весь мир. В тот день мальчик на улице подарил мне скарабея из бирюзы.

Больше у нас не было возможности быть вместе. Ф. должен был возвращаться на работу, а я – возвращаться восвояси. Перед самым вылетом он подарил мне огромный букет пушистых, пряно пахнущих каирских розовых гвоздик. Я довезла этот букет через Москву до дома и потом, еще целую неделю, любовалась им, вспоминая нашу ночь, тепло поеживалась, окутанная тайной, и мне все еще было хорошо. Я вывалила все свои летние вещи, которые носила в Египте, в ванну и вдруг они запахла далекой страной, близостью с любимым, восхитительным запахом счастья. Я смотрела на свои юбки, брюки и кофточки, которые постепенно покрывались водой, льющейся из крана, и мне было жаль, очень жаль, что я снова очутилась в этой ванной с облезлыми обоями.

«Какая банальная история!», скажете вы. Но для меня в ней нет ничего банального. Я встретила Ф. и полюбила его. И тогда, в ванной, я решила не прятать и не скрывать своей любви. Она была благороднее и чище, чем мой скучный, мертвый брак, от которого я хотела избавиться как от старой, опостылевшей кожи. Впрочем, избавление от брака было только половиной моих желаний. Второй половиной была тогда уже осознанная необходимость уехать. В моей голове оформилась картинка семейной жизни, которую мне бы хотелось прожить. Я знала, как должен жить Игнат, когда вырастет. В моей стране это было невозможно».

Глава 26.

Круги ада.

«13.09.88.

Вчера ночью меня угораздило прочитать одну заметку в газете – о женщине, которая была лишена советского гражданства.

Я не могла заснуть всю ночь. И думала я не столько о своем чувстве, сколько обо всем побочном и сопутствующем моему чувству. Подобные заметки меня всегда панически пугали. Меня воспитали надежно и щепетильно, кроме того, мои убеждения сформировались в годы застоя. Будучи свободолобивым человеком по своей природе, я старалась не соприкасаться с системой, но меня, все же, можно напугать. Решившись на брак с Ф., мне предстоит перейти Рубикон. Почти всегда брак с иностранцем или иностранкой приравнивался у нас к измене Родине. Даже знаменитый пианист Ван Клайберн не мог жениться на той девушке-переводчице, которую полюбил во время своих гастролей в СССР.

Вот и сейчас, решив все для себя окончательно, я выйду из общей шеренги нашего монолитного общества и встану в стороне парией. Готова ли я к этому? Мне придется уйти с работы, причем заблаговременно, чтобы во время регистрации брака уже не иметь ничего общего с «Интуристом». Другими словами, чтобы не бросить тень на организацию, где я проработала столько лет. И, тем не менее, не трудно представить лица моих коллег в тот момент, когда они узнают новость о моем замужестве. Осуждение будет тотальным.

Задавая себе вопрос: «Неужели мне не все равно? Пусть хоть умрут от праведного негодования», - я могу ответить, что мне не все равно. Это – первый круг.

Затем – родственники. Заваривая всю эту кашу, я рассчитываю только на пятерых: маму, бабушку, Игната, Марго и Алексея, как это ни странно. Все остальные... Если бы родителям мужа вложить в момент истины автомат в руки, они бы меня не пожалели. Особенно постаралась бы его сестра. А ведь я собираюсь прийти и рассказать им обо всем сама. Глядя в глаза. Зачем? Они и так не жалуют меня, потому что все двенадцать лет не могли подступиться ко мне. Я была идеальной женой для их сына и прекрасной матерью для их внука. Сейчас написала «их» внука. Игнат никогда не был их внуком, он был только моим сыном. Свекор признался однажды: «Любимый внук у меня тот, кого я каждый день перед глазами вижу». Он имел в виду своего второго внука, от своей дебелий дочери. Не знаю, может быть, он и прав. Но я все равно не принимаю такого равнодушия к своему первенцу. Неважно, я и они всегда оставались чужими людьми. Они хотели сломить во мне мою гордость, чувство собственного достоинства, мою отчужденность, я этому сопротивлялась. Они хотели, чтобы я возилась на их грязной даче и варила супы из кур с блохами. А вечером садилась бы с ними за стол, накрытый засаленной клеенкой, и хорошенько поддавала бы пивка или чего покрепче под этот супец из кур. Вместо этого, я часто уезжала, а когда возвращалась, дышала заморскими духами и туманами дальних стран. Наше противостояние длилось целых двенадцать лет и, заметьте, ни одного скандала!

Итак, изоляция расширяется и углубляется. Я остаюсь одна. Начинается сбор документов и хождение по инстанциям и в ОВиР. Последний для меня ассоциируется с местом предварительного заключения. Ты виноват в том, что захотел покинуть свою Родину, не причиняя ей вреда, и другие, незнакомые тебе люди, решают твою судьбу, делая тебя, таким образом, несвободным. В коридорах и приемных этого учреждения густая миазма из страха и страданий выезжающих не дает тебе возможность дышать. Успокаивая себя, я люблю повторять фразу: «Я живу в Советском Союзе в эпоху гласности». Это – правда, хотя впервые эта фраза была произнесена человеком с большим юмором.

Сама я отношусь к людям, которые покидают пределы нашей страны, уезжая в политическую эмиграцию, двояко: среди них всяких-разных полно. Для одних – это действительно убеждения. Их я уважаю. Для других – яркие ярлыки, игрушки-побрякушки. Для третьих – ненависть, они уезжают, чтобы стать врагами. Что общего у меня с этими людьми? Я еду не в эмиграцию. Я еду к любимому человеку. Ведь, казалось бы, это так просто. Ты волен любить, кого хочешь, и выбирать место жительства там, где пожелаешь. Правда, в знаменитом советском мюзикле «Цирк», свобода выбора партнера декларировалась, а вот место жительства подразумевалось только одно – СССР. Сейчас, по прошествии сорока лет, мир все еще расколот, все остается сложным, невозможным и политически окрашенным.

Единственное, чего я боюсь, это – обмана. Я готова сделать для Ф. многое, готова пройти все эти круги ада. Но вдруг, за всем этим кроется обман?! Временами я думаю, что стоит положиться на свою интуицию. А иногда мне кажется, что обман вполне вероятен. И тогда на мою голову выливается ушат ледяной воды, а сомнения, как крысы, наваливаются озверевшей стаей на мою душу и изгрызают ее в клочья. Потом я успокаиваюсь, начиная знакомый круг сызнова: надежда, отчаяние, надежда, отчаяние... И так до бесконечности. Долго ли я выдержу? Надо опять на ночь пить снотворное».

«14.09.88.

Началась вторая половина моего отпуска. Дни летят. Сегодня по-осеннему туманное утро. Несколько дней тому назад я положила на балконный парапет цветок подсолнечника с семечками. Но только сегодня его, наконец, обнаружили голуби. Уже полчаса они больше дерутся, чем клюют семечки. Время от времени, они, в запале драки, парами или в одиночку, сваливаются на мой дикий виноград. Я их не прогоняю. Их потасовка закончилась тем, что подсолнечник улетел вниз. Но сверхсообразительные голуби не ринулись за ним вниз, а в недоумении смотрят на то место, где раньше лежал цветок. Теперь они смотрят на меня. Я не могу вынести их обвиняющих взглядов.

Два дня как меня немного отпустили переживания. Отчаяние и ожидание растворились в хороших снах, которые приносят призрачную надежду. Уже вторую ночь я вижу снег, белый и пушистый. Случится что-то неожиданное, но не плохое, потому что снятся еще великие и любимые люди, а это – к добру.

Вчера после обеда была отличная погода: тихое, солнечное, воскресное время. Мы с Алексеем немного погуляли. Сели на скамейку, я облокотилась на его плечо и повернув лицо к солнцу, сказала:

- Прости, Алексей, что ты встретил меня. Я исковеркала тебе всю жизнь. Ты достоин лучшей участи.

И, правда, я чувствую себя виноватой. Он ответил:

- Все в порядке. Представь, со мной была бы другая. Прожил бы всю жизнь довольным, как отец. И только в старости понял бы, что прожил жизнь не так.

Но, дорогой мой, думать, как надо правильно прожить жизнь, еще не значит прожить ее. А вообще, кто знает, как надо правильно прожить жизнь? Каждый проживает свою. Алексей снова завидует, что я нашла кого-то, что я стремлюсь к чему-то. Мне вдруг показалось, что встретить он женщину, которая предложила бы ему уехать, он последовал бы за ней без раздумий и без любви. Но, тем не менее, я ему очень признательна за его спокойное поведение. Вчера вечером я сказала:

- Я буду ждать, когда ты придешь с работы.

Когда приезжал Ф., Алексей с Игнатом были на даче. Вернулись, когда Ф. уже уехал. Алексей был немного смущен. Он не знал, насколько все серьезно, что я решила, как отношусь к нему. Во взгляде его сквозила беспомощность, но не было ни злости, ни обиды. За пять дней, проведенных на даче, он отрастил бороду. Мы смеялись и говорили о его бороде. А вечером я сказала ему спокойно и тихо, что уезжаю и забираю Игната с собой. Так же тихо он ответил мне, что хочет, чтобы я была счастлива и поможет мне во всем.

Стоит ли говорить, какое это тяжкое испытание наблюдать благородство своего мужа, в то время, как любишь другого мужчину? Который вот уже много дней

молчит, не выполнив своего обещания прислать письмо. Не буду ли я жалеть потом об этой порушенной двенадцатилетней привязанности к Алексею? Ведь мы многое пережили и всегда были вместе. Наши мнения редко расходились просто потому, что у него не было своего и, все же, я нуждалась в его молчаливой поддержке. У него появилась седина, еле заметная, правда, но все же... Он переживает, но поведение его безупречно. Он часто повторяет: «Ты всегда можешь вернуться». К нему. Он мне заранее прощает все – и любовь к другому мужчине, и замужество и постель. Может быть, все вокруг просто уверены, что у меня ничего не получится, что я обезумела от любви и уже не могу различить, что реально в этой жизни, а что нет?!

Возвращаясь к своему мужу, я могу сказать, что все еще люблю его. Люблю устоявшейся любовью. Рядом с ним я спокойно живу в халате и домашних тапочках, плачу и сушу волосы, пою песни и мою полы, стираю и сплю. Дыхание от его близости не замирает.

Рядом с Ф. появляется опьяняющее чувство желания и счастья. Хочется выпрямить спину, напрячься и пройтись так, чтобы все ахнули, залюбовались и удивились, что я такая есть. Но все это только для Ф. Для его любящих глаз. Я знаю, видела, как он восхищается мною. И хочется восхищать его еще больше.

Рядом с Ф. я – женщина, рядом с Алексеем – жена-хозяйка. Кто знает, может быть, восхищение Ф. тоже угаснет, стоит мне стать его женой и приготовить пару обедов? Недаром многое мужчины предпочитают иметь любовниц. Что я могу на это сказать? Буду держаться из последних сил. Это мой последний шанс. Вокруг много прекрасных, молодых побегов. Да и, потом, Париж будет обязывать.

Двое мужчин в моей жизни. А ведь я их выдумала. Я давно и прекрасно об этом знаю, а вот что по этому поводу написал Паскаль Лэне: «Женщины, пожалуй, более способны к самообману и могут иной раз всю жизнь прожить с человеком, не имеющим ничего общего с тем образом, который они создали себе». Это правда. Алексея я выдумала и продолжаю выдумывать на протяжении двенадцати лет. Сколько раз за эти годы я видела разочарование на лицах людей, ожидавших увидеть рядом со мной совсем другого мужчину? Я неизменно настаивала на том, что он – хороший человек. Но что толку? Эти разочарованные взгляды я не могу объяснить до сих пор. Потому что не вижу настоящего Алексея. И уже не увижу никогда.

Только что я приготовила обед. Сегодня утром, когда я делала записи в дневнике, мне было очень покойно и хорошо. Разве не хорошо осознавать себя хозяйкой в уютной квартире, где все – это я? Разве плохо с чашечкой утреннего кофе сидеть за письменным столом перед окном, за которым клубится осенний туман, наблюдая растерянных голубей, потерявших цветков подсолнечника? Разве плохо женщине не работать? Что плохого или зазорного в том, что в доме чисто, что на этот раз я знаю, где что в каком ящике лежит и что сын будет есть на обед? А разве не хорошо, что у меня остаются силы поговорить со своим ребенком, а не изнемогать от усталости, умоляя его заняться своими делами и не трогать меня? Я даже могу сменить халат на что-нибудь другое – приятное и веселенькое к приходу мужа домой. И, если уж это совсем не из области фантастики, то это что-то я могу сшить сама. Могу, неспешно переделав все домашние дела, написать рассказ, нарисовать картину, вышить подушку. Подумать и почитать.

Что для этого нужно? Деньги, которые должен зарабатывать муж. У нас в стране мужчины не зарабатывают больших денег. Мизерные зарплаты их унижают,

а женщин истребляют. Я вспоминаю зиму, полные отчаяния лица работающих советских женщин, опаздывающих на работу, берущих штурмом битком набитые троллейбусы и автобусы. Обруганные дети за завтраком, оторванные каблуки по дороге на работу. Каждое утро – полжизни. И все зачем? Чтобы налились сталью мышцы, чтобы опустились животы от тяжестей, чтобы посерело и высохло лицо. Ведь совсем немногие женщины находят на работе истинное удовлетворение и не могут прожить без именно такого самоутверждения. Сколько женщин закончили институты и теперь работают по призванию? Единицы, для остальных это необходимость. Суета, бабьи разговоры о той же усталости, что готовить уже нет сил, а магазины – пусты. Ожидание небольших зарплат, чтобы добавить к мужниной, и так протянуть до следующей полочки.

А если бы все было по-другому? Мужчины приобрели бы уверенность, так им недостающую. Улицы расцвели бы от красивых, ухоженных женщин и красивых, здоровых детей. Жить стало бы веселее и мы позволили бы себе улыбнуться. Ведь именно отсутствие улыбок так пугает туристов, приезжающих в нашу страну посмотреть на диковинных людей. На новую породу женщин и мужчин, которые давно стали одним средним родом.

О, господи, разве могут разговоры о бабской неустроенности или о дорогих сапогах, которые в очередной раз не по карману, или о муже – интеллигентной никчемности, разве может этот ежедневный восьмичасовой треп сравниться с одной, всего лишь одной прочитанной повестью, такой как «Милый Бо-Пэр» Тибора Дери, например, или «Кружевница» Паскаля Лэне, или любой другой? Но, к сожалению, этот треп и есть сама жизнь, а милый Бо-Пэр всего лишь милый герой повести. Вот мы и вернулись на круги своя.

А может быть, мне не заводиться со всем этим? Я ведь так убеждаю сама себя, потому что все еще боюсь потерять работу. С другой стороны, я не хочу остаться одна. Я не боюсь одиночества, но я не хочу коротать свой век без мужа. Бывает одиночество вдвоем, это – двенадцать лет с Алексеем. Бывает одиночество вынужденное, тоскливое, бесконечное, безысходное, как у моей мамы. Господи, убереги меня от этого! Но есть люди, которым хорошо наедине с собой. К таким людям отношу себя и я».

«15.09.88.

Осень. Опять нет письма. Вчера было холодно. И сегодня тоже так холодно, холодно, холодно...»

«19.09.88.

Сегодня понедельник. Завтра, естественно, вторник. Осталась всего неделя до выхода на работу. Я не знаю, что меня там ждет – тишина или скандал? Все по-прежнему или увольнение? Вероятно, оставаясь наедине с собой все эти два месяца, я сама себя перепугала. Много думаю, много придумываю и с завидным терпением переношу собственные фантазии.

Мама меня буквально добивает. Настроения у нее меняются несколько раз на день – вполне в духе Александры – она не может принять решения и совладать со своими сомнениями. Когда видит меня, все нормально: улыбается, шутит, думает, что подарить своему будущему зятю. Стоит вечером позвонить – истерика: «Ты

оставляешь здесь нас, меня! Что мне останется делать? Сидеть в четырех стенах? Ты подумала, что ты можешь снять телефонную трубку и позвонить мне? А уедешь, как будешь звонить? Никто ни тебя, ни нас уважать не будет. Нас с бабушкой выселят. Ты лишишься квартиры, а в нашей стране – это очень много, почти все. Ты будешь там вкалывать среди чужих людей, жить где-нибудь на задворках. Не будешь работать? Париж не задворки? Ты веришь ему? Потом захочешь вернуться, в Киев тебя не пустят, будешь прозябать в провинции. Неужели ты думаешь, что в Париже все будут ниц перед тобой падать? Еще и ребенок будет страдать рядом с тобой! О нас, стариках, я уже не говорю.

Может, купите машину и все с Алексеем снова наладится? Не хочешь с Алексеем, может, встретишь кого-нибудь другого, но тут. А там – наркомания, СПИД. Игнат станет наркоманом. Там все дозволено. Я не верю этому человеку. Что у него есть? Вдруг он обманывает? На что ты рассчитываешь?!

Давай все продадим, наберем на билет, поедешь, посмотришь, как он живет. В качестве кого? Где ты будешь там жить? Но посмотреть, проверить надо. Уходи с этой дурацкой работы, поживи еще год-два здесь, пусть он приезжает. Мы его лучше узнаем. Ума не приложу, что делать. Будешь все это время жить с Алексеем ради Игната? Я не понимаю этого. Ты как будто в какие-то игры играешь. Я бы так не смогла. Если ты любишь другого, как ты можешь? А как он может? Вы совсем с ума сошли! Надо найти выход. Ты во что-то очень сложно играешь. Как будто за двумя зайцами гонишься. Смотри!

Я тебя умоляю, не делай ничего без нас! Не отбрасывай! Самое страшное, что ты все равно сделаешь. Подумай! Подумай еще раз обо всех нас. У нас с бабушкой уже нет сил. У тебя есть силы? Господи, здоровья никакого, ты слабая, еще неизвестно, что там с сердцем и твоей головой. Силы у нее есть! А рожать будешь, вдруг с тобой что-нибудь случится? Игнат один останется. Не надо этого. Ты понимаешь, на что решаешься?!

Надо все проверить. Пусть документы привезет. Мы прожили такую трудную жизнь и теперь все потеряем. Ты все потеряешь! Мы с бабушкой, конечно, хотели бы тебе только счастья... Вы кулебяку съели? Понравилась? Я объелась, потом мне было плохо. Завтра на работу, хоть там я забываюсь, в этой дурацкой школе. Чувствую, что не могу больше работать. Нервов ни на что не хватает. И ты еще тут. Подумай еще и еще раз! Эти шесть дней до двадцать пятого будут самыми тяжелыми. Ты скажи ему: «Я не могу рисковать. У меня ребенок, я оставляю здесь родителей». Пусть часто к тебе сюда приезжает. Но нельзя же сразу решиться на все! Представляешь, что у тебя за жизнь будет с его матерью, если та будет против? Если бы тебе такое твой сын сказал, что женится на иностранке, на женщине другой веры, как бы ты реагировала? Сказала бы, пусть решает сам, это его жизнь? Нет, ты бы так не сказала. Это большое горе.

Игнат тебя возненавидит. За то, что оторвала его от всего привычного, родного. Он там не сможет. Пусть тогда возвращается? Тебе даже на ребенка наплевать? А нас ты «остальными» не называй! Мы – твоя семья. Я не придираюсь к словам. Образованием Игната можно и тут заняться. Что ожидает его в будущем? Не знаю, но и там тоже ничего хорошо его не ожидает.

Будем тут жить в постоянном страхе за тебя. У этого человека свои привычки, у них там совсем другие нравы. Наверняка он капризный. Будешь ради денег ему в рот смотреть. Ох, Лиза, Лиза... Ладно, иди, занимайся делами. Игнат и Алексей пришли? Пока».

Вот такой телефонный разговор. Естественно, если такие разговоры ведутся по телефону, стоит ли удивляться, что на работе уже всем всё давно известно?

Может быть, это и правда, мне стало скучно жить и я затеяла игру. Но если вернуться к самому началу, можно вспомнить, что намерений вступить в эту игру у меня не было. Все случилось само собой. Сейчас я уже слишком далеко зашла, чтобы все перечеркнуть и остановиться. Да и не хочется. Знаю, что жалеть буду, если не доиграю до конца. Пусть даже проиграв...».

Глава 27.

Боль утраты.

«26.09.88.

Вчера было 25-е. Я так и не дождалась того, самого важного, обещанного звонка с радостной весточкой от своего любимого о дате нашей помолвки. Звонка не было ни вчера, ни сегодня.

Не стоило сегодня ничего писать. В душе пусто. Как на пепелище, даже не больно. На пепелище всегда так: если представишь всю картину сполна и на будущее – ложись и умирай, исходя слезами и криком, потому что безнадега.

Вчера вечером я выпила полбутылки коньяка. Хотела написать «напилась», но нет, напиться не получилось. Я просто заснула. Мне было тепло. Таблетка снотворного осталась только одна. Я ее сэкономлю на сегодня. Завтра на работу, отпуск завершился. Я пила не только потому, что не дождалась звонка, я пила еще и потому, что в одиночестве праздновала день рождения Ф. Ему вчера исполнилось тридцать. Пусть у тебя в жизни все сложится хорошо. Я не желаю тебе зла. Просто, я в недоумении. Все эти слова, чувства, опять слова, планы, надежды, ожидание счастья. Зачем все это было? Чтобы потешить свое мужское самолюбие? Если ты такая дрянь, что можешь просто так взять и исчезнуть, тогда судьба права, разлучив нас. Я обещала слушаться судьбу. Так лучше. Пусть ведет, у меня самой больше нет ни сил, ни желания выбирать свой путь.

Я никогда не предполагала, что мне придется пройти через такое испытание. Видела и знала женщин, которые любили, но счастливо для них это не заканчивалось. Была уверена, что их несчастливая участь меня минет. Ведь я рождена царить и побеждать! Дарить счастье и быть самой счастливой, но никогда, никогда не быть жалкой. И вдруг неожиданно. Тридцать два года. Сильно. Серьезно. И рана. Такая глубокая. Зачем? Она заживет. Все раны со временем затягиваются. Абсолютно все. Но сейчас? Как раненный зверь. Все внутренности разорваны. А завтра на работу. На лице будет улыбка. Глаза? Я, конечно, буду красива, как всегда, а мне хочется залезть в нору илизать раны. Я знаю, мне надо идти к людям. Авось, выживу.

Вот подклею подошвы у туфель и пойду. А то размечталась: Рождество в Каире, жизнь в Париже. Ан нет, сиди уж там, где сидишь. И, все-таки, просится слеза. Обо что наша любовь так внезапно разбилась? Когда-нибудь я узнаю. Если только это не катастрофа, не болезнь, не больница.

А пока, прощай, Ф.! Спасибо тебе за волшебные вечера в Египте, за чудесные дни в Киеве. Цвет розового вина в хрустальных бокалах в гостинице «Marriott» и

роскошь предосеннего Киевского Ботанического сада навсегда останутся со мной. Еще твои глаза и твоя улыбка. Прощай, лето! Необыкновенное лето 1988-го года! Так много вобравшее в себя: и мою первую поездку за границу, и зародившееся чувство, и ожидание, и болезнь, и радость, и надежду, и разочарование. Прощай...

Нет, я верю и буду ждать».

«27.09.88.

Вышла на работу. Опять тот же маршрут, по которому я хожу последние пять лет: десять минут в троллейбусе, пятнадцать минут пешком по Крещатику, бульвару Шевченко, во внутренний дворик, по улице Ленина и я в «Интуристе». Кажется, и не было этих двух месяцев. Все по-прежнему – и ощущения и настроения.

Думаю, что никто ничего не знает, а если знают, то вида не подают. Все приветливы и сочувствуют – болела. Присвоили вторую категорию. Я там распинаясь, что работать для женщины протвиеостественно, а сама вот про вторую категорию все-таки написала, потому что приятно.

Днем, когда пришла домой, немного успокоилась. Почувствовала да, у меня есть дело. Это немного отвлечет. Завтра я окунусь в знакомую и радостную суету – гостиничный гул, запах дорогих сигар, коллеги, которые вроде бы рады меня видеть, водители, которые действительно рады меня видеть, туристы, новые лица, но одинаковые взгляды, в основном те же вопросы и претензии. И, все-таки, это – моя стихия. Я все еще люблю людей.

Это днем, а вот по вечерам накатывает тоска. Воспоминания наплывают и заполняют душу до самого дальнего уголка. И я уже не принадлежу себе, а только воспоминаниям и своему чувству. Я томлюсь тайной его ласк, даровавшими мне неизъяснимое наслаждение. Днем я подумала: «Вот и хорошо. Наступила осень. Скоро пойдут дожди. Я все забуду». Я люблю, когда идут дожди, они меня успокаивают, вымывая из меня раздражение и злость. По утрам буду выходить в свою уютную кухню и готовить завтрак для своих мужчин. Только одного в этом всем не будет хватать, самого главного. Господи! Неужели я так влюбилась?! А, может быть, это мое тщеславие. Что-то ускользает, а мне надо обязательно это получить. А потом бросить и больше не вспоминать.

Игнат читает в своей комнате. Кажется, он не испытывает особенной потребности в общении. А я сейчас не могу. Почистить его школьную форму, накормить, помочь сделать уроки – да, но поговорить не могу. Очень мешает присутствие Алексея. *Что-то важное ускользает сейчас. Люди могут стать по-настоящему близкими, только настрадавшись вместе? Раньше я так думала. Теперь нет. Близость, возникшая из-за перенесенных вместе страданий, вскоре исчезнет, сгладится и новый уклад, нечаянные радости и новые события разъединят людей. Так зачем же заставлять страдать вместе с собой других?*

Что думает обо мне Игнат? Что я красивая, умная, готовлю вкусные обеды, призываю к аккуратности, выслушиваю и понимаю его, что я работаю и приношу сувениры – ручки и жвачки, которые все еще прельщают его, что я рассказываю интересные и смешные истории, иногда уезжаю, а он ждет и скучает.

Но знает ли он, что я могу очень сильно страдать, страдать до черноты, до приглушенного крика? Страдать среди страха и безумия. Знает ли, что могу ненавидеть, переживать и даже бояться? Знает ли он, что я сбросила со своих плеч уже несколько глубочайших депрессий, что иногда я ползу по жизни даже не на

четвереньках, а исключительно на силе характере? Знает ли он, что его мать сентиментальная женщина, которая плачет от переполняющих душу чувств, что для меня очень важна красота и настроение? Что я прожила последние двенадцать лет никак, просто выбросив или подарив их, не заметив по простоте и щедрости душевной? Знает ли мой сын, что я о многом сожалею? Не сожалею только о том, что он у меня есть, что он взрослеет, что ему уже одиннадцать.

Настанет время и он уйдет. Но я чувствую, предвижу, что придет и такое время, когда он спасет меня. Потому что это под силу будет только ему. Испытание даст ему возможность узнать меня по-настоящему. Но не смогу я насладиться нашей близостью до конца, до конца просить его понять меня, принадлежать мне, побыть со мной. Он будет уже не мой. Рядом с ним будет его любимая женщина. И я надеюсь, он сумеет любить ее так, как подобает моему сыну.

Думаю, что права, не тираня его своей любовью. Иногда обниму его, иногда он приласкается. Мы знаем, что любим друг друга, но это не даст мне ни повода, ни права сказать ему в будущем: «Я на тебя всю жизнь потратила, а ты меня теперь бросаешь», или «Ты совсем забыл меня, а я ради твоего будущего себя не жалела». Конечно, мне не хочется одинокой старости. Хорошо, если он будет жить где-нибудь поблизости. Но быть ему обузой, никогда! Поэтому не стоит свою жизнь тратить только на ребенка. Это нечестно и по отношению к себе, и по отношению к нему. Игнат дышит свободно и я тоже. Ради него я не отказываю себе ни в впечатлениях, ни в чувствах. Пока он со мной, он проживет такую жизнь, какая сложится у меня, а потом проживет свою, собственную. Пока мы молоды, мы растим детей, сторожим старость родителей, облегчаем хвори и тех и других. Приходит время и наши дети вырастают, а родители уходят в мир иной. В наши души закрадывается страх, что мы будем следующими, и вина за то, что не уберегли. Но все же, мы обретаем свободу и нам кажется, что можно, наконец, пожить для себя, своей жизнью – поспать, почитать, попутешествовать, поразмышлять. Вдруг, нечаянно, мельком, мы видим себя в зеркале и удивленно замечаем, что пока мы жили для других, старость незаметно подкралась к нам самим. Мы обрели свободу, но потеряли молодость. Свобода в старости. Кому она нужна, когда ноги уже не ходят? Поистине, наша жизнь насмешка, ускользящий мираж. Бесконечно и без толку, мы гонимся за каждым последующим днем, не осознавая, что несемся, мчимся во весь опор навстречу своему концу. Надеюсь, Игнату выпадет счастье растить своих детей, но от бремени моей старости он будет избавлен».

«28.09.88.

Сегодня был странный день.

Я пришла, чтобы обслуживать. Раньше этот аспект моей работы не был так очевиден и болезнен для меня. Я наслаждалась общением, мне нравилось, что на меня смотрят и меня видят. Сейчас все по-другому. Я не могу объяснить эту внезапную перемену, но я ощущаю ее. На место моей прежней открытости и доброжелательности пришла какая-то социальная злость, враждебность, нежелание прислуживать. Прислуживать можно по-разному: с достоинством или с иронией, выставляя себя циником и пофигистом. Ведь во всем мире гиды – профессия малоуважаемая и только у нас она вознесена на небывалую высоту просто потому, что, пребывая на переднем идеологическом фронте, мы отбиваем, не жалея живота своего, социалистические ценности, каким бы они ни были, а, заодно, помогаем

ловить шпионов. Но профессия остается профессией и, даже раздувшись от собственной значимости, мы не сделаем ее престижней в глазах, например, тех же англичан или американцев. Отдаваясь своей работе всей душой, я на многое не обращала внимания, а теперь все недостатки повылазили из нее, как ребра из прогнившей туши. Я понимаю, что случилось со мной. Несколько месяцев, пусть только в своем воображении, я побыла женой обеспеченного мужа. Я мысленно прожила эту жизнь и моей профессии там места не было. Трудно теперь возвращаться к камину с не вычищенной сажой и снова превращаться в Золушку.

Сегодня мне пришлось работать со старой канадской парой. Они, вероятно, не избалованы достатком, поэтому невежественны и бесцеремонны. Я с удовольствием с ними распрощалась и ушла с чувством брезгливости и жалости к ним. Неужели не хватает ума не рыться в карманах в поисках хоть чего-нибудь, чтобы отблагодарить меня? Неужели не лучше, прощаясь, просто пожать руку?

Насмотрелась сегодня на людей. Перед экскурсией пила кофе в «Складке», на втором этаже гостиницы, где работала с утра. За соседним столиком сидел араб. Приглядевшись внимательней, я увидела на его дорожной сумке надпись «Дженерал Турс», значит - американец. Он нежно разговаривал с красивой молодой девушкой, по всей видимости, прощался с ней. Спустились они следом за мной. В это время, в холле металась в истерике московская переводчица. К колонне в полуобморочном состоянии привалился фирмач. Их туристы, запаковав собою и своими вализами автобус, уже полчаса ждали, опаздывая в аэропорт. Переводчица кричала кому-то в телефонную трубку:

- Эта сволочь уже надела штаны или еще в трусах сидит?

Я все поняла: если самолет будет задержан по ее вине, а это почти всегда вина переводчика, то никакой ее годовой зарплаты не хватит, чтобы выплатить штраф «Аэрофлоту». Я знала эту переводчицу, приходилось работать вместе. Успокоила. Сказала, что он не только успел штаны надеть, но и чашечку кофе выпить со своей пассией. Он прощался. «Силен мужик!», - ахнула переводчица.

В другой гостинице, где мне пришлось работать после обеда, кагэбэшник уговаривал вдребезги пьяную проститутку.

- Виктория! Тебе всего двадцать лет, а ты уже... Что, не пьяная? Нет, ты пьяная. Еще даже нет двадцати, а ты этим занимаешься. Ничем не занимаешься?

И так далее. Она дрожала, хихикала, плакала, называла пять разных номеров телефонов вместо своего домашнего, просила набросить на плечи куртку. А из гостиницы выезжала группа. И вот из толпы начал выпрыгивать мужчина и орать: «Прощай, Виктория!». Туристы устроили овацию, им видно, представилось, что он прощается с любовью всей своей жизни, которую в последний момент задержал сотрудник КГБ. Была секунда, когда мне показалось, что они сейчас сметут стража советской безопасности с лица земли, освободив любимую для своего сотоварища по путешествию. Сцена для кинематографического шедевра.

Ф. хотел, чтобы у меня были длинные волосы. Сегодня я их отрезала. Еще одно прощание? Золотые кудри, еще недавно сиявшие на ярком солнце в Долине Царей, упали на грязный пол в парикмахерской. И неумелые руки равнодушной парикмахерши изуродовали меня за час с небольшим.

Вечером пришла домой. Кушать нечего. На завтра ничего приготовить не могу, мясо не успеет разморозиться. На суп нет морковки, в магазинах ее тоже нет. Вчера

полтора часа простояла в очереди за мылом. Пропади все пропадом! Надо опять звонить бабуле, чтобы пришла».

«30.09.88.

Что ж, я работаю. Два дня из меня пила кровь супружеская пара из Чикаго. Они закупили все: и меня, и машину, и удовольствия, и зрелища, и хлеб. Он – приятный мужик с деньгами, и интересно: у него есть душа. На самые неожиданные и тонкие ощущения он реагировал. Она – все равно, что глухая и слепая. Не понимает абсолютно ничего. В конце экскурсии подарила резиновые калоши с пуговками. Нет, я начну разворачивать подарки при туристах, черт бы их побрал совсем! Я поняла вот что: туристы перестали меня любить, потому что я больше не люблю их. Мое сердце занято и они это чувствуют. Я стала, как все.

Что-то сегодня было. Ах, да, в музее под открытым небом. Погода. Солнце. Тепло, как летом. Листва на деревьях меняет цвет. Утренняя дымка после холодной ночи. Пусто. Мы бродили по лугам в одиночестве. Непроизвольно думалось: «А хорошо бы все эти уголья были моими!». Цветы перед смертью отчаянно красивы. Помните, как у Тургенева: «Как хороши, как свежи были розы...». Откуда взялись бабочки, пчелы, кузнечики? Ведь на дворе конец сентября. Хаты вобрали в себя запахи сухих трав после жаркого лета. Смотрительницы навязали букетов, разложили на столах гроздья калины, сладко пахнущие червивые яблоки. Нас пускали в избы, мы садились на лавки из почерневшего от времени дерева и сидели так, не двигаясь, в оцепенении, лениво ожидая, когда Ваня закончит нам что-то медленно и мелодично говорить. Я просто смотрела, дышала, думала. Отслаивалась. Примерила плахту, показала, как носят ее в деревнях. Было в этом всем настроение. На мгновение забыла о том, что страдаю, и почувствовала себя естественно и спокойно. Я была почти счастлива. Да, что-то в этом было. Может быть, взгляды. Не ее, а его. Посмотрела на себя в зеркало, затянутое паутиной. Волосы короткие. Нет прежней романтической элегантности. Стала проще».

«1.10.88.

Когда нечего делать и совсем тоскливо, рука тянется к блокноту. Долго болела голова. Похолодало. Головная боль немного отпустила. От нечего делать почистила Игнату уши.

Сейчас вечер. Мы с Игнатом вдвоем. Он кушает яблоко и читает «Тысячу и одну ночь». Спроси свою маму, дорогой, я недавно там побывала. Тихо играет музыка. Может быть, нам и вправду было бы лучше вдвоем? Алексей с собакой на площадке. Ждем ли мы их? Только для того, чтобы накормить. Ощувив себя, пусть ненадолго, пусть только в своем воображении, женой другого мужа, я уже не могу совладать с тем, которого имею наяву. Беда также в том, что я изменила Алексею. Изменила с тем, кого любила. Мне нужен другой муж. Я поняла это, когда бродила по полям давеча.

Было время сегодня, я не думала о Ф., а потом сама удивилась. Целый час как будто его не было ни в моем сознании, ни в моей крови. Сказала Игнату: «Грустно, никто не пишет писем». Да что это я, все о Ф. да, о Ф.!

Мы живем в интересной стране – полуидиотов, полуголодных, отчаявшихся людей, которые получают большое удовольствие от разнообразного чтения. Иная статья так иной раз ухнет по мозгам, что вполне заменяет собой колбасу, приглушив

отчаянием голодное урчание в желудке. Наверное, сытый человек не смаковал бы так некоторые поистине блестящие пассажи наших, таких же голодных, журналистов. Сегодня прочитала «Огонек». Это блеск! «Огонек» развлекается и ни в чем себе не отказывает: поместил фотографию голого алкоголика, показывающего фигу прямо в объектив. А ниже статья о том, что антиалкогольная кампания Горбачева с треском провалилась.

Мы действуем по-простому. Ставим эксперимент сразу на людях и все, больше ничего не требуется. Зачем считать, зачем прогнозировать? Считать будем потом. Умерло от сивухи и разных там политур несколько десятков тысяч человек за неполных три года, так это мы теперь знаем, а кому там надо было высчитывать и прогнозировать заранее? Прогнозы в серьезном деле – это выдумки проклятого империализма. А мы попросту. Страна большая. Людей пока еще хватает. Ну, пару десятков тысяч туда, пару – сюда. Кому плохо? Кому больно? Нам так привычнее.

Сегодня нам читали лекцию. Сказали, что то, что мы имеем, это не социализм. Что напрасно мы перескочили капитализм. И что Октябрьская революция была контрреволюцией. Все это уже понятно, но по-прежнему страшно, потому что нет ответа на главный вопрос – что делать дальше? Строить в срочном порядке капитализм или продолжать упорствовать? Ленин, замутивший кровавый бунт на немецкие деньги, очень скоро сам ужаснулся сотворенному им аду на 1/6 части суши. Зачем же тогда? Хотел отомстил за смерть своего брата, но не ожидал, что так плачевно обернется? Ведь не только царская семья расплатилась сполна, но вся страна была утоплена в крови личной вендетты. Не всякому подвластно такое – переиначить судьбы мира во имя искупления одной-единственной смерти. Но на самом деле все проще и ужаснее: Александр Ульянов был террористом-одиночкой, а его младший братишка возвел терроризм в ранг государственной политики, мы же все были и остаемся заложниками, людьми с нивелированной индивидуальностью, с прорехой вместо самосознания, куда можно вложить, поработав с нами пару недель, любые идеи и убеждения. Ленин положил начало целой плеяде вождей-селекционером, посвятивших себя великому делу искусственной селекции. Они тщательно отбирали семена от плевел – семена уничтожали, плевела и отсевики сохраняли. Вот так и извели нацию.

Правильно писал Горький: «...захлебнемся в грязи». Так и случилось».

«5.10.88.

Написала Ф. открытку. Можно отсчитать три недели. Он ее получит. Попросила позвонить. Уж если и тогда звонка не будет, то все, конец. Кажется не он меня, а я его добиваюсь. Не так обо всем мечталось, но вспоминаю я его с нежностью.

Мы как-то в последнее время не очень яростно пропагандируем преимущества того строя, который так упорно пытались построить. Напрасно! У меня в группе одна канадка купила четыре подушки. Она объездила весь мир, везде подушки делают их пуха, только у нас из жестких перьев. У нее больная спина, она купила то, в чем очень нуждалась. Она была счастлива. А Джордж, который засыпал, не успев договорить собственный вопрос до конца, сказал:

- Я живу так. С вечера ставлю видео, чтобы записать шестичасовые утренние новости. Сам я просыпаюсь в семь тридцать. И ты знаешь, в это время весь Торонто взрывается. Люди, метро, такси, трамваи, утренние газеты... Начинается жизнь. Да,

Элизабет, Торонто взрывается! В это же время я гулял по Киеву. Киев не взрывается. Все люди серые и не несут под мышкой утренних газет.

Он выглядел разочарованно и смотрел на меня с огорчением. Но в глубине его маленьких хитрых глазок светилась радость, что он живет в городе, который каждое утро «взрывается» жизнью и энергией.

Я не пустила Игната в деревню, к пращурам Алексея. Мне кажется, что-то нехорошее случится, если он поедет. Боги сейчас слишком ревнивы. Они могут меня наказать. Не надо любить слишком сильно, за это может поплатиться кто-то другой, совсем невинный».

«6.10.88.

Сегодня можно было и не писать. Страшно болит затылок. Да и сказать мне нечего. Я не из тех, кому всегда есть, что сказать.

На улице – теплынь, а в домах решили затопить. Только потому, что начался отопительный сезон. Никогда не научимся экономить.

Захотела вернуть один из тех своих отпускных дней, когда я оставалась по утрам одна. Садилась за стол с чашечкой кофе и писала. Сегодня у меня тоже выходной, но ощущение покоя не возвращается. Надо готовить обед, гладить белье, убирать квартиру. И все это за один выходной день. Я снова думаю о Ф.

Мне снился сон, что меня водят по каким-то комнатам в огромном помещении. В комнатах по колено прозрачной морской воды, я даже помню желтый песок на полу. Заводя меня в очередную комнату, мне говорят: «Ну, вот видишь, нет его, он умер». Я не верю и настаиваю на том, чтобы идти дальше. Наконец, я его нашла.

Пока гладила белье, думала об Алексее. Каждый день он возвращается в наш дом для того, чтобы принести продукты, поесть, подремать, погулять с собакой, посмотреть телевизор и лечь спать. Нужна ли для этого я? Нужен ли Игнат? Все это можно проделывать и в одиночку. Не могу выносить его дежурную фразу: «Лизок, у меня ничего интересного». А если у тебя ничего интересного, то какого черта ты делаешь в моей жизни?! И сам ты неинтересен, и мне с тобой неинтересно. Но стоит мне представить, что вечером он не придет, становится страшно. Это – как затянувшийся, неинтересный, монотонный разговор. Это – привычка, жить именно так, а не иначе. Но есть ли силы все поломать?

После двенадцати лет с Алексеем, физическая близость сделалась для меня сначала нежеланной, а потом ненужной. Сначала страшное разочарование из-за его неумелости, затем все одинаково и быстро, и через минуту его храп. Будучи по натуре человеком чувствительным и чувственным, двенадцать лет я заставляла себя принимать действительное за желаемое. Я боролась с собой. Зачем же с собой? Чтобы снизошло на меня наслаждение на моем брачном ложе? Чтобы Господь или дьявол поразили моего мужа умением? Я притворялась. Но и этого делать не стоило. Он все равно так ничего и не понял. В тридцать лет я догадалась, наконец, что уже давно, с тех пор, как прошло сорок восемь часов с момента моего замужества, я не люблю своего мужа, а жить без любви неинтересно.

На днях мне сказали, что все это чепуха. У меня депрессия и нужно ходить два раза в неделю в бассейн и заниматься гимнастикой. Мне также сказали, что все закономерно: из такого типа счастья, которое я, вроде бы, испытывала двенадцать лет, я просто выросла. Что я повзрослела. И теперь надо искать что-то другое.

Другое счастье? Сколько их бывает, счастья? Они все разные, неуловимые, оно одно на всех или его не бывает вовсе? Или бывают только счастливые мгновения, а долгого, непрерывного счастья мы, смертные, не достойны, потому что грешны и глупы? Тычемся как слепые щенки мордами друг в друга, а когда унюхиваем своего, родного, начинаем скулить от счастья, а кто-то, мудрый и властный, нас снова помещает в наш угол, оторвав от понравившегося нам запаха. Тогда мы скулим от горя. Но Он знает лучше. Мы не обладаем знаниями, которыми обладает Он. Нам трудно смириться с тем, что только Он дает истинное счастье и что это счастье в подчинении и вере ему. Неужели счастье может быть в подчинении, пусть даже Ему? Пусть ведет, а я буду верить, что если сегодня Он отобрал у меня любимого, значит так надо, значит не тот любимый это был, завтра же Он предложит мне что-то новое, другое и предоставит выбор, а мне нужно будет не ошибиться».

«7.10.88.

Мой муж часто упрекает меня в том, что я предпочитаю видеть только парадную сторону жизни и не хочу знать, что творится на ее задворках. Там, на неосвященной солнцем стороне, роится сложная и организованная жизнь – алкоголики, наркоманы, проститутки, бомжи и творческие бунтари. Последние паразитируют на невзгодах отверженных. Я догадываюсь об этой жизни, но вблизи, что правда, то правда, никогда ее не видела, не изучала и не участвовала в ней. Я не подпускаю себя к ней, потому что боюсь неприличия этой жизни и брезгую ею. Мой здоровый снобизм подстегивал меня упорно учиться и много работать, чтобы не оказаться на дне, в котором я не нахожу ничего романтического или поучительного. Я не могу взять в толк, зачем меня обвиняют в незнании нищеты и порока и почему я должна оправдываться? Я жалею этих людей и, одновременно, виню их в такой жизни. Спросите у них и они вам признаются, что когда-то в их жизни наступил тот единственный момент, когда надо было делать выбор и принимать решение. Решение на всю жизнь. Они же соблазнились более легким выбором. Спросите у этих женщин с испитыми лицами и они вам скажут, что, когда-то, проявив малодушие, они предпочли разврат и сомнительные удовольствия другим возможностям. И, все же, я не осмеливаюсь их осуждать: у кого-то с детства не сложилось, кто-то из них появился на свет потому, что их мать в пьяном беспомыслии отдалась в подворотне первому встречному забулдыге. Потом скотское детство и скотская жизнь с печатью безысходности. Детский дом вместо особняка с садом. Кто сказал, что человек не может рождаться в собачьих конурах? Но подобного рода несчастиями меня не разжалобить. Скорее, я пожалею бездомную собаку. А человек он на то и человек, чтобы суметь вытащить себя из нищеты и скотства. Стариков только жалко до слез. Им не под силу такой омут, в который ринулась наша страна. В их вечном прозябании повинны те, кто уже так долго вершит историю.

Я не люблю творческих бунтарей. Нет, не тех гениев, которым запрещали рисовать или ваять в СССР, а тех, кто, раздражаясь на нехватку таланта, рискует на помойках, в надежде найти что-то пикантное в своей отвратительности, что можно будет растиражировать и выгодно продать, загасив немного свою зависть к чужому достатку. Кокетничая своими непонятыми и неоцененными талантами, они, отчаявшись растормошить свою музу, живут грязно и пьют много. После того, как творческий процесс завершен, они выдают, угрюмо удовлетворяясь, мат и лубочный

примитивизм. Иными словами, российскую пошлость. Я не принимаю философию хиппи и этих самых творческих митьков».

8.10.88.

«Оказывается, Ф. уже давно в Египте и жив-здоров. Не лежит в больнице с переломанными костями и черепом. Тогда?

Вечером позвонила Марго. Она сказала: «Терпение».

Переглядила целую стопку белья. Хочется что-то написать, но писать нет сил. Завтра еду со сборной командой иностранных журналистов в Чернобыль».

«13.10.88.

Писать очень трудно – я обварила палец кипятком. Вчера вечером приехала из Чернобыля. Рада, что побывала там. Я должна была там побывать. Там, где погибли люди.

Увидела собственными глазами город-призрак. В Припяти стоят многоэтажные дома, гостиница, кинотеатр и нигде ни души. Шелестят мертвыми листьями деревья, вперяются в глаза вывески, а вокруг пусто и гулко. В теплицах выращивают помидоры и огурцы. Это – экспериментальная база, проверяют чувствительность растений и огородных культур к радиации. Демонстрируют результаты и, тут же, угощают помидорами. И едят сами, рекламируют. Способна ли еще какая другая нация на такое?! Перед станцией - бюст Ленина, он высится, как раз напротив саркофага. Журналисты с удовольствием фотографировались на фоне бюста большевистского вождя.

В отделе информации было чисто, импортно и интеллигентно. Советские чиновники принимали нас корректно, говорили со знанием дела. Выглядели внушительно, но, в то же время, мило и по-домашнему. Я подумала: «Вот, где настоящие мужики работают». Понадеялась, что встреча вот с такими людьми перебьет память и тоску о Ф. Он в жизни не стал бы там работать. Значит, бывают мужчины лучше его, мужественней, сильнее и честнее, или глупей.

Кормили нас шпротами и борщом. А дежурной шуткой между своими было многократное упоминание о том, что у всех, кто работает в Припяти, повышенная сексуальность. Особенно у женщин. Радиация в малых дозах как-то по-особенному на них действует.

Когда проезжали по «рыжему» лесу, кто-то толкнул меня и шепнул: «Смотри, какие волки огромные в наших лесах бегают!». Волка я не увидела, но мне вспомнилась сказка про серого волка и прекрасную царевну. Откуда в той сказке был такой огромный волк, сумевший унести на своей спине и царевну и ее возлюбленного? Смеркалось и я задремала.

Утром, отдохнув и одумавшись, я снова поняла, что люблю Ф. И пусть он не мужественный. Мне все равно. Я уже не сажусь к зеркалу, не разговариваю с ним, любясь своей красотой, не плачу. Я работаю, работаю, работаю и упорно чего-то жду. Желаний абсолютно никаких и в душе огромная, черная яма».

«15.10.88.

Осенний субботний вечер. Пронзительно грустно. Мне с детства грустно субботними вечерами. Помню, как каждую субботу я подходила к большому окну в

нашем измаильском доме и смотрела на сгущающиеся сумерки. Поверх кирпичных крыш одноэтажных домов, мне были видны верхние этажи пятиэтажки, находившейся неподалеку. Одно окно там всегда зажигалось раньше других. Кто-то не терпел сумерек. Это окно преследует меня всю жизнь. Оно означает конец выходного дня, конец чего-то по-настоящему хорошего – субботнего вечера, в ожидании которого я жила всю неделю. Я тогда думала, что мы тоже сейчас включим свет, пойдем ужинать, потом смотреть телевизор и в субботу останется жить всего ничего.

Все спасение в работе. Только не смотреть в окна, не думать, не чувствовать, не замечать дней!

Обошли магазины в поисках обуви для Игната. Как мне надоела эта нищета! Грязные, вонючие, загнанные люди в вечных поисках еды и одежды. Этот лихорадочный блеск в глазах. Это вечное «берем - не берем». Безумные очереди, неудовлетворенность покупкой, странные, унижающие тебя цены. Боже! Когда же?».

Глава 28.

Чудеса наяву.

«21.10.88.

«Есть ли в моей жизни такой смысл, который не уничтожился бы смертью?» - однажды спросил Лев Толстой.

Я болела. Я сильно болела и было несколько часов перед наступлением кризиса, когда я хотела умереть. Верно, чувство моей внезапной влюбленности было слишком сильным для меня и я не выдержала. Все началось через несколько недель после возвращения из Египта. По утрам я стала чувствовать слабость и, в то же время я, как будто, вся горела. Появилась постоянная, невысокая температура. Работать становилось все трудней и однажды, выходя из автобуса я вдруг заметила, что ступеньки находятся совсем не там, куда я хотела поставить ногу. Закружилась голова, но через несколько минут все прошло. Головокружения с потерей ориентации повторялись все чаще и чаще, но жаловалась я не врачам, а домашним – Алексею и маме по телефону. Неожиданно появилась сильная боль в ухе и, через несколько часов, нестерпимо сильной болью уже была объята вся моя голова. Ничего не могло остановить или хотя бы, уменьшить эту мучительную, острую, изматывающую боль – ни таблетки, ни уколы, ни врачи, ни скорая помощь, ни молитвы. Иногда боль рождала галлюцинации: мне казалось, что вместо рук у меня крылья без перьев с длинными когтями на концах. Или сквозь болевой бред я чувствовала, как вода стекает по моему лицу, я подносила руку, чтобы вытереть непонятно откуда взявшуюся воду, но лицо было сухим. Оглушенная этими болями, я не могла есть, пить, дышать, смотреть. Эти мучения подолжались семь дней, потом боли стихли, также внезапно, как и начались. Я пила утром чай, радуясь освобождению из плена бесконечной боли и, вдруг, снова почувствовала, что по моему подбородку стекает жидкость. Раздраженная навязчивым ощущением, я дотронулась до лица и с ужасом поняла, что мои губы не держат жидкость и чай

действительно течет по подбородку. Я встала, чтобы идти к зеркалу, но не сумела пройти пяти шагов до трюмо. Стены и пол ускользали от меня, а мебель дрожала и прыгала у меня перед глазами.

И все же я подползла к зеркалу. В нем, сквозь дымку неосознанности, я увидела нечто, напоминающее меня, но без левой части лица. Щека и губа безвольно висели, кожа ссохлась, состарилась и покрылась морщинами. На левой стороне моего лица не было ни мышц, ни сухожилий, ни нервов, а из деформированного глаза сочилась слеза. Левая половина моего лица была парализована. Я не знала, что делать, я совсем не могла думать или заставить себя представить последствия этого ужаса. Родившись красивой, я не знала, как буду, как надо жить с другим лицом. Когда-то давно, я смотрела балет «Легенда о любви», а потом фантазировала, что могла бы пожертвовать своей красотой, лишь бы моя мама была счастлива. Это было в то время, когда она только развелась и я плакала по ночам, а я умоляла богов забрать у меня самое ценное и дать, ей наконец, то, в чем она нуждалась. Тогда боги, пожалев меня, остались глухи к моим просьбам. Сейчас же наказали. За что? За мою любовь? Я склонила голову и сказала: «Спасибо. Спасибо, что наказали меня, а не кого-то из моих любимых, близких людей». Сидя на ковре перед зеркалом, я вдруг вспомнила, что приближается день моего рождения и я жива. Изуродована, но жива. Мне не было страшно, мне было отвратительно. Смотреть на себя, ощущать себя. Я отказалась принимать пищу из-за безумно гадливого чувства, что еда выпадает из моего рта, не говоря уже о слюне, стекавшей по подбородку. Я хотела, чтобы вернулась боль, чтобы она укутала меня, убаюкала и помогла бы мне раствориться в ней. Мне привиделся бы сад под влажной и теплой ночью, деревья с большими листьями, похожими на руки. Я подошла бы к одному из них и слилась с ним, пройдя через шершавую кору, растворившись в его соках. Меня бы не стало, а с листьев капала и капала бы роса... Я не хотела, чтобы меня оплакивали и хоронили. Вся эта горестная суета представлялась мне хлопотной, обманчивой, она бы задержала меня, не дала бы уйти тихо и незаметно. Мне хотелось просто перестать быть. Я не хотела, чтобы меня искали.

Приехала Александра. Должна была приехать Анна, это она всегда в трудные минуты была рядом, это на нее можно было положиться, но приехала не она. Конечно, в такой ситуации никто не смог бы мне помочь, но все же... Видно, у Александры заговорила совесть, она и так всегда увиливала, но сейчас явилась, чтобы провести время у постели своей больной дочери. Она плохо себе представляла, что надо делать и принялась печь торт, настаивая на праздновании моего дня рождения. Это было горько и смешно, тем более, что каждые полчаса она спрашивала у меня, что делать дальше. Я не могла нормально говорить, а она заставляла меня не только артикулировать слова, но и вспоминать рецепт. Поминутно звонил телефон, это Анна волновалась, как доехала Александра и как все продвигается с тортом – целы ли ее руки, потому что торт она раньше никогда не пекла. Я удивлялась, с чего бы это мои женщины вдруг стали такими не чувствительными и не чуткими? Кому нужна вся эта деятельность – им? Время от времени, в промежутках между выпечкой коржей, Александра приходила в спальню, садилась на краешек кровати, с ужасом смотрела на меня и повторяла одну и ту же загадочную фразу:

- Господи, войны нет, а у меня дочь изуродована.

На следующий день она повела меня к врачам. Мне сказали, что срочно надо лечь в больницу. «Срочно» было только в следующий понедельник, а в пятницу я получила то, второе письмо от Ф., где он сообщал о своем приезде. Душа моя перевернулась и насытилась счастьем. Александра витала где-то рядом, как всегда причесанная и хорошо одетая. Она пыталась кормить меня и водила по комнатам, а я улыбалась своим перекошенным ртом и была безмерно счастлива, что она есть, что она такая неумелая и странная, что именно она приехала ко мне со своей заботой и желанием испечь торт.

Снова и снова перечитывая семь строк его письма, я представляла нашу встречу и вспоминала его лицо, его руки, его запах. Смаковала в воспоминаниях каждую минуту нашей близости в Луксоре. Я представляла нашу совместную жизнь в Париже, я думала о наших детях.

А ночью я родила ему дочь. Не знаю, что это было: галлюцинации или сон. Мне казалось, это было наяву. Меня вдруг кто-то перенес в пустыню. Посреди песков стояла хижина из глины, вокруг нее маленький голый дворик без насаждений, огороженный забором из сухих веток. В хижине нас было трое – Ф., его мать и я. На полу лежало одеяло, мебели не было. Во дворе был не то колодец, не то фонтан и я помню, как часто его мать наполняла глиняную плошку водой и давала мне пить из нее. Я рожала. Мне было нестерпимо больно и очень жарко, но жара была сухая и я вдыхала раскаленный воздух глубоко внутрь себя, зная наверняка, что ни горячий воздух, ни блаженная боль мне не навредят, а наоборот, будут только на пользу. Они оба, Ф. и его мать, были все время рядом со мной, успокаивая меня, лаская мое лицо своими прохладными руками. Помню, я не беспокоилась из-за нищеты, мне хорошо было в этой хижине, рядом с ними, на раскаленном песке. Наконец, я родила дочь. Ее закутали в серые тряпки и я вынесла ее во двор. Дул горячий ветер с песком, но он не раздражал меня. Я смотрела на свою свекровь, которая разводила огонь посреди двора, на своего мужа, который был рядом, держала только что родившегося от него ребенка и была безмерно, бескрайне, глубоко счастлива. Я была наполнена до краев этим счастьем, ощущала его физически, это было не взбудораженное чувство, от которого перехватывает дыхание, но спокойное умиротворение, завершенность, обретение. Я ничего не боялась, ни от чего не защищалась, ни к чему не готовилась. Ни очевидная бедность, ни горячий ветер с песком, ни простые серые одежды, в которые мы все были одеты, не были помехой этому счастью. Все это не замечалось, а принималось как должное, потому что все мое существо жило другим - высшей формой утверждения своей женственности, когда рядом желанный мужчина, а на руках – его ребенок.

Настало утро, я открыла глаза, во мне еще жило ощущение сна. Пришла Александра с чашкой чаю, села на кровать и улыбнулась. Я улыбнулась в ответ. Она молча взяла маленькое зеркало в деревянной оправе с ручкой и протянула его мне.

- Зачем? - спросила я взглядом.
- Посмотри. - Сказала она.

Я поднесла зеркало к лицу и увидела себя. Мое лицо было розовым, заспанным и абсолютно нормальным. Губа и щека встали на место, слеза больше не сочилась из глаза. К понедельнику чудо завершилось и врачи меня не узнали, подумав, что пришел к ним на прием кто-то другой, ведь воспаление лицевого нерва почти никогда не проходит бесследно, а тем более без лечения.

С тех пор я знаю, что мое тело и душа неразрывно связаны и что я – примитивна, как животное. Болею, когда грущу, когда мне одиноко без любимого.

Полна сил и здоровья, и нос у меня холодный и мокрый, как у щенка, когда любимый рядом, когда он целует, ласкает и играет со мной. Когда любит. Когда люблю я. Тогда все случается, даже чудеса».

«21.10.88.

Хочу продолжать. Сегодня у меня есть время, хочу еще написать о нем, вернее, о нашей встрече в Киеве. Он тогда, все же, приехал, я позвонила в гостиницу, узнала номер телефона его комнаты. Дозвонилась, услышала, казалось, его родной голос. Он приехал в тот же вечер за мной на машине, я ждала его во дворе. Мы не знали, куда деться и решили ехать в Ботанический сад. Но было поздно, ворота закрылись перед нашим носом и нам ничего не оставалось, как сесть на лавочку и бесконечно смотреть друг на друга, сплетая пальцы вместо объятий, искать первые слова, которые своей обыденностью не нарушили бы волшебства нашей встречи. Мое лицо, как и прежде, было нежным и красивым, но я была еще очень слаба и поэтому мы сидели недолго. Договорились встретиться завтра и провести вдвоем целый день.

Следующим утром мы были первыми и единственными посетителями Ботанического сада, где благоухали петунии и розы, где под солнцем томились, источая пряный аромат, травы, где громоздились вековые деревья и в тени одинокой старинной церкви с часами на башенке, стояла скамейка. Мы говорили долго, о своей будущей жизни и о семье, которую мы с таким нетерпением хотели создать.

- Ты крещенная? – неожиданно спросил Фахри. – Тебе ведь придется принять ислам.

- Нет, я не крещенная, - ответила я, посмотрев в сторону церкви.

- Как же так? Разве можно жить без веры?

- Как видишь, я все еще жива, – в моем голосе промелькнуло раздражение.

Неужели он забыл, из какой страны собирается взять жену? – Я родилась в маленьком цивилизованном городке, в котором Советская власть не была ярко-красного цвета. Но мой дед занимал высокий пост и, конечно, был членом партии, иначе было нельзя. В Измаиле был изумительной красоты действующий собор, но крестить меня означало бы привлечь дополнительное и ненужное внимание к нашей семье, которая и так была слишком на виду. Начались бы расспросы, моему деду пришлось бы распрощаться с его должностью, которая нас всех кормила. Всю жизнь он нес бремя своего прошлого. Он был родом из кулацкой семьи. Всю его семью истребили в начале тридцатых, и его появления в церкви было бы достаточно, чтобы дискредитировать его и лишиться работы. Так что мое крещение тогда не представлялось возможным.

- А потом, позже?

- А потом я стала бояться Бога. Мне казалось, что если я покрещусь, он увидит меня и тут же призовет к себе.

- Что же в тебе такого удивительного, что он должен немедленно призвать тебя к себе? – Фахри засмеялся.

- Ему лучше знать.

- Все наоборот. Как только он увидит тебя, он возьмет тебя под свою защиту.

Ты только должна смирить свою одинокую гордыню и покориться его власти.

Поверь, с ним лучше, спокойнее.

Я молча и недоверчиво смотрела на своего возлюбленного. Такие слова, как «смирение» и «покорность» не будили во мне ни отклика, ни понимания. Моя душа отвергала их приятие. Всю жизнь я рассчитывала только на себя, была, чего греха таить, горда и строптива. Я мало чего боялась и подозревала, что Бог отберет у меня мое бесстрашие.

- Знаешь, что означает слово «мусульманин»? Это тот, кто подчиняется Богу. Наша вера не требует проходить через обряд крещения, достаточно всего лишь объявить перед свидетелями, что ты готова принять ислам. Это – добровольный акт твоей воли. Ты сама отдаешь себя в руки всевышнему, священника между вами нет.

Эти слова также не подействовали на меня ни успокоительно, ни ободряюще. Я не хотела отдавать себя ни в чьи руки, кроме рук того, кто сидел рядом со мной.

- Наша религия довольно многое почерпнула из иудейства и христианства. Ни кто иной, как Архангел Гавриил диктовал пророку Мохаммеду Коран на арабском языке на протяжении двадцати трех лет. Так появился Коран и заповеди в нем такие же, как у вас. Будь добр к своим родителям, не укради, не солги, не убий. Мы говорим, если ты убил одного человека, это все равно, как если бы ты убил все человечество. И, конечно, не изменяй жене своей. Это – великий грех, поэтому я буду тебе верным мужем.

- Тебя будет удерживать заповедь в Коране или любовь ко мне? – с издевкой спросила я.

- Любовь к тебе, душа моя, но религия меня будет в этой любви укреплять.

Ничего нельзя было сказать, он с завидным терпением объяснял мне то, что было очевидно для него, верующего, и скрыто от меня, неверующей.

- Точно так же, как и вы, христиане, мы веруем в то, что человечество ведет свое начало от Адама и Евы. – Ф. попытался зайти с другой стороны, всколыхнув во мне более близкие мне понятия любви и равноправия. – Но мы не верим в первородный грех и, так как Ислам не принимает этой идеи, нам не нужен спаситель, который бы отдал жизнь за наши грехи. Мы верим, что Иисус Христос не был распят, а был просто забран на небо, это же, как веруют католики, произошло с его матерью, девой Марией. Коран учит, что Бог создал Адама и Еву одновременно, расщепив человеческую душу надвое. Это, как мне кажется, более равноправная и справедливая версия того, о чем говорится у вас в Библии. Создав, как вы, христиане, говорите, Еву из ребра Адама, вы ставите женщину в более приниженное положение по отношению к мужчине, чем мы, мусульмане.

- Но в парандже-то она ходит у вас, - не удержалась я.

- Паранджа – это не религия, это – традиция. Тебя никто не будет заставлять ходить в парандже, не бойся. Но в Египте мы тоже жить не будем, твоя красота не для тех широт. Не понимаю, почему мой отец упорствует? Вся наша родня уже давно перебралась в Париж, а он нет, говорит, что хочет умереть на родной земле.

- Я подумала, - заключила я.

- Знаешь, Коран также утверждает, что Адам и Ева виноваты вдвоем в том, что послушались змея, ровно как и мы виновны вдвоем в нашей любви. И уже согрешили той волшебной ночью в Луксоре. Аллах нам все это простит, я думаю. Но если ты не примешь мусульманство, мы не сможем пожениться. А жить вне брака с тобой я не хочу и не буду.

- Я люблю тебя, Фахри, и сделаю все, как будет нужно, - с удовольствием я вдруг подчинилась своему будущему мужу, подумав при этом, как хорошо было бы иметь одного Бога на всех.

Он притянул меня к себе, а я вдруг вострепелась: безысходное чувство тревоги и горя пронзило меня. Я посмотрела на Ф., в его теплые ласковые глаза, и мне стало отчетливо ясно – что-то случится. Это острое и внезапное предвидение пронзило меня как острие ножа, вызвав во мне не столько боль, сколько удивление и обреченность. Это чувство было сиюминутным, как землетрясение. Оно прошло, оставив смуту в душе, руки и ноги мои тряслись, а сердце билось часто и гулко. О чем было это чувство и что случится на самом деле, я не знала.

- Фахри, любимый мой, обещай, что будешь беречь себя. Если что-то случится с тобой, я ведь не переживу. Пожалуйста, обещай мне.

- Ничего со мной не случится. Наша любовь сбережет нас. Я позвоню тебе 25-го сентября, в свой день рождения и сделаю тебе официальное предложение. А до этого мне надо поговорить с родителями. С конца сентября мы начнем приготовления к нашей свадьбе.

- Я буду ждать. Но ждать так долго! Почти два месяца.

Я была так счастлива, что он рядом со мной, живой и невредимый, что он меня целует и это взаправду, а не в моих мечтах. Я была счастлива обладанием и не хотела снова расставаться и снова ждать.

- Время пробежит быстро. Я должен лететь в Нью-Йорк со своим отцом, ему предстоит операция на глазах, у него катаракта. Вернусь и сразу же позвоню тебе. Я люблю тебя.

Хотелось еще что-то сказать ему, снова предостеречь его, вернуться к своему предчувствию, но Ф. закрыл мне рот поцелуем. Поцелуй был долгим и сладким, я растаяла в нем, а потом растворилась в огромном кражистом каштане, и это снова была смерть, но самая лучшая смерть, когда перестаешь существовать, ощущая беспредельное блаженство. И старая церковь скромно высилась рядом, как страж моего счастья.

И был третий день. Мы укрылись под сенью трав, в самом дальнем уголке сада и занимались любовью, пока не стало садиться солнце. Об этом я писать не хочу. Не могу.

Пришло время прощаться. Три дня пролетели быстро. Ф. был полон мною, моею нежностью и преданностью, точно так же, как я была полна им.

- Передай привет нашему сыну. Я люблю его, хоть и не знаю его и почту за честь стать его отцом.

Он поймал такси и уехал».

«27.10.88.

Постоянная, исполненная страхами и ожиданием тоска, долго не давала мне ничего писать. После этих воспоминаний я долго не могла прийти в себя. Думала о наших счастливых днях. Случились события. Работа дала мне счастье разнообразно, хоть и очень устало прожить эти несколько дней.

Утром встретила со знакомой переводчицей из Ленинграда. Она – мой почтальон. Переправила с ней открытку для Ф. Из Киева посылать не рискую.

Потом я работала с послом Турции в СССР. Он привез в Киев выставку товаров легкой промышленности и коллекцию моделей одежды. Очень милый человек. На переговорах в Киевской мэрии живо интересовался возможностью создания совместных предприятий. Расхваливал турецкую одежду и обувь. После приема в Горсовете, поехали в музей Русского искусства искать его жену. Нашли. Намного

моложе его, очень нежная, очень милая, элегантная и мягкая. Прямые темные волосы и очки в круглой оправе. Она приветливо разговаривала и во всем старалась помочь. Все вместе поехали на показ моделей. В фойе ждали приглашенные и любопытствующие. Их пригласили войти после посла, но толпа ждать не стала. Людям из министерства Легкой промышленности пришлось лечь на места, отведенные официальным лицам. Мы, наконец-то, сели. Последовал перевод общих слов и приветственных фраз. Затем мы увидели прекрасные модели. Шитье золотом, кожа антилопы, выделкой напоминающая тонкую шерсть. Турецкие манекенщицы улыбались мне с помоста, вероятно, вспоминая наш поход в Лавру накануне. Бросали мне гвоздики. Это было приятно. Наши люди из Дома Моделей напоминали театрально одетых фатов. Один без конца хватался за кошелек кричал: «Где за все это можно заплатить?»

На показе был Алексей. Попрошавшись с послом и его женой, я подошла к нему. Он принес мои старые сапоги, новые страшно жали. Переобулась в сторонке, но поняла, что не могу идти, болят мышцы. У меня, как и у многих переводчиков, после ответственных переводов и волнений, часто болят мышцы ног. Говорят, что во время стресса, в кровь выбрасывается молочная кислота. Поехали домой на такси. Смеркалось. Прошел еще один осенний день, а на коленях у меня лежала охапка красных гвоздик.

На следующий день приехал министр Рыбной промышленности Канады. В аэропорту министра выгрузили уставшим, не протрезвевшим и скрученным радикулитом. По дороге в гостиницу он спал. Затем последовал перевод в Рыбсовхозе. Три часа я мордовалась с мальками, кормами, травоядными рыбами, которые на самом деле водорослеядные, краснухой, которой они болеют, и разного рода паразитами. Ничего не скажешь, наши подготовились на совесть. Канадцам же больше всего понравился крепкий чай, они никак не могли отойти от дружеских проводов в Риге. Министр на фоне профессионалов из Рыбсовхоза выглядел дилетантом, даже не мог припомнить, сколько тонн форели выращивают ежегодно в его стране. Ему, видимо, и не надо этого знать, потому что форель есть у каждого канадца, который хочет ее потреблять, а у нас ее днем с огнем не сыщешь, одни цифры. По доброте душевной наши специалисты решили поделиться технологией выращивания форели в теплых водоемах. Канадцы скучали и стеснялись пробелов в своих познаниях. Ученых-теоретиков среди них не было. Выращивают рыбу не они: передали все фермерам, приучают простой люд бережно относиться к водоемам и все у них гораздо проще и лучше, чем у нас. Ориентируются на рынок – устрицы, лосось, форель. Угрей и карпов не едят. Гадость, с их точки зрения. На следующий день я показывала им город.

В Лавре попали к монахам, они специально для нас открыли пещеры. Меня взял за руку бородатый монах и повел, освещая свечой путь. Остальные шли за нами. Монах сказал: «Если душа не умерла, а еще жива, значит, все будет хорошо». Дай-то бог! В моей душе полно безответной, потерянной любви. Канадцы все веруют. Я, кажется, тоже, хоть и не крещенная, и не сдавшаяся на подчинение и смирение. Помолилась в темноте, чуть-чуть, про себя.

Как всегда, то, что долго было под запретом, теперь вызывает ажиотаж. Было очень много желающих попасть в пещеры, но их туда не пускали. Нам помог батюшка с редкой бородкой. Хитрый. Сказал, что когда все уйдут, мы должны незаметно вернуться и нас пустят. После я нашла его и поблагодарила. Он надеется, что Лавру вернут церкви. Я его поддержала. Монастырь должен быть, прежде всего,

монастырем, а уж потом музеем. А впрочем, каждый находит для себя там то, что ищет – красоту настенных росписей или отдохновение для души, или покаяние, а то и все разом, недаром святое место. Главное, чтобы в монастырях верующим разрешили снова молиться. Какое противоречие! Долгие годы советские экскурсоводы показывали приезжим за деньги место, которое было построено для молений, для разговоров с Богом. Однако именно это там было запрещено делать. Бесплатная прогулка к Богу на долгие годы была отменена. С другой стороны, важно, чтобы церковь, вновь обретшая свои обители, служила все-таки Духу, а не Кесарю.

Вечером канадцы ходили в театр. Я не пошла. Нет приличного платья. За обедом в цэковской гостинице «Октябрьская» ели вареники с вишней. На дворе конец октября. Я спросила: «Откуда вишни?». Официантка мне ответила не без ехидства: «А у нас все всегда растет и созревает». Для «слуг народа» все по-прежнему, включая ландыши в разгар зимней стужи. В машине, пока министр дремал, я подслушала разговор. Сопровождающее лицо из Москвы спросило у сопровождающего лица из Киева:

- Как у вас с перестройкой?

- Надеюсь, в 95-ом все закончится, - ответило лицо из Киева.

У меня аж дух захватило – бюрократы с их надеждами повернуть все снова вспять, сидели бок о бок со мной!

Канадцы мне понравились. На экскурсии они одевались спортивно, а на обед выходили в костюмах и галстуках. Министр всегда находился рядом со мной. Это – святое. Никто его место не занимал, пристраивались рядом. Он входил следом за мной и придвигал мне стул, чему официантки, привыкшие к хамству родных высокопоставленных постояльцев, откровенно усмехались.

И был еще Джон. Министр, несмотря на свою молодость, немного шепелявил и, поэтому, говорил не всегда внятно. Джон же обладал прекрасной дикцией, необыкновенным чувством юмора, был ироничен и теоретизировал. Как только министр уставал или не хотел больше говорить, он утверждал:

- Джон, ты наверняка хочешь кое-что добавить.

Джон с удовольствием и четко начинал излагать. Предмет разговора был для него не проблемой, он мог говорить на любую тему. Пока Джон говорил, министр строил мне глазки. Это было смешно. Именно Джон просветил меня насчет того, что «Катюши», во время войны, называли «Сталинским членом». А министру очень понравился фильм «Парк Горького». Может быть, он смотрел на меня и видел заснеженные поле и кромку леса впереди, и соболей, выпущенных из клеток на свободу. Он хотел, чтобы я, вторя героине, сказала: «Я умираю здесь, в России», в Украине, в советской клетке... Но я промолчала.

Был еще работник Канадского посольства г-н Мэдоуз. Поначалу я не предполагала, что один из них отнюдь не рыбак. О чем говорили за столом? Эмиграция в Канаду и возможность устроиться там на работу. Велись эти разговоры исключительно ради меня, видимо с благословения министра. Ему показалось, что мне в самый раз переехать на постоянное место жительства в Канаду. А ведь г-н Мэдоуз, перед отъездом, специально спустился раньше остальных в фойе и подошел ко мне. Что-то во всем было. Все это как-то меня касалось».

Глава 29.

Не искупившее страданий письмо.

«28.10.88.

Хочется плакать. Единственный выходной не принес ни отдыха, ни успокоения.

Сегодня ходила за продуктами. В магазинах грязь и нищета. В "Овощном" меня обманули на рубль. Рубль – это чепуха, но так противно! Унизительно, как будто вываляли в грязи. Как будто кто-то сказал мне в лицо, что я – дура и меня можно и нужно обманывать. Выходит, что за 3 кг. яблок и 3 кг. помидор я заплатила свою однодневную зарплату. Соображать надо сразу, но очередь, она свое дело знает: напирает, торопит, кричит. Очередь – благо для продавцов.

Ненавижу всей душой воровство, ставшее чертой нашего национального характера, ненавижу нашу дурь, безалаберность, лень, грязь, нищету, злость, неудовлетворенность и безразличие, которое тянется годами. Я люблю эту землю, свою Родину, но мне стыдно и страшно за то, что творится на этой земле.

Неужели такая ненависть из-за рубля? А разве это единственный раз, когда меня обманывали? Нас обманывали?»

«1.11.88.

Я не должна была сегодня ничего писать. Сильно ударилась головой о дверцу шкафа. Устала. Полно домашней работы, которую невозможно переделать. Опухли руки и веки.

По статистике многие женщины
от усталости сходят с ума.
Не позором-базаром развенчаны,
в сумасшедшие едут дома.

И живут на окраине города
в корпусах за глухими оградами –
некрасивые и не молодые,
непричесанные, ненарядные.

Им мужья передачи приносят.
Детям врут, что они отдыхают.
Они больше не требуют – просят.
Они больше не плачут – вздыхают.

Вот такое стихотворение написал Володин. How do you like it?

Взяла в руки яркий, сложенный мною в несколько раз, кусок бумаги с наклейкой цветочного магазина из «Marrriott Hotel». В него были завернуты те пушистые розовые гвоздики, которые Ф. подарил мне перед отъездом из Каира. Я храню бумагу и розовую ленточку, перетягивавшую корни цветов. С названием этой гостиницы связаны воспоминания из несбывшегося будущего – там должна была

состояться наша свадьба. «Одна из самых хороших гостиниц, тихая музыка, мягкий свет, свадебный торт, сделанный на заказ. Тебе понравится, дорогая».

Последние дни я ощущаю его совсем рядом. На сердце тревожно. Мой телефон прослушивается, я кое-что в этом понимаю. Почему? Может быть из-за г-на Мэдоуза? Пока я ничего не боюсь, но только пока...».

«2.11.88.

Никогда раньше я так сильно не любила и мне интересно, что происходит во мне? Как больной, регистрирующий свое состояние, я веду этот дневник, скрупулезно записывая, как болит моя душа. Нет, время не лечит, не успокаивает. Наоборот, с каждым днем я люблю все больше и больше. И главное, верю все сильнее. Теперь я понимаю, как женщины могли верить и ждать всю жизнь. «Я верю, что мы будем вместе. Я верю, что мы пройдемся вдвоем по этим местам. Я верю, что еще увижу его глаза, его улыбку». Часто эта вера ни на чем не основана, но крепнет изо дня в день. И вот, я уже глуха ко всем доводам разума: «Ведь мимо протекает жизнь. Ведь рядом подрастает сын. А я сама? Ведь полжизни еще впереди. И есть лучше, чем он. Встретишь еще». А я отвечаю: «Мне бы только его увидеть».

Неужели я схожу с ума? Внешне этого пока не заметно. С тех пор, как прошла моя неуверенная походка (моя болезнь), я вполне нормальный человек. Выполняю все функции, но внутри струна натянута до предела. И чтобы она не лопнула, я придумала себе поездку в Египет в начале следующего года. Другие страны я видеть не хочу. Сумасшедшая!

Вчера допоздна смотрела «Покаяние». Я не ходила на этот фильм год-полтора назад, когда он шел в кинотеатрах. Вокруг него был страшный ажиотаж. Помню, у нас в «Интуристе», все записывались на билеты, покупали их, меняли, перепродавали. Ажиотаж и массовые психозы не для меня. Они отбивают у меня желание соучаствовать. И потом, некоторые вещи нельзя делать скопом, как, например, смотреть «Покаяние». Нет, тогда я не пошла.

И вот, вчера, посмотрела его по телевизору. Это – не живой фильм. Он полностью символичен, поэтому все трагические моменты действуют непосредственно и сильно. Даже если бы осталась одна сцена с бревнами, я бы сказала, что это – лучший фильм о сталинском времени. Но он еще и о брежневском времени самодовольства, разврата и коррупции, которое почему-то называли «застоем». Эти нелюди. Эти особняки. Эти манто.

Подумала, почему еще жива интеллигенция у нас? Ведь уничтожали и вытравливали на протяжении веков! Откуда же у нас все-таки есть Лихачев, Черновол, Быков, который перед смертью нарисовал купола-свечки? Ведь интеллигенция так беззащитна, так уязвима, так не живуча. Живуча мысль, дух, что? И вот, когда соприкоснешься с настоящим искусством, подумаешь о настоящих, измученных, исстрадавшихся советских интеллигентах, думаешь: «Ну, как же я уеду от них? Как же брошу? Ведь они – это я. Все остальное – муть, наносное, возня бедных духом. Пока они есть, есть и моя земля и я должна быть здесь». В такие минуты Ф. отодвигается и становится далеким и маленьким. Он не конкурент здесь. Он не стоит и мизинца Тенгиза Абуладзе. Но все дело в том, что я тоже не стою. Я никогда не поднимусь до уровня таланта этих людей. Благодаря своему таланту,

искре Господней, они стали мучениками, облагородив и вознеся нашу Русь. В силу своей бесталанности я этой роли не удостоюсь».

«6.11.88.

Позавчера я работала с советскими туристами-индивидуалами из Одессы. Что это? Нарождающийся средний класс, наши первые бизнесмены или воры, которые уже не боятся показывать награбленное? Оба – и муж, и жена – младше меня лет на восемь. За три дня пребывания в номере люкс в гостинице «Русь» они оставили сумму, равную моей месячной зарплате; за мои услуги гида они заплатили сумму, равную моему авансу. Они часто приезжают в Киев по делам – покупать антиквариат. Оба закончили кулинарный техникум, он – завпроизводством в ресторане, она не работает. Телевизор в номере она не может смотреть, в кинотеатры и подавно не ходит, привыкла к своему японскому видею.

Боже упаси, я ничего не имею против больших денег, они дают свободу, осознание собственного достоинства, хорошее настроение и здоровье. На них можно купить неполное, но все же, счастье. Я бы не возражала прожить несколько дней, когда не надо думать, где взять денег на завтрашний день.

Должна признаться, мне было неприятно разговаривать с этими людьми. Одно дело рассказывать легенды американцам, блистая прекрасным английским, а другое – распинаться перед своими. Меня покорило тот факт, что уже появились мои соотечественники, которые смогли купить мои услуги. Раньше я была для них недоступна. Что это восторжествовало во мне – неужели элементарная зависть? Я так долго гордилась тем, что не соприкасалась с системой. Не марала руки об нее. А вот они не брезговали системой, выучили ее и теперь знают все ее слабые места. Моя интеллигентность оставила меня в нищете, а их предприимчивость дала им возможность разбогатеть. Однако откуда взялось их богатство? Он работает шефом в ресторане. Но ведь ресторан-то не его. Откуда же у него деньги, что позволяют скупать антиквариат в Киеве? Значит, к предпринимательству это не имеет никакого отношения. Эти деньги были просто украдены у таких, как я, которых приглашают в рестораны на чужие дни рождения. Его богатство – это обвес и обсчет таких, как я. Просто сейчас, когда устои рушатся и корабль тонет, мыши повылазили из щелей. Капитану просто не до них и, почувяв безнаказанность, они уже не прячут то, что удалось украсть.

Почему свои – такие чужие?

Взять, что ли, и написать Канадскому министру? Он говорил, переводчикам в Канаде хорошо платят, а с моим образованием вообще легко будет найти работу. И от этой идеи, как сказал Гессе, «мое сердце замирает от восторга и печали».

«12.11.88.

Неделю назад пришло письмо от Ф. Я долго не решалась к этой теме прикоснуться, но обойти ее было бы нечестно. Письмо было написано не Ф., оно было написано по-русски, но кем-то, кто плохо им владел. Незнакомый мне человек знакомым почерком исписал тетрадную страничку, коверкая русские слова. Все мои предчувствия оправдались. В Нью-Йорке, куда Ф. повез своего отца на операцию, он попал в автомобильную катастрофу, пролежал больше месяца в больнице, и его правая рука все еще в гипсе. Получив письмо, я безумно радовалась. Схватила нашу собаку и танцевала с ней по всей квартире, хотя эта корова очень тяжелая. Но, прочитав письмо, у меня возникло несколько ощущений. Сначала оптимистическое:

судьба нас испытала, меня тяжелой болезнью, его – переломами. Мы остались живы и будем вместе. Потом – раздраженно-пессимистическое. Когда письма пишет Ф., он поэт. Слова идут из глубины его души, они пахнут любовью, их можно читать без конца, они не надоедают, как хорошие стихи. И вдруг, после двух месяцев молчания: «как твои дела?», «я хочу много знать о тебе», – этот примитивный, исковерканный русский вызвал во мне брезгливое недоумение.

Мне бы радоваться, что он жив остался, а я вот недовольна стилем. Ведь мой любимый подал мне весточку как только смог, письмо, небось, недели три шло. Он, вернее, кто-то другой, пишет, что врач до сих пор навещает его каждый день, значит он еще не совсем здоров. Почему же я не радуюсь этому письму? Почему я злюсь и задаю себе такой каверзный, но такой уместный вопрос – неужели нельзя было хоть раз позвонить, набрав номер левой рукой?! Ведь я ждала, терзаясь в догадках, я страдала, я передумала целый ворох ненужных мыслей, в том числе и ту, что, меня, недостойную, банально бросили. Теперь, когда я знаю, что он жив и у меня от сердца отлегло, неужели я обвиняю его в своих страданиях? Похоже на то. А если бы я вообще не получила письма, неважно на каком языке написанного – русском или китайском, было бы лучше? Да, было бы лучше, потому что такой финал – любимый не то пропал, не то бросил – подразумевает страдания. А так, все мои охи и ахи, все мои слезы, все мечты и бессонные ночи были напрасны. Они дорого мне обошлись и теперь кто-то должен заплатить за мои бесполезные страдания.

Господи, что я несу? Я должна разобраться с собой. Думаю, способность к любви у меня есть, но я не умею любить обыкновенно, радостно, по-человечески, а надо учиться. Хотела любви со сказочным концом, а получилась наша, славянская, трагическая, тяжелая, жертвенная страсть. Кому она нужна? Мне надо было верить Ф. и спокойно ждать, а потом обрадоваться его письму и продолжить с того места, где мы остановились, с подготовки к свадьбе. Вместо этого я, настрадавшись, прожила в своем буйном, нетерпеливом воображении и нашу свадьбу, и переезд в Париж, и нашу жизнь, и интимные сцены из нашей жизни, и мою беременность и роды, и теперь мне мало этого простого и наивного письма. Один очень уместный вопрос к самой себе – кто меня просил все это переживать? Неужели так трудно быть проще?»

Глава 30.

На волнах тоски.

«17.11.88.

Долго ничего не писала. Что-то говорилось за эти дни, как-то работалось. Чувствую я себя плохо, напухли лимфоузлы на голове, температура и днем и вечером. Наступила зима. Несколько дней подряд шел снег, но тут же таял. Было зябко, темно, сыро, одним словом – мерзко. Все эти дни я работала в «Днепре». Там в холле большие окна и каждый раз, прежде чем решиться выйти на улицу, нырнуть в эту мряку, одеть на лицо улыбку, взять микрофон в руки и заговорить на иностранном языке, я несколько минут стою, съезжившись, перед этими окнами, держа руки в карманах пальто, уговаривая себя: «Иди, надо!». Мне все труднее играть свою роль. Неважно, сколько человек сидит или стоит передо мной – сто, пятьдесят или пять.

Когда зрителей мало, играть гораздо сложнее. Они все сидят в первом ряду, их ничего не отвлекает и они все замечают. Я знаю, как я должна играть свою роль: сначала заставить их слушать, потом услышать, что я говорю, потом понять и сформировать свое отношение к тому, что они услышали и увидели. Соединить все воедино и стать сопереживать. Увидеть все моими глазами. Это высший пилотаж. Но последнее время у меня не получается, потому что я выхожу на сцену без задора и куража. Мне холодно, скучно, тоскливо и эту тоску я передаю своим зрителям, которые ждут от меня совсем другого. Они сердятся на меня за то, что я их не развлекаю, т.е. не играю своей роли.

Киев красив летом, когда есть желание пройтись пешком от Владимирской горки к Софийскому собору, погулять в садах и парках. Но зимой всю экскурсионную программу можно сделать за один день. Это Ленинград – зимний город, там можно спрятаться в Эрмитаже на целую неделю, а то и на месяц, а у нас все под открытым небом. Разве что Русский музей, в котором одно время был Врубель и его «Девочка на фоне персидского ковра», перед которой можно было постоять, но теперь и этого нет, куда пропала картина неизвестно. Можно поехать в Кирилловскую церковь, что рядом с психушкой, посмотреть Врубеля. Он там расписал стены и написал иконы. Чудо! Но мы туда не ездим – далеко и сумасшедшие рядом. Поэтому снова тащимся в Печерский монастырь, где до Нового года закрыты пещеры, в них случился обвал. В Дальние пещеры ходить бесполезно и опасно: монахи, которые теперь там хозяева, нас не жалуют и внутрь не пускают, а, кроме того, спускаясь туда, можно поскользнуться. Пытаюсь объяснить, что у нас так мало достопримечательностей сохранилось, потому что Киев был сильно разрушен во время войны. Я, конечно, молчу о том, что еще задолго до войны, мы сами разрушили гораздо больше всяких врагов. А потом, в угаре культа и тяги к монументализму, стали создавать ужасные вещи. Такие, как Мать-Родина, например. Сами себе враги. В такие дни я ненавижу себя, ненавижу свой город, потому, что чувствую, что туристы в растерянности, им ничего не нравится, они не понимают, зачем приехали в этот серый и тоскливый Киев.

В ресторане «Днепра» травят тараканов. Они же, вместо того, чтобы послушно сдохнуть, решили подняться наверх, в номера. Утром у американцев появилось весьма брезгливое отношение не только к гостинице, но и к «Интуристу» в целом. Крепнет предчувствие, что эра шестидесятилетнего царствования «Интуриста» на монопольном рынке иностранного туризма, подходит к концу. Жаль, нигде так не будут готовить гидов, как готовили их в «Интуристе», и что же станет с ловлей шпионов?

Я тут подумала: три года назад, когда только-только началось обновление, люди были более оптимистично настроены. Сейчас же настроение у всех подавленное и не потому, что нет стирального порошка, мыла, сахара и конфет, не потому, что еще только начало осени, а картошка уже вся слизкая и гнилая, и не потому, что люди выкормили за лето скот, а его теперь не принимают на бойню. Когда был застой, люди надеялись на лучшее, пик надежд пришелся на 1985-й. Сейчас же, после подъема, все ожидают плохого, вот и появился страх перед будущим. Да перед каким будущим? Которое уже ни залатать, ни назвать социалистическим нельзя, где уже не прикроешься ни привилегиями, ни преимуществами советского образа жизни. Если реакция наступит, то будет уж очень темно и мерзко. Дай Бог, чтобы все это оказалось пустой болтовней. Я боюсь предстоящих лет.

Меня волнует Игнат. Мы недавно пошли покупать ему костюм и я узнала, что мой сын состоит из одних комплексов. Он боится магазинов, продавцов, примерочных кабинок и того, что мне не хватит денег. Мне было искренне жаль его. Откуда эта приниженность? В такие минуты я ненавижу себя и отрицаю себя как мать – я не сумела родить своего ребенка в такую жизнь, где чувство собственного достоинства не было бы попрано хотя бы в магазинах. Бесплезно объяснять, что магазины созданы для нашего удобства и что мы в них хозяева, он не поверит. Сколько раз он видел грубых продавцов и заискивающих покупателей! А очереди?! Вот так, с детства появляется комплекс неполноценности, который как червь источает достоинство. В результате вырастает некое подобие человека, бесправное и поддобострастное. Как бы мне хотелось видеть своего сына другим!

И третье, что меня волнует, это Ф. Как всегда! Мне кажется, моя любовь приобретает более прикладной, практический характер. Да, я получила от него письмо, да, я написала ему. Но ведь мое письмо не дойдет! Стучишься как головой об стену и уповаешь только на то, что у него хватит ума позвонить. Это ожидание выматывает, я понимаю, что надо действовать, что хватит ждать, но сделать ничего не могу, как тот крестьянин без права на землю. До начала следующего года я никуда не еду, да еще неизвестно, поеду ли вообще. Так что, мне очень нужен его приезд в Киев. Но как ему передать, что его здесь ждут?! Господи, живешь, как в темнице. Когда все это кончится?».

«18.11.88.

На улице идет снег и уже появились сугробы, а ведь только середина ноября! Стояла долгая, сухая, солнечная осень, слегка смоченная моими слезами. Но так рано началась зима!

В такое время, когда идет снег и даже в одиннадцать часов утра темно, когда дома тепло и сухо, тихо играет музыка и есть минимальные запасы картошки и мяса, когда я болею и можно никуда не выходить, мне кажется, что все еще ничего... А выгони меня сейчас ошиваться по автобусам и вещать на туристов! Умру, но не пойду.

В такие дни я особенно люблю Ф. Хочется, чтобы он приехал, забрал меня и вылечил. Вылечил не только мою больную голову, но всю меня: уставшее тело, уставшую душу. Вылечил бы от однообразия, показал бы мне другие страны и весь мир. Нежно и с улыбкой, как это только он умеет делать, дотронулся бы до меня и сказал: «Хорошо? Очень хорошо, ведь, правда?». Я так часто об этом мечтаю, что даже, если судьба позволит нам соединиться, наша будущая совместная жизнь мне будет знакома до самых мельчайших подробностей. Каждый день я проживаю нашу будущую совместную жизнь, каждую ночь засыпаю в облаке надежд и слез, а каждое утро, еще окончательно не проснувшись, пребываю в уверенности, что накануне мы виделись и провели целый день вдвоем. Но полное пробуждение быстро возвращает меня к действительности и я понимаю, что его нет. Нет звонка, неизвестно, придет ли письмо и приедет ли он сам. Я начинаю свой день...

У нас есть собака, которая превратилась в человека. Мы все ее любим и уважаем ее привычки. Вечером она устраивается спать в кресле, что стоит рядом с диваном, на котором спит Игнат, и их головы соприкасаются. Перед сном они долго о чем-то тихо беседуют. Утром она ждет, когда я встану. Приветствует она всех, но ведь это я беру желтую кастрюльку и разогреваю в ней молоко. Всю процедуру она знает наизусть и очень недовольна, если я запаздываю. Стоит мне немного дольше,

чем обычно, чистить зубы, она заливаётся лаем, тянет меня за халат и зовет на кухню. Иногда молока не бывает и она всем своим видом показывает, что очень разочарована, вопросительно поглядывает на меня и на холодильник в надежде получить хоть яйцо. Как только Алексей уходит, она без зазрения совести залазит на его половину кровати, ложится на спину, поднимает лапы и моментально засыпает. Ее не смущают ни я, ни Игнат. Но стоит Алексею вернуться, ее моментально сдувает с кровати, правда, вид у нее совсем не виноватый – она выглядит оскорбленной и полна чувства собственного достоинства. Если дверь в спальню закрыта, она уютно сворачивается в кресле, потом переползает в другое кресло, потом на диван, где, опять-таки, можно вытянуться на спине.

Она любит общаться с внешним миром. Для этого у нее есть балкон с дыркой для обзора и подстилкой на бетонном полу. Будучи близорукой, как все собаки, она, тем не менее, все видит, а тем более, слышит. Редкий день обходится без того, чтобы она не облаяла всю округу и не навела порядок. Особенно ее раздражают рабочие и голуби, а так как, те и другие появляются в нашем дворе ежедневно, дел у нее хватает и она постоянно занята.

Ест она с нами, потом отдельно от нас, а, в общем-то, все время что-то пожевывает. Когда мы садимся за стол, она фамильярно и властно кладет свою лапу на мое колено и смотрит. Нет, она не просит. Она ждет, ждет одновременно с пофигизмом и стоицизмом. Если на столе что-то очень, с ее точки зрения, вкусненькое, она кладет на мои колени обе лапы и морду, истекающую слюной. Она буквально растекается по моей ноге. Да, теперь она просит, это всем очевидно, но я стараюсь не унижать ее, заставляя долго попрошайничать, и даю ей самый лакомый кусочек. Она никогда не подходит во время еды к Алексею или Игнату, а для меня уже немыслимо обедать или ужинать без ее лапы на моем колене.

Потом она кушает отдельно. Вечером, после прогулки. Не дожидаясь, когда ей вытрут лапы, она мчится на кухню проверять миски. Если Алексей особенно суров, она послушно ждет в коридоре, переминаясь с ноги на ногу и втягивает воздух через щелку в кухонной двери. Добравшись, наконец, до миски, она не отойдет, пока не будет все съедено и миска не будет блестеть. Да и потом, она еще не раз подойдет к вылизанной до блеска миске и погремит ею. Но это так, на всякий случай, она знает, что больше не получит, потому что и так не худая. Если честно, толстой ее не назовешь, она немного упитана, но Алексей не доволен: она не может сдать простейших экзаменов. Однако не в силу своей упитанности, а исключительно из-за своего характера. Она умна и ленива. Она также очень красива своей собачьей красотой и, скорее всего, догадывается об этом. Получив пару медалей за экстерьер, она совсем не хочет напрягаться для большего.

С ней можно о многом поговорить, она меня понимает лучше, чем мой муж. А уж когда я болела, она не выходила из спальни. Положит морду на одеяло и смотрит. Мне становилось легче от ее присутствия. Помню, после болезни у меня очень болел желудок и я должна была вставать и что-нибудь съесть по ночам. Она появлялась на кухне заспанная, с перевернутой задом наперед мордой, и, засыпая на ходу, сидела со мной пока я не поем, составляя мне компанию. Это было очень трогательно.

Она знает, когда приходит из школы Игнат и ждет его, знает, когда приходит Алексей и знает, когда он пойдет с ней гулять. За полчаса до девяти, она начинает посматривать в его сторону, потом начинает лаять, потом вбегает впереди него в кладовку и кусает его за ноги, не давая ему надеть ботинки. Она мешает ему, таким

образом, сама задерживая свою же прогулку. На лестничной площадке громко негодует, если кто-то угнал лифт, потом спустившись, вышибает дверь в подъезде и – вперед. Хорошо, если кошки успели спрятаться и вокруг нет луж и голубей. Тогда обходится без брызг, воплей, мяуканья и безумного хлопанья крыльями. Правда, вороны ее не боятся - они умней, чем она. Тут уж ничего не поделаешь.

Иногда она помогает убирать квартиру. Я понимаю, что она делает это от чистого сердца, но всегда невпопад. Когда уборка уже позади и квартира сияет чистотой, она демонстративно и с остервенением начинает вытряхивать свою подстилку, на которой она никогда не лежит. Делает она это посреди комнаты, потому что только там есть место развернуться. Она чувствует себя полной хозяйкой в доме. Пожалуй, наравне со мной. И это очень смешно. Она сама угощается яблоками из вазы на журнальном столике, морковкой из сетки или мясом из раковины. Она – это Забава, наш эрдельтерьер, с родословной, которая не умещается на двух печатных листах. Я люблю ее, привыкла к ее присутствию, мне нравится заботиться о ней и я совсем не представляю, как смогу с ней расстаться».

«21.11.88.

Сколько можно мечтать и ждать?! Я не могу больше жить двойной жизнью и совсем не могу заставить себя ходить на работу. А с другой стороны, не зная еще ничего наверняка, очень страшно потерять работу. Алексей этого очень боится. Он меня опять попросил выписать аванс.

«День прошел, как и вообще-то проходят дни: я убил, я тихо сгубил его своим примитивным и робким способом жить». Разве можно сказать лучше, чем Герман Гессе? Откуда он все это знал? Неужели я такая же, как и он – человек с одним лишним измерением?».

«22.11.88.

Если можно было бы писать в темноте, я бы не зажигала света. В темной спальне так уютно светится окно. На дворе все укутано белым снегом и горят два фонаря. Душа на мгновение замирает в ожидании счастья, но тут же приходит в себя и начинает метаться, как затравленная волчица в логове, где заделали лаз.

О, Господи! Я молюсь этим двум фонарям в нашем темном дворе, как двум свечам перед ликом твоим, Господи. Помоги нам. Знаю, тебя надо просить не о помощи, но о терпении. Помоги, укрепи и продли мое терпение. Оно иссыкает. Я не знаю ни одной молитвы, чтобы прочесть во славу твою. Я говорю с тобой от бессилия. Приползла на коленях, потому что беспомощна. Помоги, как помогал уже дважды, вызволив меня из сложных родов и тяжелой болезни. И сейчас не оставь нас в доброте своей. Дай сыну моему здоровья, а для себя прошу терпения и сил. Авось, выпадет мне в этой жизни всякого, но и счастья тоже. Чуть-чуть. Я плохо знаю жизнь твою, Господи. Призывал ли ты к смирению или, напротив, укреплял веру людей, давая им силы бороться и преодолевать? Заставлял ли ты их поверить в чудеса? Не верю я... Нет, не в твои чудеса. Не верю я в наше славянское будущее. И как же я в этом грешна! Не осуждай, меня. Я должна отойти от всего и посмотреть отстраненно, издали. И тогда, о, Господи, может быть, я вернусь и припаду губами

к родной земле, напоенной кровью и слезами, прошу этот безропотный народ и скажу: «Грешна».

Стыдно ли мне из-за своего желания смалодушничать и уехать? Нет. Во-первых, потому, что люблю. Во-вторых, я уже не застаю тех новых людей, которые смогут, наконец, озарить нашу страну своим добрым гением и порядочностью. Я не доживу до этого.

Вчера Игната привели из школы с сотрясением мозга. Это уже третье. Дважды из-за одного и того же мальчишки. Прошлый раз он ударил Игната ногой в голову, а вчера подкрался сзади и ударил головой об стену. Ему такие забавы доставляют радость. Он – здоровый, толстый дебил. Таким его вырастили родители.

Мы говорим, что потеряли поколение. Это верно. Мы потеряли его не только в смысле образованности, информированности и причастности к новейшим технологиям. Но и в моральном смысле, в духовном, в нравственном. Поколение моего сына растет закомплексованным, подобострастным, с подавленным чувством собственного достоинства. Поколение без амбиций и тщеславия. С другой стороны, в психике и поведении некоторых особей в избытке присутствуют наглость и агрессивность. Они насилуют девочек из младших классов, бьют стекла и поджигают школы. Они сильны, откормлены и, увы, примитивны. Они готовы громить. Это страшно. У них другой генетический код, невосприимчивый к добру и состраданию. Результат искусственной селекции, начатой красными вождями в 1917 году, налицо. И, хотя бы, уже не говорили об этих Пленумах комсомола, где председательствуют лысые комсомольцы! Я бы на месте этой организации от стыда самораспустилась! Но они упорствуют. Когда-то чей-то злой гений создал эти многомиллионные живучие монстры. Они принадлежат прошлому, они уже не больше, чем тени из прошлого, как и революция с ее сомнительными героями и кровавыми подвигами. Прав был Б. Брехт, сказав: «Несчастлива та страна, которая нуждается в героях».

К сожалению, часто, даже желая что-то изменить по существу, мы держимся за мертвые символы, которые уже давно отвращают людей».

«2.12.88.

Вчера моему мужу исполнилось тридцать пять лет. Я угощала ужином его родителей и сестру с мужем. Во время застолья мне хотелось кричать. Казалось, что я нахожусь в дурдоме, в самом сердце выдуманной нереальной ситуации, в окружении шизофреников, которые владеют определенным набором слов и фраз и без конца повторяют – им кажется, что они что-то значат. Я взяла в руки бокал с розовым вином, заглянула внутрь и сказала про себя: «Фахри, забери меня отсюда!». Когда все было кончено и все ушли, я расплакалась и снова молилась перед зеркалом.

Самое страшное, что я больше не верю Ф., да и не очень хочу его снова видеть. Немного забыла его, немного обидно. Хотелось бы, чтобы меня стали любить сильно. Пусть бы звонил, писал, приезжал, умолял. Не везет мне на такую любовь. Никому я не нужна. Марго предлагала отправить еще два письма, но я отказалась. Зачем эти письма? Написав вечером, днем я их перечитала. Это вопль, просьба о любви. Нет, этих писем я не отправила. К чему? Если чувство начинает унижать... Я ставлю себя на его место. Допустим, он не получил ни одной моей открытки, ни одного письма. Как он расценивает мое молчание? А вдруг со мной что-то случилось? Неужели ему до такой степени безразлично?! Думаю, он еще не умеет

любить. А я не хочу учить его. Алексей ведь тоже не умел, а теперь с каждым годом влюбляется в меня все больше. Я знаю это. Да черт с ним, мне безразличны его чувства.

Во время ужина он был абсолютно miserable. Даже меньше ростом стал. Все никак не мог разговориться вначале. Потом предложил тост за меня. Весь вечер повторял, что любит меня и хочет, чтобы я была счастлива. Какое благородство! Нет, чтобы сказал:

- Брось! Даже не думай о нем! Выкинь его из головы! Я не отдам тебя. Я сделаю все, чтобы тебе было хорошо здесь, со мной. Заработаю денег, наш сын будет учиться. Ты станешь гордиться мной.

Я понимаю, сказать, а тем более сделать все это трудно. Избавиться же от меня и сына под предлогом, что он хочет, чтобы мы были счастливы, гораздо легче. Но я не в обиде. Я в обиде на Ф. Три месяца я изо дня в день жду, но теперь я устала ждать. Люблю ли я его? Не знаю.

За окном несколько дней завывал ветер и вьюжил снег. Теперь снег лег и установился мороз. Я умираю, когда холодно. Мне не хочется двигаться и даже в мечтах нет желания уноситься уж слишком далеко. Душа моя замерзла и съежилась. Поэтому мысли, в основном, крутятся вокруг привычных и обыденных дел – готовка, уборка и все быстро, быстро, задыхаясь, как будто кто-то гонится за мной, как будто не успею. Игнат все еще дома, но я рада, что ему лучше. Его головные боли, вызванные сотрясением, постепенно проходят. Свою же голову и руки я занимаю чепухой, но, видит Бог, не хочется так прожить еще тридцать лет или сколько мне там отпущено. Не хочу жить с мужем и встречаться с его семьей, хотя они, кажется, уважают меня больше, чем собственного сына. Мне наплевать. Хочется показать им большую и смачную фигу издалека. Единственное, но сильное желание.

Я часто думаю и удивляюсь тому, что Марго так много работает. И по субботам, и в будни до десяти вечера. Ее выбрали в партком и она без конца заседает.

- Зачем тебе это надо? – спрашиваю я. – Я бы так не смогла, потому что во все это не верю.

- Я тоже не верю, но чем-то занять себя надо, - отвечает она. – Страшно возвращаться к тому периоду, когда сидела на диване и смотрела в одну точку.

А у меня этот период только начинается. Несвоевременные чувства пришли ко мне и Марго приблизительно в одном и том же возрасте. Она потерпела неудачу, ее возлюбленный был женат. После того, как они расстались, и Марго не смогла совладать с потерей и одиночеством, ее заперли в отделении для нервнобольных в Кремлевке и вылечили. Что делать, в определенном возрасте нас всех подстерегают те или иные вывихи. Это от отчаяния, от того, что посередине жизни многих людей охватывает паника. В советской империи практически невозможно что-либо создать в личном плане. Не в масштабе страны, а персонально – чтобы почувствовать собственную значимость, чтобы стать самодостаточным. Партия и правительство этого не позволяют. Если ты знаменитость, то только с их одобрения, поэтому те, кому не посчастливилось стать «человеком системы», те, кто не был вознесен за верное служение, оглядываются и находят вокруг себя пустоту. Строил, строил и ничего не построил. Бывают те, кто, переболев и перемучившись, снова обретают вкус к жизни и продолжает жить. Другие же, окончательно утратив надежды и мечты, понимают, что своевременный компромисс лучше, чем затянувшийся бунт, ведущий прямиком в психушку.

Ах, эта наша послушность, боязнь куда-нибудь двинуться, что-то нарушить, изменить, рискнуть. Не знаю, если бы Ф. еще так добивался меня, так звал, так хотел! Стою на льдинке, которая тает и опоры найти не могу. Истает она совсем и что тогда?

Меня здесь унижает все: моя работа, отсутствие прав, свобод и товаров. Но можно приползти в свою двухкомнатную квартиру, в которой еще так много не хватает, забиться в спальню, переспать, передумать, перестрадать. Перебыть до утра, а там – дальше. Крыша над головой есть, муж есть. Как говорится, минимум гарантирован. И черт с ним! Что еще надо? При наших-то, минимальных запросах и желаниях? Доживу как-нибудь. Но мое внутреннее гадкое, неуспокоенное «я» не дает мне покоя: в тридцать лет только доживать?! Ведь есть же места, где люди живут, работают и дышат в полную грудь. Пусть трудно, но все же. Пусть там все чужие, но мне и здесь все чужие. Я не терплю хамства, я задыхаюсь. Терпение и послушание, это отдельная тема. А пока, вот так качаюсь на волнах своей тоски, вверх-вниз, вверх-вниз, не ведая, когда и на какой берег меня выбросит.

Что это я все о себе да о своих дурацких чувствах? Но о чем тогда? О медсестрах, которые служили в Афганистане, облегчая страдания четверемстам раненым на день? Кормили их одной кашей, от голода их качало. Они погибали под пулями и от разрывов мин. Кто же в это время куриные потрошки жевал? Не слуги ли народа и их отпрыски?

Или о том, что труп ребенка можно сжечь в крематории за 67 копеек? Какая дешевка, Господи! Хочется кричать, как в театре абсурда кричат сошедшие с ума актеры: «Сжигайте их сотнями! Всего 67 копеек!». Прости, меня, Господи...»

Глава 31.

Все начинается с мечты.

«3.12.88.

Алексей сегодня удивил меня. Вечером, после ужина, он попросил меня выйти с ним во двор. Мы даже не стали брать Забаву, просто вышли и встали под деревом. Было холодно, меня знобило. Его тоже трясло от непонятного мне возбуждения.

- Я не хотел разговаривать в доме. Кто его знает, может быть, нас слушают. Я хотел сказать тебе вот что. Я подавал документы в КГБ, еще давно, я не говорил тебе. Так вот, меня сегодня вызвали на собеседование.

- И что сказали?

- Сказали, что в принципе, я им не нужен. Но они предложили мне определенный вид сотрудничества.

- За мной шпионить? – спросила я не без ехидства.

- Да нет, ты не велика птица. Они спрашивали про мою тетку. Ну, ты ведь знаешь ее круг: евреи, которые хотят выехать. Меня попросили там чаще бывать и информировать их.

- Что же ты ответил?

- Не знаю, они сказали, что если информация будет стоящей...

- Иными словами, если ты заслужишь их доверие, заложив родную тетку и ее друзей...

- Ты слова выбирай!

- Значит, если ты начнешь доносить на родную тетку, - не успокаивалась я, - то отличишься, заработаешь их доверие, и в награду за это тебя возьмут на работу в органы. Не побрезгуешь стукачом стать? Сталинские времена вроде бы прошли.

- Я хотел с тобой посоветоваться.

Я долго смотрела на него, своего мужа. Меня трясло еще сильнее и я никак не могла собраться с мыслями. В голове крутились неясные и пустые вопросы о том, как я могу жить с таким человеком под одной крышей, есть за одним столом, спать в одной постели? Он беспомощно смотрел на меня. Я понимала, что с ним происходит: он, вместе с перестройкой потеряв свой статус комсомольского вожака на заводе, решил завоевать уважение, объявив в кругу семьи о том, что он работает в органах, имеет офицерское звание и получает хорошую зарплату. Мне стало жаль его. Он снова не понял, не ощутил времени.

- Сволочью будешь, если на такое решишься.

Я развернулась и пошла в дом. Замерзла».

«12.12.88.

Вероятно, у меня сейчас такое состояние, которое испытывает наркоман, когда у него нет очередной дозы, чтобы успокоился его, сошедший с ума, дух. Хочется метаться и кричать. Привязать бы меня ремнями к кровати и дать умереть, или оглушить лекарствами так, чтобы я оглохла и ослепла.

Сначала мне снились сны. Опавшие листья, завядшие цветы. Потом с Игнатом случилось это беда - сотрясение. Врач-специалист, у которого мы побывали, сказал, что это серьезно, что еще дней двенадцать ему надо быть дома. За один раз Игнат выпивает пять-шесть таблеток и витамины. Я молю Бога, чтобы все эти сотрясения прошли бесследно. Некоторые обследования у нас еще впереди. Я взяла отпуск за свой счет. Мне кажется, что с работой покончено. Не знаю, умом я понимаю, что не должна бросать работу и не брошу, если...

Седьмого декабря в Армении произошло ужасное, трагическое землетрясение. Погибли десятки тысяч человек. Я видела на восемьдесят процентов разрушенный миллионный город, видела разрушенный до основания маленький городок. Я видела гору наспех сколоченных детских гробов. Это правда, поднялась вся страна и весь мир. Каждый день взлетают самолеты, отправляются грузы. Перечислены миллионы рублей. Люди сообщают свои адреса, они готовы принять тех, кто остался без крова. Когда я наблюдаю эту демонстрацию человеческого единения, на глаза наворачиваются слезы. Мы решили отправить свитера Игната и детское питание.

Эта трагедия напомнила мне о Чернобыле. Может быть, я сейчас буду говорить кощунственные вещи, но я так думаю. Вчера одна женщина из глубинки, совсем не богатой дарами земли, сказала: «Пустите машину по улицам. Мы загрузим ее картошкой, овощами. Пусть отправят в Армению». Это верно, пусть. Но вспомним: случился Чернобыль. Я могу понять мировую общественность, которая, кроме Ар. Хаммера и доктора Гейла, никак не среагировала – ее мы попытались обмануть. Новые советские вожди лгали, видно, по привычке. Финляндия забеспокоилась и первая забила тревогу. Конечно, страны были потрясены нашей преступной ложью. Но мы, оставаясь у всех на виду неслыханными дураками, продолжали экспериментировать, только уже с нашим, собственным населением: выгоняли детей на Первомайскую демонстрацию, забирали у отцов партбилеты,

если они пытались отправить семьи за пределы Киева, принудительно возвращали детей первого сентября на занятия в школы – ведь нам не нужна была паника. Нас уверяли, что все продукты – чистые, а малые дозы радиации совсем не вредны, а даже полезны. Парткомы обязали все учреждения послать своих служащих на день-два в колхозы, помочь с уборкой овощей. Я ездила убирать укроп. Жара была несусветная, пыль стояла столбом. Мы выдергивали укроп из пересохшей земли безо всяких масок и ее мельчайшие частички попадали нам в легкие. Сваливали укроп в кучу. Затем пришли какие-то люди, замерили уровень радиации и сказали, что уровень высокий, а, следовательно, в магазины этот укроп не пойдет, а пойдет на засолку. Вот так я драла укроп в одном из совхозов к северу от Киева.

Детей наших девять было некуда. Только под конец лета их стали вывозить, но куда? В Карпаты, под Одессу, в Севастополь. Кого мы пытались одурачить? Радиоактивное облако накрыло территорию от Швеции и Финляндии до Греции! Незначительные осадки выпали даже в Канаде и в Австралии. Я сама видела карту в «National Geographic», который мне оставили американцы и который я храню до сих пор. И я не помню, чтобы предприятия перечисляли миллионы рублей, не помню, чтобы люди, выступая по телевидению, давали свои адреса, приглашая нас в гости, не помню, чтобы кто-то прислал нам нерадиоактивную картошку. Нет, такого не было, к нам относились как к прокаженным. В ту зиму мы съели все со своих полей и огородов. В Ереване одновременно трагедия унесла десятки тысяч жизней, мы будем умирать медленно. Незаметно. Будем болеть и все будет хорошо.

Хорошо, что за эти два года мы изменились и стали больше сострадать друг другу. Может быть, случись Чернобыль сейчас, люди отнеслась бы к этой трагедии иначе. Если бы мы не плевали на мировое сообщество, в то же время, угрожая ему из-за своего «железного занавеса», правительства и народы разных стран откликнулись бы на нашу беду два года назад так, как они откликнулись на трагедию в Армении. Да, все имеет свои причины.

Дай Бог, чтобы в Армении в живых осталось как можно больше людей. Пусть уцелевшие, обливаясь слезами, полуживые от горя, быстрее растаскивают камни. Пусть такие трагедии не повторяются. Нам и так слишком много выпало за последние два года».

«15.12.88.

Сегодня я проснулась с ощущением, что этот день черный и серый, и обтянут бархатом, как гроб. Я испугалась. И подумала, что я опять ничего не хочу.

Вечером мы гуляли. Было туманно, лежал чистый, только что выпавший снег и мне хотелось упасть лицом в этот снег и кричать. Так больно-больно-больно. Появилось ощущение, что жизнь постепенно отслаивается от меня. Отслоились многие люди и события. Я их просто больше не воспринимаю. Появилось время позаниматься греческим, но зачем он мне нужен, ведь никогда не пригодится. Зачем же терять время?! Отслоилась работа. Раньше, стоило пропустить несколько дней, я с волнением шла утром – что там? И окуналась в то, что происходило. Сейчас мне безразлично. Я спокойно иду, прихожу, сажусь за свой стол и все происходит не во мне и не рядом со мной, а за толстым стеклом. Остались нити, связывающие меня с этой жизнью – мама, бабушка, Игнат, Марго, наша собака и все, больше никого и ничего.

Я прекрасно знаю, почему все отслаивается. Потому что я ни здесь, ни там. Буду ли я там, неизвестно, в этом весь ужас моего двусмысленного положения. Но я уже и не здесь. *Каждую минуту каждого дня я разговариваю с Ф., потакая себе и позволяя жить воображаемой жизнью, вот и перенесла себя из этой реальной в ту, воображаемую. Сегодня утром, например, готовя Игнату творог, я думала, что скажет Ф. на такой завтрак. Творог, чашечка кофе и пирожное. Мне кажется, творог бы он не одобрил.*

Я провела изумительную ночь – начала читать «Под заботой конвоя» Генриха Белля.

Портрет молодой тридцатидвухлетней женщины. Это – я. Приятно читать о себе, да еще, когда так много совпадений и именно в том, что дорого, о чем так много думаешь. В тридцать два она впервые изменила мужу-миллионеру. Правда, у меня муж не миллионер, но это даже к лучшему. Алексей, впрочем, такой же порядочный, добрый и во многом положительный человек (он только что хотел стать информатором ГКБ), как и муж героини. Она удивляется тому, что отдалась простому парню-полицейскому, который моложе ее на два года, с радостью и без колебаний. И поставь рядом с ним еще с полдюжины мужчин с громкими именами и большими состояниями, она снова выбрала бы только его. *Так же и у меня. Двенадцать лет я даже и мысли не могла допустить об измене и не потому, что я так уж добродетельна. На моей совести тот случай в лесу с капитаном. Сережа Белов, кажется, так его звали? Но это было нечто, что должно было произойти, ведь тогда меня чуть не убили, и было так страшно и мы просто прятались. Прятались от страха в лесу и в нашей неожиданной страсти. Наше слияние было актом отчаяния, наше единение было выражением страха, объяснимым и простибельным. Нет, то, что случилось, не было изменой.*

Несмотря на мою почти несуществующую интимную жизнь, мне не хотелось изменять. Меня окружали мужчины, мечтавшие о близости со мной, но они оставляли меня равнодушной. И вот я увидела его, не лучше и не хуже других, на другом конце земли и подумала: «Я хочу быть с ним!». Совсем не было страха, не было чувства вины. Я точно так же, как и героиня романа, после поцелуя в лифте или в пустынном коридоре гостиницы, поправляла прическу и невозмутимо выходила к туристам. Когда, где я научилась этой невозмутимости? Проснувшись во мне женщина была авантюристкой, которой было весело от желанной близости с любимым и весело было раззадоривать ненавидящих меня, злых, завистливых соотечественников. Даже присутствие кагэбэшного соглядатая не могло заставить меня вести себя с большей осмотрительностью. Мне иногда казалось, что это не я его, а он боялся меня, вполне резонно предполагая, что если я веду себя так вызывающе-бесстрашно или, лучше сказать, вызывающе-бесстыдно, значит за моей спиной стоит кто-то уж очень большой и влиятельный.

Сейчас у меня даже дух захватывает от собственной смелости. Но тогда я рисковала и это того стоило. Пожалуй, ничто не могло бы заставить меня отказаться от тех счастливых минут и часов, проведенных вместе с Ф., кроме вещей святых и непререкаемых. Если на чаше весов вдруг оказалась бы жизнь или здоровье моего ребенка, или моих родных, я отказалась бы от своей любви не раздумывая, отреклась и ушла, даже не обернувшись.

Отложив журнал с романом, я посмотрела на Алексея. Ох, уж это супружеское ложе! Естественно, он спал. Спит глубоко и злится, когда я пытаюсь его разбудить, а засыпает через минуту после того, что называется исполнением супружеского долга,

или обязанностью, или редкой потребностью. Помню, как Ф. всю ночь смотрел на меня, боясь пошевелиться, а я дремала (или делала вид, что дремала), у него на груди.

Но я снова осознала, как нелегко будет расстаться с Алексеем. Он приносил продукты, я кормила его. Двенадцать лет мы провели в одной постели. Я успела привязаться к нему и с трудом представляю тот день, когда я скажу ему: «Прощай, Алексей!».

Затем мои раздумья коснулись Игната. Мне жаль, что я не смогла вырастить из него мужика. До пяти лет он был именно маленьким мужичком, а потом изменился – вытянулся, став робким, тонким и гибким, как тростинка. Точно так же вытянулась у него и душа, став утонченной и трепетной. Его не интересует реальная жизнь, он живет книгами и грезами. Я могу понять его – в нашей жизни так мало впечатлений. Что видел мой сын? Ничего. Не стоит упрекать его в том, что он создал себе мир, в котором ему интересно и хорошо. Но он слаб физически и в реальном мире просто погибнет, если в нашей жизни ничего не изменится. Мне хочется увидеть его однажды на теннисном корте под теплым солнцем, загорелым, ловким и сильным. Но такую метаморфозу с ним сможет сотворить только мужчина. А пока он вырос мною. С моими же фантазиями убежать от серых, холодных будней в сказочный мир, в тот мир, что мне мельком довелось увидеть. Да, мой дорогой Игнат, этот мир существует, но в нем так же, как и в твоих приключенческих рассказах, действуют и побеждают только сильные люди. А ты даже не готов вступить в этот мир. Мальчик-мечтатель...».

«17.12.88.

Игнату уже лучше. Вчера он орал песни, а если Игнат орет во все горло песни, мелодия которых знакома только ему, значит, жизнь продолжается. По вечерам мы ходим гулять. Забава нападает на черные невысокие кусты, стараясь их выдернуть с корнем. Они почему-то представляются ей врагами. Вместе с Игнатом она съезжает с горок, оба по уши в снегу. Трусят с елей снег друг на друга. Им весело в ожидании Нового года, весело, что лег хороший, белый, пушистый снег, что скоро будет елка, что в следующую субботу пойдем за елочными игрушками, хотя их и так полно (но это своеобразный ритуал – купить хоть пару новых игрушек), им весело, что к нам придут гости. Я буду печь торт и мы все с удовольствием проводим этот старый год, принесший столько катастроф, несчастий и страданий.

Мы с Алексеем гуляем молча. Уже все сказано, добавить больше нечего. Мы оба ждем...

Всю жизнь я кого-то жду. В детстве с нетерпением ждала, когда с работы придет дедушка. Мое ожидание было не совсем бескорыстным, оно подогревалось моим любопытством – чем он меня удивит на этот раз, ведь он редко когда приходил с пустыми руками. Это было волнительное и радостное ожидание. Есть другого рода ожидание – тоскливое, беспокойное, с примесью страха. Помню в тот первый год после развода, когда мы переехали из Баку в киевскую хрущовку, я садилась на подоконник и ждала с работы маму. Лежал снег, качались под окнами голые черные деревья, по серому небу с криком возвращались откуда-то вороны. Каждый вечер, в своем зеленом зимнем пальто, она уныло шла по расчищенной от снега асфальтовой дорожке домой. Потом, в первый год замужества, точно так же, в чужой квартире, которую мы снимали, сидя на подоконнике, я ждала Алексея. Дорога вела от станции метро прямо к нашей к нашей многоэтажке и, когда он

выходил из метро, его было видно из окна. Потом я начала ждать Игната из школы, волнуюсь, чтобы и на этот раз с ним ничего не случилось и день прошел бы без происшествий. Я жду, как собака.

Сейчас стояла в темной комнате у окна. Кого я жду? Уже не Алексея. Но ждать Ф. вот так вот, стоя у окна, надеясь, что он пройдет через наш двор к нашему подъезду – абсурд. *Боже, состояние близкое к умопомешательству.* Я прекрасно могу проводить дни в одиночестве, но мне нужен человек, ради которого стоит жить. Неужели того факта, что я есть и что я жива, недостаточно? Почему всегда ради кого-то? Сколько я жила для себя? Что было, кроме этих, сводящих с ума, ожиданий? Я не умею ждать легко и просто, я не умею ждать между прочим, занимаясь чем-то еще.

Я – дура, которая ждет вся, от макушки до пяток, потому что жду я обычно не только человека, а кусок жизни вместе с ним. Сразу после развода, этим куском жизни была моя мама. Тогда я жила ее страданиями. Естественно, у меня было свое занятие – я училась. Но смыслом были не занятия, смыслом была Александра, потом Алексей, Игнат, и вот теперь...

Пора перестать жить теми жизнями, что принадлежат другим. У меня есть своя...»

P.S. Ночи принадлежат мне. Я достаю его письма и перечитываю их. Я с ним».

«20.12.88.

Если бы я еще не утратила способности смеяться, я бы смеялась от души. В нашем доме праздник – Алексей принес шестнадцать пачек стирального порошка. Чтобы завладеть этим богатством, ему пришлось разгрузить фургон со стиральным порошком и мылом. Благодарные продавщицы разрешили ему купить целый ящик стирального порошка и пять кусков хозяйственного мыла. В Украине сейчас и то, и другое – дефицит. Алексей рассказал нам в деталях, как увидел, что подъезжает грузовик, как спрятался, чтобы оказаться между ним и входом в магазин, как ему в голову пришла мысль, что это – его шанс, что нужно разыграть эту карту, как он за десять минут разгрузил коробки с порошком и получил награду. Да, теперь интеллигенту с высшим образованием, работающему с восьми до четырех или с девяти до пяти, нужно караулить машины в свой обеденный перерыв, чтобы разгрузив ящики, накормить семью или обеспечить ее порошком для стирки трусов, носков и всего прочего.

Складывала коробки со стиральным порошком и думала - на Рождество зажгу свечу в окне. Может тот, кто заблудился, заглянет на огонек?

Приближается Рождество. С завтрашнего дня, я начинаю вести активный образ жизни. Ждет глажка, уборка, покупка подарков. После большого перерыва, Игнат снова завтра идет в школу. Ему необходимо закончить четверть хоть с какими-то результатами. А мне нужно купить елочные игрушки, хлопушки и серпантин. И много-много всего остального. Хотя денег, как всегда, в обрез. Как хочется на Елисейские поля, да с деньгами!

Ладно, буду тереть мебель и полы, гладить и **штопать** рваные пододеяльники. Работа лучше, чем прошедшая неделя слез».

«22.12.88.

Думаю о Ф., но как-то уже в прошедшем времени. Неужто переболела? Раны в душе еще остались, но уже очевидно, гноиться они больше не будут, затянутся. Может быть, действительно счастье (да, я позволила себе полюбить, ничего из этого не вышло), не в любви? А в самосовершенствовании? Удивлять других, нравится себе. Продолжать постоянно познавать, как я это делала все предыдущие годы.

Счастье в Игнате. Он сегодня рассказывал о спектакле, который в школе собираются ставить на Новый год. Он получил одну из главных ролей. Насмешил меня, рассказывая о первой репетиции. *Правда, Я не знаю, как его воспитывать и образовывать, и светлое будущее ему не гарантировано. Но...*

Может быть, счастье в Алексее? Не кощунственно ли писать эти слова, ведь я не люблю его? Слава Богу, что он понимает мое стремление уехать, что-то изменить, даже ценой нашей совместной жизни, и спасибо, что не выгнал из дому из-за моих, скажем так, чудачеств. Опять таки, слава Богу, живы Анна и Александра. Сейчас подумала, смогла бы я с ними жить, останься я без крова. Ни в коем случае! Не могу выдержать даже несколько часов в их марсианском районе, где только песок, разноцветные коробки домов, которые все равно, почему-то, кажутся серыми, машины, троллейбусы и люди, как машины. Все движется, но все не одухотворенное. Зачем они туда забрались? Ведь жили почти в центре...».

«26.12.88.

Через неделю Новый год. Целых три дня я не любила Ф. Так, как он себя ведет – значит не любит. Его безразличие оскорбляет, а мое безответное чувство меня унижает. Пытаясь восстановить душевное равновесие, я сказала себе: «Все. Хватит. Я его не люблю и он мне не нужен». На некоторое время получилось: три дня не малый срок. Вчера подстригла волосы Алексею, поймав себя на мысли о том, что мне опять не безразлично, как он выглядит. Однако по ночам, когда я поворачиваюсь к нему спиной и впериваюсь в белый шкаф у стены, мне снова хочется выть от отчаяния. На этот задушенный вой накладывается другое, беспокойное чувство ожидания чуда перед Новым годом, перенесенное из детства. Засыпаю под утро, когда настает новый день, который обещает быть таким же однообразным и тоскливым, как и все его предшественники.

В субботу я была на Владимирском рынке. Лил дождь, на улице было полно грязи. По щиколотку в месиве из разжиженного снега, бродили невеселые покупатели. В крытой части цементный пол был устлан подстилками из грязной соломы и мокрыми опилками. Посередине высилась облезлая елка, дешевые украшения свисали с потолка. Все это действо называлось предновогодней ярмаркой. На грязных прилавках было разложено то, с чем приехали разные торги – пончики, пирожные, жареное сало, домашняя колбаса, подсолнечное масло, вермишель... За прилавками стояли толстые продавщицы в передниках, заляпанных огромными сальными пятнами на животах. Огромная очередь давилась за скисшими помидорами в бочках. Меня тошнило.

Мне казалось, я попала в другое измерение, в запредельный мир, где, посреди скудости и грязи, правят бал разных мастей уроды. Вот они откупают, отъедят всю эту гниль и тухлятину, и пропадут, сгинут. Потому что все это – неправда, понарошку, все эти люди надели маски, чтобы нас обманывать и веселить. Не могут же они всерьез быть такими некрасивыми, не могут же просто так рядиться в такое тряпье! И посреди всего этого пост-коммунистического «пиршества» играли музыки

- потные и пьяные, они орали украинские песни и нехотя выставляли вперед то одну, то другую ногу, намекая на некий танец.

О, Сальвадор Дали, где ты? Почему не прилетишь к нам, сюда, из своего небытия? Или, может, лучше Гойя? Если бы они видели все это, на их полотнах родился бы новый сюжет – страшный и неземной».

«29.12.88.

Заканчивается год и заканчивается эта тетрадь. В самом начале я написала: «...Может закончится и эта тетрадь, прежде чем мы будем вместе». Я угадала, тетрадь заканчивается, а вот вместе мы уже никогда не будем. Я особенно отчетливо это понимаю сейчас и понимание это даже не очень травмирует душу. Все кончено. Все перегорело. Я устала.

Но я благодарна Ф. за то, что он заставил меня очнуться от социалистической спячки и разбудил во мне женщину, которая не хочет жить по-старому. Почему он смог? Не знаю. Двенадцать лет душа ленилось, выполняя лишь самое необходимое. Тело было окаменелым, бездарным и незнающим. Я даже стала меняться внешне. Округлилась. Эдакая мадам-все-в-порядке. Думала, так надо, так все живут. Думала... Двенадцать лет потеряно, большой срок. Но, что же, я спала? Отчего забыла, какая я? Отчего не помнила, что не могу жить без любви? Что только любовь окрашивает мою жизнь во все цвета радуги и делает ее жизнью – единственной и неповторимой. *остальное все – ненастоящее, черно-белое, неживое.*

Воспоминания этого года все еще греют меня: я кутаюсь, как в шаль, в ощущения того счастья, что испытывала сразу после нашего знакомства. То счастье было плодом, который я не выносила, потому что с самого начала в нем поселилась боль. Эта боль была червоточиной скорой и неизбежной разлуки. А позже, к этой боли прибавилась потеря надежды от сознания несбыточности всего, что кружилось вокруг меня, манило и обещало сбыться. Тем не менее, страдания, пережитые мной, оказались созидательными, они облекли меня в новое состояние, очистив душу от успокоенности и желания погрузиться в болото мешанства. Они открыли мне глаза на мир – он вдруг стал другим – и изменили мое тело, сделав его гибким и жаждущим. *сделав его инструментом.* Я готова полюбить вновь, даже если снова будет больно. Я опять хочу дарить свою любовь, хмелея от собственной щедрости, потому что именно дарение делает меня счастливой. Я никогда не стану взрослой. Люблю по-детски, предано, глупо, предлагая себя всю без остатка, без кокетства и капризов.

Этот год принес мне много страданий (в том числе, и физических), а последние четыре месяца и жизнью-то назвать нельзя, так, сплошное ожидание, но я была счастлива в этом году. Счастлива так, как никогда не была за последние двенадцать лет.

А ты, Ф., и наша любовь в Долине Царей, прощайте. Мне, все-таки, немного горько, что все, что осталось от нашей любви - это воспоминания, несколько писем и этот Дневник. Да еще кусок розовой ленточкой и яркая оберточная бумага с логотипом гостиницы «Maggiott Hotel», где должна была состояться наша свадьба. Прощай, Ф.!».

P.S. А с Алексеем я решила развестись. Эта та яма, которую надо вырыть, чтобы построить новый дом. Я не могу выносить его всепрощающего отношения ко мне и приспособленческую позицию в жизни. Ему не за что меня прощать. Это мне и Игнату надо его простить за его недалекость, леность и приспособленчество и расстаться с ним.

Пока мы живы, мы должны проживать наши мечты. Другого пути для того, чтобы претворить наши мечты в реальность, не существует».

Глава 32.

Нелегкий разговор.

«19.06.89.

Прошло почти полгода со времени моей последней записи. Я не писала, потому что, потому что... почему? В награду за перенесенные страдания ждала быстрых перемен в своей жизни, но ничего не случилось.

Съездила в Индию и на Цейлон. Цейлон – прекрасен, настоящий затерянный рай на земле. В Индии не удалось рассмотреть ни романтики, ни восточной экзотики за толстым слоем пыли, стадами худых, изможденных коров, бесцельно бродящих по улицам и окраинам тамошних мегаполисов, и таких же людей, в навалку спящих на грязных тротуарах. Не забуду Калькутту, именно там я остолбенело стояла на берегу реки Ганг, думая о происхождении видов. В зеленовато-мутной воде купались дети, женщины стирали белье, мужчины брили головы, жрецы производили какие-то обряды с телами мертвых, завернутыми в белые саваны, в то время как остальной люд, почитая эту воду святой, набирал ее в свои грязные бутылки, дабы испить и очиститься. Когда наш гид наполнял свою бутылочку, мимо проплывало вздувшееся тело мертвой коровы. Вот уж поистине Ганг – река-труженник в том смысле, что столько каждый день в его водах происходит, столько своих отходов человек вверяет ему, что диву даешься, как эта река еще катит свои воды, не захлебнувшись человеческими отходами. Истинно – чудо- река! Одним словом, меня эта древняя цивилизация не впечатлила.

Вернувшись в Киев, я принялась мотаться по городам и весям. На месте не сидится, что-то меня гонит из дому, Уезжать каждый раз трудно, но, только вернешься, опять хочется ехать. Мне нужны все новые и новые впечатления, я бегу, бросаюсь под ноги людям и обстоятельствам. Я как та охотничья собака, которая непременно должна найти добычу. Ф. теперь пишет регулярно, я не отвечаю. Что касается Алексея, то я подала на развод. Так лучше и честнее. Прошлое забыто, будущее не ясно.

Сейчас я снова в командировке. У меня просто потрясающая группа! Жаль, что я не Агата Кристи, можно было бы написать роман. Нас чертова дюжина - одиннадцать туристов, фирмач и я. Фирмач вылитый Эркюль Пуаро: закоренелый холостяк, с усиками и манерами. Какие же все они разные! Один не похож на другого, все со своими привычками и тайнами, у каждого есть своя нерассказанная история. *И вот один за другим герои начинают исчезать, а след ведет... в «Седьмое*

Небо». Если бы кому-нибудь пришло в голову снять фильм, актеров искать не пришлось бы. Тем более, они прекрасно друг друга знают, это их третья совместная поездка. За ужином я призналась фирмачу, что хотела бы уехать, и теперь вся группа бьется над тем, как меня «улизнуть» отсюда, из гибнущей советской империи.

Вчера вечером была еще в Киеве, а сегодня уже в Тбилиси. Этот город мне всегда нравился, однажды он меня очаровал и, с тех пор, я с удовольствием сюда приезжаю. Сейчас подумала, мне здесь почти также хорошо, как было в Луксоре. В моем номере заел шпингалет в балконной двери, а я не выношу закрытых форточек и окон, поэтому пришлось спуститься вниз к портье. Он не понимал, что такое шпингалет ни по-русски, ни по-английски. Рядом стоял какой-то парень, он вызвался помочь. Я согласилась и теперь он влюблен в меня. Назовем его м-р Тбилиси. Ездили в Джвари. На алтаре лежала икона Христа. Я попросила Его направить меня и указать дорогу.

М-р Тбилиси везде следует за нами на машине. Вчера мы пили кофе в фойе гостиницы и он мне сделал предложение. Я позволила себе посидеть с ним, потому что он мне понравился, потому, что я знала, что он – сын директора гостиницы (его отец каждый раз окидывал нас свирепым взглядом, когда проходил мимо), потому, что мать у него из Латвии и потому, что он необыкновенно красив, молод и не нахален. Теперь, когда я освободилась от своей роковой прошлогодней любви и почти освободилась от своего замужества, мне хочется залезть с ним в постель и просто получить удовольствие. Но я этого не делаю. Брезгливость оказаться банальной, такой же, как все российские дамы, наезжающие в Тбилиси, как на невольничий рынок, где они выбирают себе пылких любовников, а потом отводят их к себе в номера, пересилила желание получить удовольствие.

Сегодня вечером мы ездили ужинать во Дворец торжеств. Монументальное, мрачное, средневековое здание. Такое впечатление, что его возвели не десять-пятнадцать лет назад, а в пятнадцатом веке – все в бронзе и граните, а вместо окон – бойницы. Я представляю, как должно быть «радостно» венчаться и крестить детей под гнетом этого мрачного монументализма. Грузинские евреи, кутившие в другом конце зала, прислали нам две бутылки шампанского. В моей группе из двенадцати туристов только фирмач не американский еврей, потому что он – британский еврей. Учитывая это, мгновенно вспыхнувшая взаимная симпатия вполне объяснима. Кульминацией вечера был танец, во время которого грузины разбрасывали деньги вокруг себя, а потом, поднимали их с пола губами. Мои туристы заразились было весельем, но вовремя остановились, решив деньгами не сорить. Меня уже мутит от вина и баклажан в ореховом соусе, но грузинским гостеприимством насытиться просто невозможно!»

«21.06.89.

Мы в Одессе. Ласково простился Тбилиси, посмотрел влажными, темными глазами, помахал кипарисами... Я, кажется, скучаю.

Думаю о м-ре Тбилиси, который остался в моей памяти. После Египта, во мне проснулся вкус к чувственной любви и я начинаю влюбляться в кого угодно. Мне не хочется больше затворничать, поедая себя самое и копошась в своей щепетильности, а хочется выходить в свет и развлекаться. Вероятно, мне просто хочется секса. Однако секс без любви мне кажется довольно сомнительным удовольствием. М-р Тбилиси хотел мне сделать подарок. «Я не люблю ни гранатов, ни рубинов», сказала

я. Мечтая о подарках, я отказываюсь их принимать. Не хочу быть никому ничем обязанной.

Да здравствуют Одесские платаны и загаженная голубями Дерибассовская! В гостинице «Красная», где нас поселили, поет Вили Токарев. Он оказался моим соседом, живет в номерах на том же этаже, что и я. Одесский бомонд рыдает, слушая своего кумира, а он попросил у меня утюг выгладить свою рубашку.

Вчера нас возили в пионерский лагерь. Почему у меня осталось такое тягостное впечатление? Дети были одеты небрежно и грязно, а сами были бледные и неухоженные. Нет, неухоженные это не то слово, они были просто беспризорными, как будто у них нет жизни за пределами этого лагеря – ни семей, ни родительской любви. Директор повел нас к себе в кабинет, стены которого с завидным упорством украшали плакаты с коммунистической агитацией. Наш местный гид пыталась смягчить впечатление от всех этих военизированных лозунгов, но ей это не удалось: нельзя черное называть белым, вернее, можно, но в таком случае, конечный результат будет всегда негативным. Особенно, если настаивать на вранье. Я думаю: почему до сих пор в этой комнате нет ни игрушек, ни компьютеров, а есть только партийные агитки? Ведь уже пять лет прошло с начала перестройки! На столе стояли бутылки с минеральной водой, а в металлических глубоких тарелках лежали высохшие пряники и конфеты из соевого суррогата. Типичный лагерный рацион.

Дети дали в нашу честь концерт. Баян держала она – массовик-затейник, полная женщина в соку и силе, которая каждую песню поет одна за всех. Песню «Чунга-Чанга» спела чернокожая девочка. Зачем так уж привязывать географическое место действия к цвету кожи? Тем более, ведь никто не знает, где находится этот чудо-остров. Потом пели про журавлика из Хиросимы. Почему не из Чернобыля? Учитель физкультуры на руках, поднятых кверху, пронес по сцене изможденного ребенка, одетого как журавлик. Мне привиделись дети – и умерший ребенок из Хиросимы, и будто бы еще живой, но такой бледный этот ребенок-журавлик, и все дети из Узбекистана, из Чернобыля, и из других мест, где они умирают сотнями в то время, как обкомы партии не жалеют денег на новые хоромы для себя. Красиво жить не запретишь, как говорят в Одессе, но когда умирают дети, когда они вот так вот бедствуют в пионерлагерях на скудные дотации профсоюзов, как у всей этой партийной быдлоты хватает совести тратить последние деньги разваливающейся империи на собственные мавзолеи?

Украинский танец танцевали с пустыми ведрами, на которых краской были намалеваны номера отрядов. Ничего общего с веселым украинским гопаком он не имел, а очень напоминал лагерный танец тоскливых, малолетних преступников.

В конце выступила вожатая. Она была похожа на героиню современных одесских оперетт: темные волосы, открытый, честный взгляд, мягкая фигура, белая блузка и широкая синяя юбка. Она могла бы жить где-нибудь в живописном одесском предместье, мечтать и любить, купаться в море, учиться по вечерам, а днем... А днем она, кажется, сочиняет песни. Она играла на гитаре и пела сочиненную ею песню про Одессу, город, который помутился, как человеческий разум. Бетонные, серые, зловонные дома и пустые магазины, загаженное море и скудный Привоз, смрад дворов и запах белых акаций, очарование юга и запустение, *разбросанность, размотанность* – все слилось воедино, как в бреду. Как жаль той Одессы, по которой тосковала она и которую еще помню я.

Да, концерт получился очень жалостливый, и, хотя, американцы многого не поняли, они догадались душой и сердцем о том, что пионерлагерь не самое лучшее

место для ребенка. По окончании концерта, они дружно поднялись на сцену и спели песню в знак благодарности. Мои старики поднялись все, выстроились в ряд, и профессор, и доктор, и их жены, и все остальные, и бодро пропели песенку, смеясь и подшучивая друг над другом. А у нас все умирают журавлики...

Лучше бы нам туда не ездить».

«6.07.89.

Вернулась домой, в Киев, и совсем затосковала. Снова обуяла слабость и сонливость. Жить подле Алексея тяжело и скучно, и уж совсем нет сил притворяться и терпеть. Он счел нужным предупредить меня, что после развода никуда не уйдет, потому что уходить ему некуда. Так что будем по-прежнему спать в одной постели.

Читать толстые журналы и газеты я бросила. Дошла до той точки, когда вникать глубже незачем. Все говорят о конце света, о начале гражданской войны, о чем-то страшном и финальном. В такой ситуации хочется спасти сына и спастись самой.

Еще хочется позвонить этому мальчику-мужчине, м-ру Тбилиси. Господи, зачем он мне нужен?! Мы виделись всего два дня, а я продолжаю думать о нем. Я вспоминаю его пальцы – тонкие, сильные, его большие карие глаза, добрые и влажные, как у теленка. Снова спрашиваю тебя, зачем мне эта влюбленность, зачем он вошел в мои мысли, зачем я хочу, чтобы он позвонил? Он грозитя прилететь в Киев на мой день рождения и появиться у меня дома с охапкой роз. Я не сказала ему «нет». Еще никто не прилетал на мой день рождения из дальних краев с охапкой роз. Пусть сделает то, что не сделал Ф., пусть совершит поступок. Как хочется еще жить и любить! Как приятно быть молодой и красивой! Как здорово радоваться и познавать жизнь, как интересно встречать и узнавать людей, как **потрясающе** влюбляться! Как хорошо плыть по быстрому течению, или бежать, не касаясь, не вовлекая себя в грязь и трагизм ненужных отношений. Но, где же то, что станет настоящим? Ни м-р Тбилиси, ни его охапка роз ничего в моей жизни не изменят, так зачем же душа тянется к нему? Он красиво за мной ухаживает, но ему не обольстить меня.

Думаю о том, чтобы уехать самой, забрать сына, найти работу и, может быть, там и тогда, моя жизнь обретет свой смысл».

«9.08.89.

Прошел мой день рождения. Судьба преподнесла мне один подарок за другим. Все началось в двадцатых числах июля. Приехали греки. Среди них был Павлос, симпатичный, молодой парень, фотограф и художник. Во время обеда он подошел к нашему столику, потом мы поехали кататься на катере и через час он предложил мне помочь уехать, а я согласилась. Почему? Не знаю. Мое желание уехать затмило мой разум и притупило чувство опасности. Я начинаю не только посвящать в свои планы первого встречного, но и верить ему.

Последующие три дня, после того, как ежедневная экскурсионная программа подходила к концу, мы не расставались, а продолжали гулять по городу. Июльский Киев нас не отпускал, маня и соблазняя своими роскошными закатами цвета апельсина. Он не мог оторвать взгляда от меня и пытался объяснить себе, почему захотел мне помочь. Он кокетничал с собой, называя тысячу причин – и что у него

судьба такая, и что он постоянно встречается в истории, и что ему в жизни самому однажды помогли и теперь он должник перед Богом, и что он грешен и, помогая мне, хочет искупить свои грехи. Я слушала вполуха. Любовалась его улыбкой и думала: «Ах, да не все ли равно, почему ты хочешь мне помочь? Я, впрочем, знаю настоящую причину: потому что я красива, ведь только поэтому ты ко мне подошел. Сколько угодно ты можешь разглагольствовать о том, что моя красота здесь ни при чем, что все мы люди-человеки и один должен помогать другому, но сама-то я знаю, в чем дело. Об этом говорит твой взгляд, руки, которые хотят дотронуться до меня и ты сам понимаешь, что постепенно втягиваешься. Но, ты так же просто можешь и забыть».

Мы поднимались вверх по бульвару Шевченко, громко болтая и смеясь, бравируя своей молодостью и красотой. Люди обращали на нас внимание и это тешило наше неумное, бесстыдное самолюбие. Мы были парой редкой красоты, мы прекрасно подходили друг другу. *по масти*. Как два молодых зверя унюхавших друг в друге тождественного по масти, мы резвились, не замечая того, что день становился вечером. Он говорил мне, как жалко, что люди не птицы, что они не могут подняться и улететь туда, где их настоящий дом, где им тепло зимой, где хорошо летом. Они не знают границ, паспортов и виз, они свободны и ничем не связаны. Я ответила ему, что я птица с одним крылом – у меня есть сын.

На следующее утро, собираясь на работу, я надела свой голубой костюмчик и длинные египетские серьги. Да, я забыла написать, что вчера, поднимаясь по бульвару Шевченко, я достала из своей сумочки визитную карточку Ф. с начертанными его рукой строками: «Мне нечего сказать, кроме того, что я люблю тебя навсегда!», порвала ее на мелкие кусочки, которые просунула в решетку сточной канавы. Все кончено, но как рьяно я молилась и как горько плакала над этим клочком бумаги всего год назад! Да, так вот, я надела свои длинные серьги с бирюзой, да, именно те, что подарил мне Ф.

Вечером, после экскурсий, мы с Павлосом пили кофе в «Салюте». На обрывке салфетки я написала ему свой адрес и телефон. Он все убеждал меня, что людям нельзя верить, что ни у меня, ни у него нет оснований доверять друг другу. Он не хочет, чтобы его использовали... Я его успокоила, сказав, что в нашем уговоре могу проиграть только я. Он предложил помощь, дальше все зависит только от него – или он выполнит свое обещание, или нет. Ведь это я обрекаю себя на ожидание, полагаясь на его честное слово. А чтобы он поверил мне до конца, я не попросила ни его адреса, ни телефона. Мне показалось, он вздохнул с облегчением. Но я ведь тоже не приняла его всерьез.

Мы спустились вниз, к парку Славы, но пошли не по аллее, а повернули налево, где под сенью каштанов стоят лавочки. Снова садилось солнце, разбросав по листве и траве яркие, желто-оранжевые пятна.

- Давай я буду тебя фотографировать, - предложил он, раскрывая сумку, где лежала камера и объективы.

- Давай, - согласилась я и ушла на солнце, в давно некошеную траву, и на несколько мгновений забыла все – и свою погоню за будущим, и суету, связанную с ней.

- Веди себя свободно, делай, что хочешь! – крикнул он, принаравливаясь к свету, ко мне, к моему окружению.

Я заставила себя подумать, что на эти несколько мгновений я счастлива и растворилась в заходящем солнце, потом, опустив голову, вдруг подняла только

глаза и посмотрела прямо в объектив, как бы молчаливо спрашивая, верить ему или нет, потом я повернулась к нему спиной и с надеждой оглянулась... Я играла себя. Он ползал по траве, ловил мои взгляды, движения, улыбки, громко восторгаясь, как хорошо, как великолепно все получается, он никогда еще не видел, чтобы солнце так наполняло чьи-то глаза, вдруг делая их изумрудными. Вокруг собралась толпа, думали, позирует манекенщица или пуще того, какая-нибудь залетная птица, звезда. Мне было хорошо. Именно этот вечер я посчитала подарком ко дню своего рождения.

На следующий день он попросился в Ботанический сад. Ехать не хотелось, это место заговоренное для меня. Подойдя к воротам, я испугалась, что он выберет ту же скамейку у старой церкви. Но он пошел совсем в другую сторону. Он вообще гораздо более самостоятелен, решителен и смел, чем тот, кого я целовала здесь год назад. Этот знает себе цену, все видит и замечает вокруг себя. Сказал об украинках, что они самые красивые женщины в мире, но почему они не следят за собой? Почему так рано полнеют, почему ноги у них покрыты волосами, кожа пористая и блестит, а обувь, обувь! Посмотрел на мои туфли.

- Это твоя самая лучшая пара обуви?

- Да что ты, это моя расхожая пара, - лукавила я, прикидывая, когда эти мои расхожие-выходные-единственные туфли развалятся.

Потом мы говорили о детях и о смерти.

- Почему ты хочешь еще одного ребенка? Зачем нужно снова терпеть эту боль и потом, на что его обречь? Грязная вода, страшные болезни, непредсказуемость завтрашнего дня. Детям сейчас неуютно в этом мире.

- Причем тут боль? Я, наконец-то, хочу почувствовать радость материнства! *Прочувствовать все заново и, может быть, даже сильнее.* Мой сын родился, когда я была совсем молодой, девчонкой, по сути. Эти роды не были радостью, они были кошмаром, который хотелось как можно быстрее забыть. Мы оба чудом остались живы в экстремальных условиях того советского роддома, где я рожала. Ко мне не пускали родных, не разрешали передавать мне цветы и подарки, никто не держал меня за руку, когда я стонала от болей, никто не склонялся над личиком моего новорожденного сына и не сюсюкал, какой он красивый и большой. Вокруг была атмосфера трудового лагеря, которая продолжила дома - я стирала бесконечные пеленки, кормила грудью, готовила обеды, не спала по ночам и страдала от головных болей. Никто мне не помогал, пока мы не переехали к моим маме и бабушке. Мне безумно не хватало любви, внимания и заботы. Поэтому сейчас мне хочется, чтобы было все самое лучшее: не просто хорошая, а самая лучшая клиника, любимый рядом, горы цветов, тысячи поцелуев, одноразовые пеленки, кровати-коляски там всякие, игрушки, соски и все остальное.

- Мне кажется, ты не столько ребенка хочешь родить, сколько себя потешить этими родами. Не обижайся, я понимаю. Ну, хорошо, тогда родители должны стать для ребенка миром, воздухом, небом, всем. Ребенок, как маленькая планета, которая вращается вокруг солнца. Отец должен светить ему, обогревать его, отдать ему всего себя. Я еще не готов к этому. Столько дел не сделано!

«Господи, - подумала я, - почему я слышу такие прекрасные слова от мужчины, который никогда не станет отцом моего ребенка? Откуда он знает все эти правильные слова, откуда берет их? Почему мне ни разу их не сказал тот, кто прожил рядом целых тринадцать лет?!»

Я молча смотрела на цветы и в голову мне пришла мысль о смерти. Однажды в июле цветы расцветут точно так же, как сейчас, а меня не будет. Это глупо, что человек так быстро стареет и умирает.

- Хочешь, я снова снимаю тебя? – он заметил грусть в моих глазах.

Я встала, улыбнулась, но губы пересохли, двигалась я с трудом и неловко. Хотелось послать все к черту. А, главное, хотелось расплакаться на траве, закрыть глаза и сказать:

- Я не верю. *Не верю в Рождество. Один раз я уже ждала Рождества. Я ни во что не верю. Я не хочу, чтобы ты уезжал.* Судьба опять дразнит меня, а у меня сил больше нет ждать и верить. И не рассказывай мне ничего про Афины, про острова и про спагетти, которые ты для меня приготовишь. Не хочу этого знать! На Рождество, год назад, я должна была быть в Париже, в квартире на Елисейских полях, с неограниченным количеством денег на каждый день, с машиной и водителем, чтобы ездить по магазинам. Но я здесь, а Париж живет без меня, и Афины проживут. **Не надо ничего говорить.** Молчи. Могу ли я доверять обещаниям, данным тобой во время нашего мимолетного знакомства? *Это так тяжело – ждать. Боже!* Не целуй меня! Не своди меня с ума! Я еще не потеряла способность чувствовать, я еще могу быть счастливой, еще не все мои поры забились и я впитываю этот мир с цветами, с тобой, с твоими губами. Да! Я счастлива сейчас, сию минуту. Ты смеешься? Почему? Думаешь, как мало ей для счастья надо? Но это ведь так много – ты и я, двое из большого мира, которых на несколько мгновений судьба свела вместе. *и сделала счастливыми.* Разве этого мало? Хотя к чему все это? Мы не верим друг другу. Если что и получится, так это будет всего лишь договором между нами, условленностью и больше ничем. Ты прав, если возникнут чувства, они будут лишь помехой. Ага! Ты закрыл мне рот поцелуем. Уже не хочешь слышать о фиктивном браке? Но теперь я тебе скажу. После того, как я окажусь в Греции, наш брак будет расторгнут. Только ты этого не захочешь. Но я проучу тебя! Я не просто смазливая, бедная малышка из-за Железного Занавеса, которая хочет вырваться на свободу. Я найду работу, буду самостоятельной и совершенно независимой и, в первую очередь, от тебя. Что, такой я тебе нравлюсь еще больше? Ты не хочешь влюбляться, еще не готов? Кто тебя спрашивать будет, когда твоя душа потянется к женщине и обовьет ее так, что не оторвешь? Ладно, не люби. Если поймешь, что влюблен, то испугаешься, и все пойдет к черту. Не люби... Да я и сама не хочу любить. Уж кто не готов любить, так это я. Больше года назад я полюбила и всего, что из этого вышло, мне с головой хватит еще надолго. И ты не люби, уезжай.

Он уехал и я даже не удосужилась посмотреть его фамилию в паспорте. Для меня он так и остался Павлосом, Полом, Пашей».

«19.08.89.

Вчера Алексей уехал на 33 дня в какое-то далекое село собирать яблоки. Последний год я все убеждала себя, что не люблю его. Ждала его отъезда, хотела проверить себя, что же я буду чувствовать? Ведь он уезжает впервые. Сразу после того, как за ним затворилась дверь, я сварила обед, постирала белье и переставила вещи на полках. Мне хотелось пропылесосить ковры и вымыть пол, но делать этого я не стала – плохая примета, мыть полы сразу после того, как кто-то уедет. Когда он выходил за дверь, мне стало его жалко, я даже всплакнула, все-таки, меняется привычный уклад жизни. Но как только его не стало, я внутренне освободилась и

вздохнула полной грудью: мне показалось, что он перестал воровать мой кислород. Появилось и еще одно чувство: я ощутила, что снова обрела Игната.

Мне почудилось, что между нами рухнула стена и я решилась. Рассказала ему все во время нашей прогулки с Забавой. Подумала, зачем молчать, ведь он мой сын и если я хочу, чтобы он был мне по-настоящему близок, я должна рассказать ему о том, что думаю и чем мучаюсь. Иначе он останется вежливым чужим. Разговаривать о школе, о его успехах, о телевизионных передачах, помыл ли он посуду и купил ли хлеб, совсем не то. Пора заинтересовать его чувствами, тронуть подводную часть айсберга. Даже если эта глыба перевернется и будет грозить бедой, пусть. Беда – это страдания, еще детские, они не сломают его жизнь, не сокрушат его дух, но заставят думать не только о солдатиках и киношках. Он так часто говорит: «Мама, я так тебя люблю!» За что же ты меня любишь, мой маленький? Весь прошлый год я отмалчивалась и страдала, любя другого, не твоего отца. Так часто мне хотелось обо всем тебе рассказать, но я не позволяла себе под бдительным оком Алексея. А теперь мы одни....

Я рассказала Игнату о Ф., о том, что полюбила этого человека, что оказалось невозможно быть вместе, о том судьбоносном звонке, который так и не прозвучал, об автомобильной катастрофе, о том, что сейчас это уже не так больно и не так важно.

- Выговорись, тебе будет легче, - спокойно сказал Игнат, предлагая себя в друзья, предлагая свою душу, где я могу укрыться, предлагая свою шепетильность, состоявшую в том, что он не будет меня судить и согласен на то, чтобы этот разговор остался нашей тайной.

Начать говорить об Алексее было гораздо трудней, ведь он был отцом Игната. Все, что я бы ни сказала, могло задеть и обидеть его. Я почувствовала, что срываюсь в бездонную пропасть, но все же, продолжала:

- Я рано вышла замуж, Игнат, но я была по-настоящему влюблена в твоего отца. Долгие годы потом честно старалась вить с ним гнездо. Упрекнуть себя мне не в чем. Но мы разные люди, меня стала стеснять жизнь с Алексеем точно так же, как тебе иногда бывает мала твоя прошлогодняя рубашка. Мне недостаточно того, что он мне может предложить. Ведь мир, Игнат, такой огромный! В нем столько интересного, столько возможностей, надо суметь только вырваться туда. Алексея я больше не люблю, но...

- Так просто? Люблю-не люблю? – в голосе моего сына мне почудился испуг, он боялся, что так же легко можно разлюбить и его.

- Ты должен понять меня и поверить мне. Мужчина и женщина встречаются случайно. Они не связаны кровными узами. Их привлекает друг в друге нечто иное, таинственное, необъяснимое. Это и называется любовью. Но, какой бы сильной эта любовь ни была, она может пройти также внезапно, как и появилась. Мужчина и женщина, став мужем и женой, сближаются, у них появляются дети, но они все равно остаются чужаками, в них не течет та же кровь. Они обижаются друг на друга, часто не прощают взаимных обид и продолжают оглядываться, может быть неосознанно, в поисках другой, лучшей пары. Найдя такую пару, они разрывают свой прежний брак. Взрослые, Игнат, очень независимые и эгоистичные существа. Самые лучшие из них, меняя среду обитания, стараются не обидеть свое потомство и это самое главное. Потому что к детям отношение совсем иное. В тебе течет моя кровь. Ты – часть меня. И что бы ты ни сделал, ты будешь всегда оставаться моим сыном. Я прошу тебе **все**, потому что люблю тебя безоговорочно и навсегда.

Никогда не наступит такое время, когда я смогу бросить тебя. Наоборот, оставишь ты меня, когда вырастишь и полюбишь. Я же связана с тобой навечно. Так, как я люблю тебя, я не в состоянии полюбить никого, ни одного мужчину. Моя любовь к тебе нерушима и безвременна, поэтому ничего не бойся.

- Меня и отец так же любит? – с надеждой спросил Игнат.

- Не знаю, я рассказала тебе о своей любви. Он вернется, спроси его сам.

- Я заметил, ты в последнее время стала к нему по-другому относиться.

- Ты правильно заметил. Я сержусь на него уже давно. Не злишься, я знаю, что могу обидеть тебя сейчас, сказав то, что думаю про твоего отца, но он мог бы добиться гораздо большего. Прости меня, но он – лентяй и трус. Не возражай, я знаю его лучше, чем ты. На тебе нет вины в том, что он такой. Но не дай Бог, ты станешь таким же, как и он – испуганным и ленивым. Я хочу спросить тебя, если мне встретится такой человек, с которым и тебе, и мне будет хорошо, ты поедешь с нами или останешься?

- Я останусь там, где будет Забава. – Игнат искал убежища, в котором хоть что-то было бы неизменным, и нашел его. Там, где будет Забава, ведь она не может ни разделиться, ни бросить его, ни предать.

- А если мы и Забаву прихватим?

- Тогда я поеду с тобой, только если ты будешь одна.

- Игнат, я хочу, чтобы ты знал, что я еще буду влюбляться. В этом нет ничего стыдного и позорного. Любовь – это сильное, красивое чувство. Сейчас тебе трудно понять и я, навряд ли, смогу тебе объяснить. Во всяком случае, любовь не имеет ничего общего с теми чувствами, которые вы, мальчишки, испытываете к девочкам из вашего класса. Первая влюбленность придет позже, в старших классах. А настоящая любовь еще позже. Я говорю с тобой так откровенно, потому что ты обязательно узнаешь, что такое любовь, может быть и не один раз. Поэтому, ты не имеешь права запрещать мне любить. Сейчас мое время, как когда-то настанет твое время. Но я хочу снова тебе сказать: не бойся моих влюбленностей. Они принесут тебе только благо. Я никогда не полюблю человека, который будет безразличен к тебе. Тебе будет всегда хорошо со мной и с тем, кого я полюблю. И помни, моя любовь к тебе неприкосновенна.

Это был нелегкий разговор, но Игнат успокоился и стал резвиться с Забавой. Он мне поверил и в его глазах засветился огонек любопытства к дальним странам и возможным приключениям».

«23.08.89.

О чем я сейчас думаю? О том, что случилось сегодня. Я так не хотела возвращаться общественным транспортом из гостиницы «Лыбедь», которую, к слову сказать, ненавижу. Но вошла в переполненный троллейбус, где распаренные, тепло одетые люди, испугавшиеся утреннего дождя, воняли потом и мочой. Меня прижали лицом к окну. Что-то терлось о мою ногу и бесконечно раздражало меня. Думала, потерплю, вероятно чья-то сумка. В толкучке не до удобств. Через несколько остановок стало посвободней. Смогла встать на обе ноги и встряхнуться. Вдруг чувствую, по ноге стекает какая-то жидкость. О господи! Что это такое? Мой пот – по спине и вниз? Невозможно. Тогда что? Кто-то пролил на меня молоко, воду? Но почему тогда по ноге, ведь все должно было бы остаться на моей длинной из плотного, почти непромокаемого шелка, юбке? Начала оглядываться, крутить юбку

– у меня сзади пуговицы – ничего, вроде ничего. Выхожу на своей остановке, ко мне подходит девушка и говорит: «У вас две пуговицы сзади расстегнуты. Как раз посередине». «Спасибо», - отвечаю. Поворачиваю юбку. Да, и правда, расстегнуты, а на самой юбке несколько капель прозрачной жидкости. Высыхая, бесцветные капли становилась белыми. *Что это?* Значит тот, кто терся об меня, расстегнул мою юбку, свои брюки и это... сперма?! Боже правый! Я бежала домой в угаре и гадливости. Я ошалела от мерзости. В ванне долго терла ногу мочалкой, дорожка, по которой стекала жидкость по ноге, горела и жгла. Я ненавижу людей».

Глава 33.

Димитрис Загкос.

«25.08.89.

Кое-что происходит...

Я взяла дневник, но не знаю, хватит ли у меня сил написать так много, как надо.

Впрочем, можно написать и несколькими фразами.

Один грек, отставной, в чине генерала, летчик, очень приятно влюбился в меня. Он на 24 года старше. Вдовец, три года назад потерял жену. Сейчас путешествует. Держит частную школу английского языка. После двух дней экскурсионной программы, он захотел поговорить со мной о том, что увидел. Купил виноград на рынке рядом с гостиницей и пригласил меня в кафе. Я устала, идти не хотелось, тем более, разговаривать об одном и том же. Но он стоял передо мной, невысокий пожилой человек, с кульком винограда в руках, и смотрел на меня. Я никогда еще не видела на старческом, морщинистом лице без бровей, таких глаз – больших, по-детски искренних и открытых, но, в то же время, с плохо спрятанной насторогой, готовой в любую минуту вырваться из глубины. В этих по-детски беззащитных глазах было также барское превосходство и страх, что его не воспринимают так, как он того заслуживает. Я почему-то почувствовала себя не в своей тарелке, испытывая одновременно неприязнь и жалость к обладателю этих неискренних глаз. Побоявшись обидеть его, я согласилась подняться в кафе. Я не удивилась, когда он заговорил не об увиденном, как предполагалось, а обо мне.

- Расскажите мне о себе, - попросил он. - Кто вы? *Чего хотите?* Замужем? Есть ли у вас семья?

Я привыкла к таким вопросам. Хорошие гиды своего рода celebrities и часто рассказывают о себе на бис.

Через несколько минут, он предложил мне работу в своей частной школе. Я даже не знала, что сказать. Конечно, это было просто здорово и как раз то, чего так хотел Игнат! Никаких влюбленностей, никаких мужчин, мне предлагают работу и мы уезжаем вдвоем. Правда, радости своей я ему не выказала, уж очень я была уставшей в тот вечер, не знаю, почему. Просидев полчаса с ним за столиком, я ощутила, что последние силы покидают меня. Я щипала виноград, а он все смотрел на меня своими странными глазами. Мне казалось, что меня затягивает черная дыра. В конце концов, извинившись, я ушла.

Он был такой же, как все, за исключением его двуличных глаз. Он просил меня поужинать с ними в тот вечер, но что-то в нем, кроме его двуличных глаз, отталкивало меня, было неприятным, диссонирующим со мной, и я отказалась.

На следующий день я еще спала, когда раздался телефонный звонок. Было рано, около восьми утра, у меня был выходной. Его, дрожащий от волнения голос, просил меня прийти, проститься, еще раз увидеться. Я отказывалась, мне не хотелось вставать, одеваться, куда-то ехать. Он продолжал настаивать. В конце концов, я уступила, в конце концов, гостиница совсем рядом с моим домом. Он ждал меня у фонтана, на лавочке под ивой, подальше от любопытных глаз. Что же сказать друг другу?

- Помогите мне, начните разговор. Мне трудно. - Его глаза умоляли и отталкивали.

Мне было нечего ему сказать, он же признался мне в любви. Неловко чмокнул меня в щеку и протянул журнал.

- Прошу тебя, не обижайся. Я гадал, что подарить тебе. В конце концов, решил подарить деньги. Не хотелось покупать тебе подарок наугад, я твоих вкусов еще не знаю. Надеюсь, ты примешь эту небольшую сумму.

Я ничего не ответила, меня клонило ко сну и было жалко выходного. Он поспешил в автобус. В журнале оказались деньги, довольно приличная сумма в валюте. На минуту представив себе, где я и кто мог бы наблюдать за мной, я, тем не менее, как ни в чем не бывало, стала спускаться к троллейбусной остановке. Мимо проезжали автобусы и знакомые гиды и водители махали мне рукой. Спрашивали ли они себя, что я делаю рядом с гостиницей в свой выходной?»

«26.08.89.

Сегодня мне приснилось, что что-то черное бросилось на меня. Что это? Змея, болезнь, черные дни, черный человек?».

«29.08.89.

Александра страшно боится, как бы я сгоряча с кем-нибудь не переспала и не запятнала бы этим постыдным действием честь нашей семьи. Она закликает меня каждый день, приводит примеры из книг и кино. «Падшие женщины никому не нужны!», - восклицает она. Александра почему-то вообразила, что в припадке отчаяния, я отдамся первому встречному, бросив к его ногам свое прекрасное тело. Как плохо она меня знает! Чувство собственного достоинства, как и брезгливость, я выпитала с ее же молоком. Уже в более позднем возрасте, воспитание в том же направлении было завершено Анной. Однако трусость, униженность, леность, неспособность использовать возможности, которые посылает судьба или которые ты сама у нее выцарапываешь, ничего не имеют общего с достоинством и честью, не так ли? «Я надеюсь, у тебя есть голова на плечах», - бесконечно повторяет моя мать. Что она хочет услышать в ответ? Уверения, что да, есть? Я ей ничего не отвечаю и ни в чем ее не переубеждаю.

Мы уже двенадцать дней живем без Алексея. По вечерам Игнат мирно засыпает (скучает ли?), я принимаю ванну и тоже ложусь. Читаю, слушаю музыку. Все те же кассеты, но несколько песен мне нравятся и тогда я делаю громче. Пишу. Рисую. Вчера позвонил м-р Тбилиси. Он сказал, что хочет снова прилететь и с охалкой

цветов припасть к моим ногам. Но я не хочу. У нас с ним ничего не выйдет. И надо было бы ему об этом сказать, но мне так безразлично, что даже не хочется ему ничего говорить.

Все успокоилось, улеглось. Нервы и надежды. Игнат завтра идет в школу, начинается новый учебный год. Дай бог ему успехов и здоровья. Я работаю с Ассоциацией Престарелых Американцев. Все тихо и все дремлют...»,

«6.09.89.

«Подобно Жюлю Ренару я бы сказал, что, поскольку, счастье представляет собой только мимолетное состояние, ничего хорошего не предвещающего, к нему нужно стремиться меньше, чем к покою. Сам я, скорее, стремлюсь к успокоению, пытаюсь обрести счастье в чтении и размышлении, нежели в чем-то другом.

Мне всегда казалось, что большой пользы от меня нет. Я очень ленив...».

Обнаружила в своем дневнике эти строки, а имя автора не помню. Но, кто бы он ни был, по всей видимости, он – мудрый мужик.

Я-то сама покоя пока не хочу, но знаю, что счастье – мимолетное, недолгое, обманчивое чувство. Оно действительно ничего хорошего не предвещает, потому что быть счастливой постоянно, напрягая свои чувства в погоне за непреходящим возбуждением, нельзя. За напряжением неизбежно следует провал, обыденность, злость и я с ужасом думаю о том, что мгновения счастья ускользнули и уже никогда не повторятся, и я раздражаюсь, потому что опять надо поднапрячься, чтобы эту недолгую радость поймать за хвост. Но, что ни говори, эти мгновения прекрасны и мне все еще хочется их переживать. Снова и снова...»

«29.09.89.

Меня Бог наказывает и я знаю, за что. Стоило мне немного успокоиться, отвлечься от страданий, забыться, *размечтаться* и вот... Сегодня позвонила учительница Игната. Она сказала, что уже полторы недели вызывает меня в школу: у Игната по алгебре и геометрии одни двойки, только по истории пятерки. Бог с ним, с этими двойками по геометрии и алгебре, но ведь этот паршивец обманывал меня! Каждый день я его спрашиваю, как дела в школе и он мне отвечает, что все хорошо. Конечно, я должна была заподозрить что-то неладное, ведь мы недавно серьезно поговорили, совсем как взрослые. Вот Игнат и вообразил, что наша будущая жизнь, замечательная и прекрасная, осуществится, как в сказке, в другой стране, а здесь уже и надрывать не стоит, все равно все движется к концу и лучше самому сжечь мосты. Одним словом, учиться незачем.

Мне не нужно ругать его, его детский ум именно так все понял и он прав, что размечтался. Двойки он исправит, а мне очень нужно, чтобы на этот раз все сошлось и свершилось. Иначе его мечты окажутся несбыточными, надежды – обманутыми, а мои обещания – глупыми разговорами или того хуже, просто враньем».

«30.09.89.

Я часто думаю о том отставном летчике, что признался мне в любви. Он, без сомнения, обеспечен, *тонок*, интеллигентен и образован. Ну, и что же дальше? У него два сына, старшему – тридцать, два месяца назад он женился, младшему –

двадцать пять, он заканчивает Университет и уезжает во Францию. Даже, если в диких мечтах что-то предположить, связав наши жизни воедино чисто умозрительно, что они скажут, как отнесутся к нашей связи? Ах, что бы ни сказали... Но придет время делить наследство с ними и их женами. Нет, не хочу! Тринадцать лучших лет своей жизни я отдала дураку и еще пятнадцать, как минимум, посвятить старику? Это – очень трезвый взгляд на жизнь, а есть другой – романтический.

Скрасить его старость. Я знаю, он меня не обидит. Из отношений, полных нежности и самопожертвования, может родиться любовь. Он, став мне мужем, заменит мне и отца. Он будет боготворить и лелеять меня. Даст моему сыну образование, поделится мудростью.

Но никогда он не бросит мне вызова, никогда я не испытаю восторга рядом с ним. И всегда рядом, вместо кого-то молодого, красивого и страстного, будет он. А, может быть, это и к лучшему? Молодость еще не успокоилась. Как сказал Павлос: «А вдруг, там, где-нибудь за углом, ждет кто-то другой, лучше?» Молодость рядом опасна. Но это будет уже его проблема, а не моя.

Неужели он решится на это? Не знаю... Возможно, и это знакомство умрет, разобьется как волна о камни».

Димитрис Загкос только что вернулся из своей поездки в Советский Союз. Он сидел за столом в маленькой столовой, примыкающей к кухне, из окна которой открывался вид на церковь. Его сентиментальной душе нравился этот вид, еще больше ему нравились сосны, разросшиеся вокруг церкви, и, особенно, все это нравилось ему зимой, когда редкий в этих краях, но обильный снег, укутывал изумрудную зелень сосен в белые шали. Двери в большую столовую и гостиную были затворены. В доме стояла тишина. Его младший сын был неизвестно где, ему самому тоже не надо было ехать в свою школу английского языка на другой конец города, в Пиреи, потому что сегодня в его школе был выходной.

Его руки с проступающими лиловыми венами лежали на чистом листе бумаги. Он собирался писать письмо. Свое первое письмо ей, той женщине, которую он встретил и, кажется, полюбил. Мимис не первый раз задавался вопросом – зачем он вовлекает себя в столь хлопотливое предприятие? Знает ли он, что такое любовь или, хотя бы, влюбленность? Стоит ли ради этих чувств писать в его возрасте письма, звонить, просить приехать, передавать с почти незнакомыми людьми подарки? Теперь он один, один в доме, один в жизни. Сыновья его не любят: старший еще выказывает незначительное вежливое почтение, а младший не скрывает того, что ждет не дождется своего наследства. Он был любимцем своей матери, покойной жены Мимиса. Когда она была жива, Тассос был ее верным сторонником, после ее смерти он стал ревнивым хранителем ее памяти, не допуская даже мысли о том, что какая-то другая женщина может занять место его матери.

Мимис был родом из деревенских. У его родителей не было ни титула, ни денег. Был дом в деревне и кусок земли вокруг дома. Потянувшись за своим старшим братом, Мимис окончил летное училище, сделав военную карьеру. Однако когда наступило время почтить на лаврах высокого чина с вытекающими из этого последствиями, его отправили в отставку. К власти пришло правительство социалистов во главе с Папандреу, и ему дали под зад пинком. На самом деле он не дослужился до генерала, был полковником, занимавшим генеральскую должность в

течение нескольких недель перед отставкой, но всем говорил, что он – генерал, и ей тоже так сказал. Мимис еще не привык называть ту женщину, которую встретил в Киеве, по имени. На столе лежал клочок бумаги, где она написала свое имя: Елизавета Галич.

В свою жену он был влюблен, она была образованной, с нежной и трепетной душой, девушкой из семьи афинских интеллигентов. Немного засиделась в невестах и пошла за него. Не любила? Ему-то, деревенскому, только такая жена и нужна была, чтобы знала, как дом содержать, как гостей принимать, о чем с ними разговаривать, и чтобы книги в доме были. Именно Сью, его жена, как только дети пошли в школу и отпала необходимость сидеть дома, организовала частную школу английского языка. Дела пошли так хорошо, что когда Мимис вышел в отставку, школа содержала всю семью. Тогда ему было всего сорок с небольшим, но работать больше не хотелось. Затаив обиду на Папандреу, он протестовал против несправедливого отношения к себе довольно своеобразным образом – отказом горбатиться на правительство социалистов. Белая косточка военного летчика, снобизм члена партии «новых демократов» и принадлежность к славному прошлому «черных полковников», ставили его намного выше этого лидера-популиста, прибывшего из изгнания.

Школа, до сих пор приносящая неплохие барыши, выручит его и сейчас, ведь он предложил работу этой женщине именно там. Верит ли он в то, что делает? Не совсем. Школа – это только предлог. Пусть думает, что он действительно хочет ей помочь, иначе ее не вытянешь. Но нужна она ему совсем для другого. Для радости она нужна ему, потому что он, наконец, решил пожить в свое удовольствие. У Мимиса никогда не было любовниц, даже до его женитьбы. Он знал, что был слаб в своей мужской силе и не решался вступать в близкие отношения с женщинами, боясь осрамиться. С женой он тоже держал себя скованно, побаиваясь ее ума и ее превосходства. Сью сама часто отказывала ему в близости, а после рождения второго сына, вообще отеклась от своих супружеских обязанностей, объясняя свою холодность болезнями или предстоящими походами в церковь. Да, в эту самую церковь, на которую он сейчас смотрел. Потом она заболела и умерла.

Он стремился сделать карьеру, но его выгнали, обманув его ожидания. Он женился на красивой, интеллигентной женщине, а она отдалилась от него так скоро, как только смогла, обманув его надежды. Теперь настало его время обманывать. Он снова посмотрел на листок бумаги. Елизавета Галич. Имя как в романах, которые он ненавидел и которыми зачитывалась его жена.

Мимису не хватало плотских утех и того удовлетворения, что проистекает из них. Когда он летал, особенно, когда стал обучать молодежь, острых ощущений хватало, но потом, вот уже восемнадцать лет, он не знает, куда девать свое свободное время. Ежедневная праздность, постоянно направляя его мысли в сторону запрещенного плода, сделала его нервным и раздражительным. Именно поэтому, та молодая женщина, которую он встретил во время своего путешествия, не шла у него из головы.

«Как своевременно распорядился Господь, - думал Мимис, - не успел я снять траур по Сью, как он тут же преподнес мне то, что было так сильно и долго желанно мною - женщину». Елизавета же, как нельзя лучше, подходила к той роли, которую он для нее придумал. Она оттуда, из края проституток и поломоек, поэтому хлопот с ней не будет. Здесь ее обиженный голосок никто не услышит. Он знал русских, украинок, полячек, которые были для него одной и той же расой несчастных,

бедных женщин с неудавшимися судьбами, убирающих дома и квартиры у его знакомых. Мимис решил, что он даже может жениться на Елизавете, но она не будет работать, творчески увлекаясь, и не будет рожать детей. Она будет женою совсем другого рода.

Правда, Елизавета красива, очень красива и умна, снова напомнил себе Мимис. Поэтому с ней надо затеять игру поумней и поаккуратней. Мимис разгадал ее, он прекрасно знал, чем можно ее завлечь. Любовью к ее сыну. Ради этой любви она сделает все. Ей нужно пообещать эту любовь в письме, поэтическом и нежном.

Он взял перо и начал писать.

«Дорогая Лиза,

Наш разговор в кафе невольно сделал меня соучастником твоей жизни.

Не стану скрывать, я восхищаюсь тобой. Ты – красивая, одаренная и очаровательная молодая женщина, которая заставила меня влюбиться в тебя, как мальчишку, с первого взгляда. Не возражай и не сердись на мое признание, ведь я не прошу тебя отвечать на мои чувства взаимностью.

Мечтаю оказаться на двадцать лет моложе. Я не жалею о прожитой жизни, но для тебя я был бы не прочь сбросить пару десятков лет. Но я стар. Стар, несмотря на то, что в душе моей поют птицы и я чувствую себя страстным молодым человеком, под стать тебе. После стольких лет душевного запустения, маленький огонек снова затеплился в моем сердце. Я старался не замечать его, но он с каждым днем разгорается все ярче.

Твой образ не покидает мое воображение ни на минуту, но я продолжаю спрашивать себя, не приснились ли мне твои уста и твои глаза тем ранним, туманным, августовским утром?

«Вы, правда, хотите, чтобы я пришла?», спросила ты.

«Да, да! Очень хочу!», ответил я. И ты пришла, и села подле меня на скамейку под ивой. Я скрыл от тебя, что просидел на этой самой скамейке весь вечер накануне, уставившись на звезды, вспоминая, о чем мы говорили в кафе – о твоих надеждах, которые ты связываешь с будущим самого дорогого для тебя человека – твоего сына.

Боже мой! Что же я делаю?! Я только что перечитал написанное. Это – признание в любви, из-под моего пера вышло любовное послание. Неужели я так влюблен? Отправить письмо или порвать его? Мне нужно подумать. Все же, отправлю.

Заканчивая, хочу, чтобы ты помнила только об одном: я – рядом, я готов разделить все твои проблемы, желания и чаяния. Испытай меня и увидишь сама!

С любовью, Мимис.

P.S. Что-то убеждает меня в том, что мы очень скоро увидимся.

30 августа, 1989-го года».

Лиза писала в ответ:

«Г-н Загкос,

Неделю назад я получила Ваше удивительное письмо. Должна признаться, я еще не получала таких редких по красоте писем. Не скрою – Ваши проникновенные слова, чувства и воспоминания застали меня врасплох.

Тем не менее, я думаю о Вашем приглашении. Может быть, я действительно должна набраться храбрости и прилететь в Афины? Это не трудно сейчас – по пятницам у нас открыли прямой рейс Киев - Афины. Мне нужно лишь приглашение от Вас. О формальностях писать не стану. Если решитесь, обо всем можно узнать в Советском консульстве.

Если я все же приеду, у нас будет достаточно времени, чтобы все подробно обговорить. Я обещаю поделиться с Вами своими мечтами и планами, ведь Вы – тот мужчина, который вызвался встать рядом и помочь.

Обязательно позвоните, когда вышлете приглашение. Идти оно будет не меньше четырех недель. Я хочу знать заранее, когда оно придет.

Искренне Ваша, Лиза.

Октябрь, 1989».

«Дорогая моя Лиза,

Слава Богу, что придумали телефон и, в ожидании письма, можно снять трубку и позвонить. Я благодарен тебе за то, что ты не сердишься на мое первое, столь откровенное письмо. Знаю, ты вежлива и хорошо воспитана, но все же, я не был уверен, как ты среагируешь на мое признание в любви. Если все же обидел тебя, хочу свою вину загладить скромным подарком. А какой подарок может быть более уместным чем нечто, что еще больше высветит твою редкую красоту? Стараясь припомнить цвет твоих глаз, я позволил себе выбрать для тебя кое-что из косметики. Не знаю, получилось ли угодить тебе, но поверь мне, я очень старался.

«Какого цвета у нее глаза?», спросила меня девушка за прилавком. «Зеленые, голубые, серые...», ответил я. «Они меняют свой цвет как драгоценные камни при разном освещении, как море, когда по небу бегут облака». Я хотел выглядеть всезнайкой, но поймал себя на том, что действительно не знаю, какого цвета у тебя глаза. Я был слишком робок, чтобы осмелиться заглянуть в них. Но я помню поцелуй, пусть даже всего лишь в щечку.

Я занят твоим приглашением. Смею ли я надеяться, на ты приедешь на Рождество? Пусть это наше, надеюсь, обоюдное желание сбудется.

Не дождусь твоего письма. И, пожалуйста, называй меня просто Мимис.

С любовью, Мимис.

P.S. В Пиреях пустует одна из моих квартир. Ты можешь там остановиться и распоряжаться ею.

10 октября, 1989-го года».

«Дорогой Мимис,

Я простудилась и сижу дома. Простуда не серьезная, но мне хочется понежиться. Погода ужасная: дождь сменяется мокрым снегом и постоянно висит промозглый туман. Я люблю такую погоду, если можно остаться дома и помечтать о ком-то, кто захотел встать рядом.

Или представьте себе: тепло одеться и пойти гулять с кем-нибудь, кто тебе совсем не безразличен. Пройтись по аллеям старого парка, окунуться в молочную пустоту тумана, поглощающую все на свете, кроме лица того единственного, кто шагает рядом по аллее. Не слышать ничего, кроме звука его шагов и стука тяжелых капель дождя о ковер опавших листьев. И вот мне уже одиноко и я пишу Вам.

Хорошо, что Вы позвонили. Мне было приятно слышать Ваш голос.

Искренне Ваша, Лиза.

P.S. Надеюсь, у Вас все получится с приглашением. Если будет желание, позвоните мне снова. Письма идут долго. Часто кажется, что писать - простая трата времени, в то же время, в письме можно сказать значительно больше... Отправить или порвать?

Октябрь, 1989».

Итак, Лиза написала второе письмо. Она очень старалась соответствовать той роли, которую ей предстояло сыграть. Адресовала она свои письма Мимису, но писала, на самом деле, не ему, а некоему мужчине, которого хотела и надеялась полюбить. Она позволила себе поверить его заверениям в помощи. Его слова показались ей мужественными и честными. Обрадовавшись, она рассмотрела в них ту любовь из своего детства, которой ее баловал Никита. Эти слова вызывали в ней желание стать слабой и превратиться в маленькую девочку, слегка капризную, немного беззащитную. Ее самообман состоял в том, что слова из получаемых ею писем, она никак не связывала с тем человеком, который их на самом деле писал. Читая его письма, она предпочитала не вспоминать его облик - невысокую фигуру, морщинистое лицо, нос, похожий на куриную лапку, и глаза, в которых постоянно плавают готовая выплеснуться наружу обида. И, все же, она уверяла себя, что все делает правильно. У нее есть цель, которую надо, во что бы то ни стало, добиться, и Мимис - средство в достижении этой цели. Он не лучше и не хуже других, кажется, без памяти влюблен в нее.

«Дорогая Лиза!

Я люблю вставать рано утром и наблюдать, как, при первых проблесках рассвета, деревья начинают обретать очертания, а гряда гор, что высится на северо-западе (в том направлении, где находится Киев), и видна из моего окна, превращается из черной в лиловую, потом в серую и, наконец, в бело-голубую.

После долгого и волнительного ожидания, я получил письмо от тебя, которое, вопреки моим страхам, оказалось нежным и романтическим. Прочитав всего несколько строк, я сразу представил тебя - молодую, рыжеволосую красавицу с полотен Ренуара.

Знаю, что ты не любишь писем, но сегодня у меня есть причина черкнуть тебе пару слов. Хочу сообщить, что я отправил приглашение. Поверь, мне стоило

большого труда поторопить служащих в местном полицейском Управлении, с оформлением бумаг. По моим расчетам, ты должна получить его к середине ноября. Постарайся, со своей стороны, преодолеть все бюрократические процедуры до Рождества и поскорее приезжай!

Надеюсь, тебе понравилось то, что я выбрал для тебя из косметики.

Мог бы написать больше, но лучше я позвоню. Хочется услышать твой голос, ощущая тебя совсем рядом. Кроме того, я тороплюсь. Сегодня, 8-го ноября, день Военно-Воздушных сил Греции. К одиннадцати я должен быть в военной Академии на официальной церемонии. Думаю, ты еще не забыла, что в тебя влюблен бывший военный летчик, офицер и джентльмен?

На этот раз я не спрашиваю себя, отправить ли письмо. Конечно, я его отправлю!

Люблю, Мимис.

8-го ноября, 1989-го года».

Прочитав второе Лизино письмо, Мимис понял, что поймал ее в свои, умно расставленные сети. Она верит ему и хочет приехать.

Казалось, и Лиза, и Мимис играли друг с другом. Их письма были поэтичны и искренни, они верили в то, что писали. А иначе и быть не могло, у каждого из них была своя цель, которую необходимо было достичь.

Больше до Рождества писем они друг другу не посылали. Мимис предпочитал звонить. Лиза же пребывала в хлопотах, ей надо было получить загранпаспорт, которого у нее, как у бывшего сотрудника КГБ, за ненадобностью не было. С туристами она выезжала за границу по командировочному удостоверению.

Глава 34.

Пробуждение.

Только один человек мог ей помочь быстро обзавестись загранпаспортом и она отправилась к Марго.

В дверях Лиза столкнулась с дочерью Марго, «душечкой Нинон». Накрашенная и разодетая, она собиралась уходить. Марго что-то поправляла в ее прическе, становясь при этом на цыпочки. Наблюдая эту картину, Лиза подумала, что Нинка, как тот кукушонок, что вырос больше своей мамы, и теперь полон решимости от этой мамы избавиться. Нинка была хорошенькая и упитанная. Унаследовав разрез глаз Марго, она, тем не менее, была кареглазой, волосы у нее были темные, а кожа – молочно-белая, с розовым румянцем и пушком. Вся она была похожа на персик, была такой же сладкой и, в общем-то, доброй, но тяга к любовным приключениям, проснувшаяся в ней, властно и бесцеремонно отпихивала эту доброту назад, в угол, в потаенные дебри ее ума и души. Средняя школа была кое-как окончена, однако учиться дальше она не хотела. Выгодное замужество привлекало Нинон гораздо

больше любой карьеры. Марго и Лиза иногда пытались убедить ее в том, что образование необходимо, оно дает независимость и в конце очередной задушевной беседы, каждый раз спрашивали ее: «Что ты будешь делать, если муж тебя бросит?» Однако этот вопрос страхов в Нинке не пробуждал. Она привыкла, что с самого рождения о ней прекрасно заботилась Марго и не понимала, почему ее будущий муж не должен подхватить эстафету и продолжать о ней так же хорошо заботиться. Самостоятельной жизни Нина не знала и не хотела знать, тщеславие в ее характере не развилось и вечный вопрос о смысле жизни ее ум не терзал. Она прекрасно пекла тортики и готовила обеды. Марго, мятущаяся душа, породила домохозяйку, уютную и приятную женщину. Сложная и трагическая Марго вырастила дочь, стремящуюся к простоте и уюту. И, хотя это было удивительно, но совсем не плохо и вполне объяснимо. Иногда наши дети смотрят на нас и понимают, что, такими как мы, они быть не хотят.

Лиза поцеловала ее в щечку, шелковую и мягкую, как бочок персика, только что сорванного с ветки, и улыбнулась. Ей нравилась Нина, тем более, что у них были одни и те же цели. Она сама искала мужа и душечка-Нинон, была, кажется, озабочена тем же.

- Ладно, я ушла, - пропела Нинон и выскользнула за дверь. Марго ей крикнула вослед, чтобы гуляла не допоздна, но та уже исчезла в дребезжащем лифте.

- Знаешь, я боюсь, что в один прекрасный день она объявит, что ждет ребенка и все. Я этого не переживу, - устало сказала Марго, закрывая дверь и поправляя половичок для ног.

- Не бойся, она не такая дурная. Твоя дочь найдет себе достойную партию. Жаль только, что она учиться не хочет.

- Она не только учиться не хочет, она и влюбляться не хочет. Мне было бы понятнее, если бы она сказала мне, что влюблена, встречалась бы с парнем, вздыхала, шептала бы по вечерам свои секреты, как он посмотрел на нее, что она сказала и что он ответил. Первый поцелуй. Похудела бы от всех этих переживаний. Но нет, никакой романтики! Она говорит, посмотри на себя и на свою подругу, зачем мне ваша любовь?

- Марго, ей очень повезло, что она может обходиться без любви. Ты никогда не думала об этом? Это мы с тобой как наркоманы от дозы, зависим от любви. Но влюбляемся не в тех. И потом страдаем, но как только залижем раны, нам снова нужна любовь. С ее точки зрения, это не нормально. И она права, оставь ее в покое. Она проживет гораздо более счастливую жизнь, выполняя лишь функции и получая от них удовольствие.

- Страшные слова ты говоришь, - Марго уже заваривала кофе и раскладывала конфеты и печенье из своих спецзапасов по вазочкам. - Что же, Нинка так никогда и не узнает, что такое любовь?

- Кто знает, может быть, и ее скрутит нежданно-негаданно. Но зачем?

- Чтобы душа узнала, что любовь есть. Душу-то в нас помещают для того, чтобы любила. Нет, хоть один раз, но любить обязательно надо.

- Перестань, Марго. Пусть ребенок проживет спокойно и счастливо.

- А Игнату ты бы пожелала прожить без этой самой любви?

- Если он сможет не полюбить, я его от этого меньше любить не стану.

Марго внимательно посмотрела на Лизу. Она знала, что если Игнат посмеет не полюбить, Лиза заставит его, ведь она так заразительно любит сама! Она опишет, расскажет, заразит его любовью. За ней всегда ухаживали красивые, незаурядные

мужчины – то араб благородных кровей, то грузин, который несколько раз летал в Киев только для того, чтобы привезти ей розы, то канадский министр, до сих пор не оставляющий ее своим вниманием, то теперь вот грек, отставной генерал, летчик. Последнее время, после развода с Алексеем, она откровенно ищет себе мужа. Марго прекрасно понимала, что Лизу толкает на это не столько ее собственное желание устроить свою жизнь, сколько будущее Игната. Она не разрешит своему сыну прожить серую, никчемную жизнь. Но ее поиск – рискованное предприятие, дай Бог, чтобы поменьше грязи и унижений ей пришлось испытать на пути к достижению своей цели, и чтобы мытарства ее в лабиринте ненужных связей не длились бесконечно. Возвращаясь в мыслях к своей серой жизни, Марго с грустью призналась себе, что ей никогда не доводилось любить так, как Лизе. Лиза все послав к черту, объявила, что ни во что больше не верит, что хочет увидеть мир и пожить в нем. Марго же не могла этого сделать, будучи спелената должностью своего отца. Она ни разу не выезжала за пределы Советского Союза, у нее не было шансов встретить кого-либо, кроме офицера КГБ, своего сослуживца. В одного такого она однажды без памяти влюбилась и занималась с ним любовью на диване в этой самой квартире. Она никогда не заикалась своему отцу, чтобы тот помог ей съездить за границу, хотя бы в соцстрану, а он никогда ей этого не предлагал. Всю жизнь она была заложницей высокого положения своего отца, которого боготворила. Ни разу не бунтовала, ни разу не рыпнулась, ни разу не вспыхнула. У нее на глаза навернулись слезы, крупные и тяжелые, которые тотчас же ринулись по щекам вниз. Так плакать могла только Марго.

- Ты что? – Лиза вскочила со своего места на кухонном диванчике и подошла к Марго. – Извини за то, что я сказала. Встретит твоя Нинка любовь и вы еще обе намааетесь с ней.

- Я не об этом. Страшно мне. Выросла она и мне кажется, что пусть лучше то, что должно случиться, случится здесь, дома, а не где-нибудь в машине или у друзей на даче.

- Ты говоришь так, как будто Нину должны четвертовать и лучше, если она примет смерть дома.

- Это то же самое. Тебе это трудно понять сейчас, но мне совершенно невыносима мысль, что я вырастила дочь, а кто-нибудь, не любя, переспит с ней и потом даже не вспомнит о ней. Она станет для кого-то не единственной, а одной из многих. И поэтому я решила уйти.

- Куда? – Лиза прекрасно знала куда, но все равно решила спросить.

- К Генке, – Марго разливала кофе, руки у нее дрожали, свой ответ она выдохнула не словами, а дрожью.

Несколько лет назад, когда Лиза только встретила Марго, ей казалось, что она очень похожа на Софию Лорен. Такие же глаза, такой же нос, такие же полные, выразительные губы. Такая же сила, притягательность и властность в лице. Такой же задор и такое же бесстрашие. Женщина, которая дразнила и покоряла. Но сейчас все это исчезло, остались только голые черты лица, искореженные предчувствием беды. В глазах Марго прятались тоска, страх и беспокойство – приметы, слишком хорошо знакомые, чтобы их не заметить.

- Не делай этого.

- Почему не делай? – с раздражением выкрикнула Марго. – Ты же живешь с нелюбимым мужем и ничего, не умерла.

- Я расстанусь с нелюбимым мужем. Я развелась с ним и теперь ишу возможность уйти от него. Я покидаю клетку. Ты же возвращаешься к нелюбимому мужу, возвращаешься в ненавистную клетку, из которой сбежала совсем недавно. Неужели ты не помнишь, как тебе было тошно?!

- Помню, я все помню. Но, может быть, на этот раз, все будет по-другому?

Лиза не ответила. По-другому не будет, потому что по-другому просто не могло быть. Генка был отвратителен. Он тоже служил в Комитете. Его мать работала в комитетской поликлинике. Это был все тот же круг. У Генки были жирные волосики мышинового цвета, которые он мыл несколько раз в день, чтобы выглядеть прилично, круглое, как луна, лицо, небольшой курносый нос и совсем маленькое отверстие вместо рта. Он картавил, как Ленин, не выговаривая букву «р». Отец оставил ему новую «Волгу», но даже это приданное не могло скрасить ни Генкиной обыденности, ни его отвратительности. Лизе нравилось с ним болтать, когда они встречались на днях рождения Марго, но каждый раз, она весела от одной мысли о том, что этот мужчина не ее муж, и что ей никогда не нужно спать с ним.

- Не ходи, - снова сказала Лиза. - Неужели ты не понимаешь, что приносишь себя в жертву из-за глупости, только из-за того, что твоей дочери пришло время переспать с кем-нибудь и она не может найти удобного места?! Ты же даже не знаешь, есть ли у нее парень, может быть, это только так, томление юности, гормоны и больше ничего. Перебеситесь! А ты, если вернешься к Генке, действительно должна будешь спать с ним, ты об этом подумала?!

- Я не хочу об этом думать. Я хочу, чтобы ты мне кое-что пообещала.

Марго замолчала, а Лиза еще возбужденная своей злостью на глупость, которую собиралась совершить ее подруга, вспомнила, как полтора года назад, Марго пришла к ней просить денег, чтобы перевезти свои вещи от Генки, пока его не было дома. Лиза тут же дала ей денег и они быстро водворили Марго назад, к ней на квартиру. Потом она вела переговоры с Генкой по телефону и через закрытую дверь. Марго не могла его видеть, ее буквально тошнило от физической близости с этим человеком. И сейчас все сызнова?

- Да, я сделаю все, что ты скажешь. - Лиза подумала, что ее просьба снова связана с Генкой.

- Я всегда тебе помогала без всяких условий, от всего сердца, - начала Марго. - Ты всегда отличалась от остальных, в тебе было бесстрашие и ничем не сгибаемое желание добиться своей цели. Я тобой восхищалась и часто думала, почему Нинка не похожа на тебя? Мы были близкими подругами, почти сестрами. Но сейчас, я хочу поставить одно условие и взять с тебя честное слово, что ты это условие выполнишь, чего бы тебе это ни стоило.

Лиза слушала, что говорила Марго и ей почему-то делалось неприятно.

- Если ты вырвешься, - продолжала Марго, - пообещай, что тыстроишь и Ниночку. Найдешь для нее работу, я не знаю, как-нибудь еестроишь рядом с собой.

Пристраивать бесталанную Нинон было немисливо, разве что замуж ее выдать. Но за кого? Это была дурацкая просьба, но Марго так хотелось уберечь свою дочь от опрометчивого поступка, что ее ясный ум нашел, как ей казалось, хорошую успокоительную лазейку - спрятать дочь за границей. Она отказывалась понимать, что то, что является для нее трагедией, находится внутри Нинки и спрятать ее от ее же похотливых настроений не удастся нигде, даже за границей.

- Хорошо, я что-нибудь придумаю. Но ты же знаешь, что это не может случиться завтра. У меня даже загранпаспорта нет. Марго, я хотела...

- Я знаю, что у тебя нет паспорта. Я помогу тебе. Ты не представляешь, как это трудно, но я постараюсь. Может быть, это мой последний шанс сделать что-то для тебя. Отец мой в больнице и эти людишки здесь об этом пронюхали. Они думают, что его карьера, эра его правления, как они говорят, подходит к концу. Захотят ли они помочь мне? Не знаю...

- А если нет, если нет, Марго, я просто умру! – Теперь Лиза уже готова была рыдать. Она не могла, не хотела снова упираться в стену, она просто должна, должна, должна была уехать!

- И вот еще что. Ты просто не знаешь. К нам приходят директивы, которые страшно читать. Советский Союз, Лиза, наша с тобой страна, разваливается буквально на глазах. Ее больше не существует! Почти никто еще не знает об этом, а те, кто знают, еще не понимают, что происходит. Так что загранпаспорта, всякие там поездки за границу снова могут отменить. Поэтому ты должна быть готова к отказу, времена сейчас смутные. Но я очень, очень постараюсь. Обещаю тебе!

Лиза ушла от своей подруги с беспокойным сердцем. Не из-за паспорта, она была уверена, что Марго сделает ей паспорт, особенно теперь, когда она связала ее жизнь на свободе с будущим своей дочери. Она боялась, что Марго сделает глупость. Непоправимую глупость. Уйдет к Генке, отдаст Нинке квартиру, куда та начнет водить своих ухажеров, и будет страдать на два фронта: живя с нелюбимым, опостылевшим мужчиной, и мучаясь за дочь, которая утешается сексом без любви. Лиза удивлялась, почему нельзя взять эту самую Нинон за шкирку и встряхнуть хорошенько? Но Марго эта проблема казалась неразрешимой, она увязла в ней, вдруг потеряв былую сообразительность и легкость, с какой бывало разрубала чужие узлы.

Лизе не понравилось и то, что ее вынудили дать обещание в обмен на помощь. Она всегда, как и Марго, откликалась на просьбы о помощи, но сверх того, любила делать сама. Душа ее была необыкновенно щедрой, особенно когда она сама бывала счастлива. Тогда Лиза отдавала все, снимая с себя все самое лучшее и дорогое. В счастливые минуты душа ее раскрывалась, истекая радостью и щедростью, и эти, невидимые для людей сильные чувства, принимали форму неожиданных и дорогих подарков. Вот и теперь, если бы она устроилась и жизнь ее удачно сложилась, без специальных и дополнительных просьб, она сделала бы для Нинки все, что было бы в ее силах. Но вот так заставлять ее... Лиза почувствовала насилие над собой, а этого она не терпела. Ладно, она понимала, что Марго в отчаянии. Вопрос закрыт.

Потянулись дни и недели ожидания. Мимис звонил, иногда по несколько раз в день, спрашивая, как продвигаются дела с паспортом, уговаривая Лизу действовать быстрее, подогревая ее нетерпение. Пришлось расстаться с такой желанной мыслью о том, чтобы успеть к Рождеству. Дай Бог вообще выехать! Марго говорила, что сама ждет звонка от того человека, который делает Лизе паспорт, но определенной даты, когда он будет готов, назвать не может. Лизе было невыносимо это ожидание, как будто все спят вокруг! Однажды в субботу, она встала в семь утра, оделась и пошла к Марго.

- Я сяду у тебя здесь, на пороге и не уйду, пока ты не позвонишь кому надо и он тебе не скажет, когда будет готов мой паспорт.

Марго с удивлением уставилась на Лизу. Она дежурила по Комитету и собиралась на работу, стоя перед зеркалом в коридоре, стараясь, при тусклом

освещении одной лампочки, наложить туш на ресницы. Закончив с одним глазом, она взглянула на Лизу: вот это ее упорство и бесстыдство отталкивает и притягивает одновременно. Если бы она не знала свою подругу лучше, она бы выгнала ее сейчас же, не потерпев таких демаршей даже от нее. Но она знала, что Лиза бьется не столько за себя, сколько за них всех. Марго чувствовала себя неудобно из-за того, что недавно попросила пристроить Нинку. Лизу не надо было об этом просить, она бы сделала все сама.

- Иди домой, я тебе сегодня позвоню.

Лиза еще посидела на ковре в коридоре у ног Марго, молча наблюдая как та красит ресницы, поднялась и ушла.

После обеда, когда уже стало смеркаться, Марго позвонила, назвав адрес, где Лиза должна была забрать паспорт. Это была какая-то каморка в доме, где находился лекционный зал Академии Наук. Почему там? Как надоела вся эта конспирация!

Потом начались хождения в ОВиР за выездной визой. Прошло еще несколько недель. Приближался Новый год. Мимис казался опечаленным тем, что Лиза не приедет, он готовил ей сюрприз – поездку на Крит, в шикарную гостиницу. Лиза не спросила, заказал ли он один или два отдельных номера для них. Раз она все равно не успевала приехать, вопрос этот оказался ненужным, но она догадывалась, что номер был заказан один на двоих. Он обращался с ней, как будто она уже на все согласилась и была его собственностью.

Прошел Новый год, снова все было грязно и скудно, и в этой грязи и скудости, в трещавшей по всем швам советской империи, началось последнее десятилетие века. Лиза не знала и не гадала, что произойдет или что случится для нее до конца двадцатого века. Она также не подводила итогов. Однако в ней самой произошли неожиданные и большие перемены. Когда она стояла на том балконе в луксорской гостинице, в ней рождалась не только женщина. В ней просыпалось желание жить по-другому. Она наблюдала за людьми, в основном, это были туристы. Те, что сидели за столиками в кафе, оживленно разговаривали и смеялись. Те, что прохаживались перед гостиницей, чувствовали себя, как дома, они держались за руки или обнимали друг друга, курили, разговаривали, молчали, смотрели на низкое небо с яркими звездами, шутили, никуда не торопились. Они, наверняка, не думали о том, как повыгодней сбыть уют, прихваченный с собой на продажу. Они не выглядели ни испуганными, ни загнанными. Это были люди из другого мира, отпускники, которые могли позволить себе отдохнуть в хорошей гостинице на берегу Нила за свои собственные деньги. Они совершенно отличались от ее соотечественников, сумевших по профсоюзной линии вырваться за границу с мизерной и, поэтому, унижительной суммой, разрешенной властями к обмену и вывозу. В тех, других людях, чувствовалось достоинство.

Лиза оказалась в Египте по воле случая, но приехала она туда, сама того не подозревая, подготовленной. Родившись при советской власти, в рамках замкнутой, двуличной и жестокой системы, на каждом шагу подстерегавшей своих граждан минными полями своей изуверской идеологии, Лиза, по мере сил, старалась не принимать участия в строительстве и укреплении этой системы. Она создала вокруг себя ничем не заполненное пространство - вакуум, где она взрастила некое подобие личных свобод, пусть призрачных, и где она лелеяла свои мечты. Во время той, первой поездки, вакуум стал постепенно заполняться. Через Египет, страну бедную, во многих отношениях, отсталую, она сумела разглядеть другие страны и другой

мир. Будучи наблюдательной с детства, Лиза замечала и вбирала в себя детали. Именно они позволили ей перешагнуть барьер и увидеть то, что другим было не дано. Прочувствовав, буквально учуяв другой мир, она поняла, что ее место именно там, а не дома, в недостороенном загоне советского социализма, где надо прогибаться, пресмыкаться, где ты полностью зависишь, где распределяют и разрешают, где радости идеологически окрашены и, поэтому, искусственны и поверхностны, где слово «достоинство» уравнивается со словом «измена».

Эта поездка в Египет стала для Лизы **пробуждением**. После возвращения домой, отлюбив, переболев, она поняла, что надо действовать, потому что вакуум, который она однажды создала вокруг себя, звенел и вибрировал, превратившись из теплицы, где она так заботливо взращивала свои призрачные свободы, в раздражитель, диссонирующий с ее внутренним «я». И все же, Лиза не искала политических или гражданских свобод, она искала любовь. Пробудившись, она поняла, что только любовь сможет по-настоящему освободить ее, дать ей силы и мудрость определить себя в этом огромном мире. Ей нужен был рядом мужчина, тот, кто открыл бы ей этот мир, став в нем ее проводником, который дал бы ей время разобраться в нем и не наделать ошибок. Поэтому, на переломе последнего десятилетия века, Лиза думала о том, чтобы связать свою судьбу с почти незнакомым ей человеком.

Была еще одна причина – страх. Все сошлось: мечта обрести свободу, потребность в любви и невероятно сильное желание избавиться от страха. История заставила ее стать свидетелем того, как рухнула ее страна, некогда могущественная идеологическая империя. Что впереди? Холодные, призрачные годы хаоса, политических ошибок, несостоятельности очередного правительства и вполне закономерных трагедий? Предвидя наступление такого будущего, Лиза хотела защитить, прикрыть собой свою семью: оградить Анну и Александру от бедствий и неминуемой нищеты, а Игнату обеспечить достойное будущее. Она решила пожертвовать собой, с головой ринувшись в намечавшуюся связь с человеком, которому решила доверить свою семью. Лиза понимала, что не любит его, Димитриса Загкоса, но надеялась, что его доброта и взаимное терпение сделают свое дело и она полюбит. В обмен на благополучие своей семьи, на возможность самой обрести свободу и достоинство, она готова была открыть этому человеку свою душу. Если он оценит ее дар, если поведет себя с ней тактично и чутко, она сможет принять физическую близость с ним. Пережив такое неожиданное потрясение, как любовь к Фахри, Лиза искала не любовника, но друга, старше себя по годам, более мудрого, чем она сама. Она искала учителя и защитника, мечтая о том, что Мимис, в какой-то степени, сыграет в ее жизни такую же роль, какую когда-то сыграл ее дед...

Вот так мечталось и думалось Лизе, когда 1990-ый год уже давно наступил. В феврале ей, наконец, поставили выездную визу и пришло время ехать в Москву получать греческую въездную визу.

Москва встретила снегом и холодом. С поезда Лиза заглянула в МИД, справилась, где находится посольство Греции. Узнав, поехала туда. За чугунной оградой, за заснеженным садом, стоял дом с колоннами, выкрашенный в желто-белые цвета. Народу вокруг не было никого, Лиза объяснила милиционеру цель своего визита и прошла за ограду. Ей указали на деревянную пристройку. В коридорах с дощатыми, расшатанными полами тоже было пустынно. Одна из дверей приоткрылась и в проеме появилась молодая женщина. Она взяла паспорт и

приглашение, и, попросив подождать, опять исчезла за дверью. Через пятнадцать минут все было готово. В Лизинем загранпаспорте стояла ее первая загранвиза.

Покинув Посольство и подивившись тому, как все легко и просто устроилось, Лиза снова поехала на вокзал, взяла билет на четырехчасовой поезд до Киева и, сев на метро, вернулась в центр, чтобы купить, выстояв длинную очередь в только что открывшийся в Москве Макдональдс, гамбургер и большой красный стакан Coca-Cola. Ее поезд прибыл в Киев в пять часов утра. Ни трамваи, ни троллейбусы в такую рань еще не ходили. Такси тоже не было. Пришлось идти пешком. Лиза вышагивала темным февральским утром по мерзлым киевским тротуарам, а в душе у нее пели птицы. Она не замечала того, что нос ее сначала покраснел, а потом побелел, что колени занемели, что пальцы ног в сапогах без меха, горели огнем. Ей было все равно, потому что она уезжала в другую страну, где ее ждал человек, с которым она связывала большие, на всю жизнь, надежды. Он обещал ей красивую жизнь, он баловал ее подарками, он планировал надежное будущее для ее сына. Лиза набрала в легкие побольше морозного воздуха и запела. Люди, спозаранку собравшиеся у гастронома в очередь за молоком, удивленно на нее посмотрели. Они даже не догадывались, что ее ждет счастье, в то время как им радоваться было определенно нечему.

Глава 35.

Территория Димитриса Загкоса.

Что вы ощущаете, когда, вы впервые самостоятельно путешествуете в другую страну? Вас разбирает любопытство, вы всему удивляетесь, злитесь на свою провинциальность? Вы осторожничаете, но, в то же время, стараетесь выглядеть отстраненно и независимо? Вы ведь еще не освоились в международных аэропортах и не знаете, в какую именно кабинку сунуться со своим паспортом, на какой эскалатор ступить, чтобы попасть в нужный зал, и на какой именно ленте появится ваш чемодан. Вы еще не стали заправским путешественником и не научились доверять указателям и различного рода табло. Несмотря на ваше академическое образование и знание иностранных языков, вы просто не умеете их читать и отказываетесь выпить немного вина в самолете из-за боязни, что ваше внимание рассеется и вы совсем растеряетесь. От недосыпания и волнения вы разбиваете одну из двух бутылок шампанского, которые везете в подарок, и волнуетесь, что у вас в чемодане найдут припрятанную баночку икры. Вы всего боитесь и смущаетесь, пока, наконец, опытная и повидавшая виды толпа не выбрасывает вас в нужные ворота и вы уже среди встречающих...

Лиза не сразу узнала Мимиса. Чтобы привлечь ее внимание, ему пришлось помахать рукой. Среди объятий и поцелуев, слез и вскриков, смеха и дружеских хлопков по спине, она стояла, застыв с тележкой, на которой аккуратно лежал ее небольшой чемодан. До глубины души пораженная своей забывчивостью, она не могла поверить, что Мимис такой неказистый и не по годам старый, что он такой непрестижный и немужественный. Неужели он мог писать ей такие письма?!

Кто водил его рукой, кто нашептывал ему слова, кто делал его тем умным и сильным мужчиной, который был готов встать рядом? Лизе вдруг расхотелось, чтобы он не только становился рядом, но и подходил к ней.

Но Мимис уже спешил к ней, расталкивая локтями встречающих. Он поцеловал ее в щеку, взял за руки и долго смотрел ей в глаза.

- Приехала все-таки? – Мимис не мог поверить собственному счастью.

- Приехала, - обреченно выдохнула Лиза.

- Ну, давай, пойдём отсюда. Моя машина на стоянке.

Он повернулся и быстрым шагом стал идти по направлению к раздвигающимся дверям. Лиза, неуклюже маневрируя своей тележкой, пыталась поспеть за ним и не смогла. Запыхавшись, она остановилась.

- Вас что, не учили в летной Академии женщинам помогать?

- Я подумал, ты – молодая, сама справишься.

Нет, это был определенно не тот человек, что писал письма. Лиза ждала на тротуаре, пока он подгонял темно-зеленую старую «Ауди» с царапинами на боках. Она хотела сама открыть дверцу, но он подскочил и первым распахнул перед ней дверь. На кожаных сидениях, и спереди, и сзади, лежали букеты цветов – горы благоухающих весенних цветов Средиземноморья! Бог мой! Лиза подняла голову и взглянула на голубое, без единственного облачка небо, скинула пальто и улыбнулась. Она начала влюбляться... в Грецию.

По дороге из аэропорта, она ласкала глазами синеву моря, по которой скользили яхты под белыми парусами, жадно смотрела на лотки с фруктами и цветами, на широкие балконы с навесами, которые здесь называют верандами, уставленные кадками с монстерой, юккой, горшками с алой геранью и разноцветными анютиными глазками, на витрины дорогих магазинов, на деревья с ярко-зеленой листвой и ярко-оранжевыми плодами. Она вдыхала сладкий аромат цветов, разбросанных на заднем сиденье и чувствовала, как пары неведомого ей яда проникают в ее мозг и разлагают ее сознание. Она вспоминала, как еще сегодня в Киеве, ранним февральским утром, в темноте и холоде, она ждала рейсового автобуса до аэропорта, как ехала в нем стоя, потому что все места были запакованы какими-то вонючими шинами и двумя краснорожими жлобами, развалившимися на переднем сидении. Именно в тот момент, когда она снова представила их лица и почувствовала запах перегара, исходящий от них, машина затормозила. Она оказалась на одной из пирейских площадей, той, что рядом с Народным театром. Прямо перед Лизой тянулась непрерываемая череда ярких навесов, под которыми стояли столики.

- Хочешь кофе? – Мимис взял ее за руку и увлек за собой.

- Конечно, хочу! – Лиза почти бежала за ним и каблуки ее зимних сапог с железными набойками отбивали оглушительную дробь по пирейской мостовой.

Мимис с неудовольствием посмотрел на ее сапоги, невыразительный серый свитер и черные шерстяные брюки, которые Лиза надела в дорогу. Женщины его круга в эту пору года были одеты в черные лодочки и гладкие норковые шубки. Стремительно войдя в кафе, он нерешительно остановился, запнувшись в поисках свободного столика. Лиза в это время рассматривала витрину с пирожными. Она не могла поверить, что такое бывает посреди февраля! Кусочки клубники, ананаса, киви, банана, ягоды ежевики и малины, уложенные в сливочный крем в корзиночках из теста и залитые желатином, напоминали яркий узор из детского калейдоскопа. Все, что было выставлено в витрине под яркими лампами, так

властно притягивало ее взор, что у Лизы зарябило в глазах, а ее рот наполнился слюной. Едва владея собой, она передвинула свой влажный, алкающий взгляд на стройные ряды из шоколадных квадратиков, на глянцевых поверхностях которых красовались, словно рубиновые капли, сладкие вишенки. Пока Лиза наивно продолжала стоять перед невиданной ею доселе кондитерской роскошью, Мимис сбежал на второй этаж, чтобы справиться о свободном столике. Однако там тоже все было занято, уже начался обеденный перерыв и служащие из соседних офисов с удовольствием пили ароматный кофе с теми самыми пирожными, которые Лиза цепко удерживала своим взглядом.

Мимис снова взял ее за руку и вывел из кафе, даже не заикнувшись о том, чтобы купить что-нибудь к чаю, домой. Лиза не привыкла к тому, что зимой можно есть фрукты. В Украине ели клубнику только, когда она поспевала – в июне. Алексей привозил ее с дачи ведрами и она съедала столько, сколько мог вместить ее желудок. Оставшееся консервировала или варила варенье на зиму, но вкус был не тот, что у свежей ягоды. Ощущая во рту вкус свежей клубники, Лиза, по дороге к машине, постоянно оглядывалась на захлопнувшуюся за ними дверь кафе.

Через пять минут они уже были дома, в квартирке в одном из старых двухэтажных домов в Пасалимани, которую Мимис, в одном из своих писем, так щедро отдал в полное распоряжение Лизы. Вдоль узенькой улочки, на которой стол дом, росли, источая тонкий и сильный аромат, апельсиновые деревья. В единственном подъезде стояла кадка с искусственной пальмой и висело огромное зеркало. На столике была разложена почта. Консьержка, услышав шум, просунулась в дверь и поздоровалась с господином, справившись о его здоровье. Мимис не нашел нужным представить Лизу и втолкнул ее в лифт, что было весьма глупо, потому что ехать было всего один этаж.

После долгой возни с ключом, Мимис, наконец, распахнул дверь и пропустил Лизу вперед. Ее взору открылась панорама запустения и грязи. Видавшая виды мебель была порабощена старыми, поломанными предметами, покрытыми пылью. Занавески не висели, а стояли на окнах. Нежилой, застоялый запах неприятно щекотал ноздри, составляя контраст с чистым, свежим, напоенным ароматом цветущих деревьев, воздухом на улице.

- Входи, входи, будь как дома, - Мимис нетерпеливо подталкивал ее вглубь противных темных комнат.

Лиза все стояла, не шелохнувшись, ощущая острый, яростный диссонанс со всем, что находилось в этой квартире. Все вещи были чужими, неправильной формы и нелюбимого ею цвета: коричневое перемежалось с желтым, сдобренное кое-где зеленым. Она не могла найти общего языка с этими предметами и не представляла, как станет жить с ними под одной крышей. Ее затошнило.

- Да ты не стой, проходи! - настаивал Мимис. - Немного не убрано и, может быть, не совсем то, что ты ожидала, но ты пойми, эта квартира не жилая, используется мужской половиной нашей семьи исключительно для любовных свиданий.

Стало ясно, зачем он ее сюда привез, а от этой ясности стало отвратительно. Любовница! Вот кем она должна стать для человека, который смотрел на нее своими детскими глазами, будучи невероятно обрадован и возбужден тем, что, наконец, пришла и его очередь попользоваться этим любовным гнездышком. Его сыновьям и не снилась такая пташка, которую он исхитрился изловить в свои сети! Лизе же было невдомек, что думы и помыслы любого греческого мужчины, несмотря на

возраст и социальное положение, направлены, по большей части, на непреходящее желание иметь интимную близость с противоположным полом. В них рано пробуждается желание и поздно (или никогда) угасает. И ничего с этим не поделаешь! Такими они уродились много веков тому назад и такими остаются и по сей день.

Мужчины Греции, наравне с остальными представителями сильного пола Средиземноморья, являют собой прекрасный образец любовника. Не в плохом, пошлом смысле этого слова, а наоборот, сказано это в качестве комплимента, ведь искусство любовника предполагает заинтересованность в женщине, а познать женщину, дабы угодить ей, всегда нелегко и хлопотно. Покоривший не одну женщину за свою жизнь, любой грек знает, как ее обольстить, как к ней подступиться, какие слова сказать, как посмотреть и какими обещаниями поманить или обмануть.

Но не Мимис, только не Мимис, он, как раз, был совсем другим. Всю свою жизнь он жаждал любовных приключений, но не решался их иметь. Пришло время, и он позволил себе блажь, пригласил красотку из неведомой страны, чтобы ответственности было поменьше, да и скрыть такую связь от знакомых, от сыновей, от братьев и их всезнающих жен, гораздо легче. Нет, с гречанкой он не решился бы на легкую связь, потому что с гречанкой отношения могут быть только серьезными или никакими. С ней надо было бы взвалить на себя дополнительные обязательства, поделиться недвижимостью и наличностью. Но даже если не заходить так далеко, как женитьба, от гречанки, которую всегда опекает большая семья и целая армия родственников, среди которых всегда есть свой адвокат, просто так не отвяжешься. А эта, одна-оденешенька и навряд ли даже знает про существование какой-либо юридической казуистики.

Лиза прошла в гостиную, присела на краешек дивана и стала распаковывать сумку. Ее подарки были, с ее точки зрения, незамысловатыми, она привезла, что смогла – шампанское и баночку икры. Больше чем одну везти побоялась. Но с пустыми руками тоже не хотела ехать. Мимис тут же спрятал шампанское и икру в холодильник, позвав Лизу на кухню, посмотреть, что где стоит – где кофеварка, где тарелки и чашки, где мусорное ведро. Кухонька была маленькая, несколько квадратных метров для нее украли у соседней комнаты. Рядом находилась крошечная веранда с мутными, непроницаемыми стеклами веранда. Приоткрыв одно из окон, Лиза уперлась взглядом в малюсенький, загаженный голубями, внутренний дворик. На балконах, выходящих туда, сушили белье, держали тазы и ведра со швабрами.

- Голодная? – Мимис открыл холодильник и задумчиво смотрел в него.

- Да нет, вроде бы. Нас в самолете кормили.

На самом деле, Лиза была голодная и страшно уставшая. Волнения, связанные с отъездом из Киева посреди ночи, все ее хлопоты с оформлением документов, ее поездка в Москву для получения визы, и, наконец, ее ожидания, ее мысли, ее колебания, любить или не любить человека, который ей писал такие хорошие письма, и теперешнее разочарование, навалились на нее, лишив сил и настроения. Ей хотелось уединиться, избавившись хоть на время от этого старческого лица с носом, похожим на куриную лапку. Ей страшно захотелось домой.

Но, как раз в это время, Мимис решил, что пришло время действовать. Используя небольшое пространство кухни, где от стены до стены было всего метра полтора, он приблизился к Лизе и неловко обнял ее. Крепко держа ее своими

небольшими, но цепкими, как у речного рака, лапками, он старался поцеловать ее. При этом его губы вытянулись и стали искать ее губы, стараясь обогнуть ее щеку.

- Зачем? Почему Вы меня целуете? – Лиза вырвалась из его цепких объятий и смотрела на Мимиса зло и устало.

- Потому что мне хочется тебя поцеловать. Потому что я мечтал об этом все эти месяцы, пока ждал тебя. Я же писал тебе, что влюблен. А ты разве нет? Ты ведь приехала, значит тоже, вроде бы, не равнодушна ко мне.

Лиза уже открыла было рот, чтобы сказать, что она всего лишь приняла его приглашение посмотреть страну, в которой никогда раньше не была, и посетить его английскую школу, но промолчала. Этот ответ прозвучал бы наивно и глупо. Неужели она думала, что ее будут содержать здесь две недели просто так, без какой-либо благодарности с ее стороны? Да, она так думала, потому что все еще не знала жизни, настоящей жизни, со всеми ее драмами и страстями... В том социалистическом заповеднике, где она родилась и выросла, мужчины и женщины были связаны или узами некрепкого брака, или недолгим любовным приключением. Непродолжительные свидания на кушетке в двухкомнатной хрущовке, как правило, ничем не заканчивались и ни к чему не обязывали. Лиза еще не понимала сути истинных отношений между двумя полами. Она не знала, что в настоящей жизни, между слабым и сильным полом, постоянно ведется своего рода игра – если он хочет ее и настаивает на обладании ею, она думает как подороже себя продать, как обеспечить через эту связь свое будущее или, хотя бы, свое настоящее, как понравится ему настолько, чтобы эта связь не оборвалась на следующее утро. Эта охота за телами, за деньгами, за обладанием тем и другим, придавала остроты отношениям между мужчинами и женщинами на Западе, потому что им было что предложить друг другу, что обрести и что потерять.

Лиза молчала, догадываясь о том, что Мимис тоже предлагает ей игру, но примитивную и пошлую. Его игра сводилась к элементарному начальному постулату - она отдастся ему безо всяких капризов и уверток только потому, что она оттуда, из-за Железного Занавеса, поэтому он будет упорно и методично добиваться ее, изредка перемежая свои притязания с чем-нибудь для нее приятным и развлекательным.

По-другому дело обстояло с Лизой, предпочитавшей любым играм и интригам, искренность. Навязанная ей игра с самого начала складывалась не в ее пользу, поскольку у нее не было ни форы, ни выбора. Если она сейчас его оттолкнет, куда ей податься? В чужой стране, где она не знает ни души? Денег, которые государство позволило ей обменять, не хватит даже на самую дешевую гостиницу. Она решила остаться, но, оставаясь, она хотела обдумать свои условия.

- Я устала. Было бы хорошо отдохнуть немного. И, знаешь, прости меня за то, что я оттолкнула тебя. Не злись, но мне нужно время.

Она нежно чмокнула его в щеку и отправилась в спальню. Дверь Лиза закрыла и повернула ключ в замке. В спальне было холодно, она подошла к балконной двери и прислонилась лбом к стеклу. На маленькой улочке было уже темно. Солнце садилось где-то за крышами домов и увидеть закат было невозможно. Со своего балкона в Киеве Лиза видела не только закаты, но и холмы, покрытые вишневыми садами, и Днепр, и мосты, и даже часть левого берега с белыми многоэтажками. По праздникам, совсем рядом, гремел салют и отгоревшие петарды дымком крутились вниз прямо над крышей ее дома. А здесь все было скучено, невелико и обыденно. Нет, не бедно, но обыденно. В одной из квартир через дорогу, зажегся свет и на

кухне появилась молодая женщина, которая стала ставить кастрюли на плиту, разогревая ужин. Отпрянув от окна, Лиза с ужасом подумала, что ее доля, напоминая о себе, нашла ее даже здесь.

Посреди комнаты стояла кровать, застеленная новыми простынями. Лиза разделась и нырнула в незнакомую постель. Простыни были жесткими и холодными, заснуть она не сможет. Ноги совсем ооченели, раздражала пустота в желудке, и она решила встать и одеться. Тихонько вернулась в гостиную. Мимис дремал в кресле, рот его был приоткрыт, он храпел. Она села рядом. Проснувшись, он снова попытался обнять ее, но в этот раз как-то по-другому. В его жесте была теплота и нежность.

- Пойдем, погуляем, - предложила Лиза. Ей хотелось вырваться из этого убежища для свиданий и вдохнуть свежего воздуха с нотой цветущих апельсинов. Она была голодна и подавлена.

Итальянский ресторан, выбранный Мимисом, находилась рядом с домом, у дороги, которая вилась вдоль набережной. Сидели за алюминиевым столом, пили вино, жевали куски огромной пиццы. Говорить было не о чем. Лиза думала о том, что ее первый день в стране, куда она так страстно стремилась, оказался никаким. Когда ужин подошел к концу, Мимис настоял на том, чтобы она забрала остатки пиццы с собой. Официант принес ей небольшую картонную коробку с остатками ужина, и с этой коробкой она прошла со своим воздыхателем по набережной, а потом отправилась восвояси. Мимиса она даже не впустила в дверь. Поскольку он живет в другом месте, в своей «хорошей» квартире, так пусть туда и катится. Если он на что-то надеется, то должен сообразить, что так проводить время она не хочет.

Мимис, вероятно, понял это, обдумывая свои шансы по дороге домой. С самого начала ему казалось, что он должен проявить твердость, а главное, дать ей понять, что Греция - его территория и он здесь хозяин. Он считал, что надо ограничить ее желания и, следовательно, расходы, с самого начала. Не дать ей капризничать и желать слишком многого. С удовлетворением отметив про себя, что квартира, где она остановилась, ему ничего не стоит, ему, тем не менее, пришлось пойти со своей скарденностью на уступку – по вечерам он будет водить ее ужинать в пиццерию за углом. Целый день она будет полностью в его распоряжении, а если он ненадолго отлучаться, чтобы поддиректорствовать в школе своей покойной жены, он даст ей понять, что не собирается поощрять ее одиноких прогулок куда-либо. Даже по набережной. На нее и так заглядываются, а она его, только его приобретение и делиться с кем-либо он не намеревался. Однако сейчас, размышляя в своей дряхлой «Ауди» по дороге домой, он, вероятно, все же понял, что с ней такой стиль поведения не пройдет. Она взбунтуется и уедет раньше времени. Ему, видно, придется на этот раз потратиться, но как только она станет ему принадлежать, все вернется на круги своя и баста. На следующий день, после бессонной ночи, проведенной над составлением плана боевых действий и просчитыванием неизбежных финансовых потерь, он явился, ни свет, ни заря, с детально разработанным планом их экскурсионной программы.

Прежде всего, они должны были отправиться осматривать Акрополь, потом намечались поездки на Сунион, полюбоваться храмом Посейдона во время заката, затем в город Фивы, над которым витают призраки древних оракулов и, если погода позволит, на Эгину – остров, где у Мимиса была дача. Но для начала нужно было одеться: купить изящные туфли на невысоком каблучке, пару шелковых блузок,

узкую, до середины колена, черную юбку, широкие удобные брюки и спортивную обувь для экскурсий. Лиза прямо заявила, что свои деньги она бережет для недорогой шубы и больше ни на что их тратить не собирается. Со словами: «Не в моих правилах снабжать молодых леди деньгами», Мимис вытащил пачку свернутых банкнот из нагрудного кармана пиджака и начал отсчитывать деньги.

Лиза смотрела на эти деньги точно так же, как вчера смотрела на витрину со сладостями – зачарованно. Ей еще никогда не доводилось видеть такую пухлую и, казалось бы, живую пачку купюр. Самое большее, что приходилось Лизе держать в руках, была ее получка плюс отпускные в КГБ, где она когда-то работала. Но те пачки новеньких рублей она не ощущала так, как ощутила вдруг эти деньги, которые Мимис вынул из кармана. Те рубли не заключали в себе чувственной ценности, их невозможно было потратить на то, что приносило удовольствие. Когда Украина провозгласит независимость, рубли вообще исчезнут, а вместо них появятся купоны – небольшие и абсолютно обесцененные кусочки бумаги с символами вместо водяных знаков. Буханка хлеба будет стоить несколько тысяч, а обед в кооперативном кафе – несколько миллионов. Придет время, и за колбасу в магазинах будут расплачиваться отрезными талонами, которые будут выдавать вместо купонов, как часть зарплаты, на предприятиях. Продавщицы будут стоять с большими ножницами и резать огромные полотнища бумаги, на изготовление которых пойдут все окрестные леса. А эти, затасканные, засаленные и истертые от прикосновения тысяч пальцев драхмы в руках у Мимиса, пахли устоявшимися, настоящими деньгами. Родители заплатили Мимису за обучение своих детей в его частной школе, он, в свою очередь, заплатит врачу за визит в его частный кабинет, врач заплатит мяснику за отбивные, которые купит к обеду, мясник закажет путевку для себя и своей семьи в частном туристическом агентстве, агент по продажам туров заправит свой автомобиль топливом на частной стоянке, а заправщик купит своей девушке букет фрезий в цветочном киоске на углу, хозяйка же цветочного магазина купит себе кофточку в бутике на площади, чей владелец внесет свою месячную плату за обучение своего сына иностранному языку в частной школе Мимиса. Этот водоворот товаров, услуг и денег был не чем иным, как рыночными отношениями в условиях частного предпринимательства. Сама того не подозревая, Лиза прониклась симпатией к среднему классу, который раньше в глаза никогда не видела. Именно средний класс производил все эти товары и услуги, за которые так приятно было расплачиваться деньгами, заработанными одним из его представителей. Лизе захотелось потрогать эти деньги, ей казалось, что они имеют чудесное свойство самовоспроизводиться и никогда не кончаться. На научном языке все эти чудесные свойства назывались экономической стабильностью.

Но, уже в следующую минуту, очнувшись от созерцания денег, Лиза ощутила внутренний толчок, сопротивление своего духа, неприятие идеи о том, чтобы взять эти деньги. Если она возьмет сейчас деньги, то подпишет под определенным соглашением, обязывающим ее ответить добротой на доброту. Если не возьмет, будет выглядеть провинциальной дурой с принципами, чью кожу не приласкает шелк белой кофточки, чьи стройные ноги не обтянет узкая юбка. Лиза думала, но не долго. Деньги она взяла, сделав уступку своему телу. Если что, ему же и придется расплачиваться за компромисс. Кто-то сказал, что тело всего лишь определяет пол человека, в то время как лицо является самим человеком. Мы скажем по-своему: тело определяет пол человека, лицо – это маска, душа же является сущностью. Берегите свою душу, люди, ведь она у вас бессмертная!

Глава 36.

Знаки судьбы.

Дни бежали быстро. Сменялись впечатления, но одно оставалось неизменным: каждый божий день, куда бы ни ездили и что бы ни смотрели в течение дня, где бы ни кушали, все равно возвращались в темную, пыльную квартиру, где Мимис с каждым разом становился все настойчивее. Домогался он Лизы каждый день одинаково – вис на ней, слюнявил ей лицо своими поцелуями и толкал ее по направлению к кровати. Лиза играла, кричала, шутила, отталкивала его, грубила, смеялась над ним, подзадоривала его, доводила до слез, но к себе не подпускала. В результате своих колебаний и раздумий, она так и не пришла к окончательному выбору своего поведения с Мимисом, чаша весов ни в какую сторону не перевешивала. Она стояла насмерть, заставляя Мимиса скрипеть зубами, но, в то же время, потихоньку начала планировать свою помолвку с ним.

Ее мужем будет старый, обеспеченный, любящий ее генерал. Они будут выходить в свет, т.е. на вечеринки к его друзьям, где она будет блистать своей молодостью и красотой. Она будет всегда сдержанной и немного грустной, а также непоколебимо преданной. Грустить Лиза будет оттого, что ее сердце пусто. Отсутствующую любовь она возместит бесконечной благодарностью человеку, столь пылко любящему ее. Она сбережет его и свое достоинство. В этом и будет состоять смысл ее жизни. Лиза, правда, предпочитала не видеть другой стороны такого неравного брака – постельной, а также ревности, монотонной и изводящей, на которую способны лишь старые люди. Не то, чтобы Лиза не спрашивала себя, что произойдет, если, в конце концов, она уступит ему. Может быть, стоило ей немного расслабиться и она сама получила бы удовольствие? Но нет, тысячу раз нет! Ничего, кроме отвращения, она не чувствовала. Выглядел Мимис дряхло и когда целовал ее, глаза его стекленели, и вместо страсти в них читалось забвение.

В один из дней Мимис пригласил Лизу к себе домой, в свою «хорошую» квартиру. Он вызвался приготовить спагетти и они заехали в супермаркет, что был по дороге, купить недостающих продуктов для соуса. Чего только не было в огромном «Василопулосе»! Лизина врожденная эстетичность стала тут же насыщаться обилием, роскошью и прекрасным вкусом оформителей: например, в витрине с сырами, которых было не менее сорока или пятидесяти наименований, как бы невпопад и случайно, стояли и лежали бутылки с белым и розовым вином, маленькие круглые баночки с маслинами и свежее испеченные буханки хлеба; рядом с стендом, где пирамидками стояли баночки с икрой и прела бусинками влаги дорогая копченной рыбой, покупателей ждали продавцы в белых перчатках и длинных синих фартуках с эмблемой магазина; свежая рыба лежала среди льда и была украшена связками пряно пахнущей зелени; в больших чанах подогревались готовые супы – их, при помощи больших половников, покупатели сами наливали в специальные емкости с крышками. Каждый раз, когда открывалась крышка такого чана, Лиза, непроизвольно вдыхая аромат очередного супа, почти теряла сознание. Уйдя подальше от этих живых и дышащих соблазнов, она стала бродить среди рядов

невероятно соблазнительных и ранее невиданных ею яств, выставленных на стеллажах, и думала, сколько всего она накупила бы здесь, будь у нее деньги. Звучала модная тогда «Ламбада» - незамысловатая и веселая песенка, которая будоражила нутро и пощипывала кожу. Непроизвольно, Лиза начала пританцовывать, но подоспевший Мимис твердо взял ее за локоть и повел к кассе. Он купил одну баночку консервированных грибов, маленькую баночку томатной пасты, один зеленый перец и немного тертого сыра.

Его дом с камином, большими комнатами и просторной кухней, был тоже грязным и пыльным. Посреди гостиной торчала засохшая ветка дерева, обмотанная серебряной фольгой. На растопыренных пальцах этой неуклюжей ветки болталось несколько серебряных шаров - остатки новогоднего украшения. Младший сын Мимиса учился на архитектора и, видимо, это украшение как-то было связано с посетившим его вдохновением. В доме жила вонючая болонка, за ней плохо ухаживали. Вспомнилась Забава и снова захотелось домой. Здесь все было не так, совсем не так, как она представляла!

Тем временем, Мимис ловко управлялся со спагетти. Откиннутые макароны он смешал с маслом и оставил в кастрюле, накрытой полотенцем, давая им немного «подышать», после чего откупорил бутылку розового вина, которое так нравилось Лизе. У нее уже появились свои пристрастия в этой древней стране. Однако ни вином, ни едой она не смогла насладиться в полной мере из-за вони, которую повсюду таскала за собой собака. Зловоние было настолько сильным, что казалось чем-то материальным, как грязная тряпка или кусок вонючих отходов, найденных на помойке. После обеда Мимис усадил Лизу на диван, где только что чесалась болонка, и приступил к обычному ритуалу – поцелуям. На этот раз Лизе было противней, чем когда-либо до этого. Со злостью оттолкнув лобызавшего ее старика, она встала.

- Ты ненормальная! Ты больная! – вдруг завизжал Мимис. – Чего ты добиваешься? Что тебе еще нужно? Через пару дней ты уедешь и все! Мы так и не были близки! Из-за тебя, из-за твоего дурацкого упорства, мы только теряем время!

Лиза впервые видела его таким взбешенным и впервые слышала его визг. Вслед за ней, Мимис тоже поднялся с дивана и отбросил в сторону стул. На мгновение, но только на мгновение, она вообразила, что он сейчас ударит ее.

- Я не могу вынести вони этой собаки! – выкрикнула Лиза.

- Ей недавно сделали операцию. Надо каждый день промывать и смазывать раны, а некому. Тассос где-то болтается целыми днями, а я занят с тобой.

Подойдя к Мимису, Лиза тихо сказала:

- Пошли отсюда.

Она снова не смогла пожалеть ни Мимиса, ни собаку.

Они зашли в кафе, чтобы успокоиться и выпить кофе. В этот раз, Лиза настояла на том, чтобы Мимис купил несколько пирожных домой. В машине она не захотела расстаться с красивой коробочкой, куда были уложены сладости, и поставила ее к себе на колени. Она была в той же красной, шелковой длинной юбке, что и в тот день в Киеве, когда ей так не хотелось возвращаться из гостиницы общественным транспортом. Выйдя из машины у дома в Пиреях, Лиза заметила на юбке белое, липкое пятно. Ей стало отвратительно до дурноты и понадобилось время, чтобы сообразить, что желатин и сахар подтаяли и протекли сквозь коробку ей на юбку. Та же юбка, та же липкая дрянь на ней, вот и не верь после этого в настойчивое повторение знаков, посылаемые судьбой.

За несколько дней до Лизиного отъезда, погода позволила съездить на Эгину. Огромный паром перевозил людей и машины. Мимис спрятался в салоне, а Лиза выбралась на палубу и, подставив лицо соленому, свежему ветру, смотрела сквозь прищуренные веки на бурлящий белый поток, растекающийся по ультрамариновой глади моря. И тут, на этой палубе, впервые за свою жизнь, Лиза душой ощутила, что такое свобода. Свобода физическая, когда вокруг ни души, только море, ветер, солнце и Греция, раскинувшаяся на островах. Она читала о том, что многие поэты, писатели, художники покидали свои северные страны и навсегда поселялись здесь, потому что только тут, на этой земле, могли влюбляться, тосковать, изнывать сердечной негой и творить. Только здесь они могли любоваться природой, соснами и оливами, насквозь просвеченными солнцем, только здесь им бросал вызов сам воздух, прозрачный и видимый в одно и то же время, играющий и переливающийся тончайшими оттенками красок.

На дворе был февраль, конец зимы для Греции, для Лизы же самый разгар необыкновенной, сказочной весны, доселе ею невиданной, яркой, возбуждающей, освобождающей. Она была уверена, что если бы захотела, могла бы воспарить в небо к чайкам, парящим в потоках воздуха у нее над головой. У нее вытянулась шея, расправилась грудь и свободно разошлись плечи, как будто готовясь принять на себя тяжесть выросших у нее за спиной крыльев. Она почувствовала себя легко и вольно, вдруг избавившись от той пришибленности, от непонятной тяжести, от гнета жизни, лежавших на ней все эти годы и давивших ее к земле. И дело было не только в том, что гнет этот она ощущала каждой своей косточкой, это была также и тяжесть духовная. Как будто, кто-то проклял ту землю, на которой она жила, за грехи, за смерти невинных, за годы красного террора, за унижение, за всеобщее нищее равенство, за полиические расправы. Она поняла, что над ее страной царил дух несчастий, происходящий не от одного или двух несчастий, обрушившихся на страну, а от совокупности миллионов человеческих несчастий. Поэтому ей так тяжело там, так слабо, так муторно. Невозможно улыбнуться или от души рассмеяться из-за постоянного страха, невидимой, но ощутимой, каждодневной угрозы – исходящей откуда? Из сознания, что лагеря, понастроенные по всей стране, не взорваны и не уничтожены, а, наоборот, укомплектованы ложками, мисками и матрасами, и только ждут своего часа, чтобы распахнуть ворота, увитые, как новогодними гирляндами, мотками колючей проволоки.

Лиза вздрогнула. Ей стало страшно от одной мысли о том, что все еще может повернуться вспять. Нет, дороги назад нет, потому что люди заговорили, наконец, люди узнали правду. Однако и вперед движения нету, это облако совокупных несчастий не дает рассмотреть дорогу.

Как это случалось со многими талантливыми людьми до нее, она без памяти влюбилась в Грецию. Влюбилась сильно и радостно, как можно влюбиться в мужчину. И также для нее эта страна недостижима, как и любая другая мечта, манящая ее в обман и в разочарование. Но так ли недоступна ее мечта? Стоит только выйти замуж за нелюбимого человека, отдать ему свое тело и дело сделано! Ну почему, почему судьба не может дать все сразу? И Грецию, и любимого, и деньги, и счастье? Почему здесь, на земле, в этой жизни (а есть ли другие, если мы ничего не знаем о будущих и ничего не помним о прошлых?), надо постоянно выбирать и приноравливаться? Как будто, тебя кто-то испытывает на прочность, давая намек, что получить то, что ты хочешь, возможно, и, тут же, отвращая тем единственным

способом, каким только и можно достичь желаемого. Надо решать, надо что-то решать!

Лиза спустилась в салон к Мимису. Подошла не сразу, стояла, спрятавшись за колонной, и наблюдала за ним. Газета, которую он читал, выпала у него из рук, открыв взору маску мертвого человека с открытым ртом и распустившимися губами. Лиза еще никогда не видела его спящим. Это было неприятное, отталкивающее зрелище, напоминающее о том, что Мимиса рано или поздно придется хоронить. Смерть пугала и отталкивала Лизу. Будучи ребенком, она стала свидетелем одних-единственных похорон, но хоронили самого дорогого ей человека. Да еще так страшно, когда печь разверзла свое нутро со свистящим пламенем, чтобы поглотить гроб с телом ее деда, ее любимого Никиты. Она не знала и не видела смертей легких, долгожданных, избавляющих от страданий. Она не была знакома с женщинами, которые ждали смерти своих старых и больных мужей, а потом радовались свободе, возрождаясь к новой жизни с мужниными деньгами.

Она купила в буфете стаканчик горячего кофе и присела рядом с Мимисом. Тот вздрогнул и вернулся к жизни, разлепляя слезящиеся, мутные глаза.

- Принести тебе? – спросила она.

Мимис заглянул в ее пластмассовый стаканчик.

- Горький? Без молока? Нет, я не пью такой. – Он возился с газетой и со своими костями, стараясь все уложить на свои места.

«Зачем его пожирает страсть? – думала Лиза. – А вдруг, это такая же кара, как и мне теперь послана? Меня раздирает моя любовь к Греции, а его похоть ко мне. И ведь за этой похотью нет никакой любви, нельзя же все это назвать любовью. А если душа у него молода, если она томиться в этом маленьком, смешном, сморщенном теле? Что я должна рассмотреть? Что сделать, чтобы облегчить и его, и свои страдания?».

После нескольких ударов о пристань, паром замер. Народу выходило не много. Лиза вышла на бетонный причал вслед за остальными и стала ждать, пока Мимис выведет свою машину с парома. Несколько в стороне от причала находилась маленькая церквушка с голубым куполом и белыми стенами. Лиза долго смотрела на нее, пока Мимис маневрировал на все лады рулем, некрасиво и неаккуратно съезжая с металлического мостика, переброшенного с парома.

Дорога на дачу пролегла вдоль побережья, затем углубилась внутрь острова и снова вынырнула к морю. Сувала, так называлась та часть острова, где Мимис пятнадцать лет тому назад, почти за бесценок, приобрел неказистый дом местного рыбака. Сразу за калиткой начинался пологий спуск вниз, к небольшому дворику. Весь этот спуск был покрыт ковром из ползучего кактуса с небольшими мягкими и сочными листиками, который был щедро усыпан ярко-малиновыми цветами. Спустившись по ступенькам, можно было попасть в нижний дворик, вымощенный бетонными плитами. Кусты герани отгораживали его от участка земли, заросшей травой и одуванчиками. Немного сбоку, стояла беседка без крыши: покрывавшие ее когда-то камышовые стебли, давно истлели на солнце. Под голым остовом крыши, на небольшом постаменте, высился стол, вытесанный из серо-желтого песчаника. За беседкой, бесформенная груда камней отделяла участок от пустыря. На этих камнях рос другой, знакомый вид кактуса, у которого одна зеленая лепешка, оцетинившаяся яростными колючками, лепилась к другой. Он зацветет большими бело-розовыми цветками ближе к лету, а в июле на ней появятся плоды. Посередине двора, между беседкой и домом, был вырыт колодец. Выкрашенный в бело-голубые

цвета, как все в Греции, он теперь был заброшен. На его крышке висел замок, а краска порядком облупилась. Сам дом был маленький и старый, но светлый, и витал в нем добрый дух – видно, хорошие люди жили здесь до Мимиса...

Отказавшись идти в дом, Мимис расстелил одеяло прямо поверх некошеной травы и одуванчиков. Лиза достала из корзины вино, пластмассовую коробочку, с заранее нарезанными длинными брусочками овощами, несколько греческих готовых салатов, которые полюбила, но названия еще не могла выговорить – тарамосалата и мелидзаносалата – и мягкий хлеб с желто-шафрановой корочкой. Растянувшись на одеяле посреди шелковой травы, она потягивала холодноватое вино, жевала оранжевые корешки молодой морковки и думала о том, что Господь уж очень сильно ее искушает. Мимис о чем-то говорил, но Лиза не слушала. До ее сознания долетали отрывки фраз о собственности на эту дачу, о том, что она полностью принадлежит ему и отойдет его жене, вздумай он снова жениться.

- Знаешь, я ведь вполне могу обзавестись женой, - продолжал он, - я чувствую себя максимум на тридцать семь. А в следующем году, следовательно, мне будет тридцать шесть. Ха-ха-ха! Ах, как я жалею, что мне не тридцать шесть! С тобой мне должно было быть даже меньше, тридцать, и тогда бы ты поплясала у меня, тогда бы знал, как исторгнуть из тебя стон наслаждения!

Лиза посмотрела на него с улыбкой. Стоит ли говорить ему о том, как нечасто ей выпадало исторгать из себя этот самый стон наслаждения? Расценив эту улыбку по-своему, Мимис, отставив в сторону бокалы, ринулся в атаку. Навалившись на Лизу, он нетерпеливыми, дрожащими руками стал расстегивать ее блузку. Лиза смотрела ему прямо в глаза и ничего в них не видела. Они снова остекленели, пропали, провалились в пустоту. Вместо его глаз, на нее смотрели два черных омута со стоячей водой. Это было странно, видно, желание что-то замыкало у него в голове и он переставал существовать. Она перевела взгляд на соседний дом. В одном из окон она увидела симпатичную девчоночью мордашку, с любопытством наблюдавшую за ними.

- За нами подсматривают.

Мимис обернулся и увидел девочку в окне.

- Это дочь Марии. Они живут здесь постоянно. – Он продолжал возиться с застежкой на кофточке.

- Так что, нам не надо ее стесняться?

- Мала еще, не поймет.

- Зябко.

Лиза стряхнула Мимиса с себя и села, обхватив руками колени. И, правда, похолодало. Подул ветер и ярко-малиновые цветы закрылись, как будто, сотни китайнок одновременно закрыли свои зонтики. Вдруг Лиза снова повалилась на одеяло и захохотала. Смеялась она долго, потому что злиться на божью несправедливость уже не было сил. Какое счастье было бы, какая феерия устроилась бы, если бы на этой шелковой траве рядом с ней был Фахри или Мистер Тбилиси, или тот же Павлос! Она бы сама содрала с себя все покровы, обнажив свое длинное белое тело, вытянув его на малиновых цветах, брызжущих соком. Природа, мудрая природа, вот уже столько тысячелетий имеет в своем арсенале одно правило, которым самкам предписано спариваться с молодыми и сильными самцами, и у них же искать защиты для себя и своего потомства. В современном мире, человек, отгородившись от природы и ее законов, все переиначил. У молодых и сильных мужчин зачастую нет ни денег, ни положения, поэтому они избегают

ответственности и серьезных отношений. А женщине, хоть и хочется иметь близость именно с ними, защиты приходится искать у заматеревших, имеющих опыт и материальные блага, самцов. Ни у Фахри, ни у мистера Тбилиси, ни у Павлоса, наверняка, ничего нет. Кроме молодости и красоты, даже, наверное, такой вот, незатейливой дачи нет. Впрочем, у Фахри, наверное, есть и во дворе его дачи растут пальмы. Но с ним не сложилось. Она отвергла его, устав ждать. У нее не хватило терпения выпестовать свою любовь, высидеть ее, как наседка высиживает яйца. Всеу свой срок и она погналась за новыми приключениями. А стоило дождаться. Но он сам виноват, уж очень сильные чувства пробудил он в ней, совсем не располагавшие к ожиданию и терпению. Вот она и рванула, как разгоряченная кобыла с места в карьер, не разбирая дороги, учуяв, где-то впереди дразнящие запахи новых возможностей. Лиза посмотрела на Мимиса, зло наблюдавшего, как она смеялась. «Это моя возможность, - подумала Лиза. - Деньги и Греция, материальное обеспечение и божественная страна, в нагрузку к которым дана несимпатичная личность».

До самых Пирей ехали молча.

Две недели промелькнули незаметно. Дни проходили по-разному: в борьбе, в слезах, в радости, в удивлении, во внутреннем оцепенении, в игре, в покупках, в подарках, в хороших ресторанах, в желании уехать как можно скорее, в желании остаться навсегда, в привыкании, в мыслях о доме, в преодолении душевной усталости и страха, в бесконечных и бессмысленных разговорах, в преодолении себя, в желании избавиться от себя, в цветах.

Настал последний день перед отлетом. В Греции оставалось прожить неполный день и одну ночь. Обедали дома, на скорую руку, чтобы вечером непременно пойти в ресторан на набережной есть рыбу, пить искрящееся вино, слушать хорошую игру на фортепьяно и прощаться друг с другом, обещая вновь приехать и обязательно писать и звонить.

После обеда Мимис был настроен более решительно, чем обычно. Он обнимал, целовал и, наконец, распростерся на постели в бывшей детской, где он отдыхал среди сломанных игрушек, когда днем оставался в квартире с Лизой.

- Я жду тебя, - лаконично скомандовал он.

И вдруг, что-то взбунтовалось, освободилось, поплыло и переместилось из сознания Лизы в ее душу. Она так много думала эти дни, так тщательно примеривалась, так долго все взвешивала, что решение пришло само собой. Она решила покориться, заранее зная, что ничего плохого с ней не случится. У нее появились силы и желание сыграть роль. Что ж, в жизни все оказалось намного прозаичнее, проще и уродливее, чем в романах, которые она любила читать. Простоту и знакомую обыденность каждодневной жизни описывают в них редко, интригующий сюжет, могущий всколыхнуть чувства и разум, находят в другом – в абсурде, до которого доводят человеческие отношения. Эта та точка отсчета, после которой все или рушится, или видоизменяется, но никак не остается прежним.

На этот раз, Лиза не видела себя со стороны, ее душа хоть и дрожала, но не покинула тела, проявив солидарность с той женщиной, вместе с которой родилась. Напротив, ей было любопытно, что, все-таки, кроется за домогательствами этого человека, желание подарить наслаждение или проверить свои способности? Подойдя к краю кровати, на которой лежал Мимис, Лиза не стала поспешно раздеваться, чтобы юркнуть к нему под одеяло, а раздевалась медленно, целомудренно. Вещи свои она роняла на пол, сама спокойно продолжая стоять в

сумерках комнаты. В ее движениях не было кривлянья, она не обнажала себя для того, чтобы возбудить мужчину, нет, она просто раздевалась. В ее манере было много обиденного, бесхитростного и непринужденного. Она не смотрела на Мимиса, проверяя его реакцию, а укутывала и ласкала своими зелеными колдовскими глазами самое себя, как бы создавая своим взглядом невидимое защитное облако вокруг своего тела.

Лиза стояла нагая, ее тело фосфоризировало своей белизной в непроницаемом, пыльном воздухе комнаты без окон. Ее красивое длинное тело, напоминающее статую, стояло недвижимо среди наваленных по углам старых игрушек. Потом, непонятно почему, она слегка развела руки в сторону и наклонила голову. Ее рыжие волосы закрыли тяжелые полукружья груди.

- Хочешь? Я готова...

Совсем не рабская покорность и согласие были в этой фразе, а вызов, почти приказ. Ее спокойный, холодный голос перечеркивал любую возможность или желание прикоснуться к ней, но возвышал ее, делая царицей, снизошедшей до своего раба только для того, чтобы сыграть с ним злую шутку, соль которой состояла в том, что царица заранее знала, что ее раб не посмеет приблизиться к ней. Мимис, не владевший искусством интимных отношений между мужчиной и женщиной, хотел другого: притворного отпирания, стыдливого и кокетливого раздевания, возни под грязным одеялом, невпопад запечатленных горячих поцелуев, неумелых, но осязаемых касаний в душном склепе этой комнаты, где выросли его сыновья. Он не был готов к простоте и величию этой женщины. Тот факт, что она стоит нагая перед ним никак не умалял ее, но, кто бы мог подумать? – возвеличивал и делал недостижимой для него. На самом деле, кто знает, Лиза, может быть, и сдвинулась бы с места и подошла бы к нему, но она рассматривала бородавку на его обнаженной ноге, висящую, как виноградина, на гладкой коже немного выше колена. Этот ненужный и уродливый нарост окончательно отвратил ее от задуманного. Она снова спрашивала себя, почему Господь, уже подведя ее к определенному решению и дав силы претворить это решение в жизнь, вдруг, в последний момент, открыл ей нечто, чепуху, маленькую деталь, не позволившую ей сдвинуться с места.

- Я не могу, - смущенно проговорил Мимис.

Он был унижен и зол. Она отплатила ему, но не добротой, а наказанием. Теперь он будет хотеть ее всегда, неизмеримо сильнее, чем когда-либо до этого. Он будет хотеть ее страстно и одержимо только для того, чтобы однажды сломить ее и восторжествовать над ней. С этой минуты для него не будет другой цели в жизни, кроме как надругаться над ее плотью, сделав ее своею рабыней, нищенкой, попрошайкой, кем, как он считал, она и была на самом деле. Неустроенная мать-одиночка из третьего мира.

А Лиза начала утешать его. И «не волнуйся», и «всякое бывает», и «поверь мне, в следующий раз все будет по-другому».

Ночью, после прекрасно проведенного вечера, он настоял, чтобы остаться с ней и спать с ней в одной постели. Он заливался каким-то особенно громким, собачьим храпом, а Лиза смотрела, как светлеет небо и думала о стране, в которую так сильно влюбилась. Она хотела отдать себя этой земле, с которой они были так тождественны, гармонично соприкасаемы и сопоставимы. На минуту ей представилось, что можно было бы употребить слово «равносущны», но потом она

даже покраснела в темноте. Как простой смертный может быть равносущен целой стране, да еще такой древней и прекрасной, как Эллада?!

Она вспоминала прощальный ужин в Пирейском ресторане на набережной и как узнала женщину, сидящую за соседним столиком. Это была та молодая женщина, которую Лиза увидела в свой первый вечер в доме напротив. Один вечер она разогревает ужин в своей тесной кухоньке, в другой, хорошо одетая, ужинает с кем-то (с мужем? любовником?) в ресторане. Жизнь предоставляет выбор. Не надо разогревать этот треклятый ужин каждый вечер, можно прийти в таверну всей семьей и поужинать за сдвинутыми столами, громко обмениваясь новостями и смеясь незамысловатым анекдотами. Привести бы сюда Анну, думала Лиза, и угостить хорошей рыбой или мясом, а Александру побаловать десертом. Как грустно встречать все праздники с непременно салатом «Оливье», за тем же столом, покрытым все той же старинной измаильской скатертью. Ничего, конечно, нет плохого в том, чтобы встречать праздники с родными людьми все за тем же столом. В этом и состоит суть советской традиции, ее простота и душевность. Но, может быть, стоит ее немного разнообразить легкостью духа и сытостью желудка? Такая жизнь, какую Лиза увидела в Греции, представилась ей логичной и вполне приемлемой.

Глава 37.

Ни здесь, ни там.

Самолет из Афин приземлился в Киевском аэропорту «Борисполь» около шести часов вечера. Было уже темно и летное поле было погружено во тьму. Горели только взлетно-посадочные огни – необходимый минимум для безопасной посадки. Места для самолетов на заснеженном и заледенелом поле пустовали, с трудом можно было насчитать три-четыре одиноких, поникших носами, лайнеров. Воздушное сообщение между Киевом и Афинами было первой ласточкой, одним из первых международных рейсов, остальные авиакомпании еще не открыли с независимой Украиной регулярного авиасообщения. Даже рейсы из Москвы были не ежедневными, а выполнялись всего два раза в неделю. Подле трапа стоял вооруженный солдат. Пассажиров посадили в холодный дребезжащий автобус и повезли к зданию аэропорта. Внутри было зябко, скудного света от маломощных ламп едва хватало на то, чтобы заполнить, низко склоняясь над небольшими листочками бумаги, таможенные декларации.

Лиза поставила корзину с белыми нарциссами, веточками белой сирени и желтыми фрезиями на стойку. Она заставила Мимиса купить ей эти цветы по дороге в аэропорт, потому что непременно хотела привезти частичку греческого весеннего благоухания в серый и холодный Киев. Найдя бланки деклараций, Лиза начала заполнять их. Тогда, в самом начале периода «открытых дверей», заполнение деклараций было формальным делом. Упомянуть нужно было только ценные вещи и деньги. Никто не считал количество шуб, которые ты привез, тем более, никому и в голову не приходило брать за них деньги поштучно. Никто не открывал и не рылся в

твоих чемоданах и не считал их количество, никто из таможенников и пограничников тогда еще не брал взятки.

Поставив свою подпись на обратной стороне бланка, Лиза перевела взгляд на корзину с цветами, а затем на коробку с пирожными, перевязанную яркой лентой, стоявшую рядом с корзиной на стойке. Постепенно воздух, согретый присутствием пассажиров, стал наполняться запахами цветов и ароматом Лизиних духов. Двух капель миниатюрного флакончика «Паломы Пикассо» хватило, чтобы заполнить изысканным ароматом самые дальние закоулки темного зала, где потерянно бродили прилетевшие оттуда, извне, советские граждане. Десятки пар удивленных глаз устремились на Лизу: на мгновение поддавшись ее очарованию, люди стали улыбаться ей, стараясь встать поближе, чтобы, в последний раз перед тем, как нырнуть в вечерний холод Киева, вдохнуть весну и вспомнить, как всего в двух часах лета отсюда сияет солнце, блестит море, благоухают деревья с ярко-оранжевыми плодами и тянет дымком свободы. Однако уже в следующее мгновение женщины стали смотреть на Лизу осуждающе – не успела вырваться, а вот, поди ж ты, уже обзавелась любовником, который балует ее. Этим женщинам вдруг стало обидно за своих, родных мужчин, которые не в состоянии сделать для них того, что кто-то сделал для этой красавицы. И уже светилось в их глазах злое, терпкое слово, готовое сорваться с их языка. Мужчины вели себя по-другому: не испытывая ни злости, ни ревности, они откровенно любовались этой незнакомой молодой женщиной, не поленившейся привезти с собой запахи и цветы. Они были проще своих жен и подруг, не отделяя, а, наоборот, присовокупляя себя к всеобщему братству мужчин, радуясь за кого-то, кто полюбил их прелестную соотечественницу.

Лиза не ожидала, что ее присутствие с корзиной цветов в зале прилета, произведет такой сильный эффект. Она вдруг поняла, что победила, поднявшись над тревожной, тусклой и скучной обыденностью своей страны. Вернувшись в свой прежний мир, в темный, холодный зал с грязной стойкой, где ее окружали недоброжелательные соотечественники и колченогие диваны, обтянутые рваным дерматином, она ясно поняла, что уже не принадлежит этому миру, что сумела-таки вырваться из него. В любую минуту она может сесть в самолет и улететь, а потом вернуться вот с такой корзиной цветов, или не вернуться вовсе. Она радовалась и гордилась тем, что Мимис не пожалел денег на эти красивые цветы, на свежие и ароматные пирожные, купленные ранним утром, сразу после открытия кондитерской. Ей было приятно осознавать, что за ее спиной действительно появился мужчина, хоть и не первой молодости, и не красавец, но как видно, преданно влюбленный в нее, который купил ей то, о чем она просила. Ее внутреннюю суть не оскорбляли ни цветы, ни коробка со сладостями, ни тот факт, что от нее пахло дорогими духами и что в ее багаже прибавилось чемоданов. За всем этим стоял человек, за которого она решила выйти замуж. Теперь, когда она не видела его неприятного старческого лица, а видела только белые веточки сирени в темном зале аэропорта, она окончательно решила в пользу замужества.

«Дорогая Лиза!

15-го февраля, 1990 года.

Сейчас 8.15 утра, понедельник 15-го февраля. Плохо понимая, что делаю, я только что припарковал свою машину в лабиринте пирейских улочек и поспешил переступить порог «нашей квартиры». Войдя, я с грустью убедился в том, что тебя здесь нет. Не только в ней тебя нет, но и во всей Греции тебя нет, и мне уже не дотянуться до тебя. Но воздух еще хранит запах твоих духов, простыни на твоей постели смяты, а тюльпаны в вазочке поникли, разбросав вокруг себя свои розовые лепестки. Их увядший вид, как нельзя лучше, передает мое душевное состояние.

Я прилег на твою кровать и закрыл глаза. Твое тело вдруг обрело форму и я ощутил его рядом с собой – ближе, гораздо ближе, чем ты когда-либо позволяла себе это наяву. Твои зеленые глаза были сомкнуты, твои губы напротив, были приоткрыты. К сожалению, дни, полные волшебства, о которых можно было только мечтать, прошли. Мне безумно жаль так быстро промелькнувших дней, но настало время заглянуть реальности в глаза – ты уехала. К превеликому моему счастью и успокоению, слова «Я по тебе скучаю», сказанные тобой по телефону, уверили меня в том, что последние две недели я не грезил, ты все же была подле меня.

Хотел писать тебе только после того, как получу весточку от тебя, но не удержался. Я ощущаю внутреннюю потребность высказаться, мне обязательно нужно поделиться с кем-нибудь своей радостью – я понял, что все еще могу любить!

Люблю, Мимис.»

«Мой дорогой генерал!

Февраль, 1990 года.

Прошла почти неделя после моего возвращения. Не могла заставить себя написать раньше, потому что должна была вернуться не только физически, но и умственно, потом духовно, а потом обывательски, заставив себя вновь привыкнуть к темным дням, к холодным ночам, к длинным очередям, к некрасивости, запущенности и бедности. Я снова убираю, готовлю, делаю уроки с Игнатом, а в следующий четверг иду на работу, потому что мой короткий зимний отпуск подошел к концу.

Я теперь часто думаю о Вас. Что вы делаете в то или иное время, ближе к вечеру, например. Идете ли в школу, возвращаетесь домой или отдыхаете в моей постели? Я скучаю. Это правда, я не кривлю душой, чтобы вам угодить. Впрочем, вам всегда казалось обратное. Почему? Я не люблю лгать. Сейчас, когда я вдали от вас, чувства, которые я испытываю к вам, лучше и глубже.

Передаю Вам «спасибо» за подарки, они всем пришлись по душе. Мои мама и бабушка успокоились только сейчас: до последней минуты они боялись, что я попала в «плохие руки». От себя говорю еще раз «спасибо» за прекрасные афинские каникулы посреди зимы. Да нет же, я не просто благодарна, я, кажется, испытываю нечто большее, в чем боюсь признаться себе.

Я начинаю Вам верить. Вероятно, мне хочется верить Вам, потому что у меня нет выбора. Иногда я в отчаянии, мне кажется, что весь мир стремительно движется вперед и только я застыла на месте. Много лет назад, я хотела встретить настоящую любовь, потом я заботилась о сыне, все мои помыслы и молитвы были только о нем, затем мне захотелось обрести мир внутри себя, найти покой, но случилось нечто и я навсегда потеряла этот покой. Пережив многое, я испытываю очень острую

необходимость в том, чтобы понять, в чем состоит смысл моей жизни. Справлюсь ли я сама с этой задачей? Я надеюсь на то, что Вы не предадите моего доверия и не разочаруете меня.

Касательно работы, не знаю, ждаты ли мне там проблем. Но, чувствуя себя под Вашей защитой и Вашим покровительством, я боюсь меньше.

Я привезла хорошую погоду с собой. Две недели совсем не проглядывало солнце, а сейчас вдруг задули теплые ветра и очень ощутимо пригревает.

Ваша Элиза».

«Дорогая моя!

20-го февраля, 1990-го года

Я смотрю на твою фотографию – портрет задумчивой и мечтательной молодой женщины посреди Акропольских руин. Позади тебя видна панорама Афин, старой части города. Мир, успокоение, красота и свобода превалируют на этой фотографии, они чувствуются в совершенных линиях храмов и в твоём взгляде. Теперь я ношу твой портрет в своём бумажнике во внутреннем кармане пиджака, чтобы ощущать тебя ближе к сердцу буквально. Никто не сможет отобрать эту фотографию у меня, она принадлежит мне. Но фотография – вещь неодушевленная. Как же обстоит дело с одушевленным прототипом?

Так вот, Элиза, я хочу чувствовать себя с тобой спокойно и уверенно. Неопределенность и неуверенность ранят, изменяют поведение и даже характер человека, дают повод для ссор, для горьких и обидных слов. Короче говоря, они являются началом всех бед в отношениях между мужчиной и женщиной. В наших чувствах мы пытаемся найти не только любовь, но и толику уверенности в завтрашнем дне и друг в друге. Мы также не хотим утратить чувство собственного достоинства, не правда ли? Вот почему я постоянно твержу тебе, что чем ты моложе и красивее, тем больше возникает проблем, тем сложнее говорить о каких-либо, устоявшихся и, тем более, открытых отношениях.

Ты должна понять, что достоинство важнее любви, потому что настоящей любви без достоинства не бывает. Кажется, я немного запутался, но ты ведь понимаешь, о чем я пытаюсь тебе написать? О том, Элиза, что я уже ревную тебя!

Теперь о другом. Я знаю, что ты гордишься тем, чего добились в жизни – Университет, сын, успешная карьера, желание жить лучше, интереснее. Но и ты понимаешь, как я горд тем, что имею дружную семью, добрых друзей, многочисленных родственников и образцовый брак в прошлом. Чтобы избежать ненужных сравнений между нашим прошлым и настоящим, мы должны быть предельно осторожными. Настоящее, где встретились красота и умудренность (и то и другое дар Божий), увы, вызовет у посторонних людей насмешки. «Он – искатель острых ощущений, она – авантюристка», скажут они. Нельзя же от них требовать, чтобы они поверили в нашу любовь! Можно жить, игнорируя их, но как долго? Общество жестоко наказывает тех, кто нарушает его законы. Вспомни «Анну Каренину». Не хочу, чтобы тебе сделали больно, наоборот, хочу защитить тебя.

Молю Бога о том, чтобы он указал мне дорогу, как выбраться из создавшейся ситуации. Но желаю ли я отказаться от того чувства, что снова возродило весну в моей душе? Такая поздняя нежданная весна приходит только раз. Но могу ли я разрешить всяким романтическим чувствам контролировать свою жизнь, идти у них на поводу, оставаясь при этом, ответственным перед семьей и обществом человеком?

Я не вижу выхода. Оставляю его поиски на потом. Может быть, время расставит все по своим местам. Хочу знать, что думаешь ты, а главное, откуда ты знаешь, что любишь меня?

Посылаю в этом письме свою фотографию, которая очень подходит к твоему задумчивому портрету.

С любовью, Мимис.».

Димитрис Загкос выразил, пытаясь завуалировать такими словами как «чувство собственного достоинства» свою ревность, рвущуюся наружу и не дающую ему покоя, а, также, свою неуверенность и страх перед необходимостью принятия решения. Он, как нашкодивший пес, пытался избавиться от своего чувства к молодой и красивой женщине, не зная, куда деться от стыда перед сыновьями и старшими братьями. Становилось ясно, что он не собирается воздвигнуть Лизу на пьедестал и биться за нее. Ей, конечно, не пришло в голову, что он провоцирует ее, вызывая на признание, играя на том, что она испугается потерять его, а, вместе с ним, и возможность вырваться из своей страны. Он хотел видеть конкретные слова, написанные ее рукой и, если не поверить им, то хотя бы прикрыть и оправдать ими свои дальнейшие действия.

Лиза, прочитав письмо, страшно оскорбилась. Ей претило то, что он прочитал ей нотацию про достоинство, гордость и Анну Каренину. Она была уверена, что он понятия не имел о том, что писал. Во время своего двухнедельного пребывания у него в гостях, она, как ни силилась, не смогла рассмотреть в нем ни гордости, ни достоинства. Ничем не прикрытое яростное желание утолить свои, не высвобожденные в молодости, плотские желания – единственное, что бросалось в глаза в этом пожилом, неуверенном человеке. Что же касается Анны Карениной, то романа, можно не сомневаться, он не читал. Вероятно, кромку сюжета ему поведала Сью, когда была жива, вот он и выдает себя за знатока. А ведь ему невдомек, что Анна Каренина пострадала совсем не из-за того, что была наказана обществом. Она была наказана мужчиной, которого полюбила.

Каренина, надо отдать ей должное, сомневалась и боялась ринуться в омут страстей. Ей снились сны, которые предупреждали ее об опасности. Наперекор им, она продолжала верить в любовь Вронского, оставаясь преданной ему, не предлагая ему игры, интриги, а только жалуясь, бесконечно жалуясь на свое одиночество и упрекая его в невнимании. Что же общество, на которое намекал Мимис в своем письме? Она прекрасно прожила бы и без общества, продолжай Вронский дарить ей все свое время без остатка. Но у Вронского, как у каждого нормального мужчины, были интересы помимо женщины. Анна же хотела, чтобы он принадлежал ей полностью. Только ей. Она легла на рельсы не из-за множества осуждающих физиономий, до которых ей дела не было, а из-за одного человека, мужчины,

которого любила беззаветно и предано, слишком эгоистично, слишком собственнически и без которого не могла жить. Она требовала от него жертвы, равносильной той, что принесла сама, отказавшись от сына и друзей. Вронский же ничем жертвовать ради нее не желал, хотя и любил ее по-своему. Ей бы отдалиться от него и самоутвердиться, доказав ему, что она равноценная ему личность, которая могла бы быть ему интересной. Но самоутвердиться женщине во времена Льва Толстого было очень непросто. Сам Толстой своим героиням такого не позволил бы.

Что же делать Лизе? Остановиться? Нет! Ни в коем случае! Слишком много неудач она претерпела в последнее время. Судьба снова пытается оставить ее в дураках, но, на этот раз, она не позволит ей этого сделать. Если она проиграет, ей придется окончательно покориться судьбе, приняв окружающие ее смуту и тоску, как непоправимые пожизненные обстоятельства.

«Дорогой Мимис!

3. 03. 1990.

Вы позвонили вчера, чтобы напомнить мне о дне Св. Валентина. Как трогательно, как романтично! Спасибо. Я знаю, это день тех, кто влюблен. В нашей стране этот праздник, к сожалению, не отмечают, к тому же, день выдался серым, холодным и пасмурным. Для того, чтобы хоть как-то поднять себе настроение, я окружила себя всевозможными вещицами из Греции – они напоминают мне о вас и о вашей заботе обо мне – я пью из чашки с кошками, которую вы купили для меня, я выставила кукол из соломки, которых вы мне подарили, на полку, я слушаю кассеты, что вы выбрали для меня.

В своем письме вы спросили, откуда я знаю, что люблю вас? Я понимаю, что вам трудно поверить в мои чувства. В то августовское утро вы позвонили, до конца не надеясь, что я приду. Вернее, вы были уверены, что я не приду. Но я, стараясь не обидеть вас отказом, пришла и, слава Богу, что пришла! Пришла потому, что знаю, нельзя отворачиваться от тех, в ком ненароком пробудила симпатию, нельзя отвергать чувства, которые не принадлежат мне, нельзя делать больно тому, кто нечаянно полюбил. То утреннее свидание не было для меня неприятным, а для вас оно было важным. Конечно, сама я не была влюблена, когда приняла ваше приглашение приехать в Грецию. Это было очевидно. Мне нужно было время, чтобы узнать и понять вас, чтобы зародилось некое подобие чувства в моей душе. В Афинах, в течение двух недель, вы продолжали неприятно удивлять и злить меня, требуя от меня того, к чему я не была готова – к близости с вами. В то же время, вы красиво ухаживали за мной, внося в мои переживания хаос. Я не могла ни любить, ни ненавидеть вас. Поэтому первые дни выдались достаточно трудными для меня, я даже хотела уехать раньше. Но, по мере того, как время шло, я наблюдала за вами, сравнивая вас и себя, выискивая совпадения в наших характерах, всегда оценивая вашу реакцию на то, что происходило вокруг нас, на свои слова. Постепенно мне стали нравиться ваши суждения. Временами вы были интеллигентным, вдумчивым, чувствительным и понимающим человеком, настоящим джентльменом, как вы себя любите называть. Думаю, что не преувеличиваю. Во всяком случае, мне хотелось бы видеть вас таким.

Я знаю свой недостаток – я часто вижу людей в розовом свете, они кажутся мне гораздо лучше, чем они есть на самом деле. Или по-другому: совсем не такими, каковыми они являются в действительности. Я ошибаюсь в людях из-за своей наивности и нужды опереться на них. Хочу не ошибиться в вас. Поэтому, будучи «здесь», я много думаю, стараясь проанализировать каждую минуту «там», так что моя любовь, если мы именно так назовем мои чувства, происходит больше из моего разума, нежели из моего сердца.

Буду честна с вами, я не схожу по вас с ума. Может быть, меня прельстило то, что вы так сильно любите меня. Не знаю. Возможно, хорошо, что все началось с разума, а не с сердца. Сердечные любви загораются быстро и в одночасье гаснут, как костер под дождем, оставляя после себя сунбур чувств и облако едкого дыма. Ум же может дать сердцу много полезных советов.

Честно говоря, я не вижу серьезных препятствий к тому, чтобы быть вместе. Мы понимаем друг друга, любим даже, а люди очень скоро убедятся в том, что 15-20 лет счастливой жизни для их отца, друга или брата, гораздо лучше, чем коротать время, выгуливая большую болонку. Быть мужем хорошее дополнение к тому, чтобы быть отцом и братом, и совершенно не обязательно приносить наши чувства в жертву осуждающему обществу. Слава Богу, времена Анны Карениной прошли.

Предлагая вам себя в жены, хочу предупредить вас о том единственном, чего не могу позволить себе. Я не могу и не хочу в браке с вами считать копейки. Не хочу больше прозябать в нещадной экономии денег! Я не против тяжелой работы, я, как вам известно, начала зарабатывать свой хлеб, когда мне толко исполнилось семнадцать. Именно поэтому, на этот раз мне хочется начать не с начала, а с середины. Вероятно, вам не понравится, что я пишу об этом так прямо и открыто. Но почему нет? Мне кажется, пришло время обсудить и это. Моя работа перестала мне нравится, я переросла ее, она для тех, кто помоложе меня. Отдав ей самые лучшие годы своей жизни, я ни о чем не жалею, взамен она подарила мне много незабываемых моментов и, прежде всего, возможность путешествовать. Благодаря ей, я встретила вас. Настало время для семьи, для спокойной, творческой работы – я с удовольствием буду преподавать в вашей школе.

Видите, Мимис, я подошла к своему Рубикону и полна решимости перейти его.

Прошу прощения, если письмо оказалось не совсем романтическим и нежным. Обсуждая наши планы на будущее, мне хотелось, прежде всего, быть честной.

P.S. На фотографии ты задумчив, но все же стар. Зачем же терять время, если тебе повезло встретить меня? Исполни мой каприз, сделай меня своей женой!»

Вот так, с одной стороны, честное, полное достоинства, письмо, а под конец – выверт, совсем другая Лиза, такая, какой Мимис хотел видеть ее в постели – капризная, острая на язычок, но обыкновенная и понятная ему. Она намекнула ему, что может быть разной и у него отлегло от сердца.

«Дорогая моя Элиза!

28-го февраля, 1990-го года.

Ты просто прелесть! Сажу в своем углу и пишу тебе письмо, а на самом деле, все думаю о том, как бы снять трубку и позвонить тебе. Голос твой гораздо нежнее и чувственней, чем слова в твоих письмах. Ты спрашиваешь меня, почему я не позвонил в такое-то время, где я был или что я делал после обеда и все ли в порядке, и твои такие простые вопросы наполняют меня счастьем. Я понимаю, что моя персона тебе не безразлична, что ты даже любишь меня, или, хорошо, хорошо, ты права, не сердись на пылкого старика, начинаешь любить меня. Твоя любовь еще не созрела, ей предстоит пройти долгий путь, но в конце этого пути, любя по-настоящему, ты даже сможешь простить все мои ошибки и гордиться тем, что рядом с тобой именно я, и никто другой. Не слишком ли высокопарно я выражаюсь?

Тебе не надо признаваться в своей любви прямо, я догадываюсь о твоих чувствах по твоим письмам. Я чувствую, что ты любишь, когда читаю, как ты подносишь чашку, которую я тебе купил, к своим губкам, или, когда ты любишь куклами, или слушаешь «мою» музыку. Представь, я делаю то же самое: усаживаюсь пить кофе в той тесной кухоньке, где мы завтракали вдвоем, в перерывах между школой отдыхаю на твоей кровати, дотрагиваюсь до журналов, которые ты перелистывала. Я без конца рассматриваю твои фотографии и перечитываю твои письма. Хочу признаться, что я влюбился в тебя с первого взгляда, за два дня до того августовского утра, когда пытался поцеловать тебя на скамейке у гостиничного пруда. С тех пор, ты успела стать частью моей жизни и, поэтому, я хочу снова видеть тебя.

Я решил пригласить тебя и Игната провести лето на моей даче на Эгине. Надеюсь, ты согласишься. Ты нужна мне, потому что любовь – божественна. Я хочу доставлять тебе удовольствия, хочу, чтобы ты улыбалась, чтобы жизнь вокруг тебя была приятной и радостной. И, если уж ты решила «перейти свой Рубикон», пора задуматься о том, как тебе получить разрешение на преподавательскую работу в Греции. Я уверен, что твой Университетский диплом откроет все двери для тебя здесь, но, тем не менее, необходимо соблюсти некоторые формальности. Именно этим я сейчас и занимаюсь. Собираю нужную нам информацию. На это уйдет не меньше двух месяцев. Но мы и не торопимся. С голоду не умрем и копейки, драгоценнейшая моя, тебе считать не придется.

Ах, как жаль, как жаль, что я не могу показать и похвастаться твоими письмами перед друзьями, чтобы они поняли, что полюбил я отчаянную, нежную, жестокую, чувственную, требовательную, добрую, капризную и энергичную молодую леди, которая, к тому же, себе на уме! Бог ты мой, как ты пишешь! Твое каждое слово искренне, правдиво и недвусмысленно. По всему чувствуется, что ты хочешь меня любить!

Целую тебя,
твой Мимис.».

Несколько следующих месяцев пролетели в постоянном общении – Мимис, предпочитая письма, звонил, а Лиза, не любя писем, писала ему каждую неделю:

«... С этого момента мои письма будут обычными, больше ни слова о любви. Я, по-прежнему, много работаю. Сегодня переводила для Натовских генералов и

подумала, что мой генерал лучше. Впрочем, когда я много работаю, я становлюсь очень независимой».

«... Сейчас мне хочется поцеловать тебя. Не обращай внимания».

«...В этот раз, я приеду совсем без денег. Мне стыдно писать тебе об этом, но таков уж порядок в нашей стране – меняют и разрешают вывозить определенную сумму только раз в год. Ездить за границу теперь нам разрешено сколько угодно, а вот деньги брать с собой только раз в год. Вот почему, у меня не будет даже той незначительной суммы, которую я имела при себе зимой. Итак, без денег и не одна, а с Игнатом. Это очень щепетильный для меня вопрос и я хочу быть уверена, что ты действительно хочешь, чтобы мы приехали».

«...Моя мама и Марго твердят в один голос, что я еще никогда не была такой красивой и одухотворенной, как сейчас. Я влюблена? Меня любят? В чем же причина, дорогой?

Как продвигаются ремонтные работы на даче? Превращается ли хижина во дворец?

Я все еще пользуюсь духами «Чарли» из твоей первой посылки, но теперь мне бы хотелось чего-нибудь более изысканного, «Оскар де ла Рента», например. И больше ничего красного ни на губах, ни на ногтях. Ведь мне не надо больше привлекать внимание красками и запахами, а надо неярко сиять рядом с почтенным генералом. Согласен?»

«... Сегодня суббота и я дома. Как хорошо! Обычно по выходным мне приходится работать. На дворе весна, а валит снег. Но эта завеса из огромных снежных хлопьев уже никого не обманет, на дворе-таки весна! По утрам поет птичка и у меня в душе тоже завелась птичка, которая хочет вспорхнуть и улететь. С каждым днем все труднее держать эту птичку взаперти. Она должна улететь, а я – уехать».

«... Ты просто ослеп и оглох из-за своей любви! Ты – как тетерев на току. Ты настолько поглощен своими чувствами, что за ними не видишь человека, который в тебе эти чувства пробудил! Перестань носиться с собой! Сколько можно без конца радоваться, что еще не потерял способности влюбляться, а до меня тебе и дела нет! На прошлой неделе я написала тебе важное и большое письмо – о своих дальнейших планах, о жизни, о работе, о наших с тобой отношениях. Мне бы хотелось, чтобы ты поговорил со мной, дал совет, ободрил. А ты все кричишь в трубку, что любишь меня. Неужели тебе больше нечего сказать?»

«...Боюсь признаться, что я привыкла к твоим телефонным звонкам. Без них я начинаю болеть».

«...Сегодня я прогулялась на Андреевский спуск. Хочу что-нибудь купить тебе в подарок, небольшую картину, написанную маслом, или акварель. Там можно наткнуться на интересные вещицы, тем более, сейчас мне легче выбирать для тебя – я знаю твой вкус и твои предпочтения».

«...Иногда я скучаю по тебе слишком сильно, чтобы считать тебя всего лишь хорошим другом».

«...Временами меня обдаёт ледяными волнами тревоги и страха перед будущим, и тогда я спрашиваю себя: «Что ты делаешь? Неужели ты сошла с ума? Остановись. Впереди – неизвестность. Возможно, ты будешь счастлива, но какой ценой? Стоит ли это счастье тех неприятностей, разочарований и трудностей, которые тебе и твоему сыну наверняка придется пережить на чужбине? Тебе предстоит окунуться в новую жизнь в чужой стране, ты будешь окружена незнакомыми, безразличными людьми, так что некому будет даже поплакаться в случае чего. Сможешь ли ты приспособиться? Как выдержит переезд Игнат? И как насчет твоей личной жизни? Все ли сложится так, как ты того хочешь?»

«... Я нехотя люблю тебя ».

«...Помнишь, я купила Барби для маленькой племянницы Марго? Ты бы видел, как она обрадовалась! Она очень хорошенькая – голубые глаза и светлые волосы. Мне самой очень хочется иметь дочь, но мечте моей уже не сбыться. Вот и грущу я временами, что пришлось отнести это желание в раздел неисполнимых, засунув его на такой своеобразный чердак своей жизни, куда складываешь все, что не исполнилось, и о чем хочется забыть. Но, иногда, обстоятельства закоулками-переулками приводят меня на этот чердак и тогда я грущу. Я – мечтательница, Мимис, неисправимая мечтательница! Сегодня я была приглашена на чай к Марго. Наташенька непременно хотела проститься со мной перед тем, как снова уехать в Москву. Она думает, что я – фея из сказки, но ведь я знаю, что за всеми этими чудесами стоишь ты, дорогой мой».

«... Что помогает мне снова и снова вставать на ноги? Тщеславие и гордость. Но сегодня я не хочу писать о делах. Сегодня я совсем не деловая женщина, а просто женщина. Кто знает, что происходит со мной? Возможно, деловая и динамичная леди породит просто-женщину, нежную и покорную, которая выйдет из пены как Боттичеллевская Венера, которую ты так любишь».

«... Никогда еще не была такой несчастной, что-то сосет под сердцем и заворачивает меня вовнутрь, как будто посреди меня вдруг разверзлась черная дыра. За окнами завывает ветер и бросает пригоршни снега на цветущие вишни. Опадающие лепестки, вперемешку со снежными хлопьями, вьются в бесконечной белой карусели, гоняя мое сознание по кругу. Страх вползает в мою душу и мне хочется прикоснуться к тебе. Почему на Пасху всегда холодно? А потом сразу тепло? Я желаю тебе светлой Пасхи и да благословит тебя Господь! Я уже не прошу Его указать мне путь, а только помочь пройти по этому пути».

«... Не звони мне больше. Не нужно звонить той, которую ты не знаешь. Ты все хочешь, чтобы я была игривой и женственной, и одновременно скромницей. Эдакой киской с тобой, монахиней на людях. Ты все боишься, что я предаю тебя, выставлю на посмешище. Что ж, давай поговорим. Ты думаешь, она такая молодая, в дочери мне годится, занимается ловлей женихов, хочет получше устроиться, вот и нашла

меня, старого дурака. Обовьется вокруг меня, как молодой плющ вокруг дуба, высосет все соки, тем и кончится. Верно? Не веришь ты мне...

Успокойся, я не настаиваю на замужестве. Не велика честь. Но ты тогда тоже забудь о своих мечтах оживить свою плоть. Любовницей твоею я не буду.

Не знаешь меня? До сих пор? Не очень же ты заботился о том, знаешь ли ты меня, когда отдавал команды, возлегая на старой кровати в своей пирейской квартире. Но, как же все мои письма? Читаешь ли ты их? Другой бы выучил меня уже наизусть. Но не ты, нет. Держа в руках листок бумаги со словами, ты не вникаешь в их содержание, а все прислушиваешься к себе – есть ли еще порох в пороховнице? Это мне надо сетовать на то, что я не знаю тебя.

А действительно, что я знаю о тебе? Видела твоего младшего сына, который озаботился тем, чтобы поговорить со мной только однажды, два другие раза он был не в настроении, потому что уже смертельно ненавидел женщину, из-за которой, возможно, ему придется расстаться с частью своего наследства. Ты познакомил меня с семьей своего старшего брата, всем составом натянуто улыбавшейся мне за ужином, во время которого ты не преминул сморозить глупость о том, что намедни обедал в интернациональном обществе: ты – грек, твоя домработница – полячка, а я – украинка. Вот только ты постеснялся определить, кто я? Любовница, подруга, компаньонка, нетребовательная шлюха из бывшего соцлагеря? Я видела твою «хорошую» квартиру, набитую пыльными фарфоровыми безделушками. Что еще? Ничего.

Может статься, я выдумала тебя. Усилиями своего воображения я заставила твой образ видоизмениться, превратив тебя в того, кого я могла бы полюбить, и кому могла бы, наконец, поверить.

Не звони, пока не поймешь, чего ты хочешь, а главное, веришь ли ты женщине, которую назвал своей любимой».

«...Где я нахожусь? В каком пространстве? Принадлежу ли я к какому-либо чувству, живу ли в какой-то определенной стране, городе? И если да, то на какой улице? Я ни здесь, ни там. Я – нигде. Вишу, зацепившись воротником за крюк, как кукла в перерывах между действиями в спектакле. Я не востребована, вырвана с корнем, дезориентирована. Я потеряла все свои способности и таланты. Мне не хочется ни рисовать, ни писать, ни думать.

Помню мое первое письмо к тебе – дождливое, туманное, расплывчатое, с яркими и теплыми проблесками симпатии к тебе. Было время, ты сравнивал меня с натурщицами Ренуара – красивыми, умиротворенными, улыбающимися рыжеволосыми женщинами. Сейчас все переломано во мне, я пишу угловатыми, непонятными фразами, которые надо разгадать. Прямо, как на портретах Пикассо, помнишь, на том, где у нее нос на месте глаза? Но неважно. Я знаю, когда мы увидимся, и этот невыносимый период неопределенного ожидания закончится, ты сумеешь пригладить мои растрепанные перышки».

«Дорогой Мимис!

27.04.90

Это мое последнее письмо перед тем, как мы встретимся. Все это время я была твоей Шахразадой, стараясь в каждом письме, которые я отправляла еженедельно, рассказать тебе что-то новое, другое, про нас и про себя. Понял ли ты это?

На прошлой неделе я уволилась из «Интуриста». Наконец-то! Я совсем не жалею. Я ненавидела и одновременно любила эту работу. Это все равно, что каждый день выходить на сцену, играя все тот же спектакль, но для других зрителей. Со временем я научилась манипулировать ими, заставляя их смеяться и плакать именно там и тогда, где и когда хотела я. И странно: из-за того, что я умела вызывать в них сильные чувства, будоражить их эмоции, они любили меня. Под конец своей карьеры, для меня уже не составляло труда разгадать ту или иную толпу и начать дергать за ниточки. Это всеислие, власть над людьми, пугала меня и, слава Богу, что с этим покончено.

С другой стороны, скольких людей я повстречала, сколько городов перевидала! Сколько было выучено, сколько перечитано! Это была жизнь напоказ – каждый день одета, причесана и улыбочива. Никогда не отдыхая сама, я была частью их отдыха, их развлечением.

Моя неприязнь к работе родилась из-за постоянного ощущения одиночества. Это всегда случается, когда находишься среди тех людей, к кругу которых не можешь принадлежать. Послы и министры влюблялись в меня, танцевали со мной, а потом, проводив меня до отведенного мне места, возвращались к своим женам. Я снова оставалась одна. Мне хотелось быть там же, где они, на тех же приемах, на тех же экскурсиях, но вместе со своим мужем. Я устала от их взглядов, которые со временем отполировали меня, я устала быть любимой чужими людьми. Странное это дело – любовь на час! Оказывается, зависимость может быть обоюдной: тебе кажется, что ты можешь манипулировать ими, а они уже давно привязали тебя к своей симпатии, любви или обожанию, как наркомана к игле. Еще пять, десять лет? Но потом я состарюсь и буду выглядеть смешно: стареющая одинокая переводчица, которую так щедро ласкали в молодости, по привычке просящая любви и внимания, готовая выкинуть любой фортель ради былой популярности. Нет! Моя карьера на пике сейчас, вот и хватит, достаточно. Ухожу, ощущая себя сильной, во мне достало сил распрощаться с этой блестящей и возбуждающей жизнью. Надоело постоянно бросать взгляды в зеркало бокового обзора, чтобы еще раз увидеть картинки жизни, оставленные позади. Хочется сосредоточиться на дороге впереди себя.

Знаешь, есть женщины, как птички-одиночки. Они или слишком слабы, или слишком умны, чтобы позволить мужчине жить рядом с ними. Меня же Господь создал для любви. Лучшие минуты моей жизни наступают, когда я могу отдаться тому, кого люблю. К сожалению, я не могу предложить еще что-либо, кроме себя самой. У меня нет материальных богатств. Ты часто повторяешь, что чувствуешь себя частью моей жизни. Я хочу, чтобы ты ясно представлял себе частью какой именно жизни ты собираешься стать.

Больше писать не буду. Совсем скоро мы увидимся. Игнат, ты и я. Хочется верить, что все образуется и мы все поладим между собой.

Купила тебе картину. Надеюсь, мне разрешат ее вывезти.

Обнимаю тебя, Элиза.».

« Любимая моя, Элиза!

20-е июня, 1990-го года.

Только что закончилась вечеринка по случаю моего дня рождения, а также дня рождения моего старшего сына – мы родились в один день. Мы как раз откупорили «твою» бутылку шампанского, когда зазвонил телефон. Я услышал твой голос с другого конца света, такой родной и любимый, ласкающий мой слух, желающий мне всех благ. Хорошо, что ты позвонила. Никто из собравшихся не обмолвился ни словом по поводу твоего звонка, но все поняли его значение.

Теперь, когда ваша поездка в Грецию на целое лето, дело решенное, настало время, как мне кажется, задать друг другу пару вопросов. Мы должны поговорить не только об окончательной дате вашего с Игнатом приезда, о домах и квартирах, где вы сможете жить, но и о другом, очень важном для меня. Это «другое и важное» надо тщательно продумать, если мы хотим, чтобы наш отдых удался.

Итак, вопрос первый: смогу ли я быть близок с тобой? Вопрос второй: если да, то какую роль я должен играть? Твоего близкого друга, который остается в твоей постели по ночам, или просто друга семьи, который счастлив гостеприимно принять у себя добрую знакомую с сыном из далекого Киева? Игнат взрослый мальчик, которому мы можем причинить боль, неважно насколько тактично мы будем стараться себя вести, будучи вместе и днем, и ночью. С другой стороны, как я могу быть рядом с тобой и, одновременно, не быть вместе с тобой? Особенно там, на острове, в нашем отремонтированном романтическом «замке»? Не забывай, что я тоже хочу хорошо и с пользой для себя провести свой летний отпуск.

Подумай над этой головоломкой и напиши что-нибудь разумное, устраивающее всех нас.

Люблю, Мимис.».

Лиза не успела ответить на это письмо. Оно пришло слишком поздно. Не то, чтобы она об этом не думала. Нет, она думала, легковерно надеясь на то, что если она приедет с Игнатом, Мимис не будет так невоздержан, как был зимой. Ей казалось, что в такой ситуации мужчина должен вести себя осмотрительно и осторожно, отодвинув свои желания на второй план, стараясь, прежде всего, завоевать любовь ребенка, таким образом, еще больше расположив к себе любимую женщину. Для нее это были простые истины, правила отношений между взрослыми людьми. Она снова не поняла, что в своем последнем письме он вынуждал ее дать согласие на их близость, несмотря на присутствие Игната.

Глава 38.

Девочка, орущая песни от страха.

Настал день отъезда. Марго и Генка, прихватив с собой бутылку шампанского, приехали в аэропорт. Пили прямо на ступеньках, ведущих к таможенникам. Марго скрывала свою подавленность, она уже несколько недель, как перебралась к Генке, освободив, наконец, свою однокомнатную квартиру для своей любвеобильной дочери. Игнат волновался и его тошнило. Лиза была в ступоре. В последние дни ехать ей не хотелось, что-либо менять в своей жизни не было сил, она чувствовала глубокую усталость и апатию, из которых не могла ни на минуту выбраться, постоянно утопая в сонливости и какой-то мутности.

Оставшиеся недели перед отъездом, и особенно во время сборов, Александра, перестав сдерживаться, выплескивала на Лизу свой страх перед предстоящим одиночеством. Она панически боялась остаться без поддержки, и, хотя, Лиза уже не работала, она, тем не менее, представляла для Александры нечто материальное, служа в ее воображении опорой. Для нее было важно знать, что Лиза существует где-то рядом, что с ней можно поговорить, поругать ее за безрассудство, посетовать на свое самочувствие, а, главное, разделить бремя беспокойных времен. Остаться одной со старой матерью, нести ответственность за свою жизнь и, в придачу, за жизнь Анны, было выше ее сил. Страх врывался в ее отлаженную по часам, монотонную, наполненную только школьными уроками, жизнь, кромсая с таким трудом установленное равновесие между собственным сознанием, самочувствием и окружающей жизнью.

В глубине души Александра верила своей дочери, несмотря на то, что считала ее желание любить и быть любимой роскошью, а авантюризм ее характера непростительной наглостью. Она знала, что Лиза, как и ее дед, ставит интересы и благополучие семьи превыше всего и, в нужный момент, ее трезвый и практичный ум сумеет обуздать всякие романтические поползновения ее неумной души. Лиза, правда, надеялась совместить все – и благополучие, и любовь, и возбуждение жизнью, поэтому и ехала. Александра, с раннего отрочества предпочитавшая благополучие любви, знала, что все в этой жизни не дается никому, даже таким женщинам, как ее дочь. Этот старик, который ждет ее дочь там, в незнакомой стране, вызывал у нее неприязнь, но, все же, что-то связывало ей руки и мешало удержать Лизу силой. Этим «чем-то» была надежда, что Лиза исхитрится вытянуть счастливый билет и тогда все проблемы будут решены. Страна на пороге краха и непременно нужно действовать и хорошо, что действовать приходится не ей. Лиза сама лезет в глотку к дьяволу и что тут скажешь, что посоветуешь, когда и так, и так плохо – и оставаться в бездействии глупо, и решаться на связь со стариком, у которого неизвестно, что на уме, тоже страшно.

Анна относилась к отъезду Лизы гораздо спокойнее, будучи уверена, что внучка ее себя в обиду не даст. А, если что-то не понравится или не сложится, она вернется и нечего делать из всего трагедию. Она сама побывала за свою жизнь не раз в самом пекле, и, слава Богу, сама жива и дочь вырастила и выучила, и любовь находила дважды. Странствия, капля за каплей, прибавляют ума. Точно также, как бесконечно взбиваемое молоко в один прекрасный момент становится маслом, страдания превращаются в мудрость. А на диване, да в четырех стенах, мудрости не наберешься. Анна немного волновалась за Игната, но считала, что и ему будет полезно увидеть другую страну, набраться впечатлений. Она всегда хотела, чтобы ее правнук прожил другую, более интересную и свободную жизнь.

Алексей, по-прежнему, жил со своей бывшей семьей под одной крышей. Он и Лиза давно развелись, но уйти ему было некуда, да он и не собирался. Молча и

меланхолично наблюдая за сборами жены, он завидовал ей. Влюбляет в себя мужиков, мотается по разным странам, вот и сейчас отбывает на двухмесячный отдых в заморские края. А ему надрывайся тут за гроши. Комсомол давно перестал быть кому-то нужен, продукция их оборонного завода, видимо, тоже перестает интересовать прежних заказчиков – у россиян своих заводов полно и нет надобности клепать в Украине то, что можно склепать у себя дома. А Украина? Пусть сама выкручивается, теперь она независимая. Вот и ему придется самому выкручиваться. Как видно, его бывшая жена не собирается беспокоиться о его будущем. Что делать, куда себя деть целое лето? Без денег, без работы, без будущего? Языков он не знает, его бывшая красота и стать померкли, ни характера, ни тщеславия. Проведет лето на даче у родителей, поможет, чем сможет, рассаду, к примеру, высадит, у кур убирать будет. А там видно будет...

Лиза держала бокал шампанского в одной руке, а другой гладила шершавую стену, на которую опиралась. Она уже давно не слышала, о чем говорила Марго, что рассказывал Генка, чему смеялся возбужденный Игнат. Она думала: «Зачем я еду? Ведь я не люблю его». Но не ехать она не могла. Ее толкало на это нечто, что случится не сейчас, а позже. Она не догадывалась, что именно произойдет, как именно ее нынешняя поездка скажется на ее дальнейшей судьбе, но противиться той силе, которая вынуждала ее ехать, не могла. Она гладила стену, как бы отгородившись от других, доверяя свою тайну, свои догадки, предчувствия о своем будущем, некое внезапное озарение, не собеседникам, а неодушевленной стене. От этого нечаянного знания о своей судьбе, настроение у нее стало улучшаться и ей вспомнилось, как в тот год, когда она жила на Камчатке, она прошагала пешком от школы до дома несколько километров по пустынной дороге, преодолевая неопишимо глубокий страх, вызывающий тошноту и желание заорать.

На Камчатке Лиза с родителями жила в военном городке, а в школу ездила в соседний рыбацкий поселок, который так и назывался Рыбачий. Там выгружали тех, кто учился в начальной школе, а также тех, кто ходил в пятый и шестой классы, семиклассников и старшеклассников везли дальше, в поселок Лахтажное. Осенью и весной детвору отвозили на автобусах, а зимой – на вездеходах, которые смахивали на большие БТРы. В автобусе, кроме водителя, всегда был сопровождающий офицер, несший ответственность за детей. Обоим – водителю и офицеру было строго приказано не уезжать, если в автобусе не будет хотя бы одного ребенка, которого они привезли в школу утром.

В тот день, в конце сентября, Лиза осталась дежурить в своем пятом и единственном «А» – ей надо было вымыть полы в классе. Каждый день, после уроков, кто-то из учеников обязательно оставался и мыл полы тряпкой из мешковины, которую погружали в ведро с холодной водой и плавающим там куском хозяйственного мыла. Проблема, однако, была не в ледяной воде, а в тяжелой и скользкой тряпке, которую детским рукам невозможно было до конца выжать. Покончив с уборкой, Лиза вышла к условленному месту, где учеников обычно подбирал автобус, но стоянка была пуста – ни учеников, ни автобуса не было. Она подумала, что опоздала и, недолго думая, отправилась домой пешком. Она не знала, что автобус уехал в Лахтажное за старшеклассниками, и, на обратном пути, проезжая через Рыбачий, обязательно подберет тех, кто опоздал. Дорогу Лиза тоже знала не очень хорошо, помнила только, что дорога прямая, сворачивает, поднимаясь на сопку, только перед самым военным городком, а так, все прямо и прямо, вдоль кромки океана с одной стороны и отвесных скалистых уступов с

другой. Когда строили дорогу, отрезали прибрежную часть сопки как кусок пирога, и теперь этот строго вертикальный срез казался неприступным обрывом. Наверху, через равные расстояния, стояли вышки, обнесенные колючей проволокой, на которых несли дозор матросы в черных бушлатах с автоматами.

Тронувшись в путь, Лиза не имела представления, сколько времени у нее займет это путешествие. Было холодно, конец сентября на Камчатке – уже почти зима. Протопав немного по дороге, она заметила, что отлив обнажил широкую полосу берега и, рискуя потерять драгоценное время, промочить ноги и окончательно продрогнуть, сошла с дороги на гальку. Тогда ею также что-то двигало. Отнюдь не голос разума толкал ее на полосу отлива, а любопытство. Ей было страшно, что в любой момент начнется прилив и ее накроет огромная волна, но любопытство было сильнее. Она хотела увидеть, что же там барахтается в неглубоких лужах, что извивается под камнями или так стремительно убегает. Чтобы прогнать страх, вздымающийся в ее воображении огромную холодную волну, которая уносит ее в океан, Лизе запела песню. Вот так, горляня, что есть мочи и, собирая морских звезд и ежей, она бродила по отливу, время от времени всматриваясь вдаль, не собирается ли с силами приливная волна. Матросы с вышек с любопытством наблюдали за маленькой девочкой, в одиночестве и с громкими воплями, копошащейся в черной гальке. Стало смеркаться, на дороге замигал фарами автобус, он задержался, потому что водитель и офицер разыскивая в поселке Лизу. Совсем замерзнув, мокрая и вонючая, Лиза с морскими ежами и какими-то корягами в руках, взбиралась на сопку, в надежде сократить дорогу. Случай этот получил огласку и сопровождающему офицеру дали хороший нагоняй, потому что командир части тайно симпатизировал Александре, а его сын был по уши влюблен в ее дочь.

Вот и сейчас, Лиза, да не одна, а с Игнатом, ехала, преодолевая страх, неизвестно куда, неизвестно к кому, не имея понятия, как все сложится. Настигнет ли их волна или все обойдется? Но не ехать было невозможно, ее гнало вперед любопытство, она предчувствовала, что эта поездка как-то изменит ее жизнь. Упускать эту возможность ни в коем случае было нельзя и Лизе вдруг стало весело, апатия ее исчезла и та девчонка, которая много лет тому назад, орала песни на отливе, каждую минуту ожидая высокой волны, но, наперекор страху, собирала морских ежей, подмигнула ей, напомнив о том, что страх, хоть и нужное иногда чувство, все же, не самое главное в арсенале искателей приключений.

Лиза отвернулась от стены, весело посмотрела на Марго, выпила до дна шампанское из бокала, подтолкнула Игната вперед и, вместе с ним отправилась на посадку. На таможне не пропустили картину, купленную в подарок Мимису, придравшись к тому, что справки из магазина недостаточно и нужно разрешение из Министерства культуры.

Глава 39.

Несбывшиеся надежды.

Мимис снова стоял среди встречающих, более растерянный, чем когда-либо, в модной полосатой тенниске с дорогим крокодилом на груди. Тенниска была велика

и доходила ему почти до колен. Выглядел он нелепо. Что скажет Игнат, увидев этого смешного маленького старичка с носом, похожим на куриную лапку? В правой руке Мимис держал элегантную сумочку-кошелек из чистой кожи. Он явно старался выглядеть деловым, независимым и молодежью, тем самым, добавляя еще больше комичности своему нелепому виду. Подойдя, он чмокнул Лизу в щеку и протянул руку Игнату.

- Называй меня Мимис, - сказал он. - Вот именно, просто Мимис. Никаких «господин» или что там еще. У меня самого двое сыновей и уже внуки есть, так что я в курсе, насколько ваше поколение демократично.

Лиза наблюдала за своим сыном, но не заметила в его поведении того, чего боялась. Ни неприязни, ни враждебности Игнат не выказывал, напротив, он был спокоен, внимателен и доброжелателен. Мимис, как видно, смешным или нелепым ему не показался. В Игнате не была настолько сильно развита, почти до болезненности, эстетичность его матери. Предметы он не одушевлял, без проблем уживаясь с ними в одном пространстве, их форма и расцветка его тоже не волновали. Он уродился на удивление спокойной, незлобивой и цельной натурой. Когда уложили багаж в машину, Мимис не удержался и спросил:

- А где же картина?

- Таможенники не пропустили. Сказали, что нужно разрешение из Министерства культуры.

- Что же ты не постаралась с нужными документами? - с обидой выкрикнул Мимис.

- Я не знала. В магазине меня заверили, что достаточно чека о покупке. Не страшно, картина все равно твоя, привезу в следующий раз.

- Не разваливайся на заднем сидении, сиди прямо! - Мимис решил выместить свою обиду на никакого отношения к картине имевшем Игнате.

В квартире было все без изменений. Тот же застоявшийся воздух, пыль, наваленные по углам, поломанные игрушки в бывшей детской. Только в той комнате, где зимой спала Лиза, прибавилась еще одна кровать.

- Я вижу, ты новую кровать приобрел. Для кого?

- Для меня, - без обиняков ответил Мимис, - ведь мы теперь что-то вроде супружеской четы, да еще со взрослым ребенком в придачу.

- Как ты быстро все решил один, даже не спросил меня.

- Я писал тебе, ты не ответила. И потом, нужно ли спрашивать? По-моему и так все ясно.

- Что же тебе ясно? - тихо спросила Лиза. Ярость начинала спазмами сжимать ее горло.

- Раз ты заявила сюда с ребенком в надежде хорошо провести лето, ты ведь побеспокоишься о том, чтобы я тоже остался доволен.

Лиза не нашлась сразу, что ответить. Опять она угодила в мышеловку. Опять все то же самое: обманчивый голос по телефону, мужественный и любящий, ее желание поверить этому голосу и ее нежелание помнить об отталкивающей внешности и низости человека, которому этот голос принадлежал. И ей снова надо выкарабкиваться из этой мышеловки.

- Не сегодня, дай нам привыкнуть. И потом, я очень устала. Ты сегодня поедешь к себе.

- На сегодня ты уговорила меня, но завтра я буду спать здесь, подле тебя. Сегодняшнюю ночь я так и быть, дарю тебе, поговори со своим сыном, объясни ему, что к чему.

В комнату вошел Игнат. Он разбирал свои вещи в детской. В руках он держал старую бейсбольную битку.

- Посмотри, что я...

- Стучать надо, молодой человек! – отрывисто рявкнул Мимис.

- Но дверь была открыта.

- Следующий раз она будет закрыта.

- Он прав, Мимис – дверь была открыта, поэтому он вошел. Тебе следует обуздать свое раздражение. Если ты так расстроен из-за картины, поверь, она того не стоит. Мы все должны успокоиться и найти общий язык друг с другом.

Мимис и впрямь, вдруг, подобрел. Он заметил, что в присутствии Игната, Лиза, хоть и принимаеи сторону сына, не решается ни грубить ему, ни перечить. Он увидел в Игнате своего союзника.

- Ладно, ладно, мы все немного взволнованы, - примирительно пробурчал он. – Оставьте ваши вещи, распакуетесь позже. А сейчас едем ужинать куда-нибудь к морю, в очень рыбное место!

Ужин прошел в молчании. В очень рыбном месте Игнат заказал мясо вместо рыбы, которую не любил. Мимис не преминул высказаться по этому поводу, Лиза разозлилась и замкнулась в себе. Она поняла, что этот человек будет контролировать каждый их шаг и каждый вздох. Что же тогда говорить о деньгах? И как она выкрутится завтра, как объяснит Игнату?

Вечером, сидя на диване в тускло освещенной гостиной, Лиза так и не смогла сказать Игнату о том, что с завтрашнего дня Мимис будет спать в ее комнате. Вероятно, если бы она сказала ему об этом, ничего страшного не случилось бы, но этот разговор застрял у нее в горле и никак не хотел выплеснуться наружу. Игнат, чувствуя напряжение матери, показывал ей старые игрушки, найденные в детской. Многие из них были куплены, когда его еще на свете не было. Ему было интересно рассматривать солдатиков и машинки, он много читал и сейчас тихим голосом рассказывал Лизе о разных моделях автомобилей, сравнивая, что есть в его коллекции и что он нашел здесь. Несмотря на несколько грубых замечаний со стороны Мимиса, он ни о чем не беспокоился. Предстоящий отдых на море будоражил его воображение, пробуждая в нем нетерпение и хорошее настроение. Несколько раз он брал в руки бейсбольную битку, приноравливаясь отбить воображаемый мяч. А Лиза все сидела на диване, наблюдая за ним, кляня себя за то, что приехала.

На следующий день, спозаранку, явился Мимис. Он неприкаянно болтался по квартире, ехать ему куда не хотелось. Обещанные экскурсии были им забыты. Игнат провел все утро в детской, иногда поглядывая на Лизу, которая снова устроилась на диване. Было душно, в этой квартире кондиционеров не было. Хотелось куда-то уехать, уйти из этих стен, которые так сильно стесняли дыхание.

- Почему бы нам не поехать на море прямо сейчас? Зачем торчать здесь, в городе? – предложила Лиза.

- Чтобы привыкнуть друг другу. Посмотреть, как что получится.

Лиза поняла, что именно имел в виду Мимис. Дача на острове это – награда. Она должна заслужить эту награду здесь, в городе. Заслужит, ее сын проведет свои

летние каникулы у моря. А что будет, если не заслужит? Лиза попробовала напомнить ему о его обещаниях.

- Как насчет школы, Мимис? Ты узнал, как мне можно получить разрешение на преподавательскую работу?

- Какое разрешение? – удивился Мимис.

- Чтобы преподавать в твоей школе. Ты писал мне об этом.

- Видишь ли, я решил продать школу. Теперь, когда у нас с тобой все налаживается, я подумал, зачем мне держать эту школу? Терять время в ней по вечерам? Лучше эти вечера коротать в твоих объятиях, дорогая. Да и Тассосу нужны деньги для учебы во Франции. Продам школу, отдам ему деньги и будем мы с тобой, как нормальная стареющая парочка, жить на мою пенсию.

- Ты совсем изменил наши планы. Мои планы. Ведь я собиралась работать.

- Теперь не будешь работать. Многие женщины мечтают сидеть дома и ухаживать за мужьями. Вот и ты...

- А хватит ли твоей пенсии, чтобы оплачивать образование Игната? – перебила Лиза.

- Что ты имеешь в виду? Его образование будет бесплатным, любимая моя. Я тут узнал, у нас в Пиреях есть школа для иммигрантов и наших местных цыган, короче для тех, кто не в полной мере владеет греческим. Вот туда твой Игнат и пойдет учиться.

- Но, как же, так?! Ты говорил мне об американской частной школе. Игнат прекрасно говорит по-английски.

- В такие школы детей записывают с рождения. Вон моя невестка записала своего первенца в такую школу. А твой Игнат что, особенный? Невелика птица, и тут, по соседству, выучится.

- Все, что ты говоришь мне сейчас, просто удивительно! – Лиза вскочила с дивана. Время для нее остановилось. Она смотрела на распакованные чемоданы, аккуратно поставленные ею накануне вечером в угол гостиной. – Ты ведь обещал мне совсем другое!

- Я много думал до вашего приезда и решил кое-что изменить в наших планах. Посоветовался также с сыновьями и братьями. Считаю свои решения правильными и окончательными.

- Что же мне теперь делать? – растеряно стоя посреди комнаты, непонятно у кого спросила Лиза.

- Приласкаться ко мне, голубушка. А твой отпрыск пусть пойдет погуляет.

- Куда погуляет? Ведь он не знает города!

- А на площадь. Там все дети играют, вот и он пусть туда отправляется.

- Ты в своем уме?!

Лиза резко повернулась и пошла в спальню. Зачем? Непроизвольно, она стала снимать с плечиков и складывать вещи на кровать. Эти действия были ненужными и бесцельными, потому что денег у нее не было, а обратный билет был датирован неким числом в конце августа. Мимис последовал за ней и теперь стоял совсем близко от нее, неровно дыша ей в спину. Вдруг его цепкие сильные лапки обхватили ее сзади. Он прижался к ней всем своим коротким телом, пытаясь повалить ее на кровать. Лиза обернулась, с ужасом глядя в его остекленевшие глаза и стараясь устоять на ногах. Но Мимис, с уже захлопнувшимся сознанием, оказался сильнее ее. Как большинство сумасшедших, у которых временами проявляется недюжинная сила, он упорно толкал Лизу по направлению к кровати, пока она не упала на нее.

Дверь в комнату была открыта, и хотя Лиза старалась бороться молча, Игнат услышал какие-то странные звуки, отложил книгу, которую читал, и осторожно направился к спальне. То, что он увидел в распахнутую дверь, повергло его в некое эмоциональное состояние, совершенно незнакомое ему, никогда ранее им не переживаемое. Он увидел Лизу на кровати, пытающуюся освободиться от человека, который вчера предложил называть его просто Мимис, а сейчас рвал одежду на теле его матери. Игната захлестнула ярость. Именно та ярость, которая иногда посещала Лизу, завешивая весь мир красной пеленой. Ее спокойный и уравновешенный сын унаследовал эту не поддающуюся контролю ярость, которая заволакивает разум безрассудством, но пробуждает внутри другие силы – иррациональные и мощные.

Игнат постоял некоторое время, молча наблюдая за безуспешными попытками Лизы освободиться, потом вернулся в детскую. Он взял бейсбольную биту и снова направился в спальню. Мимис обернулся как раз в тот момент, когда Игнат замахнулся и ударил. Это спасло его, бита коснулась щеки и соскользнула к его плечу. Не чувствуя боли, он вскочил, в ужасе оттолкнул Игната и ринулся на кухню. Лиза села на кровати, протянула руки и крепко обняла своего сына.

- Что теперь будет? – испуганно спросил Игнат. – Он позвонит в полицию?

- Нет, он не будет звонить в полицию, – успокоила его Лиза, – потому что сам виноват.

- Как же мы теперь будем с ним жить?

- Не знаю. Закрой дверь на ключ. Побудем в этой комнате, пока не успокоимся.

Потом я с ним поговорю.

Мимис, сидя на кухне, быстро думал короткими предложениями. «Не сдержался и все испортил. Что же теперь делать? Ситуация не из приятных. Она может заявить в полицию. Пригласил, мол, в гости ваш гражданин и пытался изнасиловать. Ее сын достаточно взрослый, чтобы ничего не перепутать и дать показания. Боже мой, какой ужас! Как же это я, старый дурак? Но надо успокоиться и подумать. Взять себя в руки. В полицию она не пойдет. Не пойдет? Почему? Не знаю, почему, но не пойдет. Денег у нее тоже нет, обратный билет поменять не сможет. Деваться ей некуда. В спальне долго не просидят, проголодаются. Я извинюсь. Не сдержался. Попрошу прощения у них обоих и отвезу на дачу, а там помощи искать не у кого. Постепенно образумится, вода камень точит».

Через некоторое время он постучал в дверь. Игнат заснул, Лиза лежала рядом, держа его за руку и нежно поглаживая его пальцы.

- Лиза, выйди, надо поговорить.

Она осторожно встала, чтобы не разбудить Игната, повернула ключ в замке и вышла. Молча они прошли на кухню.

- Сукин ты сын, ничего по-человечески сделать не можешь! Даже ребенка не постеснялся.

- Извини меня. Дурею, когда вижу тебя. Давай забудем. Перед Игнатом я покаюсь. Поедем на дачу, там свежий воздух, море, все постепенно забудется и образуется. Тебе все равно деваться некуда.

- Некуда. Но на даче ты не дотронешься до меня, будешь просто другом семьи. Тогда все забудется, – Лиза старалась говорить тихо, но в ее голосе слышались стальные нотки.

- Ладно, поначалу будет, как ты хочешь, а там посмотрим.

Лиза долго молча смотрела на это уродливое лицо с куриной лапкой вместо носа.

- Не пойму я, Мимис, - наконец сказала она, - подонок ты или просто дремучая деревенщина, дрянь-человек, которому невдомек, что такое чувство собственного достоинства? Или ты расчетливый хитрец, который думает, что с этими неразумными существами из бывшего совка можно делать все, что в голову взбредет?

- Ладно, не философствуй. Собирай вещи, завтра утром поедем на остров. Была бы проще, все бы было по-другому.

- Неужели? И обещания свои ты бы стал сдерживать?

- Я ничего тебе не обещал, - глядя Лизе в глаза, подытожил тот мужчина, который обещал «встать рядом».

Все было бесполезно. Верить этому человеку было невозможно, убеждать его в том, что он не прав, было бесполезно. Его разум спал, оживая в определенные часы, когда его хозяйину была в этом нужда, и то ненадолго. Мимис пользовался своими мозгами точно также, как он пользовался другими органами своего тела. Почувствовать голод, переварить пищу и испражниться, после чего немного поспать – вот тот перечень, что составлял каждодневное нехитрое меню его бытия. Когда он садился писать письма, он будил свой разум от спячки, заставляя его работать с перегрузками. Как только дело было сделано, его разум тут же забывал о пережитом и обещанном, и был опять по-младенчески чист и невинен. Только одно постоянное, настырное и назойливое желание без устали свербило его спящий разум: неотвязчивая похоть, зудевшая как муха на стекле, раздражала и убаюкивала одновременно. Так и прожил Мимис весь прошлый год, постоянно раздражаясь своим неудовлетворенным вождением. Зачем он только вовлек в свое сумасшествие их, Лизу и Игната, совершенно невинных, непричастных к его безумию, людей?

На даче дни потянулись однообразно, как в лагере, где отбывали срок двое заключенных – подросток и молодая женщина. Старик был их надзирателем, не спускавшим с них глаз.

Мимис выдавал Лизе деньги на продукты, но в порт за покупками ездил вместе с ней. Сэкономить из этих денег почти ничего не удавалось, потому что сумма была мизерной. Лиза готовила, стирала, содержала дачный домик и сад в чистоте. После обеда, когда солнце припекало не так сильно, ходили купаться. День тянулся за днем и ничего не подворачивалось, за что можно было уцепиться и найти выход из создавшегося невыносимого положения. Игнат с Мимисом не разговаривал, веря в то, что перед отъездом на дачу пообещала ему Лиза – при первой возможности они уедут. Он ждал этой возможности вместе с ней, в то время, как его ненависть к этому старику, контролировавшему их жизнь, не убывала.

Однажды вечером, Лиза и Игнат сидели на невысокой каменной ограде, окружавшей дачу, и смотрели на море. Неровно отесанные, серовато-белые камни еще хранили тепло жаркого июльского дня. Оба неотрывно смотрели на темное море, на золотистые огоньки пришвартованных к причалу, лодок. В их мозгу роилось множество мыслей, но как волны о берег, эти мысли разбивались о безысходность. Им было хорошо любоваться панорамой вечерней бухты, слышать голоса и смех, доносившиеся с лодок, хорошо было сидеть в объятиях тихого теплого вечера, вдыхая сладкий запах выжженной солнцем травы. В такие вечера хорошо мечтается и душа отдыхает, забыв ненадолго о тревогах, не ожидая новых неприятностей и проблем. Но Лизе и Игнату мечтать было не о чем, разве что об

избавлении из этого плена на райском острове. Их нервы были натянуты до предела в ожидании чуда, но чуда все не случилось. Где взять денег? Не ходить же по острову в поисках работы, таким образом, выставляя себя на посмешище, да и Мимис все время был начеку. У соседей просить тоже глупо, никто не даст займы. Да и что им сказать, чтобы поверили? Все эти вопросы делали уже сотый оборот в Лизиной голове, она совсем было сникла, как вдруг темноту бухты прорезали десятки ярких огоньков. Великолепная яхта, украшенная светящимися гирляндами, неторопливо и величественно вошла в бухту и стала на якорь.

- Красиво как! – выдохнул замороженный Игнат.

- Господи, почти как в «Алых парусах», - прошептала Лиза. – Никогда не видела ничего подобного, только в сказках читала.

- Да уж, навряд ли, за тобой приехал принц на этой яхте, ты тут никого не знаешь.

- Это точно, не знаю, - разочарованно согласилась Лиза.

Но что-то дрогнуло в ней, червячком зашевелилась надежда и какая-то сумасшедшая, неожиданная радость прервала дыхание. Лиза задохнулась и закашлялась.

- Ты чего? – спросил Игнат, не отрываясь, наблюдая за яхтой.

- Все будет хорошо, - пообещала Лиза.

Ночью она лежала в своей комнате и не могла заснуть. Через открытое окно она смотрела на звезды, стараясь понять томящее ее странное чувство. Она изнемогала от любви. К кому? Из головы не шла яхта, ярко освещенная огнями. Лиза встала с кровати и подошла к окну: в предрассветных сумерках, яхта, наполовину утонувшая в тумане, как серый, еле различимый призрак, висела в воздухе, обманывая зрение своей красотой и неправдоподобием.

Глава 40.

Рассвет над Эгиной.

Йоргос Менелаос Альягас не мог заснуть в своей каюте. Он ворочался на узкой койке, пока в иллюминатор не стал сочиться жидкий серый свет. Джордж, чье имя друзья переименовали на английский манер, не любил предрассветных часов, как и раннего утра. Он был поздней пташкой, кутил обычно до середины ночи, а потом высыпался, а, выспавшись, принимался за работу. У него была своя торговая фирма, выполняющая, в основном, посреднические услуги. Иногда удавалось хорошо заработать, но не об этом он мечтал.

Его далекие предки были выходцами из Испании, более трех веков тому назад наладившие торговлю с Венецией, Константинополем и Александрией. Кто-то из его прапрадедов поселился в Константинополе и, женившись на гречанке, положил начало испано-греческой ветви старинного рода. Продолжатели этой ветви, в начале прошлого века, переехали из Константинополя в Афины. С тех пор, испанская кровь почти полностью вымылась из вен Альягасов, но вот в Джордже вдруг заявила о себе с новой силой. Может быть, поэтому он и продолжил ремесло своих прародителей, подхватив эстафету торговли, которая была уже давно

обронена предыдущими поколениями, делавших карьеру если не юристов, то врачей. Закончив экономическое отделение в Университете в Салониках, отслужив в армии, Джордж без устали работал, покупая и перепродавая, но сейчас он достиг того возраста, когда, оценив прошлое, свои достижения и потери, надо было определяться. Добиться настоящего успеха, например. Встретить настоящую любовь, такую женщину, которая придала бы его жизни новый смысл, с кем, до самой смерти, было бы хорошо вдвоем. Он искал нового возбуждения и не находил. Его жена, на деньги которой он основал фирму, больше его не волновала. С тех пор, как прошла его сумасшедшая влюбленность в нее, закончившаяся женитьбой и рождением двух дочерей, он много ей изменял. Женщины пленялись им легко, потому что он был магом, чародеем, великолепным любовником. Увы, он поздно родился – на дворе двадцатый век с перенаселенными городами, свободой и вседозволенностью в отношениях между двумя полами. Несколькими веками раньше он бы наверняка прославился. О нем говорили бы так: «страстный любовник с нежным сердцем». Сейчас же страсть увлекает ненадолго, а нежное сердце никому не нужно. Нужны деньги – они творят чудеса. Не любовь – деньги!

Джордж часто преуменьшал свое влияние на женщин. Делал он это не потому, что кокетничал, а потому что избегал ответственности. Влюбляясь в него, вкусив близости с ним, женщины не хотели расставаться с ним и не могли забыть его. Понимая, что рано или поздно, все равно потеряют его, они шли на обман и рожали от него детей. Ничего не прося взамен, они любили своих маленьких крошек, которые так напоминали его.

Без устали влюбляясь сам и влюбляя в себя красавиц разных национальностей, Джордж хотел, наконец, полюбить. В свои сорок восемь он искал женщину, которая была бы не только красива и хорошо сложена, но была бы близка ему по духу, была бы такой же, как и он непредсказуемой, вольной и чувственной. Ему была нужна умная и верная подруга, с которой, очертя голову, можно было бы бросаться в рискованные предприятия, которая разбиралась бы в тонкостях бизнеса, которая дала бы его карьере новый толчок, с которой можно было бы заработать капитал и уединиться в доме на острове. Он ворочался в своей каюте, потому что такой женщины ему было не найти, ее просто не существовало, она была из области фантастики или кинематографа, порождением его неуемной фантазии.

Джордж Альягас был среднего роста, метр семьдесят с небольшим, но, стоило ему появиться на какой-нибудь вечеринке или официальном мероприятии, он тут же притягивал к себе взгляды. Дело было в его повадке – только он мог так ходить, смотреть, стоять, поворачивать голову, смеяться, говорить и молчать. Он обладал магнетизмом, которому невозможно было противостоять. Слово «магнетизм» употребляется часто не к месту, и употребляющие это слово, порой забывают, что «магнетизм» означает «притяжение». Некоторые люди притягивают к себе взгляды, притягивают внимание, притягивают других людей помимо своей воли. Притягивают физически. Магнетизм Джорджа был даром божьим. Не только женщины притягивались к нему, но и мужчины – у него было много друзей – но, все же, женщины, как более слабые и чувствительные натуры, были подвержены его обаянию сильнее. Еще одно весьма немаловажное свойство натуры Джорджа состояло в том, что притягиваясь к нему, люди испытывали радость, а женщины – возбуждение и даже эйфорию. Он сам ничего специально для своей популярности не делал, часто бывая равнодушен к своему обаянию и одинаково доброжелателен к тем, кто падал в его орбиту.

Магнетизма было бы вполне достаточно, будь он даже уродлив, женщины все равно падали бы перед ним ниц, но, вдобавок к магнетизму, творец и природа наделили Джорджа противоречивой и яркой внешностью. Его крупная голова была вылеплена грубо, но гениально. Высокий, как купол, лоб почти отвесно уходил куда-то ввысь и был украшен неровностями, выпуклостями и изрезан морщинами. Между широкими шелковыми бровями в разлет, залегли несколько глубоких морщин. Короткий нос, расширяющийся книзу, а также две глубокие носогубные складки, сбегающие к уголкам рта, очерчивали на его лице властную, даже жестокую натуру. Губы его слегка истончились с возрастом, и формой своей добавляли его лицу властности, брезгливости даже, но часто, непроизвольно искривлялись, подрагивая в неуловимой усмешке, выдавая очень чувственную натуру. Подбородок у Джорджа был округлый и тяжелый, а скулы – высокие. Черные с проседью волосы вились и были зачесаны со лба назад. Небольшие уши плотно прилегали к голове. Его фигура с широкими плечами, тонкой талией и изящными ногами, с тонкими щиколотками, уже немного обмякла, но форму, все же, сохранила. На мышцах появилась совсем незначительная прослойка жира, смягчающая ненужную угловатость и делающая кожу бархатистой. Впрочем, если Джордж набирал ненужные килограммы, он тут же, без особых усилий, их сбрасывал. Он любил ухаживать за собой и хорошо разбирался в кремах, лосьонах и диетах. Скрывая свои глаза, он постоянно носил черные, почти непроницаемые, солнцезащитные очки фирмы Рэй Бен и курил толстые душистые кубинские сигары.

Итак, ему не спалось, он пересек середину жизни и подбирался к пятидесяти. Его мучили страхи. Времени оставалось не так уж много, ведь жизнь, завязавшись в бутон и обещая стать прекрасным цветком, может так и не распуститься. Иногда ему казалось, что он даром теряет время, растрачивая его попусту в ожидании того, что уже давно должен был найти и иметь. Его дед раскрыл ему однажды секрет бытия, который юный Джордж не потрудился в свое время понять. Мужая и прислушиваясь к диктату гормонов гораздо охотнее, чем к доводам разума, он забыл о том, что когда-то говорил ему дед. Сейчас же, он вспомнил и понял все. «Йоргакис, - учил его дед, - мир устроен так, что все в нем взаимосвязано. Все, что ты видишь вокруг себя связано с тем, что ты не можешь видеть, потому что наша Земля огромна, а космос, включающий нашу планету и множество других планет и звезд, необъятен. И все это, на Земле и в космосе, связано с разумом Господа. Так как все взаимосвязано и привязано одно к другому, а, следовательно, и влияет одно на другое, через малое можно постичь большое. Только для этого надо потрудиться. Если ты выучишь или узнаешь что-либо очень хорошо, пусть даже один только предмет или всего лишь одну вещь, через это знание тебе откроется весь мир».

Джордж ничего не изучил и не узнал досконально. В Университете он учился кое-как, в армии был любовником жены командира части. Он не стал ни адвокатом, ни врачом, потому что эти профессии требуют больших усилий и глубоких знаний. Вместо этого, он занялся торговлей, которая, при сопутствующей удаче, приносит быстрые деньги. Единственный предмет, который он знал очень хорошо, было его собственное тело. Он также неплохо владел искусством любви, хотя нет, Джордж был асом ленивого эротического времяпрепровождения. Но и это ему наскучило, потому что женщины ему попадались не те. Он ждал от своей судьбы новых поворотов, он хотел удивиться, растворившись в объятиях сильной, равноценной ему женщины, он хотел быть любимым и тогда, тогда... его жизнь обязательно раскроется в прекрасный, благоухающий, ласкающий взор, цветок.

Выйдя на палубу, кутаясь в свитер, наброшенный на голые загорелые плечи, он смотрел на остров, едва различимый в утреннем тумане. Все, что ему удалось рассмотреть, был небольшой белый домик на холме и окружавшие его красные пятна буйно цветущих кустов герани. Томясь непонятным предчувствием, он облокотился на поручни, стараясь рассмотреть нечто, возможно, свое будущее в серой воде, неслышно ласкающей борта яхты. Так он простоял, пока первые лучи солнца не позолотили его волосы, плечи, фигуру, потом дощатый пол палубы.

Поручни, на которые он облокачивался, вдруг стали теплыми, он почувствовал, как тепло проникает в его тело, чему-то улыбнулся и вернулся к себе в каюту. Джордж не хотел, чтобы друзья, пригласившие его на яхту, застали его встречающим зарю в беспокойном одиночестве.

Лиза долго смотрела, как первые лучи солнца окрашивают яхту в разные цвета. Наконец, она отошла от окна и снова юркнула под простыни. Необъяснимая надежда пробудила в ней желание. Ее душа пела, а тело изнывало от желания близости с мужчиной. С каким мужчиной, с кем именно, она не представляла, но ощущала чье-то присутствие рядом с собой. Она была по-настоящему, глубоко и возбужденно счастлива. Дивясь тому, что происходит с ней, она пыталась припомнить, переживала ли она нечто подобное прежде. Никогда. Или нет, было, однажды было. Этот, непонятно откуда взявшийся трепет, охватил ее, когда она держалась за теплые перила балкона в Луксоре, в тот вечер, когда она была одна, когда в ней совершалось рождение женщины.

Спать Лиза не могла. Ей нужно было успокоиться, остановить трепетание своего тела, дать выход необъяснимой радости, охватившей ее. В ее сознании зарождалось нечто невероятное, гадкое и, в то же время, возможное. Она встала, тенью прошмыгнула через столовую, неслышно открыла дверь в комнату Мимиса и легла к нему в постель. Мимис храпел, но вдруг проснулся, в испуге глядя на Лизу мутными сонными глазами. Он так часто видел эту несбыточную сцену только в своем воображении или снах, что и на этот раз был уверен – он продолжает спать. Но она потянулась и дотронулась до него. Ее зеленые глаза были прикрыты, губы, как два розовых лепестка трепетали на ветру, руки ласкали его не проснувшееся, неподвижное тело. В распахнутое окно Мимис видел побелевший серп луны и думал, что сейчас умрет. Она должна уйти. Должна пожалеть его. Он желал ее, но не так, не так яростно, не так страстно, не так откровенно.

Когда все было кончено и он остался жив, сознание его, преломившись, потекло вдруг по тому же руслу, в которое он насильно запихивал его, когда сочинял письма Лизе. Оно стало, помимо его воли, поэтическим, нашептывая Мимису сравнения, в обычное время чуждые ему. «Близость с этой женщиной, - выстраивало фразу его сознание, - как красивая и сложная музыка, величественная и, одновременно, радостная. Близость с этой женщиной, - продолжало сознание, - вдохновляет и окрыляет, дарит желание жить. Близость с этой женщиной возносит мужчину, делая его единственным в своем роде». Мимис сел на кровати и на минуту почувствовал себя другим человеком, гораздо лучше, чем он был на самом деле.

Вернувшись к себе, Лиза не жалела о случившемся. Наоборот, она по-прежнему была наполнена радостью и возбуждением. Но это было другого рода возбуждение, оно звенело в ее мозгу из-за того, что она сумела-таки отомстить. За то, что он ее обманул, за то, что унизил в присутствии сына. Теперь она заразила его

на всю жизнь, он уже не сможет найти ни покоя, ни убежища. Язвы его желания будут кровоточить везде и всегда. С Мимисом было покончено, но ее безрассудство продолжалось и она предчувствовала, что сегодня решится еще на один непредсказуемый поступок.

Она спустилась в нижний садик, где Мимис обычно завтракал. Он пил кофе, сидя в кресле за небольшим столиком. Кончик его носа посинел от утренней прохлады и на нем, подрагивая, висела капля. Лиза налила себе кофе и села напротив.

- Что с тобой случилось? Ты перестала ненавидеть меня? – любопытствовал он.

- Не знаю, - уклончиво ответила Лиза.

- Ты сама пришла ко мне. И то, что ты сделала со мной...

- Тебе было хорошо?

- Восхитительно. Я не знал, что так бывает.

- Будешь помнить об этом? А ведь так могло быть всегда, Мимис, с самого начала. Если бы ты был человеком.

- Не ругай меня, давай начнем все с начала. Ты изменилась, подобрела ко мне, я стану другим.

- Подбрела? – ей хотелось подразнить его, поиздеваться над ним. - А разве я злилась раньше? Никак не пойму, дорогой, что вдруг заставило меня злиться на тебя?

- Элиза, поверь мне, тот случай в Пирейской квартире был затмением, сейчас я готов на все ради тебя, - он помолчал немного, дожевывая бутерброд - и ради Игната.

Вероятно, он говорил правду. Завтра он забудет свои обещания, но сейчас он мог согласиться на все. Если бы были готовы бумаги и рядом сидел нотариус, Мимис подписал бы все, что она не потребовала бы от него, не советуясь предварительно ни со своими сыновьями, ни с братьями. Но Лиза молчала. Ей ничего не было нужно от него. Раньше, может быть, когда она была влюблена в его письма, но не сейчас. Сейчас было поздно. Ей очень хотелось, чтобы ее полюбили безрассудно, страстно, положив к ее ногам все, что могло бы ее обрадовать, сделать счастливой. Могло показаться, что ей нужны были материальные блага, но это было не так. Она тоже хотела любить и обрадовалась бы, прежде всего, чувству, но и самому человеку, и его щедрости, разделив с ним и вернув ему сторицей то, что он нашел нужным предложить ей. Ей хотелось стать свидетельницей проявления щедрости по отношению к себе.

- А завтра? – спросила Лиза.

- И завтра, и послезавтра. Сама увидишь, прошу тебя, обещаю тебе! Только не лишай меня того, что я испытал прошлой ночью с тобой.

Лиза могла поверить и остаться, это было нетрудно, легче, во всяком случае, чем осуществить то, что неясно, урывками, возникало в ее мозгу. Но, оставшись, она станет рабыней или превратится в циничную, холодную, расчетливую женщину, которая манипулирует нелюбимым мужем. Нет, эта участь не по ней.

- Сегодня я поеду в Афины. Нужно сделать кое-какие платежи в банке. А вечером отпразднуем наше примирение. Поверь, я вернусь не с пустыми руками.

Мимис собрался и уехал, а Лиза побежала будить Игната.

- Вставай, мы одни до самого вечера. Пойдем на море, поближе рассмотрим яхту.

Игнат подскочил, они быстро позавтракали и отправились на «их» место – пустынный кусочек каменистого пляжа, зажатый между двумя огромными валунами. Обычно Лиза и Игнат взбирались на один из валунов и ныряли с него в море. Вот и сейчас, они устроились на этом валуне и стали рассматривать яхту, покачивающуюся на волнах совсем близко от берега. Вдруг Лиза стала натягивать ласты.

- Я поплыву туда. Мне надо поговорить с ними. Я знаю, нам помогут. Ты сиди здесь и жди меня.

- Я с тобой, - запротестовал Игнат.

- Нет, не волнуйся, ничего со мной не случится. Я скоро вернусь.

Она нырнула и быстро поплыла к яхте. Ее ярко-желтый купальник очень скоро превратился в небольшой кусочек золота, сверкающий в изумрудной воде. Игнат стоял на камне, цепко держа взглядом эту уменьшающуюся золотую точку. На его глазах выступили слезы, так сильно он ощутил желание сделать свою маму счастливой. Он был бесконечно ей благодарен за то, что она была другой, не такой как матери его одноклассников, посвятившие свою жизнь консервированию огурцов на зиму. Большинство этих женщин обрекли себя на жизнь без любви, считая, что так и надо, что большего они недостойны или не заслужили. Ему очень хотелось, чтобы Лиза полюбила и была счастлива в любви. Он совсем не ревновал ее к тому большому чувству, которого желал для нее, испытывая то же самое, что когда-то испытывала Лиза, желая отдать свою красоту за счастье Александры, только что расставшейся с Василием.

Лиза была на полпути к яхте и люди, сидевшие в шезлонгах на палубе, стали обращать на нее внимание, пытаясь угадать, куда плывет эта молодая женщина в ластах. Лиза, продолжая делать длинные гребки, толкая свое тело вперед, начала сомневаться в успехе своего предприятия. А что, если они поднимут ее на смех или, того хуже, вызовут полицию? Но упустить такую возможность было не простительно. Ничего другого, что могло бы выволить их с Игнатом из плена, в ближайшее время не подвернется, и эта безысходность укрепила ее решимость плыть дальше. Дотронувшись рукой до борта яхты, с которой уже свешивалось несколько любопытствующих физиономий, Лиза перевела дыхание и крикнула:

- Мне нужно поговорить с кем-нибудь!

Мужчины наверно явно колебались – она могла стать проблемой, ненужной помехой их мальчишнику, их долгожданному отдыху без жен, невест и подружек. Она могла быть одной из тех ненормальных скандинавок, которые так напиваются по ночам, что на утро забывают названия своих гостиниц и бродят неприкаянные по пляжу, пока кто-то не подберет их для очередной веселой ночи. Но что-то в ее тонком красивом лице и, особенно в ее глазах, умоляющих о помощи, и, в то же время, смотрящих на них твердо и с достоинством, заставило мужчин дрогнуть и помочь ей подняться на палубу. Кто-то протянул ей полотенце и вот Лиза стоит, кутаясь в мягкую плотную ткань, пахнущую терпким мужским одеколоном, и смотрит на незнакомые ей лица, на которых написано не столько гостеприимство, сколько удивление, ирония и предубеждение. Она вдруг растерялась. Ее страдания, негодования и ненависть к Мимису отошли на второй план, а их место занял стыд. Ей стало ужасно стыдно за то, что случилось с ней и ее сыном, за то, что она допустила такое. Что бы она ни говорила и как бы ни объясняла, ее история все равно будет выглядеть банальной. Как рассказать о том, что она поверила человеку, который почти целый год писал и звонил ей, как заставить их поверить в свою

искренность, глупость и неиспорченность? Покраснев помимо своей воли, в поисках нужных слов, она молча стояла в кругу мужчин, терпеливо ожидавших, пока она заговорит. Один из них выделялся из общей компании своим необычным лицом и, особенно, глазами. Держа свои темные очки в руке, он, не скрывая любопытства, внимательно разглядывал Лизу. Его неподвижный взгляд сосредоточился на ее лице и ей показалось, что так может смотреть хищник, готовый броситься на свою жертву. Но она не потеряла самообладания, не поникла и не стушеввалась, напротив, этот взгляд развеселил ее, она приняла его как знак внимания, как вызов, который бросали ей эти янтарно-желтые раскосые глаза. В ней сразу же рассеялась нерешительность и появилась та смесь возбуждения и радости, которую она испытала на рассвете. Сейчас, стоя на палубе, она стала предчувствовать свое будущее, все больше обретая уверенность в том, что оно, это будущее, сложится совсем не плохо. Преодолев, таким образом, свое смятение, она обернулась ко всем остальным.

- Я с сыном попала в беду, - сказала она просто. - Один из ваших соотечественников пригласил нас в гости, но повел себя не совсем гостеприимно. Он держит нас на своей даче без денег. Поэтому у меня нет возможности поменять наши билеты и вернуться домой раньше срока. Остаться здесь нам невозможно, поэтому мне нужна ваша помощь.

Ее короткий, беспомощный монолог вызвал бурю негодования. Надо сказать, что греки не жалуют мужчин, позволяющих себе обидеть женщину. Изменить жене, это другое дело, а обидеть женщину, да еще с ребенком, с сыном в придачу, это, с их точки зрения, поведение низкое и недостойное любого мужчины, а тем более, грека. Им захотелось тут же исправить ошибку своего соотечественника, как выразилась Лиза, и помочь этой красивой смелой незнакомке. Мужчина со звериным взглядом исчез, но, через некоторое время, вернулся и протянул Лизе чек. Той суммы, что была проставлена на чеке, вполне хватило бы не только на два билета, но и на неделю комфортной жизни в Афинах. Потом все было решено быстро – два молодых парня вызвались доставить ее и Игната в город, они усадили Лизу в надувную моторную лодку, затем пересели на джип, ожидающий на стоянке у причала, выбрали Игната и, через три с половиной часа, распрощались с отважной незнакомкой и ее сыном в гостинице в Глифаде.

- Удачи вам, - пожелал один из них, - и еще раз хочу попросить прощения за нашего соотечественника. Но, следующий раз, будьте осторожнее, доверять незнакомым людям опасно.

Лиза не могла согласиться с тем, что Мимис был незнакомым, он был просто подлецом, а сколько не проверяй и не перепроверяй подлецов, они такими же останутся и через десять и через двадцать лет. Родными людьми они не станут никогда.

В эту ночь она спала спокойно. У нее были деньги, которые она не будет тратить, а возьмет с собой, ведь теперь она без работы. На первое время хватит. Рядом, на кровати, ровно дышал Игнат. Любуясь своим спящим сыном, она поняла, что, не желая того, заставила его пройти через испытания. Они возвращались назад несолоно хлебавши, но не беда, в Киеве родные люди, родной кров, где живет ее бывший нелюбимый муж и любимая собака, и это сюрреалистическое существование, с ее точки зрения, будет лучше, чем жизнь с ненавистным человеком, унижившим ее в присутствии сына. В ту ночь ей снились красивые сны, яхта в огнях и тот красавец с раскосыми рысьими глазами. В какой-то момент, уже

во сне, а не наяву, она почувствовала то же пронзительное счастье, что дважды испытала прежде неизвестно от чего. Будучи уверенная в своих силах, Лиза мечтала в один прекрасный день встретить кого-то под стать себе, с кем было бы нескучно коротать время до старости, а там и до смерти. Кто был бы непредсказуем, весел, храбр и, одновременно, нежен. Александра выругала бы ее за такой подход к жизни, назвав ее безответственной. Лиза и сама знала, что с тем, о ком она мечтала, семьи не построишь, но, как на зло, там, на яхте, она тут же узнала его. Это знакомство останется драгоценным камнем лежать у нее в душе, она никому о нем не расскажет. Да и что можно рассказать? Как она смотрела на яхту из окна дачного домика ранним утром и непонятное, необузданное счастье захлестывало ее, как потом, что-то толкнуло ее плыть к яхте, отчаяние, конечно, и как потом она увидела на яхте его? Кого? Его имени она не спросила, но позже, прочитала на чеке, который лежал у нее под подушкой - Йоргос Альягас. Красивое имя, что-то испанское есть в нем, что-то старинное, что-то от жарких узких улочек, покрытых белой пылью, сбегających к морю, где в порту стоят на якорях груженные товарами корабли, готовые отплыть в дальние странствования, на которых суетятся купцы, отдавая последние распоряжения. Йоргос Альягас станет ее тайной. Она наверняка его больше никогда не увидит и будет молчать, разве что изредка вспомнит о нем и пожалеет, что жизнь не удосужилась свести их вместе.

Мимис, тем временем, сидел в своем садике на даче и курил. Это была первая сигарета за последние три года, последний раз он курил на поминках своей жены. Вернувшись с корзиной цветов, он нашел свою хижину у моря пустой. Ни Лизы, ни Игната, ни их вещей. Мимис гадал, как они могли улизнуть, ведь они никого на острове не знали. Если и выходили за калитку, то только под его присмотром. На разошедшемся грунте перед домом, он заметил отпечатки широких шин, скорее всего от джипа. Но джипов на Эгине было полно, их тут давали напрокат. Все это было странно и нелепо.

- «Шлюха», - прошептал Мимис с ревнивой ненавистью. Теперь все становилось сложнее для него. Он, конечно, не станет искать ее через полицию, их расспросы ему ни к чему. Он позвонит через пару дней ей домой, в Киев, и изобразит удивление. Если она не захочет с ним разговаривать, он будет звонить, пока она не сдастся. Мимис свято верил в то, что рано или поздно, она приползет к нему. Он будет ждать. После побега, ей придется несладко, без работы, с ребенком. Он будет ждать смерти своей жертвы как стервятник на ветке, с затаенной радостью наблюдая за ее агонией и судорогами. Когда она дойдет до крайнего предела отчаяния, она будет принадлежать ему, и на этот раз, навсегда. Он женится на ней. А пока, он будет звонить, писать, может быть, начнет звонить ее матери, объяснит ей свою растерянность и пожалуется на то, что дочь ее поступила гадко, он, мол, со всей душой, а она взяла и уехала, не попрощавшись. Ему хватит лицемерия убедить Александру в том, что Лиза очень эмоциональна, а подчас, неуправляема, что ей нужен именно такой муж, как он, намного старше, многое переживший, с благородным и щедрым сердцем, кто мог бы позаботиться обо всей семье. Потому что, если он этого не сделает, ему конец. После того, что произошло на исходе прошлой ночи, он уже никогда, никогда не сможет ни забыть, ни отказаться от нее, ни представить, что она принадлежит кому-то другому. Уж лучше сразу в психушку.

Мимис со злостью пнул ногой корзину с цветами. Он выбрал это бело-розовое благоухание для той, которой принадлежало тело, превратившееся для него в смысл его существования, в некое языческое божество, которому он готов был поклоняться

с утра до вечера, а, тем более, ночью. Обладательницу этого тела он люто ненавидел за то, что она оказалась своенравной и упрямой. Но ничего, он еще возьмет свое, он ведь тоже упрям. Упрям и стар, спешить ему некуда. Его лицо превратилось в маску: кончик его носа почти касался верхней губы, глаза потухли, щеки обвисли. Мимис был уродлив и несчастлив.

Глава 41.

В чреве необъятной тоски.

Подлетая к Бориспольскому аэропорту и рассматривая, с высоты птичьего полета, знакомые тополя и неопрятно нарезанные лоскуты земли под посевами и огородами, Лиза вдруг очнулась. Последние недели ее мысли были направлены на то, как освободиться из плена, в котором она оказалась по своей воле, как спасти Игната, которому пришлось пережить столько разочарований. Еще вчера, она казалась себе героиней, бесстрашно плывущей к яхте, а сегодня, сейчас, в ней уже во весь голос стенала вина. Не только перед Игнатом, которого она познакомила не с тем, совсем не с тем человеком. Мечталось представить ему заботливого и полного достоинства человека, а вышло совсем по-другому – Игнату пришлось защищать ее от насилия того, кто обещал «встать рядом». Друзья, родственники, Алексей будут наверняка спрашивать его о впечатлениях. Как и что он расскажет о своей поездке в Грецию? Если скроет правду, ему придется лгать постоянно, выдумывая счастливые моменты и веселые приключения., которых не было.

Что скажут Александра, Анна и Марго? Они все, так или иначе, связывали свое будущее с ее устройством. Александра была против этой поездки, но отпустила ее, уповая на удачу и не имея сил противостоять упрямству своей дочери. Анна? Анне всегда хотелось, чтобы Лиза нашла свое счастье, а, главное, чтобы нашла себя и чтобы утвердилась в жизни, а потом и семья прилепится. Марго сделала ей паспорт, в обмен на обещание пристроить свою дочь. Теперь все рухнуло. Она больше не собирается возвращаться туда, в Афины, а это значит, что все надежды и мечты, связанные с другой, новой жизнью, исчезли. Испарились. Она прилетела с пустыми руками, без цветов и без подарков. Чем же была ее поездка? Оплошностью? Просто оплошностью? Как она объяснит, что этот человек оказался совсем не тем, кого она знала по письмам, что случаются такие метаморфозы с людьми, что никому нельзя верить. В ответ она, конечно, услышит: «Мы же тебе говорили!».

Когда Лиза предъявила паспорт на контроле, пограничник, проверяя даты на ее визе, спросил:

- Что, не понравилось?
- Понравилось, но надо домой.
- И правильно, дома лучше, - ухмыльнулся молодой прапорщик.

Он улыбнулся, а за Лизиной спиной вдруг стала со скрипом закрываться невидимая дверь. Ей уже не вырваться. А что делать здесь, ведь она теперь без работы? Алексей прокормит? На его нищенскую зарплату особенно не проживешь. Пока ехали в автобусе домой, только один вопрос бился в Лизином, в пульсирующем

от безысходности, мозгу: «Что делать? Что делать? Что делать?». Ответ не приходил, не формулировался, не появлялся. Она не могла ни нащупать его, ни даже приблизиться к нему, потому что не понимала, где он, этот ответ, может быть. Ответа просто не было. Его не было на свете, он еще не родился, и, вероятно, никогда не родится. Лиза очень внятно поняла, что ее приключения окончены. Настало время расплаты за оплошности, которыми обернулись ее приключения.

Два дня спустя она сидела на диване и читала письмо. Канадский министр, с кем она переписывалась последние два года, обмениваясь не длинными, но очень искренними весточками, писал, что ему известна ситуация на Украине. Его честь рассказывал Лизе о том, что закрываются предприятия, производившие ранее товары союзного значения, о том, что тысячи людей каждый день оказываются на улице, что исчезают продукты питания, что в ближайшем будущем все будет только хуже. Он предлагал ей подумать о переезде с сыном в Канаду. Работу для нее он гарантирует, они ни в чем не будут нуждаться, а что касается безопасности, он берет их под свое крыло. В случае, если она решит положительно, в Канадском посольстве, в Москве, ждут ее телефонного звонка.

Лиза плакала. Она не спрашивала себя, стоит ли ей верить этому человеку, она ему верила. Но так далеко? Ехать на другой конец света? Надо решаться. Это второй шанс, который ей посылает Господь. Все, что было до сих пор, было не правильно, надо все перечеркнуть, забыть и ухватиться за эту новую мечту и возможность. Только вчера еще казалось, что все кончено, а вот, нате вам, и помощь и предложение. Письмо пришло, как от самого Господа Бога. Лиза тут же позвонила в посольство, ей сказали, что о ней знают, что незамедлительно вышлют документы, которые ей надо заполнить, и ждут ее на собеседование. Ей не придется стоять в очередях и ждать полгода ответа, решение касательно нее и ее сына будет принято сразу же после собеседования. Голос в трубке, правда, сделал оговорку, предупредив, что ее ребенку нужно разрешение от отца. Без такого разрешения собеседование состояться не сможет.

Все, вроде бы, хорошо. Ее ждут, о ней знают, она на привилегированном положении. Но как же ей получить разрешение от Алексея? До сих пор, так вопрос не стоял. Она уезжала с Игнатом в Грецию на время, на каникулы. Как поведет себя Алексей сейчас? Станет ли препятствовать ей? Он, конечно, догадывается, что если она вернулась раньше срока, значит, что-то не сложилось. Он же желал ей счастья, отпускал на все четыре стороны, терпеливо сносил все ее попытки стать счастливой, а она предала его ожидания, не осуществила его пожеланий, не сумела сделать ни себя, ни их сына счастливыми. Вернулась несчастная, ни с чем. Значит, она сама ничтожество, только мнит о себе много. Значит с ним все в порядке. Он не неудачник, он – как все. Лиза заметила, что Алексей держит себя теперь по-другому – ходит петухом, а ей приходится прятать унижение и стыд в глубине своих глаз. Если бы он меньше ей завидовал, он меньше радовался бы ее поражениям. Ей хотелось видеть в нем друга, а он считает ее сумасбродкой, чьи выходки ему стали надоедать. Она теперь без работы, что ему стоит пойти в суд и заявить, что его бывшая жена не имеет средств содержать их общего ребенка, что она авантюристка, поведение которой наносит ущерб психическому здоровью их сына? У нее тут же отберут Игната.

Вечером она решила поговорить с ним. Игнат смотрел телевизор, а Лиза и Алексей остались на кухне. Она смотрела на своего бывшего мужа с неприязнью, не зная, чего ожидать от него, чувствуя, что манипулировать им, как прежде, она не может. Всем своим видом он пытался показать ей, что она никчемная дуреха, проигравшая что-то важное в жизни, и теперь он всему здесь голова.

- Ну что, может, расскажешь правду о том, что случилось в Греции? Почему ты вернулась, как побитая собака? Что, не пригодилась? – в голосе Алексея явно слышался пренебрежительный тон.

- Алексей, если ты хочешь разговаривать, давай будем делать это по-человечески. Не оскорбляя друг друга. Знаешь, иногда что-то не нравится, в чем-то разочаровываешься, независимо от секса. Иногда секс даже не присутствует в отношениях, ему просто нет места потому, что время еще не пришло, но и без него что-то не устраивает и ты меняешь свое решение и свои планы.

- Так ты изменила свои планы?

- Да, и хотела с тобой поговорить об этом.

- Быстро же ты! А деньги у тебя есть на новые планы?

- Найду.

- Где же ты их найдешь? По нынешним временам они на дороге не валяются.

- Они никогда на дороге не валялись и не тебе меня учить, как деньги зарабатывать, - вспыхнула Лиза. Она смотрела в Алексеевы маленькие глазки под широкими бровями и ее охватывала неопишуемая гадливость. В их семье настоящие деньги всегда зарабатывала она, а он приносил незначительную сумму, которой хватало разве что на карманные расходы. А сколько раз до сегодняшнего дня он отказывался от нее, разменивая их брак на ее призрачное счастье только потому, что у него самого кишка была тонка сделать ее и сына счастливыми и обеспеченными? Счастье за свой счет, он-то сам никогда не приложил усилий...

- Разговор сейчас не о деньгах, - Лиза вынуждено смягчилась, памятуя о том, что ей нужно получить от него разрешение.

- О чем же?

- Меня приглашают на работу в Канаду. На постоянную работу. С Игнатом.

- Очередная авантюра. Ты хоть отдаешь себе отчет, где Канада?

- Далечно.

- И ты хочешь тащить Игната с собой?

- Да. Без него я не поеду.

- Ты можешь делать все, что тебе вздумается, а Игнат останется здесь.

- С кем же он останется? Ты ведь никогда особенно не горел желанием его воспитывать?

- С моими родителями будет жить.

- Ох, нет. – Лизе стало дурно от одной мысли, что Игнат попадет к этим жирным карпам, в царство советских идеалов и пайков.

Она пыталась найти выход. Встав из-за стола, она стала разогревать чайник. Это будет уже третья чашка чаю, но ей надо было отвлечься, не смотреть на обрюзгшее, некогда красивое лицо Алексея. Перед ней сидел мужчина, который ненавидел ее, и она не могла пробиться через эту ненависть, не могла найти ни одной, даже самой малюсенькой лазейки, через которую она могла бы просочить свою волю. Все было наглухо замуровано. Лиза снова вернулась к столу.

- А ты не хочешь поехать в Канаду? Устроишься там, будешь работать. Здесь-то ты уже закончил, как я понимаю, со своим комсомолом.

- Что, и меня там ждут? Ты, наконец, замолвила словечко за своего муженька? – съерничал Алексей.

- Нет, но замолвлю, если хочешь.

- Что ж, на этот раз ты решила и меня взять с собой? Все никак не разлюбишь?

- Мы договоримся. Ты даешь бумагу, что не возражаешь, что ребенок будет со мной. Мы едем в посольство Канады, проходим собеседование и выезжаем как семья. Там мы расстаемся, но бумага остается со мной.

- А почему ты так уверена, что нас утвердят? Люди вон годами ждут.

- Не волнуйся. Это моя забота.

- Опять, небось, хахаль какой хлопочет?

- Кто-то хлопочет, но не хахаль. Мы ведь договорились разговаривать вежливо.

Ну что, ты согласен?

- Я подумаю.

Лиза тоже думала. Она решила ничего не говорить ни Игнату, ни родителям. Получит разрешение на выезд, тогда и скажет.

Алексей согласился. Ему и, правда, нечего было ожидать в плане карьеры в родной неньке-Украине, потому что завод, на котором он работал уже какой месяц без зарплаты, до великих перемен, что приключились с Советским Союзом, производил оборонную продукцию, а также, кое-что для космоса. В мгновение ока, и оборона, и космос стали исключительно российскими, а Украине надо было начинать все с нуля. А это дело долгое, может растянуться на долгие годы, а то и десятилетия. Английского Алексей не знал, но надеялся на Лизу. Она собеседование вытянет и в дороге не бросит, а там он будет делать все так, как делают эмигранты из Украины. Говорят, в Торонто большая украинская община, у них потихоньку всему научится. А если что получаться не будет, ее найдет и попросит подсобить. Не откажет, небось, побоится.

В Москву отправились вдвоем, присутствие Игната на собеседовании было не обязательно. Сентябрь подходил к концу, но дни стояли теплые. На московских улицах торговали яблоками с лотков, шуршала под ногами пыльная листва, на Арбате предлагали матрешек с узнаваемыми лицами и пели блатные песни под баян.

Посольство Канады располагалось на тихой улочке. Около входа толпилось несколько человек, все с документами. Скоро всех пригласили внутрь и попросили заполнить новые анкеты. Через полчаса Лизу и Алексея вызвали и провели в комнату, которая напоминала библиотеку. По стенам, до самого потолка, поднимались книжные полки. За матовыми, с нарезными узорами стеклами, неясно виднелись разноцветные корешки книг. У окна стоял большой письменный стол, посередине комнаты – журнальный столик и кожаные кресла. В углу, на деревянной подставке, высился глобус. Континенты на нем выглядели как некая вязь из охрянно-красно-коричневых узоров, а водные просторы были не голубыми как водится, а темно-зелеными.

Некоторое время Алексей и Лиза оставались одни, они молчали. Сидя в мягком кресле, Лиза вдруг поняла, что комната хоть и уютная, но чужая, и что из задуманного предприятия ничего не выйдет. Не выйдет по двум причинам: во-первых, у нее нет сильного желания ехать, она не понимает, не чувствует Канаду, не любит. У нее нет повода ехать туда. Нет любви. Если быть до конца честной с собой, обстановка в Украине не повод, а если и повод, то ехать надо не туда, не в Канаду.

Эта страна далекая и холодная, к тому же, там нету того красавца с раскосыми рысьими глазами. Последней своей мысли Лиза ужаснулась, даже вздрогнула. Никому, никому никогда не признаваться в этом! Она ставит благополучие и будущее своего единственного ребенка на одну доску с чьими-то раскосыми глазами! Это неправда, она не так легкомысленна, не так поверхностна. Просто ничего не зовет, не толкает ее туда. Во-вторых, ничего не получится из-за Алексея. Министр не знает, что она приедет со своим бывшим мужем и не ждет его. Муж, пусть даже бывший, его не устраивает, ему не нужны осложнения. Лиза не позвонила ему и не сказала, что на собеседование поедет вместе с мужем. Зачем? Авось, пронесет. Да и что ему объяснять? Что у нее не было выхода? Если бы она не пригласила Алексея ехать вместе, не получила бы его согласия вывезти Игната. Но это были ее проблемы, министр и так делал все, что мог. Он хотел ее видеть, хотел по-человечески помочь, беспокоясь о том, что ситуация в Украине настолько плачевная. А этот тупой, дебил Алексей никогда собеседования не пройдет. Ну, и не надо.

Появившееся официальное лицо начало задавать стандартные вопросы. Отвечала на все вопросы Лиза. Отвечала без выражения. Ее английский был безупречен. Официальное лицо мялось, но, все же, задало после некоторого колебания, последний вопрос.

- Вы настаиваете на том, чтобы выехать всей семьей?

Алексей вопроса не понял. Лиза долго молчала, но потом коротко ответила.

- Да, настаиваем.

Официальное лицо отлучилось.

Ожидая решения, Лизе захотелось подняться и уйти. Все было и так ясно. Официальное лицо сейчас связывается с министром и спрашивает, что делать с бывшим мужем. Понять, что иного выхода у нее не было, у них не хватит ума. На самом деле, все не сложилось, потому что эта авантюра ее не захватывала. Ее воля на этот раз не двигала людьми и событиями. Она могла выйти в коридор, оставив Алексея одного, могла все объяснить официальному лицу, могла попросить помочь ей, в последнюю минуту зарубив выезд для Алексея под каким-нибудь предлогом. Они знают как, они умеют это делать. Могла бы завязаться целая интрига и было бы интересно все довести до конца, сыграть так, как того требовали правила интриги. Но воли затевать игру не было. Она согласилась пройти через это глупое собеседование просто потому, чтобы потом ни о чем не жалеть.

Вернувшееся раздосадованное официальное лицо объявило приговор.

- Такие специалисты как вы, мадам, нам очень нужны. Но, если вы настаиваете ехать со своим бывшим мужем, мы вынуждены вам отказать. К сожалению, он не владеет ни языком, ни интересующей нас профессией.

На улице уже было темно. Брели наугад, куда-то к центру. Купили два куска пиццы в ларьке, сели на лавочку и стали есть. На куске непропеченного теста не было ничего кроме лука и не то сметаны, не то плавленого сыра. Лизу окутывал очень теплый, но совсем чужой вечер. Время вдруг остановилось. Она посмотрела вокруг себя и отчетливо поняла, что она существует в данную секунду в Москве, что под ней лавочка из дерева, что бульвар, на котором стоит эта лавочка из дерева, почти безлюден, что рядом с грязным киоском, из которого торгуют кусками пиццы и пивом, валяются пустые бутылки. Она увидела все это со стороны. Себя и Алексея, наклеенных на темноту бульвара. Дверь, которая со скрипом начала закрываться в ее воображении по приезде из Греции, с грохотом захлопнулась.

Лиза смотрела на свои руки и не узнавала их, это были чьи-то чужие руки, ее охватил страх и удушье, потом все вспыхнуло ярким светом и на смену страху пришла беспричинная радость. Ей хотелось что-то сказать, пообещать, что все будет хорошо, но эйфория так же быстро прошла, как и страх, еще ближе подтолкнув ее к краю пропасти. Лиза полетела вниз, у нее захватило дыхание, ей было снова страшно, она готова была закричать, а дна пропасти все не было и не было. Внезапно, падение было прервано и ее, как на качелях, подбросило вверх, но потом она снова рухнула вниз. Сколько это длилось, она не знала. Падая, а потом взмывая куда-то ввысь, она продолжала быть в сознании, сидела, не отрывая глаз, от куска пиццы, зажатой в руке. Ее лицо покрылось крупными каплями пота, слабость, охватившая немотой ее тело, не давала ни двигаться, ни дышать. Надо было совладать с дыханием. Дышать маленькими глоточками, как иногда пьют воду. Лиза смотрела на вечернее московское небо, на звезды, и ей, вдруг, очень захотелось молока с медом. Ей подумалось, что тот незнакомец с рысьими глазами непременно принес бы ей молока с медом. Ей хотелось в Грецию, на остров, вместо звезд ей привиделись огоньки на яхте. Лиза поняла, что она больна, что разум изменяет ей, что ей все безразлично, что реальность вокруг нее застыла и не хочет двигаться, что она живет в безвоздушном пространстве, где нет ни звуков, ни вкусов, ни запахов, где нет вообще ничего, кроме темного и влажного чрева необъятной тоски. С этих пор, в глубине этого чрева, скорчившись в маленький комочек, Лиза будет задышаться в ожидании очередного приступа.

Глава 42.

Милый гадкий старичок.

«27.08.1991.

Господи, я опять взялась за дневник!

Мое существование сопровождается навязчивым звуком, похожим на монотонный и устрашающий свист бомбы, которая вот-вот коснется земли и со страшной силой разорвется. Когда я услышала этот свист впервые, не могу сказать, мне кажется, я слышу его уже давно.

Тогда, два года назад, я любила и была любимой, и, хотя, все было заранее несбыточно, чувство было счастливое. Оно давало силы и болезнь победить, и Богу молиться, и ждать, бесконечно долго ждать, коротая любовью ожидание от одного письма до другого. Что же сейчас? Я не люблю и не любила человека, от которого сбежала, никогда. Я пыталась его полюбить, но не смогла. Так хотела иевырваться отсюда, что думалось: «стерпится-слюбится». А вот, поди ж ты, не стерпелось и не слюбилось. Видно, не очень-то моему сердцу прикажешь. Может статься, я просто дура. Все возможно.

А он, нелюбимый, звонит и пишет...

Очень тяжело жить без влюбленности. Что такое влюбленность? Опьянение? Наркотическая зависимость? Возбуждение? Некоторые хотят напиться, некоторые влюбиться. По сравнению со всем остальным, влюбленность не так вредна для здоровья. Плохо, когда ее нет. Что я чувствую, когда влюбляюсь? Вибрации. Я начинаю вибрировать в такт музыке, которая заполняет всю меня до самой

макушки. Меняется и расширяется картинка обзора – что-то лопается и раздвигается, позволяя увидеть будущность. Хочется достичь, дотянуться до этой будущности, иными словами, хочется жить. А не так, как сейчас. Никак. Дни проходят и нет настроения ни за что братья. На лице маска страдания со скорбной складкой между бровями или полного безразличия с той же складкой. Я хожу, сгорбившись, и живот торчит вперед. Каждый день, паутиной опутывает старость и в зеркало смотреть незачем. Один и тот же халат и один и тот же суп. Зачем я ем? В горле появилась какая-то гадость и иногда просто дурно. Надо бы устроиться на работу, но, кажется, что там, в окружении людей, я просто потеряю сознание.

А вдруг это уже все, финал? Сколько мне там осталось прожить? И в этом отрезке будет только пустота, ни любви, ни приключений, ни страсти, ни страданий. Временами, глядя на себя со стороны, я бываю ошеломлена тем образом жизни, который веду: кров делю с бывшим мужем, который мне отвратителен, два раза в день мне звонит любовник из Греции, которого я ненавижу, очередное сегодня вырастает из умершего вчера и ничего не меняется. Только театр абсурда, прописавшийся по моему адресу, процветает. Каждый день аншлаг.

Завершая беглый обзор моего существования, следует добавить, что уже давно, упорно и истерично болеет Александра. Ей не хватает воздуха точно так же, как тогда, в первый год после развода. Правда, она больше не срывает занавески с окон. Нету больше ни страстности, ни гнева, порождаемых надеждой. Осталась только болезнь. Никто не знает, чем она больна. Ее одиночество, годами закупоренное в ее сознании, как в бутылке, вдруг вырвалось наружу, творя с ее телом невероятные, невообразимые вещи, нарушая функционирование то одного, то другого органа. Никакой последовательности нет, врачи говорят, что это нервы. Она с трудом добирается до школы, иногда путая номера троллейбусов. Страшно и смешно, что мы сошли с ума одновременно.

О чем еще написать? Десять дней назад в стране был совершен и через два дня подавлен военно-партийный переворот или, как его теперь называют – путч. Бывшие партийцы и гагэбисты организовали ГКЧП и решили вернуть страну в прошлое. Мне было очень страшно, я не отходила от телевизора, плакала потом, когда смотрела митинг победителей. Расходую свои эмоции как все нормальные люди, плачу от умиления, что народ победил кровавый партийный режим. Правда, мой растерянный разум все же восторжествовал над эмоциями. Ничего не изменится. Поменяли фигуры, как в шахматах, черные заменили белыми, а поле осталось тем же. А поле-то это – матушка-Россия, тяготеющая в силу своих размеров, к великодержавности. Ясные умы затягивает, как в трясины».

* * *

«Милая моя беглянка!

Октябрь, 1991-го года.

Наконец-то, мы поговорили с тобой по телефону.

Итак, ты приняла решение больше никогда не возвращаться ко мне. Ты дезертировала. Такие понятия как любовь, нежность, доброта, преданность, сострадание, наконец, ничего не значат для тебя, так, пустой звук. Ты пользовалась ими до тех пор, пока тебе это было нужно. Потом ты раскрылась, показав свою

истинную сущность, выплюнув из себя свое нутро. Конечно, ты должна была, хоть как-то, обосновать свое бегство. Так вот: ты предстала грубой и циничной шлендрой, попирающей все принципы морали. Но я понял одно: решение разорвать со мной было принято тобой давно.

Я, дорогая моя, научился принимать то, что не могу изменить, без истерик, но не буду скрывать, чувства мои задеты, мне больно, очень больно. С другой стороны, если твое решение бесповоротно, все, что я собираюсь написать, никому не нужно, просто мусор. Я мог бы наговорить тебе гадостей и наши красивые отношения были бы окончательно испорчены, но я хочу раскрыть тебе глаза на правду. Только моя правда не будет иметь ничего общего с твоей правдой, с твоими лживыми, выдуманными историями.

Если бы кто-то посторонний услышал тебя, что бы он подумал?! Что я – лицемер, извращенец и безответственный негодяй, который нарушил все свои обещания, который предал свою возлюбленную, предложив ей недостойную ее жизнь, в которой нет ни целей, чтобы к ним стремиться, ни мотивов, чтобы ее вообще прожить. Псевдо-романтичный, похотливый любовник с неестественными, грязными поползновениями, контролирующей каждый ее шаг и вздох, маньяк, тот, кто захотел ее использовать, тот, кто хотел всего, не дав взамен ничего. Как ты могла иметь что-то общее с таким выродком, как я?! И как тебе повезло, что ты, наконец, от меня избавилась!

Знаешь, что я тебе скажу? На все твои капризы есть только один ответ: «Если бы я был молод!» В чем еще я могу себя упрекнуть? Ты знаешь моих друзей, которые любят и уважают меня. Получив соответствующую подготовку, всю жизнь я прослужил в военно-воздушных силах, три года за границей, я путешествовал, я повидал мир. И что же? Вся моя вина в том, что я полюбил и посмел размяться, что смогу изменить свою жизнь, взяв под крыло тебя с сыном. Правда, мои друзья раскусили тебя с самого начала, они всегда отговаривали меня от каких-либо отношений с тобой, указывая мне на мою легкомысленность и на то, что я закрутил любовь с молодой обаятельной разведенкой. Но, видя, как я очарован тобой, они смирились и приняли нас в свой круг.

Элиза, если тебя что-то не устраивало, мы могли бы поговорить как люди, все обсудить в спокойной обстановке. Если бы мы поженились, я бы пошел работать, нашел бы занятие для себя. Ты бы работала. Игнат учился бы в самой лучшей школе. Мы смогли бы отложить кое-что для его последующей учебы за границей. Право! Ты производишь впечатление избалованной женщины, которая может жить только на вилле с бассейном.

Ты обвиняешь меня в том, что мы не можем жить в нормальных условиях, что моя квартира в Пиреях напоминает трущобы, что я продал школу, что на самом деле мне больше ничего не принадлежит. Это неверно, я кое-что утаил от тебя – мне принадлежат два очень привлекательных надела земли, на одном из которых мы могли бы построить наш будущий дом. (Если бы ты не сбежала, конечно).

Ты что думаешь, я не помню, как ты предложила мне жениться на тебе на второй неделе своего пребывания в Греции? Ты приехала к знакомому, а нашла мужа! Ха-ха-ха! Я-то, дурак, поверил тебе, думая, что приехав второй раз уже с Игнатом, ты захочешь попробовать себя в роли моей будущей жены, разделив радости и печали моей стариковской жизни.

Если бы ты спросила меня прошлым летом, что бы я сделал, если бы ты, в один прекрасный момент, бросила меня, я бы ответил: «Убил бы тебя». Именно это,

моя любимая, я и делаю сейчас. Оскорбляя и принижая тебя, я убиваю нашу любовь. Не представляю себя более гадким.

Теперь о моих домогательствах. Да, я всегда, с самого первого взгляда хотел тебя больше, чем слепой хочет увидеть свет. Но не кажется ли тебе, что это ты меня всегда соблазняла, будучи моим искусным учителем в эротических утехах? Мы оба, в одинаковой степени, наслаждались физической близостью. Помнишь то раннее утро на Эгине? Твоя непостижимая женственность, и жадная до удовольствий молодость, пробудили во мне желания, о которых я уже и не мечтал. Как ты можешь называть мои желания грязными? Любовь и страсть всегда шли рука об руку в нашем союзе, но мы также ценили умную беседу, мы прекрасно понимали и дополняли друг друга. Как ты могла отказаться от таких отношений? Я глубоко разочарован и смущен.

Но, Господь с тобой,
Мимис.

P.S. В моем подсознании скрывается вопрос: «А может быть, ты права? Права, как всегда?» Это – твой стиль, ты – женщина».

* * *

«20.12.1991.

Скотский год. Все вокруг болеют и медленно умирают. Слово «смерть» стало большим и я опять стала его бояться. Меня вконец доконали мои трясучки-задышаловки и я решилась пойти к врачу. Завтра будут готовы анализы крови. Мне страшно, а вдруг? Чернобыль уже наносит свои удары. Господи, только не это и только не сейчас. У Игната температура 39,5. Грипп. Я еле ползаю, потому что пью антидепрессанты: сначала меня трусит, потом очень хочется спать, и, конечно, через силу тащишься, чтобы заварить Игнату чай. Забаву все время тошнит – вчера я дала ей немного колбасы, которую продают в гастрономах для людей.

Алексей все утро принимал ванну, правда, перед этим он сходил за молоком, сейчас дают по два литра в одни руки, а после ванны, благоухающий и посвежевший, настаивал на том, чтобы заняться любовью. Он собирался на прием по случаю окончания каких-то, никому не нужных, курсов. Он полагает, что полученный им диплом возвысит его в моих глазах. Я ему сказала, что на этот раз брошу его без сожаления. Толстокожий тюлень! Через час пришла врач к Игнату, потом Витька принес деньги, я продала его молодой жене шубу, которую в прошлом году привезла из Греции. Витька – мой бывший однокурсник. Прошлись вокруг дома, полчаса погуляли-поболтали. Тоже мне, дамский угодник! Сейчас он весь в делах и в своей новой влюбленности... в меня. Кто бы мог подумать? Я тут еле ноги таскаю, но его чувства мне не неприятны, они возымели определенный, пусть чисто терапевтический эффект. В прошлом веке, Жозефина писала в своем дневнике: «Я настолько беззащитна в этой жизни, что мне нужны двое мужчин». Если она чувствовала себя беззащитной с Наполеоном и ей нужен был еще кто-то, то, что говорить обо мне? В нашей стране, только что выпроставшейся из смиренной рубашки советского режима и не знающей, куда податься, мне нужны, по крайней мере, трое-четверо мужчин, чтобы чувствовать себя вполне защищенной,

присмотренной и любимой. Все дело в том, что четверых у меня нет, а есть один, Мимис. Мой старенький Мимис. Да, я не бросила его, не смогла. С чего это я так подобрела? Болезнь обязывает, на себя надежды мало.

Он так переживает последнее время, что у него поднялось давление. У меня, правда, тоже. Но не из-за него. Я плохо переношу лекарства. Мне колют АТФ, сосуды в голове аж звенят и я реагирую на окружающую меня действительность явно неадекватно. Вчера врач сообщила мне, что мои трясучки, вероятно, на всю жизнь и надо к ним относиться спокойно. Мне также сказали, что надо быть счастливой, много плавать и научиться расслабляться. Вот я и поеду весной снова на остров, предварительно выйдя за моего старичка замуж. Кажется, моя память опять игает со мной в кошки-мышки, прямо от меня правду о Мимисе. Его письма меня завораживают. Опять...

Но я помню, что поклялась Игнату кое в чем. Мы сидели прошлым летом на нашем камне у моря на Эгине и я сказала ему:

- Никогда не вернусь больше к этому человеку. Только если война подожжет мне пятки.

А разве это не война? Уже дают только по два литра молока и то, надо выстоять несколько часов в очереди. Масла, яиц, сахара нет вообще. Игнат с температурой 39 мечтает о фруктах. Его знобит, а я не могу сидеть рядом и держать его за руку, потому что боюсь заразиться. Мне кажется, что сейчас такой температуры я не вынесу. Господи! Помогите и спасите нас!

Я буду вести этот дневник до весны, это поможет мне».

* * *

«Дорогая Александра!

Ноябрь, 1991.

Первые слова к Вам – я желаю Вам наибо́льшего и полного выздоровления.

Помню, Вы сказали мне по телефону прошлым летом, что, хоть и не знаете меня, доверяете мне свою дочь и внука на два летних месяца. Я ужасно сожалею о том, что все мои старания сделать их счастливыми ни к чему не привели. Элиза повела себя более чем странно, но не будем об этом...

Хотел испросить Вашего позволения оставаться членом Вашей семьи и помогать, чем смогу. Не лишайте меня роли, которую я с радостью исполняю на протяжении последних двух лет.

Мне всегда хотелось познакомиться с Вами и Вашей мамой лично и засвидетельствовать Вам свое почтение. Еще раз прошу прощения за то, что похитил у Вас прошлым летом Вашу дочь и внука. Хотел, но не сумел им угодить. Надеюсь увидеть Вас и при встрече объяснить причины своей неудачи, рассказать, где оплошал.

С Вашего позволения, искренне Ваш,
Д. Загкос».

«Дорогая Элиза!

Я как зверь, пойманный в клетку своей судьбы. Я не могу больше повелевать, дергать за веревочки, не могу даже помочь тебе, зная, что ты нуждаешься в помощи, как никогда. Ты лишаешь меня этой возможности сама – ты уничтожила меня, вывела из состава своей семьи и выдавила из себя.

«Освободимся друг от друга навсегда!» - сказала ты. А я не добавил в ответ: «Давай останемся друзьями», потому что мне эта фраза не нравится. Спроси свое сердце, готово ли оно забыть меня? Но ты слишком горда! Твоя гордыня накажет и оставит тебя ни с чем – тебя и всю твою семью. «Моя бабушка очень больна», - сказал мне Игнат по телефону. Дорогая, чего ты добиваешься?

Я хочу, чтобы ты снова стала моей девочкой, такой, какую я полюбил два года назад. Тогда ты была воплощением мечты, да что мечты, всех романтических грез! Господи, но что с тобой стало? Всегда спрашивал себя, не скрывается ли за этой ангельской внешностью расчетливая и циничная фурия? В тот момент, когда я поверил тебе, подумав, что жизнь, наконец, улыбнулась мне, ад разверзся у меня под ногами.

Но я понял истинную причину твоего побега и больше не обвиняю тебя. Ты сказала, что должна жить подле мамы и бабушки. Оставив их, пусть ненадолго, ты не смогла вынести бремени своей вины. А им ничего не оставалось делать, как согласиться с доводами своей требовательной дочери и внучки, задумавшей связать свою судьбу с офицером и джентльменом из другой страны, благословив ее отъезд. Обе, так или иначе, остались без мужей, а теперь лишались также тебя и Игната. Я помню, как ты плакала каждый раз, разговаривая с ними по телефону. Твоя совесть терзала тебя каждый день.

Возвратившись в Киев, ты застала свою мать больной, ее состояние было гораздо более серьезным, чем ты ожидала, и тут вина одолела тебя до такой степени, что ты решилась на разрыв со мной. Понимаю, насколько сильно ты переживала разлуку с родными, обвиняя во всем меня, грязного сладострастника, который держал тебя взаперти в этих трущобах в Пиреях, а потом в заточении на острове, протягивая к тебе свои похотливые руки, в то время, как твои мама и бабушка за тысячи верст отсюда, скучали по тебе и болели.

Сейчас ты хочешь перерезать пуповину, связавшую нас, раз и навсегда, таким образом, разрубив Гордеев узел проблем. Но Гордеев узел – это давнее предание, моя дорогая, деяние, которое было подвластно только Александру Великому. Что же до меня, то я стараюсь выжить, вспоминая то хорошее, что было между нами. Мне одновременно и больно, и хорошо думать о прелестных моментах, пережитых вместе с тобой. Молю Бога, чтобы ты не пожалела о том, что сделала, отвергнув меня!

Прошу тебя, будь мудрой и терпимой, не прогоняй меня совсем. Оставь рядом как друга, может, еще сгожусь. А мне будет приятно писать и звонить тебе. Буду коротать время, сотни раз перечитывая твои письма – умные, нежные, капризные, и в моем воображении будет жить образ прекрасной Элизы, которую я встретил однажды в чужой стороне.

С любовью и поцелуями,
Мимис.

P.S. «Между горем и ничем я выбираю горе», так решил Фолкнер и я вместе с ним».

Глава 43.

Смерть Марго.

«25.12.1991. Рождество.

Сегодня один из самых неприятных дней в моей жизни. Ну, зачем, зачем я хожу по врачам? Неделю назад я пошла на консультацию к невропатологу. Она внимательно выслушала меня и моими словами описывала мне мою же болезнь, а потом, не долго думая, направила меня к инфекционисту по поводу незначительных мононуклеаров у меня в крови. Вышла я от этой стервы с направлениями на анализ СПИДа, сифилиса и токсоплазма. И только на основании того, что у меня припух лимфоузел на груди. Почему они так легко расстраивают больных людей? Почему им ничего не стоит испугать их до смерти? Неужели не ясно, что никакого СПИДа, а, тем более сифилиса, у меня нет и быть не может?! Разве лимфоузлы напухают только от СПИДа? А раньше, когда СПИДа не было, лимфоузлы ни у кого и никогда не напухали?!

Вечер для меня черный. Я только-только установила душевное равновесие, поняв кое-как, после долгих переговоров с врачами, что моя болезнь науке известна и что с ней можно справиться. Не сразу, улучшений, скорей всего, надо ждать не раньше весны, и, нате вам, я снова отброшена назад. Я села на пол, опершись спиной об одежный шкаф, и стала думать о смерти. Сколько времени уйдет, чтобы успокоиться? Лучше всего, было бы сдать эти анализы и больше о них не думать. Но я не пойду их сдавать из принципа. И из-за страха, конечно. Я – малодушная боягузка. Где-то на чердаке моего сознания, спрятано надсадное подозрение в том, что все могло случиться. А вдруг? Случайно? Зубные врачи с плохо стерилизованными инструментами, анализы крови грязными иглами и, что греха таить, та, единственная ночь в Египте. Но могло ли тогда что-нибудь случиться? Он сам боялся всех этих болезней, был из хорошей семьи, но как можно кому-то верить?

Помню, как раз тогда, перед поездкой в Египет, один из моих туристов, профессиональный составитель гороскопов из Голландии, прислал мой гороскоп, написав, что меня ожидает «поездка всей моей жизни». Почему он так написал? Потому что плохо знал английский, потому, что я действительно потеряла покой после той поездки, или потому, что от поездки «всей моей жизни» будет зависеть моя биологическая жизнь?»

«03.01.1992.

Наступил 92-ой год.

Каждое утро я начинаю с того, что склоняюсь над раковиной и начинаю чистить грязные и полусгнившие овощи. Потом мыть мясо и хорошо, если оно есть, а так приходится варить суп из одних овощей. Вчера подняли цены, обещали в 3-5

раз, подняли в 100. Это – инфляция и девальвация вместе. Слава Богу, деньги у меня есть. Уже два месяца, как я даю частные уроки. Витька присоветовал. Он ушел с преподавательской работы, решив пополнить собой формирующуюся армию местных бизнесменов, а своих учеников сплавил мне. Занята все дни, кроме среды. Поставила условие, они ездят ко мне домой, я таскаться по автобусам и трамваям не могу. Все взрослые люди. Зубной техник, аспиранты, молодые супружеские пары, выезжающие на ПМЖ за границу. Платят хорошо и все приятные люди. Готовлюсь к урокам на совесть. Рисую всякие наглядные пособия, в закромах у Мимиса нашла отличные английские учебники – у нас таких нет, хорошо, что хватило ума захватить их с собой. Везла их для Игната, а вот, пригодились для другого. Так что я снова зарабатываю больше Алексея и даже помогаю Анне и Александре. Ко мне просятся и другие, слава моя растет и ширится. Кто бы мог подумать, что из меня выйдет классный педагог? Однако приходится отказывать. Мне трудно справляться даже с той нагрузкой, которая у меня есть сейчас. После занятий, пот струится по спине от напряжения, а иногда, во время урока, чувствуя, что приближается приступ, я стискиваю зубы, чтобы не начать дрожать. Но я не об этом хотела написать, а о самом страшном, самом трудном – о смерти.

Последнее время, месяца три-четыре, мысли о смерти сами приходят ко мне. Говорят, мысли можно отогнать. Это неправда. Когда они являются непрошенными гостями, избавиться от них невозможно. Они просачиваются в мое сознание, потом захватывают меня в плен, связывают по рукам и ногам, и начинают навязывать мне образы, страшные и очень реальные. Я начинаю задыхаться от беспомощности и страха. Когда они, наконец, покидают меня, они не уходят совсем, а оставляют вместо себя предчувствие скорой беды. Я не хочу подчиняться и думать, что произойдет все так, как в том меня убеждают мысли о смерти. Я страдаю опасением, что умру.

Должна признаться, что смерти я очень боюсь. Панически, до черной бездны, когда волосы встают дыбом, а по коже начинают бегать мурашки. Не думаю, что с возрастом я перестану ее бояться. Если Господь и судьба позволят, и я доживу до глубокой старости, даже тогда я буду цепляться старческими пальцами за то пространство, где меня смерть настигнет. Иногда показывают умиротворенных старцев. Они не боятся смерти. Не боится смерти и моя подруга Марго. Может, они знают больше, чем я? Может, они родились со знанием тайны о продолжении бытия? Может быть, Господь был по отношению к ним более милостив, успокоив их в том, что это не будет совсем уж концом? У меня такой веры нет. Даже, если это правда, что душа отделится от тела и будет продолжать жить, то я никак не хочу терять свое тело. Я знаю, что я – женщина и мне безумно нравится быть женщиной. Я женственная женщина. Я люблю мечтать и когда мое состояние позволяет мне быть хоть чуточку счастливой, я знаю, что тогда и людям хорошо со мной. Душа наполняет мое тело светом и именно такой мой облик, с которым я родилась в эту жизнь, идеально подходит моей душе. И я не хочу расставаться ни с тем, ни с другим. (Кажется, эта болезнь сделала меня проще. Перечитала последний абзац и подумала, что так написать о смерти мог бы ребенок, но никак не взрослая женщина. Явно не хватает философских отступлений).

Я не хочу, чтобы мой сын жил без меня, чтобы, как ни в чем ни бывало, после меня цвели цветы и висела Луна. Но все чаще, когда я смотрю на Луну, я думаю: «Меня не будет, а она будет». Или говорят, что энергии солнца хватит еще на пять миллиардов лет, потом эта звезда погаснет и разрастется до огромных размеров,

столкнув с орбиты близлежащие планеты, в том числе и Землю. Что такое 5 млрд. лет? Кто знает? Меня давным-давным-давным давно не будет. Жутко, что меня не будет, и что через 5 млрд. лет нас всех не будет. Исчезнем не только мы, живые существа с планеты Земля, исчезнет сама планета, на которой у нас было свое место, свой дом. Становится пусто и неприкаянно, и, кажется, что меня уже нет. Нечаянно задумываешься, зачем умываться, ходить на работу, участвовать в политических объединениях, ораторствовать на митингах? Чтобы вкусить власти, пусть даже недолгой, чтобы заработать денег? Чтобы посмотреть на ту же Луну и сказать себе: «А я не просто козявка какая-то, меня знают, уважают, я управляю событиями и судьбами». Глупость, беспросветная глупость все это! Еще Толстой писал, что один человек ничем двигать не может. То, что Наполеон двинул армию на восток и вошел в Москву, управившись один с этим нелегким делом, это – недопонимание, в которое легко верит обыватель. Обывателю нужно чье-то величие. На самом деле, только одновременные желания и действия большого количества людей могут повлиять или создать какое-либо событие. Просто до этих людей надо донести, чего хочет один из них. С этой задачей великолепно справились Ленин, Гитлер и Сталин.

Да, так вот, о смерти. Смерть бездонна и безгранична, это-то и пугает. Она также безлична, в ней теряешься, забываешь себя. И все потому, что с бессмертной, но многообразной души, стирается информация о всех прошлых твоих жзнях. Поэтому такое явление, как реинкарнация, радости мне никак не прибавляет и страха перед смертью не уменьшает, потому что в следующей жизни я все равно себя не узнаю. Так что смерть – это навсегда. Тогда встает вопрос, что же делать с жизнью? Зачем она нам дадена? Кем? Такая короткая, такая потрясающая, полная чувств, звуков, запахов и несбывшихся желаний? Кто насмехается над нами, суля лучшую долю после жизни?

Мне опять заложило нос. Надо закапать. Вот уже много лет я ношу с собой в сумочке капли, чтобы в случае «ломки» сразу же закапать нос. Мне надо сделать операцию, вырезать слизистую или что-то в этом роде, но я не могу на это решиться. Я не могу решиться на любую операцию, потому что мне кажется, что если я засну под общим наркозом, то никогда больше не проснусь. В процессе я задохнусь оттого, что мне заложит нос. Переубедить меня в обратном невозможно. Я вообще задыхаюсь: из-за того, что не могу выехать, когда мне хочется, за пределы нашего социалистического рая, потому что нас держат, как подопытных тараканов в банке, с хорошо привинченной крышкой, я задыхаюсь, когда опускается туман, когда ясное небо и совсем нет ветра, когда закрыты все форточки, когда поезд метро останавливается в туннеле и дальше не идет.

Я продолжаю бояться случайной смерти. От тяжелой болезни умереть гораздо легче, чем внезапно. Привыкаешь к мысли о смерти и устаешь от болей, хочется от них избавиться и принимаешь смерть подчас даже с благодарностью, эту черную бездну, мать ее...

В своей «Тошноте» Сартр вложил в уста одному из своих героев такие слова: «Вы слишком скромны, мсье. Чтобы вынести свой удел – удел человеческий, вам, как и всем остальным, нужен большой запас мужества. Любая из грядущих минут, мсье, может стать минутой вашей смерти, и, зная это, вы способны улыбаться. Ну, разве это не достойно восхищения?»

Ну, разве, все мы, смертные, хронически боящиеся смерти, не достойны восхищения?»

«07.01.1992.

Мне снова стали сниться сны. Последнее время все дрянь какая-то; то я хочу вырваться из коммунальной квартиры, где пол рушится и стены осыпаются, то все какие-то корабли и шубы.

Но, совсем недавно, мне приснился другой сон. Посреди пустого пространства я увидела одинокий песчаный холм, залитый жарким солнцем. Вдруг появилась вода – с одной стороны холм стало омывать голубое море, а с другой появилась черная вода, уходящая за горизонт. Мне, почему-то, зналось, что это река. Холм украшали греческие колонны. Вдруг выходит под это палящее солнце женщина, она несет свадебный кулич, за ней появляются другие и накрывают свадебный стол на берегу моря. На черной реке стоит лодка и кого-то дожидается. Я понимаю, что свадьба касается меня и мне очень хочется обвенчаться с тем, кого я люблю во сне. Он ведет меня за руку, мы оба одеты в белые одежды из тонкой шерсти. Наряды не свадебные, а скорее, самобытные, с вышитыми золотом окладами с закругленными концами по плечам и у пояса. Я была так счастлива! Последнее время мне удается испытать пронзительное чувство счастья только во сне. Он ведет меня по каменным ступеням вниз, как будто в пещеру, вырытую под землей, где находится церковь. По каменным стенам сочится вода, вокруг темно и сыро. Вдоль стен, на ступенях стоят люди, мужчины и женщины, одетые тоже в белое, а впереди, на земляном полу нас ждет женщина, с распущенными по плечам, черными волосами. Когда мы подходим к ней вплотную, она говорит:

- Это твой принц. Я благословляю и соединяю вас. Но он – твоя смерть. Ты умрешь, когда будет темно и сыро». Больше она ничего не сказала. Я стала вырывать свою руку из руки моего нареченного, но он крепко держал меня. Опустившись на колени, я безутешно причитала:

- Я не хочу, не хочу, не хочу...

Проснулась я в ужасе и поту, а потом все думала, почему я умру, когда будет темно и сыро? Знак Водолея – темный и влажный знак. Мимис как раз родился в феврале. Неужели он станет причиной моей смерти? Я содрогнулась.»

* * *

«Дорогая моя Элиза!

Январь, 1991-го года.

После твоего решительного заявления о нашем разрыве прошли недели. Мне очень одиноко. Дни тянутся неправдоподобно долго и их нечем скрасить. Моя жизнь без тебя лишена смысла, она превратилась в существование. Ты выбросила меня за ненужностью.

Сегодня я опять не выдержал и позвонил тебе. Голос твой мне показался другим – мягче, ты даже засмеялась. Сказала, что написала письмо, оно уже должно прийти. И, правда, после обеда я вынул из ящика твое письмо. Мне было страшно открывать его, в нем мог быть мой приговор, произнесенный тобой раньше по телефону. Я сел, осторожно разрезал конверт и стал читать с конца. И, о чудо! Твое письмо оказалось просто восхитительным! Я снова живу и горжусь тем, что люблю тебя, такую невероятную, мудрую и нежную женщину! Между строк прячется твоя

боль, горечь и слезы. Я уже в который раз спрашиваю себя, почему жизнь, о которой мы мечтали, не состоялась и почему эта молодая женщина вдруг бросила меня?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо вернуться к началу нашего знакомства. С самого первого взгляда, так некстати, так оплошно брошенного на тебя, я был под впечатлением от твоего ясного ума, от твоей мягкой, ненавязчивой, но упрямой логики. Твой прекрасный английский, немного менее совершенный, но от этого только более обаятельный греческий, твой профессионализм, твой европейский стиль, твое сходство с Боттичеллевской Афродитой... Я сошел с ума и позвал тебя в гости. Ты не сразу, но все же, согласилась приехать. «Да не оскудеет рука дающего», - в ответ с радостью подумал я. Ты приехала в феврале, мне удалось очаровать тебя.

Мое тщеславие, вполне объяснимое по-человечески, повелело мне завоевать не только твой ум, но и твое тело. Эти, еще не одержанные победы, горячили мое воображение. Я мечтал о ночах любви с тобой. Мне показалось, что разница в возрасте перестала существовать. Ты ободрила меня, сказав однажды: «Любовь может сдвинуть горы с места». Даже когда я опозорился в тот, первый раз, ты стала успокаивать меня, повторяя, что мой возраст не проблема. И ты была права! Следующим летом, в то утро на Эгине, я доказал, что могу быть великолепным любовником. «Я молод», - убеждал я себя, - «мы можем стать супругами». Мне только надо было решить пару проблем.

А ты? Чего ты хотела? Обрести то, чего была раньше лишена – свободу. Свободу не только в общепринятом смысле этого слова, но и свободу выбора, иметь возможность путешествовать, хорошо жить, сиять как ослепительный бриллиант в подходящей оправе. Сгоряча я пообещал тебе золотые горы. Ты – романтическая девочка, которой не пришлось испытать очарования молодости. Ты рано вышла замуж, а потом пошло-поехало: монотонность будней, семья, работа, учеба в Университете, стрессы, агония, мечты о лучшей жизни, которая, с твоим бывшим мужем, тебе не светила, разочарование и развод. Ко мне тебя подтолкнули также внешние обстоятельства - трагедия в Чернобыле и развал страны. Ты также хотела устроить будущее своего сына.

Именно так начались наши отношения. Не с любви, нет, ты просто была мечтательницей и интуитивно поверила мне.

Немного поздно, к сожалению, ты обнаружила, что не нашла то, что так упрямо искала и, вернувшись в Киев, ты восстала, ты взорвалась, почувствовав себя обворованной и преданной (обворованной, конечно, не в прямом смысле слова, я имею в виду твои мечты). Рай оказался, всего лишь, трущобами в Пиреях, нарядов, драгоценностей и путешествий тоже никто не предлагал. Для тебя все оказалось зря.

Я же, будучи влюбленным в тебя, танцевал много и от души, но, когда пришло время, расплатиться со скрипачом не смог. Другими словами, я тебя использовал.

Но, дорогая, я потратил миллионы драхм, чтобы сделать нашу жизнь лучше, я отремонтировал дачу и даже купил новую «Мазду»! Почему же ты была так разочарована? Ты знала с самого начала, на что могла рассчитывать (я имею в виду свой карман). Прошлым летом на Эгине ты показала себя, между прочим, рачительной хозяйкой.

Думаю, что скрипачу надо было заплатить не деньгами, а любовью, еще большей любовью. Но ты отвергла мою любовь. Твое расчетливое, практичное «я» легко взяло вверх над твоим романтическим «я». Ты любила повторять, что если я

настоящий мужчина и хочу любить настоящую женщину, то должен найти способ заработать достаточно денег.

Увы, тот гениальный скрипач, чью музыку я так любил, не был счастлив играть для меня, и покинул вечеринку задолго до ее конца. Хозяин дома, т.е. я, постарается выжить без скрипача, жизнь ведь продолжается, не так ли? Хозяин уже в летах и всякое повидал, бывало и хуже... Если он не в состоянии заплатить скрипачу, ему надо сложить свои крылышки. Видно, он переоценил себя, забыв, что он всего лишь старомодный авиатор и попытался взлететь слишком высоко.

Люблю тебя, мой скрипач».

* * *

«13.01.1992.

Мне уже давно не звонит Марго. Последний раз, когда мы разговаривали, она, без всякого выражения, сообщила, что Нина ждет ребенка.

- Кто отец? – в недоумении спросила я.

- Какой-то парень из села, - сухо и по-прежнему без выражения ответила Марго.

- Ну, и какая же здесь беда? – я пыталась придать своему голосу, несвойственное ему в последнее время, воодушевление и радость. – Ты будешь бабушкой. Нинка под сердцем носит частичку тебя, твое продолжение.

Марго молчала. Неужели обвиняла меня в том, что я просмотрела Нинку, не пристроила ее, не увезла вовремя? Я чувствовала себя виноватой потому, что не смогла поступиться своими принципами, переступить через свою гордость, через достоинство Игната, ударившего из-за меня человека. Год назад не могла, а теперь вот могу. Моя болезнь и моя растерянность растоптали в пух и прах, уничтожили все мои принципы, как и мое упрямое нежелание жить с нелюбимым человеком. Теперь все это представляется смешным, а правда заключается в том, что я не могу позволить себе любовь, ведь право любить и выбирать любимого, само по себе ничего не значит, оно должно быть подкреплено материально, и тогда, можно спокойно ждать или искать любовь, или даже преследовать ее, как дичь и, если удача улыбнется, поймать в клетку. Нинке стоило подождать совсем немного, но, видно, она на меня не рассчитывала. Может, мне стоило попросить у Марго прощения? За то, что год назад я еще не была готова предложить себя за умеренное содержание, тогда я еще не была готова на все. Год назад у меня еще были силы мечтать и бороться. Но, мне не хотелось оправдываться и я не попросила прощения».

«17.01.1992.

Сегодня похороны, на которые я не пойду.

Два дня назад позвонила Нина.

- Мамы больше с нами нет, - тихо сказала она.- Мама выбросилась из окна.

Я долго молчала.

- Мы с тобой вдвоем в этом виноваты, - наконец выговорила я.

- Почему я? – запальчиво выкрикнула Нинка.

- Потому что ты никак не могла влюбиться, красиво и романтично, а потом прожить красивую и достойную жизнь со своим избранником. Она хотела сообщить всему миру о твоей любви и со всем миром отпраздновать твою свадьбу. Для нее это было важно. Она любила тебя.

- Она любила не меня, а вас. Восхищалась тем, что вы не сгибаетесь, что добиваетесь права любить и жить по своему выбору. А меня она презирала за то, что я такая приземленная, такая обыкновенная. Не гоняюсь за разными там журавлями, не устраиваю трагедий. А вы, вот, вернулись ни с чем и что теперь? Станете обыкновенной?

- Не в этом моя вина. Она обещание с меня взяла, что я увезу тебя, спрячу от тебя самой, от той неразберихи, что творилась у тебя в голове. Ты ждешь ребенка?

- Да, я жду ребенка, - неохотно подтвердила Нинон.

- От кого?

- Вы его не знаете. Он начинающий бизнесмен.

- Ты любишь его? - сглупила я.

- Я нормальный человек, - заорала в трубку душечка-Нинон. - Мне не нужно ваших любовей. Мы с ним прекрасно ладим, у него есть деньги и на меня и на ребенка. Что еще нужно?

«Любовь», - хотела ответить я. Теперь, когда я готова была стать содержанкой, под названием «нелюбящая жена Мимиса», я особенно болезненно реагировала на отсутствие любви у других.

- Когда же свадьба? - спросила я.

- После похорон, - с издевкой ответила она и положила трубку.

Душечка-Нинон не пригласила меня на свадьбу, явно не желая представлять меня нормальным людям, боясь, что несчастная жар-птица, растерявшая свои перья в дальних странах, испортит им праздник.

Очень скоро я перестала думать о ее свадьбе и начала думать о смерти Марго. Каким-то чудесным образом, моя болезнь оградила меня от отчаяния. Остро чувствуя свою вину, я, тем не менее, не захлебнулась горем, что, наверняка, случилось бы, будь я здорова. Страх перед смертью вообще, оградил меня от ненужных страданий. Каждый день, балансируя на грани умопомешательства, предпринимая упрямые попытки не терять связь с действительностью, я отдаю себе отчет в том, что проблески разума посещают меня все реже и даются все с большим трудом. Минималистское существование моего разума ограждает меня от привычного для меня максимализма эмоций. Мне впервые позволено спрятаться в своем собственном чреве, не расходуя себя вовне. Расходовать вовне уже нечего, все уже давно растрчено. Поэтому на могилу Марго я схожу позже, когда рядом с ней никого не будет, и тогда покаюсь.

Безусловно, я виновата в ее смерти. Однако не только я. Не так давно умер ее отец. Он долго болел перед смертью, Марго знала, что ее отец умирает, но, когда это случилось, она не смогла принять его смерть. Она не смогла смириться с потерей. Его высокое положение окужило ее жизнь высокими стенами, но они оказались иллюзорными. Марго верила в то, что они настоящие, как и в то, что страна Советов, партия и КГБ никогда не прекратят своего существования. Слава Богу, что ее отец умер на самом переломе, не успев осмыслить до конца, что дела его жизни, его идеалов и веры больше не существует. Но тем больнее это оказалось для Марго. На этом же самом переломе она поняла, что все, чего она достигла в жизни, было не ее заслугой, а отражением положения ее отца, бывшего второй по

значимости фигурой среди чекистов союзного масштаба. После смерти ее отца, коллеги вдруг перестали быть особенно предупредительными с ней, начальство больше не продвигало ее по службе. Марго стала как все. Распределители, госдачи и привилегированные санатории захлопнули перед ней свои двери. Что за беда, ведь не в этом смысл жизни, не в этом ее суть? Но, подчас, одно соединяется с другим: потеря самого дорого человека влечет за собой потерю благополучия, которое давало чувство защищенности и принадлежности. Марго, потеряв горячо любимого отца, ощутила себя глубоко одинокой, а, потеряв привилегии, к которым привыкла с детства, вдруг поняла, что должна смешаться с толпой. Жизнь надо было начинать с самого начала, среди одиночества и руин перестройки, но Марго было сорок восемь. В этом возрасте трудно предстать перед дочерью, сказав ей, что все былое благополучие кануло в небытие, и что теперь все будет по-другому, гораздо хуже, чем было. Тем более, перед такой дочерью, как душечка-Нинон, простой и приземленной, чтящей материальные блага превыше всего.

Уступив капризам своей дочери, она переехала к ненавистному Генке, но в ее душе теплилась мысль, что жив еще отец, что она была не одна. Когда его не стало, отвращение к Генке разрослось до небывалых размеров, Нинка забеременела, а я вернулась из своего летнего путешествия ни солоно хлебавши. В жизни Марго, с ее точки зрения, не осталось ничего положительного, способного сдерживать безысходность или заполнить пустоту впереди. И она решилась перешагнуть...».

«18.01.1992.

В прошлый раз, я пыталась оправдаться, но тщетно. Во всем виновата я одна: и в том, что не стало Марго, в том, что болеет мама, и в том, что сама я схожу с ума.

В магазинах больше нет электрических лампочек и мои сограждане воруют их из подъездов. Город постепенно погружается во тьму, погружаюсь в нее и я.

Я не хочу покончить с собой, вернее, я не хочу сама покончить с собой, но я все сильнее ощущаю себя в чьей-то власти. Как будто есть кто-то другой, посторонний, имеющий власть надо мной, и он решил, что я должна перестать жить. С каждым днем я становлюсь все слабее и слабее, мои движения давно утратили уверенность, а мои поступки здравый смысл. Я постоянно колеблюсь и не могу принять простейшего решения. Кто-то еще стал жить моей жизнью и погасил для меня свет. Утром мне кажется, что уже вечер, но я не удивляюсь этому, потому что мне безразлично. Не хочется говорить и двигаться. С каждым днем все более соблазнительной становится мысль уступить этому кому-то и раствориться в его воле – лечь и постепенно исчезнуть. Мне нужна помощь».

* * *

«Дорогая Элиза!

Январь, 1992-го года.

Решил покинуть большой город с его пробками и суетой, и провести несколько дней в своей родной деревне. Метóхи – это девственное место в горах, где у меня и моих братьев дома. Мы родились в этой деревне и сюда я решил добраться сейчас, в январе, по снегу, преодолевая экстремальные дорожные условия. Потянуло к

корням? Возможно... Эта, неопиcуемый красоты, моя маленькая родина еще никогда не была обременена твоей легкой поступью – я оглядываюсь по сторонам, но мне ничего не напоминает о тебе, как, например, на Эгине, где в комнатах еще витает запах «Оскар де ла Рента». Жаль, что я так и не смог вытащить тебя сюда, в эту истинную, первозданную, естественную жизнь.

Ненавижу тебя за то, что, бросив меня, ты наказала всех нас. Как ты посмела сделать такое со мною, с собой и Игнатом?

Вокруг моего незатейливого дома намело сугробы, черешни и ели укутаны в белые шубы. Я пишу тебе это письмо на кухне за большим деревянным столом. В камине пылает огонь, Бинг Кросби поет: «Somebody loves me, I wonder who?» Пытаюсь под эту музыку сосредоточиться, понять, что же это за любовь такая, когда ты говоришь, что скучаешь по мне, но не любишь меня? Что за chic idea! Влюбленность, заставляющая тебя любить мой голос и мои письма, но не меня самого. Какая противоречивая и вдохновенная ложь!

Милая моя, я далек от подозрений, что в твоей жизни появился кто-то еще, третий. Но как мне понимать твою фразу: «Мы наслаждаемся тем, что не вместе»? Все, что я понял из твоих намеков, так это то, что моя мужская сила и способность дарить физическое наслаждение подвергаются сомнению! «Мы никогда не сможем быть мужем и женой потому, что не испытываем удовольствия от близости. Разговоры по телефону и письма гораздо более возбуждают». Что, ради всего святого, ты имеешь в виду?!

Не говори мне, ради Бога, что это не извращение предпочитать телефонные разговоры физической близости. Секс, а не письма, является истинным эликсиром для восстановления моего мужского эго и я не собираюсь отказываться от секса лет эдак до 96, а там видно будет. «Ты никогда не будешь одинок потому, что я никогда не перестану тебе писать», - говоришь ты. Не пройдет, милая! Это все хорошо для общества ангелов, мы еще успеем туда попасть, а пока что мы живые люди из плоти и крови. Любовь моя, я не могу помочь тебе, я не доктор. Могу только успокоить тебя, сказав, что люблю твою непредсказуемость и твои капризы, потому что все, что ты говоришь, это не что иное, как капризы. Посмотри на пустые полки в ваших магазинах, на полное разорение экономики и ты поймешь, что ждать тебе особенно нечего, а, посему, не капризничай.

Закончу тем, с чего начал. В начале письма я описал тебе зиму в горной деревушке, где я родился, увы, так много лет назад. Сейчас я хочу вспомнить наш остров, Эгину, и нашу дачу под конец лета, когда ты сбежала. Созревший виноград свисал спелыми гроздьями с лозы, обвившей деревянные балки, вкопанные в саду перед окнами твоей спальни. Оливковые деревья, впервые с незапамятных времен, отяжелели плодами, пригибая свои древние ветви чуть ли не до земли. Тот год выдался дождливым и колодец был полон ледяной сладковатой воды. Я тосковал, глядя на все эти дары природы. Решил купить лотерейный билет. Если я выиграю, подумал я, полечу в Киев и сделаю ей предложение.

Ты родилась, чтобы жить в роскоши, а если нет, ты предпочитаешь одиночество. Может, завидуешь одиночеству своей мамы? Видишь, я тоже могу жалить.

Даже истекая кровью, я люблю тебя,
Мимис».

* * *

Глава 44.

В клетке с растерявшимся сознанием.

«25.01.1992.

- Вы сами становитесь собакой, - сказала мне врач.

Светлана Ивановна Сухова – психоаналитик, которая взялась меня лечить. Я попала к ней на прием в поликлинику для заслуженных людей, что рядом с нашим домом, благодаря бабуле, которая, до сих пор, пользуется привилегиями своего покойного мужа. Мой визит к С.И. должен был длиться пятнадцать минут, а провела я у нее в кабинете два часа. Пишу об этом, потому что ее расписание не предполагает бесед с пациентами, официально в ее обязанности это не входит. Под ее руководством проходят сеансы иглоукалывания. Она, также, назначает медикаменты, помогая своим пациентам переступить обратно через порог, разделяющий нормальное состояние от вывернутого наизнанку. Тяжелых больных у нее нет, они лечатся в другом месте. К ней приходят те, кому от страха перед будущим становится не по себе. Обычно это жены высокопоставленных партийных чиновников, представляющие собой материал тяжелый и неповоротливый. Иглы с трудом проходят через прослойку жира на их ухоженных телах, порой так и не достигая нужного нерва. Но все же, после каждого сеанса, они испытывают явное облегчение, радуясь тому, что их поликлиники с мраморными вестибюлями, бассейнами и врачами, дрожащими за свои места, остались в списке их привилегий.

Сегодня был мой первый и пока единственный сеанс у Суховой. Я не знаю, выпадет ли мне возможность еще поговорить с ней, но мне бы очень хотелось, потому что сегодня я сказала не все и не всю правду. Я знаю, что С.И. не может позволить себе тратить на пациента несколько часов, поскольку в советских поликлиниках, даже привилегированных, психоанализом не занимаются. Подобных мне излечивают или медикаментами или никак, ссылая на вечное поселение в психушки. Я сказала С.И., что плохо переношу лекарства, они только глубже загоняют меня в мое зыбкое состояние, и она, кажется, догадалась, что мне надо – поговорить с кем-то посторонним. Она вытягивала из меня признания, как занозы, уже обросшие гнойниками. Она заставляла меня искать слова, стараясь с моей помощью найти причину моего заболевания.

Она помогла мне понять, что я оказалась в тупике – я не могу быть счастлива ни тут, ни там. В Киеве, где я бесповоротно сожгла все мосты и откуда решила уехать, остаются родные и любимые мною люди. В Афинах, куда я так стремлюсь, находится человек, которого я ненавижу. Все, выхода нет и клетка захлопнулась. Коротая время в клетке собственного сознания, я сделала себя виноватой перед всем миром. Я обвинила себя в том, что Александра постоянно болеет, в том, что Марго покончила жизнь самоубийством, в том, что так ошиблась в Мимисе, с которым познакомила Игната.

Мы долго говорили об Александре. Каждый раз, уезжая, пусть даже ненадолго, я прихватывала с собой огромный баул с комплексом вины. После ее слов: «Мы остаемся здесь с бабулей одни. Ты нас бросаешь», я прилетала в Грецию в

абсолютно зажатом состоянии, видя в Мимисе причину того, что мне пришлось предать дорогих мне людей. Могла ли я наслаждаться жизнью? Конечно, нет. Моя вина требовала выхода и я придиралась ко всему, что делал или говорил Мимис, становясь слишком требовательной. А, поскольку, мои требования не могли быть удовлетворены, я сбегала назад, к любимым и брошенным.

Я всегда удивлялась, почему в Греции я не могу вести дневник, не могу рисовать, превращаясь в абсолютно бесталанную особу? И это-то на земле, которая так воодушевляет творить! Почему там я переставала быть самой собой и невольно становилась Александрой? Иногда у меня даже появлялся ее привкус во рту, я ощущала его так явственно, что мне становилось муторно от подступающей к горлу тошноты. Как будто она, вселившись в меня, путешествовала со мной. Когда же я возвращаюсь и она рядом, я снова становлюсь собой, в моих руках и в душе оживает желание творить и создавать.

Помню, я зачем-то дала Александре прочитать первые коротенькие письма, что я писала Мимису. Прочитав их, она пришла ко мне в плохом настроении и, наконец, выдавила из себя:

- Что же это ты ему все в любви объясняешься?

Это была как оплеуха по лицу – увесистая и звонкая. Помню, я даже повернула голову вбок. Я не признавалась ему в любви, потому что не любила его, но как же мне сделалось стыдно от ее слов! Другая бы плюнула, не обратила внимания, а я вся съезжилась от горячего и колкого стыда, вдруг зверем прыгнувшего на меня. Что сделать, чтобы она не преследовала меня? Я пока откупаюсь тем, что выворачиваю перед ней свою душу наизнанку. Я всеми силами отвлекаю ее от главного вопроса – буду ли я ей опорой в старости, которая, по ее подсчетам, наступит через два года? Она боится одинокой старости и требует от меня обязательств и гарантий. Она повисла на мне и не дает дышать.

- Что бы вы почувствовали, если бы ваша мама умерла? – осторожно спросила Сухова.

- Облегчение, - с готовностью ответила я.

- Вы откровенны и не боитесь признаться в страшных, крамольных вещах, - почти не удивилась С.И. - Это значит, что вы способны понять и оценить свои чувства, пусть на данном этапе, враждебные по отношению к другим. Очень скоро, когда вы немного успокоитесь, вам удастся понять мотивы, которые двигают поступками других людей и вы поймете и простите вашего пожилого друга из Греции и вашу маму.

Эти слова меня задели. Я не была готова ничего никому прощать! Александра требует, чтобы я ей пообещала, что через год или два, она сможет переехать ко мне и я возьму на себя заботу о ней уже с непосредственно близкого расстояния. Но я не хочу! Я не согласна быть аппендицитом в чужом теле, я не хочу скрашивать чью-то старость, я хочу прожить свою жизнь! Мое воспаленное сознание борется за мои права – ведь жизнь подле больной, неуравновешенной матери, означает принести себя в жертву, похоронить себя, отказаться от будущего, от любви. На какое-то мгновение, которое растянулось во времени, ей удалось испугать меня своими болезнями и я готова была пообещать все, что угодно, но слова застревали у меня в горле и я не могла произнести их, отвлекая ее историями из собственной жизни. Я не хотела ей лгать, а сказать правду не было сил, она никому не была нужна и повлекла бы за собой только обиды и проклятия. Я чувствовала себя бесконечно виноватой.

Я связала себя с ней непрерываемой пуповиной – телефонными звонками. От меня требуют каждодневных звонков и, пока я не позвоню, я не могу сосредоточиться на другом. Это повинность какая-то! Мой день разделен на «до» и «после» звонка. До звонка я как зверь в клетке, после звонка – я свободна. Эти разговоры по душам давно превратились в ад для меня, но я добровольно путешествую в этот ад иногда по нескольку раз в день, выкладывая ей все без остатка, обнажая себя до костей, сдирая с себя кожу и мясо. Зачем я это делаю? Неужели я так от нее зависима или так перед ней виновата?! Полгода назад, когда я работала, мой ум был отвлечен, звонки были не столь важны и регулярны. Когда я превратилась в телефонную рабыню? Смутно помню, что, после моего возвращения из Греции, она меня упрекала, что я не позвонила, не узнала о ее самочувствии. Я отмалчивалась, бунтуя в душе, но потом сдалась.

Мне надо подумать, что сделать, чтобы вернуться к себе, чтобы вновь обрести себя такой, какой я была, ну скажем, года два назад. Нужно подумать, как отдалиться от Александры. Не сразу, не сразу. Нам обеим будет больно и пусто, а ей еще и голодно. Ведь она ждет моих телефонных звонков, как по часам, каждый день после ужина. Вместо десерта. Для начала, надо перестать выворачиваться наизнанку. Телефонные разговоры должны приобрести самый общий характер. Надо больше оставлять для себя, надо больше верить себе, больше любить себя, тогда я с удовольствием начну общаться с собой, поверяя только себе все свои страхи и тайны. Только тогда я разрешу себе жить для себя и проживу я свою жизнь, а не ее старость.

- Почему вы страдаете комплексом вины перед вашей мамой? Бросьте ее, она же бросила вас.

С.И. имела в виду тот факт, что с семи до пятнадцати лет меня воспитывала Анна. Это прозвучала жестоко. Я испугалась и разозлилась: как бы я ни боролась с членами своей собственной семьи, никого бросать я не намерена. В темных закоулках моего сознания я могу выудить мысль о смерти – если придет время и они сами уйдут в мир иной, вины моей в том не будет, но чтобы бросить самой, нет, никогда! Да, детские обиды были, они не забываются. Так и не избавившись от их едкого послевкуся, мы вступаем во взрослую жизнь, через их призму смотрим на мир и выстраиваем свои отношения с людьми. Но все детские обиды я простила маме в пятнадцать лет, приняв ее сторону во время развода с отцом. Тогда я была мудрей и намного щедрей, чем сейчас. Накопившиеся новые, уже не детские обиды, сделали меня скупердяйкой. Если бы моя душевная скарედность позволила, я бы сказала Александре следующее: «Ты знаешь, я умею любить и быть преданной, отдавая себя всю без остатка, находя радость и завершенность в преданности. Я люблю тебя чуть ли не больше всех остальных, потому что ты – моя мать и потому что ты слабая. Но если раньше я готова была пожертвовать своей красотой ради твоего счастья, то теперь я хочу твоей смерти, потому что моя любовь и преданность к тебе превратились в вину. Кто в этом виноват? Ты помнишь, как, решив выйти замуж за Алексея, я тащила тебе полные карманы конфет со своих смотрин? Ты всегда любила сладости... Вот и сейчас, я выхожу замуж за Мимиса ради всех нас, и поверь, это лучше, чем, если бы я осталась подле тебя. Я буду работать, у меня будет обеспеченный муж, а, значит, у всех нас будет обеспеченная жизнь, нам нечего будет бояться, хватит на всех. Но для этого ты должна отпустить меня сейчас, ни в чем не обвиняя и не подозревая. Я никогда не брошу ни тебя, ни Анну».

Но я молчала. Неужели Александра сама этого не понимала?!

- Вы не ее ребенок. Она родила вас, но вы не ее ребенок, - С.И. уже встречалась с моей мамой и, вероятно, имела право на подобное умозаключение. Ее серо-голубые глаза вспыхнули, прошелестел накрахмаленный халат. Мне показалось, она чувствовала себя немного убийцей, но она старалась вылечить меня, отсекая от меня мою маму и мою вину.

Это правда. Мне иногда кажется, что я, действительно, не ее ребенок, но, если я ей чужая, почему же тогда я так откровенна с ней? Она так много знает обо мне. Мне приходят на ум картинки массового психоза, огромные толпы, безумные глаза и беспрекословное повиновение. Со мной происходит то же самое, только я – в единственном числе.

- Вы должны знать, Лиза, что после сорока человек проживает жизнь назад. Ваша мама не исключение. Сейчас она возвращается к своей молодости и у нее возникает комплекс вины по отношению к вам. Она не всегда была рядом с вами, она разошлась с вашим отцом, не сумев сохранить семью. Ей есть, за что винить себя. Поэтому она боится, что вы, будучи на нее в обиде, бросите ее и уже обвиняет вас в этом. Заранее, так сказать. Но из всякой ситуации есть выход. Сейчас уже вы должны руководить мамой, а не она вами. Восточная поговорка гласит: «Человек в шестьдесят лет, что верблюд на веревке – куда его поведешь, туда он и пойдет». Придет время, и вы ей сможете объяснить, что жить рядом, быть привязанной к ней, поступаясь при этом своими желаниями и возможностями – одно, а не бросить ее – совсем другое. Вы всегда можете заботиться о ней, даже на расстоянии.

Согласившись с этими мудрыми словами, я подумала, что ассоциации с животными, а тем более, отрицательные ассоциации, мне не подходят. Я представила верблюда. Я представила старого верблюда и мне стало его жалко. К животным я отношусь, по особому, по-родственному. Именно поэтому я, не задумываясь, забрала бы с собой в Грецию Забаву, а Александру брать не хочу и от этого страдаю. Надо избавляться от своей собачьей преданности».

Глава 45.

Страх быть узнанной Богом.

«21.01.1992.

Так страшно сойти с ума! И, так же трудно, почти невозможно, притворяться нормальной.

С.И. сказала, что поверить в загробную жизнь можно, если представить себя гусеницей, из которой, через какое-то время, появится бабочка. Гусеница ведь тоже не знает, что она станет бабочкой, так и человек не знает наверняка и с трудом верит в то, что его душа освободится и бабочкой устремится к голубым небесам. Попробовала сделаться гусеницей на какое-то время, что нетрудно, но мне не отлегло, а напротив, стало совсем уж жутко. Задохнувшись в темном и тесном коконе, я не смогла родить ни одной светлой мысли о красавице-бабочке, просто потому, что она буду не я, гусеница, а совсем другое существо. Я никогда не смогу в ней узнать себя, зеленую и непривлекательную, вот в чем весь ужас. Узнаем ли мы

после смерти свою душу, отделившуюся от нашей непривлекательной, земной оболочки?

Очень тяжело выносить чувство раздвоенности. Почему-то пропускаешь через себя только плохое, хорошее отскакивает. Если болит, то это да, это мое, а если купаться в прозрачном и чистом, обновленном после зимы море, это – нечто запредельное и неосязаемое, не вызывающее ни радости, ни ощущения прохлады на онемевшем теле, ни вкуса соли на губах. Я, правда, узнала, что нечто подобное происходит не только со мной и это, как всегда, меня успокоило. Анри Пруайе, например, сказал: «Реальность напичкана неправдоподобными вещами и поэтому похожа на плохой роман». С моей точки зрения, она похожа даже не на плохой роман, а на документальную повесть с описанием всех тягот и констатацией смерти в конце. Моя повесть дополняется сновидениями, которые я не просто вижу, но проживаю их и, поэтому, очень устаю. Мучаюсь дважды – наяву и во сне.

Зыбко существуя и раздваиваясь, продолжаю гадать – ехать-не ехать? Нормальному человеку было бы очевидно, что ехать надо, но я так и не смогла полюбить того, кто ждет меня в Греции. Я не забыла и простила этому человеку ту выходку, котоую он позволил себе прошлым летом в присутствии Игната.

С.И. рассуждает так: если так неважно здесь, то ехать надо, предварительно постаравшись понять и объяснить поступки Мимиса, которые можно оправдать. Его нетерпение означает нетерпение, а его грубость означает желание преодолеть мое сопротивление, потому что он любит меня, а я его нет. Тут можно было бы поправить С.И., уточнив, что не любит, а хочет. Но не все ли равно, в конце концов! Раз так долго хочет, значит, любит».

* * *

«Январь, 1992-го года.

Моя дорогая, ускользнувшая от меня моя прекрасная леди, как мне вернуть тебя?

Я всегда планировал поселить свою новую семью в большом новом доме с камином, чтобы его тепло согрело длинными, зимними вечерами мою трепетную красавицу-жену. Наше расставание нарушило мои планы. Но я продолжаю себя спрашивать, неужели так уж необходимо тратить деньги на новое жилье, и почему бы не остаться в трущобах, т.е. в нашей квартире в Пиреях, и тратить на приятную жизнь – наряды, рестораны, путешествия по Греции и в другие страны, на машину для моей требовательной женушки? Не говори мне, что хочешь и то, и другое, потому что и то, и другое мне не по карману. Деньги не растут на деревьях.

Ну ладно, квартира, так квартира. А если так, я должен поторопиться со своими планами. «На этот раз я не буду долго ждать. Все в твоих руках», - предупредила ты. Квартира в Пиреях, два надела земли, один рядом с морем, равный по площади тому, что на Эгине, другой – в сосновом бору, в 15 километрах от Афин – все это будет продано, чтобы выручить достаточно денег на новое жилье. Найдем, разумеется, моего друга-архитектора, ты его знаешь, он творит чудеса. Но все это не сразу. Месяцев шесть нам придется прокуковать в Пирейских «трущобах», пока все уладится, продается и купится.

Хочу напомнить тебе, что если ты, наконец-то, согласишься выйти за меня замуж и переедешь в Грецию, у тебя будет свой архитектор, свой врач, свой банкир и т.д. – все мои друзья. Чтобы убедить тебя окончательно стать моей женой,

напоминаю тебе, что когда придет мой час, новая квартира, а также 85% моей пенсии, перейдут к тебе. Если ты станешь и останешься моей женой, разумеется. Учти, на этот раз я тебя не тороплю, но если ты решишься на то, чтобы соединить со мной свою жизнь, это будет навсегда. Никаких оговорок, оправданий или репетиций. Я пережил твое дезертирство прошлым летом, но развода я не переживу. Лучше не приближайся, не бери мне душу надеждами, оставайся там, где ты есть.

Ты умна, даже мудра не по годам, образована, повидала свет и, надеюсь, твое поведение, на этот раз, будет отличаться зрелостью. Используй свою женскую интуицию, все свои качества и добродетели, и роди новую жизнь на радость нам обоим. Прими бесповоротное решение и потом не оглядывайся, смотри только вперед и в будущее!

Пусть Господь укрепит твой дух и благословит твое решение.

Любящий тебя, Мимис».

* * *

«05.02.1992.

Осталось два с половиной месяца до того дня, как приедет Мимис. Все эти месяцы он помогал нам, присылая посылки с продуктами, шоколадом и зубной пастой. Сейчас он в Италии, звонит каждый день, сожалеет, что рядом нет меня и покупает мне подарки. Как прав был Кокто, однажды заметив, что любви нет, есть только доказательства любви.

Я начинаю верить в доказательства, но не в любовь.

Как трудно будет прожить эти два месяца под одной крышей с Алексеем! Быть друзьями у нас не получается. Он почуял, что мы уезжаем насовсем. Пожалел, что за ним Господь так и не прислал лодку. Что я могу ему сказать? Была ли я его лодкой в свое время или он моей? Теперь я уплываю (да уплываю ли?), но мне кажется, что на этот раз я там останусь. Хочется надеяться, что мы оба изменились: Мимис выучил свои уроки, я – свои. Он, надеюсь, понял, почему я сбежала, а я, скользя по граням умопомешательства, все еще пытаюсь понять, как жить без любви. Урок не дается, но я стараюсь.

Еще два раза мне удалось поговорить со С.И. Она говорила мне, что, добиваясь цели, не надо рвать жилы, а надо легко и грациозно подниматься по ступенькам лестницы туда, где это цель меня ждет. Мы говорили о том, что я – мужчина, привыкший нести ответственность за всю семью на своих плечах, а надо учиться быть женщиной, иначе моя попытка воссоединиться с Мимисом снова будет обречена на провал. Какой он там ни есть, мерзавец, охайник и скупердяй, он, все же, настоящий мужчина, требующий от женщины женского. Мне было предложено жить радугой, которая есть в душе у каждого, а ни одним, раз и навсегда, выбранным цветом. И еще она сказала, что в том самолете, который разобьется, меня никогда не будет. Поговорив с моей мамой, она сказала ей то же самое: если она будет думать, что там, где плохо, меня нет, мне будет хорошо, а если мне будет хорошо, от этого сможет выиграть и она тоже. Не думаю, чтобы Александра поддалась на эти двусмысленные уговоры.

А сегодня мы говорили о смерти.

- Что для вас жизнь? – спросила С.И.

- Вся моя жизнь, начиная с юношеского возраста, это – боязнь смерти, - призналась я. – Именно поэтому мне не сидится на месте. Я обрекаю себя на постоянные мытарства, физические и духовные, заставляю себя участвовать во всяких дурацких приключениях, чтобы только отвлечься от этих мыслей. Не могу успокоиться, гоняюсь за событиями и теряюсь, тупею, начинаю нервничать и ненавидеть себя, если вокруг меня ничего не происходит. Именно поэтому мне так подходила работа в «Интуристе», там всегда что-то случалось и я иногда забывала подумать о смерти.

- Скучаете по огням рампы?

- Скучаю. Быть звездой ненужно и суетно, но приятно.

- Учитесь жить спокойно, без суеты.

- Еще не могу. Я тут на днях взбодрилась, придумав, что приеду, соберу всех друзей Мимиса и произнесу речь. Как он победил обстоятельства, как поддерживал и помогал мне, и как, в конце концов, сумел завоевать меня.

- Зачем?! – воскликнула С.И. – Зачем вам впускать посторонних людей в свою личную жизнь? Зачем что-то доказывать? Поймите, Лиза, вам никому ничего не надо доказывать. Вы красивы и самодостаточны, вас легко любить и восхищаться вами. Перестаньте доказывать, царите! Царите невозмутимо и с достоинством, и получайте удовольствие от себя. Господь так щедро вас одарил. Это их проблема как они воспримут вас, с осуждением или на ура. Вот пусть они с этой проблемой и живут.

- Не знаю, зачем я это делаю. Добиваясь любви, я чувствую, что не достойна ее. Я заставляю себя заслужить ее, постоянно доказываю кому угодно, первому встречному, что достойна его любви.

- Вы в этом не виноваты. Это наш социалистический лагерь в этом виноват. Вас выпустили на свободу, но, прожив всю жизнь в закрытом пространстве лагеря, вы испытываете комплекс неполноценности. Ведь нашу страну называют третьим миром, а вы выезжаете в свободный мир, где на вас смотрят сверху вниз, подозревая в том, что вы ухватились за первую попавшуюся возможность, чтобы улучшить свое положение. Но мне казалось, что вас это не должно касаться, вы ведь другая, не такая, как мы все. В вас проглядывает врожденное достоинство, не теряйте его, что бы ни случилось.

- Я еще хочу сказать о смерти, - настаивала я. – Мне кажется, что, не избавившись от страха перед смертью, да и от любого страха вообще, нельзя обрести достоинство.

- Кого же вы боитесь? – спросила С.И.

- Чего. Внезапной смерти. Я паникую, если крошка попадает мне не в то горло.

- Вы больны и осторожничаете с собой. Внезапная смерть, Лиза, самая лучшая смерть. Господь не всех награждает такой смертью.

Смеркалось. Не хотелось зажигать свет и С.И. спокойно сидела в кресле напротив меня, скрестив свои изящные ноги. Она смотрела не на меня, а куда-то вглубь сумрачной комнаты, ее рассеянный взгляд был устремлен на пустое кресло. У меня возникло ощущение, что мы были не одни, присутствовал еще кто-то третий.

- Если я буду долго болеть, - шепотом продолжала я, не обращая внимания на третьего, - мне будет легче примириться с мыслью о смерти. Периоды отчаяния будут сменяться смирением, продиктованным безвыходностью. Но вот, например, казнь. Казнь страшна, невероятно страшна. Ты здоров, полон жизни, но через минуту, через час или день, тебя не станет, и ты знаешь об этом. Как

примириться? Казнь – это самая страшная из внезапных смертей. Другой человек, такой же, как и ты, смертный, решает, что ты должен умереть. Его воля – для тебя закон. Почему? Эта же воля отбирает у тебя шансы на борьбу, на малейший шанс предотвращения твоей участи. Ты – бессилен, это ужасно.

С.И., вероятно, догадалась, что подсознательно свое предстоящее замужество за Мимисом я ассоциирую с собственной казнью. Он так и остался для меня той плахой, на которой мне снесут голову. Поэтому она заговорила о другом, решив избавить меня от страха перед смертью вообще.

- Не пугайтесь так, что вас не будет. Для вас ценность земной жизни разрослась до таких невероятных размеров, потому что вы не верите в ее продолжение. Вы крещенная? – вдруг спросила С.И.

- Нет.

Мне вспомнился наш с Фахри разговор четырехлетней давности. Он меня тоже тогда уговаривал принять веру, а я ему ответила, что боюсь.

- Вы будете смеяться, - сказала я, - это отвлеченные матери, но мне они представляются вполне реальными. Я боюсь Бога по двум причинам. Во-первых, мне кажется, что, если он увидит меня среди своей паствы, так сразу же и призовет к себе. Во-вторых, я не готова стать «рабой божьей». Не хочется становиться подвластной чьей-то воле, даже Его.

- Он и так вас видит, некрещеную. Видит же он животных, а их не крестят.

«То есть как, видит?!» - я по-прежнему смиренно сидела в удобном кресле, но все во мне неожиданно напряглось. Каждый день животных сотнями тысяч уничтожают на фермах, а зверей истребляют в лесах, а Он их видит?! Видит и что делает? Упивается жертвоприношениями? А маленькие дети, умирающие от голода и болезней? И детей он тоже видит? Так в чем же состоит его защита, чем она хороша? Можно ли положиться на него, доверив ему свою жизнь? Или с его позволения убивают только тех, у кого на лбу нет Его печати? Но убивают как раз те, у кого эта печать есть, кто верует и молится, кто ходит в церкви и целует руки попам».

Больше мы не разговаривали. С.И. была прекрасным доктором, она пыталась вылечить меня от моего глубоко укоренившегося чувства вины и от моих страхов, приложив для этого немало усилий и щедро поделившись своим временем. Но я поняла, что мне нужен Учитель, тот, который смог бы растолковать мне жизнь и веру. Не может быть, чтобы Иисус, однажды спасши все человечество, взяв его грехи на себя перед Отцом своим, вдруг навсегда бросил это беспомощное и грешное человечество на произвол судьбы. Вместо того, чтобы избавить нас раз и навсегда от лукавого и, следовательно, от грехов наших, он усложнил задачу, поставив нам условие: если будешь верить, значит, не будешь грешить. Эта задача оказалась человечеству не по зубам. Притворяясь, что веруем, мы всюду грешим. Дружа с дьяволом, мы лжем Богу. Два раза в год мы демонстрируем Господу нашу массовую преданность, пытаюсь убедить его в том, что помним и любим его. Чего мы боимся? И стоит ли действительно чего-то бояться? Существует ли там, за пределами нашей теперешней жизни, награда или наказание? Мы с кем-то или сами по себе? И если Господь любит нас всех без исключения – праведных, грешных и преступивших, почему, вместо его любви, мы сталкиваемся с одиночеством, несправедливостью и жестокостью? Существует ли его любовь на самом деле или нас завлекает ею сладкоголосая церковь, которая старается не «упустить клиента»? Стоит или не стоит, все-таки, верить? И за что Господь действительно несет ответственность? За наши тела или души? Если только за души, тогда он не повинен в смертях, мы

умираем сами и убиваем друг друга и детей своих сами. Но почему он не отмоеет наши души добела?! Стоп! Их-то он как раз и отмывает. Наша брeнная земная жизнь его не интересует, он опекается очисткой и инвентаризацией наших душ. Если вся фишка в том, чтобы мы сами уничтожали свои излишки, оберегая планету от перенаселения, то неужели Он не понимает, что дело уже давно не в количестве людей, а в количестве денег в карманах некоторых человеческих особей? Он, что, слепой? Ведь эти особи с миллиардами на спрятанных счетах, уже давно мнят себя богами. Они уже давно заняли Его место и церковь Христова служит земным богам, а не Ему.

Лучше, спокойнее, этими вопросами не задаваться, но они сами лезут в голову. И если уж спрашивать, то только того, кто ответы на эти вопросы знает наверняка».

Глава 46.

Компромисс с Богом и с собой.

«09.02.1992.

Сегодня утром позвонила Мария и сказала, что, вероятно, в следующую среду нас с Игнатом покрестят. Мы вместе работали в «Интуристе», но наше знакомство было шапочным. Некоторое время назад она позвонила – ее звонок был полной неожиданностью для меня – и спросила, есть ли у меня Библия на английском. Ей надо было закончить какой-то перевод. Я сказала, что есть, нашла и продиктовала ей по телефону нужные фразы. Почему она позвонила именно мне? Ведь в англо-американской группе целый штат ничем не занятых переводчиц, естественней было бы позвонить туда. Откуда она узнала мой номер телефона? Провидение Господне?

Потом Маша пришла ко мне пить чай. Мне показалось, что с ней просто и хорошо. Сглупив, я спросила, как поживает ее маленький сынишка. Каким-то образом, я знала, что у нее есть ребенок. Смутившись, она ответила, что детей у нее нет, что она уже долго болеет и часто ходит в церковь. У нее подозревают рак матки. Несколько лет она любила женатого мужчину и, однажды, ей пришлось избавиться от его ребенка. Расставшись со своим любимым, она теперь коротает время один на один со своей страшной болезнью. Мне было жаль ее и, в то же время, я злилась – ну почему, почему некоторые женщины так уничижительны и, соглашаясь быть заведомо обманутыми, не восстают и не требуют от судьбы, от людей и от себя большего?

Маша знала отца Василия, священника из храма Серафима Саровского, что в Пуще-Водице. Она восторгалась им, часто ходила в приют, организованный им для бездомных детей, и договорилась с ним о приобщении моей и Игнатовой заблудших душ к пастве.

И снова я подумала, что я и ехать в церковь не хочу, и креститься боюсь.

Позвонил Мимис, он очень обрадовался нашему намерению креститься, сказал, что это самая хорошая новость для него. Почему? Мое некрещеное тело точно так же прельщало его, как будет прельщать осененное крестом, а душой моей он никогда не интересовался. Он с радостью и гордостью сообщил, что присмотрел, наконец, обручальное кольцо для меня. Спрашивал размер. Безумно приятно, когда

мужчина так явно озабочен тем, чтобы кольцо было впору. Ну что же, значит, это судьба.

Меня никогда не будет там, где плохо, не правда ли?».

«15.02.1992.

12-го, в среду, нас с Игнатом крестили.

Целых три года я непрерывно думала об этом. Думала и боялась. Хотела приобрести в лице Господа защитника, но в тоже время, боялась отдавать себя и сына в его власть. Накануне, я прочла книгу о Серафиме Саровском, которую купила в одном из Лаврских киосков.

Начала читать я ее перед сном и наобум, с конца, как я обычно делаю, просматривая журналы, и наткнулась на главу «Птенцы Серафима Саровского». Прервала я чтение, когда было уже далеко за полночь, почувствовав, как волна негодования, поднимаясь в моей груди, мешает мне дышать. В этой главе рассказывалось о том, как Серафим попросил плату за то, что вылечил Мантурова – молодого, богатого человека, только что женившегося и начинающего жить. Плата была высока: «Радость моя, откажись от всего и живи в нищете». Не буду рассказывать, сколько несправедливостей Мантуров вынес после, как голодал и болел. Вероятно, такая ему выпала доля. Но вернемся к его благодетелю, Серафиму Саровскому. Зачем ему нужны были деньги таких, как Мантуров? Убеждена, что те, кого Господь наградил даром исцеления, должны это делать от чистого сердца, не требуя платы за исцеление. Пожертвовать и отблагодарить за исцеление дело добровольное. На деньги, которые остались у Мантурова от продажи имения, Серафим построил монастырь и стал покупать земли в округе. Выходит, он прославлял себя. Да и чем, скажите мне, отличается монастырь с богатыми угодьями, принадлежащий такому институту, как церковь, от имения, с теми же угодьями, принадлежащего какой-нибудь семье? В первом случае монастырь служит прибежищем для кучки лентяев, не сумевших найти себя в миру и давших клятву на вечное служение Господу. Во втором, имение служит домом для определенной семьи, что гораздо более естественно и важно, и почему во втором случае это считается непозволительной роскошью и грехом, а в первом богоугодным делом?

Мантуров снова занемог, видно отказ от материальных благ не дал нужных результатов. Будучи при смерти, он еще раз обратился за помощью к Саровскому. Последний предложил его сестре умереть за брата. Это что, исцеление посредством жертвоприношений?! Шаманство какое-то! Ей было 27 лет, правда последние шесть лет она жила в скиту, подле Саровского, питаясь одной печеной картошкой и лепешками. Ее служанка умерла от чахотки. Когда Серафим предложил ей умереть, она сказала: «Я боюсь смерти», на что Серафим ответил: «Нам ли с тобой бояться, радость моя?» Вот так великий праведник распорядился человеческими жизнями.

Все это мне не понравилось, я разволновалась и последовал приступ. Церковь, в которой нас собираются крестить, носит имя Саровского и я подумала, как же я могу переступить ее порог, если я столь не согласна с его деяниями? Он еще проклянет меня! В оставшиеся несколько дней до крещения, я рассказывала о своих сомнениях всем. Мне отвечали разное: что, при его жизни многие тоже не были согласны с ним, что я иду не к нему, а к Господу и что, прежде всего, я должна знать,

зачем мне это, т.е. крещение, нужно и тогда все станет ясно и спокойно. И идти я должна с открытым сердцем, иначе, если пойду к Господу подавленная и в страхе, так всю жизнь и буду нести свой крест. За что же крест?!

Во время крещения все прошло хорошо.

Загадала, чтобы выглянуло солнце. С утра день был пасмурным, но когда отец Василий подошел ко мне с крестом, в окно крещальни проник солнечный луч. Чудо?

Друзья обступили меня и Игната плотным кольцом и во всем помогали. Как хорошо иметь друзей! Витька стал крестным отцом Игнату.

Пришли домой и пили чай с пирогами, которые напекла Анна. Накатило блаженство и ноги и руки до вечера были теплыми. Мне было спокойно и радостно. Игнату тоже».

«26.02.1992.

Ничего. Готовлюсь к завтрашнему дню».

«27.02.1992.

Ни свет, ни заря ходила в Лавру на излечение. Больные, плохо одетые, несчастные люди собрались в одной из церквей близ Дальних пещер и ждали специальной службы. Вскоре двери открылись, нас пустили внутрь, выстроили в два ряда, лицом друг к другу и батюшка стал читать молитвы, брызгая на нас святой водой и рисуя маслом кресты на наших лбах. Масло текло по щекам и смешивалось с водой. К концу службы, которая длилась два часа, я вся промокла, но усталости не ощущала. Машинально повторяя то, что делали остальные, потому что от растеряности я не понимала ни слова из молитв, произносимых батюшкой, я неистово крестилась. Я боялась этих людей, была чужая среди них. Я чувствовала их обреченность и знала, что я – другая. Их души, несмотря на то, что их лица выражали рабскую покорность и преданность, оставались закрытыми. После службы раздавали освященное масло в бутылочках, образовалась очередь к раздающему. Я стояла в стороне и раздумывала над тем, верю я или не верю в чудесные свойства этого масла. Не хотелось лезть в очередь и соприкоснуться с ожесточившимися и озлобленными от болезней людьми, желающими обрести в маленькой бутылочке свою последнюю надежду. И вдруг, меня как будто что-то толкнуло. Я влезла в самую середину, растолкала тех, кто был рядом, и вырвала из рук монаха последнюю бутылочку. Зачем я это сделала? Как я посмела? Ведь я никогда не дралась в очередях! Впервые я приняла участие в чем-то, что раньше было для меня непостижимо – я соприкоснулась с людьми, которые прозябают где-то там, на темной стороне жизни. Я не только воочию увидела героев Достоевского, я на некоторое время стала одной из них. Они пришли к Богу и я пришла вместе с ними. Я не только соприкоснулась с ними, но вырвала последнюю бутылочку с маслом у них из-под носа. Значит, я тоже не лыком шита. Раньше я боялась этих людей, теперь я боюсь себя».

«12.03.1992.

Сегодня страшный и черный день. Проснулась с камнем на душе, волосы змеями сдавливали горло, руки и ноги искривились и торчали, как ветки голых деревьев, изуродованных постоянным холодным ветром. Сначала думала, что пройдет. Пила валерьянку, работала, что-то готовила на кухне. Приняла душ. Все напрасно. Пришлось звонить С. И., но ее не застала. Поняла, что день придется прожить самой. Потом меня тошнило. Поехала в аэропорт, на таможенный склад, за посылками от Мимиса, но опять все без толку. Посылок нет. Страшно продрогла. Вернулась домой и совершенно подавленно провела уроки. После уроков выпила четыре рюмки коньяка и немного отпустило. Позвонила одна знакомая переводчица, составившая мне протекцию в шведском посольстве. Отказалась работать в Шведском посольстве, а также в Южнокорейском торгпредстве. И все ради чего или кого? Этот вопрос мучил меня всю прошлую ночь и весь сегодняшний день. Ради того, чтобы выйти замуж за нелюбимого человека, заниматься любовью, как только он потребует и надеяться, что он облагодетельствует мою семью? Зачем я убеждаю себя, что Мимис меня любит? Зачем чувствую себя бессильной самой встать на ноги? Отчего я слабая и всего боюсь? Отчего сдаюсь, пустив свое знаменитое переразвитое чувство достоинства по боку?

Потому что я знаю, что и в посольстве, и в торгпредстве все начнется сызнова, т.е. с яблока в райском саду. Я обязательно стану чьей-нибудь любовницей, или меня сделают чьей-нибудь любовницей. А если нет, то выгонят, найдут более сговорчивую молодую украинку, которая будет благодарна за хороший оклад и уроки любви. Отчего же мне не быть благодарной за те же уроки любви? А оттого, что достоинство мне не позволяет. Мне статус нужен. Я буду замужем за отставным генералом-летчиком. И, хоть противен он мне, но звучит более благородно, чем подруга шведского консула, каждый раз отбывающего на праздники домой, в Швецию, где его ждет жена и четверо детей.

Вечером позвонил Мимис спросить насчет посылок. Вместо ответа я ему высказала, что надеюсь, не буду жалеть, отклонив такие соблазнительные предложения. Он обиделся и ответил:

- Только не бросай меня».

* * *

«Март, 1992-го года.

Дорогая моя женщина!

После того, как ты снова стала отвечать на мои письма, я схожу с ума от счастья. Что мне еще нужно? Мне нужна ты, живая и невредимая, в оболочке своего прекрасного тела! Неужели я так ненасытен?

Милая моя, чем дольше я тебя знаю, тем лучше я понимаю тебя, скрупулезно планирующую будущее, свое и своего ребенка, я понимаю твой трудный характер, твоё упорное желание жить лучше, порвав все узы с прошлым, я понимаю твоё стремление к независимости, может быть, даже без уз брака в общепринятом понимании. Ты хочешь взмыть сизокрылой голубкой в небеса, или вольно бродить прекрасной ланью в застывшем, предосеннем лесу, любуясь своим отражением, в медленно несущих свои воды, лесных реках. Мне хотелось бы стать оленем, твоим преданным самцом и следовать за тобой, забыв обо всем, прежде всего, о земном

материальном мире. Только и делать, что нашептывать в твое подрагивающее ушко слова любви, ласкать губами твою шелковистую кожу, не отрывая взгляда от твоих серо-зеленых, спокойных, глубоких глаз.

Хочу послать тебе кое-то: нечто, что возбудило бы тебя, разлилось теплом по твоему нагому телу, коснулось твоих стройных ног, что отравило бы тебя напоминанием о хорошей жизни. Посылаю тебе шелковый отрез, купленный мною в Швейцарии, во время ледникового периода наших отношений. Ты убивала меня, но мое истекающее кровью сердце, хотело ответить чувствами мягкими и нежными как вздох, как шелк.

Целую тебя всю,
Мимис».

* * *

«3.04.1992.

Вот и настал апрель. Именно тот месяц, что начинает череду облегчений и улучшений в моей жизни. По крайней мере, так предсказывает мой гороскоп. Я же чувствую себя, как кошка на раскаленной крыше. Приближается 18-е число, приезд Мимиса и наша с ним помолвка. Теперь она должна состояться 18-го, а не 24-го, как было намечено раньше. Вот так, никого не зная, ни с кем не будучи знаком, он сразу предстанет в качестве моего будущего супруга. Хотелось бы денька два-три на то, чтобы разобраться в своих чувствах, но Пасха, Господи!

Да, неминуемое приближается. Мама снова купила Мимису картину, Игнат боится, что будет скучать и захочет вернуться, хотя всю зиму только и мечтал о Греции, а я... Я хочу плакать и стенать. Почему? Не знаю. По ночам мне снятся кошмары о том, что я никак не могу вытолкать Алексея из этой квартиры и они спят с Мимисом в одной постели. Так оно и есть. Уже три года они живут во мне вместе и нераздельно, и оба противны мне до омерзения. Алексей меня не тревожит и боли не причиняет, он полностью погрузился в свои дела. Разговариваем мы очень мало. Я отошла от него, как от стены, и стараюсь снова к ней не прислоняться. Помню, прошлым летом на Эгине, исподволь наблюдая за Мимисом и его недоразвитым, убогим телом, я сравнивала его с высоким и статным Алексеем. Особенно мне не давали покоя воспоминания о его длинных ногах. Эти длинные, стройные ноги, принадлежащие моему нелюбимому мужу, сыграли значительную роль в моем настойчивом неприятии Мимиса. Я всегда испытывала неприязнь к слабой воле и неразвитому характеру Алексея, но никогда к его телу. Вот и сейчас, за две недели до своего обручения с Мимисом, мне хочется прижаться к Алексею и погладить его змеиную кожу.

По вечерам я читаю детективы и немного отвлекаюсь. Встаю рано, готовлю еду, потом готовлюсь к оставшимся урокам, потом сплю. Набралась мужества и сходила к хирургу-онкологу. Сначала он, вроде, что-то увидел на моей маммографии, но потом сказал, что ничего страшного нет. Теперь я глотаю микстуру с йодом, надеюсь, что то, что он увидел, рассосется.

Александра находится в смятении, она всего опасается и не знает, о чем говорить с Мимисом. Мне хотелось бы, чтобы она была спокойней и мудрей. Анна взялась шить мне костюмчик из шелка, который Мимис купил в Швейцарии, и

испортила его. Не плохое ли это предзнаменование? Я прошу ее закончить его хоть как-нибудь.

Друзья, Витька и Маша, относятся к моей предстоящей помолвке с иронией. Может быть, под таким своим отношением они прячут волнение и неуверенность. В связи с этим я думаю, какую роль мне предстоит играть? Опять главную? Все на себя, метаться по сцене, покрываясь потом и оставляя кровавый след за собой, или расслабиться, плыть по течению, отдавшись на волю обстоятельствам и пусть играют другие? Мимис, например. Пусть расскажет всем, как он любит меня и как, на этот раз, собирается сделать меня счастливой и заставит нас всех в это поверить. Пусть и другие немного поиграют, а я буду связывать мизансцены в актах, переходя от одного героя к другому».

«16.04.1992.

И сама ты раздрызганная, и в квартире у тебя раскардаш».

«29.04.1992

С трудом вспомнила дату. Где это я остановилась в предыдущий раз? Ах да, мои друзья с иронией относятся к моей помолвке. Помолвка уже состоялась. Уже все состоялось. Неделя, проведенная Мимисом в Киеве, осталась позади. Пасху мы праздновали в Греции, на яхте у одного из знакомых Мимиса, а теперь коротаем холодную весну 1992-го года на острове. Яхта была чудесная, вся белая внутри, пол в кают-компаниях был выстлан пушистым ковром цвета сливок. Все снимали и оставляли обувь на трапе, шлепая дальше по коврам босиком. Мимис внес себя в туфлях, видимо, он бывал не частым гостем на яхтах, а я-то и по давню, попала на такую яхту впервые. Тело Мимиса было немного наклонено вперед, как было принято века, эдак, полтора назад, у подбострастных конторских служащих при виде начальника. Хозяин яхты обращался с нами вежливо и обходительно, мы не принадлежали к его кругу и, поэтому, он предпочел не намекать о нашей оплошности, как сделал бы запросто со своими. Мы же выставили себя страшными провинциалами и невеждами. До сих пор, на глазах выступают жгучие слезы от стыда. Как неудобно, не зная достатка, не разбираться в роскоши!

Неделя в Киеве прошла как нечто нереальное, как некая фантазмагория, придуманная мною. Но, если бы это была только моя больная фантазия, ничего бы не произошло. Вот и снова прав Толстой, писавший о том, что воля одного-единственного человека ни на что не способна и ничего не значит, не перекинись она и не размножись в волях других. Так и моя помолвка: задуманная мною, она была исполнена другими, а моя отчаянно кричащая, вдруг одумавшаяся душа, металась среди них, познавая запоздалую истину.

В день прибытия Мимиса, в Киеве шел дождь, просыпалась листва на деревьях, убиралась квартира, ставились в вазу цветы, все волновались, я боялась. Боялась убежать прямо из аэропорта. Но какая-то болтливая женщина отвлекла меня разговором и, вдруг, появился он – мне показалось ниже, худее, цвет его лица был темнее. Но это был он – морщины, детские глаза, полные вопросов и опасений за себя, не обидит ли кто его тут, ведь это чужая земля, не его территория. Узнав этот взгляд, трогательный и отвратительный одновременно, я почувствовала себя

спокойно – мы давно знакомы. Сели в машину и по дороге домой, я съела целую плитку шоколада.

Дома мы стали рассматривать подарки: мое обручальное кольцо с тринадцатью бриллиантами, костюм для Игната, приятные мелочи для остальных. Потом ели курицу и пили шампанское. Часов в десять вечера, вместе с Игнатом, мы проводили Мимиса в гостиницу. Дождь хлестал как из ведра, мы сели в автобус, но потом, все равно, пришлось идти пешком. Ноги промокли, разные ощущения большими каплями стучались о мою душу, но я старалась не думать. Мимис страшно злился. Несмотря на то, что мы обо всем договорились заранее, он почему-то думал, что проведет сегодняшнюю ночь в моей постели. Пребывая в полной уверенности, что бриллиантового кольца должно было хватить с лихвой, чтобы я забыла об условиях, он снова был готов сорваться при Игнате и с трудом сдерживал себя

Вернувшись домой, я принялась укладываться спать, пряча за слезами свою догадку о том, что ни я, ни он, теперь ставший моим женихом, не изменились. Наши письма и звонки снова были обоюдным обманом, на который мы попались уже в третий раз. Только под утро я легла в постель. Рядом было пусто. Еще вчера там спал Алексей. Так прошла суббота. В воскресенье началась программа: к дому подъехал старый правительственный ЗИЛ, взятый мною на прокат. После нескольких лет забвения эту, некогда легендарную машину, вытащили на свет и стали сдавать в наем брачующимся. То есть таким, как мы. Теперь мне кажется, что другой машины у нас и не могло быть. Старый, поношенный экземпляр.

Через два дня мы уехали в Москву за визами для меня и Игната. Купили СВ туда и обратно. Мимис настаивал на том, чтобы мы занялись любовью на узких кроватях в купе. Он сказал, что ни разу не занимался любовью в поезде, надо попробовать. Почему все его попытки любить выглядят как зарубки на стволе? Надо попробовать тут, надо попробовать там, как туристы, повсюду оставляющие надписи о том, что они здесь побывали. Я оттолкнула его. Ворча, он ретировался на свою кровать и моментально захрапел. Через некоторое время проводница постучала в дверь и спросила нельзя ли сделать так, чтобы господин тише храпел – он не дает спать соседям. Я извинилась, сказав, что, к сожалению, не могу убавить звук. Посмотрев на меня с издевкой и жалостью, она с грохотом задвинула дверь.

По возвращении из Москвы я уговорила Мимиса вместе пойти к С.И. Хотелось, сказала я, чтобы ты познакомился с врачом, которая так мне помогла. Это ее заслуга в том, что мы снова вместе. Но на уме у меня было другое. Я часто жаловалась С.И., что мой будущий жених мне физически неприятен и это удерживает меня от окончательного принятия решения. Мне хотелось, чтобы при встрече, она ему намекнула о сдержанности, может быть, ее он послушает. Мимис согласился пойти, хотя чувствовал себя напряженно и скованно. Он не ожидал увидеть такую поликлинику, она показалась ему пятизвездочным отелем, за который нужно платить. Я его успокоила, сказав, что мрамор, лепка на потолке и цветы в кадках – для услады взоров заслуженных партработников, а медицинские услуги здесь бесплатные. С.И. встретила нас радушно. Она прекрасно говорила по-английски и некоторое время вела светскую беседу. Но, потом, все же сказала:

- Господин Загкос, Лиза испытывает некоторый дискомфорт от того, что вы постоянно настаиваете на физической близости. Не стоит этого делать. Наоборот, отпустите ее, забудьте на некоторое время об этом совсем, наберитесь терпения и она сама к вам придет. Вы должны поверить ей.

Мимис покраснел. Я знала, что он сейчас или заорет, или скажет нечто обидное. Но он сумел совладать с собой.

- Не выйдет, - лаконично ответил он. - Мы обручились и наша физическая близость является неотъемлемой частью нашего обоюдного решения стать супружеской парой.

- И все же, - настаивала С.И., - у вас большая разница в возрасте, дайте Лизе время привыкнуть, освоиться с вами, с мыслью о том, что вы теперь всегда будете рядом. Подумайте, впереди у вас годы и годы совместной жизни. Их хватит на все, вы еще успеете...

- Элиза, - по-гречески обратился ко мне Мимис, перебив С.И., - неужели ты настолько больна?».

«1.05.1992.

Сегодня Первое мая. Когда-то это был шумный праздник в бывшем Советском Союзе. Здесь, в Греции, это праздник трудящихся только в рабочих районах, где до сих пор сильна Компартия Греции. На Эгине, среди дач и вилл, Первое мая уже давно превратился в праздник цветов. Отдыхающие и островитяне украшают венками и цветочными гирляндами ворота, калитки и двери своих домов.

Вчера Мимис начал скандал, томясь в очереди в кассу в супермаркете, и мы немного повздорили. Будучи не в состоянии понять причины его раздражения, я не могла вмешаться и, как дура, смотрела, как он все больше и больше распаляется. Орал он на мужчину, который стоял позади нас, без всякой видимой причины. Когда мы вышли из супермаркета, он продолжал орать, только теперь на меня, оправдываясь тем, что ненавидит очереди и ревнует меня ко всем представителям мужского пола, оказавшихся рядом со мной. Снова что-то защемило внутри и снова я подумала, что сбегу отсюда, вспомнив, что есть лазейка. Ведь я оставила записку Алексею: «Ничего никому не говори до сентября». Вот как я подготовилась к тому, что надо, наконец, определиться.

После сцены в супермаркете, неприязнь к Мимису меня никак не отпускала, поднимаясь тошнотворным спазмом к горлу, оставляя привкус горечи во рту. Ненависть, которая сгубила все прошлым летом, была тут как тут, грозясь снова одурманить меня. Но потом все рассеялось, мы немного расслабились в таверне в Агии Марине за бутылкой розового вина и тушеным кроликом. Мимис выпил немного больше обычного. Мы все смеялись, но все-таки, все-таки, внутри продолжало щемить. И только сегодня утром отпустило. Я увидела его посреди двора у стола. На столе лежала охапка цветков красной герани и зелени. Из виноградной лозы он плел остов венка.

- Сегодня день цветов и над нашей дверью должен висеть венок. Жаль, что я не успел сделать его до того, как ты проснулась.

Я растрогалась и все стало вновь хорошо. Мы закончили венок вместе, укрепили его над дверью, он настоял на том, чтобы я взобралась на стул и сфотографировал меня. Завтракали мы в нижнем садике, было немного прохладно и я куталась в плед.

- Представь себе, - виновато признался Мимис, - вчера я забыл поздравить внука с первым днем его рождения. Невестка обиделась, сказала, что они теперь на втором месте, а вы, ты и Игнат, на первом.

Ну что же, так, наверное, и должно быть. У его невестки есть муж, его сын, и у меня теперь есть почти что муж – он сам. Правда, я тоже почувствовала себя вдруг неловко – ведь если он дедушка, то я теперь бабушка. После завтрака мы сели в машину и поехали к горшечнику выбирать новые чашки. Купили всем разные и, вдобавок, вазочку для цветов. На обед Мимис приготовил спагетти со своим фирменным соусом, по радио пел Хулио Иглесиас, я танцевала, мы обедали, занимались любовью и теперь я пишу обо всем этом...

Занимались любовью. Не совсем так, как мне бы хотелось, вернее, мне совсем не хотелось. Надеюсь, что когда-нибудь, моя неприязнь к нему рассеется, как пепел по ветру, а может быть и нет, но сейчас я не могу выдержать этого чаще, чем два раза в неделю, каждый раз расценивая нашу близость как наказание, чувствуя себя на следующей день свободной и веселой, но только до следующего раза. Ему же хочется все время. Не знаю, что в его желании больше, любви или укоренившегося сознания собственной неполноценности. Он постоянно хочет мне доказать, что он способен быть пылким любовником, который даст фору любому юнцу и, естественно, терпит одно поражение за другим. Мне же делается не по себе от его постоянных попыток приблизиться ко мне. Он мне напоминает низкорослого кобеля, который пытается взобраться на суку в несколько раз больше себя. Нет, чтобы уже устать и отойти, куда там, кобель весь в мыле пытается снова и снова, пока раздосадованная сука не покусает его как следует. Когда Мимис, наконец, поймет, что секс не главное в жизни разнополых (и однополых) людей, нам всем станет легче. Мне все хочется сказать ему, переиначив фразу из трогательного советского фильма: «Секс – это когда тебя понимают».

Из-за того, что Мимис физически мне противен, он подавляет меня, заполняя всю меня отвращением или, в лучшем случае, безразличием ко всему окружающему. Я вижу, но не чувствую красоту, между мной и миром стоит толстое прозрачное стекло. Заставляя себя смириться и не чувствовать ничего, а главное, гадливости, когда он прикасается ко мне, я становлюсь такой же нечувствительной ко всему остальному: ко вкусам, запахам, к маленьким радостям бытия, таким, например, как хороший ужин в моей любимой таверне. Но, позавчера, когда мы ехали в машине из Агии Марины, по радио играла легкая музыка, а оранжево-зеленое море, отражавшее предзакатное небо, было неописуемо красиво, и вдруг, до меня дошли слова, сказанные С.И.: «Ты должна найти место в своей жизни для мамы». Тогда, в ее кабинете, я только кивнула головой. Это был период, когда я ничего не могла поделать с мамой, она была везде. Она болела, она прощалась со мной и мысли о ней редко покидали меня. Сейчас же, в машине, мне представился квадрат и я отчетливо увидела место, отведенное в этом квадрате Мимису – один небольшой кусочек в нижнем углу. Мне представилось глупым, что раньше весь мир, всю природу, красоты острова, где я находилась, все ощущения и осязания, связанные не с ним, я пропускала через него. Так же нельзя! Я должна наслаждаться всем и собой, в первую очередь, и только иногда поворачивать голову в его сторону. Тогда, вероятно, я не буду испытывать тошноты от его постоянной близости.

Эгина встретила нас по-домашнему, все оказалось знакомым, все запахи – родными. Как будто не было этой страшной зимы с обмороками и трясучками-задыхаловками. Все те же каменные, выщербленные по краям ступени, ведущие в нижний дворик, их всего десять, все те же оливковые деревья, Бог знает, сколько им лет, все тот же шланг, свернувшийся змеей у колодца. Здесь хорошо рано просыпаться, неторопливо завтракать в саду, ехать в порт и покупать овощи и рыбу

прямо с лодок, выпивать чашечку густого ароматного кофе тут же, на набережной, наблюдая сквозь прищуренные веки за пришвартованными яхтами, размышляя о том, что у стольких людей есть яхты, дома, джипы, собаки, мужья, богатые и, вероятно, неверные, и что же? Что бы я предпочла, будь у меня выбор? Но, так как выбора у меня нет, и рядом все тот же Мимис, который гнусавит сейчас о необходимости экономии в домашнем хозяйстве, я продолжу...Хорошо идти купаться в предзакатные часы, когда море, вобравшее в себя жаркое солнце, спокойное и умиротворенное, хорошо потом принимать прохладный душ и, облачившись в шорты и свитер на голое тело, пить виски со льдом на веранде, потом одеваться и ехать ужинать, пить ригину, тягучую как смола, немного шалеть и есть кролика с луком, а потом возвращаться, лежа на заднем сидении машины, высунув ноги в открытое окно и слушать самую лучшую музыку.

Немного тоскливо здесь после обеда, когда не спится, а думается и думается, как назло, черт знает о чем, и лучше не думалось бы. Я, например, не знаю, как там все устроилось в Киеве после нашего отъезда. Вернулся ли Алексей и как застал квартиру и Забаву? Все ли в порядке? Мне иногда кажется, что Забава умерла или умрет. В последнюю неделю до нашего отъезда, мы мало обращали на нее внимания и не потому, что времени не было, а потому, что было больно до нее дотронуться и попрощаться с ней навсегда. Она выглядела несчастной, похудевшей и хромала на порезанную лапу. Ее надо было бы сейчас хорошо покормить, а Алексей будет оставлять ее на целый день одну. Всегда, когда меняется жизнь людей, страдают домашние любимцы. Почему? Позавчера, когда мы обедали в саду, в калитку просунула морду бездомная овчарка. Мне показалось, что Забавы уже нет, а ее душа переселившись в эту собаку, нашла нас – меня и Игната. Скучаю ли я? Очень.

Первый вечер был особенно тяжелым. В этой тоскливой квартирке в Пиреях я снова плакала, чувствуя себя как ребенок, которого сдали в интернат. За чем же я так скучаю? За своей квартирой? Нет, я ненавижу ее, в ней я перенесла много страданий, там стены обклеены отчаянием, а на кухне развелось полно тараканов. Все свои личные вещи я забрала с собой. Я тоскую по воспоминаниям. Я вспоминаю, как зимой ко мне приходили ученики, от них пахло морозом, а кожаная куртка Лёни источала мужской волнующий аромат. Они, мои ученики, любили и баловали меня, хотя ничего не учили. Нам было хорошо и уютно, долгими зимними вечерами, рассуждать об артиклях и смысле жизни. И зачем было стремиться к чему-то еще, разве не хорошо было давать уроки, получая за них приличные деньги, жить себе поживать в родном болоте, среди родных людей и знакомых тараканов? Я могла бы завести роман с Лёничкой, который был как раз между двух своих женитьб, и всем бы нам было хорошо. Зачем мне понадобилась эта помолвка? Я тоскую по телефонным разговорам. Я могла часами болтать с Машей про высокие материи, про Бога и про наши бабские мечты. Звонил Витька, который все надеялся добиться близости со мной. Даже с мамой хотелось бы сейчас поговорить, даже с мамой. Я часто рисую в своем воображении встречу с Лёней, как здорово было бы пройтись с ним по заснеженным, рождественским улицам, ощутить рядом его молодость, его покорность, полюбоваться его улыбкой, вдохнуть его аромат.

Господи, ты направил меня сюда и я следовала, а ты меня вел. Ничего не послужило препятствием для нашего возвращения сюда. Ты устранил их все. Что же сейчас? Для чего ты это сделал? Если ты знаешь, я буду молить тебя указать мне дальнейший путь. Освободи меня, убери из моей души ненависть и отвращение к тому, с кем я обручилась. Господи, храни нас! Да будет воля твоя. Аминь».

Глава 47.

Крутой поворот.

«3.05.1992.

Сегодня мы уезжаем с острова. Нас настигла ужасная погода – ветер, дождь, и еще неизвестно, уедем ли. Мне тоскливо, я не пошла спать после обеда, чтобы не затосковать совсем. Села писать. Вокруг все ненастно – ревет серое сбесившееся море, ветер хлопает ставнями, ветви оливковых деревьев бьют по оконным стеклам.

Вот мы и прожили вместе целую неделю. Мы истратили несколько рулонов туалетной бумаги, выпили несколько бутылок вина, купались, смеялись, несколько раз готовы были вспылить и начать ссору, но вовремя останавливались. Если так будет продолжаться дальше, есть надежда устроиться, устояться и наладить семью. Мимис проделал большую работу над собой и совершенно по-другому относится к Игнату. Он даже признал, что многим обязан Игнату. Он уже побаивается читать морали по пустякам, или быть грубым и невыдержанным. Прошлой весной он был другим: гораздо менее терпимым, мелочным, обидчивым, требовательным, спесивым, самонадеянным. Сегодня утром мы попали в пробку и пока ждали, Мимис вдруг выскочил из машины и стал карабкаться на насыпь, скользя по мокрой от дождя глине. Добравшись, наконец, до одинокого цветочка, он сорвал его и торжественно преподнес мне, своей принцессе, как он сказал. Я чмокнула его в щеку. Боюсь, что эта неделя на острове была не совсем объективной и я жду переезда в город, где наша жизнь станет более повседневной и в нее будут вовлечены деньги.

Я ... я тоже изменилась. Здесь на острове, я на практике применила те уроки, которые заучивала зимой. Разрешила своему лицу, волосам, фигуре, естеству, быть такими, какие они есть. Помню, два года назад я частенько смотрела на себя в зеркало, а, если не было зеркала, искала свое отражение в витринах, на стеклах автобусов, на любой поверхности, что отражала мое лицо. Боже, как я была молода! Я дорожила своей красотой и мне все мечталось, все хотелось большего, нежели то, чем я могла обладать. Как несчастна я была! Пряма настоящая мадам Бовари. Научилась ли я простоте и терпению сейчас? Могу и хочу я считать достаточным то, что имею? Я делаю только первые шаги в этом направлении и очень легко могу сорваться. Точно так же, как и Мимис, как и Игнат. Нужно, чтобы в этот раз все сложилось, потому что возвращаться мне некуда.

Прошлой ночью мне приснился сон: с двумя полуоткрытыми чемоданами я носилась по Киеву и мне негде было приткнуться. Я видела Алексеевых родителей. Вероятно, Алексей им обо всем рассказал. Мы уехали, не попрощавшись. Иногда думаю об Алексее. Тринадцать лет супружеской жизни просто так не забудешь и не вычеркнешь. Я могла ненавидеть его, живя с ним под одной крышей, но на расстоянии меня не покидает чувство утраты, как будто мне ампутировали руку или ногу, и пустое место постоянно болит. Мне кажется чужим его лицо, близко посаженные глаза, детский череп, мягкие волосы, прямая, как палка, фигура. Я всматриваюсь в Игната и пытаюсь увидеть знакомые черты или уловить Алексеевы

гримасы на его лице, но пока ничего, кроме некоторых, случайно оброненных Алексеевых фраз, которым Игнат не придает значения, а мне они режут ухо.

За день до отъезда из Киева Мимис, Игнат и я отправились в Лавру побродить среди деревьев и церквей, немного успокоиться и помолиться. На обратном пути, уже подходя к самому дому, на другой стороне улицы я увидела Алексея, он ждал троллейбуса. Он стоял на той стороне, я – на этой, рядом со мной был его сын и мой жених, годившийся мне в отцы, увозивший нас в заморскую страну. Я шла в нашу квартиру, где было прожито столько совместных с Алексеем лет, чтобы упаковать чемоданы, поцеловать Забаву и больше никогда туда не вернуться. Я смотрела на Алексея через дорогу и в моей душе боролись два чувства: жалость к нему и ненависть за то, что не уберег нас. На моем пальце сияло первое в моей жизни бриллиантовое кольцо, которое я ненавидела, моя душа рванулась было к Алексею, но он был жалок, так жалок в своем сером поношенном плаще и стоптанных туфлях! Ну почему он не смог, не захотел, не сумел? Я отвернулась. На золотых часиках, которые мне дала Александра, вдруг лопнул браслет и они упали на асфальт. Я нагнулась, чтобы их поднять и больше не оборачивалась, чтобы не ринуться через дорогу, чтобы не протянуть Алексею руку, чтобы не простить его никчемность, чтобы не начать опять зарабатывать деньги, чтобы не захотеть сделать его снова счастливым, хорошо одетым и причесанным мужем.

Мне нужно чем-то заняться и иметь успехи в этих занятиях. Только чтобы не думать, не тосковать, не обманывать себя, не строить замки на песке».

«6.об.1992.

Мы пережили месяц в городе и опять приехали на Эгину. Месяц в городе был неудачным.

Мимис, как всегда, испугался денежных трат. Он не предполагал, что Игнату понадобятся кое-какие вещи на лето, что если заводишь новую семью, нужны сковородки, кастрюли и разные другие мелочи, необходимые в обиходе. Он, вдруг, понял, что надо ставить на ноги второй дом, потому что из того дома, откуда его выдворил младший сын, он не посмел взять ничего, кроме орла, которого водрузил на свой письменный стол. Все эти проблемы, которые могли обернуться совсем не проблемами, а радостными хлопотами, Мимис решил по-своему. Он стал измерять уровень стирального порошка в пачке, которым я пользуюсь для стирки вещей, и отчитывать меня, если я, с его точки зрения, перерасходовала установленную им норму. Часто в такие минуты он напоминал мне не мужчину, а старую бабу, сварливую свекровь, которая решила известить свою невестку со свету. А однажды, в лунную ночь, после того, как он удовлетворился моим телом, он деловито направился в столовую и принялся считать серебряные ложки и вилки, которые, замотанные в тряпье, он выудил со дна нижнего ящика серванта. Другой раз, мы с Игнатом купили в супермаркете ученическую тетрадь, она не входила в перечень покупок, одобренных Мимисом накануне. Игнат загорелся учить греческий и ему понадобилась тетрадка. Мимис орал целый час, обвиняя нас в пустой трате денег. Его друзья и родственники продолжают бойкотировать меня, а одна супружеская чета, с которой Мимис особенно близок, отказались быть свидетелями на нашей свадьбе. Праведно негодуют располневшие, уже в годах женщины, смертельно боясь прецедентов. Они могут спать спокойно, их мужья уже давно им изменяют, я же

вознамерилась, имея самые чистые помыслы, выйти за их соплеменника замуж. Но, кажется, снова передумала.

Наблюдая мелочность Мимиса, я задумалась о западной свободе и преимуществах социализма. «Я – дура, мы – дураки», - подумала я, верим в созданную не нами сказку и распускаем слюни. Взять хотя бы Мимиса. Всю жизнь человек экономит. После того, как его отправили в отставку, он получает очень приличную пенсию плюс ощутимый доход с частной школы своей покойной жены, и, тем не менее, он панически боится завтрашнего дня и продолжает экономить. Прожив здесь, на Западе, некоторое время, я прочувствовала, что такое свободный рынок, конкуренция и капитализм на своей шкуре. Так что же такое, этот заманчивый капитализм и в чем его преимущества? В воспитании мозгов, прежде всего. Поскольку в этом свободном мире ничего не достается даром, здесь очень бережливо относятся к деньгам. Деньги имеют здесь значение – образование, медицина, дом – все это стоит огромных денег. Нет, есть, конечно, и бесплатные больницы и школы, но это не тот уровень, что зовется «мечтой» или «сказкой», и к которому все стремятся. Бесплатное – для неудачников и попадать в их компанию по собственному желанию не стоит.

Зимой, чтобы много не платить, отопление включают всего на несколько часов, визиты к врачам платные, лекарства страшно дорогие, медицинскую страховку надо выплачивать всю жизнь, иначе в хорошую больницу не положат, а если уж что серьезное стряслось со здоровьем, операция там, или химиотерапия, не приведи господи, тогда и приходит время открывать кубышку, в которую складывал то, что удалось сэкономить. Горячей воды в домах нет, центрального отопления тоже. Воду нагревают в электрических бойлерах и ее хватает на душ и вымыть голову. О ванне мечтать не приходится. Пока вода греется, тикает электрический счетчик.

А ни с чем не сравнимая каждодневная нервотрепка, что можешь потерять работу? Ведь пойдешь по миру, не наскребешь на счета, страховку, закладную на дом и образование ребенка, тем более, что выплаты по безработице стали гораздо менее щедрыми в начале девяностых по сравнению с 70-ми и 80-ми. Что же такое свобода для европейского обывателя, или, если сказать более уважительно, для среднего гражданина Запада?

Советский социализм такой, каким застала его я, с конца 70-х годов, когда я могла уже что-то понимать, и до начала 90-х, когда советская империя рухнула, он уже не был полон трагизма, как во времена Сталина, и воля одного человека не довлела над всеми. Над вождями смеялись, потому что их больше не боялись. Люди ходили в кино, в театры, в выходные выезжали с пикниками за город, ездили на дачи. Пели песни, рожали детей и, не имея большого достатка, радовались, если не жизни, то бытию. Мы любили наших знаменитых певцов и балерин, космонавтов, знали наизусть имена звезд советского кино, поголовно выписывали толстые журналы, где печатали советские и зарубежные новинки. Мы любили встречать Новый год и Первое мая. Мы создали вокруг себя жизнь, некое подобие цивилизации, которую теперь называют «советской цивилизацией». Наша трагедия заключалась в том, что нас заставляли строить коммунизм, но мы, существа разумные, со временем отвергли мертворожденную идею, как организм отторгает чужеродный орган. Про компартию мы стали сочинять анекдоты, и постепенно, когда прикидываясь идиотами, когда воюя в открытую, мы делали свое кино, писали свои книги, любили и, практически, не умели ненавидеть и завидовать.

Мы получали гораздо меньшую зарплату, чем средний европеец или американец, но наши квартиры обогревались круглосуточно, с середины октября до середины апреля, горячая вода тоже текла из крана круглосуточно и в неограниченном количестве, так что, если нам хотелось принять ванну среди ночи, мы ни в чем себе не отказывали. Медицинское обслуживание и все операции у нас были бесплатными. Было принято отблагодарить врача или хирурга после удачного выздоровления, но это выглядело вполне естественно – тебе спасли жизнь и ты от всего сердца говорил своему спасителю «спасибо», а, заодно, и всем нянечкам и медсестрам. Мы знали, что в любом случае, даже насильно, наших детей научат читать и писать, и не в каком-нибудь прибежище для иммигрантов, а в средней школе с центральным отоплением, теплыми завтраками на большой перемене и обедами из трех блюд после уроков для тех кто оставался на продленку. Мы получали маленькие зарплаты, потому что за все было заплачено. Заплачено из наших карманов, вычтено из наших зарплат, но мы не возражали. Мы простили нашим вождям их ложь насчет бесплатной медицины и образования, поскольку государство позаботилось о том, чтобы врачи приходили к нам на дом, иногда по нескольку раз в день, чтобы нам давали больничные, которые всегда оплачивались, чтобы «скорая» приезжала без промедления в любую погоду и чтобы среди тех, кто приехал на вызов, были не только санитар или парамедик, но обязательно доктор. Тебя спасали прямо в твоей квартире и это вселяло определенный оптимизм.

Тесные квартиры, в которых мы жили и которых приходилось ждать пол жизни, принадлежали государству, но, когда мы засыпали в них, мы спали спокойно. Нам не приходило в голову, что кто-то может нас из нашей хрущевки выкинуть на улицу. Мы не владели двумя гаражами и голубым бассейном у дома, но мы не просыпались по ночам в поту и судорогах от сознания того, что все уже перезаложено, но все равно чего-то не хватает, чтобы соответствовать образу американской или любой другой мечты. Мы платили 13 рублей за двухкомнатную квартиру летом и 17 рублей, включая отопление, зимой. У моих сограждан не возникало даже мысли о том, что эту сумму можно не заплатить, и все платили исправно и вовремя. ЖЭКи были обязаны ремонтировать подъезды, а дворники, которые были на содержании у государства, мели улицы и чистили снег вокруг домов. Мимис часто со злобой и завистью упрекал меня в том, что я привыкла не платить за квартиру, а мы тут платим сполна, говорил он мне. И правда, если вычтешь у них из зарплаты все, за что мы не платим, сколько останется? Больше или меньше, чем у нас?

Приблизительно 15% живущих здесь, получают очень большие зарплаты, которые остаются большими даже после уплаты налогов и счетов. Этим людей называют богатыми. Есть, также, судовладельцы, банкиры, промышленники и иже с ними, это – очень богатые люди, но таких немного. Вы мне скажете, что привлекательность капитализма состоит в том, что здесь можно стать богатым если очень постараться, что можно из грязи в князи, что можно сказку сделать былью, а у нас нельзя, потому что все уравнины и не то плохо, что у всех более или менее равные возможности на старте, а то, что они остаются такими же непоколебимо равными и в середине пути, и в конце его. При социализме не был открыт горизонт, чтобы увидеть манящие дали, к которым стоило бы стремиться. Вместо горизонта – партия, комсомол, ложные идеалы и призрачные цели. Все это чужое, не твое, навязанное идеологами. Да, именно это, скорей всего, и было трагедией и несурзацей такого строя, как наш. Уравниловка убивала человека, делая его

безучастным, безынициативным и обреченным, поэтому и мужчины у нас вывелись определенной породы – вялой и слабой, но об этом не здесь. Большевистские идеологи не хотели видеть рядом с собой богатых, сильных и независимых. Деньги дают власть, а им еще какая-то власть была ни к чему. Они не щадили людей, но берегли свою утопическую социально-политическую формацию под названием коммунизм.

А если вот так: на одну чашу весов поставить нашу уравниловку с бесплатным образованием и горячими ваннами, а на другую – жизнь в некоей западной стране такого усредненного человечка как Мимис, который может и мечтал, но не стал судовладельцем. Чего он достиг? Всю жизнь он прятался в середине стада, стараясь быть как все. Но он ведь пользовался знаменитыми западными свободами! Что мы назовем свободой для такого, как Мимис из середины стада?

Что же такое овечья легендами свобода Западного мира? Свобода слова, скажете вы. Газеты, журналы, радио, телевидение, пестрота мнений, несколько политических партий, разногласия и отсюда, демократия. Можно утром встать и вздохнуть полной грудью – в стране есть не только один Леонид Ильич Брежнев и из-за того, что он не один, а их много и они разные, твоя свобода гарантирована и, если ты скажешь что-то, что не понравится Ильичу, тебя за решетку не посадят. Согласна, с этой разногласицей веселее и спокойнее жить, ну, а если газет вовсе не читать и в политические игры не играть? Если вместо газет читать книги, которых у нас всегда было навалом, если умнеть и светлеть, а потом своим просветлением делиться с такими же, как ты, на кухне до зари, возвращая в себе ту же свободу? Иосиф Бродский писал о том, что тогдашнее наше общение таких, как он и таких, как наши родители, и был Запад. Интенсивность воображения уравнивала, а временами и перевешивала реальность. Он считал, они-то и были настоящими, а, может быть, и единственными западными людьми. С их инстинктивным индивидуализмом, на каждом шагу усугубляемым коллективистским обществом, с их ненавистью ко всякой групповой принадлежности, будь она партийной или какой другой, они были больше американцами, чем сами американцы.

У нас никогда не отбирали литературу, как часть культуры. Бога отобрали, но книги оставили. Видно поняли, что нельзя лишать всего, опасно. Тут можно вспомнить, что вместо всей остальной культуры – общечеловеческой – нам навязывали социалистический реализм. Что поделать, если нашим лидерам хотелось видеть лицо женщины, написанное именно как лицо, с глазами, носом и ртом на их положенном месте, пусть даже это лицо и было в окружении подсолнухов. Они искренне не понимали и пугались, когда видели на холсте совокупность квадратов и треугольников, претендующих быть портретом. Им казалось, что это не художник, а они сошли с ума, и поэтому таких художников они не любили. Но, те же умственно обреченные лидеры страны Советов не допускали порнографию и насилие в наше общество. Кому было плохо от этого? Нашим детям?

С другой стороны, если не хотелось писать женщин и коров, или сталеваров, никто не мешал, например, Кончаловскому писать сирень на своей даче. Конечно, делал он это от тоски... И все-таки, мой невидимый оппонент настаивает на том, что по-настоящему талантливым, тем, кто хотел выразить себя и свои идеи, у нас в стране было неуютно, поэтому они уезжали. Да, скажу я, уезжали и, заметьте, никто их особенно не держал. Чинили препятствия, мотали нервы, унижали, все, как всегда, но почти всегда отпускали. По-настоящему талантливые уезжали за славой и за деньгами, и правильно делали. Те же, у кого настоящего таланта не было,

продавали разные истории о гонениях и репрессиях, многие из которых случались даже не с ними, в общем, торговали хулой. Рассказывали, как сидели и за что сидели, за памфлет, за стихотворение, за точку зрения. Почему же они не стали героями? Где их стихи сейчас? Недавно я видела одного такого по телевидению. Он живет в Израиле и вид у него достаточно растерянный, потому что никому в Израиле не нужны его четверостишья с матом, а надо как-то зарабатывать на то же отопление и квартплату. В конце передачи он с радостью потянулся к бутылке, на этом все и закончилось. Плюнул заяц в морду бульдогу, и бульдога не стало...

В 30-х годах людей сажали и расстреливали за малое, Сталин уничтожал идейных противников и соратников по партии, истребляя целые семьи и классы. Он боролся с инакомыслием. Тогда нельзя было не то, что вслух, даже в мыслях послать эту диктатуру к растакой-то матери. В 70-х диктатуру пролетариата уже никто не защищал. На комсомольских или партийных собраниях никого не прорабатывали за неправильно выпущенную стенгазету или случайно оброненную, неверную, с идеологической точки зрения, фразу. Никого не порицали за развод. У советских инженеров были любовницы, которых ничего, кроме любви, не требовали. Партийные идеологи занимались организацией масс – единые профсоюзы, комсомол и партия, насчитывающие десятки миллионов в своих рядах, и организацией показухи, целью которой было скрыть идиотизм очередного престарелого лидера. Старались сохранить систему, это было делом чести, и изолировали тех, кто открыто выступал против этой системы. Открыто, потому что у себя на кухне критиковали существующий порядок все, вся страна. На теплой кухне, уютно устроившись за водочкой с кусочком селедочки на ржаном хлебце, зная, при этом, что в печке будет газ, в батареях – горячая вода, что летом детей профсоюз устроит в лагерь или санаторий, а самим критикующим дадут путевку куда-нибудь на Черное море и оплатят отпуск. Но хотелось чего-то еще, чего-то другого. Хотелось свободы и быть не как все.

Вернемся, однако, к талантам. Если талант был, продавали талант. Там, на Западе, за него платили не в пример больше и упрекать тех, кто хотел получать сполна за свой талант, нельзя. Талант, он денег стоит, таланту нужна оправа из всемирной славы, а у нас этого не понимали.

Теперь снова о литературе, как части культуры. Драйзера, Менкена, Томаса Вульфа, Сола Беллоу, Фредерика Форсайта, Яна Флеминга, Джона Фаулза, Томаса Манна, Дос Пассоса, Фолкнера, Лоуренса, Йетса, Конрада, Генри Джеймса, Гарди, Мура, Мередита я прочла, живя в социалистической стране. Никого из них нельзя назвать соцреалистами, как нельзя назвать Толстого, Чехова, Достоевского, Пастернака и Булгакова. Мимису ни одно из этих имен не показалось знакомым. Они не мы, они книг практически не читают. И вот я подумала, если жить так, как живут сотни простых украинцев и сотни простых греков, или французов, или американцев, от зарплаты до зарплаты, то какая разница при каком строе жить?

Думаю, что мой невидимый оппонент тут встрепенулся и заговорил о свободах и правах. О том, что на Западе у каждого гражданина есть права, которые защищены не только словами из Конституции, но и различными институтами. Прежде всего, судами – неподкупными и честными. Каждый может обратиться в суд, каждый может получить свою долю правосудия. Опять-таки, не бесплатно и не сразу, но может. Вот это верховенство права, это одинаковость и равенство перед законом и есть отличительная черта демократии, которой так гордится западное свободное общество. В Советской империи граждане были и остаются беззащитными. Там

справедливость одна – это КПСС, которая распределяет блага, поставяет горячую воду в дома, платит врачам зарплаты, гоняет по городам «скорые» и пытается обратить режимы в дальних странах в свою веру. На это денег наши вожди никогда не жалели.

У нас были трудности с тем, чтобы выехать за Железный Занавес и посмотреть мир. Понемногу ездили, но не все. Здесь тоже не все ездят, поездки за границу стоят дорого. И вот мы, советские граждане, попав за рубеж, восторгались и очень хотели иметь то, что видели у них там, в ярких, блестящих, хорошо оформленных витринах. Настоящей их жизни мы не знали и не могли узнать через окно туристического автобуса. Не знали, чего стоит оплачивать ухоженный дом, две машины и образование нескольких детей. Не знали о займах в банках, о просроченных платежах, о бессонных ночах, о растроченных нервах и все только затем, чтобы соответствовать западному стандарту. Мы даже не подозревали, что знаменитая американская сказка о том, что каждый может выбиться в люди и стать миллионером, работает, прежде всего, в обратном направлении. Ни она для американцев, а американцы для нее. Своим хребтом, своими потом и кровью, чтобы сказка жила. Поэтому полстраны бегают на прием к психоаналитикам, сами справиться со сказкой уже не могут. Точно так же, и наши идеологи старались, чтобы наша социалистическая сказка жила в 70-х и 80-х. Это называлось идеологическим противостоянием или «холодной» войной.

«Холодную» войну мы проиграли не потому, что американцы задавили нашу экономику дешевой нефтью и непосильной для нас гонкой вооружения. Мы проиграли ее сами, без них. Бесконечно латая дыры после революций и войн, мы не научились оформлять, не научились не подмешивать в кофе шелуху от семечек, не научились делать мягкую и ароматную туалетную бумагу, не научились собирать автомобили, которые, с первого взгляда, можно было бы отличить от трактора.

Знаете, настает время, когда простому человеку уже не хочется жить только чистым энтузиазмом или идеями, почерпнутыми из книг. Ему не хочется, насилуя свое воображение, быть более американцем, чем сами американцы. Хорошо, что его родная страна запускает ракеты в космос, но ему хочется прийти в уютную квартиру с теплым туалетом и подтереться там в случае нужды бело-розовой туалетной бумагой, а не куском «Правды» или «Известия». Поэтому нельзя обвинять нашего брата в том, что западные супермаркеты так сильно привлекали его, лишая по ночам сна. Обладание самым захудалым видиком приносило больше счастья обделенному потребительским раем советскому обывателю, чем бесплатное образование его сына. К бесплатному образованию он привык, а видик для него был в новинку! Устали мы от того, что никому не было дела до наших потребительских грез. Наступил такой момент в истории страны, когда советскому человеку захотелось чего-то, что радовало бы его глаз, согревало бы его душу, украшало бы его быт, а не бесхозную общагу всей страны.

Мы проиграли противостояние, потому что у них фабрики и заводы, выпускающие эти самые товары, кому-то принадлежали. Кому-то конкретному. И у этого кого-то за то, что он делал, болело сердце, потому что это было его собственное, оплаченное его деньгами и потом «своё». Поэтому он старался и кофе поароматней сварить, и хлеб посвежее до супермаркетов довести, и автомобиль по последнему слову технологии и дизайнера выпустить. У нас же никому ничего не принадлежало, только государству. А государство безымянное, с него не спросишь и душа у него не болит, как бы наволочку покрасивее для подушки сшить. Человеку не

только силу и умение свою надобно показать, утвердившись среди себе подобных, но и территорию свою пометить. Пометить и владеть. Этого у человека не отнять, потому что по природе своей он – собственник. А у нас изо всех сил работали над тем, чтобы лишить этих главных и столь естественных признаков человека разумного, пытаясь вывести новый подвид с гордым названием «человек новой формации».

Мы проиграли, потому что молодым партийным функционерам больше не подходила смирительная рубашка аскетизма их отцов и дедов. Отцы и деды привели империю в тупик. Не сподобившись построить коммунистический рай Равенства и Братства, заменив им рай Небесный, они, тем не менее, до конца оставались верны одному своему принципу – они не крали. Льстили друг другу, превозносили друг друга до небес, вешали друг другу награды и целовали в губы – все это исключительно для самосохранения, но они не крали из бюджета, не крали у народа. Имея все и ни в чем не нуждаясь, они оставались бедными, как церковные мыши. Все вокруг них было государственным, им самим ничего не принадлежало, была партийная касса, но не было миллиардных личных счетов в банках по всему свету. Подрастающая партийная молодежь, развращенные властью молодые функционеры больше не хотели довольствоваться государственным, они хотели экспроприировать у государства все его активы в личное пользование. Им было плевать на большевистскую идеологию всеобщего равенства, они жаждали неравенства и места для себя на острие пирамиды. Чтобы туда добраться, надо было уничтожить Советскую империю. Так они и сделали.

Но опять же, в своем потребительском рае, Мимис покупает сто граммов сыра, один перец и баночку безвкусных грибов для соуса. Мы же не привыкли праздновать или тосковать без водки и шампанского. Однажды мне стало грустно и я предложила распить бутылку шампанского из тех, что мы привезли с собой. Мимис посмотрел на меня так, как будто я прилюдно оскорбила греческого архиепископа. Помню, в холодильнике у нас, в Киеве, икра не переводилась наравне со сливочным маслом. Здесь же это - непозволительная роскошь, которую не покупают, даже если удалось скопить немного денег на деликатесы к празднику. Мимис объяснил мне эту «теорию среднего человека» так:

- Элиза, - сказал он мне, - если ты хочешь есть икру, то ты должна иметь частный дом в Экали и ездить на «Мерседесе» или на «Вольво», а в театре сидеть в ложе. Если же у тебя скромная квартира в Пиреях и ты едешь на «Мазде», то икру тебе есть не пристало.

- Кто это сказал, Мимис? Кто выдумал эти правила, кто распределил всех по ячейкам, в которых людям предназначено родиться и умереть, соответствуя определенному стереотипу? Чем же лучше ваш свод правил среднего человека нашей уравниловки? Оказывается, мы более свободны. Не забывая себе голову условностями, мы идем и тратим последние деньги на французские духи или шампанское, зная, что до заплаты, все равно, как-нибудь дотянем, а медицина у нас бесплатная, если скрутит живот от этой самой икры, то в беде советские медики не бросят.

Возвращаясь к разговору о свободе, надо сказать, что на своих кухнях мы ругали не только социализм 70-х и 80-х, но и нашу собственную историю. Стыдно нам было за то, что произошло и как произошло в начале и в середине двадцатого века. Стыдно за революцию, за то, что царя и его семью так зверски убили, стыдно за Сталина и за геноцид, учиненный им. И вот, нам захотелось избавиться от своей

кровавой истории, от стыда и боли, захотелось простора и открытого горизонта, чтобы было куда стремиться и было где свою смекалку и силушку показать. Весь социалистический период мы сидели как обезьяны в клетках. Клетки были теплые и пищу нам давали регулярно, но сидя в своем обезьяннике, мы видели простор и других обезьян, живущих в домах с бассейном. Самые сильные из нас захотели вырваться из клеток, остальные последовали за вожаками. Мы знали, что многие из нас погибнут, потому что мы не умели жить на воле, некоторые выживут, но будут страдать, и только единицы, скорее всего, молодняк, выживет и найдет свое место в свободном мире. Мы вырвались из клеток и решили их разрушить. Зачем? Мы не знаем, что делать дальше.

Нет, господа, я, конечно, за перемены. Заплатим мы за них, правда, дорогой ценой. Ведь мы еще не понимаем, что в мире свободного предпринимательства можно заработать первую тысячу и, даже, свой первый миллион, но нет никакой гарантии, что заработаешь второй. А то, наладишь свою жизнь под первый миллион или, хотя бы, под тысячу, а, глядишь, продолжить в том же духе не сподобишься. Вот где ужас-то! Там надо рисковать и очень-очень стараться, похоронив советскую щепетильность и карамазовскую совесть. Слава Богу, и от того, и от другого «развитый социализм» нас почти избавил.

Мы бежим уравниловки, горячо желая свободы. «Откройте клетку!», - мы кричим. А ведь свобода разная бывает. Выйдешь из своей клетки и вдруг поймешь, что есть свобода выбора, свобода мышления, творчества, свобода утверждения себя и достижения цели. Свобода шагания по трупам. Ты свободен среди уймы таких же свободных. Действуй! Но есть, также, свобода одиночества, свобода разочарования, свобода понимания, что ты – посредственность и многого не добьешься, что дом с бассейном не для тебя. Так чего же лез из клетки и прутья ломал? И обнимет тебя тоска, прижмет к себе крепко и больше жизни опять в клетку захочется.

Грандиозная ошибка наших вождей состояла в том, что нам не разрешали свободно ездить в другие страны – далекие и близкие – и оставаться там столько, сколько нам хотелось. Сказали бы: «Езжайте, поживите там, в Европе или Америке, месяца три-четыре, посмотрите, как они живут, а потом, хотите, возвращайтесь, не хотите, оставайтесь там». Поверьте мне, если бы советский гражданин познакомился не только с витринами, но и с жизнью на свободном Западе с близкого расстояния, он, скорее всего, вернулся бы. Не все родились Барышниковыми и Растроповичами. Вот почему вернулись бы. И начали потихоньку бы создавать свободный мир в советской империи. Вожди должны были бы понять и немного подвинуться со своей идеологией. Но этого не случилось. Мы пошли другой дорогой.

Вот такая политическая экономия вдруг выстроилась в моей голове. Я, кажется, скучаю по клетке, откуда пыталась вырваться последние три года.

Уже стемнело, я сижу во дворе и пишу о том, что и так всем понятно. Но все был недосуг самой поразмышлять, о том, что же произошло на самом деле. Страшно подумать, что Анна и Александра и их мужья прожили тот период в истории нашего государства, который теперь называют «ошибкой». Слава Богу, что никто из них никогда не защищал ошибочных идеалов, что они никогда не были толпой, а, оказываясь в водоворотах исторических событий, старались, прежде всего, сохранить семью и свое достоинство.

Я продрогла и мечтаю принять горячую советско-социалистическую ванну...

В общем, мне тоскливо жить с Мимисом, тоскливо жить той жизнью, которую он мне предлагает. Мне не нужно богатства, но мне хочется комфорта. У нас-то

теперь настали темные времена, ни икры, ни шампанского, ни зарплат, ни пенсий, ни государства. Всеобщее оскудение. Не за себя мне страшно, а за семью. Но менять разруху на тоску я не согласна. Не по нашему это. Уж если влюбляться, да еще будучи в летах, то уж не считать серебряных ложек по ночам! Впрочем, не его, Мимиса, в том вина, что не могу я приспособиться к его образу жизни. Я - как дом в Экали или «Мерседес», совсем из другой оперы. Чтобы позволить себе жениться на мне, он должен быть или очень богат, имея возможность заткнуть рот своим сыновьям и родственникам, откупившись от них, или уж совершенно бедным, что тоже дает неохватную свободу и независимость. А так, и вашим, и нашим, и серебро по ночам считать, и стиральный порошок в пачке палочкой мерить, и меня на привязи держать, видимо, не получится. Уж если вставать на ноги, то лучше одной, без бесполезного мужа-сластолюбца. Если взваливать весь воз на себя, то чтобы руки были свободны.

Ко мне пришла уверенность, что я смогу и сама подняться, и семью оградить от нищеты».

«15.06.1992.

Все это время мы продолжали много ругаться, я задыхалась, а позавчера, объявив ему, что не могу и не хочу быть его женой, я вернула ему кольцо. Мои доводы, увещевания, его проклятия и истерики длятся до сих пор. Он старается убедить меня в том, что я не понимаю, что делаю, что я плохая и испорченная женщина. Испорченная социализмом и бесплатной жизнью в социалистическом раю. Мне надоело доказывать ему, что это он снова все испортил, и надоело слушать гадости о себе. Однажды утром, когда он был особенно велеречив, я грохнула оземь поднос с чашками, полными горячего кофе. Он перепугался и замолчал. Тогда меня вдруг осенило и я предложила ему нечто, от чего он сначала оторопел, но за что потом с радостью ухватился.

- Мимис, - сказала я, - зачем нам постоянно ругаться? Ведь ругаемся мы оттого, что пытаемся записать себя в рамки, в которых не умещаемся.

- Это у тебя все непомерные запросы, а так жили бы, как люди.

- Нет, у меня нормальные запросы, это ты все жмешься. И знаешь, почему жмешься? Потому что ты старый хрыч и думаешь, что скоро болеть начнешь, что деньги нужны будут на докторов и лекарства, и, поэтому, лучше уже сейчас начать отказывать и себе, и мне во всем. Но я-то не старая. Мне совсем не хочется сейчас проживать твою старость и скардность, а потом свою старость и болячки, после чего с благодарностью сойти в могилу. Зачем я тогда родилась? Зачем мне сейчас тридцать пять? Чтобы экономить твои гроши?

- Если любишь, то ничего в этом зазорного нет, - Мимис с сожалением поглядывал на разбитые чашки, купленные прошлым летом у горшочника.

- Люблю? Любила бы, да ты не даешь, все ложки считаешь, да порошок меряешь. Как любить такого? - снова разъярилась я.

- Эх, Элиза, глупости все это. Если бы я был помоложе, да прожила бы ты жизнь со мной с самого начала, не спала бы по ночам, баюкая нашу дочку и дожидаясь меня после ответственных полетов, ездила бы со мной по заграницам, побывала бы на официальных приемах, тогда бы и любила и гордилась бы мною. А, особенно, если бы я мог любить тебя так, как мне хочется, чтобы задохнулась ты в моих жарких объятиях! А так...

- Ну, если нет всего того, о чем ты повествуешь, можно все это кое-чем восполнить.

- Чем же? Эликсира такого еще не придумали.

- Я не о сексе, Мимис. Я о деньгах.

- Опять ты за свое, - разочарованно пробурчал Мимис.

- Что значит «за свое»?! Когда это я от тебя денег требовала?! Но жить так, как ты предлагаешь, тоже не хочу. It's simply not enough. Почему бы нам не разбогатеть?

- Банк грабить я не пойду, даже если ты меня очень попросишь. Увы, к разряду искателей приключений я не отношусь.

- Знаешь, что сейчас в Украине происходит? Люди богатеют буквально за ночь. Разрешили торговать с Западом, и мы стали продавать и сталь, и лес, и удобрения. Все это хорошего качества, а цены бросовые. Ваши, западные бизнесмены, с удовольствием все это покупают.

- Ну и что? – в голосе Мимиса послышалась заинтересованность.

- А давай с тобой создадим греческую компанию, занимающуюся экспортом-импортом. Будем партнерами 50 на 50. Ты подключишь своих друзей-судовладельцев, а я в Украине поищу связи. Авось, удастся что-нибудь проверить. Знаешь, не боги горшки обжигают. А заработаем, тогда и подумаем снова о нашей женитьбе. Глядишь, тогда веселее нам станет вдвоем.

- Снова поверить тебе? С чего бы это? Вот кольцо мне вернула, помолвку расторгнула, перед знакомыми и родственниками выставила. – Мимис был обижен не потому, что я вернула ему кольцо, а потому, что боялся своих родичей. Они, конечно, обрадуются, но ему не хотелось выслушивать их причитания: «Мы же тебе говорили...»

- Не волнуйся, они эту новость с радостью примут, горевать не будут. А вот, если через какое-то время, ты объявишь им, что женишься на богатой женщине с капиталом, они ничего не посмеют сказать.

- За ночь, говоришь, богатеют? – переспросил Мимис.

- Да, Мимис, да, за ночь! – Повторяла я с огромным облегчением.

- Но деньги же нужны на регистрацию фирмы.

- Ну, уж вложи эти деньги, потом сочтемся. Обещаю работать, не покладая рук и быть надежным партнером.

- Рано давать клятвы. Сначала я узнаю, сколько стоит зарегистрировать фирму, и только потом буду принимать решение.

- Ну, представь себе, Мимис, у тебя появятся деньги и причина часто ездить в Киев, а я буду приезжать сюда. Мы будем видеться! А то, уеду и все, разойдутся наши стежки-дорожки.

- Вот, и я думаю, что будет причина видеть тебя часто и держать под контролем. Кто знает, что у тебя на уме? Но, если я решусь и зарегистрирую фирму, ты будешь мне до конца жизни обязана. Тогда уж не отвертись: либо жена, либо любовница, преданная как жена. Ну что, по рукам?

Я смотрела на осколки разбитых чашек и мое настроение стало улучшаться. Мне не хотелось произносить пустых обещаний насчет любовницы или жены, я знала, что не буду для Мимиса ни той, ни другой. Можно было бы схитрить, чего не сделаешь ради полезного дела, но слова не выговорились – меня снова подвела моя детская честность. Вместо слов, я встала и поцеловала его в щеку, скрепив, таким образом, наше начинающееся партнерство».

Глава 48.

Первое деловое крещение.

Круглый стол, накрытый льняной скатертью, был вплотную придвинут к красивой ограде из небольших колонн, за которой начинался обрыв. Внизу, у подножья Кастеллы, стлался драгоценным ковром неопишуемой красоты вид, освещенный серебряным светом луны. Море было спокойно, разгадать его в темноте можно было только по огням, дрожавшим на его маслянистой поверхности. Вокруг воды спрутом раскинул свои улочки город. Где-то там, в компании своих товаров, изгибаясь и спотыкаясь об углы старых домов, устремлялась к морю та улочка, где находилась Пирейская квартирка Мимиса. Когда-то вонючая и сумрачная, теперь, преображенная Лизиними стараниями, она превратилась во вполне приемлемое жилье. На полу сверкали белые мраморные плиты, в комнатах стояла мебель, обитая светлым шелком, а на окнах вздымались, потревоженные морским бризом, белые муслиновые занавески. Со стен были ободраны старые обои, теперь они были выкрашены в белый цвет с едва уловимым сероватым оттенком. После ремонта, в этой квартире дышалось по-другому и, хотя, счастливой семейной жизни там не организовалось, Мимис, отдав «хорошую квартиру» своему младшему сыну, поселился в Пиреях постоянно.

Эта квартира не вызывала больше ненависти в Лизином сердце, все переболело и почти забылось, к тому же, обстоятельства изменились и уже не принуждали ее жить там с человеком, которого она, как ни старалась, не смогла полюбить. В маленьком холле Пирейской квартиры стояли упакованные чемоданы – завтра они с Игнатом улетали домой, в Киев. В одном из картонных ящиков находился новенький факс, купленный в ее киевский офис. «У скольких людей, не считая, конечно, инофирм и посольств, - подумала Лиза, - есть факс в Киеве? А у нас теперь будет. В следующий раз куплю компьютер».

Она снова посмотрела вниз, на темно-синий воздушный ковер, украшенный вязью из огоньков, и ей пришли на ум слова, сказанные Растиньяком, взиравшим с высоты на Париж: «А теперь - кто победит: я или ты?» Хорошо бы было перегнуться через перила и крикнуть то же самое Пиреям, но Лиза сдержалась. Она чувствовала, что все в ней просыпается к независимой и радостной жизни, и этого было достаточно.

Игнат долгим взглядом, не стесняясь, смотрел на Лизу, пока она мысленно бросала вызов старинному портовому городу. Три года назад, она приехала сюда в черных шерстяных брюках и, в подбитых металлических подковками, зимних сапогах. Как противно они стучали по мостовой, когда она старалась поспеть за Мимисом в то кафе, где не оказалось свободного столика. Сейчас на ней была длинная юбка из поплина с набивными черными лилиями по белому фону и белый пиджачок из льна с золотыми пуговицами, напоминавшими старинные греческие монетки. Ее красивое лицо было спокойным, а в ее глазах уже не прятались ни страх, ни тоска. Игнат был горд за эту женщину, за то, что она не сдалась, не поддавалась на уговоры судьбы сделаться женой нелюбимого, мерзкого старика.

Напротив, она выиграла, повернув все к своей же выгоде, и уже решено, что по возвращении, они примутся за поиски офиса, что Игнат будет переведен в Печерский лицей и, начав учебу в этой престижной школе, будет потихоньку входить в курс Лизиных дел, помогая ей, чем сможет. В общем, их дальнейшая жизнь рисовалась ему вполне достойной, радостной и обремененной будущностью.

Решившись сделаться предпринимателем, Мимис изрядно потратился. Зарегистрировал фирму, обновил квартиру, купил всю нужную аппаратуру и приобрел пару новых костюмов для себя. Из своего учредительного капитала фирма выплатила Лизе три месячных зарплаты. Траты для Мимиса были непомерными, но что-то ему подсказывало, что игра стоила свеч – он скоро разбогатеет. Мечтая о своем обеспеченном будущем, он не думал во множественном числе «мы разбогатеем», потому что кое-что просчитал заранее. Все, что получила Лиза – и несколько своих окладов наперед, и деньги для аренды офиса в Киеве – были, на самом деле, дадены ей в долг. Как только они заработают первые деньги, Мимис порекомендует ей открыть совместный счет в одном из Греческих банков, а там, быстренько переведет всю сумму на свой личный счет. Эта афера представлялась ему совсем не сложной, так как банки в Украине были институтами ненадежными, а под подушкой Лиза деньги держать не будет. Мимис видел ее насквозь: она, конечно, образованная, современная женщина, загоревшаяся идеей с головой броситься в омут деловых отношений, но банки, счета, денежные переводы – вся эта кухня ей не знакома и ей ничего не останется, как довериться ему. После того, как он провернет эту операцию, она снова окажется в его власти. Он с нежностью посмотрел на Лизу, которую не любил, но страстно желал, а теперь, надеялся также на то, что в один прекрасный день она снесет ему золотое яйцо. Он со скрежетом отодвинул свой стул, поднялся на свои короткие ножки, одной рукой подхватил со стола папку с регистрационными документами фирмы, в другой зажал бокал с белым искрящимся вином и стал произносить тост.

- Лиза! – выдохнул он. – Ты молода, красива и достаточно сообразительна. Ты настолько сообразительна, что смогла завлечь меня в свои сети. Сама же ты из моих сетей выпорхнула. Ну, что же, лети, ты свободна! Ты получила возможность жить по-своему, независимо от меня, много раз любить и быть любимой в ответ. Для меня, любовь к тебе, родившаяся так внезапно, была и остается единственной, ни с чем несравнимой, потому что она – моя последняя любовь. За эту любовь я благодарен тебе. Ты настаиваешь на том, что я предал твои мечты. Скажу одно: твои мечты были слишком смелы и амбициозны, а я не был по-настоящему богат. Ты исполнила свои мечты сама, найдя выход для нас обоих, предложив мне партнерство другого рода чем то, на которое я рассчитывал раньше. Я поверил тебе, поддержал тебя, вложив немало денег в твою смелую идею. Теперь, благодаря нашим новым отношениям, мы не расстанемся. Напротив, мы станем ближе, гораздо ближе. Ты уже у меня в долгу, а отношения между деловыми партнерами совсем другие, чем между любовниками – там любовь может списать долги, а тут долги никто списывать не будет. Не хочу, чтобы ты заблуждалась на тот счет, что наше деловое сотрудничество станет моей Ахиллесовой пятой. Можешь не сомневаться, что я спрошу с тебя сполна. Я чувствую себя, как никогда, энергичным и полным сил. Однако сегодня я прощаю тебя. За все те неудобства и неприятности, что последовали за нашей неудачной помолвкой. Наше деловое партнерство выглядит лучше, чем наш несостоявшийся матримониальный союз. Но, опять-таки, одно другому не помеха. Будущее покажет. Запомни только одно: не пытайся

возвыситься надо мной, зная, как употребить свою власть. В деловых отношениях это опасно.

Лиза и Игнат с недоумением выслушали эту речь, полную почти не скрываемого страха, обид и угроз. Что-то надо было сказать. Хотелось встать и уйти, но Лиза уже научилась сносить скверномыслие своего бывшего жениха.

- Я не собираюсь возвышаться над тобой и употреблять свою власть. Я собираюсь работать, – сказала она примирительным тоном. – И тебе, и мне нужны деньги. А за фирму спасибо.

Мимис был разочарован, он ожидал больше громких дифирамбов в свой адрес. Но эту своенравную женщину не переделаешь и сейчас он должен подчиниться ее нраву. А не впал ли он в великодушие, в непростительную ошибку, сделав ее равноправным партнером, дав ей, таким образом, полную независимость? Но на другие условия она не соглашалась. Зачем он послушался ее? Боялся потерять ее? Неужели его околдовала неподдельная страсть к будущим барышам? Так еще не известно, будут ли они, эти барыши. Мимис запутался в своих мыслях, вялых и нехороших. Он думал, что вечер пройдет по-другому – весело, в скабрзных шутках и бесконечных похвалах ему. Есть филе под грибным соусом ему расхотелось, но надо было, потому что за него было заплачено. Он неуверенно посматривал то на Лизу, то на Игната – этих совсем незнакомых ему людей и гадал, что можно и должно ожидать от них в будущем.

Трясаясь в двухместном купе, Лиза с нетерпением поглядывала в окно. Через десять минут состав должен был прибыть на Одесский вокзал. Стоял август месяц, жара была несусветная и, даже в эти утренние часы, в купе было душно и смрадно. Лизино лицо пылало, глаза ее блестели, она явно волновалась и злилась на себя за то, что была дорого и правильно одета, однако ее деловой костюм выглядел не к месту в этом обшарпанном купе. Накануне всю ночь она не сомкнула глаз, читая деловые справочники, стараясь освоить незнакомые ей термины торгового бизнеса. Все прочитанное легло в ее памяти тяжелым комком недоваренной каши. Она не была уверена в себе, а действовать было надо.

Лиза собиралась нанести свой первый деловой визит не куда-нибудь, а на ОПЗ – аммиачный завод, находящийся в нескольких десятках километров под Одессой. Ей было невдомек, что, пока она болела депрессией и обручалась с Мимисом, что обстановка в стране тихо, но разительно переменялась. Особенно видоизменились отношения в производстве и торговле. В рекордно короткое время, на многих перспективных украинских предприятиях, на чью продукцию был спрос за рубежом, поменялись хозяева и порядки. Неслышно пришли и встали у руля совсем другие люди, у которых были другие привычки, другие цели и другая хватка. Они, как будто с рождения зная, что и как делать, безошибочно и без проволочек начали зарабатывать деньги, богатея не по дням, а по часам. Пока еще не выпрастывавшаяся из утробы, чиновничья братия нового времени думала над законами, кодексами, уложениями, разного рода регуляциями и размерами налоговых обложений, они становились долларовыми миллионерами. Эти новые люди были совсем другой породы и появились неожиданно, как грибы после дождя, вполне подготовленные и созревшие для большого бизнеса. Когда и где они выучились без сучка и задоринки управлять большими предприятиями, находить покупателей и заключать контракты с иностранными фирмами, а, главное, доставлять свою продукцию по назначению в то время, как на всех железных

дорогах и во всех портах царили анархия и неразбериха, никто не знал. Неужели эти кадры зрели в кузницах планового социалистического хозяйствования? Неужели они взращивали себя в недрах КПСС и комсомола, до поры до времени прячась за Железным Занавесом? Не только сумели с куплей-продажей справиться, но и дисциплину железную организовать на своих предприятиях. Эти новые люди были как невидимая армия, как сотни мутантов, годами поедавших организм изнутри - как только изнутри все было съедено, они выбрались на поверхность, откормленные и сильные. Они, не теряя времени, ринулись в разные стороны, оккупируя государственные предприятия, становясь собственниками муниципальной недвижимости и других бывших социалистических активов. Скупая за бесценок у своих сограждан-идиотов приватизационные сертификаты, с которыми те не знали, что делать, эти мутанты в одночасье стали хозяевами всей Украины. Нет, не хозяевами умов и сердец, как их предшественники, а хозяевами огромных и прибыльных предприятий, перешедших из государственной собственности в их частные руки. Теперь прибыль с этих предприятий поступала не в бюджет страны, как раньше, а в их карманы. В их распоряжении оказались также стратегические объекты страны, на которых производили электроэнергию, добывали уголь, газ и нефть. Поделив рынок между собой, они становились монополистами. Скоро в Украине появятся семейные кланы, главы которых будут меряться числом нулей в списках журнала «Forbes». Пройдет еще немного времени, и они внедрятся во все уровни власти. Через несколько лет они станут властью – олигархами и политиками, лоббирующими интересы финансовых и промышленных групп. Своих конкурентов они будут физически устранять. Шел 1993-ой год и знаменовал он собой начало великого захвата.

Вот на такое, во всех отношениях, новаторское предприятие ехала Лиза, ни сном, ни духом не ведая, с какими диковинными людьми ей придется встретиться и поговорить.

Сойдя с поезда, она вынуждена была топтать на автобусную остановку и затем, полтора часа трястись в пыли, среди селян, возвращавшихся с одесского привоза с опустевшими окровавленными мешками, корзинами и торбами. Они пересчитывали пухлые пачки купонов, сбиваясь на втором миллионе, и начинали все сначала. В конце концов, плюнув на это бесполезное занятие, они засовывали эти пачки себе за пазуху или, аккуратно завернув в грязную тряпку, прятали за отворот сапога. Наконец утроба вонючего автобуса ее выплюнула и она оказалась посреди степи. За ее спиной пролегла дорога, далеко впереди, сквозь знойное марево, неясно проступали очертания завода. Лиза прикинула, что шагать ей придется по степи никак не менее километра. Она с сожалением посмотрела на свои светло-бежевые замшевые лодочки и отправилась в путь. К главной магистрали с выбоинами, колдобинами и местами сохранившимися кусками бетонных плит, по которой сюда прибыла Лиза, была проложена совсем новая дорога, ведущая к заводу. Горько пахнувший, новенький асфальт искрился под солнцем, по нему туда-сюда сновали микроавтобусы и грузовики с цистернами. Чем ближе Лиза подходила к заводу, тем оживленнее становилось вокруг и ей показалось, что ее окружает не реальная жизнь, а декорации из какого-нибудь Голливудского павильона, где снимают научно-фантастический фильм про далекое будущее.

Оказавшись внутри административного здания, Лиза сначала определилась с кабинетом того, с кем ей придется вести переговоры, а потом пошла в туалет и умылась. Она заглянула в свою сумку, где лежала папка с запросом на определенное

количество аммиака до конца года и целлофановый кулек с пирожками, которые Анна напекла ей в дорогу. Вынув папку из сумки, Лиза еще раз взглянув на себя в зеркало и направилась в указанный ей кабинет. О встрече было договорено заранее, она звонила из Киева и теперь ее ждали, сидя вокруг длинного стола, пятеро мужчин. Тот, что восседал во главе, был грузинского типа, плотный, широкоплечий, с крупным носом и маленькими черными глазками-буравчиками. После взаимных представлений, Лиза села на указанный ей стул, достала запрос и протянула грузину. Он долго смотрел на бумажку, потом поднял глаза на Лизу.

- Дорогая женщина, - после долгого молчания начал он, - боюсь, что у нас нет того количества аммиака, о котором идет речь в вашем запросе.

Он говорил с сильным грузинским акцентом.

- Я же звонила вам и в разговоре упомянула количество, почему же вы мне сказали: «приезжайте»?

- Поговорить, познакомиться. Вот и не прогадал, красивая женщина приехала. Может, что на будущее придумаем.

- Мне сейчас надо, - безапелляционно заявила Лиза.

- Сейчас на дворе какой месяц, красавица? Август. Август – это середина, нет, уже почти конец года. В августе никто новых контрактов не заключает. У нас есть покупатели и обязательства. У завода нашего есть определенные мощности. Больше, чем он производит, мы продавать не можем, взять неоткуда. А нарушать уже подписанные контракты, недопоставляя кому-то из наших клиентов, мы не можем. И не будем. Деловая этика нам этого не позволяет. А вот со следующего года, может, что-нибудь и получится, мы собираемся увеличить производство. Приезжайте, ну скажем, в ноябре, только не одна, а со своим судовладельцем. Нам его подпись нужна. А то, нашел красотку и прикрывается ею. Не годится так дела вести.

- Значит, со мной вы разговаривать отказываетесь?

- Разговаривать да, отказываюсь, а вот что другое, развлечь вас, так это с удовольствием. Вы где остановились?

Лиза молча наблюдала за мужиками, собравшимися за столом. Они все хмылялись, откровенно не воспринимая ее всерьез. Так вот что такое быть женщиной и заниматься бизнесом в Украине... Ты сама придумала себе занятие, ты сама назвала себя деловой, ты сама выдумала свой образ и поселила его в своей голове. Никто, кроме тебя самой в этом не участвует: тебя просто не видят в этой ипостаси, а если видят, то не слышат. Женщин не было среди мутирующих организмов, сожравших организм изнутри, потому что там могли быть исключительно особи мужского пола. И вот теперь, при дележке барышей, женщины оказалась ни при чем. Впрочем, все это закономерно – ведь во времена советской империи женщину тоже возносили до небес только в речах и на плакатах, а на самом деле, женскими именами наполняли проценты, показушно заявляя о равенстве полов в стране Советов. В СССР поле профессиональной деятельности для женщины было помечено красными флажками, за которые выходить ей не позволялось. Она могла быть научным работником, учителем, врачом, продавщицей или уборщицей. Она не стояла во главе государства и не занимала руководящих должностей в партии, поэтому сейчас в бизнесе ей места не было. Валентина Терешкова, слетавшая в космос, была исключением, подтверждавшим правило. Ее слетали, потом выдали замуж, потом она с высоких трибун спела дифирамбы всем президентам и режимам.

Лизу подмывало подняться и произнести речь в духе суффражисток, начавших бороться за равные права с мужской половиной человечества сто лет тому назад. Ей думалось сказать что-то вроде: «Господа! Ваш мужской шовинизм мне понятен – он оправдан всей предыдущей историей. Но подождите, через пару лет женщины заменят вас в ваших креслах, потому что мы что способны не хуже вас разбираться в делах!» Слава Богу, что она эту речь не произнесла, вовремя вспомнив слова Светланы Ивановны: «Лиза, не надо никому ничего доказывать, надо подниматься к своей цели легко и свободно».

«С ними надо договориться», - решила она. Но как? Неожиданно, неясная картинка стала вырисовываться у нее в мозгу. Она возвратилась в свое детство, пыль защекотала ей ноздри, внутренности свернулись в тугий узел, а глаза разбежались в разные стороны от любопытства. Ее привели на склад. Никита, ее дед, кроме других своих обязанностей, заведовал огромным складом, куда, через Измаильский порт, попадали товары из разных стран. На этом перевалочном пункте они задерживались не долго – их или отправляли дальше по маршруту, или реализовывали в Измаиле. Чего только там не было! Рулоны ярких тканей, бесконечные коробки с обувью, всевозможные баночки и бутылочки, ковры, трикотаж, игрушки, искусственные цветы из перьев, болгарская керамика, китайские тазы и полотенца – все это богатство, в представлении маленькой Лизы, пылилось на полках, поднимавшихся до самого потолка. Так вот, иногда Никита разрешал Александре наведаться в это царство мертвых вещей и выбрать для себя то, что ей понравится. Иногда она брала с собой и Лизу. Для своих была организована отдельная комнатка, где было представлено все самое лучшее из всего складского многообразия. Туда приходили и там отоваривались. Шли годы, но запасы в этой комнатке никогда не истощались. Запасы для своих – золотое правило советского социализма. Поэтому, эти люди, сожравшие организм изнутри, просто не могли думать и делать по-другому. Он были тоже оттуда, из этой совковой утробы.

- Господа, - начав именно с этого обращения, Лиза была уверена, что попала в точку. – Если вам нужен судовладелец, нет проблем, но для того, чтобы он оказал сам себе честь познакомиться с вами, ему надо что-то сказать. Сказать ему «нет», сказать ему «приезжай в следующем году», некрасиво и несолидно. Судовладельцы люди капризные, их суда нарасхват, поэтому они и богатеют. Почему бы вам не исполнить его просьбу сейчас, а в будущем попросить об определенной услуге его самого? Смотришь, и вам его суда могут пригодиться аммиак перевозить. Вот и вырисовывается обоюдная выгода. А за лекцию про август месяц и про конец года, спасибо. Только я знаю, что у такого завода, как ваш, всегда найдется что-то для своих.

Мужчины с ужасом смотрели на женщину, сидевшую перед ними. Они понимали, что она, несомненно, женского рода, но непонятно было, как у нее изо рта могла так плавно излиться подобная речь. Или она их ни во что не ставит, или уж совсем ничего не боится. Откуда она взялась? Может, стоило лучше справки о ней навести, а то и впрямь всерьез не приняли, а она им про суда рассказывает. И откуда она знает, что они действительно кое-что придерживают на всякий случай? Только этот неприкосновенный запас другую цену имеет и отдадут его только «своим», или тем, кто через «своих» попросит. А что, если за ней стоит кто-нибудь? Неужели от «самого» приехала? Позвонить бы и спросить, но «самого» перепроверять не принято. Ладно, если они сейчас сбегут ей то, что придержали, прибыль все равно в карманах «самого» осядет, а знает он ее или не знает, не так уж

важно. При случае прояснится. Грузин обвел всех невеселым взглядом и прочитал в глазах своих друзей-товарищей те же мысли, над которыми и сам трудился.

- Для своих, говоришь, есть кое-что? А если и так, ты, ведь, все равно не купишь?

- Что, цена другая? – Лиза была готова к этому вопросу.

- Другая. Раз твоему судовладельцу приспичило, пусть раскошеляется.

- Так ведь он не для своего огорода покупает, ему тоже интересно должно быть.

- Нашу цену ты знаешь. Так вот, плюс два доллара за тонну. Небось, не разорится.

Лиза знала, что у нее в запасе были как раз эти два доллара. Были, но при условии, что если цена подрастет именно на эти два доллара, фирма Лизы и Мимиса останется без комиссионных. Они были посредниками и если не могли добиться на переговорах нужной цены, оставались на бобах. Честно и справедливо.

- Ну что же, привезу я к вам своего судовладельца. Говорите, когда.

Через пять минут Лиза снова была в туалете. Она заперлась в кабинке и зажала свои трясущиеся руки между колен. «Проиграла или выиграла? Проиграла или выиграла?» - шептала она, пока, не разревелась. Плакать она старалась беззвучно, не хотела, чтобы кто-то ее нашел здесь в таком состоянии. Она давилась потоком горьких слез и проклинала бизнес в совокупности с женской долей. Ей вспомнился Измаильский сад и буйное цветение его растительности, вспомнилась бабуля, ухаживающая за цветами, кустами и деревьями. Красота и благоухание, сотворенные женскими руками – это так правильно, так естественно! И вот она, рыдающая в вонючем туалете, только что выдравшая у мафии их вонючий аммиак! Думая об Анне, Лиза почувствовала, что проголодалась. Она пошарила в сумке и вытащила целлофановый кулек с пирожками. Продолжая сидеть на краешке опущенного стульчака в туалете, она заглатывала пирожки вперемежку со своими слезами, и гордость за первую, успешно проведенную сделку, постепенно проникала в ее часто бьющееся сердце.

Прошло несколько месяцев. Мимис был недоволен тем, что их первый контракт не принес прибыли. Он не знал, что судовладелец в одностороннем порядке выдал Лизе премию. Ему и не надо было об этом знать. Не он же таскался в самую жару на тот аммиачный завод. Правда, он привел покупателя, но, видно, его усилия не были в достаточной степени оценены его другом-судовладельцем. Лиза все время училась, ей надо было овладеть компьютером и научиться водить машину. С премии она купила компьютер и Игнат обучал ее новой премудрости. Пожилой водитель, услугами которого она иногда пользовалась, вызвался за определенную плату научить ее водить машину. У него была своя черная «Волга». Старая, но в хорошем состоянии. Назначив время для уроков, Лиза и Тимофей Лукьяныч стали выезжать в леса, что по обеим сторонам от Бориспольской трассы и там, на ухабистых, извилистых дорогах, Лиза постигала премудрости вождения.

Шло время и у нее появились деньги, постепенно пропал страх перед завтрашним днем, она чему-то научилась, сумела встать на ноги и оградить семью от нищеты. Она гордилась тем, что не пополнила собою армию безработных и не стала от отчаяния «челноком», мотающимся по соседним странам в поисках бросового товара, а потом мерзнувшим на базарах в надежде сбыть этот товар. Лиза, решив организовать свою фирму, попала в струю. В начале девяностых многие зарубежные предприниматели уже пристально присматривались к Украине, пытаясь пробиться

и осесть со своим бизнесом в этой немаловажной с точки зрения ресурсов и геополитики, стране. У одних получалось, у других нет. Получалось у тех, кто располагал определенным капиталом, позволявшим пройти все бюрократические препоны. У кого кишка была тонка, занимались малым бизнесом: возили шубы, керамику и обувь, продавая свой нехитрый товар через налаженную сеть своих любовниц. Лиза многим помогла зарегистрировать фирмы в Украине, свела с нужными людьми, посоветовала как устоять и раскрутиться. Ее приглашали на работу в солидные фирмы, но она не решалась. Мимис ей порядком надоел, его визиты становились все более частыми, а его домогательства все более невыносимыми. Ей бы избавиться от него, но Лиза уйти из собственной фирмы в чужую означало потерю самостоятельности. Она тосковала по любви и по семье. Добившись успеха в делах, еще раз доказав себе и другим, на что способна, она, при первой же возможности, мечтала распрощаться с суетным миром бизнеса и поселиться в своем доме с садом.

Бессонными ночами, уперев взгляд в букет благоухающей сирени, кудряво пенящейся в вазе на ее ночном столике, Лиза мечтала о счастье. Она упрекала себя в гордыни – ведь у нее все было хорошо: Игнат – умница, у него доброе и нежное сердце, Анна и Александра здоровы и живы, она сама совсем неплохо зарабатывает, уже смогла кое-что отложить. Разве это не счастье? Нет, это – достойная жизнь, за нее Господу огромное спасибо, но счастье это – нечто личное, только тобой узнаваемое и только тебе понятное блаженство.

По мере того, как ее сознание погружалось в ночь и отходило от повседневности, Лиза спрашивала себя, где можно обрести это блаженство. Возможно ли это сделать на Земле? Или только в Раю? Окажись твоя душа среди других, таких же праведных сгустков, в Раю, она ведь будет счастлива постоянно. Лиза вздрогнула. Хочешь, не хочешь, а счастье, как горячее солнце, будет проливаться на тебя каждый день бесконечности. Вдруг захочется взгрустнуть под дождик, а не, под радостное журчание песнопений и псалмов твоя душа будет медленно сходить с ума от счастья. Так что же такое Рай и почему он вдруг стал напоминать Ад? Уверовав в Господа не по принуждению или из-за страха, но разумом, после некоторых колебаний согласившись принять покровительство некой, определенно существующей силы, преломив ее для себя в образ могущественного и мудрого учителя, Лизе очень хотелось уверовать также во всю околосподнюю чепуху, но уверовать не получалось. Нельзя несовершенному, отчаянно страждущему человеку, скармливать идею Рая в таком виде, как она существует! В той маленькой старинной церквушке Св. Троицы в Лавре, что была построена над воротами, стены вдоль лестницы расписаны картинами Рая и Ада. В Аду грешники горят в вечном огне, их рты разверзнуты черными дырами, глаза выпучены, а скрюченные руки хватаются за воздух. Кажется, что сама стена визжит и содрогается. Лизе часто хотелось запустить руку в намалеванную картину и вытащить несчастных на свет божий, но на страже стояли черти с вилами. Осуждать этих страдальцев никогда не получалось, бояться их участи тоже, получалось невольно им сострадать – ведь муки у нас, грешников, что здесь, на Земле, что там, в Аду – одни. Картинка же Рая никаких чувств не будила, хотелось побыстрее проشمыгнуть мимо постных лиц праведников. Они навевали тоску и, скорее, отвращали, нежели привлекали. В их благолепной усредненности Лизе виделась осуществленная химера коммунизма. Проходя мимо Рая, она отворачивалась. Рай – это заоблачные палаты, зеленые луга, где заперта душа. Рай – это камера пыток, где

душу истязают счастьем. Кто придумал все это? И почему приманка Рая не работает для человека? Ведь нам не так уж хочется попасть туда, если бы хотелось, мы бы старались не грешить...

Возвращаясь к счастью и понимая при этом, что ни Рая, ни Ада не существует, такой ненадежный инструмент, как наша интуиция, уверяет нас в том, что счастье за пределами смерти, все-таки, есть. Скорее всего, это чувство, хоть и превышает по силе все знакомые нам земные чувства, так же мимолетно, как и его менее выразительный двойник – земное счастье. Лиза вдруг поняла, удивившись неизвестно откуда взявшемуся знанию, что бесконечное, глубокое и светлое чувство счастья возникает в момент смерти не от освобождения от земных оков, а от предчувствия ожидания нового срока на земле.

Она задремала только под утро. Вот так, начав думать о любви, она незаметно перешла к мыслям о смерти. Любовь и смерть были связаны в ее сознании. Она хотела любить и боялась смерти. Может быть, подумала она сквозь сон, если я узнаю, что такое настоящая любовь, я перестану бояться смерти.

Глава 49.

Встреча и прощание.

Прошел год. Наступила осень 1994-го. Целыми днями шел дождь, а по утрам лужи покрывались тонкой корочкой льда. Стоял ноябрь, длинный, темный и скучный месяц. Но вот в один из дней позвонил Мимис.

- Я с хорошими новостями для тебя, - бодрым голосом возвестил он. - Через пару дней приезжаю сам, да не один, привожу к тебе гостей.

Для Лизы подобные сообщения уже давно потеряли свою новизну, перестав быть возбуждающими и волнительными. Организация визитов деловых людей стала для нее однообразной работой, которую, тем не менее, она всегда выполняла добросовестно.

- В чем же хорошие новости? – спросила она.

- А в том, как я нашел эту фирму, дорогая. Представь, оказывается, в этой солидной фирме уже много лет работает муж моей племянницы, а я и не знал.

- **И чем** занимается фирма мужа твоей племянницы?

- Так, куплей-продажей, но стоят хорошо.

- В общем, тем же, чем и мы. Зачем же мы им понадобились?

- У них есть очень серьезный покупатель. Интересуется древесиной, ДВП и ДСП. Сможешь найти поставщиков?

- Смогу. Но мне нужно дней десять.

- У тебя есть неделя. В следующую среду мы прилетаем. А что, голос у тебя невеселый? Соскучилась, небось? Хочешь, я раньше приеду?

- Нет, Мимис, ради Бога, не надо приезжать раньше. У меня времени не будет с тобой возиться.

- Ну ладно, ладно, не груби. Возиться... А вот я вожусь с тобой. Напиши список, что тебе надо, я привезу.

- Ничего мне не надо, спасибо. Только мои духи из Duty Free. «Палому».

- Про духи-то я помню, а все остальное сам выберу. Ты же, все-таки, остаешься моей невестой, вот и позабочусь о разных там безделицах для моей любимой. Вдруг представится нам возможность побыть наедине? Никогда не знаешь, что судьба готовит и чем удивит.

- Не трать мои деньги, Мимис! Мне, правда, ничего не надо. – Лиза начала раздражаться.

- Но мне же это в удовольствие! Пройтись по магазинам, купить там разные шелковые тряпочки для моей сладкой девочки.

Она решила не отвечать. Сотни раз она просила его не разговаривать с ней в таком тоне. Она никак не годилась на роль «сладкой девочки», а этот Крошка Цахес, омерзительный и комичный Мимис, никак не годился на роль обольстителя.

Разговор был окончен. Лиза принялась за работу. Она была знакома с одним человеком, снабжавшим ее ценнейшей информацией, стоящей тысячи и тысячи долларов. Пенсионер, бывший сотрудник статистического отдела Госплана. Каким-то образом, он все еще имел доступ в картотеки, где хранились наименования всех предприятий, научно-исследовательских институтов, заводов и фабрик Украины. Лиза платила ему гроши по сравнению с тем, чего эта информация стоила на самом деле. Завтра, в крайнем случае, послезавтра, у нее будет самый подробный список всех деревообрабатывающих заводов и мебельных фабрик Украины, систематизированных по областям. А пока, она может сама кое-что предпринять, узнав, какие из этих предприятий находятся в Киеве. Ехать куда-нибудь в Карпатскую глушь ей не хотелось. Желание совершать подвиги несколько притупилось, прошло уже достаточно времени с того августовского дня, когда она, в своих замшевых лодочках, топала по исходящей жаром степи на аммиачный завод. Да и денег на ее с Мимисом совместном счету было достаточно, чтобы перестать суетиться.

Нет никакого проку забираться в глушь. Маленькие фабрики, которые в советские времена исправно снабжали мебелью в национальном стиле столичные мебельные салоны, сейчас бедствовали. Если привезти к ним крупного закупщика, они, навряд ли, смогут удовлетворить его потребности, потому что, будучи сейчас бесхозными, сами ничего не решают. Никто из них не сможет добиться разрешения на выполнение крупного заказа – в Министерстве Лесной промышленности их и слушать не станут, министр, без взятки и предварительных переговоров, их к себе не подпустит, а интересами всемогущей мафии, состоявшей из тех мутантов, что сожрали организм изнутри, эти кустарные предприятия, еще не были объаты. Так что надо искать что-то здесь, в столице, решила Лиза. Она подошла к балконной двери и привычным взглядом окинула хорошо знакомую панораму – Черную гору, с частными домами и чудесными садами вокруг них. Сейчас, в эту пору года, из некоторых дворов поднимался дымок - жгли опавшие листья. За Черной горой, где, по приданиям, ведьмы правят свои шабаши в полнолуние и где находится источник чистой воды, поднимались высоченные пирамидальные тополя Ботанического сада, а за ними, там, где Днепр, извиваясь, делал зигзаг, курились трубы не то какого-то завода, не то котельни. Отойдя от балкона, Лиза еще не знала, что уже увидела тот завод, куда, ровно через неделю, повезет пока незнакомых ей покупателей.

Ровно через неделю, Мимис и его гости прилетели в Киев. Лиза решила не ехать в аэропорт. Это было ни к чему: Мимис прекрасно знал водителя, а водитель –

дорогу. Она сразу пойдет в гостиницу и там познакомится с теми, кто придет вместе с Мимисом.

Имея, таким образом, в запасе лишний час, она, не спеша, одевалась перед зеркалом. Причесывая волосы, она смотрела на себя и думала, что у нее грустные, какие-то потухшие глаза, что уже давно опять ничего не случается в ее жизни, что в преддверии встречи с Мимисом, ее заранее охватывает раздражение на то, что она увидит его лицо с куриной лапкой вместо носа, что нужно будет терпеть его фамильярное отношение к ней на людях, что нужно будет не раздражаться и сдерживаться, когда он начинает делать глупые замечания касательно дел. Уже давно надо было отстраниться от него, прогнать, потерять его. Да, вот именно, потерять, уж очень долго он задержался в ее жизни. Но не было ни повода, ни сил от него избавиться. Попробовать отделаться от него, означало пережить скандал, оскорбления, обвинения и кто знает, что еще. Лиза не могла вынести даже мысли о том, что нужно будет что-то доказывать ему. Она понимала, что дорога к свободе лежит через ад их взаимных, долгих и непростых отношений. Ей нужен был толчок, землетрясение, нежданное сильное чувство, что дало бы силы пройти через ад. Успокоившись в относительном достатке, Лиза даже боялась теперь что-то менять или разрушать в своей жизни, поэтому ее жизнь задержалась, запнулась на одной ноте и никуда не двигалась. Деньги, так нелегко ею добытые, делают желудок сытым, а душу спокойной. Деньги дают возможность успокоиться и подумать о другом – о своей жизни и о том, что душа хоть и спокойна, но пуста. В такие пустые души, как в пустующие дома, каждой женщине хочется поселить любовь. Но где ее взять? Неужели это конец? Бесповоротный и окончательный...

Закончив одеваться, Лиза в полный рост встала перед зеркалом. На ней был серый костюмчик из тонкой шерсти. Короткий пиджак с замшевым воротничком, подчеркивал ее талию, узкая юбка облегла стройные ноги. На запястье она закрепила широкий браслет из жемчужин, а в уши вдела сережки с жемчужными капельками. Шелковистую гриву своих рыжих волос Лиза забрала наверх, открыв правильный и нежный овал лица. Но ее огромные глаза смотрели на отражение этой красивой женщины безрадостно, в них была пустота, она не узнавала или не признавала себя. Обувая свои, безупречной формы, ступни в черные сапожки, Лиза невесело гадала о том, сбудется ли ее мечта полюбить или стоит забыть о ней, успокоиться и перестать мучить себя несбыточными надеждами. На юбку упали первые слезы, она встрепенулась, припудрила щеки и, напоследок взглянув на себя в зеркало, накинула шубку. Поймав такси, она поспешила в гостиницу.

Холл гостиницы «Днепр» был пуст. У стойки администратора тоже никто не толпился. Лиза поднялась по широкой изгибающейся лестнице в ресторан. Заказав ужин для Мимиса и его гостей, она стала спускаться по той же лестнице в холл. Уже почти спустившись, она повернула голову и увидела, нет, не Мимиса и не остальных, кто приехал с ним, а его... Он смотрел своими рысьими глазами на Лизу не отрываясь, обнимая и лаская ее глубоким и долгим взглядом. Она встала, как вкапанная, на нижних ступеньках лестницы и весь мир застыл и отодвинулся, перестав существовать. Только лестница почему-то подпрыгнула под ногами, как будто от землетрясения, и точно так же, подпрыгнула ее душа, приняв в себя чувство и нежданную радость, пришедшую вместе с ним. Первой мыслью в оправившемся от столбняка мозгу, была мольба о том, чтобы этот незнакомец не был тем мужем той племянницы, о которой говорил ей Мимис. Еще немного, и она бы закричала: «Я не хочу, не хочу, не хочу, чтобы ты оказался родственником Мимиса!»

- Что же ты застыла, как изваяние? Спускайся, познакомишься с нашими гостями! – Мимис тянул ее за рукав и тащил за собой вниз, в холл.

Лиза послушно шла за ним к стойке, будучи глуха ко всему, что ее окружало, продолжая видеть только его. Когда ее рука оказалась в его мягкой, сухой и широкой ладони, она очнулась, потому что уж очень сильное чувство, наподобие блаженства или наслаждения, или всепоглощающего желания, выходящего за круг всего земного, вдруг пронизало ее с ног до головы. В странной слабости, накотившей на нее, в томлении, как сказали бы во времена Джейн Остин и Ивана Тургенева, она покачнулась, услышав его имя:

- Джордж Альягас. Мне очень приятно.

Именно так все началось. Описать первые признаки внезапной любви всегда очень не просто – рискуешь оказаться или слишком старомодным, или слишком заумным, или чересчур романтичным, или просто банальным. Я отдала бы предпочтение простоте. Действительно, в любви с первого или второго взгляда нет ничего сложного. Выбор не большой – химия или божественное провидение. Что выбрать? Конечно, провидение! Никакая химия не в состоянии втолкнуть одного и того же человека в твою судьбу дважды. Выбрав для себя провидение, мы больше не рассуждаем, но с удовольствием и готовностью отдаемся во власть потрясающего чувства, которое нас полностью захватывает. Мы не мудствуем, а целуемся и говорим друг другу нежные и глупые слова. Вспомните старые фильмы, где героини кокетливо улыбаются, закатывают глазки и подносят платочек к губам. Поверьте, в самом конце двадцатого века, ничего не изменилось в самих чувствах. Изменилось то, как мы демонстрируем свои чувства. Мы стесняемся самих себя и проявления своих искренних и наивных, самых что ни на есть, простых и естественных чувств, строя из себя не то сверхлюдей, не то инопланетян. Мы сами себя изменили и испортили, в наших душах уже нет места грезам и вздохам. А как хочется безоговорочно верить тому, кого любишь! Увы, последнее желание очень часто так и остается желанием. Подозрительность правит миром, поэтому так много одиноких в наше время. Мужчины больше не преданы до гробовой доски, а женщине нужна надежда на то, что ее избранник не предаст, не обманет, не нанесет удара ей в спину.

В тот ноябрьский день Лиза вступила на путь своей любви. Полюбив страстно и преданно сразу, с первого взгляда, она не размышляла о том, доверять Джорджу или нет. Она выросла, доверяя, ее замесили, как замешивают тесто на дрожжах, на любви и доверии. Увы, ее ничему не научили даже отношения с Мимисом. Любовь окрылила ее, открыв перед ней видения. Она видела себя любящей женщиной, полной радости и желания, но сначала она видела себя невестой. Ведь брак с Алексеем нельзя было считать чем-то настоящим. Ее первое замужество было значительным только по продолжительности. Она готова была испытать все опять, но уже по-другому, по-настоящему. Она мечтала опять стать женой и матерью, но, на этот раз, она хотела принадлежать сильному и стоящему мужчине. Лиза выпьет чашу своей любви до дна, ее мечтам не суждено будет сбыться, но ее отчаянная, страстная и странная привязанность к Джорджу Альягасу не умрет никогда. Однако это – уже другой рассказ, другое повествование, другая книга.

С той, второй своей встречи в гостинице, ни Лиза, ни Джордж особенно своих чувств не скрывали. Джордж часто звонил, писал Лизе смешные и трогательные записочки, отправляя их по факсу. Мимис что-то пронюхал и был в бешенстве. Ревность лишила его достоинства и остатков разума, и, однажды, несколько недель

спустя после своего визита в Киев с гостями, он приехал сам, не предупредив Лизу заранее.

Приближалось Рождество, Лиза планировала поездку в Афины и думала о ней с замиранием сердца, мечтая о встрече с Джорждем. Был вечер, в комнате, где Лиза работала, отбирая контракты и документы, которые собиралась взять с собой, играла тихая музыка. Игнат готовился к сессии. Ковры были свернуты, занавески еще после стирки не повешены, пол был намазан мастикой – домработница убирала квартиру к Рождеству. Вдруг в дверь позвонили. Игнат пошел открывать. На пороге стоял Мимис. В руках он держал нелепую сетчатую авоську с двумя большими матрешками, купленными им, невесть где и невесть у кого.

- Почему ты не сказал, что приедешь? – Лиза была удивлена. – Где ты остановился? Как добрался из аэропорта?

- Как видишь, без твоей помощи. Разрешить войти?

- Да конечно, проходи, – растерявшаяся Лиза все еще стояла в дверях. – Но как, зачем ты приехал?

- Приехал, чтобы сказать тебе кое о чем. – Мимис уселся в кресло, не выпуская авоськи с матрешками из рук.

- Зачем матрешки? Кому ты их купил?

- Не тебе, конечно. Попросили меня. Тебя теперь пусть твой любовник снабжает подарками.

- Чаю хочешь? – Лиза никак не могла взять в толк, что случилось на самом деле. Прилететь самостоятельно, разместившись в гостинице, а не на квартире, где он обычно останавливался, было большим подвигом для беспомощного Мимиса.

- Нет, ничего мне от тебя не надо. Я тут посоветовался с юристом.

- С каким юристом? У нас же есть свой юрист.

- Нет, дорогуша, не с твоим юристом. С моим юристом, с тем, кого я нанял.

- Ты знаешь здесь юристов, знаешь, кого нанять?

- Как видишь, знаю и вот, что хочу тебе сказать. У тебя появились большие проблемы.

- У меня не может быть проблем, если они вдруг появились, то у нас, Мимис. Помнишь, мы партнеры?

- Наше партнерство тут ни при чем. Ваш украинский юрист мне все доходчиво объяснил. Ты, будучи директором нашей совместной фирмы, все это время не платила налогов. Твои проценты с каждой сделки шли на наш совместный счет в Греции, но ты получала не только прибыль, ты получала также свой ежемесячный оклад наличными в валюте. Вот за это и ответишь.

- Зачем ты это делаешь? – Лиза прекрасно знала, чем ей грозит подобное заявление ее партнера. В лучшем случае огромным штрафом, в худшем – тюрьмой.

- Я это делаю, потому что хочу наказать тебя, дорогуша.

- За что? – уже догадываясь, что он ответит, тихо спросила она.

- За любовь твою страстную, но не ко мне.

- Между нами давно все кончено, Мимис. Все давно кончено и ты не имеешь права ни указывать мне кого любить, ни диктовать, как жить.

- Предала ты меня. Неужто не помнишь, как я предупреждал тебя не играть со мной, потому что в делах игры опасны? Они всегда плохо кончаются, Элиза.

- Но ведь ты за другое наказываешь меня, за то, что к делам не имеет никакого отношения!

- А одно с другим всегда связано. Я сказал своему юристу, что иду к тебе, если договоримся, он обо всем забудет, если не договоримся, завтра он идет в следственный отдел и открывает уголовное дело на тебя. Так как?

- Что как? – Лиза спросила тихо. Ярость, как расплавленное олово, стала постепенно вливаться в ее мозг. Она уже ничего не видела, красное полотнище опустилось перед ее глазами и спазмы сжимали ей горло. Мимис, между тем, продолжал говорить.

- Я, моя дорогая, для тебя же стараюсь! Хочу честь твою спасти и остатки твоего достоинства. Ей-богу, нашла в кого влюбиться! Он же рисуется, выставляется перед всеми бабами и перед тобой тоже. Знает, что хорош, умеет пыль в глаза пустить – и томный взгляд, и задумчивая молчаливость, и вкрадчивая поступь – все для таких простушек, как ты. Твоя доверчивая, неопытная, советская душа потянулась к искусителю. А мы все, греки, таковы! Что, не видела таких красавчиков раньше? Ты поражена, потрясена, влюблена? Тебе льстит, что он позарился на тебя? Так вот, Элиза, откажись от своей пошлой, дешевой влюбленности - он же женат, неужели не знаешь? - и вернись ко мне. Причем, на моих условиях. Работать больше не будешь. Хватит, поработали. Будешь жить со мной, как моя жена. Завтра соберешься и уедешь со мной. Тогда все забудется и простится.

Лиза смотрела на него, плохо различая его отвратительные черты, видя его как некий сгусток мерзости, как темный уродливый комок зла, как свое проклятие. Давным-давно надо было от него избавиться, любыми путями, он же всегда ей угрожал, всегда унижал и делал больно. Чего она так долго ждала? Того, что происходит сейчас? И только потому, что она попыталась вырваться на свободу?! Лиза вспомнила, как в КГБ ей угрожали Афганистаном за неповиновение. Сесть в тюрьму? Хорошо, она сядет в тюрьму, решила она, но этой мрази больше в ее жизни не будет!

Она встала и подошла к письменному столу, где в одном из ящичков лежали визитные карточки и бумаги их совместной фирмы. Вынув этот ящик, она вплотную подошла к Мимису и вывалила весь этот бумажный хлам ему на голову. Рассмеявшись, она приблизила свое лицо к его уху с длинной мочкой, за которым застряла одна из визитных карточек.

- В тюрьму, говоришь? – прошептала Лиза. – Я и в тюрьму сяду, только чтобы раз и навсегда избавиться от тебя. Кто ты такой, чтобы пугать меня, чтобы запрещать мне любить?! Ты – дрянь и ничтожество, которое так и не смогло ни во что оформиться. Знаешь, почему? Потому что ты не можешь освободиться ни от своей глупости, ни от своей чванливости, ни от зависти, ни от злости, ни от своей жадности. Ты скупердяй, Мимис! И ненормальный! Нормальные люди такими, как ты, не рождаются. Пошел вон!

Испугавшись, Мимис подскочил со своего кресла и начал истерически визжать, разбрызгивая слюну вокруг себя.

- Ненормальный? Так вот, слушай, что этот ненормальный еще придумал. Сюрприз для тебя! Ты теперь нищенка, да, без единого гроша, такая, какой я тебя встретил! Бесприданница! Все твои деньги я перевел на свой личный счет. А ты что думала, размечталась, что со своим хахалем теперь хорошо жить начнешь? Деньги-то через мою фирму были заработаны, а он тут ни при чем. Вот так, девочка моя, вот такой сюрпризик для тебя, шелковая безделица на твое шикарное тельце.

Игнат услышал истошные крики Мимиса и пришел из своей комнаты узнать, что происходит. Когда-то давно, в Пирейской квартире, пытаюсь защитить Лизу, он

навернул Мимиса бейсбольной битой. Вот и сейчас, думая, что его маме нужна помощь, он готов был вмешаться, но увидел смешную сценку. Его мама с пустым ящиком в руках и Мимис, покрытый визитными карточками, застрявшими у него в волосах, за ушами и воротником. Из дырок в авоське, которую Мимис не выпускал из рук, торчали плоские лица смеющихся матрешек.

- Ты же деньги не только у меня украл, ты их украл у Игната, у моих мамы и бабушки. Ты же всю нашу семью по миру пустил! – Лиза не могла поверить в необъятную подлость этого получеловека с вывернутыми наизнанку чувствами, этого невеликонького, уродливенького Крошки Цахеса.

- Что происходит? – спокойно спросил Игнат.

- Он забрал все наши деньги. У нас теперь ничего нет.

Игнат подошел к Лизе и обнял ее за плечи.

- Нет, так наживем. Все связи у тебя. Все наработки. Все твое. Что он сделал? Что он знает? Пусть подавится этими деньгами. Жалко, что под рукой нет бейсбольной биты, а то не уйти бы ему живым отсюда, - сказал он с усмешкой.

Мимис был уже у двери.

- Сволочи вы, подонки и сволочи! – бормотал он, нащупывая замок и одновременно пытаясь попасть в рукава пальто. – Необразованные коммуняки, мафия! Твой сынок уже в мафию записался? Что это он убить меня угрожает? А я еще хотел вас в люди вывести. Но ничего, завтра посмотришь, посмеешься, когда тебя к следователю вызовут.

Вырвавшись на площадку около лифта, он вдруг остановился, повернулся к Лизе и, посмотрев ей в глаза, ядом выплюнул ей в лицо свою ревность и ненависть.

- Когда станет плохо, очень плохо, гораздо хуже, чем сейчас, снова приползешь ко мне.

Его пророчество сбудется, и сбудется оно очень скоро.

А в тот пред рождественский вечер, Лиза поняла, что осталась без гроша, что несколько лет тяжелой работы, в течение которых она постигала основы бизнеса здесь, в Украине, в условиях диких и непредсказуемых, где женщинам не было места, где убивали и сажали за малейшую провинность и без нее, где милиция была частью преступного мира, где законы были не писаны – эти годы были потрачены зря. После них не осталось ни копейки. Ее обобрали, предали, пустили по миру. Ее и ее семью. Можно, правда, утешиться тем, что она приобрела знания, опыт и определенные связи в деловом мире, что тоже, своего рода, капитал.

Лиза пошла в ванную и открыла кран с горячей водой. Сейчас ей надо было подумать. Разговаривать с Игнатом она не могла, у нее не хватало духа признаться, что ее обвели вокруг пальца. То, что с ней произошло сейчас, на самом деле, было простым вопросом, требующим односложного ответа «да» или «нет». Может ли она позволить себе любить? Может ли она позволить себе любовь в чисто финансовом отношении? Если да, то останется без копейки, вернее, уже осталась, обрекая свою семью на нищенское существование. Если нет, то все в порядке, она посадит себя в клетку, сложит крылья и там постепенно сойдет с ума – зато деньги будут. Все, как всегда, сводится к выбору между любовью и деньгами. Раздевшись, Лиза залезла в ванну, с головой погрузившись в горячую воду. Ей надо было быстро принять решение. Да или нет. У нее еще оставались кое-какие деньги, на них она съездит в Грецию. Мимис не сможет ей помешать встретиться с Джорджем. Надо аннулировать их совместную фирму с Мимисом и перебросить контракт на поставку древесины на фирму Джорджа. Все будет хорошо. Деньги будут и очень скоро. Для

этого стоит рискнуть теми последними сотнями, что она держала в конверте под одеждой в шкафу. Что случится завтра? Она не знала. Страшно, но как-то сложится, Господь ее не оставит.

Как Мимис догадался, что они чувствуют взаимное влечение? Ведь между нею и Джорджем ничего не было. Они перезваниваются, разговаривают о делах. Мимис не знает об этих телефонных звонках. В начале их сотрудничества, он предупредил ее, что с греческой стороной обо всем будет договариваться он сам. Все телефонные разговоры должны происходить только через него. На этот раз, Лиза его не послушалась.

Когда жизнь становится невыносимо трудна, в голову приходят мысли о том, что стала она такой вследствие твоих же ошибок, сделанных ранее. Думать про ошибки сейчас не было сил, а, тем более, анализировать их. Лиза потратила на это целый год своей болезни. Но что бы ей тогда ни говорили, и как бы она себя не уговаривала, ошибка осталась неисправленной. Имя этой ошибки было «Мимис» и, до сих пор, она, эта ошибка, жалила и кусала.

Ей было так плохо, что стало почти хорошо. Появилось необъяснимое чувство свободы – она не была обременена ничем: ни деньгами, ни фирмой, ни опостылевшими отношениями. У нее не было ничего, кроме чувства необъятной свободы, появившейся от того, что уже никто не мог навредить ей больше или сделать хуже, чем уже было сделано. И еще окрепла надежда на Господа. Не веруя до конца, что в трудную минуту можно опереться на кого-то еще, Лиза неожиданно ощутила его рядом. Внутренний голос ее уверял, что только с Божьей помощью выходят из таких ситуаций. Если все пойдет не так, как она рассчитывала, уже совсем скоро ей будет даже хлеб не на что купить. Было время, она бедствовала – и когда Игната ждала, и когда от Мимиса сбегала. Сейчас было больнее и обиднее. Жизнь учит. Вот и славно, усвоив и этот урок, можно все начать сызнова.

Глава 50.

Пророчество Мимиса сбывается.

Вернувшись к себе домой, в отремонтированную Пирейскую квартиру, Мимис, как ни в чем не бывало, снова принялся писать Лизе, угрожая, умоляя, прося прощения, увещевая ее не делать глупостей. Он использовал все, что мог, даже Александровы страхи перед новой влюбленностью ее дочери. Эта уловка посылать Лизе проникновенные, чувственные, покаянные письма, всегда срабатывала и Мимис надеялся, что не пройдет и нескольких недель, как она одумается. Ее заморозит поэтическая искренность его строк и отрезвит страх за свою семью. Ведь теперь она нищая! Правда, на этот раз, чувствуя, что зашел слишком далеко, он не начинал своих писем с обычных слов «Дорогая Элиза» и не заканчивал их «тысячами поцелуев». Он писал в никуда, не будучи уверен, что Лиза дотронется до его посланий. Чтобы она их увидела, он посылал свои бесконечные опусы по факсу. Без приветственных и прощальных фраз, его письма выглядели как обрубки, как изуродованное тело без рук и ног. Мимис, несомненно, страдал. Он потерял женщину, которую, как ни силился, не смог покорить. В Лизу были вложены деньги

и надежды, вернее сказать, мечты. Деньги он вернул старицей, ограбив ее, а вот неосуществленные мечты застряли в его пустом, старческом сердце бесконечным унижением. Чтобы хоть как-то избавиться от своих страданий, Мимис старался принизить и выставить в плохом свете Джорджа, полемизируя с ним на бумаге, риторически призывая его дать Лизе незамедлительно то, что он сам так и не решился ей дать на протяжении четырех лет – уверенность в завтрашнем дне и достойный ее образ жизни. Он поучал и издевался, но зря. Его такая длинная партия, затянувшаяся на долгие годы, была проиграна.

«31.12.1993.

Я только что позвонил Александре, чтобы поздравить ее и Анну с Новым годом. Твои мама и бабушка были очень тронуты моими пожеланиями, высказавшись в том духе, что любят и уважают меня, считая членом своей семьи.

Но затем Александра, ни с того ни с сего, рыдая в голос, стала умолять меня присмотреть за тобой и оградить тебя от дурного влияния. Она сказала буквально следующее: «Элиза влюбилась. Мы не знаем этого человека. Пожалуйста, не бросайте ее, она не знает, что творит!»

От удивления я онемел, но сморозил банальность, нечто вроде того, что Элиза – взрослая женщина, знает, что делает и вы должны верить ей. Мне очень хотелось добавить: «Не волнуйтесь, она гораздо счастливее с этим проходимцем, чем со мной», но я сдержался. Я не смог убедить Александру в том, что твоя влюбленность будет тебе во благо и она, по-прежнему, считает, что я единственный, кто может позаботиться о тебе.

Негодяйка! Теперь ты понимаешь, что сделала со своей семьей. Откажись от своей нелепой влюбленности! У таких, как он, в каждой «гавани по крале». Ты знаешь, что он женат, он никогда не отважится бросить свою жену, чтобы он тебе ни обещал, потому что она содержит его и его процветающий офис. А его самолюбование! Сорокавосьмилетний Нарцисс! А, вы, женщины, от него без ума! Господь создал вас поверхностными существами, но такой попидавший виды мужчина, как я, способен моментально распознать в нем ловеласа. Лиза, он пустой, безответственный, никчемный человек. Опомнись, не наказывай свою семью!

Ты можешь сказать, что это я тебя наказываю, обрекая вас всех на нищенское существование, оставляя тебя без куска хлеба на завтрашний день, а Игната – без денег на его обучение. Нет, Элиза! Я лишь орудие. Это ты решилась броситься в омут этой треклятой любви. С тобой бесполезно разговаривать, потому что твое сердце бьется как барабан во время ритуального танца дикарей. Хочу спросить, когда ты следовала за своими чувствами, так страстно вспыхнувшими в твоём сердце, ты подумала о своих родных? Нет, чтобы села и пораскинула мозгами: ведь все в руках Мимиса, будет ли он терпеть мои влюбленности? А если нет, какие могут быть последствия? Но ты не думала, ты плевала на всех! Так вот, что я тебе скажу: ты, дорогуша, эту любовь себе позволить не можешь.

Ты ненавидишь меня? На здоровье! Знаешь что? На самом деле, ты не любишь его. Это – твой стиль. Ты становишься упрямой, когда впереди маячат трудности. Тебе непременно надо их преодолеть, но тебе при этом невдомек, что эти трудности не твои, что их надо оставить в покое. Оставь Джорджа в покое, он не твоего поля ягода!

Надеюсь, ты понимаешь всю важность момента и как хорошо ты должна подумать, прежде, чем отдавать себя на волю неизвестного будущего. Джордж тебя не обеспечит, не защитит, не поддержит, а только использует. Ничего, время покажет. Когда-нибудь твои чувства поутихнут и заговорит твой разум. Мой совет: не тяни долго, не то будет поздно.

Из-за тебя я чувствую себя подонком, не заслуживающим ни любви, ни, тем более, уважения твоих мамы и бабушки. Повремени, обдумай все еще раз, а «мужчина века» пусть подождет. Не хочу, чтобы он причинил тебе боль. Этого ты никогда не простишь ни мне, ни ему. Дела в нашей компании тоже пойдут наперекосяк, потому что он – Джордж Альягас – всегда будет яблоком раздора между нами. Зачем тебе это нужно?

P.S. В старой песне есть такие строки: «Жизнь, ты мучаешь нас, но все равно мы любим тебя». Ты наказываешь меня неизвестно за что, подвергаешь медленной пытке, убиваешь меня, но я все равно люблю тебя, потому что ты – моя жизнь».

«12. 01.1994

Думал позвонить, но нет, ты меня не захочешь слушать. Лучше написать. Письмо – это монолог, который никто не может прервать несогласием, ненужными возражениями, спорами и нелестными сравнениями, неизбежно возникающими в ходе беседы. В письме все подчинено моим правилам и моим желаниям.

Дорогая Элиза! Только благодаря тебе, я люблю и нахожусь среди избранных, тех, кому повезло любить. Правда, любовь моя хромотает на одну ногу, она, увы, безответная, но это любовь!

Знаю, что заставил тебя страдать. Жаль, что до сих пор я не могу примириться с действительностью. Я обижаю тебя не из-за того, что я плохой, а из-за того, что люблю. Ты не можешь просто проклясть меня, ты должна сначала понять мотивы моего преступления. Присяжные заседатели в зале суда всегда принимают во внимание мотивы, а уж потом выносят приговор. Ни у кого не поднимется рука осудить влюбленного человека, и ты не делай этого.

Милая моя, ты теперь сильная и самостоятельная. В любое время можешь приехать в Грецию без моей помощи, как, например, ты сделала это на Рождество. Удивляюсь только, где ты нашла деньги? Неужели Джордж раскошелился? А если так, то ты теперь хозяйка положения. Даже если я тебя обидел, ты, все равно, можешь позволить себе улыбнуться и простить меня. Будь снисходительной, моя королева!

Что же касается меня, то я прозябаю в своих страданиях, находясь где-то посередине между руинами любви и пустым местом. Стараюсь изо всех сил выжить, прилагая огромные усилия к тому, чтобы однажды начать думать о тебе в прошедшем времени. До тех пор, пожалуйста, не бросай меня. Я попытался отказаться от тебя, но разможился о стену невозможного. Испытав боль, я поумнел и теперь не устаю благодарить Господа за то, что он наградил меня этим чувством – любовью к тебе. Предпочитаю мучиться, но без любви я погибну. Знаю, что обречен любить тебя до конца дней своих.

Р. S. Если бы это было в моей власти, я бы оградил тебя от взглядов всех мужчин, заточив в монастырь».

«22.01.94.

Хочу предложить тебе несколько сценариев, в которых Джордж – главный герой, но действует по-разному.

Сценарий первый: в самом ближайшем времени он поговорит с тобой, обсудив, серьезно и обстоятельно, свои планы (ваши планы) на будущее. Он расскажет тебе, как собирается поступить со своей семьей и своим многолетним супружеством. Естественно, он объявит о том, что начал бракоразводный процесс. Он постарается определить роль для тебя в своей жизни, место Игната. Он попросит тебя проявить понимание, терпение и помочь ему преодолеть трудности на пути к вашему прекрасному союзу. Он также, вероятно, захочет решить твои насущные проблемы, купив вам с Игнатом квартиру, чтобы прекратить твое сюрреалистическое сосуществование с бывшим мужем под одной крышей. У него есть деньги, он взрослый, ответственный человек и, насколько я понимаю, собирается жить с тобой открыто, ни от кого не таясь.

Я смешон, требователен? Возможно, но если он упомянет во время вашего разговора только половину из того, что я перечислил выше, это будет означать, что его намерения серьезные, что он хочет взять тебя в жены, уважив твою гордость и достоинство.

Сценарий второй: он просто позабавится – красивая женщина, новое возбуждающее знакомство. Он будет приятным, обворожительным, любящим, щедрым. Щедрым в определенных рамках, конечно. Вы будете выезжать в свет, он будет производить на тебя впечатление, демонстрируя окружающим, как счастлив быть с тобой. Ты будешь часто ездить в Грецию, останавливаться в самых лучших гостиницах, отдыхать на островах. Он возьмет тебя с собой в Милан, Франкфурт и Париж для того, чтобы показать свои офисы в этих европейских городах. Вы будете пить самое лучшее вино и он будет поднимать бокал за твои прекрасные глаза. Но все это только сейчас, в настоящем, и никаких конкретных планов на будущее.

Я придумал два сценария. Оставляю их на твое усмотрение. Жизнь, знаешь ли, не белая и не черная, она – серая. Твой ум, прозорливость, женская интуиция подскажут тебе, какой из вариантов станет его выбором.

Извини, если задел твою гордость».

«21.02.94.

Чем больше я стараюсь понять, зачем Джорджу так срочно понадобилось в Киев, тем больше я теряюсь в догадках.

Поехал он, не согласовав свой визит ни со мной, ни с кем-либо из своего офиса. Ладно, в своем офисе он сам себе хозяин, но я, как-никак, остаюсь твоим партнером и поехал он к тебе, директору представительства нашей фирмы. Отправился он,

явно не подготовившись и без денег, необходимых для наших совместных проектов. Почему он не захотел подождать и отложить свой визит до лучших времен?

А чтобы поспеть вовремя! 14-го февраля – день влюбленных, не правда ли? Именно так он захотел объясниться тебе в любви. Как романтично! Он остановился в дорогой гостинице, (надеюсь, расходы не повиснут на нашей фирме), он наврал всем, что едет в Германию, а объявился там, у тебя. Все это наводит на мысль, что его визит носит не деловой, а личный характер. Поздравляю! Во всяком случае, я не ошибся в своих подозрениях.

Я не собираюсь вмешиваться, это не мое дело. Но неужели он думает, что я такой дурак и не пойму, что к чему?! Он явно недооценивает меня! К тому же, такое его поведение никак не способствует установлению доверия между будущими партнерами, собирающимися работать над совместным проектом.

Возможно, я преувеличиваю, как всегда. Оставаясь твоим верным воздыхателем и безумно ревнуя тебя, я посылаю тебе цветы в день Св. Валентина. Надеюсь, твой теперешний ухажер не забудет окружить тебя вниманием, подарками и бесчисленными букетами роз».

«28.02.1994.

Это смешно, но даже сейчас, когда тебя обнимает другой, мне жалко, если ты не ужинаешь в самых лучших ресторанах, если ты одета не в самые лучшие наряды, если твои серо-зеленые глаза не любят самые лучшие пейзажи. Что это? Умопомешательство? Деграция? Все это похоже на бред. Не знаю, отправлять или нет это письмо, но если любовь – это болезнь, то отправлять, болезнь не скроешь.

Несмотря на полную потерю самоуважения, я все же чувствую себя использованным. У тебя, дорогая, всегда был альтернативный план, вот ты и бросила меня...

Сейчас, когда ты пребываешь в сладостных грезах, ошалев от радостей любви, пора оглянуться назад и окинуть взором дымящиеся руины, которые ты оставила после набега на мое чувствительное сердце. Тебе надо было бы протянуть мне, издыхающей жертве этого набега, и поднять меня, молящего о снисхождении и прощении, на ноги.

Ты – плодородная земля, в чью почву мои чувства пустили длинные корни, питающие меня живительной влагой. Но раны мои не затягиваются. Мне иногда хочется высосать из твоей молодости и красоты все соки, чтобы гарантировать себе жизнь. Я ведь умираю без тебя...».

«1.04.1994.

Сожалею, что в это восхитительное время, когда ты готова наслаждаться жизнью, я веду себя как первобытный человек, пытаюсь причинить тебе боль и унижить тебя.

Мне не простительно, я никак не могу принять тот факт, что ты влюблена в Джорджа. Ты влюблена в него так, как никогда не была влюблена в меня: откровенно, нахально, радостно. Всем назло! Я пытаюсь совладать с собой и взять

ситуацию под контроль, но ревность и зависть разлагают меня. Если я себя веду по-скотски, то это неосознанно.

Я не могу согласиться с тем, что на Пасху тебя не будет рядом со мной, что ты будешь дышать одним и тем же весенним воздухом с другим, что в церкви он, а не я, будет любоваться загадочными огоньками свечей, отраженных в твоих прекрасных глазах.

И, тем не менее, обещаю оставаться офицером и джентльменом. Если я когда-нибудь тебе понадобится, просто позови».

И только свое последнее письмо он начал словами «Дорогая Элиза».

«Моя дорогая Элиза!

27.04.1992.

Это письмо с извинениями и, думаю, мое последнее письмо к тебе, потому что мои письма не имеют никакого значения для тебя. Позволь мне опустить занавес над моими эпистолярными монологами и сказать последнее «прости» за то, что был подчас грубым, подлым и жестоким с тобой.

Я пытался говорить тебе правду, но правда в любовных делах всегда слишком субъективна и однобока. Ты принуждала меня сражаться с тобой за мою любовь. В этой неравной борьбе я терпел поражения, с досады совершая nepозволительные и дикие поступки. Мне хотелось, чтобы ты знала, как сильно я тебя люблю, но вместо этого я причинял тебе боль, вмешиваясь в твои чувства и в твою жизнь, требуя полномочий для себя там, где мне не было места.

На прошлое Рождество все мои несбыточные мечты, которые я так наивно лелеял, исчезли, их пожрала твоя любовь к другому и я погрузился во тьму. Я не только не вижу теперь света в конце туннеля, сам туннель рухнул мне на голову. Я потерял ориентацию и горизонт. Я много думаю, уговаривая себя, что ничто не вечно, а, особенно быстро, проходит все хорошее. Чтобы хоть как-то взбодриться, покупаю себе новую одежду, стараюсь заниматься делами, увы, теперь уже без тебя, записываю от нечего делать свои мысли, которые неизбежно оказываются глупыми и ничего не стоящими. Иногда шлю тебе письма.

Что ты думаешь, когда их читаешь? «Ну вот, опять он...». Ты безразлична. Тебе наплевать. Все, больше не дотронусь до пера.

Согласись, что за последнее, очень короткое время, я потерял почти все. Перво-наперво, я потерял твою любовь. Ту любовь, которую мы создавали годами в наших письмах и сохраняли в наших сердцах. А какому-то, неизвестно откуда взявшемуся Джорджу Альягасу, понадобилось несколько мгновений, чтобы похитить тебя. Вор! Я потерял тебя, меня затмил человек с деньгами и возможностями. Ты влюбилась в мужчину своей мечты с первого взгляда. Можешь гордиться собой, теперь ты, небось, носишь туфли на высоких каблуках. Он выше и моложе меня, и его тень достаточно велика, чтобы укрыть тебя от скабрзных сплетен и ядовитых взглядов.

Я схожу с ума, задыхаюсь от своей потери, как рыба, вынутая из воды. Я теряю последнее укрепление из своей, так заботливо возведенной любовной империи. Я

теряю твое Боттичеллевское тело, которому я поклоняюсь, я стал забывать его изгибы, мои пальцы больше никогда не дотронутся до его шелковистой кожи. Что осталось от империи? Твоя логика, твой острый и жестокий ум, до которого я боюсь дотронуться, к которому боюсь приблизиться.

Теперь ты понимаешь, почему я веду себя как ребенок, у которого отобрали леденец? Почему я так агрессивен, зол и мои уста изрыгают проклятия? Прошу тебя, оставайся со мной, тебе не придется долго меня терпеть, я уже стар, но будь со мной хотя бы до того времени, пока я:

- не научусь радоваться твоему счастью;
- не буду больше вспоминать тебя, стоит мне увидеть что-нибудь красивое;
- не буду сравнивать тебя с натурщицами на картинах Ренуара;
- не перестану видеть тебя, стоит мне закрыть глаза;
- не перестану настаивать, что для Джорджа ты стала всего лишь игрушкой, очередной его победой;
- не научусь сдерживать слезы, когда в руках у меня оказывается одна из вещей, когда-то принадлежавшая тебе;
- не стану достаточно сильным и безразличным для того, чтобы избавиться от всех твоих фотографий;
- не стану, наконец, идиотом или умалишенным, чтобы осилить все вышесказанное.

Твой Мимис».

Так Мимис писал о своей любви, тщетно стараясь вернуть Лизу. Будучи, как противоядием, привита любовью к Джорджу, а, также постоянно помня о безобразном поступке Мимиса, оставившего ее семью без денег, она, на этот раз, оставалась глуха и нечувствительна к его посланиям. Лиза не ответила ни на одно из его писем, хоть изредка и читала их, брезгливо пробегая глазами строчки, выведенные его дрожащей рукой.

С тех пор, как Мимис в пылу ревности обворовал ее, Лиза вставала на ноги еще несколько раз. Ей не изменяли ни упорство, ни сила воли. Однако в одном он был прав – Джордж так и не решился на развод со своей женой. Сначала дети были недостаточно взрослыми и он не хотел их травмировать, потом денег было недостаточно для того, чтобы бросить вызов обществу и попытаться изменить свою жизнь. Он мечтал о «**сделке века**», могущей принести ему сразу несколько миллионов. Он смог бы рассчитаться с женой, поставить на ноги своих дочерей и соединиться с Лизой. И никто бы не посмел ему слово поперек сказать, никто бы пикнуть не посмел. Все бы просто заткнулись! Без золотого яйца, менять гнезда было рискованно. Поначалу Лиза принимал все его отговорки всерьез, но постепенно заметила, что «сделка века» никогда не состоится просто потому, что Джордж не прилагает к этой достаточно усилий. Оплыл по течению, ожидая, когда на его голову свалится лакомый кусочек. Его не подстегивала и не торопила его любовь, потому что ее, скорей всего, не было. Было увлечение, которое проиграло устоявшемуся быту, многолетнему супружеству и финансовым обязательствам перед женой.

Итак, через три года отношения с Джордже окончательно уперлись в никуда. Во время одной из своих деловых поездок, Лиза познакомилась с молодым и трогательным Адамом Эратиносом. У него не было за душой ни копейки, но он смог заставить ее рассмеяться. Через полгода она вышла за него замуж. Зачем? Ей

хотелось иметь семью, она была немного влюблена, она лелеяла мысль об отмщении, решив наказать Джорджа за его нерешительность, она боялась задержаться в любовницах, испугавшись пустоты, маячившей впереди.

С того памятного декабря 1994-го года, Лиза потеряла Мимиса из виду. Когда она уже была замужем за Адамом, во время одного из своих приездов в Афины, она напросилась к Мимису в гости. Ей не терпелось похвастаться тем, что она замужем и тем, что у нее все хорошо. Это была огромная ошибка с ее стороны. Ее тщеславие подтолкнули ее к тому, кто продолжал ждать ее падения. К тому, кто мог разрушить ее счастье одним своим взглядом, своими мыслями, возвращением в ее жизнь. Его надо было оставить в покое и никогда больше не **вспоминать о нем** и, тем более, к нему не ездить, выставляя напоказ свое счастье.

Мимис настоял, чтобы приехала не только Лиза, но и Адам. Он сильно постарел и был серьезно болен. Лиза с трудом узнала в этом бледном истощенном старике прежнего Мимиса, гадкого, но всегда настырного и энергичного. Меньше она его ненавидеть не стала, но в сердце ёкнула жалость к нему. Помогли ли ему те деньги, которые он когда-то украл у нее? Мимис умирал и знал об этом. С грустью смотрел он на Лизу, почти не обращая внимания на Адама. На мгновение что-то в его глазах снова вспыхнуло, но быстро погасло. Заказав для них еду, он сам до нее не дотронулся. Довольно скоро, откинувшись на диванные подушки, он больше не смог поддерживать беседу. Визит оказался кратковременным и никому не нужным.

Со времени того визита пройдет полтора года и, за неделю до того, как Адам неожиданно исчезнет из Лизиной жизни, Мимис вдруг позвонит ей и предложит провести несколько недель на его даче. Одной, без мужа. Это было великое предвидение или провидение Мимиса. Он уже знал, что в самом ближайшем времени произойдет нечто непредвиденное. Он знал, что Лиза окажется на краю пропасти и старался спасти ее. Откуда он знал? Он знал... Это ведь он когда-то сказал: «когда будет совсем плохо, приползешь ко мне». Вот и дождался. Но тогда, неделю назад, Лиза ни о чем не подозревала. Удивившись этому предложению Мимиса, она рассмеялась, подумав, что, как всегда, он ведет себя нелепо, однако на Пасху, она уже будет звонить ему сама, умоляя о помощи.

Глава 51.

Возвращение в ад.

Киев, весна 1999.

Лизе еще никогда в жизни не было так страшно. Вот уже несколько месяцев она жила и передвигалась как умудренный опытом зверь, который знает, что на его след напали охотники и теперь выслеживают его. У охотников цель одна – затравить зверя и вернуться домой с добычей. Поэтому он, этот зверь, никому не позволяет изучить свои повадки или предугадать время и направление своих вылазок. Уходя из дому, Лиза всегда возвращалась в разное время и разными путями. В то же время,

сама она старалась как можно лучше узнать людей, угрожавших расправиться с ней физически. Располагая фактами и информацией, она получала возможность выстраить логику их действий. Не ни дня, ни минуты, когда она могла бы расслабиться или потерять бдительность. Свой каждый шаг, был ли это выход в магазин через дорогу, визит в отделение милиции или в посольство, Лиза просчитывала до мелочей, а, просчитав, доверялась провидению, и это срабатывало. Ей иногда казалось, что сама Богородица укрыла ее своими покровами.

За последние несколько месяцев, Лиза сильно похудела и изменилась, сделавшись еще краше, но красота ее была иного рода, чем прежде – хрупкой и немного испуганной. Теперь, как зверь в своем логове, зализав раны и боясь повредить свою новую и такую чувствительную шкуру, она не шла, а кралась по улицам, медленно и мягко, почти на ощупь, без обычной своей уверенной походки, не задирая похожих своей красотой, выискивая затемненную сторону, подалее от проезжей части. Таким образом, ей удавалось оставаться незамеченной.

Собираясь в аэропорт, чтобы лететь в Афины к ненавистному Мимису, Лиза не стала заказывать такси, потому что через этот вызов ее могли вычислить, а позвонила частнику, с которым познакомилась случайно всего несколько дней тому назад.

Оделась она во все светлое, стараясь таким образом приглушить седину, в изобилии появившуюся в ее волосах. В то же время, ей казалось, что светлые тона, такие прохладные и хрустящие, способны отгородить ее от окружающего мира. Впервые, единственно возможным для нее способом существования стало осознание того, что она – ничто и не существует вовсе. В этом своем психологическом небытии она чувствовала себя в безопасности.

Пройдя без проблем «зеленую зону» и паспортный контроль, она устроилась в баре, откуда могла обозревать пассажиров, появляющихся в зале ожидания. Журнал, который она, вроде бы должна была читать, поглядывая поверх него вокруг, лежал на столе, а рядом с ним стоял стакан с минеральной водой, в котором плавал кусочек лимона. Лиза даже не пыталась читать журнал или пить воду: от страха ее тошнило, а руки – дрожали.

Объявили посадку, но к счастью, опять ничего ужасного не случилось. Никто в последнюю минуту не пришел ее арестовывать. Столько людей за последнее время угрожали ей, что она невольно начала чувствовать себя преступницей. Тысячи раз ее адвокат убеждал ее в том, что с нее все обвинения сняты, но вина за чужое преступление накрепко засела в ее сознании, навсегда сделав ее соучастницей. Адам, ее муж, обокрал простых людей, назанимал большие суммы у блатных, разорил ее фирму, оставил ее без гроша, убедил ее сотрудников в том, что она сошла с ума, оставил Лиза на растерзание ее партеру, а сам просто сбежал. Сел на самолет и улетел домой, в Грецию. Это случилось за неделю до Пасхи. Что будет с Лизой или ее семьей, его, видимо, не интересовало.

Через два с половиной часа, самолет приземлился в небольшом, доживавшем свои последние дни, афинском аэропорту Эллиникон. Скоро торжественно, со всеми недоделками и скандалами, откроют новый аэропорт, хвастливо раскинувшийся посреди равнины. С тех пор, как Лиза начала летать в Афины, каждая посадка в Эллиниконе была для нее увертюрой к свободе и любви. Шквал громкой и величественной музыки начинал звучать в ее душе каждый раз, когда самолет делал свой последний разворот над морем, а как только шасси касались взлетной полосы, у нее перехватывало дыхание. Грецию она знала и любила больше, чем любой

другой уголок Земли. В этой стране она познала любовь, ее баловали самыми прекрасными закатами и самыми нежными восходами, самыми лучшими винами и яствами. В этой стране ее смертельно обидели, унизив ее достоинство и растоптав ее доверчивость. В этой стране она научилась защищать себя и отстаивать свои интересы. В этой стране она научилась ненавидеть. Ее фирма, зарегистрированная в этой стране, принесла ей деньги, но ее партнер вернул ее в нищету. В этой стране, до сих пор, жили и здравствовали трое мужчин, которые подвергли ее жизнь опасности. Сколько пудов соли ей пришлось съесть на берегах древней Эллады!

Теперешний визит был не из радостных – будучи брошена мужем, она прилетела зализывать раны к человеку (или уже получеловеку), с которым однажды была помолвлена, от которого трижды сбежала и которого смертельно ненавидела. В этот раз, она прилетела в Грецию, чтобы учиться быть терпеливой, подчиняться и ждать. Ей нужен был хороший адвокат и немалые деньги, чтобы оплатить его услуги.

Димитрис Загкос поджидал ее у выхода. Сколько Лиза его помнила, он всегда выглядел намного старше своих лет, а сейчас казался еще старше и приземистее. Его отвратительное лицо без всякого намека на благообразие, напоминало черную дыру во Вселенной. Рядом с ним никому не хотелось улыбаться. Он никогда не пробуждал добрых чувств по отношению к себе. Когда Лиза находилась рядом с ним, она, как растение в засушливую погоду, сворачивала лепестки, стремясь сохранить свои соки и не засохнуть до утра. Сейчас его лицо, с куриной лапкой вместо носа, было еще более морщинистым и желчным. Мимис был тяжело болен, у него отказали почки. Каждые два дня он ездил в свой военный госпиталь, где ему два с половиной часа чистили кровь от мочи. Однако его упрямая похоть не только придала ему сил притащиться в аэропорт, но и вложить некий капитал в их, так называемый, совместный летний отпуск.

Мимис был приятно удивлен, обозревая знакомые черты - Лиза поседела и стала носить туфли на низком каблучке. Несмотря на то, что он всегда исподтишка любовался ее рыжей гривой и длинными, стройными ногами, он ненавидел ее красоту и стеснялся ее молодости. К его вящему сожалению, даже с заметной проседью и непомерной грустью в глазах, она выглядела, как подросток. И снова красива, даже пуще прежнего. Зачем это? Вот его друг, тоже семидесятилетний отставной летчик, обзавелся любовницей, молодой, но страшенькой, без всяких надежд на замужество, деревенской девушкой. И счастлив! Главное, это знать, что твой инструмент еще работает, а красота, или там, не дай Бог, характер, индивидуальность, да кому они нужны? Всего лишь досадные препятствия на пути к удовольствию. Мимис, как и прежде, был полон всяких намерений, самое важное из которых было попробовать себя в действии. После перенесенного в прошлом году легкого инсульта, он любопытствовал, как же обстоят дела с его плотью – совсем она одряхла или есть еще порох в пороховнице? Но эта женщина, что стоит теперь перед ним, всегда была хоть и желанной, но слишком сложной для него, постоянно угрожая его умственному спокойствию. На этот раз она сама написала ему, обещаясь принадлежать ему. Но не без умысла, не без умысла. Ясно ведь, как белый свет, что ей что-то надо. А ему и дела нет. Его деньги, после того, как сбежал ее благоверный, спасли ее от каталажки и теперь он намерен спросить с нее сполна. Да, уж на этот раз он обяжет ее быть благодарной!

Лиза нашла его отвратительным. Она стояла перед ним и силилась поцеловать его в щеку, но все оттягивала, казня себя за безразличность. Она здесь, чтобы

продемонстрировать свою благодарность. «Господи, да за что благодарность? - тут же пронеслось у нее в мозгу, - нет, я здесь, чтобы быть умненькой и хитренькой и, поэтому, надо этого урода поцеловать».

Она поцеловала его, улыбнулась и затворилась в себе. Прикоснувшись к нему губами, она завяла и умерла.

Мимис пошел на стоянку за машиной. Через некоторое время, Лиза увидела его темно-зеленый «Мерседес», неряшливо маневрирующий среди остальных машин напротив выхода из здания аэропорта. Маленький Мимис крутил руль и громко чертыхался на Лизу, не сумевшую быстро втолкнуть свой чемодан в багажник. Молодые греки смеялись и свистели, глядя на старого сморчка и его спутницу. Оказавшись внутри, она зажмурилась от непереносимой вони – в разогретой под солнцем машине непереносимо воняло мочой. Лиза открыла окно и высунула голову наружу, так и ехали всю дорогу. Мимис пытался что-то ей рассказывать, но она не слышала. Ветер гудел в ушах и осушал слезы на ее щеках. Подъехали к многоэтажному дому, квартиру в котором Мимис недавно снял. Благополучный квартал в Агии Параскеви, неподалеку от перекрестка с тремя кафе и совсем рядом с Американским колледжем. Им навстречу выскочила прислуга, болгарка по национальности, схватила чемодан и потащила его наверх. Она жила у Мимиса постоянно, присматривая за ним, готовя для него и убирая квартиру. Лиза перешагнула порог и поняла, что с этой минуты она будет наблюдать, не участвуя в происходящем, будет слушать слова, но постарается их не слышать, будет жить, не дыша, и будет отдавать свое тело, ничего не чувствуя. И все это, чтобы выжить и не сойти с ума, чтобы исполнить то, зачем она приехала. Чтобы выполнить нелегкую миссию своих странных летних каникул.

В тот первый вечер, одеваясь к ужину, Лиза вполуха слушала длинный монолог Мимиса о его страданиях. Он долго объяснял ей, что не должен потреблять пищу, содержащую фосфор и калий. Нечаянно, взгляд ее упал на его руки и она ужаснулась, увидев поврежденные иглами, вздувшиеся вены, которые, как змеи, расползались под его истончившейся кожей. «Маленький, бравый солдатик», - подумала она. Нечто, вроде сочувствия зашевелилось у нее внутри, но внезапная жалость не смогла пересилить настоявшуюся на времени ненависть. Во всем, что случилось с ней, Лиза винила его. Это он одиннадцать лет назад отворил перед ней двери в огромный, свободный, порочный, опасный, но такой желанный и дотоле незнакомый ей мир. Она вдохнула его волшебного яду вместе с ароматом первых весенних цветов, преподнесенных им тогда, одиннадцать лет назад, в своей небольшой квартирке в Пиреях. Он распахнул перед ней двери в бескрайний мир вранья и пустых обещаний.

- Дай мне взглянуть на тебя, - Мимис ворвался в комнату, где Лиза одевалась к ужину, - я не видел тебя целую вечность! Ну, давай, давай, посмотрим на тебя, изменилась ли? Твое тело я так и не смог забыть. И что в тебе такого? Господи, мягкая, красивая, стройная...

Он пытался исхитриться и как-нибудь распахнуть своими непослушными руками Лизин шелковый халат.

- Ну, посмотри на меня, посмотри. Насмотрелся? Тебе нравится? А сейчас, поди, оставь меня в покое. Мне нужно одеться. Только, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, не трогай меня! Я устала. Я голодна. Давай, пойдём уже. Завтра, Мимис, завтра. Может быть. Я обещаю. Боже мой, да что же это? Нет, никогда, я не смогу! Я приехала вся раздерганная, неужели ты этого не понимаешь? Мимис! Пощади меня!

Дай мне перевести дух, не бросайся на меня... Лучше скажи, куда мы пойдём? Твое любимое место? Что за место?

Но Мимис не слышал ни ее просьб, ни ее вопросов. Он метался за Лизой вокруг кровати, и, наконец, окончательно задохнувшись и выбившись из сил, повалился на аккуратно застеленное покрывало.

«Это не серьезно, - подумала Лиза. - Я, как взрослая женщина, должна или отдаться ему, решившись на что-то определенное, или зачем я здесь?». Но сцена ее забавляла и она почти уже смеялась.

- Мимис, какой же ты дурак, - сказала она примирительно, - ведь не это главное. Неужели ты не понимаешь? В твоём возрасте, разве тебе не хочется жить по-другому? С достоинством. Ты же болен. И смешон, когда вот так бегаешь за мной.

- Смешон!? - Мимис подскочил с кровати. - А ты, ты не была смешна, когда увивалась за Джорджем?

«Я любила его», - хотела сказать Лиза, но, вместо этого, пожала плечами.

- Между нами давным-давно все кончено. С тех пор я даже вышла замуж за другого.

- Ой, ли? - съехидничал Мимис. - Я вот посмотрю, проверю, как все кончено. И письма твои тебе припомню. А муж-то твой где?

- Ты же знаешь, сбежал.

- А ты знаешь, почему? Почему сбежал-то? Потому что ты играешь со всеми! Вот и мне, что обещала? Хочешь почитать свои письма? Я все их сохранил! Зачем ты снова разбудоражила меня? Зачем дала мне надежду? Ты же знаешь, я поведен на тебе, да, как старый дурак! А ты держи, держи все при себе, не давай мне дотронуться, может, богаче станешь!

Слюна брызгала из его рта во все стороны. Лиза уже давно не боялась этих его припадков и, вспомнив, зачем она здесь, попыталась урезонить его.

- Ты никогда не вытравишь меня из своей души. Ты знаешь это, так чего ты орешь? Сколько зла ты причинил мне, сколько боли! Так не пора ли утихомириться, Мими? Ты все только брал, все только лгал мне, даже не погнушался обокрасть меня однажды, а как насчет того, чтобы начать давать? Ты когда-нибудь думал об этом? А? Ради твоей великой любви! Перестань канючить, открой свое сердце и раз в жизни помоги мне безо всяких оговорок и условий! Поверь мне, душевная щедрость окрыляет. Может быть, тебе это даже понравится.

Мимис отдышался. И, правда, это только первый вечер, что она здесь, все еще наворачивается.

- Ладно, потерпим немного, - он вспомнил про свое давление. - Не знаю, чего это я так раскричался? Как мальчишка, припустил тут за тобой вокруг кровати. Тебе некуда деваться. Тебе ведь некуда деваться, да? Я пригласил тебя, после того, как ты напросилась, конечно, чтобы малость развлечься с тобой. Да выбрось ты из головы этого своего мужа сбежавшего. Я вот что тебе скажу, госпожа ты моя, если б я был на тридцать лет помоложе, уж я бы заставил тебя постонать от удовольствия! И забудь о тех деньгах, которые я тебе дал. Ты мне ничем не обязана.

Нежданно-негаданно, человеческие нотки стали проступать в его запутанной речи. Лиза знала, что первый приступ миновал. Хоть Мимис и одержим своей похотью, на некоторое время он переключится на что-нибудь другое и станет почти нормальным.

- Ну, раз не обязана, тогда пошли, - отрезала Лиза.

- Я ни на что не способен, разве ты не видишь?- продолжал Мимис, шаркая за ней в прихожую. - Я все это так, для красного словца, только. Собирайся, собирайся, пойдем к моему другу. У него здесь таверна недалеко. Знатно кормит, но я теперь уже не тот едок. Я все больше дома с Дарьей, экономкой моей - что она приготовит, то и ем. Без соли, конечно, и крахмал там всякий, ни-ни. Ну, собралась? Пошли, моя хорошая.

- Мими, если хочешь, давай останемся. Не мучай себя, мне все равно.

- Да нет, что ты! Разве я это имел в виду? Я поведу тебя туда, где лучше не бывает! Не забывай, что я летчик, а летчики знают, как охмурить своих подружек. А уж когда вернемся, я посмотрю, как моя лапушка отблагодарит меня, - не удержался он.

«На воздух, лишь бы вон отсюда», - Лиза испугалась, что он заведет снова ту же пластинку. Она с силой захлопнула дверь, чуть не пришибив Мимиса, и рванулась к лифту. «Увидеть ночь вместо его лица или другие лица, у которых все на месте и уши не висят, как у слона!» Оказавшись снова рядом с ним, ей хотелось выгадать хотя бы еще пару часов на свободе, прежде, чем этот похотливый Пан закружит ее в нескончаемом танце своего безумия.

Таверна была не ахти какая - пару столиков стояли под соснами. В темно-синем, бархатном небе болталась полная луна в окружении своей звездной свиты. На одной из веток сидела, всматриваясь в непроглядную темень за соснами, непуганая сова. Лиза загрустила. Мимис взглянул на нее и тоже надулся: она, наконец, должна понять, зачем она здесь и не сидеть с таким лицом. Он приложит сейчас немного усилий, разговорит ее, может настроение ее и улучшится, но больше он этого делать не станет. Авось, не королева!

- Ну, давай, улыбнись. Смотри, место хорошее, деревья и все такое, ты любишь ведь деревья, а? Я знаю, что любишь. И полнолуние, как по заказу. Как бывший специалист по небу и звездам, могу сказать, что дня два она продержится, а потом пойдет на убыль.

- Да, здесь красиво, - тихо ответила Лиза. Ей действительно нравилось здесь и она была даже благодарна Мимису, что он не повел ее куда-нибудь, в более приличное место.

- А давай махнем на Эгину, - Мимис снова попытал счастья, помня, что Эгину Лиза любила до самозабвения и всегда оттаивала там.

- Да, да, Мими, дорогой, давай! Это ты здорово придумал, - в ее голосе зазвенела неподдельная радость.

- Ну, так поедем этими днями. Помнишь, ты бросалась на меня там, как дикая кошка? Тамошние звезды и море, и запахи сводили тебя с ума. А в этот раз?

«Он все помнит по-своему или ничего уже не помнит», - Лиза открыла, было, рот, чтобы восстановить истину, напомнив ему, что он держал ее на Эгине, как пленницу, подальше от своих друзей и знакомых, и каждый день начинал с отвратительного скандала, обвиняя ее во всех смертных грехах, выплескивая свое физическое неудовлетворение и раздражаясь на ее непослушание. Она сбегала от него каждый раз, даже тогда, когда у нее совсем не было денег... Но об этом говорить не хотелось.

- Посмотрим, - ответила она уклончиво.

Как хорошо было бы потерять его где-нибудь в прошлом и уж никогда не находить, никогда не встречать вновь! Ан нет, вот он сидит напротив, реальнее

любого невыдуманного кошмара, и все вокруг, и эта ночь, и сочная баранья отбивная на ее тарелке, и сова на ветке, уже не имеют никакого значения.

- Знаешь, все случилось так внезапно. Мне кричать хочется от невыносимой боли внутри, - Лиза не могла больше сдерживаться. Ей хотелось выговориться, пусть даже такому негодяю, как Мимис.

- Хочется кричать, кричи. А знаешь, почему все это с тобой случается? Потому что ты дрянь. Ты просто дрянь, что за человек, Лиза! Ты со мной всегда была дрянью, а с другими, что думаешь, ты лучше? Ты же прилетела сюда потому, что с тобой там чуть не расправились. С хорошим человеком этого не случилось бы. Я всегда говорил, что ты за все заплатишь и заплатишь здесь, в этой жизни!

Мимис произнес свой монолог с большим воодушевлением. Не то, чтобы он сказал что-то новое, эта была его старая песня с любимым припевом о расплате, но в этот раз, она звучала почти к месту.

- Я не дрянь! Не смей меня так называть! Это просто случилось. Слышишь? Просто случилось...

- Ничего просто так не случается.

- Неправда! - Лиза задыхалась от злости на собственную глупость. Но, раз уж начала, надо продолжать. - Мы никогда не ссорились. Все было хорошо. А в один прекрасный день он не вернулся домой. Он наделал долгов за моей спиной, прихватил даже деньги Игната и тому пришлось прервать учебу во Франции. В чем же я виновата?!

- Дурой была, что поверила ему. Мне не верила, а ему поверила, - констатировал Мимис сквозь громкое чавканье.

- Ты был первый, кто обманул меня, - Лиза уже скрежетала зубами от ярости. - Что касается Адама, то он перед Богом поклялся любить меня в гре и радости! Да неужели, нет ничего святого в вас, мужиках, подлые вы души?

Люди стали оборачиваться, с любопытством разглядывая несдержанную молодую женщину. Ее вдруг затошнило - ей нужен был слушатель, но обвинений она больше вынести не могла. Она и сама знала, что виновата и страшно казнилась этим. Виновата в том, что верила, что сама отстранилась от дел, что доверила свой офис Адаму, что сама хотела уйти в тень, чтобы ярче засверкал ее молодой муж. Тем временем, интерес Мимиса к их беседе улетучился. Что-то еще слабо поблескивало в его глазах, но совсем скоро его сознание угасло и в его взгляде воцарился полный мрак. Лиза даже испугалась, но напрасно. С ним все было в порядке, он просто ел. Он пережевывал пищу, а во время этого процесса, дверь в его сознание всегда плотно затворялась. Некоторое время прошло без разговоров, затем он прекратил жевать и Лиза вновь сделала попытку убедить его в том, что если все так вышло, то не из-за нее.

- Адам получил прекрасное образование, говорит на нескольких языках. Он - из хорошей, уважаемой семьи. От отца, который был председателем Верховного Суда, к нему перешел титул, он - граф.

- Так ты что, теперь графиня? - Мимис громко смеялся. - Ох ты, нашла аристократа! Глупости все это, моя дорогая. В Греции все титулы были отменены еще в 1975-ом году. И правильно сделали, что отменили! Нет у нас ни графьев, ни баронов, ни маркизов. И монарха мы нашего выгнали. Вот так-то! Монарха - это зря! «Пасоки» с коммуняками решили власть народа навязать всей стране. Навязали, сволочи, и, что, кому лучше стало? Народом прикрылись, сами воруют. Так что ты о титулах никому здесь не говори - засмеют. Обманул тебя твой сбежавший

благоверный. И вообще, не в титулах дело, а в деньгах. Вот ты благородная такая, а приползла ко мне, на мои денежки жить, и мои денежки тебя из каталажки выручили!

Лиза поняла, что этот раунд она проиграла. Но ей было совершенно необходимо убедить его в своей невиновности. Она вспомнила, что Мимис притворяется набожным. Когда-то он возил ее в монастырь на Эгине и перецеловал там все иконы. Тогда еще между ними разгорелась жуткая ссора из-за того, что она отказалась прикладываться к иконам. Он орал, что надо делать, как все, а она ответила ему: «Зачем заниматься показухой? Бога надо иметь в душе».

- Я, когда Адам пропал, пошла к отцу Даниилу, он венчал нас. Так вот, он сказал, что как только мужчина становится мужем, жена должна верить ему. Он сказал, чтобы я не слушала тех, кто говорит, что я слишком доверилась своему мужу. Мужу нельзя верить много или мало, ему надо просто верить, а иначе против Бога будет.

Лиза плакала, а Мимис не останавливал ее. Он любил, когда она плакала и часто провоцировал ее, приговаривая при этом, что ее глаза, омытые слезами, становятся еще краше. В такие минуты его душонка трепетала от радости, торжествуя власть над женщиной, которая плачет.

Но вдруг, неожиданно для себя, он почувствовал нечто вроде сострадания. Ему это не понравилось, однако он тут же успокоил себя тем, что может позволить себе такую душевную трату сейчас, когда Лиза уже практически у него в руках. Не зря он выжидал все это время, как стервятник на ветке. Вот и дождался, и очень обрадован. Он достал зубочистку и стал ковыряться в зубах. Прикрыв глаза от удовольствия, он наблюдал за Лизой.

«Красотка, - размышлял он, - а какая несчастная! Эти волосы, уже с проседью, но все такие же шелковистые на ощупь. Я знаю, помню еще. Эти ее огромные глаза, полные слез, сияют, как два изумруда в лунном свете. А в ушах у нее сапфиры и на пальце такое же кольцо – камни небольшие, но чистые, а вокруг, что это, неужто бриллианты? Она никогда раньше не носила ничего подобного. Кто купил их для нее? Джордж? Вряд ли. Этот жук никогда не тратится на своих любовниц, его жена зорко за этим следит. Адам? И поэтому влез в долги? Вся эта история темна и не хороша. Я не верю ни единому ее слову. И если кто-то охотится за ней или за ее мужем, не сглупил ли я, пригласив ее в свой дом? Мои сыновья были против, но я не послушался. Пусть их старик немного потешится! Она так напугана, что на этот раз может сдать без боя. Господи, убереги от греха, не дай мне броситься на нее прямо здесь, прилюдно. А ведь и терпеть-то почти невыносимо. Насладиться бы ею, а потом еще больше в грязи вывалять, чтобы нос не драла передо мной, да чтобы не умничала!

Но могу ли я? В силах ли еще? А вот и проверим, и личико, искаженное гримаской, в этот раз воротить не дам. То, что заплатила ты за глупость свою своими страданиями, так это верно. Но мне ты еще ни разу не платила. Вот и заплатишь. И бежать тебе некуда, потому как уже беглянка».

Он очнулся от раздумий и снова взглянул на Лизу. Она смотрела на него в упор горящими от ненависти глазами. Он забыл, будучи в немом монологе с самим собой, закрыть рот, и все это время ковырялся в нем изжеванной зубочисткой. Заметив так хорошо знакомую гримасу презрения на ее лице, Мимис расстроился. «Значит, просто так не сдастся, - подумал он, озлобившись, - значит, все еще не

одумалась, все характер показывает! Но как хороша! Вот злится, а как чертовски хороша!».

Мимис смаковал слова «как хороша», «как восхитительно хороша», «как обворожительно хороша», перевертывая их в своем мозгу снова и снова. Это были не его слова. В молодости он таких слов не знал. Его покойная жена научила его нескольким красивым словам и фразам. Сам то он был родом из деревни, а она – афинянка, нежная, чувствительная женщина. Поженились. Она плакала каждый день, потом перестала. Родились сыновья, один за другим. Она души в них не чаяла. Любила ли она его? Мимис не помнил. Помнил только, что в близости после рождения сыновей, она ему стала отказывать, а ему не хватало. Он всегда был неудовлетворен, голоден, а сейчас даже голоднее, чем прежде. Его голод расцвел в махровый цветок одержимости и он никому не даст наступить на этот цветок. Сью умерла, но уроки ее он не забыл. Он аккуратно использовал те слова, которым она его научила, в письмах к Лизе. Как хитро он провел ее и не раз! Как легко он снова и снова ловил ее на удочку красивых и романтических слов!

И, правда, читая его письма, Лиза любовалась слогом, забывая об истинной натуре этого, в сущности, неотесанного мужлана. Со страниц его писем с ней говорила Сью, оказывая Лизе медвежью услугу, каждый раз заманивая ее в силки, расставленные ее ненасытным мужем. Или она мстила ей с того света? А как сам Мимис мог так искусно и запросто перевоплощаться в романтического трубадура? Лиза не знала...

Мимис, тем временем, устав от мыслей и переваривания пищи, дремал, привалившись головою к стволу дерева. Через минуту он захрапел. Лиза ужасно бесилась на себя за то, что завела разговор с этим полудурком и пыталась еще оправдываться. Но вечер, кажется, окончен. Не будет ни ссор, ни сцен. Дарья примет его с рук на руки и уложит в постель. Пнув его ногой под столом, она поднялась. Мимис медленно открыл глаза, неосознанно оглядываясь по сторонам. Слюна стекала по его подбородку. Лиза протянула ему салфетку. Он не понял, зачем, и салфетки не взял. Наконец, он встал.

- Мы уходим, - важно возвестил он, поднимаясь с неудобного стула в таверне своего друга.

Глава 52.

Школа притворства.

На следующее утро Мимис настоял на том, чтобы отправиться за покупками. Лиза никуда не хотела идти, пребывая в том состоянии, когда сам факт существования магазинов является ненужным и неважным. Про себя она все же с отвращением любопытствовала, что он так хочет ей купить? Куда поведет ее? Очень скоро ее догадка подтвердилась – через дорогу, за угол, в магазин, где торгуют женским бельем. Наотрез отказавшись даже притрагиваться к тому, что было в изобилии развешено на плечиках, маня и дразня матовым блеском шелка, она выбрала белый

итальянский купальник, разрешив Мимису заплатить за него. Сцена была одновременно комической и унижительной. Когда с покупками было покончено, отправились домой. Жара стояла несусветная. Лиза шла немного впереди, спеша поскорее укрыться в прохладе комнат с кондиционерами, Мимис шаркал где-то позади в своей панаме набекрень. Его рот был полуоткрыт, глаза выкатились из орбит, а мозг работал над сложной этической дилеммой – стыдиться ли ему своей молодой и красивой спутницы или гордиться ею?

Прийдя домой, Мимис без промедлений решил ехать к морю. Лиза быстро собралась, прислуга снесла их чемоданы вниз, помахала им вслед и осмелилась со значением подмигнуть Лизе, намекая на приятный во всех отношениях отпуск, ожидавший их впереди.

По профессии Дарья, постоянно жившая в доме Мимиса, была бухгалтером и работала в Болгарии учетчицей на стройках. Когда пару лет назад все рухнуло, в том числе и социализм с его плановой экономикой, стройки на некоторое время замерли. Дарья, как и тысячи других женщин из Восточной Европы, подалась в Западную Европу и, оказавшись в Афинах, попала к Мимису, который платил ей щедро, но оформить страховку, все же, отказался. Будучи родом из глухой деревни, еще толком не отмывшись сама, Дарья понятия не имела, как надо убирать, чтобы было чисто, как надо стирать, чтобы белье хрустело и хорошо пахло, и как надо готовить, чтобы еда не вызывала отвращения. Частенько Мимис, не выдерживая ее кулинарных потуг, начинал швырять в нее вилками, орать и брызгать слюной. Она также вела нехитрую бухгалтерию с финансами своего работодателя, оставляя большую часть выданных ей на ведение хозяйства денег, на свой черный день. Увидев Лизу, Дарья тут же смекнула, что та, хоть и является ее сестрой по социалистическому несчастью, но не своя, и отношения между двумя женщинами не заладились. Узрев в украинской красавице свою соперницу, готовую легко отобрать у нее роль хозяйки дома, которой та себя уже возомнила, Дарья возненавидела Лизу. Ее неожиданный приезд сделал Дарью несчастной по двум статьям: во-первых ее попросили переехать к себе, а, во-вторых, ее робкие мечты «подластиться к господину Мимису и, чем черт не шутит, авось, что-нибудь и выгорело бы», были вдребезги разбиты. Поэтому сейчас, внутренне скрепившись, она притворно улыбалась и подмигивала Лизе, делая своими гримасами их отъезд на море еще более отвратительным.

Спустя три часа, темно-зеленый «Мерседес» Мимиса зашелестел шинами по отполированному асфальту перед отелем «Маре Нострум». Несмотря на сотни отдыхающих, жизнь этой роскошной гостиницы журчала тихо и незаметно, что, безусловно, говорило о ее высоком классе. В ней был заведен определенный порядок, который, устоявшись, уже не мог и не должен был меняться. Вновь прибывшие, сами того не подозревая, тут же подчинялись этому распорядку, теряя свою волю и полностью следуя отработанной, как часы, рутине «Маре Нострум».

Совсем по другому обстояли дела у Лизы с Мимисом. По утрам они страшно ругались. Все еще не вкусивши плотских угодий и чувствуя, что его обманывают за его же деньги, Мимис не скрывал своего разочарования. По ночам он страшно храпел и, хотя их кровати стояли в разных углах номера, Лиза не могла спать и засыпала, изможденная собственными мыслями и его храпом, только под утро. Однако в пять утра, гонимый старческой неугомонностью, Мимис вставал и начинал шуметь в комнате, передвигая вещи и шурша газетами. Он вел себя как ребенок, требующий внимания, мол, я проснулся и ты вставай тоже. Лиза на его красноречивые призывы

не отзывалась и продолжала лежать, притворяясь спящей. Вконец взбешенный Мимис вылетал из номера, грохая дверь, чем вызывал нарекания соседей, и исчезал. Лиза засыпала и спала часа два, до тех пор, пока в пол восьмого ее спутник не появлялся снова, швыряя свежие газеты на пол и громко шаркая ногами, демонстрируя свою дурацкую невоспитанность.

Затем следовал завтрак. Лиза обслуживала его, помогая с тарелками, чашками, обязательными добавками и таблетками. Ел он отрешенно, наглухо захлопывая створки своего сознания, поэтому временами пища вываливалась у него изо рта. Единственным оправданием этого неприглядного действия была его правая рука, которая неуклюже, но упорно пыталась намазать джемом яичницу, уже растерзанную на тарелке. В начале каждого приема пищи, он вынимал маленький белый конвертик из нагрудного кармана, в котором заранее были приготовлены таблетки, сыпал их всех вместе в рот и с хрустом размалывал их своими, укрепленными металлопластиком, зубами. Иногда он забывал, что уже проглотил таблетки с пищей и снова принимался искать их, а, не найдя, терялся.

После завтрака они шли на пляж. Это было самое спокойное время суток для Лизы, потому что на пляже они были не одни и были не вместе. Мимис избегал солнца, а она нежилась под его горячими лучами до самого полудня. Лежа на белой пляжной раскладушке, покрытой гостиничным полотенцем, она никак не могла согреться, хотя чувствовала, что тепло проникает все глубже и глубже в ее плоть, дотрагиваясь до самых потаенных мест. В ее памяти были еще свежи воспоминания о том, как в Киеве по ночам ее бил озноб от страха, ей казалось, что, если не сейчас, то в следующую минуту за ней придут или блатные, или люди ее партнера Иезуитова, или милиционеры, недовольные размером взятки. Она совсем перестала спать, прислушиваясь к звукам на улице, пытаясь угадать, что за машина подъехала и припарковалась у ее подъезда. А здесь солнце было ее любовником – горячим, настойчивым и нежным. Прикрыв глаза, через завесу своих пушистых ресниц, Лиза наблюдала за людьми.

За дородными скандинавскими парами с их белокурым потомством; за слегка привявшей француженкой с ее молодым любовником; за худой, белесой и одинокой англичанкой; за одной русской парой, которая тоже была не вместе – она постоянно говорила по мобильному телефону, отдавая кому-то распоряжения и указания, а он неподвижно лежал прямо на траве, почти не шевеля членами своего синеватого тела и не обращая на свою занятую супругу никакого внимания; за темными от загара, выхоленными жиголо, понарошку и меланхолично одинокими, лениво оценивающих женщин, старых и молодых, сквозь темные стекла своих дорогих Рэй-Бенов. По выходным приезжали греки с целым выводком непослушных детей, внося оживление своими криками, руганью, поцелуями и демонстрацией необъятной и суматошной любви к своим избалованным отпрыскам. Иногда Лизе попадались, по-настоящему, экзотические экземпляры. Однажды она долго любовалась одной парой – русской девушкой необыкновенной красоты, говорящей на ломанном и таком трогательно-соблазнительном английском, и греческим парнем, похожим на бога с фресок. Оба лежали на траве безо всяких подстилок, не замечая людей вокруг. Они тихо смеялись, переплетая длинные, шелковистые, светлые и темные, пряди волос и тихо, ласково целовались. Хотя их жесты были полны эротики, ничто не оскорбляло глаз, но сильно волновало душу.

Лиза долго наблюдала за ними, вспоминая гостиницу на Кипре и их с Адамом короткий медовый месяц. Они плавали в крытом бассейне, нежились в джакузи,

дремали под уже не жарким ноябрьским солнцем и любили друг друга осторожно и нежно, почти без страсти, без забытья. Нутром чувствуя, что Адам где-то здесь, в Греции, Лиза постоянно думала о нем. Она должна была, наверное, произвести из себя ненависть, как змея источает яд, но она никак не могла заставить себя ненавидеть того, с кем еще совсем недавно стала под венцом.

Вскоре она увидела еще одну необычную пару. Женщине было около сорока, ему около семидесяти. Они пришли на пляж, держась за руки. Мужчина был высокого роста, его тело, хоть и выдавало возраст, было натренированным и статным. Ум, ирония, доброта и, вместе с тем сила, светились в его больших, темно-серых глазах. Мимис их тоже заметил и сказал, что он и Лиза тоже могли бы ходить вот так, взявшись за руки. «Нет, не могли бы», - ответила Лиза, стыдясь своего спутника. В нем совсем не было достоинства, а только суетливость, жадность и глупость.

Лиза много плавала. Она заплывала далеко, до самой отмели, что образовалась посреди залива. Мимис тоже оказывался в воде и, перебирая своими коротенькими ручками, думал, что плывет к Лизе, а на самом деле, греб совсем в другую сторону. Очень скоро он начинал задыхаться, недвижно повисал в воде и в таком положении ждал, когда она подплывет и поможет ему выбраться на берег. Люди всегда глазели на них, гадая, кем же она ему приходится. Ей было наплевать, но иногда хотелось, чтобы по ее лбу бежала непрерывная неоновая строка из одного слова: «Сиделка».

Между купаниями, Мимис изо всех сил старался важничать, держа в руках объемистую ежедневную газету и, одновременно, набирая всех подряд по мобильному телефону, тыкая пальцем наугад, никогда не дозваниваясь, но производя при этом много шума.

После легкого обеда в кафе у бассейна, они медленно поднимались в гору, возвращаясь в свой номер. Лиза несла тяжелую сумку с мокрыми полотенцами, газетами, журналами и своими лапами. Хихикая, Мимис каждый день повторял одну и ту же шутку: «Завтра эту сумку понесу я». В лифте люди, против воли, засматривались на Лизу и, однажды, молодой француз заговорил с ней. Мимис окрылся на него. Молодой француз засмеялся.

Часы, проведенные на солнце и в соленой воде, приятно утомляли, постель манила чистыми прохладными простынями, Лизе ужасно хотелось лечь на них и мгновенно заснуть. Но наступало время второй большой ссоры, потому что Мимис настырно карабкался на ее кровать с отключенным сознанием и инстинктами наготове, требуя чего? Секса.

- Мими, ведь очень жарко, у тебя поднимется давление. Разве ты не хочешь отдохнуть? Ты пойми, я не вхожу в перечень гостиничных услуг, за которые ты заплатил, я сама по себе. Иди к себе, оставь меня в покое, ты же обещал дать мне время, - Лиза церемонилась с ним, уговаривая и подыскивая слова, постепенно съезжая к краю кровати.

- Лиза, давай попробуем, давай проверим, говорю тебе! Это тебе не дорого обойдется. Неужели ты не видишь, что я хочу тебя?! - он, как маленькая, сошедшая с ума собачонка, карябал ее своими нечувствительными пальцами и кусал за ноги.

- Проверим что, Мими? - Лиза вдруг ощутила себя медицинским инструментом, который сейчас используют, проверяя силу мужского вождения.

- Могу я или нет...

- Знаешь, я тебе вот что скажу: со мной ты вряд ли что проверишь, поэтому собирайся и походи, поищи другую.

- Я не хочу другую, я хочу тебя, черт бы тебя побрал! – он задыхался от собственных криков и телодвижений, подкапывая под себя простыни и не чувствуя, что уже давно кончил.

Когда это произошло впервые, Лиза, несмотря на свои намерения быть благодарной и терпеливой во имя своей цели, хотела тотчас же уехать. Не обратно в Афины, а обратно в Киев, или куда глаза глядят. Зная, что так ее оскорблять может только он, она также знала, что никогда не даст ему дотронуться до себя. Старая ненависть вспыхнула в ней с новой силой и, однажды, она решила остановить его притязания раз и навсегда.

- Дотронешься до меня еще раз, я убью тебя, - она выговорила это очень тихим, но твердым голосом.

И Мимис поверил ей.

Их вечера начинались с пятичасового чая или, вернее, капуччино. На это время они устанавливали перемирие и для Лизы наступало ее любимое время суток. Они снова шли на пляж, она садилась под деревьями и сидела почти неподвижно до восьми. Думая о своей жизни, что на самом деле заставило Адама так внезапно исчезнуть, какого рода помощь ей нужна, чтобы найти его, и откуда она может эту помощь получить, она гадала, где взять денег. Она думала о Джордже, которому очень хотела позвонить, тосковала по Игнату, который хоть и не винил ее ни в чем, с трудом вставал на ноги после такого потрясения, оказавшись лицом к лицу со взрослой жизнью, к которой еще не был готов. Но чаще всего ее мысли возвращались к Адаму. Как мучительно, как невыносимо сильно она хотела поговорить с ним! Ей просто необходимо было узнать, бросил ли он ее или что-то другое заставило его так скоростно уехать. Возможно, кто-то шантажировал его или даже угрожал его жизни. Ну, нельзя же, право, вот так взять, бросить ее саму на произвол судьбы, бросить Игната, ее старенькую бабулю и сбежать! Господи, откуда же взять денег, чтобы найти его и все это узнать?! Иногда Мимис прерывал ее размышления. Потеряв всякую надежду на близость с ней, он попытался повернуть дело другой стороной, спросив, сколько денег она бы взяла за одну ночь с ним.

- Пять тысяч, - наобум сказала Лиза, только чтобы он отвязался.

- Драмм? – с надеждой спросил Мимис, как будто это могло случиться на самом деле.

- Долларов, - отрезала Лиза.

- Ну, это дорого. Я могу найти подешевле.

- Что ж не ищешь? – Лиза не обращала внимания на этот словесный мусор, потому что где Мимис, там и мусор, и, ненадолго прервав свои размышления, продолжала наблюдать за послеобеденной жизнью пляжа.

С утра жизнь на пляже была шумной и оживленной, вечером же становилась ленивой и утонченной. В шезлонгах полулежали гурманы, с самозабвенным наслаждением смакуя неторопливую беседу и чашечку ароматного греческого кофе. Пары медленно заполняли пляж после сиесты. Лица мужчин выражали не то скуку, не то томление по настоящим делам и любовницам, оставленным ими в больших городах. Лица женщин светились удовлетворением, ведь им удалось, пусть даже на этот короткий срок, установить полную власть над своими мужчинами и отдохнуть от ревности, став собственницами.

Преуспевающие, состоятельные люди... Что она делает здесь, среди них? Судьба, как будто издеваясь, всегда окружала Лизу такими людьми. Не то, чтобы

Лиза была ниже их, или недостойна быть среди них, но почему опять без денег?! Сейчас она здесь, потому что у Мимиса есть деньги, а она свои вложила, потеряла, растратила. Куда? Да вот, на зарплаты своим служащим, например, которых давно надо было выгнать, а она их жалела.

Сколько раз уже она вроде бы хватала удачу за хвост, но эта скользкая рыбка или вовсе ускользала, оставляя Лизу в очередной раз у разбитого корыта, или давалась в руки, но ненадолго. Нет, ее не одолевала зависть и философия нищенки не поселялась в ее сознании, пригибая ее к земле тем, что все плохонько и бедненько. Что ни говори, а Лизе принадлежала неплохая недвижимость в центре Киева, она сумела сохранить кое-какие украшения и отцовские картины. Она все еще была красива, что тоже немалый капитал, и многие женщины здесь, на пляже, отдали бы полцарства за ее красоту. А не отдавали потому, что видели, как она несчастна, а, следовательно, обладает минусовым капиталом...

Увядал пышный летний день, солнце неторопливо спускалось к горизонту, напоследок вспыхивая то тут, то там, среди изумрудной зелени сосновых веток. Никто не плавал. Уставшее за день море становилось в это время приторно-теплым, меняя свой прозрачный аквамарин на тускло-желтую охру. Шум от пляжных игр постепенно затихал. Пляж заполняла тишина. В народе это время называют вечерней зорькой.

С другой стороны, продолжая думать о деньгах и исподтишка наблюдая за состоятельными людьми, Лиза не столько ощущала нехватку денег, сколько полное отсутствие уверенности в завтрашнем дне. Ей всегда хотелось иметь медицинскую страховку, пенсионное обеспечение и знать, что в банке у нее есть деньги на непредвиденный случай и образование детей. Деньги можно заработать снова, но в ее стране уверенности в завтрашнем дне они не давали. И не надо много денег - никогда не знаешь, как с ними, в конце концов, управиться. Большие деньги накликают большие беды, заставляя хозяев внушительных капиталов постоянно думать о своей собственной безопасности и безопасности своих близких. Дурные деньги пожирают сами себя и тебя самого в придачу. Нет, Лизе хотелось ровно столько, чтобы отдать долги, сделанные Адамом, и жить спокойно и размеренно, без выкрутасов, каждый день и час помня о том, что там, где-то в закромах, и на завтра, и на послезавтра хватит. Одним словом, деньги означали для нее спокойствие и свободу.

В конце концов, Мимис прав, обвиняя ее в глупости. Едва начав зарабатывать приличные деньги, она перепоручила свой бизнес своему мужу, а тот не справился. Ей хотелось, чтобы не она, а ее муж кормил семью. Она мечтала о таком избраннике, за чью широкую спину могла бы спрятаться, спокойно свить там гнездо, вывести птенцов и с уверенностью смотреть в будущее, одновременно ощущая свою принадлежность этому умному, сильному и щедрому мужчине. Адам таковым не был, но она упорно отказывалась это видеть и понимать. Лиза оставалась дома даже тогда, когда ее предчувствие и все ее инстинкты просто орали ей, что надо вернуться в офис и разобраться с тем, что там происходит. Видно, она, и правда, лишилась тогда рассудка.

В августе, 1998-го года, в России разразился финансовый кризис и чумой перекинулся в Украину. Люди стали придерживать деньги, а тут еще всяких постановлений нашлепали, направленных против частного предпринимательства. Решили, что хватит, поиграл простой люд в собственника, оперился слегка, повидал немного белый свет, ну и будет. Средний класс исчез, как будто никогда и не

нарожденный. Адам в то время уже не только был директором в ее преуспевающем турагентстве, но и занимался кредитными линиями. Его самым обещающим проектом было кредитование строительства самой большой и престижной гостиницы в Киеве. Когда кризис дал о себе знать первыми неудачами в делах, надо было остановиться и переждать, но Адам упорствовал. Через двое суток после его исчезновения, Лиза пришла, наконец, в свой офис. Она вспомнила лица своих подчиненных. Оказалось, что Адам уже несколько месяцев не платил им зарплаты и они, будучи уверенными, что Лиза была заодно со своим супругом, требовали от нее возместить им все, что задолжал Адам. У них даже мысли не возникло посочувствовать ей. Хорошо скрываемая зависть в мгновение ока превратилась в неуправляемую ненависть, которая была с полным пониманием встречена ее партнером, Евгением Иезуитовым. Дрожь, как рябь по воде, пробежала по ее телу, заставив пошевелиться в шезлонге. Лиза боялась присутствия Иезуитова даже в своих мыслях.

Наступало время собираться и уходить с пляжа. Обычно около восьми вечера, пляж заполняли подростки в гостиничной униформе. Они собирали и укладывали в высокие пирамиды раскладушки, шезлонги и стулья. За мальчиками следовала ватага собак – три огромных пса неизвестной породы. Они несколько раз обегали вокруг пляжа и, удостоверившись, что кусты и, следовательно, привычные запахи на месте, подходили поболтать к людям. А те никогда не возражали. Псы укладывались, каждый у своего избранника, и начиналось неторопливое общение – люди трепали ухоженных собак по загривку, а те лизали и покусывали им руки. Впрочем, продолжалось это не долго. В следующую минуту, собаки вдруг вскакивали и, как по команде, неслись исполнять свой долг, позабыв, в чем он состоит. После минутной заминки, они, вспомнив, что нужно делать, начинали безудержно лаять, приветствуя появление на пляже полного управляющего в голубых брюках и свежей рубашке. Рядом с ним, нога в ногу, следовал его адъютант – породистый пятнистый шпиц. После вторичного осмотра пляжного хозяйства уже под предводительством начальства, все удалялись, и собаки, и босс, оставляя последних посетителей наедине с природой, прохладой и тишиной.

Может быть, такое настойчивое желание отдать всю власть в руки мужчины, говорило о ее неуверенности в себе. Сильная женщина, глава семьи на протяжении почти всей своей сознательной жизни, а на поверку, там, внутри, все-таки слабая, очень слабая женщина...

Оживали и начинали шипеть, разбрызгивая фонтаны холодных капель, поливальные устройства. Трава с жадностью впитывала влагу, приготавливаясь к нагрузкам завтрашнего знойного дня. Капли воды попадали на лицо и волосы Лизы и уже, на самом деле, пора было уходить.

Во время таких вечерних раздумий что-то неосознанно оформлялось в ее мозгу, зрел какой-то план, подталкиваемый смутными идеями. Это происходило помимо нее, но она знала наверняка, что, в свое время, план себя обнаружит, зрелый и ясный, и что ей будет предложено решение, которое, хоть и было зачато без ее воли и помощи, окажется единственно верным.

В своем теперешнем состоянии Лиза была не в своей тарелке среди отдыхающих, как если бы они имели право быть здесь, а она – нет. Во время вечерних трапез, среди разряженных, краснолицых женщин, она выделялась элегантностью и неприкаянностью. Лиза чувствовала себя шутком, над которым в очередной раз жестоко посмеялись. Ей было тридцать восемь и она до боли ясно

ощущала, что ей нигде нет места, что в этой жизни она бездомна. В такие минуты у ресторана, в котором они ужинали, вдруг исчезли стены и пространство вокруг нее разверзлось до необъятных размеров. Она теряла ориентацию и ей становилось страшно до дурноты. Правильно говорят – «ни стен, ни семьи». Чтобы справиться с этим безграничным пространством, грозящим в любую минуту поглотить ее, она выпивала за вечер две-три «Маргариты». Подчас ее взгляд спотыкался об одиноких мужчин, пьющих виски или водку, и ей казалось, что она уже видела их лица в офисе у Иезуитова, и что они находятся здесь по ее душу. Она начинала дрожать и умоляла Мимиса уйти. Он наблюдал за ней с брезгливостью и страхом.

Так продолжалось все три недели их невеселых каникул, а потом они вернулись в Афины, в дом, где Лиза ничего не делала, только сидела в углу дивана на веранде и, уставившись в одну точку, все думала, думала, думала. Мимис был утомлен ее несносным поведением. Ему было скучно наблюдать ее тоску. Он начал подумывать, что пора бы избавиться от нее и заказал ей обратный билет в Киев.

«Я во что-то перевоплощаюсь, - думала Лиза, сидя на диване. - Еще не знаю, во что. Останется мое лицо, мое тело, но внутри меня все будет другое - мои мозги, мое сознание, моя душа. Я не знаю, как это нечто будет существовать в этом знакомом мне мире. Перевоплощение происходит помимо моей воли и желания. Но я знаю, что не должна сопротивляться. Так будет лучше. Легче».

Когда в дверь постучали и посыльный протянул Мимису ее обратный авиабилет в конверте, с дивана встала совсем другая женщина. Метаморфоза совершилась.

Дождавшись, когда посыльный уйдет, Лиза улыбнулась Мимису призывно и недвусмысленно.

- Давай поженимся, - просто сказала она.

- С ума ты, что ли, сошла? Ты же сбежала перед самым венцом восемь лет назад, опозорив меня перед всеми, что же сейчас так приспичило?

- И правильно сделала, что сбежала. И сейчас сбегу, если дураком будешь, - улыбаясь, Лиза продолжала наблюдать за его растерянностью.

- Зачем ты мне нужна? – Мимис судорожно пытался собрать свои мысли воедино, предвкушая свое любимое занятие – торг.

- В этот раз не я тебе, а ты мне нужен.

- А мне и дела нет.

- Где все мои письма? Помнишь, ведь пять лет мы друг другу писали?

- Их нет. Я их порвал и выбросил.

- Все, до одного?

- Все до одного.

- А жаль, хорошие были письма.

- Не хотел, чтобы сыновья прочли, если не приведи Господь, что со мной случится. Слишком уж ты выставила меня там...

- А я вот сохранила все твои и с собой их захватила.

- Выбрось их. Кому они нужны?

- Сыновьям твоим и еще кое-кому. Всей стране, а, Мими? Смотри, ты отказываешься на мне жениться. Я звоню на любой телеканал, выбирай сам, у вас тут все телеканалы сплетнями живут, и на прекрасном греческом рассказываю им, заодно читая твои письма, как отставной генерал, летчик и джентльмен, уважаемый господин уже в годах, предложил мне работу в своей школе английского языка, но вместо этого увез меня на свою дачу на острове, где держал взаперти, как наложницу, шантажируя и требуя любви. Когда я все-таки сбежала, чудо помогло,

он начал засыпать меня письмами, выпрашивая прощение. Он называл себя оленем, пылким и сильным самцом. Помнишь, а, Мими? – Лиза разразилась злым смехом. – Он умолял о встрече с моими родителями, он обещал все прояснить и испросить их разрешения взять меня в жены, чтобы заботиться обо мне и обеспечить будущее моему сыну, Игнату. И когда я, поверив ему, приехала сама и привезла сына с собой, он попытался изнасиловать меня на глазах у моего сына. А потом, когда мы стали партнерами и я заработала для нас с ним денег, которые мы держали на счету фирмы, этот офицер и джентльмен мою долю украл. Присвоил, пустив по миру меня и всю мою семью. Хорош рассказ, не правда ли? А, главное, правдив до последней мелочи.

Мимис побелел.

- Стерва, - сумел выговорить он сквозь онемевшие губы.

- Правильно. Самое время ею стать.

Если бы какая-нибудь другая женщина делала и говорила то, что делает и говорит сейчас она сама, Лиза такую женщину не удостоила бы даже взглядом. Но, так как этой стервой и шантажисткой была она сама, то и стесняться было не перед кем. Она была наедине со своим ненавистным врагом, который заслуживал ее только такую.

- Мне нужно подумать. Я должен все взвесить, - снова попытался улизнуть Мимис.

- Нету, дорогой, у тебя времени все думать и взвешивать. Представь, что после продолжительного молчания, позвонил, наконец, твой биржевой маклер, которому ты доверил все свои деньги. Соображать надо быстро.

Мимис помолчал немного, но потом вдруг оживился, что-то блеснуло в его глазах и он с радостью выпалил:

- Я не могу на тебе жениться. Ты не разведена.

- Ровно через десять дней я разведу и ты мне в этом поможешь. Мой адвокат купит мне мой развод за тысячу долларов.

- Я не пойду на это. Документы будут поддельные. - Снова заартачился Мимис.

- Ошибаешься. Твои деньги лишь ускорят дело. Мы с Адамом ничего не нажили, так что делить нам нечего. Детей у нас тоже нет. И брак наш в Греции не зарегистрирован, так что, сам видишь, все легко и просто.

- У тебя есть фирма. Я не женюсь на тебе, пока ты ее не закроешь, - Мимис с азартом продолжал выискивать препятствия. - Кто знает, что на ней висит? Может, однажды и ко мне придут за твоими долгами.

- Может. Но ты к ним первый пойдешь и все уладишь.

- Ты в своем уме?!

- Ты наймешь самого лучшего адвоката и он закроет мою фирму. Ничего особенного на ней не висит. Хватит торговаться, Мими. Твои потуги мне не интересны.

- А вдруг у меня денег нет? – надежда на то, что Лиза поверит этому, послышалась в его хриплом от волнения голосе.

- Неужто уже растратил все, что украл у меня? Деньги у тебя есть и, для нас двоих, как раз хватит. Пришло время вернуть мне долги, Мими. А своему сыну-лентяю скажи, пусть идет и ищет работу.

- Мерзавка! – в сердцах выкрикнул Мимис.

- Угадал. Да, и вот еще что. Ты положишь деньги на мой счет. Кто знает, что может случиться завтра? Ты, мой друг, ненадежен. И завтра же уволь свою прислугу. Она ворует. С этой минуты я буду вести дом и заниматься твоей диетой.

Услышав ее последние слова, Мимис испугался по-настоящему.

- Ты отравишь меня, - его губы тряслись, голос вздрагивал и пресекался.

- Будем надеяться, что до этого не дойдет. Я соврала тебе только однажды, так что будем считать, что мне можно верить.

- Я ненавижу тебя!

- Тоже сильное чувство, но не советую плакаться сыновьям. Постарайся выглядеть счастливым. Ты ведь и, правда, на седьмом небе, да, ненаглядный мой?

Мимис замолчал что-то соображая, потом опять оживился.

- Все, что ты сказала, только меня касается. А как насчет тебя?

- Что насчет меня?

- Став моей женой, ты ведь будешь, э-э, со мной близка?

Почему бы не пообещать? - Лиза была в ударе от всего того, что только что провернула - кажется, она шантажировала его? Почему бы не солгать ему, как он ей лгал сотни раз? Почему бы и не помучить его надеждами и пустыми обещаниями? Настала ее очередь попытаться обманом этого сладострастника и жулика. Все, что он творил с ней, было во много раз хуже ее теперешнего шантажа. И, хватит оправдываться.

- Ну, а как же, дорогой, жена ведь буду тебе! Ах, как сладко, сладко, сладко нам будет вдвоем! - Ей хотелось смеяться, но жгучее желание отомстить подзадоривало ее продолжать, заставив этого дурака ей поверить.

- Но ты же, помнишь? Помнишь? Сказала, что убьешь? - Мимис хотел, очень хотел ей верить, но у него перехватывало дыхание от страха.

- А ты не слушай меня. Тогда я злилась, а сейчас я другая.

- Лицемерка! Двуличная тварь!

- Да, Мими, это я.

Они поженились через три недели. У Лизы появились деньги и время, чтобы начать поиски Адама. И так как ее отпуск продлился теперь на неопределенное время, она подумала, что хорошо бы снова съездить в «Маре Нострум». Просто на выходные.

Когда они оба вошли в холл гостиницы, их никто не узнал. Мужчина совсем не напоминал того полусумасшедшего инвалида, который останавливался здесь чуть больше месяца назад. Женщина, была, напротив, необщительна и холодна. Ее глаза были пусты и безжизненны. Она уселась в кресло и, потягивая холодную минеральную воду через соломинку, ждала, пока ее муж суетился у стойки, оформляя для них люкс. Когда администратор вручил ее мужу ключи, она медленно поднялась и последовала за портье.

Вечером, войдя в ресторан, Лиза нарочно немного помедлила у входа, привлекая всеобщее внимание. На ней было темно-красное короткое платье, а шею и декольте закрывали низки крупного, прозрачного янтаря. Ее волосы были подстрижены и покрашены по последней моде. В них больше не было видно седины. На ее пальце сверкало кольцо с тринадцатью бриллиантами, которое она когда-то вернула своему жениху. Мимис сохранил его. Пройдя к шведскому столу, он стал класть еду на свою тарелку сам, без посторонней помощи. Его правая рука была намного подвижнее. Лиза, еще немного постояв у входа, прошла вглубь ресторана и села за столик - Мимис обслужит и ее.

Организовать такое появление и так представить себя не составляло для нее никакого труда. Их венчание с Адамом в старинной церкви Михайловского собора и прием в Киевской Филармонии освещали во всех газетах и глянцевого журналов. Высшее киевское общество еще долго сплетничало об этой свадьбе, хороня Лизу и Адама под глыбами своей зависти и желчи. По сравнению с ними, публика «Маре Нострум» была проста, невзыскательна и доброжелательна. После ужина, на террасе, Лиза с удовольствием пила охлажденное белое вино и слушала певицу. Она слегка улыбалась, немного танцевала и никогда, никогда не плакала. И, хотя боль ее никуда не делась, Лиза опять начала смеяться, и смех ее был звенящим и свободным. Мимис был постоянно возбужден и смущен одновременно – уж слишком много его жена привлекает внимания! Он постоянно говорил о сексе, своем любимом предмете, но когда Лизе надоело его слушать, она поднималась и уходила, заставляя его бежать за ней следом.

Ночами она спала. Утром на пляже, она без труда и суеты занимала лучшее место под рододендроновым кустом. И те, кто пришли на пляж до нее, предлагали ей свои шезлонги и раскладушки, взятые про запас. Она вдруг поняла, что стала среди них своей. Больше того, она была принята самой верхушкой пляжного общества. Но удовольствия по этому поводу она не выказывала. В ее холодном взгляде не было и тени благодарности, только безразличие.

И, что самое главное, она больше не стеснялась того, что рядом с ней был такой, как Мимис. Жизнь абсурдна, подла, жестока и опасна. Все свои без малого сорок лет, она была добра и честна по отношению к людям. Она любила их и ни в чем не подозревала. Лиза, как ее учили в детстве, доверяла им. Напрасно. Таких простачков сначала используют, а потом растаптывают. Простачки всегда ошибаются где-то на задворках общества, в то время, как их души переполняются искренними и сильными чувствами. Считая свои чувства важными, вставляя их напоказ, они выглядят глупыми, наивными и лишними. За их открытость и искренность не они сами, но другие, посторонние люди, испытывают стыд. Эти посторонние люди научились свои чувства скрывать. У некоторых они вообще атрофировались за ненужностью. Человечество стало прекрасно обходиться игрой в чувства и небольшим набором несложных эмоций. Преуспевающие на поприще притворства профессионалы, никогда не откроют вам душу, никогда не разрешат вам в нее заглянуть. Лиза тоже больше не была простачком. Для нее профессионализм заключался в принятии Мимиса, которого она продолжала ненавидеть. Следующим шагом в школе притворства будет любовник. Лиза вспомнила Джорджа. Самое время позвонить ему и поинтересоваться, как там поживает его сделка века?

Глава 53.

Время быть вместе еще не пришло.

Время медленно приближалось к полудню. Мимис отбыл на свои регулярные процедуры в военный госпиталь, а Лиза, как только за ним захлопнулась дверь, с разбегу ворвалась в свою спальню, где было единственное в доме зеркало. Она уже

непростительно опаздывала, но пока Мимис беспокойно крутился дома, не было никакой возможности заняться собой. При нем она не хотела - он бы сразу заподозрил неладное. Не то, чтобы Лиза его боялась, нет, но она старалась избегать лишних ссор. Они и так жили не мирно: каждый из них в этом сожителстве преследовал свою цель, но добиться ее не мог. Выражая свое неудовольствие по этому поводу, Мимис часто бесновато орал, размахивал руками и грохал дверьми. Казалось, он хотел взять Лизу измором, а она, хоть и старалась поверить в то, что превратилась холодную, циничную и безразличную женщину, его криков, как и раньше, выносить не могла.

Но сейчас все грустные мысли прочь! Через пятнадцать минут Джордж будет ждать внизу – у нее назначено с ним свидание! Они не виделись несколько лет, но годы не могли стереть из ее сердца воспоминаний о том, как крепко она его любила! Как никого другого – страстно, нетерпеливо, до безумия преданно, ничего не боясь и явно незрело. Любила всей душой и больше никого так не любила! Лиза любила Джорджа талантливо. Эту любовь можно было нарисовать: холст надо было бы покрыть щедрыми, неудержимыми мазками красок – в одних местах яркими, ярче чем сама жизнь, солнце, природа, этакая фантазия буйства и гармонии, а в других – все зачернить и передать тоску, за которой, кажется уже ничего нет, кроме смерти, и этой смерти хочется как избавления. Лиза боготворила его, не могла дышать без него, не могла заснуть без него, а, если засыпала, то бредила им во сне. Она наполнилась им, не замечая, как проходит жизнь – целых пять лет!

Присев на стул перед зеркалом, она засмеялась от восторга. Комната была полна сентябрьским солнцем и ее волосы моментально занялись пожаром. Перепутанные золотые, медные и серебряные пряди полыхали огнем, ее огромные глаза вдруг стали совсем зелеными и прозрачными, а солнечные лучи, проникая все глубже и глубже внутрь ее глаз, так и не смогли добраться до дна. Кожа на ее лице была покрыта нежнейшим пушком, который в лучах солнца вдруг обозначился, сделав ее облик совсем юным. У Лизы не было морщин и, избавившись на целых пять часов от Мимиса, у нее также не было сомнений в том, что она хоть и вынуждена была измениться, чтобы принять такое трудное для себя решение, перемены эти не затронули ее души, а были поверхностными и временными. Ее душа пела, предвкушая приключение новой любви или влюбленности, или возрождения старых чувств, что тоже совсем не плохо. Все, что было связано с любовью, возвращало ее к жизни.

Совесть Лизу не мучила. Она вспомнила «Дядю Ваню» Чехова: что было лучше и честнее, и что более безнравственно? Постепенно убивая в себе естественные и живые желания, оставаться верной старому, противному мужу, который не заслуживал и не ценил твоей верности, или изменить ему, отдавшись всей душой любви или влюбленности? Любовное приключение на стороне способно сделать женщину более щедрой и терпимой к склочному и самовлюбленному мужу, немного сгладив, возможно, даже чувство презрения к нему, которое порой доходит до тошноты.

Притянувшись почти вплотную к зеркалу, Лиза стала рассматривать свое лицо, плечи и грудь. Вдруг, ей расхотелось идти. Во всяком случае, она больше не торопилась. Рассматривая себя она, впервые в жизни, влюблялась в себя. Это было редкостное, неожиданное и почти фантастическое мгновение. Кто бы мог подумать, что чувство влюбленности в себя придет именно сейчас, после стольких испытаний, на чужбине, среди ненужных ей людей, вдалеке от Игната, Анны и Александры? С

другой стороны, возможно, это и было то самое время и место, потому что никто не ждет и не требует от нее любви и заботы, и появилось в душе пространство для себя. Она, по-прежнему не была спокойна, но уже не была занята бесконечными обязанностями, которые отбирали все ее силы и время в Киеве. Игнат вырос и, хоть и скучает за ней, уже со всеми проблемами справляется сам. Александра пусть живет своей жизнью или тем, что она из этой жизни сотворила. Жалко было Анну, она старела без любимой внучки, но Лиза помнила, что это Анна послала ее искать пропавшего мужа, а раз так, значит, дождется ее возвращения. Они справятся и без нее, а у Лизы начиналась новая, только ей принадлежавшая жизнь.

Джордж позвонил и сказал, что ждет ее в машине у ворот. Лиза подскочила, взяла ключи, огляделась и выпорхнула за дверь. Она почти не волновалась. Улыбка смеялась на ее губах и она совсем не хотела ее прятать. За свои несбывшиеся мечты она на Джорджа не злилась, а если бы и злилась, ему было бы наплевать. Она даже готова была простить ему то, что они расстались три года назад и то, что она вышла замуж за Адама. Они с Джорджем не были мужем и женой, они когда-то были любовниками, а любовники это нечто совсем другое. Каждый из них, как инородная ветвь, привитая к дереву: цветет обильнее и пахнет сильнее, но остается очень чувствительной и к морозам, и к ветрам.

Не в силах сдерживаться, Лиза припустила бегом. Она снова бежала к Джорджу! Так бывало всегда, даже когда обстоятельства запрещали ей выказывать свои чувства открыто, она, наперекор разуму, рискуя своей репутацией и деловой этикой, бежала к нему по ступенькам, по тротуару, по набережной и по взлетной полосе. И взять даже сейчас: ее положение было ненадежным, она только-только начала жить заново, да еще с такими душевными затратами, ее задачей все еще оставалось выжить, а потом уже все остальное, а она снова бежала к Джорджу! Узнай Мимис об этом или поставь кого-нибудь следить за ней, выгнал бы из дома взашей, потому как Джордж был его старым и ненавистным соперником.

Восемь лет минуло со дня их первой встречи, восемь лет встреч и расставаний, самое длинное из которых длилось последних три года. Увидев друг друга, они влюбились сразу, с первого взгляда, как будто что-то пронзило их сердца, как будто именно друг друга они ждали столько лет. А потом все закрутилось и перемешалось – дела и страсть – и было это не правильно. Трудный, неукротимый, беспорядочный бизнес в Украине в начале девяностых, не давался им в руки, нагнетая высокие дюны разочарований в их душах. Джордж, демонстрируя свое особое чувство юмора, привез Лизе в подарок духи, под названием «Dune», и та их носила, как будто родилась с их запахом в крови. И все же, несмотря на скрежет песка на зубах, она боролась за свою любовь, Джордж же, обремененный семьей, оставался очарованным наблюдателем. Понемногу, устав от неудач, Лиза отдалась от него, начала заниматься своими делами, о которых он не знал, иногда зарабатывая неплохие деньги. После пяти лет ожиданий и надежд, она уже не была ему верна, как прежде. Так продолжалось до тех пор, пока на ее пути ей не повстречался Адам. Ни на что особенно не рассчитывая, предложив свое доброе сердце, очень понятное чувство юмора и трогательную заботу по мелочам, он вдруг оказался ей очень нужным. Лиза заставила его жениться на себе и отказаться он не смог.

Распахивая уже открытую изнутри дверь спортивного BMW, Лиза снова вспомнила, что она свободна от всех своих привязанностей. Некоторые из них она не уберегла, в некоторых обманулась, а некоторые переросла. Ей показалось очень важным, что она смогла отказаться от Джорджа, пренебречь им, что смогла дышать

и жить без него и теперь была абсолютно свободна и, поэтому, независима и сильна. Ей было не страшно и не стыдно перед ним. Садясь на переднее сидение его элегантно захламленной машины, она была готова стать его другом, его любовницей или никем – на этот раз, как ей того захочется.

- Привет, - Джордж расхохотался и рванул машину с места на третьей скорости. Его рысьи глаза искрились.

Лиза, опрокинувшись назад, тоже рассмеялась.

- Привет, - она рассматривала его, убирая растрепавшиеся волосы с лица. – Неужели я тебя знаю?

- Не знаешь? Так давай знакомиться.

- Ну, нет, а то я опять влюблюсь, - ее голос звенел от радости. - А ты?

- Я уже влюблен.

- Когда же ты успел? Мы же только увиделись и так давно расстались! А вдруг бы я изменилась и оказалась старой, толстой и поглупевшей?

- Я наблюдал, как ты шла к машине. Мне хватило, чтобы снова немножко свихнуться. Ты совсем не постарела и не потолстела и знаешь это, а глупой ты всегда была!

Джордж дразнил ее, но Лиза не поддавалась и не засмеялась, а тихо и серьезно ответила:

- Да, была.

- А теперь? Поумнела? Почему ты бросила меня?

- Потому что наше время еще не настало. Мы все равно не могли бы быть вместе.

- И поэтому ты вышла замуж за этого идиота?

- Он не идиот.

- Не важно. Я рад, что ты избавилась от него.

Лиза молчала. Она поняла, что Джордж имел в виду Адама и подсказывал ей, как выкрутиться из щекотливого положения. «Правду, скажи ему всю правду», - она прошла через такие испытания, что история с Адамом не казалась ей банальной и гордости ее не ущемляла.

- Я не выгоняла его. Он ушел, вернее, исчез.

- Зная тебя и зная его, это похоже на шутку.

- Так не шутят. Он наделал много долгов. После его исчезновения, люди с меня чуть кожу заживо не содрали.

- Он что, занимал все эти деньги у тебя под носом, а ты, молча, смотрела?!

Это была еще одна подсказка, чтобы спасти остатки ее самолюбия. Оставалось только сказать: «Нет, я ничего не знала», и можно было бы заговорить о чем-нибудь другом.

- Я о многом догадывалась, - Лиза продолжала истязать Джорджа правдой.

- Не могу поверить, что это была ты – успешная деловая женщина, твердо стоявшая на ногах, сумевшая бросить – кого? – меня, и вдруг решила разделить свою славу и деньги с этим ...странным типом!

- Странным типом? – переспросила Лиза.

- Ты что, не помнишь всех этих мальчиков и подростков, которых он кормил и которые вечно болтались у него дома? Я не удивлюсь, если он приставал и к твоему сыну.

Лиза смотрела прямо перед собой, на дорогу. Джордж давал выход своей ревности. Он так и не смог примириться с тем, что она стала кем-то, но без него. Он никак не мог понять, что добиться чего-то с ним она не могла – ее силы полностью

сжирала любовь к нему. Но она также припоминала теперь, что дома Адам всегда уделял больше внимания Игнату, стараясь произвести на него впечатление, давая ему деньги, покупая ему дорогую одежду, устроив и оплатив его учебу во Франции, посылая ему каждый месяц приличную сумму на карманные расходы. Она думала, что так, через симпатию или даже любовь к ее сыну, Адам старается найти путь к ее сердцу. Но зачем его было искать, раз это она потащила его под венец?

И другое полностью сходилось с версией Джорджа – почти сразу же после свадьбы, они вдруг перестали быть физически близки. Адам жаловался на хроническую усталость – у него были его проекты плюс он тянул ее офис, а она сидела дома, ненавидя себя и толстая от досады.

- Я так и не узнала, почему он исчез. – Тихо сказала Лиза.

- Хочешь найти его?

- Да, я наняла адвоката.

- Если твой адвокат будет тянуть, скажи. Я подключу своих людей.

У Лизы окончательно испортилось настроение. Разговор оказался для нее унижительным и Джордж взял над ней вверх. Он явно ей мстил, выставя ее неспособной самой справиться со своими делами. В ней проснулась та ее часть, которая изменилась, и стала шептать ей, что Джорджа тоже следовало бы проучить. Не он ли использовал ее столько лет, так и не потрудившись сделать ни одной серьезной попытки развестись с женой ради нее, кормя ее пустыми, но такими сладкими из его уст, обещаниями? Так чем же он лучше Мимиса? Одна разница между ними: одного негодяя она любила, а другого ненавидела. Боже мой, сколько ей успели наобещать за последние десять лет и сколько раз она верила! Прямо какое-то Десятилетие Обмана! Джорджу даже не было интересно, как она выживает там, в Киеве, после очередного провала их совместного проекта, который поначалу, конечно же, казался многообещающим. Он знал, что у Лизы есть воображение и она как-нибудь выкрутится. Да и она особенно не волновалась за него – знала, что жена не даст ему пропасть. Она начала составлять заговор против Джорджа, но ничего не шло ей в голову и она бросила.

Вместо этого она любовалась его руками, загорелыми и сильными, и его пальцами кудесника, которым были подвластны все секреты ее тела. Утопая в приятной неге воспоминаний, она подумала, что он никогда ничего от нее не требовал. Джордж обладал какой-то утонченной деликатностью и добротой. Он никогда не перечил женщинам, желавшими от него любви и детей. Он давал им то, чего они хотели, но потом участия ни в чем не принимал, рассчитывая на то, что все его избранницы, имея женскую внешность и мужскую силу, умны и самостоятельны, а, значит, справятся сами с последствиями своих желаний. Его женщины, сменяя друг друга, в то же время, дополняли друг друга. С годами, в мозгу у Джорджа создался многоликий женский образ, а сам он превратился в тонкого знатока и великолепного любовника. Увлечись Лизой, он разбудил в ней женщину, сделав это нежно и искусно. Зная только своего неопытного мужа, да Мимиса, попытавшегося однажды взять ее силой, она не была искушена в вопросах любви, но верила в то, что физическая любовь может окрылять душу.

- Раз ты разыскиваешь Адама, значит, проживешь здесь какое-то время? – Джордж знал, что она остановилась у Мимиса, но никак на это не отозвался, потому что сам ничего предложить ей не мог. А Мимис, с его точки зрения, хоть и был противным и взбалмошным, но безобидным старикашкой.

- Конечно, я же не могу бросить мужа!

- Это почему же?

- Потому что он больной и старый, - у Лизы снова играла улыбка на губах.

- Адам, насколько я помню, не был ни больным, ни старым.

- Я развелась с Адамом и вышла замуж за Мимиса.

- Что??? – Джордж упал на руль. Его плечи содрогались от приступов смеха. Так смеяться, громко и заразительно, мог только ее любимый Джордж.

- Чтобы найти Адама, мне нужны деньги и крыша над головой. У тебя ведь бесполезно было просить.

- Что ты оправдываешься? – сквозь смех выговорил Джордж. – Ты, наконец, сделала то, что надо! Ты заставила этого жука жениться на тебе! **Столько лет** он увивался за тобой, но все думал, что так вывернется, без свадьбы-женитьбы. Господи, ну ты и женщина, **μελένια μου!** - Иногда он называл Лизу «**мельня му**», что означало «мой медок» по-гречески, иногда «душа моя», иногда «малышка», иногда просто Лиз.

Она не поверила своим ушам.

- Ты самый подлый манипулятор, которого я когда-либо встречала в жизни! И сейчас ты бесстыдно манипулируешь мной! – Она злилась, раскраснелась и глаза ее горели обидой. Ей хотелось, чтобы Джордж негодовал. Неужели ему все равно, что она опять принадлежит не ему?

- Вылезай из машины, мы приехали. Давай отпразднуем твое третье замужество и опять не за мной.

- За тобой никогда! – запальчиво выкрикнула Лиза.

Небольшая таверна с геранями на подоконниках, была пуста. Выйдя из машины, Джордж и Лиза обнялись, и соскучившись друг за другом, стояли так долго, чувствуя и боль, и горечь, и вновь нарождающееся сильное физическое влечение. Они стояли так посреди дворика перед таверной, не веря друг другу до конца, но, в то же время, чувствуя себя в полной безопасности, потому что могли доверить друг другу все – на этот раз общих знакомых у них не было. Они не были самыми лучшими, чистыми и честными людьми, они были такими, какими их сделала жизнь: когда слабыми, когда сильными, со своими причудами, настроениями и уже оформившимися привычками. Так уж сложилось, что порой жизнь вынуждала их использовать других, чтобы спасти себя.

Хозяин, не решаясь их беспокоить, топтался на месте и, когда Лиза и Джордж, наконец, оторвавшись друг от друга, со смехом взглянули на него, он улыбнулся им в ответ и проводил за столик. Их разговор был прерывистым и ни о чем. Вдруг Лизе захотелось рассказать Джорджу все. Она хотела испытать на нем свои мысли, идеи, которые приходили ей в голову, и свои планы, которые она строила на будущее. Ей нужен был слушатель. Пусть он молчит или отвечает односложно, говорить будет она. Ей не хватало родных рядом, не хватало Александры с прекрасной вязью ее слов, не хватало молчаливой поддержки Анны и доброй улыбки Игната. Живя с Мимисом, рядом с его неспособным умом, несуществующим интеллектом и неправильными реакциями, она задыхалась, а тут почувствовала, что ей дают напиток и не просто воды, а сладкой, искрящейся влаги из источника, могущей утолить не только жажду, но и голод.

Они заказали рецину, хрустящие конвертики с сыром и нежные бараньи отбивные. Им опять захотелось обняться, но, так как они были единственными посетителями, двое хозяйских детей с любопытством наблюдали за ними, вполне ожидая чего-либо в этом роде.

- Я хочу рассказать тебе все. Все! Даже если ты не захочешь слушать, но я знаю, ты захочешь. Ты в глубине души меня ни в чем не обвиняешь и поэтому мне хорошо с тобой... Жизнь моя теперь очень странная. Какая-то новая и ни на что не похожая. Каждое утро я встаю еще и семи нет и готовлю ему завтрак. Он ждет своего завтрака с пяти утра и, как памятник, сидит на веранде. Я тоже пью кофе вместе с ним, но долго выдержать не могу. Ухожу и начинаю делать, что в голову взбредет – цветы поливаю, вещи переставляю с места на место, лишь бы не быть рядом с ним и не слышать того, что он говорит. Мерзость, одна грязь и мерзость льется из его рта! Никогда раньше мои дни не начинались так тоскливо! Помню, вставала в семь утра, собиралась на работу, ехала в офис, или мчалась в аэропорт, волновалась, иногда ждала контрактов в такую рань или телефонных звонков, но чтобы вот так, как сейчас...

- Считай, что это твоя работа.

Лизе тут же захотелось парировать ему словами: «А твой брак тоже работа?», но она сдержалась. Вместо этого она сказала:

- Я так и делаю. Потом, середина дня как-то проходит. В шесть вечера мы снова пьем кофе. Потом он чешется и смотрит сериалы, а я хочу поскорей накормить его ужином и закрыться на кухне, чтобы пить и рисовать. Я начала пить и ... рисовать. Даже, - Лиза немного помедлила, не решаясь доверить ему свой секрет, - писать красками. Хотелось бы продать какую-нибудь из моих картин, но никого из тех, кто мог бы купить, я здесь не знаю. Мимис ведь почти ничего не перевел на мой счет. Так, только в начале кое-что, а мне очень нужны деньги.

- У тебя уже картины есть? – Джордж не спросил, зачем ей деньги. Он знал, что деньги нужны всегда.

- Есть несколько.

- О чем же картины?

- О детстве, о любви, о том, что пришлось пережить.

- Значит, абстракция всякая?

- Нет, не абстракция. Тебе понравится.

- Думаешь, пора становиться твоим агентом?

Лиза, вспомнив, как лопались почти все их совместные проекты, невесело засмеялась. Джордж знал, что продавать Лизины картины он не будет, но его хвастовство и бравада, ставшие неотъемлемой частью его природы, диктовали ему предложить свою помощь. Другая бы поверила, но эта женщина слишком хорошо его знала. Это была их любимая игра: она как бы просила о помощи, он тут же эту помощь предлагал, и на мгновение оба верили, что все получится. Краткое, но сильное шевеление чувств, рожденное из предположения, что, если бы у них действительно завелось достаточно денег, тогда они стали бы жить вместе, приводило обоих в восторг. Он был женат, но очень приличная сумма освободила бы его от жены, сделав недосыгаемым для родственников и кредиторов. У него всегда были женщины («And may I say I had the best»), но без Лизы он был одинок.

- Знаешь, ты самое лучшее, что случилось со мной в жизни, - сказав эту банальность, Джордж смутился.

- Ах, это только слова! Если бы сейчас вдруг кто-то, кого бы я любила, предложил мне выйти за него замуж, я бы не согласилась. В конце концов, ничего это не значит – ни венчание, ни замужество. И что-то теряется: вечно эти заботы о доме, готовка, уборка, деньги, счета, хватит-не-хватит.

- Да, - согласился Джордж, - брак это просто подлость какая-то. Для чего существуют семьи, освещенные браком? Для налогов и формальностей, связанных с тем, чтобы их потомство имело не только имя, но и фамилию. И для свадебной индустрии. Брак можно оправдать только необходимостью. Как твое теперешнее замужество, например...

- Просто жить вместе, - подхватила Лиза, - иногда приглашать друзей, выводить собак на прогулку, скучать о взрослых детях, разговаривать, когда нам этого хочется, молчать, когда говорить не хочется, не жевать друг друга и не выжимать друг из друга все соки без остатка. Раньше говорили: «выпивать последние подонки из бутылки». - Лиза засмеялась. - Так вот, не выжимать последние подонки друг из друга.

Лиза задумалась.

- Я ведь сама не позволяю своим мужьям сделать меня счастливой. - Джордж гладил ее ладони, и эта нежность располагала к откровению. - Я охочусь за ними, я ловлю их, я делаю им предложение, они думают, что им повезло и забывают об опасности. Я даю им поиграть, а потом убиваю их. Я им объясняю, что они не смогли оправдать моих ожиданий и взваливаю все снова на свои плечи. Я их унижаю, потому что не могу больше уважать. И моя семейная жизнь, в очередной раз, летит в тартарары. Никогда не женись на мне, Джордж. Мне семья противопоказана. Я - страшный человек. Я хочу все делать сама. Рядом со мной нет места мужчине.

Их обед подходил к концу. По дороге домой, раскуксившись, как в детстве, оттого, что что-то хорошее закончилось и ждать уже больше нечего, Лиза замкнулась в себе и молчала. Зачем она говорила, что больше не хочет замуж, зачем? А как же тогда ее вынужденный брак с Мимисом? Могла ли она обойтись без этого брака? Но тогда, у кого было искать помощи? Еще совсем недавно она была брошена, разорена и страшно испугана. Ей нужно было ощутить почву под ногами, почувствовать хоть какую-то стабильность и благосостояние вокруг себя, успокоиться и осмотреться.

Ей нужны были деньги. Мимис, после первого испуга, перевел на ее счет всего несколько тысяч долларов, которые уже частично были истрачены на оплату долгов и адвоката, на содержание Анны и Александры. Лиза не хотела тратить все - ей страшно было оставаться совсем без денег в чужой стране. К тому же, ей срочно нужна была определенная и немалая сумма денег, чтобы освободить Игната от армии. Мысль о том, что он в любую минуту может быть призван, наводила на нее ужас, от которого она столбенела. Каждый вечер, засыпая, она молила Господа Бога, чтобы за ним не пришли, как приходили к ней, когда Игнат учился во Франции. Квартиру сначала обшаривали, потом ее заставляли подписывать бумаги, что она не прячет сына в другом месте, пугая ответственностью и тюрьмой.

Уезжая, она заставила Николая Науменко, своего адвоката, встретиться с начальством в военкомате и предложить им деньги. Николай знал, как все устроить и Игната пока не трогали - как только она вышлет деньги, ему сразу же выпишут «белый» билет.

Лиза боялась, что если ее сына все-таки заберут в армию, он непременно попадет в Чечню и там его убьют. Она думала: «Ведь если Игната убьют, он не воскреснет, о нем никто не узнает, ни за него, ни ему не будут молиться. Он ведь не сын Божий, но тоже сын, он - мой сын, что никак не меньше. Кто-то его даже будет

считать врагом, потому что он будет вынужден убивать, чья-то мать, проклянет его за убийство своего сына... Война. Я должна суметь уберечь моего сына от войны».

В ее мозгу всплыла картинка из прошлого – новогодний утренник в Доме Чекиста в тот год, когда она работала переводчиком в КГБ Украины. Лиза уже не совсем помнила причину, почему решила повести Игната на тот утренник. Скорей всего, из-за ссоры, произошедшей накануне с Алексеем. Игнат захотел маску на Новый год. В магазинах ничего подходящего не было, но Игнат настаивал и канючил у Алексея сделать ему маску. Впервые в жизни он понял, что, спрятав лицо под маску, можно стать кем-то другим. Это была новая игра, которая его страшно возбуждала. Алексей сначала пообещал, но так ничего не сделал, ему было скучно и неинтересно возиться с такими пустяками. Разобидевшись на своего лентяя-супруга, Лиза спорила лисий мех с воротника своего зимнего пальто, разыскала в кладовке лисью мордочку, отрезанную когда-то давно от воротника, и заперлась на кухне. Она сначала сделала маску из картона, а затем наклеила на него мордочку и кусочки меха. К утру, маска была готова: ушки, усы, черный носик - все было настоящим. Трехлетний Игнат очень обрадовался и хотел продемонстрировать всему миру свое перевоплощение в зверя. Тогда-то Лиза и решила взять его на утренник. Анна сшила ему бархатный костюмчик и маленький принц был готов к выходу в свет.

В холодном, мраморном зале Дома Чекиста дети кружились в беспорядочном и бессмысленном танце вокруг Снегурочки, выкрикивающей в микрофон непонятные слова. Игнат стоял в стороне и смотрел на всех сквозь прорези в пушистом меху, ни разу не выказав желания присоединиться к этому хороводу. Лиза подошла и взяла его за руку. Так они стояли вдвоем, посреди новогоднего действия, чужие и отверженные. Они не страдали от этого, толпа же на них злилась. Злились матери за то, что их дети были одеты хуже и без выдумки, злились дети, с завистью рассматривая диковинную маску. Алексей, который тоже был там, наблюдал за своими женой и сыном со стороны. Он испытывал стыд за поведение своего сына, принимая его гордость за снобизм, а его индивидуализм за заносчивость. В такие минуты, его неприязнь к Лизе росла, он жалел о том, что женился на ней и что эта красивая, сильная женщина забрала у него сына.

Вспоминая сейчас тот утренник, Лиза, видела своим мысленным взором Игната, одиноко и гордо стоявшего в оранжево-белой пушистой маске лисенка, посреди праздника, который он любил, но в исполнении тех людей просто не понимал, и не могла представить, как можно убить такого невинного малыша?! Невозможно, совершенно невозможно, убить этого мальчика в маске лисенка!

Неважно, что он вырос, что ему исполнилось восемнадцать лет, для нее он навсегда останется маленьким принцем с лисьей мордочкой и гордым, одиноким сердцем. Как же можно его убить?! Да и за что убивают на чужбине?

Она наивно и откровенно не понимала, зачем мальчиков насильно забирают из семей и посылают на смерть? Украина, как ни странно, воевала на стороне чеченских повстанцев, но что России надо в Чечне? Этот маленький клочок земли, утопленный в крови, видел столько смертей и трагедий, насилия и несправедливости, пыток и страха, что еще многие годы не сможет вернуться к нормальной жизни. Шестьдесят лет тому назад, Сталин сделал этот народ виноватым и согнал с родной земли. Так, чеченцы в виноватых и ходят. Согнувшись под диктатом Кадырова, большинство из них признали свою вину, согласившись с ней.

Чеченская война не первая и не последняя. С тех пор, как развалился Советский Союз, войны за владения его окраинами, особенно, если эти окраины мелки и разрозненны, будут продолжаться. Придет время, и Россия, опять возомнив себя империей, захочет вернуть свои бывшие республики, ставшие за годы независимости, более или менее самостоятельными государствами. Начнутся новые войны в Молдавии, Грузии и Украине, в которых будут убивать мальчиков и мужчин, чьих-то сыновей и чьих-то отцов...

Мысли Лизы снова возвратились к деньгам. Если попросить у Мимиса открытую, он начнет возмущенно орать, что она старается уберечь Игната от армии, в то время, как его сыновья отслужили. Он постарается унизить и пристыдить ее, а она будет бесполезно втолковывать ему, что его сыновей никогда не послали бы умирать в Чечню, например. А он ей ответит, что если интересы государства того потребуют, то и в Чечню они отправились бы, и куда угодно. И даже если погибли бы, то значит, так надо было. Так принято, а, раз так принято и так делают все, значит, это правильно. Лиза же, в очередной раз будет думать, как удобно эти середнячки устроились, никогда не рассуждают, чувствуя себя уютно в собственной правоте, которая, на самом деле, является не их убеждениями, а кого-то другого, более значительного и важного, чем они. Заготовки для толпы, являющиеся просто бессмысленной пропагандой, спускаются сверху и толпа с готовностью ловит их в свои пустые, разинутые умы.

Она попросила Джорджа остановить машину за квартал до ее дома – не хотела, чтобы соседи видели с кем она приехала. Вот такая появилась в ней осмотрительность. От того состояния души, что пело в ней и играло до свидания, не осталось и следа. Что-то изменилось, возможно, она поняла, что любовь нельзя пережить дважды. В ее сердце пронзительно ныла тоска и, слегка коснувшись щеки Джорджа одеревенелыми губами, она вышла из машины. Это не был конец, это было начало, другое начало, в котором они должны заново найти себя и ощутить свой ритм.

Улыбнувшись Джорджу через окно, она, все же, не выдержала, рванула дверцу и поцеловала его страстно и горячо.

Расхохотавшись, она быстро пошла по улице, а в ее голове начали складываться белые стихи и не стихи даже, а так, непонятно что. В детстве, когда она орала песни от переполнявших ее чувств в измаильском саду, Александра всегда говорила, что она как татарин – что видит, о том и поет. Вот и сейчас, настойчивые строчки о ее только что закончившемся свидании, напечатано возникали в ее мозгу но, уже со следующим шагом, пропадали.

Я поворачиваюсь и смотрю на себя глазами незнакомца.
На прямые пряди своих волос с сединой, вместо той
Огненно-рыжей гривы, в которую ты любил прятать свое лицо.
На свои загнанные и испуганные глаза.
На развороченную рану своего мозга.

Я хочу спросить: «Когда же наступит наше время?»,
Но не спрашиваю и молчу.
А ты вдруг отвечаешь: «Скоро».

Я пью вино и беспокоюсь,
Что же мы будем делать дальше?
Ведь мы привыкли жить не вместе,
Деля себя с одиночеством и мечтами.
С жизнью странной, искалеченной, не такой как у всех –
Без тепла и уюта.

Как насчет завтраков, обедов и кофе вдвоем?
Насчет книг в гамаке и прогулок с собакой?
Друзей, собравшихся в саду на вечеринку?
Проблем и сплетен, счастливых мгновений и долгой любви?

Жизнь сложится и быстро промелькнет,
Наш последний отрезок перед смертью.
У каждого он будет свой. Мы будем сожалеть...
Так зачем быть вместе?

Глава 54.

Правда о дохлой вороне.

На следующий день после свидания с Джорджем, Лиза и Мимис завтракали на веранде. Раннее осеннее утро выдалось теплым. Можно было сидеть в кресле, закутавшись только в зеленое банное полотенце, подставив обнаженные плечи ласкам нежаркого солнца.

Мимис жевал бутерброды. Вместо того, чтобы рассматривать птиц, танцующих на разлапистых ветках сосны, или любоваться розовыми кустами в полном цвету, или с опаской наблюдать за пчелами, готовых переключиться с роз на варенье, Лиза не отрываясь, смотрела на своего мужа. Ее взгляд был приклеен к нему, как если бы она видела его впервые. Она снова была потрясена тем, что видела. Он был настолько уродлив, что казалось, его лицо не может быть настоящим, а может быть только маской, придуманной человеконенавистником. И, однако же, это лицо было живым, оно было создано природой, которая, в этот раз, не ошиблась, соединив одинаково уродливые лицо, душу и тело.

В такие минуты, Лиза ничего не чувствовала. Ядовитые пары от увиденного проникали в ее кровь и, разливаясь по ее венам, отравляли ее, омертвляя сначала ее конечности, потом душу. Она больше не отчаивалась и не сопротивлялась. Она умирала. Она сама, та девочка из детства, которой она еще себя помнила, свернулась клубочком и заснула в теле этой незнакомой женщины. А сама Лиза, была, как будто подключена к машине, питающей ее мозг, и он работал, в то время, как ее душа замерла в глубокой апатии. Она никому, даже себе, не разрешала дотронуться до себя, чтобы не дай Бог, не пробудить ненужных чувств и воспоминаний. Ее мозг работал, как робот на незнакомой планете: без остановок и отдыха, постоянно двигаясь, беря пробы грунта и атмосферы, касаясь, зондируя, исследуя, рискуя

каждую минуту встретиться с разрушительной для него опасностью. Этот робот составлял карту ее выживания, вычерчивая пути к конечной цели. «Я уцелею, - уговаривала она себя, - уцелею, даже если не найду Адама и останусь на все жизнь с болью в душе. Я уцелею, если придется еще десять-двадцать лет прожить с Мимисом. Я уцелею, даже если мне никогда больше не доведется любить. Я не сдамся, не сойду с ума и не стану жертвой людей и обстоятельств».

Взглянув снова на Мимиса, она заставила себя очнуться – покончив с бутербродами, он готов был заговорить о том единственном, что всегда шевелилось и болело в его поврежденном мозгу. Зная это, Лиза постаралась сделать еще одно усилие над собой, уговорив себя не быть такой непримиримой к его желаниям. Много ли радостей ему осталось вкусить перед смертью? Так почему не быть с ним щедрой, даже в ущерб собственным желаниям и достоинству? Почему не отдать себя, не принести в жертву? Сколько женщин отдают свои тела, используют свои тела, продают свои тела ради определенной цели, из-за нужды или безвыходности! Тела, но не души. Тело может стать нечувствительным, а душа пусть отправляется вон, пока тело трудится за кусок хлеба. Так почему не отдаться ему, как он того хочет? Почему не получается переступить этот барьер? Мешает даже не ненависть к нему, а что-то другое. Мешает ее честность.

Лиза вспомнила, как однажды на Камчатке, с ней произошел один случай. Училась она в школе в соседнем поселке. Детей из их военного городка доставляли туда в крытом грузовике или на вездеходе, в зависимости от погоды. Тем осенним утром было еще темно. Она поднялась в грузовик, чтобы занять свое место на скамейке, в глубине кузова. Внутри было тоже темно и, как всегда, холодно и сыро. Несколько мальчишек из ее класса уже сидели на скамейках и сдавленно хихикали. Сначала Лиза ничего не заметила, но, вдруг, на ее пути, почти перед самым ее носом, возникла огромная дохлая ворона, подвешенная за ногу. Вовремя сумев увернуться и бросив презрительный взгляд на мальчишек, она села на свое место. Они, проиграв этот раунд с Лизой, сдаваться не собирались и предупредили ее, что когда другие девчонки придут, она должна молчать, иначе ей не здобровать. Следующей вошла Ольга, на год старше Лизы, из шестого класса и, почти ничего не видя в темноте, двинулась на ворону. Лиза во весь голос предупредила ее, и та тоже благополучно избежала столкновения с вороной. Раздосадованные мальчишки кинулись колотить и душить ее прямо в машине. Как молодые звери, не осознающие свою силу, но еще пребывающие в том возрасте, когда хочется играть, мальчишки наносили чувствительные удары. Ольга из солидарности тоже полезла в драку и по грузовику, между скамьями, уже носилась куча мала, не замечая ни раскачивающуюся ворону, готовую в любую минуту упасть им на головы, ни офицера, пришедшего навести порядок.

Лизе ничего не стоило тогда промолчать. С тех пор, какие бы роли жизнь не заставляла ее играть, она всегда, при любых обстоятельствах, оставалась той честной девчонкой, которая сказала про ворону. Было много других случаев, когда можно было бы промолчать или лукавить, а она говорила правду, приводя в замешательство учителей, друзей и родителей. Повзрослев, она думала, почему это с ней происходит? Может быть, от нехватки воображения? Но воображения, необузданного, дикого и романтического, ей хватало. Позже она поняла, что правда ее тяготила и она предпочитала поскорее избавиться от нее. Ложь и фантазии были куда менее обременительны.

- Вчера я не поехал на Эгину, - сказал Мимис. – Поехал к брату.

Сегодня Мимис был свободен от посещения госпиталя и перед ним маячили несколько пустых часов до обеда. Ему было абсолютно нечем занять себя и, раздражаясь на свою неспособность к чтению или к другим умственным занятиям, он затеял разговор, который, скорей всего, закончится ссорой, но убьет время. Мимис развлечется и накажет и Лизу, освободившись, таким образом, от гнетущего чувства, рожденного его неудовлетворенной похотью.

Лизе бы встать и уйти, заняв себя домашней работой, но она продолжала сидеть, разомлев от солнца и мыслей о собственной правдивости. Она продолжала молчать.

- Я сказал ему, что женился на тебе, - в глазах Мимиса появилось нечто, похожее на триумф, он одержал победу над собственной трусостью.

Лизе было все равно. Реакция его родственников ее не интересовала. Когда-то, принимая его ухаживания всерьез, она хотела им понравиться, они же, несмотря на все ее старания, доброту и щедрые подарки, ее не признали.

- И, что же? – не ожидая ничего нового, она спросила потому только, что была ее очередь что-то сказать.

- Они не возражали, если мне хочется, то и ладно. Главное, они сказали, чтобы она снова не обидела тебя.

Напрасно Лиза вспомнила тот случай с вороной. Теперь Мимису достанется – она выложит ему всю правду про него и про его родню.

- Ну, и что ты им ответил? – горячая волна поднималась из глубин ее существа, не давая дышать и заставляя голос ее дрожать от ярости.

- Что ответил? Ничего не ответил. Мне было приятно, что люди многое понимают. Сказали, чтобы я берег себя потому, что болен и, поэтому, уязвим.

Лиза подумала, откуда он знает слово такое, «уязвим»? Опять, наверное, из словаря Сюю.

- Значит, твой брат и его семья думают, что это я тебя обижала, что это я плохая?! А ты, конечно, им правды не сказал.

- Какой такой правды? – всполошился Мимис.

- Почему бы тебе не собраться с мыслями и не объяснить им раз и навсегда, что это ты – подлец, который врал мне и который обворовал меня? Меня, молодую женщину, которая поверила тебе, которая три раза приезжала к тебе, чтобы выйти за тебя замуж, веря твоим дурацким уговорам и мольбам, и три раза сбегала от тебя, не в состоянии вынести твоих «ухаживаний»?!

Зачем она говорит ему все это, зачем доказывает? Не желала, не могла, не умела она больше быть плохой! Уж сколько вылили на нее грязи после того, как Адам исчез, и как стойчески она все перенесла, оправдываясь перед людьми и каясь перед Богом! За что же теперь? Это была последняя и невыносимая капля несправедливости.

- Это, что же, ты меня теперь делаешь виноватым в своей непутевой жизни?

- А ты что, боишься быть виноватым? Перед кем ты хочешь быть правым, передо мной? Открой свои глаза, это же я, которая столько пережила из-за тебя, столько вытерпела, что же ты мне-то врешь? И людям врешь! Хватит, остановился бы!

Мимис видел, что она разозлилась не на шутку. Ссора ссорой, развлечение развлечением, но, в глубине души, он ее побаивался.

- Недоставало мне еще извиняться перед тобой. И не проси! Я совсем не понимаю, о чем ты говоришь и зачем мне надо извиняться, и перед кем. Не видишь, совсем я запутался, а волноваться мне нельзя, давление повысится.

Он бы уже и закончил ссору, но Лиза как с цепи сорвалась. Ей очень хотелось, чтобы кто-нибудь, за такое долгое время извинился перед ней. За все. За обман, за предательство, за несправедливость.

- Передо мной извинись, Мимис! Скажи мне: «Прости меня, что не сказал тебе правды с самого начала. Прости, что вместо «Приезжай! Я обеспечу тебя, твоё будущее и будущее твоего сына», я не сказал тебе: «Если хочешь, приезжай. Все, что я говорил тебе раньше – вранье. Не будет никакой квартиры, где ты сможешь жить, не будет никакой английской школы, где ты сможешь работать и не будет престижного учебного заведения для твоего сына. Каждый день старый, больной и отвратительный муж будет требовать от тебя любви. Вся разница и все перемены в твоей жизни, к которым ты так стремишься – это выживший из ума, жадный, ревнивый муж! Что касается остального, то жизнь твоя станет намного хуже, чем была в Киеве». Но ты мне этого не сказал. Что ты хотел, откуда ты взял, что из этой страны ты легко сможешь получить служанку-жену-наложницу, да еще и безмолвную? Может, такое и бывает, но только со мной ты ошибся. Почему ты мне не сказал: «Раньше ты сама зарабатывала, была самым лучшим переводчиком, была свободной, независимой, а тут будешь просить каждую копейку у меня, а потом будешь за нее отчитываться»? Ты же мне жизнь исковеркал! Ведь ради тебя, твоих обещаний, я все бросила тогда, в первый раз, а потом возвращалась в никуда и каждый раз, начиная с нуля, вставала на ноги и зарабатывала деньги. Пока ты снова не заводил свою старую песню. Семь лет ты терзал меня! Выйдя замуж за Адама, я думала, что отделалась от тебя раз и навсегда. Но где там! Ведь там, где ты, счастья не бывает, потому что ты все выжидал, все высматривал как старый стервятник, летая кругами над моей головой. Я помню твоё проклятие – «еще приползешь ко мне» и звонок твой телефонный помню за неделю до того, как Адам исчез. Прямо колдун какой-то!

- Но позвонила-то мне ты сама, никто не заставлял!

- А знаешь, почему? Потому что ненавижу тебя! Потому что ты ждал моего провала, моего падения. Наверное, каждый день вставал и ворожил, чтобы непременно сегодня у них что-то случилось. Вот и случилось. И как это все случилось – гадко, не по-человечески! Заплевали меня, и такая я только к тебе могла приползти, потому что место мне было только посреди ненависти.

Мимис уже давно не сидел в кресле. Он беспомощно, но быстро одевался, пытаясь непослушной рукой застегнуть пуговицы на рубашке. Он должен уйти, спастись от ее слов и обвинений. Она будит в нем чувства, провоцирует его, заставляет напрягаться, думать и вспоминать. Ее слова стучатся в его сознание, а это – нельзя, нельзя, нельзя! Его голова гудела, как будто там били в набат тысячи колоколов. Предметы расплывались, а она все стояла перед ним, закутанная в зеленое банное полотенце с оголенными, сияющими плечами и кричала, как будто из нее душу вынимали.

- Я тебе никогда не нужна была, ни хорошая, ни плохая! Тебе нужны были мои плечи, мои ноги, мое тело. Моя душа тебя не интересовала! Ты пользовался мною! Зачем я тебе верила? Да оттого верила, что я хорошая, от собственной порядочности и слабости верила! Ты слышишь, потому что я – хорошая, мерзавец – ты! И запомни это на всю свою оставшуюся жизнь! Но теперь ты меня не обманешь, теперь моя очередь. Я тебя заставлю расплатиться сполна!

У Мимиса тряслись губы.

- Ты? Меня расплатиться? Да я в полицию на тебя заявлю!

Он уже был близко от двери и, схватив ключи от машины со столика, открыл дверь и помчался к лифту.

Лиза еще несколько минут стояла посреди комнаты, тупо уставившись в пустое пространство открытой настежь двери. Потом она сдвинулась с места, закрыла дверь и, прислонясь к косяку, сползла вниз. Уже сидя на полу, она ругала себя за то, что поддалась на эту безобразную ссору. Кричала про душу – кому она нужна, душа ее? И чего она носится с ней, предлагая ее каждому встречному-поперечному? Кому-то хочется обладать ее телом в обмен на кров и хлеб, и на том спасибо, другие женщины об этом только мечтают. И ни в какую полицию Мимис не пойдет. Побегает вокруг дома и вернется и, может быть, даже с цветами, а вечером они поедут куда-нибудь ужинать. Завтра утром он отправится в госпиталь – день будет занят. А послезавтра все начнется сначала. Ему будет нечего делать и он затеет какой-нибудь обидный для нее разговор. Ей нужно будет непременно промолчать, быть умней, чем сегодня, и, ради бога, не надо про душу. Душа – это только ее достояние, как аппендицит, например, не надо их никому предлагать, у всех свой есть. Но уж лучше б вырезали и покончить с нею, с этой душой! Лиза поднялась с пола и пошла одеваться – начинался ее однообразно-тоскливый будничным день, и сколько еще их будет – много или мало? Еще несколько месяцев, несколько лет или до смерти без любви?

Глава 55.

Десятилетие Обмана.

В Афинах началась осень. Ее приход подоспел грозами, теплыми и влажными днями, прохладными ночами и вторым цветением растений. Уже не было изнуряющей жары, воздух был свеж и влажен. Высохшие и увядшие под летним зноем растения, встрепенулись и зацвели вновь – не так обильно и ярко, как весной, но более изысканно и утонченно. Их красота была хрупкой, прозрачной, стебли были тоньше и, все же, именно они, поздние цветы, будут радовать глаз до самого Рождества. Во всей этой городской природе, благоухающей сладковатым привкусом осени, развелось много живности – улиток, паучков, кузнечиков с крылышками и гусениц. Коты важно и неторопливо прогуливались по мокрым тротуарам, после чего укладывались спать прямо в горшках с растениями, на влажной и теплой земле. Плющи, розы и жасмин, вьющиеся по оградам, верандам, балконам и стенам домов, отряхнулись от пыли, а на их изумрудных, красноватых или желтоватых листьях заблестели капли влаги. От этой мокрой и свежей красоты, дома, прятавшиеся за ней, тоже стали выглядеть ухоженнее и наряднее. После ночных гроз, на дорогах валялись пучки мокрой травы, куски обломанных веток и кожистые листья платанов. Лиза удивлялась и радовалась такой осени. Ведь в Киеве, уже в середине октября, природа столбенела от ранних заморозков, а в ноябре умирала вовсе. Жди потом первого снега, чтобы сердце, предчувствуя зимние праздники, немного развеселилось и оттаяло.

После случившейся с ней полгода назад трагедии, испугавшись предательства и его последствий, ощутив себя так близко от края бездны, Лиза теперь успокоилась и, найдя кров, стала проводить время за картинами. Не ожидая и не требуя многого от жизни, не одевая и не украшая себя специально, она расцвела. Оставаясь абсолютно естественной, она становилась все краше, моложе и, в то же время, утонченнее. Ее тело вернулось к юношеским формам, она уже не была той деловой женщиной в соку, в которую превратилась в замужестве с Адамом. Длинные, рыжие волосы с серебряными прядями, мягко обрамляли прекрасный овал ее лица, ее огромные, серо-зеленые глаза, опущенные длинными черными ресницами, по-прежнему, сияли, как два озера на рассвете, когда все вокруг влажно, покрыто росой, а над водой висит дымка. В ее глазах цвели водяные лилии и шуршали камыши, в гуще которых прятались серые цапли.

Когда она приходила в магазины, купить костюм или обувь, владельцы улыбались и восхищались ею, с удовольствием продавая ей то, что она выбирала, потому что знали, их одежду заметят на этой женщине. Их внимание приятно щекотало ее тщеславие и она улыбалась им в ответ.

Тем не менее, она часто чувствовала себя уставшей. Иногда, по вечерам, она не могла пошевелить ни рукой, ни ногой, и ей казалось, что она похожа на растение, у которого больше нет сил стоять прямо в своем цветочном горшке. Джордж покупал ей витамины, она с радостью и теплым чувством пила их по утрам, прямо перед носом у Мимисом, демонстративно укладывая продолговатые розовые таблетки на язык и смачно глотая их.

Она уже не была благодарна своему мужу, как прежде, за кров и хлеб. Их жизнь вошла в определенную колею, став, с первого взгляда, более спокойной и отлаженной. Мимис ни в чем не нуждался, он успокоился, поняв, что может на нее положиться. Заботами Лизы его самочувствие заметно улучшилось, он стал гораздо лучше говорить, ориентироваться и, даже, вполне разборчиво, мог вывести правой рукой несколько коротких строк. Специально для него, она придумала меню и каждый день, без жиров и соли, умудрялась готовить вкусную и полезную пищу. Ненавидя его, она ухаживала за ним, ни на минуту не желая ему смерти. Она научилась молчать, пряча свои страхи и переживания внутри себя.

Подходил к концу ноябрь. Лиза проживала дни как будто отрезала ломтик за ломтиком от пирога, который, несомненно, был ее собственной жизнью. Ничего особенного не случилось, жизнь как будто запнулась и встала. Уговаривая себя, что это ненадолго и что, рано или поздно, жизнь опять забурлит и понесет свои воды к развязке, она рисовала картины, наблюдала за мельчайшими изменениями в осенней природе, ухаживала за Мимисом, думала о Джордже, терялась в догадках об Адаме. Иногда, все же, жизнь вырывала ее из тихих вод, заставляя рано утром, в сутолоке афинских улиц, ловить такси и ехать к своему адвокату за новостями об Адаме. Новостей не было, но надо было везти ему деньги, подкрепляя ими его обещания что-то все-таки разузнать. Раздражаясь на отсутствие новостей, Лиза иногда повышала голос, требуя, чтобы он, наконец, предпринял что-то. После встреч с этим медлительным крючоктвором, она долго не могла успокоиться. Она устала ждать, устала пребывать в неопределенности, уже пора, чтобы что-то случилось и определилось. Возвращаясь после встречи с адвокатом домой, она бралась строить планы, возбуждалась от этого, проводила так день-два, но потом заставляла себя понять, что сделать ничего нельзя, что от нее мало, что зависит и затихала, принаравливаясь к стоячей воде, что была ее жизнью. Правда,

возвращалась Лиза к вынужденному покою тяжело, как много выпивший человек выходит из похмелья, возвращаясь к невеселой реальности.

Еще с отроческих лет, после того, как Камчатка погрузила ее в омут чувств, Лиза плохо жила, если в ее жизни ничего не случалось, она увядала, медленно сходила с ума, ее боязнь замкнутого пространства, каковым становилась ее жизнь, усиливалась и, в конце концов, она задыхалась. Ее любимым занятием было что-либо создавать: чувства, картины или события. Ей нравилось уставать от этого. Нравилось любить и быть любимой, нравилось планировать неожиданные встречи и даже придумывать диалоги, которые могли бы иметь место во время этих состоявшихся или не состоявшихся встреч. Лиза любила думать и когда складывалась плохая или серьезная ситуация, она садилась и думала, точно так же, как делают люди, садясь за любую другую работу. Отказываясь от сна, она думала по ночам. В результате ее размышлений, всегда что-то придумывалось и находился выход. Раскладывая ситуацию на сегменты, как мозаику, она затем снова складывала ее, но уже в другом, подчинявшемся логике, порядке. Тщательно все проанализировав, она понимала, откуда эта ситуация взялась и чем может быть чревата. Она думала о людях, замешанных в этой ситуации, пыталась представить их реакцию или ход мыслей, ставя себя на их место, размышляя над тем, как и зачем они появились в этой ситуации.

Сейчас же, этой осенью, Лиза больше не думала, как раньше, а просто жила.

Ей представлялось, что ее сослали и она отбывает свой срок. В монотонном течении ее срока было, впрочем, одно преимущество – в качестве похвалы за ее раскаяние и смирение, ей разрешили писать картины. Нет, не Мимис, у него она разрешения не спрашивала, а кто-то другой, великий и всемогущий, кто вложил в ее пальцы талант и сейчас его разбудил и усилил. Будучи благодарна за знак и поддержку, Лиза согласилась и в остальном тоже положиться на Господа Бога и посмотреть, что он ей предложит, и чтобы не предложил, следовать этому. Другими словами, она решила бросить поводья, так, как это делали возницы в старину. Когда возница попадал на своей колымаге в пургу, он не стегал лошадь, а съезжал на обочину, чтобы переждать непогоду или, оставаясь на дороге, бросал поводья – лошадь находила дорогу домой сама.

Желая избежать новых ошибок и новой неразберихи в своей жизни, Лиза, бросив поводья, отдалась на милость судьбы. Правда, она не могла совсем отказаться от свиданий с Джорджем, что было с ее стороны рискованным и неправильным поведением. Эти встречи были ей необходимы, потому что напоминали о ее прежней жизни, они были частью ее самой, прежней – женщины, желавшей любить. Ей необходимо было понимать, что вода в озере ее теперешней жизни не мертвая, что иногда по ней пробегает рябь. Эти встречи питали ее женскую прихотливость, заставляя одеваться, создавать новые образы и придумывать новые сказки для него.

На этот раз, она пришла на встречу с ним в черном костюмчике, плотно облегающим ее фигуру, и в черных туфлях на низких каблуках. Ее волосы свободно спадали блестящими прядями на плечи, ее глаза были подведены серым карандашом, ее губы – чуть тронуты помадой. Этот образ трогательной и хрупкой женщины, отражал ее внутреннее состояние: она уже не была деловой женщиной, суетной и агрессивной, она была сама по себе, со своим внутренним миром, со своим прошлым, она была женщиной, которую предали и в чьей душе еще не сгладились удивление и не утихла боль от этого предательства. Она была немного

влюблена, она была матерью, бесконечно скучающей за своим сыном, она была женой отвратительного старика, с которым судьба накрепко связала ее. Она страдала, желая для себя лучшей участи, но ее гордость и чувство собственного достоинства не позволяли ей сделаться слабой, вызывающей жалость, неприкаянной женщиной.

Джордж и Лиза опять сидели за тем же столиком, в уютной таверне с полыхающей ярко-красным цветом геранью на окнах. Эта таверна была на отшибе, в ней было удобно прятаться от посторонних глаз. Они ели хрустящие конвертики с сыром, вкусное, сочное мясо, немного перезревшие помидоры, запивая все это янтарным домашним вином. Хозяин уже выучил их вкусы и приносил еду, не дожидаясь заказа.

Джордж был, как всегда, очень привлекателен – его лицо никак не могло состариться, те же властные, знакомые и любимые черты, зачесанные назад, выщипанные волосы с сединой и чудесный, похожий на купол, лоб. Одет он был в синие брюки и белую льняную рубашку с закатанными по локоть рукавами, открывавшими его красивые, загорелые руки и тонкие запястья.

Лиза хотела серьезно поговорить с ним о своих делах, но он постоянно увиливал, подшучивая над ней. Смеясь, она пикировалась с ним, но потом став серьезной, сказала:

- Я люблю тебя. Люблю. Снова люблю. Снова делаю ту же ошибку.

Это признание было ненужным и лишним. Однако не для нее. Имея в виду некий план, только так она могла бы начать его осуществление.

- Любишь? Так просто? – Джордж продолжал подсмеиваться над ней, не обращая внимания на то, что ее тон стал другим.

- Было очень не просто любить тебя столько лет, надеясь, что когда-нибудь, когда ты, наконец, решишься, мы станем жить вместе. Ты так и не решился. Я любила тебя, но мне нужен был кто-то, кто любил бы меня.

- И ты нашла Адама? – на этот раз голос Джорджа тоже стал холодным, как лезвие.

Лиза проигнорировала это обидное для нее замечание, ей надо было заставить Джорджа понять, что, несмотря на ее замужество, положение ее остается очень шатким. Она уже предвидела изменения в своей жизни, она знала, что что-то случится, что судьба уже открывает шлюзы и скоро ее жизнь понесется к новым берегам. Ей было страшно и хотелось обезопасить себя хоть немного, заранее найдя угол, где могла она бы приткнуться.

- Иногда я возвращаюсь домой, Мимиса еще нет, включаю музыку и так хочется любить! В сердце начинает петь сладкая тоска и в душе есть это чувство, снова выросшее, готовое пролиться. Но на кого? Это ожидание любви...

Это было правдой. Предвкушая перемены, ее душа действительно сжималась от предчувствия перемен. Ей хотелось, чтобы перемены эти были хорошие, чтобы судьба ей приготовила сюрприз, и это возбуждение Лиза принимала за желание любить.

Джордж промолчал, раскуривая сигару. Он не стал напоминать ей, что только что она сказала, что любит его. Он боялся себе признаться, что она с ним, потому что он рядом. Ей плохо и она его использует, окажись на его месте другой... О том, что же именно творится у нее на душе, он предпочитал не думать. Менять свою жизнь ради нее он опять не собирался.

«Она должна кем-то стать, - подумал Джордж. – Жаль, если она так и останется рабыней своей искренности. Здесь женщины приспособляются и сгибаются, чтобы быть обеспеченными и хоть немного независимыми. Она, правда, тоже решилась выйти замуж за Мимиса, но воспринимает это, свое опереточное замужество, слишком серьезно. Ей может взбрести в голову перестать встречаться со мной. Будет жалко. Она пишет картины, говорит, что у нее неплохо получается. Ну и что? Сумеет ли она их продать? Ее надо раскрутить, возможно, она будет иметь успех. Тогда я решусь... С ней хорошо, ее непосредственность, как свежий ветер в моей жизни. Но этого мало».

- Любовь, - медленно говорил Джордж, - невозможно вымолить или обменять на что-то. Я никогда не смог бы любить, если бы это чувство заставило меня быть попрошайкой. И я бы презирал того, кто стал бы просить меня о любви. Свою любовь можно попробовать отдать, преподнести, подарить. Если ее примут, хорошо, если нет... Я никогда не добивался и не буду добиваться твоей любви, ты знаешь это. Все эти незначительные подарки, знаки внимания, разговоры о будущем разменивают любовь на суету. Ты начинаешь суетиться, предлагая доказательства своей любви и постепенно забываешь про саму любовь. Со временем теряешь ее совсем, но зато помнишь про духи, которые должен подарить, и про все годовщины, которые надо отпраздновать. Еще помнишь старые даты, но уже начинаешь искать новую любовь, потому что старая превратилась в обязанность и растворилась в доказательствах. Я люблю тебя, Лиза, но по-своему.

Лиза прекрасно знала, что означает «по-своему». Он, безусловно, любил ее, но без привязанности и без обязательств. Было ли это «по-своему» достаточно для нее? Хватало ли ей этой любви? И нужна ли ей была именно такая любовь, без доказательств? Каждую минуту, проведенную с ним, она была на страже – подтянутая, готовая поддержать любой разговор, разделить любое его настроение или молчание. Она никогда не могла расслабиться рядом с ним. Распуститься. Они оба следили за собой и, поэтому, им было приятно находиться друг подле друга. Они с удовольствием выставляли себя напоказ и ими неизменно любовались. Их тщеславие было удовлетворено, а удовлетворенное тщеславие рождает гордость друг за друга и приносит поверхностное ощущение счастья. Казалось, что все прошедшие годы, им больше ничего и не нужно было, ведь кроме коротких встреч в прекрасных гостиницах, на великолепных пляжах и в престижных офисах, их ничего не связывало. У них не было общей жизни и общего дома. Приняв его условия игры, она ненавязчиво отдавала свою любовь и точно так же, ненавязчиво, принимала его чувство взамен. «Может быть, я придумала тебя», - подумала Лиза.

И, все же, она любила его. Любила по-настоящему, но ей постоянно хотелось большего от него. Не физической близости, нет.

Однажды ей приснился сон. Оба они, она и Джордж, стояли посреди собора. Одеты они были в дорогие одежды, расшитые драгоценными камнями. Он держал ее унизанную перстнями, руку в своей вытянутой руке. Сверху, через узкие окна, лился свет. Перед ними возвышался золоченый иконостас, пол был выложен черно-белой плиткой в шахматном порядке. Позади и чуть справа от Джорджа, стоял священник в белых атласных одеяниях. Все чего-то ждали. И вдруг, в солнечной дымке под куполом появился лик Христа. Только его голова и плечи, покрытые прядями волос, ниспадающими с его чела. Именно так его часто изображают на иконах. Лик его невесомо скользнул сквозь свет и воздух, приблизившись к Лизе и Джорджу. После некоторого молчания, Иисус произнес: «Вы оба уже давно мною

повенчаны», но, все же, дотронулся до их протянутых рук, скрепив их союз. Постепенно Его лик растворился в солнечной дымке, но все вокруг, и пол, и стены собора изнутри, и иконостас, пронизались непонятно откуда идущим светом. Этот свет излился в Лизину душу и, во сне, она почувствовала себя безгранично счастливой.

Осуществление желаний во снах, как сказала бы Сухова. Неужели только во снах?

Лиза внимательно смотрела на Джорджа, размышляя над тем, как именно продолжатся их теперешние отношения. Ей припомнился стих, который Игнат сочинил, когда ему было лет пять. Назывался стишок «Куда пропала любовь?»

Солнце зори зажигает,
Это любовь впереди.
Сокол летит как стрела,
Орлица парит над степной широтой,
Тигрица идет сквозь кустарник густой,
Медведица рыщет в чаще глухой.
Куда пропала любовь?
Она впереди.

- Наша с тобой любовь впереди, - сказала Лиза по-русски.

Она научилась отстаивать свои интересы с таким, как Мимис. Она обвиняла и требовала. Ее ненависть давала ей сил, а отчаяние заставляло не сдаваться. С Джорджем все обстояло иначе – ее любовь обезоруживала ее. Ей казалось, что он должен и так, без ее слов, все понять. В конце концов, любовь «по-своему» все равно любовь, а не слепая и глухая ненависть, которую она испытывала к Мимису.

Лиза долго молчала, но потом все же решилась.

- Знаешь, я боюсь. Раньше ничего не боялась, ты прекрасно помнишь, какой я была, а, после того, как Адам исчез, я стала бояться. Я боюсь того, что не могу предвидеть и предотвратить. Мимис это не навсегда. Он скоро умрет и что потом? У меня есть двое мужчин, которых я люблю – Игнат и ты. Игнат вырос, я должна была уехать. Исчезновение Адама – не единственная причина, почему я теперь живу здесь. Настало время мне с Игнатом разъехаться. Это ужасно, когда одинокая мать с поломанной судьбой и взрослый сын, живут в одной квартире, где только две комнаты. Поэтому я и выбрала эту ссылку. Нет, в отношении Игната все даже к лучшему. Мы скучаем друг без друга. Но вот ты... Что это за любовь такая, если мы можем обходиться друг без друга? А если нет, так давай придумаем что-нибудь. Например, неплохо бы было снять квартиру. Маленькую, для нас двоих, в хорошем месте. Мы могли бы видеться там, это был бы наш дом, угол, где мы могли бы приткнуться. Не сидеть же нам все время в тавернах! Ожидая чего?

Джордж прекрасно понимал Лизины страхи. Если Мимис умрет, она действительно окажется на улице – квартира, где они сейчас живут, съемная. Возвращаться в Киев ей заказано, пока что, во всяком случае. Вот она и пытается обеспечить себе хоть какое-то жилье на будущее. Он решил поддержать ее.

- А что? – весело откликнулся он на ее предложение. – Неплохая идея. Можем начать поиски прямо с завтрашнего дня.

- И знаешь, что? Мне нужно быть с тобой. Мне нужно принадлежать тебе, знать, что ты хочешь, любишь меня. Я не могу позвонить тебе, когда мне хочется. Каждый

раз, набирая твой номер, думаю с кем ты, можешь ли говорить? Если я буду знать, что у меня есть, куда уйти, мне будет легче переносить Мимиса. В этом человеке нет ничего святого. Его непрекращающиеся домогательства сводят меня с ума. Мы одни в этой квартире, он очень сильный, сумасшедшие все сильные. Меня некому защитить.

Джордж смотрел на Лизу без выражения. Его принуждали, а он этого не любил. Она становилась для него все менее желанной. Обузой. Лиза понимала это, но остановиться уже не могла. Она знала, что он и пальцем не пошевелит, чтобы снять для них квартиру. Ему нравилась легкая добыча, он любил самостоятельных, красивых женщин, она же сейчас давила на него, требуя от него столь ненавистных ему усилий и суеты.

- Знаешь, что? - раздражение и выпитое вино кружили ей голову, - я – твой последний шанс. Нет. Нет, не пойми меня неправильно, каждый может иметь столько шансов в этой жизни, сколько захочет. Но настанет время, когда человек, неважно, мужчина или женщина, в погоне за своим очередным любовным трофеем, выглядят смешным. За последние три года, что мы не виделись, ты не стал ни моложе, ни богаче. Это также относится и ко мне, я не стала моложе и ничего не приобрела, а, напротив, все потеряла. Уйди из офиса. Уйди из той жизни, которой ты живешь. Изменись, не бойся перемен, ты помолодеешь. Не бойся трудностей, они продлевают жизнь. Рискни! Что ты теряешь? Застой в офисе, безразличие, если не враждебность в отношениях с женой? Твои дети выросли. За что ты держишься?

- За устои, – вырвалось у Джорджа.

- За какие устои? За свою многолетнюю привычку изменять, но неизменно возвращаться к своему очагу?

- Настает время, когда жена становится другом.

- А я, женщина, которая так долго тебя любит, врагом? И только потому, что у меня нет ни гроша за душой? Уж не стыдишься ли ты меня? – запальчиво, уже в слезах, выкрикнула Лиза и выбежала на улицу.

Джордж не хотел этого разговора. Ему нравилось обедать с ней, болтать ни о чем, строить безобидные планы на будущее, мечтать о доме с бассейном. Ему нравилось обманывать ее. Джордж не любил разговоров начистоту, не любил правды. Жена устроила ему достаточно разборок в жизни, они набили ему оскомину. Ему стукнуло пятьдесят пять, в этом возрасте нужно жить спокойно, а если менять что-то, то знать зачем.

«Она упрекает меня в том, - размышлял он, оставаясь сидеть за столиком, - что вокруг меня все те же лица, но так спокойнее, старые связи держат меня на плаву. Почему у нас с ней тогда, в 1993-ем, ничего не вышло? Не удалось нам заработать наших миллионов. Достались они кому-то другому. Сейчас она опять никто, брошенная женщина на перепутье. Да, прошла через ад, я сочувствую ей, но что же ей от меня надо? Она как будто чего-то ждет от меня. И давит. Неужели она не понимает, что у меня нет средств все бросить и начать заново? Она совсем не глупа, зачем же такую несусветную чепуху несет?! Здорово, конечно, было бы жить вместе с красавицей да умницей, да в прекрасном доме, просыпаться вместе по утрам, ни о чем не думая. Но где взять этот дом? И что кушать назавтра? Моя жена, которая держит на плаву мой бизнес, проклянет меня, лишит и денег, и доброго имени. Скажет, мой муж удрал с какой-то украинской шлендрой».

Джорджа передернуло. Он расплатился и вышел.

Лиза сидела на корточках рядом с его машиной и кормила собаку. Она плакала, ее крупные, горячие слезы капали на остатки бараньей отбивной в ее ладонях, и дворовая собака, как будто понимая и жалея эту женщину, не обращая внимания на мясо, слизывала слезы с ее щек. Не сдержавшись, Лизина душа болью выплеснулась через край накопившихся горестей. Где же ее маска холодной, уверенной в себе женщины? А маска ее была позабыта и позаброшена. Не могла она играть эту роль долго, не могла притворяться. Ее душа не умела носить масок.

Вернувшись домой, Лиза поняла, что эту партию с Джорджем она проиграла. Она была в мышеловке: Адам не объявлялся, жизнь с Мимисом становилась непереносимой, отношения с Джорджем опять зашли в тупик. Мимис ограбил ее, Адам уничтожил все, что она снова создала с таким трудом, а Джордж, хоть и любил ее по-своему, не хотел с ней иметь дела. Она отчетливо поняла, что такая, без денег и без успеха, она никому не нужна. Удивительным было то, что, когда Лиза думала об этом, в ее сердце не было отчаяния. Как будто кто-то ей шептал: «Не горюй, скоро все наладится». Совсем не представляя, что именно должно произойти, она отчетливо ощутила, что что-то готовится, и это что-то неотвратимо нависло над ней.

Последнее десятилетие, Десятилетие Обмана, как назвала его Лиза, было озаменовано тремя мужчинами. Один приводил и поселял в ее жизни другого, и она никак не могла вырваться из их круга. Они кружили и кружили ее, толкая друг друга, причиняя ей нестерпимую боль. Постепенно, все трое сделались ее врагами, каждый из которых был в неоплатном долгу перед ней, каждый из которых обманул, обокрал или предал ее. Судьбе бы помочь Лизе, дать ей увидеть и полюбить новое лицо и новую душу, навсегда вытравив из ее памяти Десятилетие Обмана и его обитателей, но судьба бездействовала. Лизе ничего не оставалось, как смириться. Попадая в руки то одному, то другому, преувеличивая что-то хорошее то в одном, то в другом, чтобы окончательно не свихнуться, она постепенно превратилась в королеву в Замке Абсурда. Ненавистного Мимиса, она сделала своим мужем, он кормил ее, давал ей деньги и кров в обмен на заботу о нем; Джордж был непонятно кем – ни любовником, ни другом, но он раздражал ее тщеславие, ожидая от нее превращения из абсурдной в настоящую королеву, с дворцом за высокими стенами и звонкими монетами в сундуках. И, все же, не они, а Адам был ее настоящей целью, он манил и дразнил ее своей тайной, своим преступлением.

«Я должна разорвать этот круг, – подумала Лиза. – Я не могу больше ждать, иначе я сойду с ума. Обитатели Десятилетия Обмана должны исчезнуть из моей жизни. Один за другим. И сейчас пришла очередь Мимиса Загкоса».

Глава 56.

Вибрировать в унисон с женщиной.

Наступил 2000-ый год. Празднование нового тысячелетия было памятным и впечатляющим. В новогоднюю ночь все греческие каналы транслировали праздничный концерт, исполняемый симфоническим оркестром на руинах

Акрополя. Античную крепость превратили в концертную площадку, искусно подсвеченную огнями. Во всех столицах мира гремели салюты и искрились фейерверки. Люди радовались, что пересекли рубеж тысячелетий. У многих, случайных и неслучайных счастливиц, брали интервью, но никто из землян не нашелся, что сказать. Люди говорили что-то несвязное, в их словах было много радости и банальностей. Чему они так сильно радовались? Кто из них был в состоянии заглянуть в будущее и ужаснуться тому, что их ждало в новом тысячелетии? Никто. Для людей было важно отметить. Сфотографироваться и на снимке написать дату. И я там был... Отмечая эту временную веху, в пылу азарта, они наверняка забыли, что все они все, умрут в первом столетии нового тысячелетия. В конце предыдущего тысячелетия еще можно было ощущать себя спокойно, с удивлением и облегчением сознавая, что жив и вместе со всеми пересекаешь черту между двумя тысячелетиями. Но теперь временной барьер пересечен и чего же ждать? Невиданных экономических кризисов, изменения климата, новых войн и новых эпидемий. Но люди предпочитали об этом не думать. Лиза тоже не знала, что готовит ей и всему человечеству первый год нового тысячелетия. Однако роскошное, громогласное, хвастливое и яркое празднование не находило отклика в ее душе, поскольку внешняя, праздничная жизнь совсем не совпадала с ее внутренним состоянием.

Первые месяцы нового, 2000-го года, не принесли ни перемен, ни облегчения в отношениях Лизы и Мимиса. Он слабел и глупел с каждым днем, его помешательство становилось все более странным и навязчивым. Он стал платить Лизе, своей жене, зарплату, вычитая деньги за отопление и телефонные переговоры. По вечерам он выключал свет, оставляя только одну лампу зажженной, и во мраке холодных комнат, впадал в полузабытье. Время от времени он вздрагивал и начинал чесаться.

Лизе часто снился Иезуитов - ее ненавистный партнер, которого ей так опрометчиво навязал Адам и от которого сам же пострадал. Прошло время, она жила в другой стране, под прикрытием нового брака, но бояться Иезуитова она не перестала. В ночных кошмарах, которые она видела так отчетливо, он постоянно гнался за ней и неизбежно настигал. Каждый раз, после таких сновидений она просыпалась с онемевшим от ужаса сердцем, прекрасно осознавая тот факт, что защитить ее некому. Впрочем, если бы она села и спокойно поразмыслила, то легко могла бы прийти к выводу, что бояться ей Иезуитова абсолютно нечего и что, напротив, это он должен ее бояться. Это он угрожал ей расправой и шантажировал Адама. Проблема Иезуитова состояла в его тщеславии. Когда Лиза, под нажимом Адама, пришла к нему с предложением инвестировать в ее турагенство, ему надо было бы отказаться. Свободных денег у него не было, все было вложено в сторительство пятизвездочной гостиницы. Скажи он тогда «нет», ни у кого бы не было проблем. Жизнь Лизы сложилась бы по-другому, ей не надо было бы мучиться с полусумасшедшим стариком и искать исчезнувшего Адама. Но Иезуитов не сдержался. Найдя деньги на самые необходимые расходы, уже через два месяца он начал требовать свои инвестиции назад. Была зима 1999 года, кризис разметал всех туристов и Лиза с трудом держала свою фирму на плаву. И тут она совершила крупнейшую ошибку: понимая, что про туризм в ближайшие год-два можно забыть, она сделала Адама директором вместо себя и отдала ему свой офис, где он занимался кредитами для гостиничного проекта Иезуитова. Эти две ошибки – свою и чужую, она расхлебывает до сих пор.

У Адама тоже не получалось привести Иезуитову инвесторов. У него не было серьезных связей. Все, кого он приводил, были мошенниками, которые предлагали сомнительные сделки за большие откаты. Тогда у Евгения Павловича и родилась идея пригласить Адама к себе и заставить его подписать интересный документ, где Адам признавал несуществующий долг Иезуитову, беря на себя обязательства этот долг выплатить. Гарантией под выплату довольно крупной суммы, обозначенной в документе, выставлялась недвижимость, принадлежавшая семье Эратиносов в Греции. И чтобы Адам не увильнул, в офис были также приглашены чеченцы, двое из которых остались в коридоре, а третий был представлен как нотариус. Адам, испугавшись, эту бумагу, конечно, подписал, «нотариус» тоже поставил свою закорючку под документом. За несколько дней до того, как Адам исчез, Лиза нашла этот странный документ в кармане его пиджака. Сняв с него копию, она спросила себя, кто кого переиграл, ведь Адаму из семейной недвижимости не принадлежал ни один кирпич.

Тем не менее, она панически боялась Иезуитова, как некое лицо, олицетворяющее зло и угрозу для нее. Ей внушали страх его бесцветные глаза, его жидкие, тусклые волосенки, его нос, рот, руки, его черные рубашки от Диора, его повадки, то есть все, что составляло его физическое естество. Его ум ее не так пугал, она знала его формулу – жестокий и конъюнктурный. Она смогла справиться с его умом, отстояв свою собственную безопасность и интересы своей семьи в ту первую, страшную, предпасхальную неделю, когда у нее земля под ногами разверзлась.

Что Иезуитов делает сейчас? Что стало с их общей фирмой? Чего он хочет? Что замышляет? Она была уверена, что точно так же, как он настигает ее в ночных кошмарах, однажды он настигнет ее наяву. Страх рождал в ней преувеличенные фантазии, ей казалось, что Иезуитову нужно непременно избавиться от нее. Лиза понятия не имела, что он сделал с Адамом, но, что бы ни сделал, она была ненужным свидетелем их опасных отношений. Пытаясь угадать его намерения, она не подозревала, что Иезуитов совсем не хочет ее смерти, а, напротив, он жаждет ее возвращения.

Спасаясь от меланхолии и страхов, Лиза без устали работала над своими картинами. Рисуя, она часто думала о своем отце. Однажды Василий, когда она была еще совсем ребенком, вернулся с выставки картин.

- Меня поразил один рисунок, - рассказывал он своей маленькой дочке. - Представь, художник нарисовал карандашом ботинок и сапожную щетку рядом с ботинком. Так нарисовал, что я протянул руку и хотел дотронуться до ботинка.

- Почему? - спросила Лиза.

- Почему захотелось дотронуться? Этот ботинок был прекрасно нарисован, очень правдоподобно. Он был как настоящий. Художник этот самый настоящий гений.

- Что значит гений? - не унималась Лиза.

- Значит, никто не может нарисовать лучше. Значит, этот человек трудился несколько дней, а может быть, и месяцев, и вот его труд в сочетании с талантом, создали шедевр. А сам он – гений. Трудиться надо, Лизок, трудиться, а не так, как ты, намалюешь что-то впопыхах, потом все бросишь и бежишь гулять.

Василий злился не на Лизу, а на самого себя. Никогда ему не достичь такого совершенства! У него нет времени, служба забирает все больше и больше сил, а в выходные хочется расслабиться, отдохнуть. Нет воли засесть за что-нибудь серьезное, лень. Да, картины, написанные Василием, особенно в период его влюбленности в Александру, были шедеврами. Все детали были тщательно

выписаны, ничего не было забыто, мазки были тонкими, краски – прозрачными и в, то же время, глубокими, а формы – совершенными или несовершенными, такими, какими их видел глаз Василия. Все, что он нарисовал или написал красками, было гениально, потому что было вдохновенно: его полотна дышали, излучая свет. В комнате, где висели картины Василия, было радостно и празднично. С тех пор, прошло время, исчезла его влюбленность, появилась другая страсть – хорошее вино или коньяк, успокоение, прозябание, обещания самому себе завтра начать что-то новое, стоящее, неспособность сдержать слово перед собой и, как результат, неприязнь, даже ненависть к себе. А если себя не любишь, не радуешься своему таланту, не ценишь божьего дара, что уж тут можно создать? Пропадают люди вместе со своими божьими искрами ни за что, ни про что. На что они надеются? На то, что всемогущий Господь будет настолько щедр, что, кроме таланта, еще и волю им даст? Или чудесным образом заставит талант проявиться без усилий? Наверяд ли. Если человек один раз не понял, то и в другой раз не поймет.

Лиза припомнила также, что отец рассказывал ей, как некоторые знаменитые художники, рисовавшие женщин, перевоплощались сами в женщин на время. Так им было легче, понятнее. Она тоже становилась тем, что рисовала, она жила на холсте, среди предметов и людей, иногда, видя холст с обратной стороны. Она тоже пережила то, что рисовала. Василий скопировал «Садовника с ножом» Брюллова. Копия получилась прекрасной, чуть ли не лучшей, чем подлинник. Именно эту картину Александра наотрез отказалась увезти с собой после развода.

- Этот садовник столько лет держал свой нож, занесенный надо мной, что я больше не хочу его видеть!

Лиза недавно закончила свою картину: на дальнем плане пляж, разморенные жарой загорелые люди в шезлонгах, собаки с золотистой от солнца шерстью, изумрудная трава, олеандровые кусты, усыпанные белыми цветами, и сине-зеленое море с отмелями – все это передавало настроение, казалось бы, дружелюбия и покоя; а на переднем плане молодой садовник с ножом, рядом с ним валяются кустики рассады, но он и не думает сажать цветы, он смотрит куда-то в сторону, его карие, большие, детские глаза, испуганы, его полные губы чуть приоткрыты и, как будто, дрожат. Зритель не знает, кто или что так напугало садовника. От этого, ведомого только ему, испуга, он еще сильнее сжимает нож. Кому он нанесет рану? Тому, кто испугал его или тому, кто ближе всего к нему, потому что любит его? Это было лицо Адама, наивное и жестокое одновременно; его руки, чувственные и нежные, готовые нанести удар в спину; его выражение, самовлюбленное, повернутое в себя, когда собственные желания превыше всего; его реакция, означенная озлоблением и раздражением на опасность, проявившуюся извне, тем, что кто-то разгадал его планы и хочет наказать за малодушие и обман. В который раз, Адам пообещал кому-то свою любовь, но слова не сдержал и этот кто-то злится теперь на него. Напрасно злится, Адам не умеет любить. Тайна его раскрыта и он полон решимости убить, а потом убежать. Эта картина полна звуками: с полотна доносятся крики чаек, они звучат все громче и настойчивее, пока не становятся какофонией визгливых оглушающих стенаний, хаосом, в котором зарождается трагедия...

В декабре и январе Лиза не могла больше писать на веранде из-за холодов. В гостиной, где Мимис смотрел свои глупые сериалы, ерзая в кожаном скрипучем кресле, она тоже не могла устроиться. Пришлось перебраться на кухню, превратив ее в крошечную студию. По вечерам она запирала кухонную дверь и Мимис ей не мешал, но по утрам, в ожидании завтрака, он приходил на кухню, начинал шарить

по полкам, находил пакет с булочками и прежде, чем отправить их в рот, крошил их своими непослушными пальцами на небольшие кусочки. Крошки сыпались на пол и часто попадали на еще свежие краски на холстах. Лиза злилась, но не обижалась. Она считала, что ей повезло, что уже зима, а она жива, что научилась запихивать слезы обратно в себя, что пишет картины, что сумела сделать свой ум одиноким и самостоятельным.

С тех пор, как она добровольно препроводила себя в ссылку, взвалив на свои плечи работу по дому и хождение за больным, только раз ей удалось передохнуть. Десять дней в конце октября Мимис провел в госпитале. Начало сдавать его сердце и ему пришлось вшить стабилизатор. Госпитальный период был тяжек для обоих. Мимис боялся за свою жизнь, став еще более капризным и требовательным в мелочах, подчас даже жестоким. Лиза пыталась сострадать, но пробыть рядом с ним дольше двух часов не могла – его уродливость, многократно преумноженная его испугом и страданиями, убивала. Только в тот день, когда Мимису сделали операцию, она провела пять часов у его постели, ожидая его пробуждения. Она отводила взгляд в сторону, стараясь не смотреть на его лицо с отвалившейся нижней челюстью и запавшими глазами. Его коротенькие худые ножки были согнуты в коленях и накрыты простыней, а между ними, как странный, ненужный, непомерно разросшийся орган, колыхалась, при каждом вздохе, его мужская плоть. Кормя его с ложки, вдыхая запах повязок и его грязного белья, Лиза, как молитву, произносила про себя имена всех монахинь, о самоотверженных деяниях которых она слышала или читала. Она упрекала себя в том, что не может, содрогаясь от гадливости, полюбить этого человека по-христиански, то есть простить ему все его грехи и преступления, проникнувшись к нему добром, потому как он человек и создан Богом. И чтобы хоть как-то замолить свою гордыню перед Господом, она подбирала с пола грязное белье Мимиса, которое он снимал с себя и, ничуть не смущаясь, просто переступал через него. «Зачем он заставляет меня это делать? – спрашивала себя Лиза. – Другие, наоборот, оберегают своих молодых жен, ведь есть же нянечки, медсестры, женщины, которым он незнаком и, поэтому, безразличен и им не нужно жить с ним под одной крышей и заставлять себя полюбить его. Зачем он все испытывает меня? Зачем унижает? Он говорит, что другие жены делают это. Но ведь мы не прожили жизнь вместе. Они знали своих мужей молодыми, любили их и, сохранив в сердце эту любовь, на старости лет, продолжая испытывать привязанность, конечно, ухаживают за своими мужьями. И я бы ухаживала, если бы любила. Но он ни разу не дал мне возможности полюбить его».

И все же, те десять дней стали для Лизы переменной и отдыхом. Каждый день навещая Мимиса в госпитале, она обменивалась приветствиями с молодыми летчиками, дежурившими у госпитальной проходной, ловя на себе их восхищенные взгляды, ругалась с таксистами, вежливо разговаривала с медсестрами, знакомилась с врачами, сострадала соседям Мимиса по палате и их родным. Она обросла другого рода деятельностью. Жизнь дала ей возможность вырваться за пределы будней с одинаковым расписанием и одинаковыми разговорами, познакомиться со случайными людьми, пожить независимой и самостоятельной жизнью. Возвращаясь по вечерам из госпиталя в такси, она рассматривала витрины магазинов, купаясь в неоновых огнях, ни о чем особом не думала, покупала, по дороге домой, всякие вкусности в соседнем супермаркете, открывала дверь в пустую квартиру, зажигала свет во всех комнатах, включала музыку, уютно устраивалась ужинать, не забывая поблагодарить Бога за свое недолгое одиночество. Она, сколько хотела,

разговаривала по телефону с Игнатом, смеялась и шутила, звонила Джорджу, радостно и ни от кого не таясь, планировала встречи с ним, отвечала тем, кто звонил, справляясь о здоровье Мимиса. Она чувствовала себя хозяйкой, самостоятельной женщиной с приличной суммой денег, которую Мимис впопыхах оставил ей на хозяйство. Да, и сама она уже скопила немного, экономя на чем только можно и, время от времени, воруя деньги у Мимиса из кошелька. Своровав несколько банкнот, обычно в тот день, когда его кошелек лопался от наличных, взятых в банке, Лиза стремглав бежала в свою комнату, падала на колени перед иконой Богородицы и замаливала свой грех, а потом прятала украденные деньги под цветочный горшок. Изнемогая от позора, она находила успокоение в том, что, однажды, Мимис присвоил все ее сбережения без зазрения совести, а она ворует незаметно, возвращая себе малую толику того, что он украл. Рассказать об этом было некому, да она и вряд ли осмелилась бы, поэтому цветок, хранивший ее тайну, сделался ее самым близким другом и сообщником.

Во время тех неожиданных октябрьских каникул, Лиза вдруг почувствовала вкус к жизни, ее дух стал разгибаться и выпрямляться. Свернувшись в клубок под градом сыпавшихся на нее прошлой весной ударов, она продолжала жить, свернувшись, ожидая, еще более страшных ударов от судьбы и от людей. Она свела свое участие в жизни к минимуму, и, на все соглашаясь, сама себе говорила: «Все хорошо. Большого мне и не надо. Это – моя жизнь. Я довольна и благодарна». Но это была не Лиза и Мимис, воспользовавшийся ее готовностью принимать жизнь в покоренном состоянии, сед, в буквальном смысле, ей на голову. Вынужденная сопротивляться его хамству, она постепенно разгибалась и сейчас подумала: «За что я наказываю себя?» В ней просыпались желания. Картины не могли больше служить ей единственным убежищем, где она находила забвение от тоскливой и однообразной действительности. В ней шевелилось нетерпение и в ее мозгу проносилась шальная мысль о том, что хорошо бы скорее со всем покончить, невольно или нечаянно приблизив конец тому, кто и так был обречен.

Начался ливень. Мимис был еще в госпитале. Имея в виду, что его медицинские процедуры были его единственным занятием, он называл госпиталь своим офисом. «Сегодня я еду в офис», - говорил он. Лиза включила музыку и начала бесцельно бродить по квартире. Как странно, кажется, что Мимис здесь не живет. Когда он приезжает из «офиса», он кушает, смотрит телевизор, сидит на веранде, спит, но он просто кушает, смотрит, сидит, лежит. Он не живет здесь. Он – привидение и его вещи существуют отдельно от него. Приближалось Рождество. Лиза подумала, не открыть ли бутылку шампанского? В кладовке, в картонном ящике, пылились бутылки, которые она когда-то давно привезла из Киева. Теперь им лет десять, не меньше. Ну же, пора отпраздновать, если не Рождество, то поворот судьбы. Бросив прошлой осенью поводья, она часто гадала, куда же судьба ее выведет и тронется ли она с места вообще? Но сейчас она была уверена в том, что огромное колесо со скрипом сошло с места и стало медленно вращаться. Шлюзы открываются. Лиза осторожно пригубила шампанское – за долгие годы отстаивания в кладовке, оно приобрело цвет янтаря, а на вкус напоминало херес.

Разбушевавшийся дождь громко стучал по оконным стеклам, это значит, что Мимис задержится, он опасался, что на мокрых дорогах может не справиться с управлением. Лиза подошла к стеклянной двери, ведущей на веранду. Крупные капли дождя с силой отскакивали от белых керамических плиток, которыми был выложен пол. Продолжая свое бесцельное брожение по комнатам, она вошла в его

спальню, там было темно и холодно. Мимис не разрешал обогревать квартиру в свое отсутствие. Утром, перед его уходом, Лиза сменила белье и застелила его постель чистыми простынями. Поставив бокал на столик рядом с кроватью, она отбросила в сторону покрывало, разделась и легла на холодные простыни. Вытянувшись, она стала касаться себя. Ее плоть, соскучившись по чувственным наслаждениям, просыпалась быстро. Женщина в Лизе не умерла, она была жива и полна желаний. Не спеша, она допивала маленькими глотками шампанское, еле слышно, почти неосознано дотрагиваясь до своего белого, слегка озябшего тела. Она любила себя назло тому, кто так страстно желал ее, но кто никогда не сможет до нее дотронуться. Она любила себя на его кровати, она ворожила, сгорая от страсти и ненависти. Когда из ее груди исторгнулся стон наслаждения, из ее плоти вырвались на свободу так долго запертые там соки. Лиза замерла, утопая в теплых волнах оргазма и истомы. Он никогда не будет обладать ее телом, но будет еще больше сходить с ума, бредя по ночам близостью с ней, и не будет знать, отчего это с ним происходит. Она оставила свою метку, свой запах, восторжествовав над ним и отомстив ему за все: за его жестокость, за его подлость, за его никчемность. За то, что столько раз насмеялся над ее желанием любить и быть любимой.

Лиза оделась и тщательно заправила простыни. Произнеся вслух фразу: «Мне все равно, что с тобой будет», она выбросила Мимиса из себя, отдав его провидению. Она перестала держать его собой, силой своей воли и силой своего желания улучшить его состояние. Не догадываясь о своей силе, Лиза никогда не думала о том, почему она смогла вылечить Игната от множества детских болячек без врачей, просто, будучи рядом с ним, рассказывая ему сказки, заваривая ему чай и травы, любя его. Сила ее любви была осязаемой, она проникала в людей, любимых ею, и им становилось легче. Когда Мимис помог ей вырваться из апрельского ужаса и выжить, она могла отблагодарить его только одним – приехать ухаживать за ним. Она не знала, наверное, что ее ухаживание имеет силу и вылечивает, однако результаты были очевидны не только Мимису и ей самой, но и врачам. Сейчас же она отпустила его. Их связь должна прерваться.

От нечего делать, она стала вытирать пыль и, дойдя до фотографии его первой жены, Сью, которая была, видимо, очень милой женщиной, с умными и грустными карими глазами, взяла ее в руки.

- Почему ты все плакала? – спросила Лиза, продолжая держать черно-белое фото в серебряной рамке. Сью смотрела серьезно, слегка улыбаясь, и ее взгляд следовал за Лизой. Она хотела поговорить или что-то сказать, но, конечно, молчала...

Оставив фотографию в покое, Лиза пошла к полкам с книгами. Все книги в этом доме принадлежали Сью. Она прекрасно владела английским и собрала неплохую библиотеку. Три небольших книжечки стояли рядом на одной полке, не тронутые со времен ее смерти. Одна из них была «Леди» Томаса Триона, вторая – «Любовник леди Чаттерли» Дэвида Герберта Лоуренса и третья – «Фонтан» Чарльза Моргана. Книги настроений и мыслей, прозрачных, простых, умных и страстных. Все три романа об одном и том же – героини были замужем, но любили другого. Они вырывались из своих замужеств для того, чтобы соединиться с теми, кого любили. Для них не имело значения, был ли их шаг разумным, рискованным или обреченным на неудачу. Они любили, не взирая ни на что, позволяя себе эту прихоть, эту роскошь, свою любовь. Сильные и отчаянные, эти женщины обрекали на страдания себя и других, но не могли поступить иначе, не желая и не находя возможным жить без любви. Любимые ими мужчины были у них в крови. Они

уходили с этими мужчинами, близкими им по духу, рядом с которыми ничего не боялись, которым могли довериться, с которыми могли быть самими собой. «...Вибрировать в унисон с женщиной», - сказал герой Лоуренса. Как необычно и приятно для женщины! Как ни суди, но, как правило, женщины стараются вибрировать в унисон с мужчинами и почти всегда проигрывают. А тут все наоборот. Героиням этих романов повезло, любовь окрылила их, дала им силы бросить вызов обществу, защитить свой выбор и оправдать, хотя бы перед самими собой, свое право любить. Счастливицы!

Очевидно, что не Мимис был любимым мужчиной Сью, но уйти она не смогла. Что было причиной тому? Дети? Обстоятельства? Окружение? Она рано умерла. Лиза сняла все три книжки с полки и отнесла их к себе в комнату. Что бы ни случилось, она хотела, чтобы эти женщины и их мужчины были всегда с ней. Сью ускользнула от Мимиса в небытие, а Лиза оставила заботу о нем, ожидая теперь его смерти.

Глава 57.

Новые планы Иезуитова.

В то время, как Лиза была в бегах, или, как она сама говорила – в ссылке, Евгений Павлович Иезуитов часто вспоминал о ней. Ведь это он зажег землю под ее ногами.

Его офис находился на первом этаже старого здания, всего в нескольких шагах от Владимирского Собора. Раньше это была чья-то квартира, скорее всего коммуналка, которую Иезуитов приобрел и, выселив жильцов, отремонтировал. Дверь он поставил бронированную со специальным замком и телекамерой в верхнем правом углу. Охрана принимала у посетителей пальто, секретарши беспрестанно звонили куда-то и отвечали на звонки. Дальше по коридору, были комнаты для бухгалтеров, юристов и кухни.

Кабинет Евгения Павловича находился напротив входной двери, в самом начале коридора. Оформлен он был стильно и почти совсем задаром: практически вся дорогая итальянская мебель была у кого-то забрана за долги или получена за оказанные услуги. Что же касается картин на стенах и небольших позолоченных скульптурок а-ля Шемякин, то они были одолжены Иезуитову творческими и наивными натурами в надежде на то, что в офисе такого крупного и даже известного бизнесмена, бывают культурные люди с деньгами и, авось, заинтересуются.

Евгений Павлович сидел в полном одиночестве, облокотившись локтями о письменный стол. Он ожидал совсем не случайных посетителей. Стол был массивный, из орехового дерева, а по краям был отделан широкой полоской синей кожи. Кресла и стулья были обтянуты натуральной темно-синей замшей. Посреди кабинета лежал старый армянский ковер в красных и оранжевых тонах. В окно, что находилось за спиной Иезуитова, через узенькие щели опущенных жалюзи, пробивался неяркий свет мартовского дня. Под куполами Владимирского Собора играли колокола, правда, какой именно праздник радовал души православных, Евгений Павлович припомнить не мог.

Он положил руки на стол и погладил мягкую кожу. Сегодня он был не в настроении: что-то упустил, где-то просчитался, что-то сделал не так. Иезуитов не имел в виду свои большие дела, поправить которые становилось все труднее и труднее, а небольшое дельце с Елизаветой Галич и ее мужем-иностранцем. Как раз за его счет он и собирался закрыть кое-какие дыры, но, видимо, с ним переборщил, а с ней недожал.

Иезуитов нахмурился – он чувствовал себя почти дураком: не он, а они обвели его вокруг пальца. Выглядел он уставшим, его лицо осунулось, под глазами больше, чем обычно, обозначились мешки. Глаза его были бледные и невыразительные, овал лица – не четкий, поэтому он затушевывал его коротенькой, стильной бородкой, а волосы, хоть и подстрижены были дорого и по последней моде, цвет имели мышиный, были тонкими и кое-где с проседью. Пальцы его были не длинными, но тонкими, а ногти – чистыми и отполированными. Одет он был в темно-серый костюм от Кардена и черную Диоровскую рубашку, расстегнутую у ворота. Ему было слегка за пятьдесят и выглядел он как холенный *un homme bien ne* с достатком и образованием. Постоянная усталость создавала вокруг него ауру грусти и чувствительности, а некоторая небрежность в одежде придавала дополнительный шарм дорогим вещам, которые он носил.

Евгений Павлович устал навсегда, на всю жизнь, от дел, кредитов, интриг, тусовок и поездок на экзотические курорты со своей третьей, молодой женой. Он устал от той жизни, которую ему приходилось вести и к которой он был не пригоден, но никому в этом не признавался. Он устал постоянно брать высокие планки только потому, что однажды умно кое-что провернул, став обладателем довольно ощутимого состояния. В начале 90-х, после того, как все рухнуло, под обломками советской империи можно было кое-что раскопать – партийные заначки, например. Вот и у него, при разделе партийного имущества, в руках оказалось несколько миллионов долларов – несметное богатство по тем временам – и он зажил на широкую ногу с женой – бывшей моделью, детьми, дачей в Крыму и кое-какой недвижимостью в Англии и Украине. Приобретя буквально за гроши несколько зданий в центре Киева, он записал их на своих – дальних и близких – родственников, отремонтировал и стал сдавать в наем, в основном, иностранными фирмам и посольствам. Совсем недурно, не так ли?

Иезуитов по праву гордился собой, потому что его путь к богатству был совсем не прост. Свою молодость он потратил на созидание партийной карьеры, не жалея для продвижения по карьерной лестнице живота своего.

В начале шестидесятых, вместо того, чтобы примкнуть к небольшому лагерю свободомыслящих ровесников, он отправился на Чукотку, проповедовать коммунистическую доктрину. Там и женился на местной, принеся себя в жертву партии и собственной карьере. Страдания человеческие ведут к Богу – так гласит главная заповедь христианства. Идеологи от коммунизма предложили людям свой вариант христианского постулата: коммунизм тоже рай, но в этой, земной жизни. Они, правда, не уточнили, кто же будет богом в этом земном раю, но довольно топорно подталкивали людей к мысли о том, что Генсек вполне сгодится для этой роли. В конце концов, какая разница? И перед тем, и перед другим паства должна испытывать страх и пресмыкаться. Но были и плюсы – в битве за земной рай можно было грешить. Нет, образ «человека новой формации – строителя коммунизма» с его безгрешным кодексом был, конечно, придуман, но людей он не воодушевил настолько, чтобы превратиться в праведников. В обмен на разрешение грешить, от

народа постоянно требовали жертв. Земной рай гораздо доступней и реальней, чем небесный, это не химера какая-то, но его надо создать, построить, а для этого стоит пострадать и потерпеть, отказывая себе во всем. Если же понадобится, то и жизнью своих не пожалеет. Архитекторы проекта под названием «земной рай», жизнью народных, и правда, не жалели. Вооруженный этой бредовой идеей, в которую сам нисколько не верил, Евгений Павлович отправился в далекие и холодные окраины великой советской империи насаждать коммунистические идеалы, как, когда-то, миссионеры отправлялись проповедовать христианство к туземцам на острова. Он знал, что этот порыв не останется незамеченным и, рано или поздно, его вознаградят. Так и случилось: за преданность идее его удостоили переводом в Киев, но настоящую награду он преподнес себе сам.

Несколько лет кряду, до самого развала СССР в 1991-ом, он возглавлял идеологический отдел в ЦК Компартии Украины. В его ведении была финансовая поддержка «идеологических соратников» из стран третьего мира. Другими словами, он отвечал за пересылку «материальной помощи», исчислявшейся миллионами в твердой валюте, тем, кто был готов назвать себя коммунистами и начать раскачивать местный прозападный режим. Эта финансовая поддержка была не чем иным, как финансированием терроризма, общепринятым делом как в период ранних большевистских вождей, так и во времена Хрущева, Брежнева, Андропова и Черненко. Под контролем Иезуитова было несколько счетов в швейцарских банках, куда он регулярно сбрасывал эту помощь. Отчитывался за эти переводы он чисто формально, а, во время болезней престарелых вождей, ознаменовавших начало неразберихи, докладывать вообще перестал. Часть этой помощи Иезуитов исправно перечислял самому себе, на известный только ему секретный счет. Когда КПСС, к вящему разочарованию «соратников», приказала долго жить, все суммы со швейцарских счетов были востребованы назад. Но о его личном счете, на котором было достаточно денег, чтобы не особенно горевать на руинах идеи, партии и империи, никто не знал. Так, в распоряжении Иезуитова, оказались не учтенные партийные деньги.

В смутные девяностые годы, по-настоящему разбогатеть смогли немногие. Ни издыхавшая КПСС, ни вечно живое КГБ, не умели, просто не знали, как обращаться с действительно большими суммами. Серьезные деньги тогда осваивали «цеховики» или просто бандиты. Буквально за несколько дней сколотившие миллионные состояния на бесконтрольном экспорте полезных ископаемых, сельхозпродуктов, удобрений и стали, они быстро превращались в предпринимателей в дорогих костюмах. Были и такие, что разбогатели на «приватизации» муниципальной и другой государственной собственности. Однако эти нувориши и в подметки не годились немногочисленным держателям «старых» денег, так называемым «серым кардиналам», оказавшимся достаточно сообразительными и рискованными, чтобы сколотить капитал, переводя партийные деньги на свои счета в швейцарских банках, во то время, как в империи все еще процветало всеобщее равенство.

В начале нулевых, «нувориши» и «серые кардиналы» оформились в олигархическую «элиту», взяв под контроль политику страны. Это они превратили украинскую политику в самое доходное место. Это они, скупая старых и пестуя новых политиков, создавали политические партии и держали депутатов и лидеров партий на балансе. Мало, чем отличаясь от мафии, они сосредоточили в своих руках гигантские материальные ресурсы, которые они намеревались защищать и приумножать. Защищая, олигархи выводили свои капиталы за границу, а что

касается преумножения, то для этой цели им нужны были государство и бюджет. И то, и другое должно было работать исключительно на них и для них. Поэтому практически все представители «элитных» политических проектов попадали в парламент, где они успешно лоббировали интересы своих боссов. Депутаты разных созывов, предварительно получив конвертики и чемоданчики с наличными, голосовали за тот состав правительства и за тот проект бюджета, которые были нужны тем, кто им платил. Все правительства независимой Украины были купленными и, поэтому, являлись марионеточными.

Иезуитов олигархом не стал, поскольку политику отверг сознательно – ему хватило его идеологического рабства на службе у КПСС. Историк по образованию, Евгений Павлович стал бизнесменом – сначала наивным, от незнания и внезапных больших денег, но потом жестким и жестоким. Жизнь с каждым днем, вопреки ожиданиям, легче для него не становилась. В середине 90-х, мэр Киева подбил его на строительство роскошной гостиницы в центре Киева. Проект века! Тщеславие Иезуитова разыгралось. Ему виделись не только будущие барыши, но и по-настоящему близкие отношения с мэром, что означало совместный дерибан городского бюджета. Переведя на счета одной из компаний Иезуитова бюджетные деньги, мэр не забыл потребовать приличные откаты. Пока Иезуитов нанимал фирму-разработчика, пока готовился проект и составлялась смета, пока устраивали тендеры строительным компаниям, мэру «прищемили яйца». Дело в том, что глава столицы Украины с размахом отремонтировал Дворец «Украина» и главную улицу города Крещатик. Не поскупился ни для города, ни для себя. Эти его начинания выглядели, на фоне массовой безработицы и обнищания простого люда, несвоевременными и расточительными. Под давлением общественности, мэра стали без конца проверять и ковырять. Хотя мэр был мужиком не слабым и за себя вполне мог постоять, он озлобился и стал требовать от Иезуитова возврата тех денег, что он отстегнул на строительство гостиницы.

В то время работы на площадке будущей гостиницы уже начались. А как кредиты возвращать, когда стройматериалы уже закуплены, когда контракты со строительной фирмой уже подписаны? Подоспело время зарплату турецким строителям платить, а платить оказалось не чем. А они ведь, эти рабочие, не служащие из его офиса, их в страхе не поддержишь. Пришлось Иезуитову все заморозить.

Тогда-то и подросла эта пара - граф и красавица. Ее-то, Елизавету, Иезуитов знал раньше. Сначала в глянцевах журналах увидел. Жена хотела с ней познакомиться. Ее, только что организованное, турагенство рвануло с места как ошпаренное, видно, не с нуля начала. Сама она не потянула бы, партнеров с деньгами нашла. Двое греков, и не самые плохие из них. Оба жили в Киеве, один даже женился на украинке. Сама Елизавета тоже не с пустыми руками пришла: и опыт, и знания имела, и на иностранных языках щебетала. Когда говорила с кем-нибудь, те уж готовы были из ее рук есть. Вот и захватила треть украинского туристического рынка за год. Умница была, не то что эта, его третья, модель безмозглая...

«По одежке и жёнки, - рассуждал про себя Евгений Павлович, - сам росту и, соответственно росту, и жены мои. Первая, бог с ней, для карьеры была нужна. Вторая была юристом, спасла меня от верного и долгого срока, отблагодарил ее женитьбой на ней, но никакая благодарность долго длиться не может. Зато третья – исключительно для престижа, чтоб ей... Мужики смотрят и облизываются, но не

завидуют, нет. Знают, что таких высоких-стройных-блондинистых навалом. Купил ей модельное агентство, приезжал Пьер Карден, я ей говорю: «Поговори с ним», а она никаких языков, кроме макияжа не знает. Заставил ее английский учить, так она сразу мигренями заболела. А Елизавета бы поговорила и не только потому, что языки знает. Она людей знает. Вот и меня уговорила три года тому назад».

Мысли Иезуитова стали блуждать вокруг Галич. Посетители, которых он ожидал, были не случайно приглашены в его офис.

«Однажды является, - вспоминал он, - это уже после их свадьбы было. Говорит, не хочу больше со своими старыми партнерами работать, давай с тобой фирму зарегистрируем. Я удивился было, но тут же согласие дал, такими предложениями не разбрасываются. Ситуация у нее с партнерами была такая: один деньги давал, она их преумножала в геометрической прогрессии, а другой их тратил. И не только на свои долги, игрок он был, но и на всякие проекты фантазийные. Она злилась, что деньги понапрасну выбрасываются, но пришла-то она ко мне не по своей воле, муж ее привел. Сам – грек, он все уговаривал ее, зачем тебе с греками работать, не надежные они ребята, завтра свернут свои дела, да и умотнут домой, а ты останешься. А, вот Иезуитов ваш, украинский бизнесмен, на него положиться можно. Сердце ее противилось, но послушалась, в рот смотрела своему графу, сама думать разучилась. Граф-то использовал ее как наживку, он свои цели преследовал – хотел ко мне в доверие влезть, с гостиницей мне помочь, кредиты через иностранные банки получить, ну, и заработать, конечно, на этом. И не плохая была идея, но провалил он ее. Ни смекалки, ни характера у него не было. После того, как мэр потребовал городские бабки вернуть, я и решил сыграть с этим хлыщем шутку. Думал припугнуть его, потребовал, чтобы он бумагу подписал в присутствии чеченца. Представил я этого чеченца, как нотариуса, но намекнул графу, что чеченец этот не простой нотариус, что дело он свое знает – если заартачится, плохо будет. Так он и не артачился, сразу же подмахнул бумагу, по которой обязывался передать в мои руки всю недвижимость, принадлежавшую ему в Греции. Что и говорить, уделался он знатно, но вот так, взять и сбежать?! Не ожидал я этого от него. Жену, красавицу-умницу, не пожалел. Я-то рассчитывал, что он за нее держаться будет, что за нее – он в огонь и в воду, что она ему дороже всех его поместий, поэтому и припугнул. Но эти иностранцы, видно, по-другому скроены. Здесь-то я и просчитался!»

В дверь постучала секретарша.

- К Вам пришли, - пропела она, пропуская посетителей.

Вошли двое мужчин. Им обоим было около сорока или едва за сорок, оба были худыми и неопрятными. Один был высокий, другой – пониже. Их фамилии были Борькин и Чмыхов, и состояли они на службе у Евгения Павловича, выполняя его «деликатные» поручения, о которых громко говорить не принято. Начальник их использовал не часто – где кого припугнуть, над кем снасильничать, но денег за это не платил, так только, подачки кое какие изредка бросал, как обглоданную кость псам голодным.

Если этих двоих увидишь однажды, да если и дважды, и трижды, лица их не запомнятся. В них не было ничего определенного, все невыразительно и нечетко – как размазанный карандашный рисунок. Только фамилии их запоминались быстро, как у двух клоунов в цирке, высокий был Борькин, короткий – Чмыхов. Они слегка пообносились, лица их были злыми, было видно, что пришли они нынче к

Иезуитову явно не в настроении. Сели. Евгений Павлович молча на них смотрел, потом произнес:

- Я хочу поговорить с вами насчет Галич, помните, работали вместе?

- Это та, видная вся из себя? – подсказал Чмыхов.

- Да, видная. Так вот, мне интересно продолжать работать с ней.

- Так, ты же сам приказал чеченцу пушку к котелку ее мужа приставить, а он сбег. Что ж, не его, а ее ловить надо?

У Евгения Павловича лицо сложилось в едкую гримасу – он ненавидел эту необразованность, неопрятность и дремучесть. Но выбирать ему не приходилось – чеченцев он себе позволить уже не мог. Молчание затягивалось. Евгений Павлович не заговаривал намеренно, ждал, пока эти двое переварят информацию и начнут задавать нужные вопросы. Сам он просить, увещевать или объяснять был не намерен.

- А где искать-та ее сейчас? - Борькин сдался первым.

- В Греции, в Афинах.

- Это проверено, или как?

- Куда ей еще деваться? Как улетела в июне туда, так, до сих пор, там мужа ищет.

- А дамочка знает, как ее муж страну-та покинул?

- Не думаю. Узнает, когда найдет его в Афинах. Пока он ее избегает...

- Еще бы не избегал! – Чмыхов высказал понимание беглому графу.

- Ты это о чем? – насторожился Иезуитов.

- А ты шо, не знаешь? Чечен же потом ему добавил. Когда граф выпрастался на полусогнутых из твоего кабинета, чечен ему в дверях шепнул, что его жена, Галич эта, с тобой заодно.

Так вот почему граф от своей жены деру дал. Теперь Иезуитов все понял. Где переборщили и где сглупили, мать твою...

- Как только они повстречаются, нам будет поздно суетиться. Европейские суды пока еще исправно работают. У нее голова на плечах, она мигом обернет дело своего Адама против меня. Шантаж, пытки, отказ от имущества под давлением и что там еще. И ваши лица она знает. Впрочем, ни свидетелей, ни доказательств у нее нету. Ее слово против моего. Разве что у него копия его расписки сохранилась.

- Зачем же ты дал ей слинять тогда, в июне?

- А что мне было делать? Я шепнул своему человеку из СБУ проинструктировать милицию на ее счет, и те забрали ее паспорта и даже дело на нее состряпали. Но она заплатила им, эти продажные суки деньги взяли, вернули ей паспорта и не знали, как еще услужить. Воевали со всей округой за ее бриллианты. Рыцари, тоже мне, мать их, на службе у прекрасной дамы.

- А чего ты не следил за ней? Выставил бы охрану у ее дома, - Чмыхов был рад блеснуть вариациями на тему шпионских страстей, тем более, что получалось заставить Иезуитова оправдываться, что ее-то он упустил.

- Ну и кто бы там валандался день и ночь? – Евгений Павлович начинал злиться и говорил все тише и тише.

- Тот, кому бы ты заплатил. – Так же тихо ответил Борькин.

«Подонки, знают, ведь, мои проблемы. Пару лет назад урыл бы их, а сейчас разговаривать приходится», – Иезуитов был недоволен собой: дела шли из рук вон плохо. Хватало только на двоих амбалов приличного вида, которых он держал дома, чтобы жена не боялась. И ров вырыл вокруг дома. Ров-то зачем вырыл?

- Знаешь, - решился продолжить разговор Чмыхов, - мы не настаивали, потому как знаем твои проблемы. Но ты нам когда последний раз платил? Давно. А у нас семьи, дети голодные плачут.

- Ты думаешь, моей семье хватает? Вот привезете ее и закроем все дыры.

- План не плохой, Палыч, только без денег мы не поедим. Она тебе до зарезу нужна, ты и плати.

- А то мы уж как-бы изверились. В народе-та говорят, у тебя долги большие перед городом. - Борькин подошел к полкам и стал лапать своими грязными пальцами сверкающие золотом статуэтки а-ля Шемякин.

- Не вашего ума это дело, умники! - Евгений Павлович уже почти шептал, со свистом и придыханием.

- Ну, как знаешь, - подытожил Чмыхов, - нет бабла, нет дела.

Он начал подниматься со стула, обитого темно-синей замшей. Его ноги, обутые в видавшие виды кроссовки, переминались на благородном орнаменте армянского ковра.

- Так что ты помозгуй, что с нашей-та зарплатой делать будешь. Задолжал ты нам. У тебя дети, ты ж не хочешь, чтобы с ними, вдруг, что стряслось?

- Падла! Ты мне еще угрожать?! Что, уже запомнил, откуда я вас б... вызволил и сколько б... добра вы от меня видели? Хотите б... снова парашу нюхать? - Иезуитов сорвался с кресла и в два прыжка оказался рядом с ними.

Чмыхов и Борькин набычились. Не стоило их попрекать прошлым. Кто его знает, может, то прошлое было лучше настоящего. Не по нутру им ходить в холуях у бывшего партийного кидалы.

- Что было, то былем поросло. Мы тоже у тебя в долгу не остались. Отработали все твои подачки. Хочешь совет? Никогда не забывай, с кем разговариваешь. - Взгляд Чмыхова вдруг сделался холодным и острым.

- Ладно. Собирайтесь, найду я вам деньги.

Иезуитов проиграл. Если это отребье ему угрожает... Да, где-то он явно просчитался. Но он готов проиграть сейчас, чтобы потом наверстать. Он же идеолог, должен уметь предвидеть и не пропустить момент. Граф-то ему не нужен, с него уже ничего не возьмешь, хотя взять есть что. Он - иностранец и теперь у себя дома, где законы защищают своих граждан. Полезешь к нему, хлопот не оберешься. А Елизавета - другое дело, ему пригодится.

Он не знал и не мог знать следующего: во-первых, у Адама ничего не было, ему не принадлежало ни пылинки, ни соринки. Все было записано на имя его матери, она и берегла семейную недвижимость. А, во-вторых, копия расписки, где Адам обещает Иезуитову все свои дома, действительно осталась, только не у него, а у Лизы.

После того, как Борькин и Чмыхов покинули его кабинет, Евгений Павлович, преданлся размышлениям. Приказав секретаршам не беспокоить его, он устроился в кресле и закрыл глаза.

Когда он вернет Галич, турагенством она заниматься больше не будет. Он другой бизнес задумал на ноги поставить и она ему в этом поможет. Украина уже девять лет серьезно торгует оружием. Иезуитов потрудился ознакомиться со статистикой.

В 1991 году, после распада СССР, Украине достались: 4 войсковые армии, 1 танковая армия, 1 армейский корпус, 3 корпуса противовоздушной обороны, 43-я ракетная армия и тяжелая бомбардировочная стратегическая авиация. Численность

войск составляла около миллиона человек. На территории Украины было три военных округа - Киевский, Одесский и Прикарпатский. Танков было около 9 тысяч, бронемашин - 11 тысяч, артиллерийских систем - 18 тысяч, самолетов и вертолетов - около 3900, межконтинентальных баллистических ракет со своими стратегическими боезарядами - 176 ракет, оперативно-тактических и тактических ядерных боезарядов - 2883 единицы. Кроме того, на стратегических военных базах и складах, в качестве неприкосновенного запаса, рассчитанного на мобилизацию 10 миллионов человек (т.е. в случае вражеского нападения, как минимум, 5 фронтов), хранилось вооружения, военной техники, продовольствия, амуниции и другого военного имущества, по оценкам иностранных экспертов, на 89 млрд. долларов США. На каждого украинского солдата приходилось 54 единицы огнестрельного оружия, в то время как допустимая норма равна двум единицам.

Украина не знала, что делать с такой горой оружия, полученного в наследство. Столько ей было не нужно. Воевать она не собиралась. Вернее было бы сказать, что нападать Украина ни на кого не собиралась, но, в случае нападения, воевать-то пришлось бы. Увы, как покажет история, когда Россия аннексирует Крым и вооружит сепаратистов на Донбассе, которые начнут военные действия против Украины, та защищать свои земли не будет. Почему? Потому что президенты двух держав договорятся насчет того, что особенно Украина усердствовать не будет. А если кто и захочет защитить свою Родину, того в котлах уничтожат. Аннексированные и оккупированные украинские территории станут платой украинского президента за свой пост, поскольку его кандидатуру утвердят в 2014 году Кремле через торги, осуществляемые через посредников. Украинский народ, пребывая в неведении, послушно проголосует за этого президента. Он пообещает мир и хорошую жизнь, и народ, напуганный российским вторжением, жертвами и кровью, с готовностью поверит ему.

В марте 2000-го, когда Иезуитов решил заняться торговлей оружием, еще было что продавать. Ему надо было торопиться, поскольку уже 14 фирм получили лицензии на продажу иностранным государствам и частным фирмам вооружения и военной техники. А сколько торгуют просто так, без всякой лицензии?! В том числе, общественные и неприбыльные организации, которые в соответствии с законами Украины и своими уставными положениями, вообще не имели права что-то покупать или продавать. При Кравчуке и Кучме, первом и втором президентах независимой Украины, а также при премьере Лазаренко, которого Иезуитов знал лично и который вывел в США более 300 млн. долларов, выдали около 7 тысяч лицензий на торговлю оружием. Торгуй - не хочу! Надо было только предварительно согласовать с министерством Обороны список того, что хочешь продать. И даже не то, чтобы согласовать, а просто утрясти откаты для министра и его окружения.

Иезуитов знал, что в Украине уже сложилось два центра торговли оружием. Одна группа торговала вновь произведенным и капитально отремонтированным оружием и была связана с президентом, премьером и оружейными КБ. Вторая группа была связана с министерством Обороны, которое распродало излишки. Именно оттуда расторгивали весь советский мотлох. Вот туда Иезуитов и подается. Евгений Павлович прекрасно знал, что народное добро распродается куда угодно - от Анголы и Ирана до Зимбабве, он также знал, что сделки заключались без разбора, с кем можно и с кем нельзя. Первые, явно сомнительные с моральной точки зрения, крупные поставки оружия были осуществлены и в Хорватию.

Благодаря, в том числе, и Украине, за три года Хорватия перешла с охотничьих ружей на танки и вертолеты Ми-24. Оружие туда стали отправлять из трех украинских портов еще в начале 90-х. По документам отправляли в Марокко, Судан и Египет, а, на самом деле, в Хорватию. Заправляли всем два предпринимателя из Одессы. Им помогал известный тогда торговец оружием Геза Мезоси. Иезуитов читал, что его потом взяли в Италии. Одного из предпринимателей тоже арестовали, но он сумел отбрехаться. В общей сложности, из Украины в Хорватию было доставлено 19 грузов с вооружением. Чтобы составить представление о том, что и сколько продавали, довольно ознакомиться со списком оружия, что было на борту судна с последним грузом: 30 тыс. автоматов Калашникова, 10,8 тыс. ракет «Катюша», 50 пусковых установок, 11 тыс. противотанковых гранат РПГ-7 и РПГ-9, а также тысячи противотанковых снарядов украинского и белорусского производства.

Иезуитов завидовал – поднимаются же люди! Кстати, тот одесский бизнесмен, что правосудия избежал, потом свою дочь за Романа Абрамовича замуж выдал. Деньги не пахнут и тех, кто ими разжился, принимают в круг своих. Разбогател на торговле оружием? Молодец! Рисковал, не боялся. Неважно, что товар, который ты продаешь, убивает. Потом твоя дочь, ставшая женой Абрамовича, поучаствует в благотворительном вечере, скинет пару миллионов на бедных детей, на чьи головы летят бомбы, и все, твоя душа опять чиста и целомудренна. «В конце концов, - подумал Иезуитов, - быть должником мэра не менее рискованно, так что из двух зол... Если посадят городского голову, он всех за собой потащит, так и сказал. Поэтому деньги надо вернуть и чем скорее, тем лучше». Иезуитов решил зарегистрировать Фонд и предложить министру Оборона свои связи там, в третьем мире. На той стороне, в вечно воюющих странах Африки и Латинской Америки, покупатели найдутся, не даром он столько лет всех этих «идеологических соратников» партийным баблом прикармливал.

Евгений Павлович размышлял над тем, чем именно заняться – спектр большой – от автоматов и танков до самолетов, вертолетов и ядерного орудия. Количество ядерных зарядов, переданных Украиной и принятой Россией, не сошлось на двести пятьдесят единиц. Украина разоружилась перед всем миром, мать ее, но кое-что припрятала под мышкой. Где теперь это выплывет, не понятно. Нет, туда он лезть не будет. Ни к чему это ему. А вот самолетами заняться интересно. Это целая отдельная и новая тема.

Итак, самолетов много и им нужна дорогостоящая профилактика или ремонт. Они простаивают, а летчики на земле теряют свою квалификацию. Можно самолеты отдавать в аренду, а потом компания, взявшая их в аренду, обанкротится и все – судьба самолетов неизвестна. Растворились самолеты. Но это так, побочный бизнес. Евгений Павлович был в курсе, что три года назад, в 1997-ом, у генералов жуткая лихорадка началась. Они понимали, что «золото» простаивает на летных полях и аэродромах страны, а они до этого «золота» дотянуться не могут. Нужен был инструмент и они этот инструмент раздобыли, вложив в голову министра Оборона идею о коммерческой эксплуатации самолетов военно-транспортной авиации. Чудовищная мысль для цивилизованных стран, но кто сказал, что Украина цивилизованная? Украина была и остается диким прииском, Клондайком, где богатеют, но куда ничего не вкладывают. В Украине деньги зарабатывают, но едут их тратить, да, в цивилизованные страны. Там покупают недвижимость, там вкладываются в проекты, туда переводят миллионы на банковские счета, там учат

своих детей и там лечат своих жен. А Украина существует для того, чтобы ее доить и расторгивать. Так поступал и Иезуитов.

Генералы довели дело до конца и «Украинская Авиационная Транспортная Компания» (УАТК) при министерстве Обороны была создана. Для «коммерческой эксплуатации» УАТК были переданы 13 самолетов, 20 вертолетов и 500 авиадвигателей. У Иезуитова сложился план в голове.

Евгений Павлович через своих людей уже разузнал, что в УАТК от «эксплуатации» одни убытки, зато от продаж там прибыли. Убытки показывают, прибыль скрывают. Самолеты продают оптом и в розницу по бросовым ценам. Республике Конго, например, были проданы 3 самолета «Ан-26» без аукциона, по смехотворной цене 600 тыс. долларов за три штуки. «Продешевили, - подумал Иезуитов. - Это быдло из министерства Обороны даже не может организовать все как следует. Если продумать кое-какие моменты и провести как надо переговоры, цену можно поднять в разы. Помогу я этим неотесанным мужланам продать их самолеты и покупателей им приведу».

Итак, решено. Правда, можно было бы рискнуть больше и заработать больше. Иезуитов был наслышан об одном «кудеснике», сбавившим Китаю и Ирану по шесть крылатых ракет большой дальности Х55. «Кудесник» стал миллионером, но потом сел на шесть лет. Нет, туда он не ползет. Он займется самолетами. Еще раз поможет африканцам, только раньше он партийными деньгами помогал им заводить политическую ситуацию в тупик, а сейчас он поможет уничтожить монополию их государств на владение оружием. Вот так-то. Пусть себе тузятся. Племя на племя.

Подойдя к бару, он налил себе полстакана дорогого виски, который он держал для важных гостей. Выпив залпом, он вдруг вспомнил, что полчаса тому назад разговаривал с двумя дебилами о том, чтобы найти и вернуть Елизавету Галич. Господи, сейчас, когда у него в голове созрела прекрасная схема как деньги достать и на строительство гостиницы, и с мэром рассчитаться, и за обучение детей в частных школах заплатить, зачем она ему нужна? Зачем-то нужна...

Иезуитов придумал, что она будет его переводчицей и будет сопровождать его в деловых поездках. Но переводчицу можно найти и здесь, незачем за Елизаветой по всей Греции гоняться. Она умеет говорить с людьми, голова на плечах есть, внешность при ней, да и сноровка должна остаться – недаром в КГБ два с половиной года лейтенантом протрубила. Оттуда просто так не выпускают, а эта вырвалась. Да нет, не то, все не то! Просто она ему нужна. Иезуитов налил себе еще полстакана. Потому что он скучает за ней. Потому что больше не может без нее. Он отдал бы десятерых таких, как его теперешняя жена, за одну Елизавету. Он... он...

Иезуитов грохнул стакан о полированную поверхность стола. Брызги и осколки разлетелись по всей комнате. С ней, только с ней он хотел начать это новое, большое и многообещающее дело.

Откажется? Нет, не откажется. У нее семья здесь, в Киеве, ее преданность будет не сложно заполучить. Ее сын как раз призывного возраста, а сейчас вторая Чеченская война в самом разгаре. Что же касается его самого, то ни одному мужчине он не сможет поверить так, как ей. Мужик продаст, а баба знает, как быть преданной. Одним словом, в тех краях, что подконтрольны Аллаху и Христу, всегда оружие нужно, а мы подсобим, и ракеты к самолетам подвесим, если понадобится, и персонал обучим. И Елизавету приручим.

Глава 58.

Дорога смерти.

Прошли февраль и большая половина марта, когда в один из дней Мимис **снова** затеял ссору. Не то, чтобы это была первая или одна из немногих ссор, нет, это была сотая или тысячная ссора, это была обязательная каждодневная брань, сопровождавшаяся криками, визгом и фонтаном слюны из его неопрятного рта. Постоянно жить, погрязая в этих ссорах, было унижительно и не по-человечески.

Вернувшись во вторник с прогулки, он напрямик направился к Лизе, в ее комнату. Она сидела на корточках перед открытым платяным шкафом.

- Ты что, не слышала, что я пришел? – стоя в дверях, заорал он.

- Слышала, - тихо ответила Лиза.

- Так почему ты не встретила меня?! Почему не вышла ко мне, с улыбкой и приятным словом наготове, как это делают все нормальные жены?

- Ты же видишь, я занята. Я ищу твои старые перчатки и другой шарф. Тот, что ты носишь всю зиму, пора постирать.

- Плевать мне на шарф, ты должна стоять у двери, когда я вхожу, а шарфы по ночам ищи, когда я сплю. Собирай обедать, я голоден!

Повернулся и выбежал из спальни. Все, что он выкрикнул и как повел себя, было шутовством, глупостью, выплеснувшимся наболевшим неудовлетворением, страхом перед смертью, злостью на здоровую и молодую женщину за то, что она не умирала вместе с ним. Жизнь Мимиса вступила в тот период, когда «дух, - по выражению Гессе, - устает от самого себя, сам себя развенчивает и уступает место природе, хаосу, животному началу», когда «аскетизм одухотворенности сменяется наивной чувственностью, детскостью, чем-то глупым, даже сумасшедшим и опасным».

«А был ли аскетизм одухотворенности?» - подумала Лиза, поднимаясь с корточек и отправляясь на кухню.

После обеда Мимис, не желая идти отдыхать, устроился на диване и завел ту же, опостылевшую пластинку.

- Элиза, у меня высокое давление последнее время, потому что я постоянно думаю о близости с тобой, а ты меня не подпускаешь к себе.

- От физической близости с женщиной давление поднимается еще больше. Ты умрешь. – Лиза произнесла эти слова машинально, как автомат, потому что повторяла их в последнее время несчетное количество раз.

- Я не говорю о сексе, Элиза. Я говорю о теле, о твоём теле. Потрогать там, где я хочу, увидеть тебя. Я это называю сексом.

- Близость с женщиной, Мими, это нечто совсем другое.

- Не философствуй, - перебил Мимис. – Все равно, что такое близость с женщиной. Лишь бы было хорошо для моего здоровья.

Лиза подумала: «Подонки. Хочется с ним жить по-человечески, но как? Я постоянно чувствую себя использованным и отработанным материалом, наравне с пластырями, бинтами и выпитыми таблетками. Мое тело. Он хочет, чтобы его организму сделалось лучше. Выходит, я родилась, чтобы его организм пожрал мой, таким образом, удовлетворившись и успокоившись перед смертью».

Мерзкий, скверный старикашка! Душегуб! А ведь мог бы подсесть к ней, посмотреть ее рисунки, поправить, похвалить, поучаствовать. Если бы он был

другим, их отношения могли бы сложиться. Конечно, они были бы далеки от напоенного страстью влечения, но она могла бы быть добрее к нему. Она подарила бы ему годы счастья. К сожалению, у Мимиса не было мудрости, которую люди накапливают за жизнь, как пчелы накапливают мед за лето. Шанс испытать в этой жизни радость любви дается так редко, он так мимолетен и божественен, что если мы пропустим его по глупости или в силу своего невежественного тщеславия, мы оскорбим небеса, пославшим нам этот шанс. Мимису такой шанс был дан. И что же? Продолжая любить только свои потребности и инстинкты, он оскорблял не только Небеса, но и всех смертных, кто имел несчастье оказаться рядом с ним.

Случалось, Лизе было жалко его. Она наблюдала, как болезнь обворовывала его, лишая чувства собственного достоинства и остатков разума. Он был таким старым, таким беспомощным и уязвимым! Сидя в своем кресле, невидящим взглядом упершись в телевизор, он выглядел съезжившимся, уменьшенным. Каждое утро, он десятки раз мерил давление, записывал результаты в столбик и в конце, непослушной рукой, выводил среднее арифметическое, почти всегда ошибаясь. Лицо его при этом было серьезным, сосредоточенным и бесконечно важным. Лиза часто наблюдала за ним через открытую дверь на кухне, злясь и улыбаясь одновременно. Можно было бы забыть прошлое, проникнувшись к нему состраданием, но она никак не могла заставить себя полюбить это ненасытное существо. Полюбить Мимиса было просто невозможно! Даже если бы он спас жизнь вашему ребенку, что маловероятно, после нахлынувшей неотвратимой благодарности, вы все равно почувствовали бы к нему неприязнь, а потом и ненависть. Почему? Да потому, что Мимис за то, что сделал вам добро, тут же потребует от вас благодарность. Причем, он вам скажет, какой именно благодарности он будет от вас ждать, а, если вы замешкаетесь, он вас изведет.

Лиза села на непривычное для себя место – не на диван, где она обычно сидела, а в кресло, откуда она видела комнату под другим углом. Она почти не узнавала гостиную, и это ее немного отвлекало и развлекало.

- Скажи мне, почему секс так важен для тебя? – Лиза продолжала думать, что за его примитивными физиологическими порывами кроется нечто глубинное, еще не разгаданное ею. – Ты стар, твое здоровье не ахти какое, но ты постоянно говоришь о сексе, почему?

- Не упрекай меня. Женщины тоже постоянно думают о сексе. Только молчат. Вот и ты молчишь. Нет, чтобы поговорила со мной. – Мимис был рад возможности продолжить разговор на свою любимую тему.

- Вы, мужчины, странные люди. Вы озабочены своей карьерой, потом, когда приходит время, вы женитесь и создаете семью. Не то, чтобы вы любили свою жену, но так надо, она становится матерью ваших детей и вот, еще одна цель достигнута. Вы занимаетесь любовью, потом идете на работу, потом выгуливаете собаку, потом смотрите футбол. И все одинаково важно или неважно для вас – женщина, ее тело, ее душа, мяч в сетке ворот, одинаковый вскрик в конце от забитого мяча или оргазма, затем снова работа и так до бесконечности.

- Неправда. Для меня всегда самым важным были секс и женщина. Секс был главнее для меня, чем карьера.

- Это уж точно, - усмехнулась Лиза. – Но, покончив с карьерой в сорок лет, почему же ты не стал великим любовником?

- Я стеснялся. Видишь ли, я не решался изменить жене. Да и с кем? Мы постоянно были на виду, вращались в кругу одних и тех же друзей. А с ней у нас не заладилось.

Она была слишком утонченной, слишком интеллигентной. С тех пор, я думаю о другой, нарисовал в мечтах твой образ, и когда увидел тебя наяву, уже не смог, не хотел больше сдерживать себя.

- Значит, моя утонченность и интеллигентность тебе не мешает? – Лиза прекрасно понимала, что Мимис имел в виду, но ей хотелось продолжить разговор, который, к ее удивлению, казался вполне разумным.

- Знаешь, о мертвых или хорошо или никак. Но я скажу тебе. Сью была старомодной. В тебе сочетается утонченность и чувственность. Ты принадлежишь к другому поколению. И не только в тебе, многие молодые женщины такие же – расслабленные, свободные, бесстыдные. Несомненно, образованные. Это сводит с ума.

- Хочется покорить такую женщину?

- Иногда мне кажется, что это невозможно. Видишь, мне никак не удается покорить тебя. Но, Элиза, ты так много делаешь для меня, ухаживаешь за мной, стираешь, готовишь, почему бы ни дать мне все? Осталось совсем немного – твоё тело.

- Не так уж и мало, Мими. Мое тело это я сама. Мой труд это производная, отдельная от меня функция, а тело нельзя отдать просто так, без души. У меня это не получается.

- Многие женщины прекрасно с этим справляются.

- Они или старомодны, как твоя Сью, или у них нет выхода.

- Можно подумать, у тебя он есть, – ухмыльнулся Мимис.

- У меня он есть, – тихо сказала Лиза.

Мимис не расслышал ее слов и она продолжала:

- Не понимаю, почему ты не можешь принять жизнь такой, какая она есть? Ты стар и болен, но у тебя есть деньги, чтобы купить еще несколько лет жизни, у тебя есть крыша над головой и Господь, в придачу, послал тебе меня, ухаживать за тобой. Совсем не плохой расклад. Почему не успокоится тем, что ты имеешь? Зачем требовать большего?

- А я не большего, я своего требую. Помнишь, как ты вознеслась, сгорая от страсти к своему Джорджу? Тогда ты не рассуждала про тело и про душу, для тебя все едино было. И тело свое подстилала под него и душу отдала, не задумываясь. А таким, как он, душа твоя была ни к чему, а твоим телом он только тешился. Спал он ведь с тобой только потому, что испытывал жалость к твоим чувствам и твоему женскому эгоизму.

Мимис помолчал, потом взял сигарету и затянулся. Когда-то он курил много, а сейчас это был просто каприз. Он отказался от курения легко, потому что оно вредило его здоровью.

- Мы ведь с тобой комплект, так сказать. Двое отвергнутых. Меня жизнь отторгает, тебя муж бросил. И почему тебе так не везет с мужчинами? Ладно, Адам, я его плохо знал, это темная история, ты многое от меня скрыла и я не хочу в ней копаться. Но твои отношения с Джорджем развивались у меня на глазах. Ты была красавицей. Сколько тебе было, когда вы познакомились? Лет тридцать? Почему он не бросил свою жену ради тебя? Чего в тебе не хватало? Я тебе отвечу, все в тебе было, кроме денег. Таких, как Джордж, покупать надо, а не любить. Дура ты, дура! А Адам твой где? Тоже, небось, на твое положение в обществе позарился. Хорошо стояла, вот он, с твоей помощью, надеялся вылезти, только ума не хватило. Ты все мужа искала. Не с теми искала. Но, слава Богу, наконец, нашла. Когда с тобой беда

весной приключилась, кто тебя подобрал? Старый Мимис, насильник, вор и негодяй! Одним словом, отвратительная личность. А если б не я, что б с тобой было? В тюрьме бы сидела за преступления своего Адама? Я предложил тебе спрятаться под своей крышей и ты приняла мое приглашение, так чего теперь кочевряжишься? Не волнуйся, я тебя не выгоню, но перед смертью, голубушка, я хочу, чтобы мечты мои сбылись, хочу вкусить от запретного плода. Почему нет? Кто заслуживает этого больше, чем я? Так что уж постарайся быть ласковой со мной.

Лизе сделалось неприятно, она снова почувствовала угрозу. Значит, этот разговор не просто так, не только, чтобы скоротать тягучее послеобеденное время, значит, он имеет смысл и, скорей всего, будет иметь последствия. Все еще не желая воспринимать этот разговор серьезно, Лиза сказала:

- Мне тоже многого хочется. Иметь хороший дом, например, со старым садом. Яхту. Но у меня этого нет и я понимаю, что не могу это иметь. Разве я беснуюсь по этому поводу каждый день?

- Господи, о чем ты говоришь? – расхохотался Мимис. – Такие дорогие вещи! Дом, яхта... Твои мечты несбыточны, дорогая!

- Видишь ли, мужчины, бывало, дарили своим любимым «дорогие вещи», как ты их называешь. История знает такие примеры.

- Дураки были, - с чувством собственного превосходства подытожил Мимис, - женщины гораздо дешевле и гораздо более доступны.

- Знаю, Мими. Я еще помню, как ты по ночам ложки серебряные считал. Они, небось, подороже любой женщины будут для тебя, а?

- Попридержи язык, я на тебя в этот раз прилично потратился, - Мимис бросил окурочек в пепельницу и промахнулся. Он упал на ковер, запахло жженой шерстью. Лиза встала, подобрала окурочек и положила его в пепельницу. Пересев к нему на диван, она напомнила ему про его воровство.

- Да, расставшись с малой частью того, что ты украл у меня, ты помог мне решить мои проблемы. Но Мими, Мими, - Лизе вдруг расхотелось продолжать разговор, который возвращался на свой второй, знакомый круг, - можно все изменить! – Она вскочила с дивана, подошла к нему, присела рядом с ним на корточки и заглянула ему в глаза. – Оставь все! Что тебе терять? Ведь нечего. Да? Нечего! Купи яхту на свои деньги, продай или отдай все эти безделушки, что пылятся у тебя тут на полках, и давай отправимся в путешествие! Найми медсестру, купи себе аппарат для переливания крови, я знаю, у тебя денег на это хватит, и давай, поедем! Зачем тебе умирать здесь, в четырех стенах? Перед смертью полюбуешься миром, твой ум и душа будут полны впечатлений, ты узнаешь, увидишь других людей, незнакомые города. А? Ну, давай, давай, решайся!

Мимис молчал.

- Я не знала тебя молодым, бравым летчиком. Помоги мне полюбить тебя! Хотя бы перед смертью решишь, сделай поступок!

- Ты что, задумала, разорить меня?

- Да нет же, нет! Жизнь твою изменить. Разве ты не хочешь?

- Представь, не хочу! Я хочу заниматься с тобой любовью в этих четырех стенах, на своей кровати в спальне. Тут все знакомо, а, значит, безопасно для меня. И потом, на яхте ты мне сразу же начнешь изменять с капитаном.

Лиза покраснела. Ей стало стыдно. Зачем она попыталась даже? Точно так же она попыталась изменить жизнь Джорджа, предложив ему расстаться с привычным окружением, раз и навсегда вырваться из его застоявшейся жизни, полной лжи. Они

оба ей отказали, не решившись ради нее на поступок. Им так удобнее, привычнее двигаться в знакомых, хоть и слегка прибитых временем, декорациях. Зачем она им нужна? Чтобы внести оживление в уже сыгранную пьесу, обрадовавшись иллюзии, что будет продолжение и занавес можно еще не опускать?

- Что ты можешь?! – выкрикнула Лиза. – Ну, хорошо, пойдём в твою спальню, я начну целовать тебя, приговаривая: «Давай, люби меня, люби, сильнее, жарче, ну же!» Что ты станешь делать? Задохнешься? У тебя разорвется сердце? У нас с тобой равные права, и в постели тоже. Я тоже хочу получать удовольствие, но меня ничто, понимаешь, ничто не возбуждает в тебе!

Мимис, тем временем, закатал рукава, выпростал свои короткие ручки, поднял их кверху и согнул в локтях, как это делают силачи, демонстрируя свои накаченные бицепсы.

- Посмотри, Элиза, я ведь еще о-го-го!

Против воли она рассмеялась. Этот разговор был такой неожиданной передышкой в их спеленатом идиотизмом существовании, что ей захотелось предпринять еще одну попытку.

- Почему бы тебе не начать читать? Много, запоем! Тебе откроется нечто новое, то, что ты не знал раньше, может быть, приоткроется какая-то тайна, ты проникнешь в глубины знания или разделишь с кем-нибудь одинаковые мысли, найдя единомышленников, и умирать станет не так страшно.

- Умирать всегда страшно. И какая разница, умирать со знанием или без него? Конец все равно один. Тем, кто книжки писал, специальную индульгенцию выдали? Они что, живы остались? А читатели, приобщенные к знаниям, где они? Там же, в сырой земле гниют.

- Но почему некоторые старые люди полны мудрости и покоя? Не потому ли, что знают больше, чем мы?

- Они просто тихие, потому что слабые. В их поведении нет никакой тайны, кроме угасания.

- Не правда, не все угасают вслепую. Смерть - это своего рода приключение. Ты оставляешь на земле старое, дряхлое, больное тело и освобождаешь душу, отдавая ее в руки Бога. Я думаю, что ни рая, ни ада нет, конечно. Если проживешь свою жизнь достойно, Господь пожалеет тебя, вдохнув твою душу в младенца, которого не будут терзать беды с самого рождения. Если нет - то тебе в новой жизни будут уготованы страдания. Рай и ад - тут, на Земле и от нас самих зависит, как мы проживем свои будущие жизни. Мы сами выбираем свою дальнейшую судьбу. Каждый раз, достойно проживая свою земную жизнь, ты будешь подниматься на ступеньку выше. Ты не будешь помнить своих жизней, но учет им ведется. Когда ты сдашь все экзамены, тебя отпустят туда, откуда всех нас привезли - на нашу родную планету.

- Откуда ты все это знаешь? – безразлично спросил Мимис.

- Я не знаю наверняка. Так просто, читаю и думаю или, лучше сказать, выдумываю. Вот сказала тебе, раз уж мы разговариваем.

- Так ты что же, поэтому святошу из себя корчишь? Не выйдет, не пройдет номер! Забыла то утро на Эгине, когда сама ко мне пришла? Чего теперь артачишься?

- Человек мерзкое и злое существо, - продолжала Лиза, не обращая внимания на его слова, - и с каждым поколением становится все мерзостней и злее. Знаешь, почему? Потому что не оставляет выбора Богу. Каждый раз, изуродованная предыдущим хозяином, душа помещается в наказание во все более скверное тело,

рожденное, чтобы прийти во все более скверный мир. Мы не бережем свои души и убиваем планету, которая когда-то нас приютила. Войны не утихают, болезни множатся, еда становится непригодной, вода грязной. Мы убиваем животных, детей и друг друга. Вот, что такое человек, Мими!

- Убивать животных еще не самый страшный грех.

- Да нет, страшный! – выкрикнула Лиза. – Мы постоянно бравлируем тем, что можем убивать. Убивать всех: себе подобных, своих детей, зверей, птиц, все живое. Кто-то сказал, что человечество ненавидит запах человека, но мы не только себя ненавидим, а всех и вся! Мы истребляем, Мими, истребляем, только потому, что выдумали порох и деньги! Мы не поленились и специально вывели животных для организованного и систематического истребления, чтобы насытить наши желудки. Но все эти стада, прежде чем накормить нас, успевают загадить нашу землю. Мы пожираем свой дом изнутри, потакая своим, все более извращенным прихотям. Разучившись сострадать, мы никогда не задумываемся о том, что живые существа, те, что, соседствуя с нами, сумели сохранить себя, беспомощней, но гораздо лучше нас. Их единственное несчастье состоит в том, что они живут на одной планете с плотоядным, агрессивным и злобным человечеством. Мы не убивать их должны, а учиться у них. Больная собака, предчувствуя свою смерть, идет в дальний конец сада и умирает в одиночестве, с достоинством. А ты? Ты думаешь не о том, как отдать, не надо отдавать, коли не хочешь, но хоть уйди с достоинством, но нет, ты, старое чудовище, все думаешь, что бы напоследок урвать для себя, да у кого урвать. Все удовольствий да блаженства требуешь! С желаниями своими носишься, как дурень со ступою. Не знаешь, куда усадить себя, чем себя побаловать, как себе угодить напоследок. Все секса от меня требуешь, а зачем, Мими? Ты же видишь, что я не хочу ложиться с тобой в постель, зачем принуждать меня? Или это тебе тоже в удовольствие? Так кто лучше, я тебя спрашиваю, звери или мы, люди?!

- Небось, хочешь, чтобы я сдох где-нибудь, как собака, подальше от твоих прекрасных глаз? Бестия же ты! А я вот о себе думаю, да о своих желаниях. И со стола самый лучший кусок беру, и тебя хочу. Потому и жив еще, что со своими желаниями не расстаюсь. А кем я там буду, в той, следующей жизни, мне наплевать! И не говори мне, что я уже мертв и не имею права испытывать желания! Во мне еще есть чувства, я чувствителен к плотским радостям, которых ты специально лишаешь меня! Что ты за жена, черт бы тебя побрал!

- Я заботливая жена, которая хочет, чтобы ты прожил как можно дольше. – Лиза посмотрела на свои руки, которые за месяцы тяжелой физической работы превратились в грубые, натруженные руки уборщицы и подумала о том, что ее собственная жизнь исчезла в определенный момент и стала его жизнью.

- Ничего подобного! Ты убиваешь меня! Вся твоя забота, готовка, стирка и все остальное ничего не значат, если ты не даешь мне себя и того, чего мне больше всего хочется!

Мимис уже кричал, порываясь вскочить с дивана, но вскочить быстро и эффектно не получалось, и он злился еще больше. Лиза вспомнила, как, однажды, спросила Джорджа, кого он любил все три года, когда они были в разлуке. «Себя», - весело и просто ответил Джордж. Бедный Иисус! Неужто из нас, смертных, никто и никогда не последует его примеру? Да и зачем это? Любить ведь некого. Как и за что можно возлюбить ближнего, если этот ближний любит только самого себя, свои капризы, грехи и похоти?

- Знаешь, что сказал герой одного из старых фильмов? – Лиза встала и подложила дров в почти угасший огонь в камине. - «Когда мужчина любит женщину вдвое моложе себя, в его любви должны присутствовать три качества: щедрость, нежность и еще раз щедрость». Вот так Мими! А ты только себя любишь!

- Чего же тебе от меня надо? Я тебе постоянно говорю о том, чего хочу от тебя – секса, чего же ты хочешь? Шубу, украшения? Что?

- Чтобы ты оставил меня в покое. Ты потерял меня, потерял давно и навсегда.

- Ты подлая лгунья! Что ты обещала в своих письмах, когда твой Адам удрал? Говори, я хочу это слышать от тебя!

- Ты лгал, я лгала. Два сапога пара. – Лизе стало грустно. Их очередное препирательство было для нее нестерпимо. Нужна была последняя ссора, ситуация, доведенная до абсурда, которая сумела бы разрешиться сама, просто и без посторонней помощи.

- Я всегда говорил, что ты заплатишь за все и заплатишь в этой жизни. Не найдешь ты счастья с твоим характером. Не хочешь уважить меня, старика? Так будь ты проклята!

Он встал, наконец, с дивана и, возвышаясь над утонувшей в низком кресле Лизой, долго смотрел на нее со злобой и ненавистью. Она подняла голову и взглянула на него. Над ней нависал уже не человек, а злой дух, преследовавший ее все последнее десятилетие. Сколько раз он проклинал ее, сколько раз желал ей гибели, терпеливо выжидая, как стервятник на ветке, когда можно будет приблизиться к издыхающей жертве и, прыгнув на нее, вонзить клюв и когти в ее плоть. Сейчас ситуация была иной – жертва явно отказывалась издыхать. Лиза не испытывала страха перед ним, но проклятия его ей были ни к чему.

- Иди и жди меня, я скоро приду, - тихо и как-то по-будничному сказала она.

«Я знаю, что это дорога смерти, но у меня нет сил с нее сойти», - кто-то сказал однажды.

Мимис шаркающей походкой отправился в свою спальню. Он мог бы удивиться или не поверить ей, мог бы сказать: «Не сейчас, какнибудь потом», но он промолчал. Он праздновал свою победу, такую долгожданную и желанную.

Начало смеркаться, их разговор продолжался довольно долго. Ранние весенние сумерки наполнили комнату серо-голубой дымкой. В камине, раскаленным, оранжевым жаром мерцали угли. Лиза смотрела вглубь серо-голубой комнаты, совершенно обессиленная, обескровленная после разговора с Мимисом. Ей не хотелось двигаться, вставать с кресла, где чувствовалось тепло от камина, идти в свою комнату, а потом туда, к Мимису. Зачем? Зачем она пойдет к нему? Ведь добром не кончится. Но воля ее была неподвластна ей, она подчинялась обстоятельствам, чужим желаниям, судьбе. Ей было неприятно превращаться в орудие, но противиться она больше не могла. Что-то должно было совершиться и, только после этого, жизнь сможет продолжиться и развиваться дальше, а без этого застрянет, заартачится, вздыбится и убьет.

Она пошевелилась и встала. В ее мозгу не было никакого плана - все было пусто, свободно, отпущено на волю неведомого режиссера. Пространство вокруг нее было прохладным и невесомым, ее сознание было до странности ясным. Войдя в свою комнату, она прикрыла за собой дверь. Дотронувшись до деревянной поверхности одного из ящиков в одежном шкафу, она выдвинула его. В нем лежало

ее белье – шелковые безделицы, как любил говорить Мимис, напоминавшие о хорошей жизни. Когда-то она покупала их, чтобы побаловать себя и порадовать Джорджа, знавшего толк в таких вещах. Он часто, откровенно, с неподдельным восторгом, любовался ее телом, изящно прикрытым дорогим бельем. Он получал удовольствие от того, что она становилась еще красивее, чувственнее, игривее и отвечал ей тем же, будучи всегда сам изыскан и изобретателен. Во время короткого брака с Адамом, Лиза перестала покупать себе белье. Адам отбил у нее охоту интересоваться такими вещами, потому что, каким-то образом, его не влекло ее тело, его не возбуждали кружева и шелк, он избегал близости с ней, постоянно жалуясь на свою усталость и промозглый киевский холод.

Лиза начала раздеваться. Она избегала смотреть на себя в зеркало. Не имея возможности увидеть отражение своего обнаженного тела, она ощутила его изнутри – еще больше похудевшее, никем не обласканное, осиротевшее. «У меня тело сироты. Зачем мне все эти кружева?» Задвинув ящик, она повернулась, протянула руку и взяла с кровати мужскую пижаму, которую сняла утром. Сшита она была из плотного, темно-синего льна с еле заметной белой полоской по синему полю. На одном из карманов выделялась вышивка, сделанная шелком. Этот вышитый шелком вензель был единственной деталью, что отличала пижаму от лагерной спецодежды. Лиза мерзла. Сейчас она пойдет в его комнату и ляжет к нему в постель. Зачем? Чтобы ублажить его, подарить, наконец, немного радости или чтобы напугать его, потому что смертельно устала от него самого, от его запаха и брани? Точно так же, как молодой матери надоедает бесконечное и беспричинное хныканье ее ребенка и она выполняет любой его каприз, лишь бы замолчал.

Или ею движет, не утихшее за все эти годы, желание мести? Ведь было же, было – сколько лет тому назад? Восемь, девять? Та сцена, когда он повалил ее на кровать в Пирейской квартире и Игнат увидел это. Ей так и не удалось забыть глаза Игната – вопрошающие, стыдливые, незащищенные, потом не по-детски злые, с яростью, вырывающейся откуда-то из глубины зрачков. И свой, увиденный со стороны, затравленный взгляд, нелепую попытку улыбнуться, желание скрыть свой гнев и ту бездну ненависти и отвращения, которая разверзлась у нее в душе.

Она пойдет к нему, но такая, как есть, не накрашенная, не причесанная, в мужской пижаме, одетой на голое тело. Ее отросшие, рыжие, посеребренные пряди тяжело ниспадают ей на плечи, а истончившееся бледное лицо с темными кругами под серыми огромными глазами, полно решимости – она готова сделать то, чего он так долго от нее добивался.

Их спальни разделяет небольшой коридор, всего несколько шагов, она пересекает его и вот, она в его комнате. Мимис послушно лежит под красными простынями с фигурками Микки Мауса и Дональда Дака из Диснеевских мультфильмов. Увидев ее такой, не одетой специально, не игривой, не желающей следовать правилам, принятых в подобных случаях, он оробел.

- Элиза, пожалуйста, уходи. Иди к себе в комнату. Ты знаешь, когда я надоедаю тебе своими просьбами, это только слова, ничего больше. Иди, не надо.

- Подожди, ты увидишь представление, тебе понравится.

Лиза отходит к подножью его кровати и останавливается там, долго и молча рассматривая его. Прощается с ним? Вычеркивает одного из обитателей Десятилетия Обмана из списка, выталкивая его с карусели жизни? Что для этого надо? Спектакль.

Она начинает двигаться. Ее движения кажутся резкими, можно подумать, что спрятавшийся где-то мастер, дергает за невидимые нити и Лиза, как марионетка, повинуется, но, не найдя еще нужного ритма, путается поначалу. Неловкие руки дотрагиваются до плотной ткани пижамы, в начатом с таким трудом танце нет и намек на чувственность. Темно-синий цвет пижамы, длинные, неопрятные пряди волос, бледное лицо, темно-лиловые круги под глазами, простая обстановка плохо освещенной комнаты, где единственным ярким пятном кричат и смеются простыни с Микки Маусом – все это напоминает сцену из абсурдного, сводящего с ума, трагикомического спектакля, в котором актрису, играющую жертву, принуждают испытать противоестественные чувства к своему палачу – вместо страха нужно сыграть вождение и истому, влечение и негу. Задача усложняется тем, что умрет не жертва, а палач, и предчувствие этого непредвиденного финала, как невероятная догадка, начинает просачиваться в сознание обоих. Эта догадка возбуждает жертву, но настораживает и пугает палача.

Паника холодной змейкой вползает в сознание Мимиса. Его пальцы под ярко-красными простынями заерзали, свернувшись в кулаки. Его дыхание учащается, его внутренний взор видит опасность, как снежный обвал, несущуюся с гор. Он не имел в виду ничего подобного, но что, тогда, он имел в виду? Он уже не может припомнить, он забыл. Он злил Лизу, добивался ее, оскорблял ее, дразнил ее, причинял ей боль, она долго терпела и вот, она пришла, она здесь. Совсем не так он ожидал ее увидеть... Перед его взором возникает осенняя роща, небольшая речушка, несущая свои воды сквозь серые каменные глыбы, полуобнаженные деревья, земля, покрытая ковром из мха и желтых листьев и лань, глядящаяся в воду реки. Она любит себя, она невинна и красива, она не думает об опасности, но предчувствуя радость, возбуждена. Ее бархатная кожа подрагивает, она поднимает точеную голову, прядет ушами. К ней, возбужденно фыркая, идет самец, ее пара, предназначенная ей природой. Он выследил, выбрал, завоевал ее. Его большие карие глаза горят страстью... Мимис вспоминает, что, однажды, написал ей об этом в письме. Ему кажется, что он любил Лизу всю жизнь, но сейчас, она не похожа на прекрасную лань, а, скорее, на львицу, что загоняет свою жертву. Еще мгновение, и она прыгнет. Он всегда угадывал в ней эту необузданность, ярость и всегда боялся ее. Вот и сейчас, он пришел в свою спальню, лег под простыни, думая, что победил ее несговорчивость, покорил ее строптивость, и, наконец, выпросил у нее немного жалости и доброты к себе. Думал, что задремлет ненадолго, завтра проснется, ни свет, ни заря, как всегда, раздраженный на бессонницу, и начнет свой новый день. Почему этот новый день кажется ему несбыточным, а смерть чудится совсем рядом?

Теперь Лиза двигается ритмичнее, знание зреет в ней быстро, она уже предвидит конец, но ничего не может сделать, не может предотвратить его. Похоть-преследование-вина-благодарность-насилие-вина-преследование-благодарность – эта бесконечность рвется и исчезает у нее на глазах. Ей хочется быть честной по отношению к нему, выкрикнуть, предупредить его о том, что сейчас произойдет. Жалость разрывает ей сердце, жалость к нему, к себе, ко всем женщинам, которым приходится склоняться, принимая условия мужской игры, которые скитаются по городам и весям, продавая себя, убивая себя, не будучи нужны своей стране и своим мужчинам.

Она срывает с себя рубаху от пижамы, обнажая свое белое одинокое тело и, вдруг, красота ее тела, соединенная с упорным нежеланием его открыть, делают ее

танец очень эротичным, наполненным сильными, неподдельными чувствами, страстью, порождаемой насилием.

Мимис понимает, что она противится тому, что делает, она все это выдумала, потому что он заставил ее. Она покорилась ему. Он сломил ее гордость, поднялся, восторжествовал над ней, посмеялся над прошлым, над тем, как она стояла перед ним в Пирейской квартире, а он лежал на кровати, униженный ее красотой, ее холодностью, ее величием. Тогда он чувствовал себя как раб, почти как не человек, над которым решила посмеяться сама царица и вот, пришло время и эта царица, недоступная и гордая, выламывается перед ним, обнажая себя для него. Сознание собственного превосходства пересиливает страх и возбуждает его. Он начинает двигать руками в такт несуществующей мелодии, потом его тело начинает содрогаться, он приподнимается и жестаи приглашает Лизу приблизиться. Он хочет дотронуться до нее, ощутить ее матовую прохладную кожу под своими узловатыми, нечувствительными пальцами.

Словно не понимая значения его жестов, она не двигается с места. Она полностью поглощена своей пантомимой, пробудившей в недрах ее существа давно утихшие воспоминания. Прикасаясь и поглаживая себя, она приходит в волнение, первые ощущения приятной неги не тревожат ее, она не противится им, а, напротив, готова поделиться ими со своим палачом. Пропадает стыд, скованность, упорное нежелание доставить Мимису удовольствие. Рушится стена вокруг нее, рвутся невидимые путы, так долго удерживавшие ее тело в коконе целомудренного поведения, исчезает, растворяется в весеннем, прозрачном воздухе скованность. Ее тело обретает себя, начинает жить своей собственной жизнью и творить свой собственный танец, подчиняясь ритму любви. Она отторгла от себя прошлое и вместе с ним все обиды, она навряд ли даже помнит, кто перед нею, она танцует для себя, она вновь обретает себя, и, обрадовавшись этому, любит себя.

Мимис также одержим ее танцем, но, гораздо больше, он одержим своим желанием. Чудовище безумия поглотило его мозг, глаза его остекленели, его челюсть безвольно отвисла, открыв красную массу распустившегося языка. По его подбородку течет слюна, его сознание вытолкнулось из него, его место заняла гадина, монстр, нечто, что олицетворяет похоть и вождление. В таком исступленном состоянии он превращается в убийцу, только, на этот раз, он убивает себя. Он машет руками, тщетно пытаясь поймать Лизу и затащить ее в постель. Он делает последнее, резкое движение и валится на кровать. Лежа на спине, он понимает, что не может пошевелиться. Сквозь его онемевшие губы не может прорваться ни один звук. Завеса безумия медленно исчезает, его взор на мгновение проясняется и снова полнится жизнью. Страх начисто стирает, выполаскивает из него одержимость и похоть. Его душа больше не принадлежит ему, она уже зашевелилась и борется, очищаясь, как может, от необузданных и навязчивых желаний мерзкого старца, в котором жила. Совсем скоро она будет готова выпорхнуть из его детских глаз.

Лиза замирает, ощущая некое потустороннее движение в совершенно неподвижном пространстве. В комнате полумрак, она не видит глаз Мимиса, но понимает, что все кончено. Она надевает рубаху, подходит к его кровати и накрывает его сбившимися простынями с убегающим Микки Маусом. Она звонит в госпиталь и сообщает, что состояние их пациента внезапно ухудшилось. Вернувшись в его комнату, она наклоняется к нему и целует его. В его глазах она читает беспомощность и ненависть. Ненависть к ней. В ответ она улыбается ему.

Иногда сложное совершается очень просто. Елизавета Галич освободилась от многолетнего угнетения. Не получилось умертвить себя изнутри, не получилось, как у других, с каменным лицом и мертвой душой, не получилось подменить собственное достоинство тихим и стоическим ожиданием своего конца. Он тоже освободился. Навечно освободился от наваждения, от своей похотливой страсти, от одержимости ею. От своей ненависти к ней, к ее гордому нраву, к ее силе и превосходству, даже тогда, когда он, в очередной раз, подбирал ее с обочины, покалеченную судьбой и без гроша в кармане.

В эту ночь Мимис скончался в госпитале один. Лиза не поехала, его сыновья, хоть и были извещены, тоже отсутствовали. Люди должны умирать в одиночестве... Кто это сказал? Не в буквальном смысле, не в одиночестве физическом, вокруг, наверное, должны быть люди. Умиравший человек одинок в том смысле, что никто уже не может ему помочь. Он должен пересечь мост в неведомое один, на свой страх и риск. Никому не дано его сопроводить, а потом вернуться. Никто не может справиться со смертью или пересилить ее, ни любовь, ни радость, ни весна, ни сама жизнь. Смерть всегда госпожа, а жизнь – всего лишь прекрасная служанка. С самого начала жизнь находится у смерти в заложницах и, в конце, всегда погибает. Смерть нельзя умиловить, упросить, подкупить или обмануть, ей нельзя не покориться, ее нельзя оставить незамеченной, если она появилась у тебя на пороге. Она неумолима и всегда знает свой час.

Лиза убила Мимиса, став орудием провидения, поэтому она не почувствовала ни вины, ни греха, ни раскаяния. Она уступила, дав ему то, чего он добивался от нее на протяжении целого десятилетия, станцевав перед ним танец любви. Любви к себе, не к нему.

Глава 59.

Еще не финал...

Март 2000-го года выдался необычно жарким и сухим. Наконец, утомительная череда не по-весеннему душных и каких-то липких дней была прервана грозой. Город, омытый прохладным ливнем, принесшим облегчение, был пронизан необыкновенным светом.

Лиза вернулась домой с похорон. Квартира, не принадлежавшая ни ей, ни ее покойному мужу, была просторной и сияла чистотой. Через толстое стекло раздвижной двери, внутрь гостиной струился серебристый свет и все предметы в комнате виделись в дымке, казались нереальными и далекими, как в старом, черно-белом кино.

- Он больше никогда сюда не вернется, - чтобы немного приободрить себя, Лизе пришлось произнести эту фразу вслух.

Внезапно ей стало одиноко без его ежедневного, ежеминутного оскорбительного присутствия. Она осмотрелась. Мимис, ее покойный муж, жил в этой квартире несколько последних лет, но в большой комнате с камином, где сейчас стояла Лиза, ничего не напоминало о его недавнем присутствии. В спальне, в длинных встроенных шкафах, висела его одежда – пиджаки от Армани и Версаче –

прекрасная, дорогая одежда, всегда так уродливо выглядевшая на его коротком, нелепом теле. В целлофановых мешках была сложена его летняя форма – единственное напоминание о том, что восемнадцать лет его жизни были потрачены не зря. В ванной, примыкающей к его спальне, на белом столике лежала захватанная электробритва с остатками его седой щетины, в стаканчике торчала пожелтевшая зубная щетка, а в воздухе стоял приторно-сладкий запах его одеколонов.

К книгам, расставленным по полкам в кабинете, никогда не прикасались его пальцы, а на старинном, резном письменном столе не было ни бумаг, ни записей, сделанных его рукой. Зато ящики были полны счетами и квитанциями. Эти бумажки с цифрами приносили Димитрису Загкосу радость, делая его ненадолго по-настоящему счастливым. Он ждал, считая дни, когда белые продолговатые конверты с окошечками для адреса, появятся в его почтовом ящике. Он приносил их домой, аккуратно разрезал специальным ножом, вынимал из них счета, раскладывал их перед собой на столе и долго всматривался в цифры. После молчаливого созерцания он начинал скандалить, обвиняя Лизу в том, что она расходует слишком много электричества, тепла и воды. Визжа и брызгая слюной, он не останавливался до тех пор, пока не видел слез в ее глазах, и только тогда, испытав оргазм от причиненного ей унижения, он постепенно затихал, бормоча, что деньги у него есть и дело совсем не в них, а в том, чтобы Лиза была более экономна и в следующем месяце потребляла меньше, а, лучше всего, вообще ничего не потребляла, не дышала и не жила вовсе, существуя аморфно. Поумнев, Лиза отказывалась пускать слезу и Мимис, будучи не в состоянии достичь своего обычного удовлетворения, орал до оголтения, пока не начинал синеть и задыхаться, провоцируя очередной приступ и приближая свой неизбежный конец.

Было бы хорошо, думала Лиза, если он занялся чтением или, на худой конец, попробовал бы вести дневник, или диктовал бы ей, она бы записывала. Он мог бы вспомнить свою молодость, поведав своим внукам о том, как стал военным летчиком. Но вспоминать Мимис не хотел, ни за что не желая выпустить свой ум из клетки созданного им же идиотизма. После инсульта, случившегося больше года назад, он испугался и решил, что любая интеллектуальная деятельность, как то чтение, размышление, анализ и понимание его теперешней жизни, опасна и, следовательно, является для него табу.

Каждое утро, отряхнувшись после нескольких часов сна и облачившись в теплые домашние тряпки, он садился за стол и развлекал себя вчерашней газетой, которую не читал, а перелистывал. Затем он настраивал телевизор на канал с биржевыми ведомостями и, сквозь снегопад помех, пытался увидеть котировки биржевых акций. Около часу дня он одевался, спускался вниз, вырубив свой темно-зеленый «Мерседес» и ехал по выученной дороге в госпиталь для военнослужащих. Если не нужно было ехать в госпиталь, Мимис отправлялся через дорогу в кафе, где присоединялся к завсегдаям - группе отставных полковников и генералов. Вальяжно развалившись на стульях, между приступами дремы, они обсуждали ситуацию на Ближнем Востоке и проходящих мимо молоденьких женщин. Несмотря на свой чин отставного генерала, в компании себе подобных, Мимис вел себя принижено, подобострастно подбирая мертвые концы чужих фраз, всегда соглашаясь с мнением других и, в конце концов, покупая уважение тем, что платил за кофе, выпивку и закуски. Тем не менее, он неизменно тянулся туда, потому что так было принято. Так делали все те, кому нечем было заняться, кто уже

давно потерял цель своей жизни и доживал свой век глупо и бесполезно. А ведь Димитрису Загкосу было немногим более шестидесяти.

Лиза достала счета из ящика и начала их перебирать. Сегодня вечером она сожжет их в камине. От них не останется почти ничего, только кучка пепла на дне камина и облачко смрада в афинском весеннем небе.

На самом деле, Мимис умер задолго до своей смерти, случившейся позавчера. Он умер сразу же, как только родился. У него не было ни амбиций, ни ума, ни упрямства, поэтому добиться почета и уважения в военно-воздушных силах Греции ему было не суждено. Дослужившись до чина полковника, он несколько месяцев, за неимением нужной кандидатуры, сидел в генеральском кресле, откуда и был отправлен в отставку в неполных сорок лет. С тех пор, величая себя генералом в отставке, он клялся и божился, что, на самом деле, был одним из тех небезызвестных «черных полковников», что в шестьдесят седьмом устроили переворот, взяв власть в свои руки. Мимиса турнули в связи с реорганизацией армии, такие, как он, были там не нужны, однако государство щедро позаботилось о нем, обеспечив его сытной пенсией и разнообразными льготами. Какое-то время он восседал в директорском кресле частной английской школы, которую унаследовал после смерти жены, но и этот вид деятельности ему скоро наскучил.

Решив оставаться генералом в отставке, Мимис стал играть на бирже. Пока его брокер приумножал вверенные ему деньги, сам Мимис вернулся к деревенским понятиям и привычкам. Просыпаться надо было чуть свет, не зажигать больше одной тусклой лампочки и согревать себя дополнительными одеялами вместо того, чтобы включить отопление. Покинув деревню и став в раннем отрочестве городским жителем, он уже забыл, что крестьянин экономит, потому что согревает себя в течение дня физическим трудом, подставляя свою спину греческому солнцу, теплоте и ласковому даже зимой. Бездейтельно прозябая в своей городской квартире, Мимис постоянно раздражался на неудобства деревенской экономии в условиях большого города. В результате этого постоянного раздражения, он развил в своей внутренней пустоте некое подобие характера – скандального и мелочного. С маниакальной педантичностью, достойной конторского служащего былых времен, Мимис записывал показания электрического счетчика, спускался в подвал и регистрировал показания на отопительном котле, засекал, сколько минут он разговаривал по телефону и потом сравнивал свои данные с цифрами на счетах. С непосредственной радостью ребенка, которому можно больше не умыться, он отказался принимать душ, потому что нагрев воды стоил денег. Теплые, расслабляющие ванны представлялись ему роскошью и поэтому были преданы анафеме.

Говорят, что мужчина стареет в своей величии, обретая в преклонном возрасте мудрость, а, вместе с ней – власть и силу. Мимис старел в своем ничтожестве. Если к нему приглядеться повнимательнее, можно было найти много общего с Крошкой Цахесом, который возомнил себя Циннобером.

К сожалению, сам он этого не понимал и раздувался от собственной важности. Жена умерла, дети плевали на него, друзья его покойной жены его не жаловали, а своих братьев он боялся. Но собственная значимость требовала выхода и он взялся орать на простой люд, который обслуживал его ежедневные потребности. Он орал на своих домработниц, вмешиваясь в их работу и давая им дурацкие указания, на почтальона, аптекаря, бакалейщика и на людей в очереди.

Бойтесь умов пустых и безжалостных! Не освященные мудростью, добротой и состраданием, такие умы, стыдливо умалчивая о своих корнях, полнятся снобизмом, а, дорвавшись до высокого положения, властвуют, визжа и унижая, оргазмируя от получаемого ими удовольствия, на головы тех, кто, волею судеб, оказался внизу и безмолствует...

Если бы она могла хоть чуточку его уважать! Ее неподчинение его требованиям, ее гордость и развитое до болезненности чувство собственного достоинства, сделали их узаконенную совместную жизнь бурной и кратковременной, а смерть Мимиса – довольно предсказуемым ее результатом.

Лиза стала задыхаться – образ умирающего Мимима, такой навязчивый, такой ненавистный, такой сводящий с ума своими деталями, заставил ее сдвинуться с места. Быстрыми шагами, она пошла в кабинет, где на стене за письменным столом, висел натюрморт. Букет ромашек и васильков пах знойным летом. Несколько лет назад она привезла ему эту картину в подарок. Закрыв глаза, Лиза, как это делают слепые, кончиками пальцев стала ощупывать шероховатости засохшей краски, глубоко дыша и постепенно успокаиваясь. Она погрузилась в ароматы скошенных трав, спелых яблок и сладко пахнущей земляники. Все это оживало каждое лето в ее стране с ранними осенними сумерками и долгими зимами. Ее ненависть прошла, растворилась, а с ней прошло и удушье. Однако сразу же душа ее содрогнулась от других воспоминаний. Совсем недавно, там, на земле, где она родилась, ее заставили пережить боль и позор, а, главное, ее унизили страхом, угрожая ее свободе и жизни. Нет, она не скучала по родине. Ей всегда хотелось жить в более теплом климате, с уже устоявшейся демократией и незыблемыми, одинаковыми для всех, законами. Хотя нет, она тосковала по той земле, где родилась сама, где родила сына, где оставила мать и бабушку, где венчалась в церкви с человеком, который бесследно исчез и которого она сейчас пыталась разыскать... Она тосковала по своему дому, который был давным-давно потерян и до сих пор не найден.

Потрясенная событиями последних двух дней, готовая капитулировать перед неожиданным одиночеством и страхом, зная, что совершила и, боясь, что призрак Мимиса явится к ней ночью, Лиза расплакалась.

- Больше виски, чем льда, - повторила она где-то слышанную или вычитанную фразу. Ей представилось, что она актриса и играет женщину, которая только что похоронила своего мужа и теперь, то ли от радости, то ли с горя, пьет виски. Эта игра, эта отстраненность, поможет ей пережить сегодняшнюю ночь.

Обхватив стакан длинными дрожащими пальцами, Лиза пошла на кухню за льдом. Дотронувшись до холодильника, она помедлила и обернулась. Кухня была ее убежищем. Здесь она готовила простую вкусную еду, а по вечерам запиралась с бокалом вина и своими картинами. Она предпочитала терпкие красные вина, дурманявшие ее мозг, делая его невосприимчивым к тоске и безысходности. Ей нравилось пить вино из бокалов на высоких тонких ножках, но, зная, что Мимис время от времени пересчитывает их, она, как на зло, била их и, скучая без их благородства и грации, снова покупала такие же и снова била их. Не имея возможности делить любовь или просто дружбу с кем бы то ни было на постоянной основе (Игнат был далеко, а обеды с Джорджем случались редко и не приносили былой радости), Лиза завела привычку влюбляться в вещи. Она нежно любила свою голубую португальскую чашку и здоровалась с ней каждое утро перед тем, как наполнить ее горячим ароматным кофе. Растение в Лизиной спальне стало ее доверенным лицом: под его горшок она прятала украденные у Мимиса деньги. Да,

она очень нежно относилась даже к стакану для виски, который держала сейчас... Лиза содрогнулась. Господи, она была почти сумасшедшей, а кухня была ее палатой, где она закрывалась, чтобы в одиночку противостоять приступам отчаяния и безумства.

Она заворожено смотрела как, погруженный в янтарную жидкость, потрескивает лед. Быстрее, пожалуйста, быстрее, сделать первый большой глоток, чтобы он обжег горло, чтобы скорчился желудок, чтобы растворилась гулкая пустота внутри. После нескольких глотков, выпитых залпом, она согрелась, судорога, сковавшая страхом мышцы ее лица и тела, исчезла, и пальцы перестали дрожать. Она прижалась лбом к прохладному стеклу балконной двери. С другой стороны о стекло скреблись разросшиеся ветки сосны, закрывавшие почти весь маленький кухонный балкон. Мимис хотел нанять людей, чтобы спилить разросшуюся ветвь, но Лиза не разрешила. И сейчас, мягкие длинные иглы, покрытые капельками дождя, как пальцы рук, усеянные драгоценными камнями, шуршали по стеклу, предлагая дотронуться до Лизиного лица, приласкать и успокоить ее. Ей стало хорошо и спокойно. Пусть это чувство освобождения, исполненности, завершенности длится часами, месяцами, годами... Целую вечность. Она согласна была не испытывать и не переживать больше никаких других чувств, этих было вполне достаточно.

День никак не угасал и страх вернулся. Год тому назад, ночи для нее были безопаснее дня – она знала, что ночью ее не арестуют и навряд ли убьют. В конце марта 1999-го года исчез Адам и, с тех пор, все для нее было «до» и «после». Сколько ей тогда было? Тридцать пять? Китайцы говорят, что сорокалетний рубеж делит жизнь человека на до и после, и что это «после» означает начало новой жизни. Но, входя во вторую половину жизни, человек должен полностью измениться: отказаться от вредных привычек, ненужных людей, покаяться в грехах, изменить внешность и имя. Изъять из себя тот кусок личностной истории, которая свершилась до сорока. Лиза никогда не думала об этом, но судьба, поторопившись на целых пять лет, распорядилась за нее сама.

Отвернувшись от сосновых веток, она с ненавистью уставилась на холодильник, где все еще хранилась еда, пожираемая Мимсом с точностью запрограммированного на потребление и переваривание автомата. Морозильник топорщился от замороженного мяса, полки в кухонных шкафах ломились от круп, макарон, печений, приправ и булочек. Мимис любил поесть и никогда не жалел денег на еду. Ел он, запихиваясь вкусностями, приготовленными Лизой, всегда выбирая самые лакомые кусочки, приговаривая, что он их заслужил, а остальные свое еще наверстают.

Лиза открыла морозильник и вывалила замороженные куски убитых животных в большой полиэтиленовый мешок. Точно также она поступила и со всеми прочими продуктами, а затем пошла в ванную и одним махом сгребла вонючие одеколony Мимиса, а также его полотенца и банные халаты, впитавшие в себя тошнотворный запах выделений его тела. Склонившись над мешком с его вещами, Лиза почувствовала, что ей становится дурно. Она дрожала и, пытаясь затолкать его халаты в мешок, снова и снова роняла их на пол. Даже мертвый, Мимис хватал ее за руки, прижимал к стене и, дыша ей в лицо зловонием давно не чищенных зубов, не давал избавиться от него, от его вещей, от его пищи, от его запаха.

Бросив в мешок электробритву, Лиза выпрямилась и только тогда заметила, что все еще одета в черный брючный костюм.

«Я должна чувствовать облегчение», - уговаривала она себя, быстро освобождаясь от траурного одеяния, - «потому что», - пиджак, который она снимала через голову, так как петли были зашиты, застрял и ей не хватало воздуха, - «потому что», - продолжала она свою мысль, наконец-то освобождаясь от пиджака, - «потому что ненужная, идиотская связь, продолжавшаяся десять лет, оборвалась и никогда больше не возобновится. Все закончилось так, как я хотела, так, как должно было закончиться, так, как суждено было закончиться». Натянув на голое тело джинсы и свитер, она пошла в ванную, схватила полиэтиленовый мешок с продуктами и вещами Мимиса, и выскочила за дверь.

Спустившись в лифте, она оказалась в крытом гараже, который был пуст в этот час. Только темно-зеленый Мерседес мерцал в полумраке среди пустоты. Лиза вспомнила, как ее всегда тошнило, когда она сидела на переднем сиденье рядом со своим мужем во время их редких выездов из дому. Еще больше ее тошнило во время их совместных трапез в тавернах, когда она старалась не смотреть на Мимиса, сидящего напротив, жующего баранью отбивную, куски которой вываливались у него изо рта. И как отвратительные рвотные спазмы сжимали ей горло позже, уже дома, когда он требовал любви, целуя ее тем же ртом, из которого совсем недавно выпадали куски не пережеванного мяса.

Она быстро зашагала к контейнерам с мусором. «Я не должна вспоминать то, что унижало меня, потому что я не хочу снова пережить те неконтролируемые вспышки гнева, когда трясутся руки, когда перед глазами колышется красный занавес и когда так легко убить». Выбрасывая мешок с пожитками Мимиса, она пообещала себе, что в дебрях несчастий и испытаний, свалившихся на ее голову, найдет себя прежнюю и, сделав это, полюбит эту прекрасную, тонкую, умную, умеющую шалеть от любви, восторгов и страсти, женщину. Лиза пообещала снова сделать себя счастливой.

Вернувшись туда, где провела последние восемь месяцев, она снова окинула взглядом квартиру. Все вокруг изменилось, став нейтральным и безличным. Комнаты выглядели почти нежилыми. Мимис больше никогда не вернется сюда. Он умер. Она могла бы пожалеть о нем, как пожалела бы о любом другом незнакомом ей человеке, скончавшемся в разгар весеннего пробуждения, но жалость из ненависти не рождалась. Как ни старался Мимис продлить свое скудоумное существование, он не смог, потому что черпал силы не в природе и мудрости, а в своем эгоизме, до последнего вздоха верой и правдой служа исключительно своим инстинктам.

Зазвонил телефон. Это мог быть кто угодно с соболезнованиями, это мог быть Игнат, это мог быть Джордж, с которым она захотела бы разделить этот вечер. Но даже для него она не сделает исключения. Этот вечер она проведет одна, вспоминая, подводя итоги, суммируя долги. С одним долгом она рассчиталась, но другие остались. Нет, это еще не финал.

Лиза пошла в свою спальню и, раздевшись донага, растянулась на холодных простынях. Наконец она свободна! Свободна! Двери загонов широко распахнуты, но почему-то лошади не рвутся на свободу, их гривы не путаются на ветру, не вздымаются пыль из-под копыт и не застилает горизонта. Загоны пусты, **как пуста и ее душа.**

Она хотела, чтобы поры открылись и ее душа начала дышать – свободно, более не содрогаясь. Она навсегда избавилась от угнетающего присутствия Димитриса Загкоса, от его мучений, от его дремучести, от совместной жизни с ним, которую, на

этот раз, она сама себе навязала. Постепенно она сможет освободиться от ненависти – своей и чужой. Слишком многие ее ненавидели, начиная с многочисленных родственников Мимиса и его сыновей, заканчивая престарелыми женами его братьев, полнившихся ядом, как долго лежавшие на солнце, потрескавшиеся бурдюки со скисшим вином. Слишком много о ней судачили, слишком сильно завидовали ее красоте.

День клонился к вечеру. Капли дождя шуршали по стеклам и стучали по камням дорожки, ведущей к дому. «Я должна поспать, - подумала Лиза, - пусть дождь не кончается, он убаюкает меня». Ночью ей будет страшно и сон не придет. Она разожжет огонь в камине, будет пить красное вино и жечь письма Мимиса, которые зачем-то привезла с собой, и все счета, которые она вытащит из ящиков его письменного стола. Может быть, она заставит себя всплакнуть от облегчения и превратит эту ночь в праздник так долго желанного одиночества.

Все еще обнаженная, не чувствуя холода, Лиза свернулась на кровати калачиком и закрыла глаза.

Детство. Для Лизы это было нескончаемое путешествие, которое никогда не начиналось с ее рождения – ей казалось, она помнила события, происшедшие задолго до ее появления на свет – но оно всегда заканчивалось смертью ее деда. Картинки из того времени вспыхивали в ее мозгу и надолго там задерживались, маня правдоподобными, совсем не поблекшими красками и запахами. Только там, в той жизни, Лиза могла найти себя настоящую и связать общей нитью ту девочку и эту женщину, поверив в то, что эта женщина, скорчившаяся на кровати, есть продолжение той девочки и что у нее тот же цвет волос, форма ногтей, те же ступни и те же огромные серо-зеленые глаза. Только там, в своем детстве, Лиза могла найти и вновь испытать то чувство, которое она считала настоящей любовью. Только там, потому что потом никто ей эту любовь просто так не дарил. Она всегда добивалась любви сама, а, добившись, отвергала, потому что это была другая, абсолютно ненужная ей любовь.

В самые непереносимые часы, разрывая время, она находила убежище в своем детстве. Отведя маленькой Лизе равное место среди взрослых, ее любили бескрайне, безусловно, искренне и очень ей понятно. Однако никто из взрослых не проговорился ей, что любовь может внезапно исчезнуть, как вода в трубах, которую перекрывают, не предупредив. И когда вместо любви, вдруг появилась эта ужасная пустота, девятилетняя Лиза была поставлена перед выбором: умереть от жажды или научиться пить собственные слезы, закусывая их отчаянием и одиночеством. С тех пор, как смерть деда перечеркнула ее детство, разметала семью и уничтожила прекрасный дом с садом, где она родилась, Лиза, не переставая, искала ту самую любовь из своего детства.

Много позже, ей захотелось сотворить ту любовь из своего детства, как воспоминание о большой общей семейной любви из Измаила, для своего сына, но ей этого не удалось. Время, место и люди были другими.

Утро следующего дня выдалось солнечным и жарким. Лиза была занята, собирая и связывая по несколько штук, свои картины, которых накопилось порядком. В картонные коробки она складывала краски, кисти, бутылочки с растворителями, маслами и лаками. Два чемодана были уже упакованы и стояли рядом с входной дверью. Она пошла в свою комнату и забрала цветок, под который все эти месяцы прятала сворованные у Мимиса деньги. Ну вот, кажется, и все. Она присела на диван

и обежала глазами комнату, испытывая непомерную грусть и облегчение одновременно. На стенах, перемежаясь с солнечными пятнами, светлели квадраты от снятых картин, привезенных ею Мимису в подарок. Не пожелав оставить их его некультурным и нечувствительным наследникам, Лиза сняла их и увязала вместе со своими полотнами. Предметы мебели, подобранные со вкусом и купленные по ее совету, а также безделушки, безмолвно жавшиеся небольшими группками по полкам, останутся в этой гостиной дожидаться новых хозяев. Ну что же, им не повезло! Надеясь вещи душою, она сочувствовала им, особенно статуэтке Дон Кихота, привезенной Сью из Испании. Лизе эта статуэтка очень нравилась, но несмотря на то, что все в этих комнатах принадлежало ей, взять ее она не захотела. Зачем? Тут царил он, невыносимый и, в то же время, жалкий старик, она же здесь задержалась ненадолго, найдя пристанище на время. Эта квартира заражена его идиотизмом и надо, как можно скорее, покинуть ее.

Тихие ночные часы она провела, вспоминая свою жизнь, и сейчас задумалась. Выиграла она схватку с судьбой или проиграла? После смерти Димитриса Загкоса у нее ничего не осталось – ни его денег, ни крыши над головой, ни украшений, ни дорогих одеяний. Нежданным подарком для нее оказалась та маленькая дача на Эгине, которую Мимис оставил ей в минуту своего расположения. Как видно, он так и не смог забыть ту единственную ночь, когда она сама к нему пришла, показав ему насколько красивой может быть физическая близость между мужчиной и женщиной. Слияние двух тел – это не похоть, не извращение, не грех и даже не страсть. Это часть той великой красоты, которая однажды спасет мир. Мимис тогда ничего не понял, однако что-то осталось в его памяти, что заставило его испытать благородность, отписав ей этот неказистый домик на острове. В остальном же она опять должна рассчитывать только на себя. Сэкономленные деньги помогут ей оплатить аренду квартиры, которую она собиралась снять. Месяцев на пять хватит. Деньги на его счету, часть из которых он когда-то украл у нее и ее семьи, достанутся его сыновьям. Ей же полагалась часть пенсии ее покойного мужа, на эти деньги она будет покупать еду и краски.

Внезапно у нее возникло ощущение, что ее разрезали пополам. Зная и помня свое прошлое, Лиза совсем не могла представить своего будущего. Она понятия не имела, что станет делать завтра, через неделю или через месяц. Это ощущение полного провала происходило из-за того, что она не знала, где будет жить, не представляла, что увидит из окна своего будущего дома, на какой улице будет засыпать. А, ведь, это так важно в чужом городе! Лиза была одинока и стояла лицом к лицу со своей дальнейшей неизвестной судьбой. Можно было бы успокоить себя тем, что есть Джордж, вальяжный, не любящий суеты и, по-прежнему влюбленный в нее, но на него никогда нельзя было положиться. Можно было бы ободриться верой в Господа и Богородицу, они всегда рядом, но они тоже взирают на нее с высоты, наблюдая за тем, что она предпримет. И тут, главное, не ошибиться.

Сейчас она отдаст ключ консьержке, возьмет такси и поедет в гостиницу. Поживет там несколько дней, пока не подыщет подходящее пристанище (надолго ли?). Она купит газету, обведет красным карандашом заинтересовавшие ее объявления, позвонит Джорджу и, вместе, они отправятся осматривать ее будущее жилье. Он сделает это с удовольствием, поскольку ему ни за что не придется платить.

Сидя в такси, прижимая к груди горшок с цветком, Лиза размечталась, как славно она заживет в своей маленькой квартирке, как будет писать картины, но уже

не с горя, не с зажатой душой, глотая слезы от ненависти и унижения, а со свободным духом, вырвавшимся наружу, с настроением молодой и красивой женщины, с нечаянной радостью, с поездками к морю, с приступами блаженства после близости с желанным мужчиной, иногда со слезами, но и со смехом тоже. Она снова научится смеяться!

К ней будет приезжать Игнат, может быть, приедет и Александра. Да, в ее маленькую съемную квартирку. Она будет водить их в кафе, на базары, покажет им город. Она перестанет быть главой семьи, беспрестанно доказывающей, что ей все по плечу. Она им скажет:

- Это все, что у меня есть. Вернее, у меня нет ничего! Я снова не замужем. У меня почти нет денег и у меня нет дома. Но я свободна! У меня есть мои картины и я хочу написать новые. Я верю в себя, а раз я верю в себя, значит, что-нибудь обязательно получится.

Лиза отвлечется от того, что с ней происходило на протяжении последних десяти лет. Избавившись от одного из обитателей Десятилетия Обмана, она уделит время себе и своей судьбе, но действовать будет осторожно, заглушив в себе природную необузданность чувств. Еще не время становиться собой, еще витает вокруг нее опасность. Уже целый год она безуспешно разыскивает Адама. Усилия ее адвоката принудить его к встрече пока ни к чему не привели. Был ли Адам жертвой или главным действующим лицом, которому удалось выстроить обстоятельства так, что единственным выходом для него стал внезапный побег? Он здесь, в Афинах, в одном с ней городе, так почему же он отказывается встретиться с ней? Чего он так сильно боится – своих ошибок, которые можно было бы исправить, или своей лжи, которую исправить нельзя? Она должна докопаться до истины и найти виновного, потому что этот некто, кто срежиссировал трагические события того мартовского утра, уж очень постарался, не пощадив ни ее, ни ее семью.

Но все это потом. Сейчас она должна найти квартиру и подумать, куда бы пристроить свои картины. Деньги ей нужны, как никогда! И, конечно, она не собирается расставаться с Джорджем Альягасом, очередным обитателем Десятилетия Обмана. Пришло его время...

Продолжение следует.

